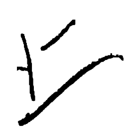


STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СОЧИНЕНІЯ

ДОЛГОРУКАГО

(Князя Ивана Михайловича.)

Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 18 Мая 1848 года.

Ценсоръ *Никитенко*.

БЫТІЕ СЕРДЦА МОЕГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ III^{му} ИЗДАНІЮ.

Бывали часто большія происшествія отъ мелкихъ причинъ. Одинъ иностранный писатель занимался собраніемъ многихъ событій, свидѣтельствующихъ сію истину, и выдалъ книгу, которую всякой читывалъ въ ребячествѣ. Мы, живущіе въ настоящее время, отвергнемъ ли противоположность сего замѣчанія, и не признаемся ли, что часто отъ большихъ причинъ родятся мелкія происшествія? Напр. «Не сгори Москва, не растерзай Французъ всѣхъ библіотекъ въ столицѣ» я бы не печаталъ снова моихъ произведеній. По качеству, довольно бы для нихъ чести таскаться по свѣту и въ томъ нещеголеватомъ видѣ, въ какомъ представляется второе ихъ изданіе (чего для меня больше?); но и того почти вовсе нѣтъ. Для публики это не накладъ; но пріятели мои иначе объ этомъ судятъ, и я приношу имъ здѣсь новую жертву моего послушанія и пріязни.

Первое изданіе моихъ стиховъ, вышедшее въ 1802, году и второе въ 1808, были посвя-

щены женскому полу. Тогда страсти молодыхъ лѣтъ хотя уже не такъ пылко горѣли въ сердцѣ моемъ, однако еще не гасли, и я увлекался живостью моего воображенія далеко, можетъ быть, за предѣлы дозволеннаго. Принеся два раза женщинамъ дань пристрастія моего къ нимъ и плодъ восхищеній, я недавно простился съ ними на бумагѣ и, посвятя имъ же переводъ Филибера, изъявилъ въ предисловіи полную мою признательность сей очаровательной половинѣ человѣческаго рода, которой я обязанъ былъ столь многими счастливыми воспоминаніями въ жизни моей. Полно занимать ихъ собою! полно заниматься самому ими! Пора вспомнить, что я вторую половину столѣтія проживаю — и остаться при одномъ къ нимъ уваженіи.

Приступая нынѣ къ третьему и, вѣроятно, къ послѣднему изданію моихъ стихотвореній и собравши въ немъ все, что я написалъ въ теченіе разныхъ возрастовъ жизни, я хочу сдѣлать книгу мою памятникомъ благодарности — сего превосходнѣйшаго чувствованія изъ всѣхъ тѣхъ, коими Природа снабдила человѣческое сердце; и предъ кѣмъ излію я его нынѣ столь обильно, какъ не предъ Московскимъ Университетомъ, которому я столь много и толикократ-

но въ жизни моей былъ обязанъ? Ему дерзаю посвятить труды мои! ему приношу сей ввѣренный мнѣ отъ него талантъ! — Онъ бѣденъ былъ отъ природы, воздѣланъ мною худо; но по крайней мѣрѣ я его не закопалъ, какъ рабъ лѣнивый, и сіе одно да будетъ его цѣною предъ симъ Святилищемъ Наукъ!

Въ семъ намѣреніи я руководствуюсь уже не тѣми восторгами, кои съ языка срывали и сливали съ пера льстивыя привѣтствія обворожительныхъ страстей; одна умилительная и глубокая признательность правитъ настоящимъ моимъ поступкомъ, и заблужденію нѣтъ никакого мѣста.

Назвавъ книгу мою *Бытіе моего сердца*, я привожу себѣ на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ отъ Университета.

Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами умственнаго свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпущенъ на поприще жизни гражданской. Въ немъ обучался туне. — Тамъ благотворная душа *Шувалова*, пазидательныя попеченія *Мелиссино*, плодовитый геній *Хераскова* образовали умъ и сердце Россіянъ! Память ихъ покровительства и благоволенія ко мнѣ снидетъ со мною во гробъ! — Тамъ искусные воздѣ-

лятели словеснаго вертограда: *Барсовъ*, *Рейхель*, *Ростъ* съ терпѣніемъ и кротостью изучали меня познаніямъ пріятнымъ и столь необходимымъ для жизни счастливой, для достиженія въ мірѣ семъ цѣли спокойнаго существованія, для истиннаго благородства нашего одушевленія. — Тамъ прилежный наставникъ мой отъ самаго дѣтства и опытный руководитель *Чеботаревъ* пролагалъ мнѣ пути къ возвышенной нравственности и, подобіемъ собственнаго сердца своего, убѣждалъ вѣрить, что нѣтъ безъ скромности и добродѣтели благихъ дней въ подлунномъ мірѣ. — Забуду ли тѣхъ прославившихся въ отечествѣ нашемъ людей: *Страхова*, *Курику*, *Политковскаго*, *Кастрова*, коихъ осмѣливаюсь назвать своими сотоварищами по тому только отличному преимуществу, что я удостоенъ былъ чести внимать вмѣстѣ съ ними превосходнымъ лекціямъ нашихъ поучителей, сидѣть рядомъ съ ними на одной и той же лавкѣ, и изъ коихъ каждый, съ снисхожденіемъ обращая на меня взоры свои, преподавалъ мнѣ ту мѣру понятія, какая необходима была, дабы сколько нибудь сблизить страшное разстояніе между ихъ дарованіями и моими слабыми успѣхами? — Забуду ли самыя стѣны тогдашняго храма Музъ, въ которыхъ испыты-

валъ я каждодневно столь великія щедроты Небесъ? — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ и развалины ихъ любезнѣе всего дивнаго въ зодчествѣ нашего вѣка!

Университетъ не удовлетворился обученіемъ меня въ юности. Я вышелъ изъ школъ, но не удаленъ былъ отъ благоволенія его, и вмѣстѣ со вступленіемъ моимъ въ свѣтъ наименовался *авскультантомъ вольнаго Россійскаго Общества.* — Тутъ я, уединяясь отъ шумнаго свѣта, посреди сановитыхъ мужей, учился думать и разсуждать; тутъ я вкоренялъ въ себѣ тѣ пріятныя впечатлѣнія, кои обращали меня съ любовію къ сему благотворному заведенію и кои, столь многія проливъ отрады на всю жизнь мою, присвоили меня Университету до самой старости.

Служба и обстоятельства, казалось, разорвали союзъ мой съ Университетомъ въ продолженіе возмужалости моей; но Университетъ не забылъ своего питомца, и я напослѣдокъ призванъ былъ къ отличію носить званіе Почетнаго его Члена. — Дипломъ его пребудетъ неоцѣненнымъ для меня пріобрѣтеніемъ!

Кто изъ смертныхъ, влачася на житейскомъ морѣ, не сражался съ волнами его, когда оно воздвизалось напастей бурею? Провидѣніе и

мнѣ готовило свои злоключенія. — И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству Порфироноснаго Пѣснопѣвца, съ воплемъ изрѣщи: «*Ближніе мои далече мене сташа*» и тогда кто протянулъ мнѣ дружескую руку? кто притупилъ жало злобы? кто смягчилъ язву собственнаго отчаянія? Паки, и паки Университетъ! Хладнокровно взирая на коловратность отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ меня новой чести, толико уважительнѣйшей, колико паче униженъ я былъ въ своей собратіи, — и нарекъ меня Почетнымъ Членомъ учрежденнаго въ немъ Общества Любителей Россійской Словесности. Новая заря для меня возсіяла! новое солнце изъ бурь на меня проглянуло! Скромность одна налагаетъ на уста мои печать—и я, воздавъ хвалу умершимъ, не смѣю распространить ее на живыхъ, дабы злая догадка досадителей моихъ не отнесла искренняго чувства къ одной лест недостойной моего пера.

Такъ поступалъ со мною Университетъ во всѣ эпохи жизни моей, всегда равно, и въ счастіи и въ несчастіи, въ ведро и въ туманъ, въ торжествѣ и въ уничиженіи: — и я ли забуду сію златую колыбель моего моральнаго младенчества!

Я знаю болѣе, нежели какой бы то ни было критикъ остроумный, или насмѣшливый, или ядовитый, написать можетъ, что мои сочиненія очень недостаточны и что вообще вся книга не стоитъ особеннаго вниманія. Соглашаюсь со всѣми рецензентами прошедшими, нынѣшними и будущими — знаю, что еслибъ, по примѣру многихъ, я принялся обработывать мои произведенія и убрать ихъ почище, можетъ быть, изъ толстой одной книги пустаковъ я бы вырѣзалъ нѣсколько страницъ посредственнаго, и болѣе бы угодилъ разборчивымъ читателямъ; но смѣю привести къ извиненію себя въ томъ, что я дѣйствовалъ иначе, на зло принятымъ правиламъ, по одному собственному своему произволу, слѣдующее простое мое разсужденіе. Оно можетъ показаться ошибочно—я въ этомъ спорить не стану—но *мое*; ибо я люблю быть всегда *Я*, не заимствуя чужихъ нарядовъ.

Еслибъ я издавалъ книгу классическую, еслибъ хотѣлъ свои сочиненія сдѣлать образцовыми для другихъ, какъ *наприм.* въ стихахъ *Ломоносовъ, Державинъ, Мерзляковъ*, а въ прозѣ *Карамзинъ*, тогда бы я привлекъ на себя самую правильную критику; ибо кто учитъ другихъ, тотъ долженъ показать, что онъ самъ основательно выучился. Но я не одинъ уже

разъ увѣрялъ публику и непрестанно твердить ей стану то же: что я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Я никого не назидаю, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ. Читать и писать были всегда мои двѣ стихіи, и ими я живу морально, такъ, какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству. А что̀ писать и читать, и ка̀къ, въ этомъ я слѣдовалъ собственнымъ моимъ побужденіямъ. Пусть винятъ мой слогъ!! — Эпиграфъ заглавной въ книгѣ доказываетъ, что я этимъ не огорчаюсь, лишь бы не порицали моихъ чувствъ, моихъ правилъ, моей нравственности.

Вотъ основа въ моихъ сочиненіяхъ, которую я старался сдѣлать неприкосновенною, прочною! — и смѣю льстить себя надеждой, что укоризны меня не достанутъ. Что же надлежитъ до узоровъ, я ихъ охотно отдаю на жертву кому угодно. По мнѣнію моему, въ такомъ случаѣ лучшее дѣло не покупать и не читать книги, которая нехороша, которая не похожа ни на чью, которая не соображена ни съ римскими, ни съ греческими древними красотами и проч. и проч. Вотъ и все! — А сердиться за что? А браниться, называя ругательства кри-

тикою, позвольте откровенно молвить, и того хуже. Упрямаго автора не исправишь, а себя лишь надорвешь. — Публикѣ барыша мало — самому себѣ живой накладъ.

Смотря на всѣ книги и на свою съ этой точки зрѣнія, я очень мало поправлялъ мои стихотворенія — и въ 3 изданіи также много стараго вздора оставилъ, какъ и въ прежнихъ двухъ, да еще и много новаго прибавилъ; потому что я въ стихахъ моихъ хотѣлъ сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей. Я ни одной бездѣлки, ни одного стиха не вымаралъ потому, что всякой напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, — и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ пути къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты назвали *сердцемъ*. Вотъ ключъ той оригиналь-

ности, которую моимъ сочиненіямъ изволятъ многіе приписывать!

Конечно, предосудительно для великаго творца эпопеи или трагедіи стать выше общаго мнѣнія и попрать деспотически всѣ правила принятаго вкуса; но не ужли и *Феклу* пѣть надобно такимъ же размѣромъ, какимъ пѣвали трубадуры своихъ красавицъ? Отъ этой неволи Боже насъ избави!

И такъ, принеся нынѣ, какъ бѣдный пѣвецъ, убогія мои пѣсни на алтарь Аполлона, я почту себя чрезмѣрно награжденнымъ, если мудрые служители его благосклонною улыбкою продолжатъ во мнѣ то блаженное вдохновеніе Природы, которымъ красится всякая судьба, счастливится всякое уединеніе! — Такъ! Поэзія есть забава молодости, краса средняго возраста жизни и единственная отрада въ старости; и я, испытавъ сію истину, особенно въ послѣднемъ ся видѣ, готовъ признательно сказать, склонясь къ западу дней моихъ:

«Тотъ вѣкъ златой провелъ, кто лирою своей,
«Не славой возгремѣлъ, былъ нуженъ для друзей.

БОГУ.

Mon coeur peut s'égarer, mais il est plein de toi.

ГИМНЪ

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

—

Боже мой! кому иному
Я хвалы въ сей день воздамъ?
Лишь Тебѣ, Творцу благому,
Воскурю днесь оиміамъ.
Въ горній храмъ къ Тебѣ да внидетъ,
Славы жертвенникъ обыдетъ,
И Ты мудрости щитомъ,
Какъ спасалъ меня донынѣ,
Такъ и въ новой сей годинѣ
Сохрани отъ золъ мой домъ!

Ты, мнѣ жизни даръ пославши,
Мой животъ наполнилъ благъ;
Къ Христіанству мя призвавши,
Утвердилъ въ немъ первый шагъ.
Ты мою наставилъ юность,
Вольнодумцевъ наглу буйность
Отъ разсудка отвратилъ,
И, житейскихъ бѣдъ въ награду,
Брака далъ познать отраду
И дѣтьми благословилъ.

Ты страстей тревогамъ лютымъ
Не далъ смертно поражать;
Мыслямъ, гордостью надутымъ,
Запретилъ мой духъ смущать.
Въ день, когда на брань стремился,
Щитомъ вѣры ополчился,
Ты со мною былъ тогда;
При дверяхъ чертоговъ царскихъ
И среди трапезъ боярскихъ
Обрѣталъ меня всегда.

Когда мерзкія внушенья
Врагъ мой сѣялъ на меня
И, подъ игомъ люта мщенья,
Сокрушенъ ужъ падалъ я;
Когда други не познали
И родные одаль стали —
Ты одинъ меня спасалъ;
Человѣка немощь зная,
Грѣхи юности прощая,
Сѣть коварства разорвалъ.

Ты, Свои святы законы
Мнѣ на сердцѣ впечатлѣвъ,
Противъ тѣхъ, кто любитъ стоны,
Воспалилъ мой лютый гнѣвъ.
И когда я подвизался,
Сильныхъ рогъ сломить старался,
Ища истины одной,
Люди мнѣ грозили бѣдствомъ;

Но Ты, совѣсти посредствомъ,
Рекъ: — дерзай! се Азъ съ тобой.

Не мечтая быть несчастнымъ
По сравненію съ царемъ,
Чту предъ тѣмъ свой рокъ прекраснымъ,
Кто меня бѣднѣй во всемъ.
Боже! дай, чтобы въ смиреньи
Я мечталъ себя въ сравненьи
Не съ носящими виссонъ,
Но туда стремилъ бы очи,
Гдѣ съ полдёнъ и до полночи
Голодъ, скорбь, недугъ и стонъ!

Сколько въ свѣтѣ тѣхъ несчастныхъ,
Для которыхъ все—бѣда;
Въ недостаткахъ повсечасныхъ
Нѣтъ имъ къ радости слѣда.
А мнѣ Богъ, даруя пищу,
Далъ еще, что̀ дать и нищу,
И всего на нужду есть.
Между добрыми сердцами
Еще я могу друзьями
Безъ ошибки двухъ, трехъ счесть.

Боже мой! кому жъ иному
Мнѣ хвалу въ сей день воздать?
Не вѣмъ Богу я чужому
Колѣнъ, сердца преклонять.
Ты, всевѣдущее Око!
Ставь отъ зла меня далеко;

Ты бо вѣси, сколь я слабъ.
Усмири коль вознесуся,
И да съ правды не споткнуся,
Помня вѣкъ, что я Твой рабъ.

АКРОСТИХЪ.

Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

Блаженъ, кто Божества щедроты ощущаетъ,
Умъ дерзкій обуздавъ, на Бога уповаетъ,
Душою чтитъ Его, всей мыслію любя,
И съ жребіемъ своимъ вручилъ Ему себя!
Изъ тмы создавый свѣтъ вселенной всей Зиждитель,
Морей и суши Царь! будь дней моихъ хранитель!
Я истины прямой стези всегда ищу;
Гнушаясь всякой лжи, правдивымъ быть хочу.
О! сколь погрѣшно я законъ Твой разумѣю,
Суетъ мірскихъ оплотъ расторгнуть не умѣю;
Пріятности любви вкушая льстивый ядъ,
Обманутъ всякой день я чаяньемъ отрадъ;

—

Дражайшею мечтой плѣняясь ежечасно,
Неволею влекомъ туда, гдѣ сердце страстно;
Единственно ему стремяся угождать,
Блаженствомъ чту въ любви всечасно возды-
хать,
Ловя, какъ-будто тѣнь, минуты безполезны.
Ахъ! слабъ я предъ Тобой одинмъ—лить токи
слезны;
Господство чувствамъ давъ и умъ разсѣявъ весь,
О чемъ, о чемъ пекусь я, пресмыкаясь здѣсь?
Судьбу, а не себя, напрасно укоряю,
Лукавства весь сосудъ до-суха испиваю;
Отъ счастія далёкъ, хотя бѣгу за нимъ:
Все страхъ въ душѣ моей — все тма глазамъ
моимъ.
Ей, тако я живу, жить иначе не зная;
На благости Твои, Всесильный, уповая,
Незыблему на нихъ надежду воспріявъ,
О, Боже! отъ Тебя жду новый умъ и нравъ.
Отторгни, разорви несовершенства узы!
Ты можешь, Боже! все: въ Твоей рукѣ союзы,
Непостижимо персть связавшіе съ душой
И сущіе въ борьбѣ всегда между собой.
Не зрѣть въ Тебѣ Отца, но судію лишь строга,
Есть мука всѣхъ лютѣй; — коль сладко видѣть
Бога
Источником всѣхъ благъ, началомъ райскихъ
дней,
Душевныя тоски отрадой чтить своей.
О, Боже! всяка тварь—песчинка предъ Тобою!
Владѣя тмой міровъ, владѣешь Ты судьбою

Естественныхъ страстей предѣлы сохраня,
Ко мнѣ всещедрый взоръ и слухъ свой преклоня,
Адъ сердца утоли — и успокой меня!

РАЗМЫШЛЕНІЕ О СМЕРТИ.

Rendons graces à la nature
Et remettons lui sans murmure
Ce que nous en avons reçu.

—

Напрасно, мню я, человѣки
Боятся смертнаго часа,
Напрасно льютъ они слезъ рѣки,
Когда ихъ времени коса
Какъ листъ осеннiй бреетъ съ поля,
На что Всевышняго есть воля;
Что въ чинъ природы введено,
То вредно быть для насъ не можетъ:
И такъ, вотще всѣхъ насъ тревожитъ,
Что намъ кончаться суждено.

Представимъ мы, что между нами
Еще живутъ Адамъ и Ной,
Царей украшенныхъ вѣнцами
Вообразимъ огромный строй,

Всѣхъ странъ вождей побѣдоносныхъ,
Тирановъ сильныхъ и несносныхъ,
И сей одушевленный гадъ,
Который чернью называютъ
И тысячами вдругъ считаютъ
Въ ревнжскихъ сказкахъ наугадъ.

Увы! куда бъ тогда дѣваться
Такому множеству людей?
Вселенна бъ стала колебаться
Отъ массы движущихся въ ней.
Тогда не царства межъ собою,
Одна чета съ другой четою,
За пай земли сразясь до слезъ,
Кровей исполнили вселенну,
Воспламенили въ ней геенну,
Затмили дымомъ сводъ небесъ.

Наслѣдства всѣ бъ исчезли права,
И каждый сталъ насильствомъ жить;
Одна естественна управа
Законы вздумала бъ чертить,
Для жилъ пространства бы не стало,
Для пищи злака было мало
И для питья воды въ моряхъ;
Съ людьми звѣрь хищный бы сразился,
На общихъ пажитяхъ кормился,
Дѣлилъ овраги съ нимъ въ лѣсахъ.

Но смерть всему предѣлы ставитъ:
Враждамъ опредѣляетъ срокъ,

Среди злодѣйствъ злодѣя давитъ,
И страшенъ всѣмъ послѣдній рокъ.
Земля, свои храня законы,
Скрываетъ труповъ милліоны,
Межъ тѣмъ, какъ новый родъ растетъ;
И тамъ, гдѣ предковъ гробы тлѣютъ,
Потомки ихъ пшеницу сѣютъ,
Живой на мертвомъ хлѣбъ свой жнетъ.

Отецъ владѣлъ и наслаждался,
Родилъ дѣтей — пригрѣлъ, соблюлъ;
Птенцы вспорхнули, онъ скончался,
Свершивши подвигъ свой — уснулъ.
Угодно такъ Творцу правдиву,
Чтобъ всякъ изъ насъ шалашъ свой, ниву
Другому здѣсь передавалъ;
Чтобъ все изъ бренія раждалось,
Среди теченія кончалось,
И міръ въ себѣ себя мѣнялъ.

Войдемъ во храмину страдальца,
Со всѣхъ несчастнаго сторонъ —
Бѣднякъ не можетъ тронуть пальца,
Въ немъ признакъ жизни: только стонъ—
Когда бы смерть ему не льстила,
Какая бъ въ немъ душевна сила
Могла снести такой животъ?
Но слячень, бѣдствуетъ всечасно,
И смерть, мгновенье столь ужасно,
Онъ зритъ наполненнымъ красотъ.

Заглянемъ въ страшныя темницы,
Гдѣ стража, не воздремля, бдитъ,
Гдѣ мрачны обвиненныхъ лица
Грызенье совѣсти томитъ;
Тамъ жизнь есть образъ муки вѣчной,
Какой въ щедротахъ безконечной
Ни въ адѣ Богъ не сотворилъ:
Какъ странникъ ждетъ въ степи прохлады,
Такъ узникъ чаетъ той отрады,
Чтобъ дни его Творецъ свершилъ.

Куда бы кто изъ насъ укрылся
Отъ злобы хитраго врага,
Когда бы самъ онъ не страшился,
Что сломитъ смерть ему рога?
Летитъ и дѣйствуетъ злонравный;
Но въ самый тотъ моментъ тщеславный,
Когда куетъ весь міръ, тиранъ,
И даже небо сдвинуть хочетъ,
Плутонъ во адѣ серпъ свой точитъ,
Махнулъ — и трупъ восхитилъ вранъ.

И такъ, судебъ опредѣленье,
Чтобъ тлѣну смертью былъ предѣлъ;
Отнюдь не зло, — благотворенье
Для утомленныхъ нашихъ тѣлъ.
Чего жъ такъ много мы боимся?
Исчезнетъ страхъ, коль убѣдимся,
Что Пастырь добрый насъ пасетъ,
Который все на пользу строитъ,

И старца на одрѣ покоитъ,
И въ люлькѣ дѣтище блѣдетъ.

Одинъ порокъ для насъ опасенъ;
И чѣмъ онъ больше въ жизни льститъ,
Тѣмъ, ближе къ гробу ставъ, ужасенъ,
И узы плоти тяготитъ.
Но если сердце благородно
Питаетъ чувство превосходно,
Любовью къ вѣчности горя,
Тогда сей свѣтъ, сколь ни плѣняетъ,
А смерти мигъ всегда бываетъ
Какъ утра краснаго заря.

МЕРТВЫМЪ.

De mortuis aut bene, aut nihil.

Объ мертвыхъ иль добро реки, или молчи.

НА КОНЧИНУ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

—

Зри смертнаго предѣлъ—и слезы лей, Царица!
На хижину и тронъ Всевышняго десница
Равно простерла скорбь, недуги и печаль.
Въ порфирѣ ты—все мать и дщери мертвой жаль!
Давно-ль она цвѣла?—давно ли на престолѣ,
Избранная судьбой жить въ радостнѣйшей долѣ,
Возвысила вѣнецъ душевной добротой,
Цѣной ея купя всѣхъ подданныхъ покой?
Часъ рока наступилъ, и мечъ его ужасный,
Чтò смертью мы зовемъ, сей жизни врагъ все-
часный
Ей тлѣнію гробовъ быть жертвою обрекъ;
Средь благъ земныхъ, во прахъ низверженъ че-
ловѣкъ!

О, лютое души родительской мученье!
Какое, кто тебѣ предложитъ утѣшенье?
Какой витійства слогъ удобенъ врачевать
Того, кто осужденъ плодъ чрева потерять?
Марія! плачь; земля Твоимъ стенаньямъ внем-
летъ
И само Небо ихъ со благостью пріемлетъ.
Россія! возрыдай; не изъ обряда льстя.
Гласъ сердца вопіетъ: она — твое дитя!
Забудешь ли, что та, чей жребій совершился,
Чей духъ, отъ тѣла взятъ, на небо преселился,
Въ твоихъ странахъ родясь, воспитана, взросла
И Россіянкой быть своимъ трофеемъ чла?
Забудешь ли ея въ тебѣ благотворенья,
Въ наитіе судьбы, въ жестоки искушенья?
По качествамъ души, превыше трона ставъ,
Хранила Вѣры долгъ, отечества уставъ;
Въ чужія племена союзомъ увлеченна,
Ей родина была повсюду драгоцѣнна;
Съ участіемъ о ней пріемля добру вѣсть,
Чадъ Сѣвера хвалу себѣ вмѣняла въ честь.
И вспомни, наконецъ, что имя той носила,
Чьей славою громка твоя донынѣ сила!
Екатерина тамъ въ Екатеринѣ зритъ
Низшедшій отъ нея духъ кротости и видъ;
Праматериныхъ дѣлъ издѣтства бывъ свидѣ-
тель,
И внука возвела на тронъ свой добродѣтель!
Природа въ колыбель ей всѣ дары дала,
А генія печать отъ Неба пріяла;
Но смертнаго, увы! суть кратки дни блаженства

И вмалѣ скрыть отъ насъ сей образъ совер-
шенства!

Такъ! скрылася ты отъ глазъ, но вѣкъ живи
въ сердцахъ!
Да будетъ о тебѣ услышанъ въ небесахъ
Плачь матери твоей, въ молитвѣ сокрушен-
ной,
Супруга тяжкій вздохъ, въ тоскѣ уединенной,
И тайный сей глаголъ, понятный только тамъ,
Гдѣ Богъ — единъ есть Царь, весь міръ — единъ
есть храмъ!
Стонъ горестныхъ сиротъ въ странѣ, тебѣ под-
властной,
Исторженныхъ тобой изъ участи злосчастной!
Уступитъ ли въ слезахъ отечество твое?
Родимый градъ Петровъ, гдѣ воды, камень — все,
Младенческихъ твоихъ годовъ воспоминанье
Златого вѣка намъ животворитъ преданье!
Москва, къ которой ты, средь лучшихъ жизни
лѣтъ,
Приближась къ ней, была восторга всѣхъ пред-
метъ,
Науки, письмена, художества свободны
Потомству предадутъ твой Геній превосход-
ный.
Чрезъ долгой рядъ вѣковъ, въ молвѣ земныхъ
судьбинъ,
Сольются имена тѣхъ двухъ Екатеринъ,
Изъ коихъ во Второй духъ творческій познали,
Подобіе Ея жъ въ послѣдней обожали.

А Ты, смиривъ чело предъ промысломъ Творца,
Страдающая мать! подъ тяжестью вѣнца
Щитъ Вѣры восприми, собравъ душевны силы,
И дщерей въ лѣпотѣ трикратныя могилы
Какъ жертву принеси покорности своей
Небесному Царю, владѣющу землей!
Чѣмъ выше насъ Ты здѣсь, тѣмъ ближе къ взо-
ру Бога;
А горести — къ Нему вѣрнѣйшая дорога.
Очищенна душа, въ горнилѣ лютыхъ бѣдъ,
Паритъ на небеса подъ знаменемъ побѣдъ.
Воззри! коль широка россійскихъ странъ ограда!
Владыка ихъ — Твой Сынъ! народъ — Твои же
чада!
Ихъ мысли, чувства, взоръ къ Тебѣ обращены;
Всѣ блага ихъ въ Твоей судьбѣ заключены;
Хвала летитъ изъ устъ, отъ всѣхъ сердецъ лю-
бима,
А подданныхъ любовь—за гробомъ діадима!! —

НА КОНЧИНУ

Митрополита московскаго Платона.

Скончался велій Мужъ — россійскій Злато-
устъ,
Виѳанскій вертоградъ явился мраченъ, пустъ;

Уже прiяла въ снѣдь готовая пещера
Скудельный храмъ того, кого взрастила Вѣра!
Безсмертная душа на небеса паритъ,
У гроба въ тишинѣ Унынье присѣдитъ,
И прахъ его кропя чувствительной слезою,
Святителя блажитъ, любимаго Москвою.
Четыредесять лѣтъ Христовъ подвижникъ сей,
Владычна Дома стражъ, наставникъ былъ царей.
Умолкла проповѣдь, которой всѣ плѣнялись,
И князи, и рабы, и старцы умудрялись;
Вѣщанiямъ его желали всѣ внимать,
Изъ устъ его текла рѣкою благодать;
Каѳедры не скверниль онъ лестью фарисейской,
Языкъ его былъ мечъ на брани здѣсь житейской;
Единому Творцу какъ вѣрный рабъ служилъ,
А ближнему, какъ другъ, животъ свой посвятилъ;
Напитанный прямымъ Евангельскимъ ученьемъ,
Онъ крестъ различныхъ золъ умѣлъ носить съ терпѣньемъ;
Любилъ величить Домъ небеснаго Царя,
И всё, что ни стяжалъ, повергъ у Алтаря;
Пѣлъ Богу сладку пѣснь во храмахъ и пустынѣ;
И руки простиралъ со трепетомъ къ святынѣ!
Въ училищѣ — отецъ, въ бесѣдѣ — любословъ,
Въ обители — монахъ, а въ кельѣ — философъ;
Грядущаго искалъ средь временнаго града;
Зря волка на пути, не бѣгалъ прочь отъ стада:
И Богъ, смутя врага, не попустилъ его
Ступить на мирный прахъ Левита своего.
Се нынѣ день насталъ душевныя свободы!

Путь узкій совершивъ, кинь ризу здѣсь природы
И смертное сіе, въ безсмертье облекись,
О, Пастырь мудрый нашъ! въ Едемѣ водворись;
Нетлѣнной жизни зря десницу совершенну,
На лонѣ праотцевъ наслѣдуй мзду блаженну!
А вы воздайте дань Владыкѣ своему,
Смиритеся предъ нимъ, простите все ему!
Еще въ послѣдній разъ, служители церковны!
Составьте въ честь ему печальный ликъ духовный,
Рекните въ полный слухъ, — и вамъ восплещетъ свѣтъ:
Владыкъ соборъ великъ, — но, ахъ! Платона нѣтъ!

НА КОНЧИНУ ДОЧЕРИ МОЕЙ, Княж. М... И...

Того, что сдѣлалъ Богъ, нельзя перемѣнить;
Онъ самъ, хотя великъ, не склоненъ измѣнить
Порядку естества, уставленну отъ вѣка.
Создавшій тлѣнный міръ и перстна человѣка,
Въ законѣ положилъ непостижимъ Творецъ
Ничтожество вещамъ и существамъ конецъ.
Ужель изъ ничего извлекъ онъ всю вселенну,
Постылую въ бѣдахъ, и въ счастьи драгоцѣнну,

На то, чтобъ кажда тварь уставъ природы въ ней
Могла перемѣнять по прихоти своей? —
О, нѣтъ! о Богѣ такъ напрасно помышляемъ,
Великимъ чтимъ Его, а малымъ представляемъ;
Одинъ лишь смертный жить не можетъ безъ того,
Чтобы вокругъ себя не шевелить всего;
Нѣтъ мыслей въ немъ, ни чувствъ отъ суеты свободныхъ.
Не такъ свой правитъ міръ Владыка земнородныхъ;
Онъ твердъ, какъ адамантъ, въ могуществѣ своемъ;
Заботъ житейскихъ чуждъ и нѣтъ неправды въ Немъ.
Назначивъ небу кругъ, землѣ ея движенье,
Безъ слабости глядитъ на жертвоприношенье.
Все въ свѣтѣ естеству покорно быть должно;
Терпѣть и уповать — вотъ всё, что̀ намъ дано!
Коль бросимся въ огонь — конечно, обожжемся,
Коль сунемся въ потокъ — водою захлебнемся;
Здоровый атеистъ удобенъ жить сто лѣтъ,
А праведникъ больной и въ полъ не доживетъ:
И такъ мы, относя подобныхъ намъ въ могилу,
Вотще винимъ Небесъ содѣйствующу силу;
Какіе соки намъ дадутъ отецъ и мать,
Такъ будемъ поздно жить, иль рано умирать.

Богъ дѣйствуетъ на духъ и подвиги душевны,
А плоть — гнилой сосудъ, вещественныя скверны,
Творецъ взялъ изъ земли и куклу сотворилъ;

Расшибся истуканъ - прахъ въ землю возвратилъ;
Тамъ паки изъ него, чудеснымъ измѣненьемъ,
Земля питаетъ міръ другимъ произведеньемъ;
А если вѣру дать, что каждый человѣкъ
Не иначе вершитъ физическій свой вѣкъ,
Какъ въ часъ, самимъ Творцемъ на то опредѣ-
ленный,
То, Господи! прости мой ропотъ дерзновенный —
Возможно ли Тебя жестокимъ намъ не чтить,
Когда велишь жену и чадо хоронить,
Когда любви союзъ священный расторгаешь,
Безъ жалости отца дѣтей его лишаешь?
Нѣтъ! вѣрить не хочу, не буду никогда,
Чтобъ Богъ, Которымъ я живу, дышу всегда,
Богъ мира и щедротъ, предъ Кѣмъ благоговѣю,
Со трепетомъ служу, понять недоумѣю,
Велѣлъ вокругъ меня семейству умирать,
А мнѣ все пережить и слезъ не осушать?

Натура! ты одна въ страдательномъ стремленьи
Безъ умысла творишь подобныя явленья:
Лишаешь насъ отцовъ, супругъ и даже чадъ,
Не зная никакихъ въ пути своемъ преградъ;
Какимъ ударомъ ты меня не поразила?
Всѣ стрѣлы скорби злой, всѣ въ грудь мою
вонзила:
Лишила ты отца — я сирымъ быть узналъ;
Сестру ты отняла — я въ дружбѣ возстеналъ,
Все мало — ты жены явила мнѣ кончину,
И бѣдъ, какимъ нѣтъ словъ, влекла меня въ
пучину;

Чуть, чуть духъ перевелъ въ сообществѣ дѣтей,
И *Машеньку* взростя, сталъ видѣть уже въ ней
Тотъ образъ божества, что̀ мать ея казала,
Когда въ ея душѣ моя свой рай вкушала, —
Какъ вдругъ свое дитя въ могилѣ я узрѣлъ!
Остыла въ жилахъ кровь — я весь оцѣпенѣлъ;
Всѣ громы ярыхъ бѣдъ въ меня, какъ въ цѣль,
попали!
Чѣмъ, Небо, долженъ я Тебѣ кромѣ печали?—
О, ужасъ естества, какого выше нѣтъ!
Родитель еще живъ, а чадо уже мретъ!
Откуда, изъ какихъ ущелинъ мрачныхъ ада
Бѣда бѣжитъ въ мой домъ, какъ вихорь полный
смрада?
Тебѣ, мой Богъ! Тебѣ, слезяся день и ночь,
Повѣдаю тоску, что я не вижу дочь, —
Природѣ долгъ плачу разрывомъ узъ тѣлесныхъ;
Но Ты, душъ нашихъ Царь, во областяхъ не-
бесныхъ
Съ Евгеніей въ раю Марію водвори,
И долу на меня взоръ милости простри!
Увѣрь мой слабый умъ, сколь вѣрить онъ удо-
бенъ,
Что язвы сердца Ты уврачевать способенъ,
И такъ, какъ спасъ Ты ихъ, соединя съ Собой,
Спаси меня и всѣхъ оставшихся со мной!!

На кончину Ивана Ивановича Шувалова.

Шуваловъ! и твоей скончался жизни день!
Ночь смертна на тебя свою простерла тѣнь!
Твой духъ, оставя персть и образъ свой тѣлесный,
Паритъ превыше сферъ, проникнувъ сводъ небесный.
Блаженная душа! лети въ эдемскій рай,
И добрыхъ дѣлъ во мзду часть праведныхъ вкушай!
Скончавъ въ юдоли сей путь жесткій, скоротечный,
Въ селеніи благихъ животъ наслѣдуй вѣчный!
Суетъ мірскихъ испивъ обильну чашу здѣсь,
Познай, коль краше ихъ стократъ небесна весь!
Узри лицемъ къ лицу Зиждителя вселенной:
Се таинственный къ намъ обѣтъ Его безцѣнной;
Услыши стройный хоръ безплотныхъ всѣхъ чиновъ,
Поющихъ сладку пѣснь: Осанна, Саваоѳъ!

Но если, тлѣнну здѣсь совлекши плоти ризу,
Удобенъ ощутить, что̀ дѣлается низу,
Внемли, что о тебѣ Россіяне рекутъ,
Любимцы Музъ гласятъ, витіи вопіютъ:
Протектора, увы! наставника лишенно,
Святилище Наукъ въ унынье погруженно;

Водимый въ немъ твоей брежливою рукой,
Учитель, ученикъ, омыты всѣ слезой.
Внемли, что́ о тебѣ питомецъ твой слагаетъ!
Не красну слогомъ рѣчь, онъ душу изливаетъ,
Колико́й милостью обязанъ онъ тебѣ;
Ты съ юныхъ лѣтъ въ его участвовалъ судьбѣ.
Склони отъ горнихъ странъ твой взоръ къ его
печали!
Достоинства твои всегда его плѣняли.
Но если при тебѣ еще не славилъ ихъ,
Кто зналъ бы, что не лесть вина похвалъ та-
кихъ?
Доколѣ человѣкъ на свѣтѣ мочь являетъ,
То всякъ языкъ его блажитъ и восхваляетъ;
Когда же взятъ твой духъ, Шуваловъ, отъ
земли,
Прими моихъ слезъ дань и истину внемли!
Ты подвигъ совершилъ честнаго человѣка,
Усердіемъ къ добру полезенъ былъ полвѣка;
Царямъ ты былъ слуга и царства сынъ прямой;
Не случаемъ однимъ, ты высился душой;
Путями идучи единой только чести,
Не жадничалъ ты быть кумиромъ подлой лести.
Ко славѣ бранной рокъ не клалъ тебѣ слѣда;
Блаженства тамъ не зрѣлъ, гдѣ чья-нибудь бѣда.
Чужихъ земель людей на распри вызывая,
Великимъ быть не мнилъ, кровь ближнихъ про-
ливая;
Среди своихъ гражданъ любя добро творить,
Соотчичей своихъ старался просвѣтить.
Отцовъ и матерей судьбу взыскавъ убогу,

Ты чадъ ихъ воспиталъ, далъ къ счастью имъ дорогу.
Устроилъ для наукъ великъ въ столицѣ храмъ;
Благословляемъ былъ и вѣчно будешь тамъ;
Свидѣтели тому — обширно Россовъ царство,
Духовные чины, мѣщане и боярство,
Сколь пользы имъ принесъ нашъ университетъ!
Въ какихъ здѣсь должностяхъ его питомцевъ нѣтъ!
Служитель Вѣры въ немъ и пастыри учились;
Въ Ѳемидиныхъ дворцахъ чиновники явились;
Ученыхъ видимъ въ немъ сословіе мужей,
Имѣемъ мы витій, піитовъ и врачей:
Вотъ вѣчной чести плодъ! за гробомъ онъ не вянетъ.
Тебя, Шуваловъ! симъ Россъ славить не престанетъ.
Колико произвелъ ты нравственныхъ людей,
Толико въ ихъ сердцахъ имѣешь алтарей!
Блаженъ тотъ міра край, отлично счастье граду,
Которому Богъ далъ такихъ мужей въ отраду!
Коснусь я, сколько зрѣлъ тебя въ твоей семьѣ:
Ты благъ и кротокъ былъ, тебя любили всѣ.
Не скажетъ про тебя злодѣй, скрипя зубами,
Ядъ аспидовъ лія коварными устами,
Что сдѣлать не умѣлъ ты зла, или не могъ:
Убойся, клевета! отмститъ тебѣ самъ Богъ!
Нѣтъ, память въ родъ и родъ тѣхъ красныхъ дней пребудетъ,
Никто о томъ сказать потомству не забудетъ,
Что нѣкогда бы могъ Шуваловъ погубить;

Но въ чувства, въ сердце, въ духъ не могъ онъ зла вмѣстить.
Не ставилъ онъ ума въ томъ крайня совершенства,
Чтобъ счастье сдать свое на счетъ чужихъ блаженства;
Чтя Бога и умомъ и сердцемъ завсегда,
Нечестія стезей не шелъ ты никогда.

Прости, почтенный мужъ! прости, мой благодѣтель!
Прими достойну мзду за Вѣру, добродѣтель!
Я въ жертву приношу одну лишь грусть мою,
И сердца въ простотѣ вѣщаю рѣчь сію:
Мой вздохъ и капля слезъ твой гробъ не украшаетъ,
Но въ горнихъ тѣхъ странахъ, гдѣ духъ твой обитаетъ,
Не ставятъ ни во что тѣхъ почестей земныхъ,
Чѣмъ гордость рядитъ прахъ несчастныхъ жертвъ своихъ.
Я, въ бѣдномъ словѣ семъ воздавъ благодаренье,
Всевышнему творю теплѣйшее моленье,
Да твой, въ нетлѣнье вшедъ изъ тлѣнныхъ здѣсь оковъ,
Почіетъ въ Богѣ духъ во вѣки всѣхъ вѣковъ!—

На кончину Г. Горича.

Когда гласъ радости повсюду раздается,
О благѣ Россіянъ вездѣ несется слухъ,
Невольно изъ очей моихъ токъ слезный льется,
Изъ радости въ печаль преходитъ вдругъ мой
духъ.

Очаковъ взятъ — сіе всѣ чувства восхищаетъ!
Въ немъ Горичъ умерщвленъ — сіе зоветъ къ
слезамъ.
Сей истинный герой въ землѣ опочиваетъ,
Лишенъ отрады внять сплетаемымъ хваламъ.

Среди юнѣйшихъ лѣтъ во бранѣхъ навыкая,
Не титловъ лишь однихъ военныхъ онъ искалъ:
Прямымъ героемъ стать всѣхъ паче благъ желая,
Врагамъ Россіи мстить онъ яростно пылалъ.

Безстрашно Горичъ днесь къ Очакову стремился,
Принесъ Россіи въ даръ храниму жизнь для ней;
И крѣпость одолѣвъ, на ней лишь утвердился,
Какъ рокъ пресѣкъ его теченье хвальныхъ дней.

Оружіе любя, любилъ и добродѣтель;
Бывъ добрый человѣкъ, коварствъ гнушался онъ.
Я лично его зналъ, и самъ тому свидѣтель,
Что честности ему всегда былъ святъ законъ.

—

Хоть смерть его славна, а жаль его неложно.
Оплаканъ всѣми сынъ отечества прямой;
Но жизни возвратить ему уже не можно,
А звуку торжества противенъ стихъ такой.

Пусть любящій его печаль тѣмъ облегчаетъ,
Что Горичъ доблестью безсмертье получилъ;
Что общая молва всѣхъ странъ о немъ вѣщаетъ:
Онъ славный вѣкъ провелъ, и славну смерть вкусилъ!

На кончину Ф. М. Толстова.

Познавши здѣшнихъ странъ мечтательно блаженство,
Окончилъ ты, Толстой! недолголѣтній вѣкъ;
Прямого счастья днесь познаешь совершенство:
Безсмертенъ сталъ ты тамъ—здѣсь былъ лишь человѣкъ.

Кто милости творилъ, обиду ненавидя;
Кто могъ, и не хотѣлъ на ближняго возстать;
Кто, счастья надъ собой утѣхи лестны видя,
Надменности умѣлъ соблазны отражать:

Тому по смерти въ рай назначена дорога. —
Ты былъ таковъ, Толстой! лети въ объятья Бога,
И буди отъ Него стократно награжденъ!

А вы, супруга, сынъ, друзья, его лишенны!
Коль истинной къ нему любовью воспаленны,
Престаньте слезы лить . . . теперь-то онъ блаженъ!

На кончину Ф. И. Глѣбова.

Не гордость, людямъ въ изумленье,
Поставила здѣсь камень сей;
Его воздвигло сокрушенье,
Любовь жены — и жаръ дѣтей.

Онъ тѣло Глѣбова скрываетъ,
Который въ правдѣ вѣкъ изжилъ,
И правды сей молва вѣщаетъ,
Что добръ, уменъ и честенъ былъ.

Возвышенъ чувствомъ и душою,
Усерденъ царству и царямъ,

Былъ, жертвуя самимъ собою,
Роднымъ родной — и другъ друзьямъ.

Блаженна душъ такихъ дорога!
Оставя сей плачевный край,
Идутъ онѣ въ объятья Бога.
Здѣсь плоти гробъ — тамъ духа рай!

На кончину П. Ф. Глѣбова.

Оставя мать, жену, дѣтей,
На небо Глѣбовъ преселился,
Къ Создателю природы всей
Отъ нашихъ глазъ навѣкъ сокрылся.

Здѣсь видимъ мы въ могильномъ снѣ
Твоей лишь плоти измѣненье;
Тамъ духъ твой въ сладкой тишинѣ
Вмѣстилъ ужъ Бога лицезрѣнье.

Кто честь и нравы сохранилъ,
Свершилъ тотъ вмалѣ долги лѣта;
А ты отечество любилъ
Превыше всѣхъ сокровищъ свѣта:

На кончину И. И. Нарышкина.

Людей скончавшихся тѣла
Надгробны камни сокрываютъ;
Но славой память ихъ вѣнчаютъ
Одни лишь добрыя дѣла.

Нарышкинъ, коего здѣсь прахъ
Съ землей навѣкъ соединился,
Благотвореньемъ вкоренился
Во всѣхъ пріятельскихъ сердцахъ.

Сюда придутъ его друзья
Прославить жизнь его хвалою,
Омочитъ прахъ его слезою
Благословенная семья.

А Ты, Творецъ! на жертву ихъ
Склони Свой взоръ сквозь неба своды,
Отверзи мертву рая входы
И уврачуй болѣзнь живыхъ!

На кончину Кн. Е. П. Долгоруковой.

О, смерть! ничто тебя, ничто не отвращаетъ;
Ты рвешь и красоту и молодость губишь;
Твой алчный, страшный зѣвъ все въ свѣтѣ поглощаетъ;
Предѣлъ твой вѣренъ, твердъ—его не избѣжишь.

Княгиня! съ нами ты разсталася навѣки;
Не зрятъ уже тебя ни дѣти, ни супругъ;
Бесѣды твоея не слышатъ человѣки:
Приспѣлъ глаголъ судьбы—тебя не стало вдругъ.

Ты краткій мигъ жила, но мигъ невозмущенный;
Какъ ясный день весны, онъ чистъ и свѣтелъ былъ;
Незлобіемъ твой духъ и дружбой лишь прельщенный,
Дыханія страстей въ себя не допустилъ.

Какъ чистой жертвы даръ и непорочной Богу
Несется отъ земли душа честныхъ людей,
Отверзту предъ собой зришь прямо въ рай дорогу.
Се нынѣ ты познай всю цѣну части сей!

Мы Вѣры нашей чтимъ сладчайшія награды,
И знаемъ, что съ тобой увидимся мы тамъ;

Но страждущимъ сердцамъ, увы! въ томъ нѣтъ
отрады
Въ тотъ часъ, когда сокрытъ любезный видъ
очамъ!

Какъ ближній, я грущу, что рано жизнь скончала;
Какъ родственнику, мнѣ тебя всѣмъ сердцемъ
жаль!
Горячая слеза моя на гробъ твой пала —
Вотъ жертва вся моя! . . . мой даръ — одна
печаль!

На кончину Кн. Н. С. Долгоруковой.

Княгиня! если ты въ селеніяхъ небесныхъ
Удобна видѣть то, что̀ дѣлается здѣсь,
Взгляни на скорбь друзей, прими дань слезъ не-
лестныхъ:
Вздыханьемъ о тебѣ твой домъ наполненъ весь.

Незлобиво ты жизнь свою препровождала,
И скромнымъ шла путемъ къ кончинѣ живота,
Ты къ сердцу своему сердца всѣхъ приближала;
Твой духъ не потрясла мірская суета.

Сколь мужественъ онъ былъ, явило то терпѣнье,
Съ какимъ сносила ты страдальческій недугъ.
Оказывая всѣмъ пріязнь и снисхожденье,
Всегда равно была готова для услугъ.

Съ чувствительной душой ты острый умъ имѣла,
Любила въ жертву несть для дружества себя,
И смерть сама за то, и смерть почтить хотѣла—
Безъ ужасовъ она коснулася тебя.

Отверзлася тебѣ дверь вѣчнаго покоя;
Ты тамъ уже, ты тамъ, гдѣ дней печальныхъ
нѣтъ.
Сверши надъ сей душей, въ раю ее устроя,
Сверши, Великій Богъ! таинственный обѣтъ!

Да снидетъ на нее, за добру жизнь въ награду,
Неувядаемый безсмертія вѣнецъ!
Ты взялъ ее — Ты дай оставшимся отраду,
И язвы уврачуй болѣзненныхъ сердецъ!

А ты, чей нынѣ гробъ слезами орошаю,
Чьи добрыя дѣла я искренно цѣнилъ,
Отъ горней той страны, гдѣ я тебя мечтаю,
Воззри — и убѣдись, что я тебя любилъ!

На кончину В. Н. Чоглоковой.

Вяньте, вяньте, нѣжны розы,
И сокройся солнца свѣтъ!
Пусть траву знобятъ морозы;
Милой Вариньки ужъ нѣтъ!
Дни, столь многимъ драгоцѣнны,
Миновалися судьбой;
Сердца нѣжны умерщвленны
Смертью Вариньки драгой.

Безъ суровости умѣла
Равнодушье сохранить;
Хоть плѣнять и не хотѣла,
Всѣхъ заставила любить.
Не нарядомъ щеголяла,
Но природной красотой;
Не жеманствомъ уловляла,
Но любезной простотой.

Вы, для коихъ все блаженство
Въ томъ, чтобъ милое любить,
Чтя въ ней образъ совершенства,
Не стыдитесь слезы лить!
Ты, чье сердце восхищалось
Сей дѣвицей юныхъ лѣтъ!
Рвись. . . Хоть много дѣвъ осталось,
Другой Вариньки ужъ нѣтъ!

На смерть Г. Моро.

Взгляните на дѣла всевышняго Творца
И зрите въ нихъ Его чудотворящу силу:
Зачатому въ студѣ Царю не шлетъ конца,
А храброму отверзъ врагу его могилу.

Злодѣйство въ торжествѣ, въ позорѣ добродѣ-
тель:
Наполеонъ верхомъ,—Моро лежитъ безъ ногъ;
Во ужасѣ тому вселенная свидѣтель. —
Но какъ постичь Тебя, непостижимый Богъ!

Россія надъ Москвой еще слезами льется,
Германія въ дыму своей свободы ждетъ,
И сѣверный пришлецъ съотечествомъ дерется;—
Тристаты всѣ назадъ, — а Фараонъ впередъ.

Откуда столько силъ воздвигнулъ сей тиранъ?
Что было за него, все вдругъ противостало.
Измѣна, притаясь, вползла въ тиранскій станъ;
Но крѣпкій супостатъ не дрогнетъ все нимало.

Томимая войной, Европа восклицаетъ,
Прицѣляся въ него: Умри Наполеонъ!
Смерть ищетъ его зракъ, во всѣхъ рядахъ ле-
таетъ;
Милльоны пали тамъ и тамъ, — но все не онъ!

Что жъ легче, какъ убить?—Исторія то скажетъ:
Тофаны капель пять, гранъ десять сулемы.
Спросите, вамъ она примѣровъ сто покажетъ.
Но гдѣ самъ Богъ коснитъ, увы! что можемъ мы!

Смиримся предъ Творцемъ въ день мира и въ
день брани,
Дождемся, чтобъ пришелъ его велѣнья гласъ!
Изъ сердца воззовемъ къ Нему, простерши длани:
О, Господи! — твори, что волишь, за насъ!

НАДГРОБНЫЯ.

К. Е. П. Долгорукой.

Супруга нѣжнаго се памятникъ печали!
Сокрыта здѣсь въ землѣ достойная жена;
Ума и сердца въ ней доброты всѣ сіяли.
Угоденъ Богу тотъ, кто жилъ такъ, какъ она!

Ф. И. Глѣбову.

Здѣсь Глѣбовъ кончилъ вѣкъ!
Какой хвалы его достойна память стала? —
Былъ добрый человѣкъ, —
Вотъ много для Небесъ!—ужъ ли для свѣта мало?

Юношѣ Давыдову.

Постой! — взгляни — заплачь — се юноша лежитъ!
Чувствительная мать здѣсь прахъ его сокрыла,
Съ надеждой всѣхъ отрадъ въ немъ счастье схоронила,
И съ смертію его къ ней смерть ея бѣжитъ.
Увы! прочтя сіе, кто трогаться не станетъ?
Чье сердце не вздохнетъ и чья слеза не канетъ?

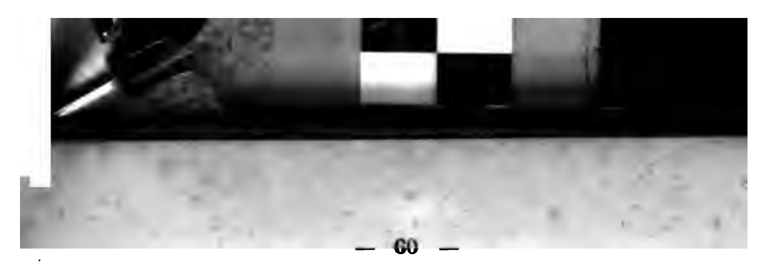
ОДЫ.

На открытіе зданія для ботика Петра I въ Переславлѣ.

—

Не титламъ громкимъ человѣки
Стремятся жертвы приносить;
Чтобъ жить въ потомствѣ долги вѣки,
Дѣлами должно изумить.
Вѣнцы, порфиры, діадимы,
Наряды суть необходимы,
Дабы царевъ украсить санъ;
Но, ахъ! судьба и скиптры коситъ,
Изъ рукъ ихъ въ руки переноситъ,
И часто рветъ его тиранъ!

Дѣла не мрутъ, и имъ народы,
Дивяся, поздно послѣ насъ
Въ избыткахъ счастливой свободы
Похвальный возсылаютъ гласъ. —
Когда потомокъ предка хвалитъ,
Ужъ ли симъ подвигомъ умалитъ
Онъ современниковъ своихъ?
О, нѣтъ! — для мудрыхъ на престолѣ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалятъ — и другихъ.



Дерзните жъ нынѣ Переславцы
Весь сонмъ сыновъ своихъ собрать,
Геройскимъ духомъ, Петрославцы,
Петру спѣшите дань воздать!
Петромъ Россія вся гордится,
Ему Праправнукъ самъ дивится;
Онъ чтитъ всѣ подвиги его;
Усердно память ихъ вѣнчаетъ,
И тѣмъ отечеству являетъ
Великость духа своего.

Великій Петръ! Екатерина!
Богоподобные Цари,
Сугуба нашихъ благъ причина!
Имъ всюду зиждутъ алтари.
Не лесть въ сей день восклинковенья,
Наполнивъ души восхищенья,
Внушаетъ намъ ихъ имена;
Не лесть — исчезла ихъ награда,
Не рабій страхъ — уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна.

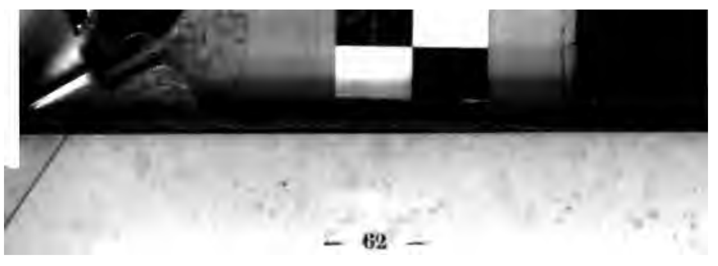
О, Петръ! коль ты изъ странъ небесныхъ
Возможешь долу бросить взоръ,
Поверхность струй тебѣ извѣстныхъ
Окинь имъ, россій чудотворъ!
Еще твой ботъ здѣсь обитаетъ,
Народъ усердный восхищаетъ;
Онъ града здѣшняго краса.
Ладья твоя не обветшала;

Ее разрушить не дерзала
И острая временъ коса.

И ты, волна, Петру любезна,
Плещева озера, гордись!
Россіи долго бывъ полезна,
Пловцу великому дивись!
Играй сребристыми струями,
И купно съ нашими устами
Провозвѣсти его дѣла!
Его ты юность забавляла,
Его фрегаты колебала,
Подъ флагами его текла.

На зыби водъ твоихъ незлобныхъ
Онъ мѣрилъ страшный океанъ;
Къ геройству подданныхъ способныхъ
Готовилъ плыть вокругъ всѣхъ странъ.
Онъ рекъ — и флотъ единымъ словомъ
Россіи въ элементѣ новомъ
Примѣромъ сильнымъ доказалъ,
Что въ мірѣ все тому подвластно,
Чье сердце подвигами страстно,
Кто пылко славы вожделалъ.

Сей первый шагъ въ водахъ стѣсненныхъ
Казался юношѣ игрой;
Но плодъ забавъ толь просвѣщенныхъ
Умѣлъ предвидѣть нашъ Герой:
Онъ зналъ, веслами управляя,
Безстрашно бури побѣждая,



Что флотъ россійскихъ кораблей
Во времена Екатерины
Преодолѣетъ всѣ пучины,
Уроки дастъ вселенной всей.

Се день благопріятный нынѣ;
Восторжествуй его, народъ!
Благодареніе судьбинѣ!
Ты долгъ соблюлъ тѣхъ воеводъ, *)
Которымъ Петръ своей рукою
Въ Указѣ рѣзкою чертою
Самъ заповѣдь здѣсь начерталъ,
Дабы суда его любимы
Оберегались невредимы;
Успѣхъ твой трудъ въ томъ оправдалъ.

Блаженны предковъ тѣхъ потомки,
Законъ монаршій сохранивъ!
Вы даже стѣнъ спасли обломки,
Въ которыхъ Петръ Великій живъ,
Отважной мыслью занимался;
Пылая славой, не гнушался
Принять отъ плотника совѣтъ.
Въ рукахъ того, на комъ порфира,
Мнѣ мнится слышать, какъ сѣкира
Ударовъ звуки раздаетъ **).

*) Въ Переславскомъ уѣздномъ судѣ донынѣ хранится собственноручный о ботикѣ семъ Петра I указъ.

**) Тутъ, при озерѣ, и покои были выстроены, кои назывались Гремячевскимъ дворцомъ. См. Истор. Петра I.

Воззрите, древніе дворяне,
Съ восторгомъ на сіи брега!
Сто лѣтъ тому, какъ Россіяне
Здѣсь зрѣли юнаго Петра;
Въ сей день, для здѣшнихъ странъ блаженный,
Когда съ крестами ходъ священный,
На лодкахъ былъ носимъ волной,
Онъ самъ своимъ тутъ судномъ правилъ,
Полки вокругъ и пушки ставилъ,
Чесмы прообразуя бой *).

Воспламени воображенье,
Сынъ мужественныя земли,
И сердца въ сладкомъ упоеньи
Екатерины вспомни дни!
Жена, всѣхъ выше женъ на свѣтѣ!
Тебя въ таинственномъ совѣтѣ
Назначилъ перстомъ самъ Творецъ
На то, чтобъ міръ плѣнить войною,
Отечество стяжать душою,
Умомъ привлечь милльонъ сердецъ.

Любить царей есть добродѣтель,
Есть долгъ отечества сыновъ;
Коль царь народа благодѣтель —
Онъ образъ истинный боговъ.
Намъ въ отраслѣ Екатерины,
Въ Праправнукѣ Петра судьбины
Щедротъ умножили залогъ;

*) Анекдотъ историческій. См. тамъ же.

Нашъ духъ почувствовалъ блаженство,
Позналъ дней мирныхъ совершенство.
Чего бояться? — съ нами Богъ.

Для громкихъ дѣлъ, но безполезныхъ,
Одна минута часто — вѣкъ;
А дѣлъ благихъ и свойствъ любезныхъ
Забыть не можетъ человѣкъ:
Сто лѣтъ тогда какъ мигъ проходятъ,
И въ свѣжей памяти находятъ
Цари у подданныхъ себя.
Такъ Петръ и намъ вообразился;
Но твой не призракъ здѣсь явился, —
Праправнукъ воскресилъ тебя.

Прими, о Петръ! посильну жертву,
Котору жители сихъ странъ
Тебѣ приносятъ уже мертву,
Но живу въ сердцѣ Россіянъ;
Сей домъ, не зодчествомъ надменный,
Усердіемъ сооруженный
На то, чтобъ ботикъ твой вмѣстилъ,
Тебѣ да будетъ столь угоденъ,
Сколь былъ твой подвигъ превосходенъ,
Сколь онъ насъ славой озарилъ!

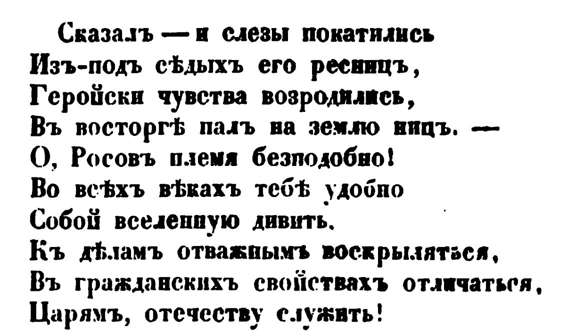
Тщеславье здѣсь не укорится —
Не для него сей созданъ храмъ;
Тотъ малъ, кто, жертвуя, стремится
Себя возвысить только самъ.
Дворянство цѣль предполагало,

(Апраксинъ сдѣлалъ къ ней началю) *)
Чтобъ инвалидовъ помѣстить,
Въ матросскомъ званьи ихъ избравши,
Петру сугубо тѣмъ воздавши,
Отъ золъ ихъ дряхлость оградить.

Успѣхъ въ томъ будетъ всеконечно,
Мнѣ вѣдомъ Переславцовъ духъ;
Отечество любя сердечно,
Изъ нихъ ему всякъ сынъ и другъ.
Уже я зрю вблизи то время,
Когда, сложивъ доспѣховъ бремя,
Матросъ, опершись о костыль,
Дѣтей вокругъ себя сбирая,
На волны быстрый взоръ кидая,
Разскажетъ имъ чудесну быль.

Дѣла Петровы вспомнивъ ясно,
Иль отъ преданья сохранивъ,
Въ своихъ разсказахъ безопасно,
Не устрашась быть справедливъ,
«Вотъ здѣсь-то» скажетъ: «Царь-надежа.
«Не на боку лишь только лёжа,
«Трудился самъ и строилъ ботъ!
«Вотъ тутъ онъ имъ изволилъ править.
«Умѣлъ-ста родину прославить,
«Стоять горяздъ былъ за народъ!»

*) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, переславскій помѣщикъ, назначилъ содержаніе одному изъ матросовъ.



Сказалъ — и слезы покатились
Изъ-подъ сѣдыхъ его ресницъ,
Геройски чувства возродились,
Въ восторгѣ палъ на землю ницъ. —
О, Росовъ племя безподобно!
Во всѣхъ вѣкахъ тебѣ удобно
Собой вселенную дивить.
Къ дѣламъ отважнымъ воскрыляться,
Въ гражданскихъ свойствахъ отличаться,
Царямъ, отечеству служить!

И ты, подъявъ чело кичливо,
Названьемъ славящійся мысъ *)!
Сіе хранилище, какъ диво,
Предъ любопытными возвысь!
И въ ясны дни и въ свѣтлы ночи
Да будутъ всѣхъ проѣзжихъ очи
Стремиться бросить взоръ сюда;
Да узрятъ домъ сей и вѣщаютъ:
«Се тако Переславцы знаютъ
Царямъ усердствовать всегда!»

Алтарь сей славы не погибнетъ —
Его Всесильный соблюдетъ;
Не всуе памятникъ воздвигнетъ,
Кто Бога въ помощь призоветъ: —
Монаршимъ къ намъ благоволеньемъ
И подданныхъ благоговѣньемъ,

---

*) Онъ донынѣ называется Гремячій.

Какъ нынѣ, будетъ вѣчно новъ!
Придутъ еще Петру дивиться,
Дворянствомъ русскимъ похвалиться,
Сто лѣтъ спустя, — сыны сыновъ!

На открытіе Владимірской Гимназіи 1804 года, августа 7 дня.

Великій Богъ и чудный въ дѣлѣхъ!
Вѣнчая кротостью царей,
Среди всѣхъ странъ, во всѣхъ предѣлѣхъ
Возводитъ мышцей ихъ своей:
Онъ царства ими призираетъ,
Чрезъ нихъ въ народѣ изливаетъ
Обиліе, блаженство, миръ.
Разсыпать мракъ предубѣжденья
Лучемъ полезна просвѣщенья
Есть трудъ, достойнѣйшій порфиръ.

Хвала тебѣ, благословенный
Дражайшихъ предковъ нашихъ вѣкъ,
Въ который Богомъ нареченный
Возсѣлъ на тронъ здѣсь Человѣкъ!

Великій, мочный, справедливый,
Въ судахъ и въ полѣ прозорливый
Петръ Первый, слава Россіянъ,
Возвысивъ подданныхъ собою,
Своей чудесною судьбою
Онъ дивенъ былъ въ очахъ всѣхъ странъ.

За нимъ, въ отраду злой печали,
Нашли Елисавету мы;
При ней дни неба возсіяли
И вновь воспрянули умы;
Утихъ духъ мщенія и злобы,
Престала кровь въ отверзты гробы
Рѣкой съ приступковъ трона течь:
Она едва его коснулась,
Какъ вся Россія улыбнулась,
И страшный сокрушился мечъ.

Отнявъ Петра, Елисавету,
Насъ Богъ страдать не попустилъ:
Явилъ Екатерину свѣту,
И здѣсь ей царствовать судилъ.
Какимъ перомъ воздать не ложно
Помазанницѣ сей возможно
За всѣ ея щедроты къ намъ!
Преемница Петровой дщери,
Она ко счастью многи двери
Отверзла росскимъ племенамъ.

Пресѣкла дни ея судьбина,
Израиль новый возрыдалъ;

Но скоро скиптръ Екатерины
Всесильный Александру далъ.
Сей пятны стеръ съ него кровавы,
Плѣнилъ умы, проникъ во нравы,
Воздвигъ на кротости свой тронъ,
И, въ страхъ врагамъ, передъ собою
Поставилъ твердою стѣною
Любовь народа и законъ.

Се тако царская палата,
Держась Всевышняго рукой,
Всегда во благостяхъ богата,
Блюла въ отечествѣ покой;
И чтобъ могли мы жить блаженно,
Сіи Владыки постепенно,
Одинъ обнявши всѣ предметъ,
Любить науки пріучили,
Къ успѣхамъ ревность возбудили
И тусклымъ вѣждямъ дали свѣтъ.

На что бъ Творецъ всея природы
Намъ далъ способность разсуждать,
Когда бъ Онъ насъ лишилъ свободы
Натуры тайны испытать?
А чтобъ существъ познать милльоны
Дотоль, доколѣ въ томъ препоны
Намъ ставитъ нашихъ дней конецъ,
Намъ должно, должно просвѣщаться,
Смотрѣть, вникать, соображаться
И править путь своихъ сердецъ.

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О, коль безумно заблужденье,
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей.

Науки цѣпью добрыхъ правилъ
Связуютъ общество гражданъ,
Чтобъ каждый въ нихъ за славу ставилъ
Не только чинъ одинъ и санъ,
Но чтобъ умѣлъ цѣнить выгоды
Стократъ знатнѣй самой породы,
Что онъ полезенъ для другихъ:
Кто симъ желаньемъ вспламенился,
Не тщетно въ школахъ тотъ учился.
Завиденъ духъ людей такихъ.

Се день, на то здѣсь посвященный!
Воззрите, какъ россійскій Титъ,
Любовью къ намъ одушевленный,
Своихъ сокровищъ не щадитъ,
Но всюду съ пользой расточаетъ,
И здѣсь храмъ ветхій обновляетъ
Искусствъ, художествъ и наукъ.
Отцы! дѣтей сюда ведите,

Къ струямъ премудрости бѣгите,
Похвалъ раздайте вашихъ звукъ!

Сей звукъ достигнетъ повсѣместно;
Услышитъ кроткій Государь,
Что градъ Владиміръ весь нелестно
Любви Ему воздвигъ алтарь;
Что онъ щедротъ Его причину
Воскресшу въ Немъ Екатерину
Съ восторгомъ чувствуетъ живымъ:
Ему животъ свой посвящая,
Десницу милостей лобзая,
Отцемъ Его зоветъ своимъ.

Питомцы юны! научитесь
Достойны быть Его щедротъ,
Ко свѣту истины стремитесь;
Во храмъ ея свободенъ входъ!
На васъ въ вниманіи глубокомъ
Пытливымъ духомъ, гордымъ окомъ
Глядитъ соотчичей соборъ.
Труды царевы оправдайте,
Примѣръ въ себѣ потомкамъ дайте,
Утѣшьте любопытства взоръ.

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
Наставники младенцовъ сихъ!
Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
Назначилъ пользу, счастье ихъ.
Старайтесь кроткими путями
Владѣть ихъ гибкими умами,

Цвѣтъ родителей залогъ!
Блюдите ихъ отъ чувствъ позорныхъ,
А паче умствованій вздорныхъ:
За нихъ на васъ Самъ взыщетъ Богъ!

Да снидетъ лучъ Его зоирный
На сей младенцовъ вертоградъ,
И воспрославится домъ мирный
Величествомъ Его наградъ!
Тебя мы всѣ единогласно,
О, Боже! молимъ повсечасно:
Смиривъ и сердце и чело,
Монарха нашего спасая,
И лѣты къ лѣтамъ прилагая,
Благослови Его зѣло!

Князю Пожарскому.

Коснулся гласъ тебя потомства,
Пожарской! въ областяхъ земли; —
Проснись, каратель вѣроломства,
Хвалы столичныя внемли!
Москва, покрыта сѣдинами,
Вѣнчанна славными дѣлами,

Стремится прахъ твой возбудить,
Текущій вѣкъ тобой прославить,
Грядущимъ всѣмъ въ примѣръ поставить,
Тебѣ трофей соорудить.

Ужъ двѣсти лѣтъ, какъ ты скончался;
Межъ насъ однако не забытъ:
Твой вѣкъ тобою восхищался,
И нашъ тебя съ восторгомъ чтитъ.
Съ твоихъ временъ до нашихъ позднихъ
Хоть гробъ и тлѣлъ твой въ преисподнихъ,
Но духъ въ Кремлѣ не умиралъ,
И подвигъ твой, до насъ извѣстной,
Огромной славы звукъ всемѣстной
Изъ рода въ родъ переливалъ.

Ужель вотще герой трудится,
Ліяя свою на браняхъ кровь,
Когда къ отечеству стремится
Печатать жизнію любовь?
Мы смерти тѣломъ лишь подвластны,
Но духомъ Богу сопричасны:
Дѣла безсмертными творятъ.
Коль мужъ явилъ дѣла велики,
Объ немъ тогда народны клики,
Спустя тмы тысячъ лѣтъ, гремятъ.

Гремятъ и сильные злодѣи —
Архива память ихъ хранитъ;
Но кто жъ тирановъ мавзолеи
Съ гробницей Марковой сравнитъ?

Или равно для смертныхъ рода,
Чтобъ гласъ великаго народа
Блажилъ властей своихъ вождей?
О, нѣтъ! та честь, которой воинъ
За доблесть праведну достоинъ,
Свѣтлѣе солнечныхъ лучей!

Какой бы лестью утонченной
Молва ни высила того,
Въ комъ нѣтъ добра черты священной,
Кто жаждетъ гибели всего;
Потомство ею не плѣнится,
Но истиной лишь озарится,
Обманъ исчезнетъ будто мгла:
Зане внутрь совѣсти сердечной
Оттѣнокъ врѣзалъ вѣковѣчной
Самъ Богъ между добра и зла.

Подобно солнцу на Востокѣ,
Веснѣ являющу свой зракъ,
Огней безчисленныхъ въ потокѣ
Разсыпавшему ночи мракъ,
Вечерни тѣни пропадаютъ,
Луна и звѣзды свѣтъ теряютъ,
Румянецъ краситъ горизонтъ,
Текутъ въ долины снѣжны горы,
Поютъ пернатыхъ робкихъ хоры
Столпъ искръ ударилъ въ черной понтъ:

Такъ точно жаромъ вспламененный
Любви къ отечеству прямой

И духомъ Божьимъ вдохновенный
Пожарской, истый нашъ герой,
Родясь для громкихъ дѣлъ и дивныхъ,
Летитъ во груди сопротивныхъ
Кидать пилюльонъ удачныхъ стрѣлъ!
Пришелъ, узрѣлъ, и побѣждаетъ,
Москву спокойствомъ ограждаетъ;
Затрясся врагъ — и оробѣлъ.

Воззри на тѣ кремлевы стѣны,
Гдѣ каждый шагъ твой — былъ успѣхъ,
Гдѣ духъ коварныя измѣны
Мутилъ безплодно чувства всѣхъ,
Гдѣ ты, обнявши добродѣтель
И благъ примѣрныхъ бывъ содѣтель,
Монаршихъ правъ не колебалъ;
Стяжанье старя вѣчной славы
Превыше титловъ и державы,
Мечемъ царю царево далъ.

О! коль суть низки предъ тобою
Тѣхъ царствъ отважные цари,
Которы подданныхъ слезою
Снискать желаютъ алтари!
Вотще велики быть нещуютъ,
Хотя десницу ихъ цѣлуютъ
И прахъ стезей боготворятъ:
Сіи рабовъ воскликновенья
Не тѣ суть сердца восхищенья,
Каkими Титъ бывалъ объятъ.

Какой народъ, хваляся дѣлами
Погибшихъ предковъ на войнѣ,
Ослабивъ ихъ лѣтописанія,
Теперь — сейчасъ укажетъ мнѣ,
Кто былъ въ свой вѣкъ толико хваленъ
И въ томъ съ Пожарскимъ княземъ равенъ,
Чтобъ тронъ не ставить въ свой предметъ?
Пусть Римъ намъ Цинцинната славитъ;
Вселенна рядомъ ихъ не ставитъ:
Тотъ взялъ вѣнецъ — Пожарскій нѣтъ.

Равно ль (ахъ, нѣтъ) сложить корону,
Когда тягчитъ она чело;
Или тому открыть путь къ трону,
Кого наслѣдство возвело? —
Одинъ спокойствія желаетъ,
Какъ воинъ въ латахъ поспѣшаетъ
Сойти съ часовъ, чтобъ отдохнуть;
Другой какъ левъ на брани рыщетъ,
Въ поту добычи царской ищетъ;
Нашелъ — не хочетъ и взглянуть.

Пожарской могъ, спася Россію,
Поляковъ, Шведовъ погубивъ,
Вознесть высокомѣрну выю,
И гидру зависти убивъ,
Царемъ Москвы именоваться,
На лаврахъ скиптромъ утѣшаться,
И безъ смятенія стыда,
Онъ могъ плѣненному народу

Рещи: — я далъ тебѣ свободу;
Хочу быть царь твой навсегда!

Но онъ наклонностью сердечной
Закону былъ повиновенъ;
Оружья славой скоротечной
Не могъ одною быть блаженъ:
Онъ мнилъ, что въ томъ краю вселенной
Ни тихой жизни, ни блаженной
Не могутъ смертные вкушать,
Гдѣ царскій родъ подъ игомъ страждетъ,
Гдѣ похититель дерзкій жаждетъ
Во власть свою все поглощать.

Твои, Пожарской, язвы тронутъ
Россію вовѣки вѣковъ!
Когда сыны ея возстонутъ
И врагъ на нихъ воздвигнетъ ковъ,
Твоимъ примѣромъ воспламеняся,
Святою Вѣрой ополчася
Противу ядръ, мечей и стрѣлъ;
Сметутъ злодѣевъ милліоны,
Во адъ вселятъ ихъ легіоны!
Не разъ уже весь міръ то зрѣлъ.

И кто въ странѣ толико славной,
Превознесенной тмой побѣдъ,
Ни съ чьими царствами не равной,
Которой весь трепещетъ свѣтъ,
Кто кровь пролить не устремится,
Кто воевъ чуждыхъ убоится,

От льдиных гор до вод каспийских
Штыков слыхали наших звон.
И ныне тот же дух, искусство,
И превосходнейшее чувство-
Любви к отечеству храня,
Еще мы можем ополчиться,
За милу родину сразиться,
Лица не спрячем от огня.

Сто лет протекшия явили,
Среди безчисленных тревог,
Которы твердь всю возмутили,
Колико милует нас Бог.
Пожарской! встань и оглянися,
Векам прошедшим удивися,
И Русь в восторге новом зри!
В ея межах Кавказ, Таврида;
Под сень Минервина эгида
Всех влек луч северной зари.

Но, ах! когда волшебной силой
Нельзя противу естества
Разрушить связь твою с могилой,
Где прах твой облегла трава, —
Когда тебе велело время,
Сложив доспехов ратных бремя,
Проникнуть духом небеса:
То пусть души геройством страстной,
Движеньям робким неподвластной,
Сияет вечно там краса!

Тебѣ подобные герои
Плоды безсмертія там жнут,
Съ мечемъ въ рукахъ сраженны вои
Еще отечество блюдутъ;
Рымникской, Крымской, Задунайской
Въ прохладной жизни тихой, райской
На насъ съ улыбкою глядятъ. —
Покойтесь тѣни знамениты!
Хоть вы отъ нашихъ глазъ сокрыты,
Но души наши къ вамъ летятъ.

Мы здѣсь всегда, съ благоговѣньемъ
Великимъ жертвуя мужамъ,
Тебѣ, Пожарской, съ изумленьемъ
Куримъ сердечный оиміамъ,
Да видятъ прочихъ странъ народы,
Что мы средь узъ и средь свободы
Умѣемъ мужество почтить,
Умѣемъ тѣхъ вѣнчать хвалами,
Которы призваны Богами
Свой вѣкъ во славѣ пережить.

Когда бояръ россійскихъ чада,
Изъ дѣтскихъ вырвавшись оковъ,
Внѣ стѣнъ отечественна града
Съ мечемъ изыдутъ на враговъ —
Придутъ на гробъ твой поклониться;
Отъ искръ его воспламенится,
Твой духъ предыдетъ въ ихъ рядахъ;
Въ полкахъ чужихъ ручьи багровы

Слѣды побѣдъ проложутъ новы,
И ихъ не опрокинетъ страхъ.

Но въ дни блаженнаго спокойства,
Когда сестра, супруга, мать,
Вкушая плодъ благоустройства,
Войны престанутъ трепетать,
Въ сіе златого вѣка время,
Подъявъ трудовъ гражданскихъ бремя,
Придутъ старѣйшины Москвы,
Трофей твой миртами вѣнчая,
Свое спасенье ублажая,
Сѣдыя преклонятъ главы.

Тогда въ сей радости сердечной,
Котору дать лишь можетъ миръ,
Предметъ у всѣхъ народовъ вѣчной, —
Краса изящная порфиръ, —
Рекутъ: «Хвала тебѣ, Пожарской,
Подпора доблести боярской,
Россійской рати полубогъ!
Ты насъ врагамъ не выдалъ въ жертву,
А мы тебѣ несемъ въ даръ — мертву —
Любовь, почтеніе, восторгъ!»

На постриженіе благородной особы.

—

Какое чудо привлекаетъ
Во храмъ днесь Божіихъ сыновъ?
Иль правды міра разсуждаетъ
Всевышній, ставъ между боговъ?
Иль вновь ковчегъ остановился?
Иль паки Моисей явился,
Нося скрыжаль заповѣдей?
Не Ангеловъ ли восклицаньи,
Пророковъ рѣчи и гаданьи
Трубой гласятся тверди всей?

Ахъ, нѣтъ! вся тварь въ успокоеньи,
Еще денницы новой ждетъ,
И въ трепетномъ уединеньи
Пустынникъ Богу пѣснь поетъ.
Но се жену зрю благородну,
Отъ узъ супружества свободну,
Грядущу прямо къ алтарю;
Мірскую почесть отвергаетъ,
Яремъ иночества желаетъ
И вопіетъ царей къ Царю:

«Я міръ навѣки оставляю,
«Раздравъ завѣсу суеты,
«Къ Тебѣ, о Боже мой! взываю:
«Будь все одинъ для меня Ты!

«Страстей волненья укрощая,
«Кичливый помыслъ отгоняя,
«Стези спасенія открой!
«Дай свыше силу мнѣ мужаться,
«Противъ соблазновъ ополчаться,
«Усовершенствуй жребій мой!

«Тебѣ содѣйствующу, Боже!
«Клянусь въ терпѣньи все сносить,
«И прежнихъ лѣтъ цвѣтуще ложе
«Однимъ молитвамъ посвятить!
«Сира, нища, забыта буду,
«Сама вселенную забуду,
«Уставъ природы превзойду,
«Дѣтей и мать, и все, что было,
«Что есть, и вѣкъ что будетъ мило,
«Во гробъ забвенья низведу!

«Я вздохи сердца сокровенны
«Мечемъ духовнымъ посѣку;
«Я тѣла красоты разженны
«Хламидой черной облеку;
«Закрывъ глаза, потщусь ихъ взгляды,
«Потщусь всѣхъ чувствъ и устъ отрады
«Къ кресту съ собою пригвоздить;
«Металлъ нечувственный лобзая,
«На немъ Христа воображая,
«Въ объятьяхъ Бога буду жить!

«О, важныхъ клятвъ глаголъ ужасный!
«Услышалъ храмъ ихъ и стенетъ.

«Но что за вопль мнѣ нынѣ страшный
«Изъ нѣдра сердца вопіетъ?
«Жена! . . . размысли свои обѣты,
«Представь Всевышняго совѣты
«И гласу совѣсти внемли!
«Противу чувствъ вооружайся,
«Но побѣдить не обѣщайся:
«Природа царь всея земли!»

Природа, міромъ управляя
По волѣ вышня Существа,
Себѣ вовѣкъ не измѣняя,
Хранитъ предѣлы естества,
Чрезъ многи годы къ смерти ближитъ,
И къ новымъ чувствамъ сердце движитъ
Ему призраками мечтя;
Изъ устъ Давида токъ обиленъ,
Но, ахъ! и тотъ цѣлить безсиленъ
Отъ ранъ любовнаго огня.

Что съ возрастомъ твоимъ согласно,
Иль, мнишь ты, ряса устранитъ?
Пріятну мысль, вздыханье страстно
Едина смерть лишь утолитъ!
Постой, еще себя изслѣдуй,
Движенью горести не слѣдуй,
И обратись на часъ къ себѣ!
Взгляни, какъ мать — ты чадъ бросаешь;
Взгляни, какъ дочь — ты мать терзаешь;
Друзья всѣ плачутъ о тебѣ.

О, Боже! всему плоть призвавый
Себѣ въ хвалу на бренный свѣтъ,
И къ смерти живу мя избравый!
Приближи мой ко мнѣ предметъ!
Души бѣдами пресыщенной,
Души до смерти умерщвленной
Прости дражащій нынѣ стонъ!
Да не вмѣнится въ преступленье
Мое объ мірѣ сожалѣнье;
Не казни ищетъ твой законъ.

А ты, о, суетна вселенна,
Въ которой гибла я всякъ часъ!
Была и мнѣ ты драгоцѣнна,
Была — и будь въ послѣдній разъ!
О, мать! умѣрь свои печали!
Дни счастья для меня настали;
Мой слабый духъ не возмущай!
Сокрой отъ глазъ, увы! несчастныхъ
Плоды моихъ движеній страстныхъ! —
Друзья.... міръ.... жизнь.... и все.... прощай!

Невинность.

Спокойной совѣсти зерцало
И духа Божія черта,
Великихъ подвиговъ начало
И дѣвства смертныхъ красота,
Тебя, Невинность! ублажаю,
Ударить въ струны вновь дерзаю,
И дань сердечную принесть!
Въ тебѣ зрю міра превосходство,
Сіянье славы, благородство,
Неувядаемую честь!

Невинность краше діадимы,
Свѣтлѣе радужныхъ круговъ,
Блаженства щитъ непобѣдимый,
Противу зависти враговъ!
Души чистѣйше наслажденье,
Умовъ полезныхъ вдохновенье,
Восторговъ мать и дщерь Небесъ!
Повсюду ты боготворима;
Но ты же въ мірѣ семъ гонима,
И токи льешь горчайшихъ слезъ.

О, чувство выше всякой страсти, —
Которымъ рай отверзтъ для насъ!
Я правъ! — среди самой напасти
Меня животворитъ сей гласъ.

Въ изгибахъ сердца раздается,
Его отрада въ душу льется
Въ темницѣ, въ узахъ, въ нищетѣ.
Я правъ! — се мзда моя, — довольно!
Враги, терзайтесь! — мнѣ не больно;
Вашъ ковъ погибнетъ въ суетѣ!

Надъ правдой что возможетъ злоба?
Пускай лукавствующій врагъ
Тѣснитъ невиннаго до гроба
Съ улыбкой адскою въ устахъ;
Пускай въ немъ зависть ухищренна,
Какъ пещь халдейская разжженна,
Палитъ всё зноемъ клеветы:
Путь мужа праваго не скользокъ;
Лукавыхъ путь и тма, и ползокъ,
И вихрь развѣетъ ихъ мечты.

Господь невиннаго покроетъ,
Избавитъ Онъ его въ день лютъ,
Всещедрый домъ его устроитъ
И сотворитъ птенцамъ пріютъ;
Ни чадъ, ни присныхъ не оставитъ,
Друзей разсудливыхъ приставитъ,
И взвѣситъ каждый сердца вздохъ;
Не дастъ въ ровъ пагубный споткнуться,
Душѣ унынія коснуться,
И злому — зло возмѣритъ Богъ!

Вотще владыкъ надменныхъ сила
Святую истину тѣснитъ;

Ни кровь, ни огнь, ниже могила
Ея сіянья не затмитъ.
Хотя правители вселенной,
Забывъ нерѣдко долгъ священный,
Влекутъ невинность на позоръ:
Она на плахѣ торжествуетъ,
И самый тотъ, кто съ ней враждуетъ,
Стоитъ съ мечемъ, потупя взоръ.

Примѣровъ множество бывало,
Къ несчастью, есть и будетъ впредь,
Какъ часто правда попадала
Въ умышленну коварства сѣть.
Еще былъ новъ сей свѣтъ природный
И юнъ сынъ персти первородный,
Какъ змій весь рай зашевелилъ;
Бѣжалъ Адамъ, бѣжала Ева,
И плодъ ея несчастна чрева —
Сынъ Каинъ Авеля убилъ.

Давно невинность обличалась
Предъ человѣческимъ судомъ,
Мечу безстрашно подвергалась,
Иль покрывалася стыдомъ;
И кто въ физическомъ семъ мірѣ,
Кромѣ живущаго въ эфирѣ
И движущаго небеса,
Кто можетъ въ храмъ сердечныхъ вникнуть,
До глубины его проникнуть,
Ума постигнуть чудеса?

Во имя правды лгали маги
И прорицали бредъ волхвы;
Не чистъ былъ судъ въ Ареопагѣ:
Овецъ вездѣ терзали львы.
Посмотримъ, что̀ во Іудеѣ
Творили съ Павломъ Садукеи!
Прискорбенъ правды путь всегда.
И Римъ, который ублажаемъ,
До нынѣ громко прославляемъ,
Судилъ пристрастно иногда.

Настало время просвѣщенья,
Навыкли всѣ соображать;
Явились новы разсужденья,
И всякій права сталъ искать,
Казалось, міръ добрѣе будетъ,
Дѣла неправедны забудетъ
И сущность истины пойметъ;
Не то изъ опытовъ открылось:
Вселѐнна всячески кружилась,
А правда все на крестъ идетъ!

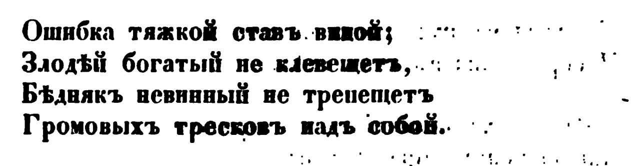
Открылись таинства природы,
Возникла всюду страсть наукъ;
Вдались въ художества народы,
И торгъ предметомъ сталъ всѣхъ рукъ.
Искали въ знаньяхъ совершенства,
Забывъ, что въ свѣтѣ нѣтъ блаженства,
Когда на сердце пала ржа.
Листомъ ли древеса красивы?

Мы хвалимъ ихъ, когда не кривы,
И сердцевина въ нихъ свѣжа.

Въ однихъ познаніяхъ обширныхъ
Какую пользу міръ нашелъ?
Терялъ сокровище дней мирныхъ
И жертвой адскихъ сталъ крамолъ.
Въ толпахъ мятежниковъ безчинныхъ
Колико пало неповинныхъ
Во славу мнимаго добра?
Умовъ самолюбивыхъ сшибки
Производили все ошибки,
Изъ коихъ бѣдъ взрасла гора.

Герои тѣ же человѣки,
Своимъ подвластные страстямъ;
Объ нихъ писали въ разны вѣки
Одно и то жъ по всѣмъ странамъ.
Похвалъ богату дань пріемлютъ,
Но часто въ сладкой нѣгѣ дремлютъ,
Не смѣя совѣсти будить;
Чужимъ землямъ уставы пишутъ,
А сами славой только дышутъ,
Алкая міръ весь разорить.

Завоеватель на престолѣ
Еще не есть желанный царь;
Гдѣ жизнь мила во всякой долѣ,
Тамъ только милъ и государь.
Тамъ месть добычей не гордится
И тмы кромѣшной не боится,



Ошибка тяжкой ставъ виной;
Злодѣй богатый не клевещетъ,
Бѣднякъ невинный не трепещетъ
Громовыхъ тресковъ надъ собой.

Хвала тѣмъ днямъ благословеннымъ,
Въ которыхъ древній человѣкъ,
Ходя путемъ неразвращеннымъ,
Безъ бури могъ кончать свой вѣкъ!
Но гдѣ златое время въ мірѣ?
Объ немъ піиты намъ на лирѣ
Поютъ прелестныя мечты.
Конечно, Небо не судило,
Чтобы одно лишь въ свѣтѣ было
Священно царство правоты.

Холодный потъ чело промочитъ,
Когда вообразишь себѣ,
Что всякой зло творитъ, какъ хочетъ,
Ругаясь ближняго судьбѣ.
Гораздо легче, мигъ страдая,
Ударъ послѣдній получая,
Навѣкъ вселенную забыть,
Чѣмъ въ истязаніяхъ томиться,
Не сдѣлавъ зла, во злѣ виниться,
И для насмѣшекъ лютыхъ жить.

Я чувство совѣсти умѣю
Поставить выше благъ земныхъ;
Но зла всю тягоѣть разумѣю,
Предметомъ стать обидъ людскихъ.

Души теряется спокойство,
Когда вкругъ насъ одно нестройство,
И къ ясньмъ днямъ не зримъ слѣда;
Животъ лишь чувственный наскучитъ,
А жизнь чувствительна замучитъ,
И сердце надорветъ бѣда.

Всевышній! — Ты единый можешь
Невинный успокоить духъ;
Ты сердце бѣдное встревожишь —
И паки преклоняешь слухъ,
Тебѣ молитвы наши внятны,
И воздыханія стократны
Не утаятся отъ Тебя.
Увы! — когда наступитъ время
Сложить мірскихъ напастей бремя
Какъ узы тяжкія съ себя?

Доколѣ, Господи! продлится
Успѣхъ погибельныхъ умовъ,
И въ сердце бѣдное вонзится
Стрѣла кичащихся враговъ?
Но если правда безъ искусства,
Свободна мысль, нагія чувства
Родятъ злосчастіе свое, —
Воззри на часть мою плачевну,
Внемли молитву повседневну:
Да пріидетъ царствіе Твое!! —

Пѣснь послѣдняя моимъ современникамъ.

Partout on voit tant de fureur
Et tant d'ingratitude
Qu'on ne trouve plus le bonheur
Que dans la solitude.

—

Оставимъ чашу круговую, —
Вся сладость въ ней истощена;
Забудемъ юность золотую, —
Какъ вихрь умчалася она!
Подъ старость станемъ къ жизни вѣчной
Готовить разумъ нашъ безпечной!
Кто знаетъ, сколько разъ шагнуть
Еще позволитъ Провидѣнье,
Доколѣ въ горнее селенье
Оно душѣ укажетъ путь?

Померкло яркое свѣтило,
Которымъ нѣкогда любовь
Красу подсолнечной двоило
И поминутно грѣло кровь;
Исчезли тѣ очарованья,
Въ которыхъ всякаго желанья
Успѣхъ казался раемъ намъ,
И сердца сладкій соблазнитель,
Столь многихъ идоловъ обитель,
Въ пустынный превратилось храмъ! —

Все въ тягость стало въ пышномъ градѣ
И солнце радостей зашло;
Отъ грусти насъ ведя къ досадѣ,
Всѣ силы время унесло.
Міръ — гробъ, а жизнь — несносна мука,
Когда печаль, унынье, скука
Какъ камень на сердцѣ лежатъ;
Отъемлютъ сонъ, лишь ночь настанетъ!
Возбудятъ желчь, лишь солнце встанетъ
И душу цѣлый день томятъ!

Отъ благъ земныхъ уроки строги
Велятъ сворачивать мнѣ взоръ;
За нихъ вездѣ найдешь тревоги,
Отъ нихъ всегда съ разсудкомъ споръ.
Стезей проложенной ко славѣ
Нельзя при откровенномъ правѣ
Достигнуть тихаго конца,
Ужасно вѣкъ свой пробиваться,
Прогнавъ туманъ, въ другомъ теряться,
Чтобъ мечъ найти, гдѣ ждалъ вѣнца!

Не мнѣ вручилъ Творецъ вселенной
Талантъ полезнымъ въ мірѣ быть;
Фортуной рокъ опредѣленной
Назначилъ мнѣ дышать и ныть.
Страдать готовъ одинъ до гроба;
Придетъ мой часъ, земли утроба
И мнѣ очиститъ уголокъ:
Но слезъ друзей всѣ капли числить,

Смущенья ихъ всю тайну смыслить,
И жить!!! Нѣтъ, нѣтъ! сей долгъ жестокъ!

Вотще разсудокъ представляетъ
Въ примѣръ намъ Грековъ и Римлянъ,
Великодушье предлагаетъ
Къ уврачеванью нашихъ ранъ;
Когда бѣда какъ вихрь несется
И сердце кровью обольется, —
Разсудка безполезенъ гласъ:
Его холодны размышленья
Въ часы сердечна сокрушенья
Неубѣдительны для насъ.

Вотще хотятъ любимцы вѣка
И счастья нѣжные сыны
Заставить бѣдна человѣка,
Страдающаго безъ вины,
Превыше стать своей напасти,
Презрѣть молву, смѣяться власти,
Неправду холодно сносить.
Но кто же нынѣ безъ догадки? —
Не фразы, — слезы дружбы сладки;
И тѣ имъ тягостно пролить.

О, люди! знайте, что несчастье
Не отъ витійства ждетъ отрадъ;
Ему душевное участье
Цѣннѣй житейскихъ всѣхъ наградъ!
Поруганъ ближній твой напрасно;
Ты внемлешь стонъ его всечасно:

Лети и душу разверни,
Противу злобы ополчися,
Безстрашно съ завистью сразися,
Уйми ее — и отдохни!

Чья слава можетъ во вселенной
Равняться съ подвигомъ того,
Который склонностью врожденной
Удобенъ жертвою всего:
Отвесть злодѣя мстящу руку,
Смягчить страдальца тяжку муку
И грудь его къ своей прижать?
Не чванства гордыми хвалами,
Но благодарности слезами
Трофей негиблющій стяжать?

Вотще и совѣсть бы желала,
Своей сіяя чистотой,
Извлечь убійственное жало
И сердцу сладкій дать покой;
Ахъ, нѣтъ! — и совѣсть не способна
Противъ удара рока злобна
Вложить въ десницу крѣпкій щитъ:
Она сама хоть насъ не мучитъ,
Но мужеству безъ пользы учитъ,
И сердце все-таки болитъ.

Для входа въ рай, въ чертогъ небесный,
Спокойна совѣсть вѣрный путь;
Но въ оболочкѣ здѣсь тѣлесной
Тѣснится ль меньше съ нею грудь?

Въ сокровищницѣ сей скудельной
Одинъ зритъ правду безпредѣльной
Зиждитель міра и Творецъ;
Но люди въ ней читать не знаютъ;
По видамъ внѣшнимъ разсуждаютъ:
Молва законъ и судъ сердецъ! —

Когда въ узилищѣ я стражду
И неповинно цѣпь ношу,
Когда я голоденъ и жажду
И хлѣба по-міру прошу,
Хотя нѣтъ въ совѣсти волненья,
Тѣмъ меньше ль естества мученья
Безсовѣстнаго я терплю?
Того моральны мучатъ кары,
Меня физически удары,
И онъ не спитъ, — и я не сплю.

Твердятъ: подушка не вертится
У тѣхъ, чья совѣсть безъ пятна;
Напротивъ, многимъ крѣпко спится,
Хоть совѣсть въ уголь сожжена.
Увы! и въ замкахъ превосходныхъ
Для мирныхъ дней, отъ золъ свободныхъ,
Какъ мало совѣсти одной!
Сей даръ небесъ, залогъ столь трудный,
Потщимся чистъ явить въ день судный;
А въ мірѣ съ нимъ накладъ живой! —

Такъ, такъ, отъ общества и свѣта
Пора мнѣ скрыться навсегда!

Я видѣлъ грозы бурны лѣта,
Пришла и осени чреда.
Съ людьми потерся я довольно;
Они меня кусали больно,
Пора ихъ раны залечить;
Тѣсней съ природою сойтиться,
У ней быть счастливымъ учиться,
И мирну старость довершить.

Уйду земли другой и неба
Искать въ безлюдныя страны!
Вездѣ лучи и встрѣчу Феба,
Вездѣ увижу зракъ луны.
Въ пустыняхъ тотъ же воздухъ дышитъ;
Но глазъ не зритъ и слухъ не слышитъ
Тамъ образованнаго зла.
Не въ лабиринтахъ просвѣщенья,
Сокрыты тайны наслажденья;
Тамъ умозрительна лишь мгла! —

Вездѣ натура кровъ и пищу
Трудамъ дѣятельнымъ даетъ,
Равно богату, какъ и нищу,
Свои щедроты бережетъ.
Душа безсмертная въ пустынѣ,
Чудясь движенья тѣлъ причинѣ,
Паритъ всечасно къ небесамъ,
И разумъ, истиной водимый,
Сей огнь души неугасимый,
Вполнѣ владычествуетъ самъ! —

Изъ опытовъ давно я знаю,
У *Даламбертовъ* не учась,
Когда о мірѣ размышляю,
Что зло съ добромъ имѣетъ связь.
Что нѣтъ такого совершенства
Для идеальнаго блаженства,
Какого всуе здѣсь хотимъ;
Но есть въ дѣлахъ людскихъ оттѣнки;
Добра мы не лишимъ оцѣнки,
И зло меньшое извинимъ.

А въ нашихъ обществахъ развратныхъ
Какихъ и гдѣ границъ искать?
Вкуси часа два, три пріятныхъ,
И будь готовъ всю жизнь страдать.
Въ нашъ вѣкъ людей совокупленье
Уже не радость, — а мученье:
То месть, то мзда, вездѣ злой духъ.
Корысть и зависть міръ плѣнили,
Путь состраданью заложили,
Ни чей ему не внемлетъ слухъ.

Медвѣдь въ берлогѣ потаенной,
И тотъ прохожимъ путь даетъ;
И только голодомъ стѣсненной
Добычу хищну увлечетъ,
Зарѣжетъ въ мигъ и черепъ вскроетъ:
Но духъ исчезъ, — ужь тварь не поет
А человѣкъ когда напалъ. . . .
Сперва легонько жертву ранитъ,

Растравитъ язву — тамъ тиранитъ;
Еще не сытъ — вонзитъ кинжалъ!

Расторгнувъ съ міромъ всѣ союзы,
Готовъ я жить уединенъ;
Меня нигдѣ не бросятъ Музы,
А съ ними я вездѣ блаженъ!
Вдали отъ шума, но въ природѣ,
Въ глуши забвенной, но въ свободѣ,
Не буду суетно, какъ здѣсь,
Луча надежды ожидая,
И скорби сущность ощущая,
Въ мечтахъ терять разсудокъ весь.

О, міръ! каралъ меня ты строго,
Любя единъ моихъ позоръ!
Душѣ изъязвленной столь много
Лишь Неба нуженъ тихой взоръ.
Когда жъ глаголъ Его священный,
Столь страшный — вмѣстѣ столь блаженный,
Во мнѣ раздастся: умирай! —
Тогда, исполнивъ злобы мѣру,
Забудь вражду, и вспомня Вѣру —
Хоть гробу правый судъ воздай!!! —

—————

РАЗСУЖДЕНІЕ О СУДЬБѢ.

Еще для истины перо въ рукахъ держу,
И землю позабывъ, на небеса гляжу.

—

Судьбы на свѣтѣ нѣтъ! — все слѣдствіе причинъ,
И счастья *) своего самъ смертный господинъ,
Всѣ лѣтописи насъ такъ мыслить научили.
Колико тысячъ душъ въ подлунномъ мірѣ жили,
Которыхъ каждый шагъ и подвигъ показалъ,
Что случай лишь мечта, — все Промыслъ учреждалъ.
Мы случаемъ зовемъ такое приключенье,
Которое нашъ смыслъ приводитъ въ изумленье.
Событіе ли чуть какое тронетъ насъ,
Судьбой его зоветъ общенародный гласъ;
Затѣмъ, что человѣкъ хоть сплошь себя самъ губитъ,
Но въ томъ ни передъ кѣмъ признаться онъ не любитъ.
Куда ни кинемъ взоръ во множествѣ міровъ, —
На нашъ ли шаръ земной, иль выше облаковъ,
Во всемъ находимъ планъ, всему даны законы:
Небесныхъ и земныхъ огромныхъ тѣлъ милльоны
Взаимной связью силъ вращаясь межъ собой,
Математической всѣ движутся чертой,

---

*) Подъ словомъ счастіе, здѣсь разумѣется не почести, или иное какое внѣшнее возвышеніе, а мирная и безмятежная совѣсть.

И цѣли миновать не могутъ непремѣнной,
Къ которой правитъ ихъ Архитектонъ вселенной.
А если допустить отважимся на часъ
Слѣпого случая вліяніе на насъ,
Коль многое, чего умомъ не понимаемъ
И часто осуждать съ нелѣпостью дерзаемъ,
Капризу приписать свободна естества,
Отвергнувши совсѣмъ перстъ дивный Божества,
Увы! какую мысль мы выкинемъ ужасну
И въ хаосъ превратимъ подсолнечну несчастну!

Одно изъ двухъ велитъ разсудокъ полагать:
Или нечаянность, иль умыселъ признать;
Внезапности нельзя ни чѣмъ освободиться.
Коль такъ, — куда жъ ума работа вся годится,
Гдѣ духъ предвидѣнья, съ которымъ я рожденъ,
Гдѣ чувство мудрости, которымъ озаренъ?
Откуда извлеку, безъ воли я свободной,
Поступокъ мой благой и помыселъ негодной?
Когда въ страдательномъ такомъ стѣсненьи я,
Гдѣ жъ добродѣтели и гдѣ вина моя?
И какъ я соглашу, въ сомнѣньяхъ толкъ теряя,
Софизмы съ истиной взаимно побѣждая,
Путь твердый и прямой Религіи моей
Съ опасной и кривой случайности стезей?

Естественное зло одно лишь неизбѣжно!
Но если станемъ мы разсматривать прилежно,
Откуда къ намъ оно летитъ, какъ-будто вдругъ,
Коль будемъ примѣчать животныхъ дѣйствій

кругъ,

Увидимъ, что и бѣдъ физическихъ начало
Нерѣдко отъ самихъ отъ насъ проистекало.
Смерть ближнихъ и друзей такой для насъ ударъ,
Какого нѣтъ сильнѣй между природныхъ каръ!
Сей Неба мечъ не новъ—равно всѣхъ поражаетъ,
Въ пещерахъ застаетъ, на тронахъ настигаетъ.
Когда бы умиралъ одинъ на свѣтѣ я,
И всѣмъ переживать осуждено меня,
Тогда бы приговоръ столь грозный надъ собою
Имѣлъ я право счесть единственной судьбою;
Но видя общій долгъ, жить съ тѣмъ, чтобъ умирать,
Разсудокъ ропотъ злой обязанъ усмирять.
Зачѣмъ же, скажутъ мнѣ, тотъ вовсе не тоскуетъ
И свѣжъ, какъ твердый дубъ, лѣтъ за сто существуетъ;
Другой, въ недугахъ весь, шатается какъ тѣнь,
И дышетъ, такъ сказать, на ладанъ всякой день?
Спросите у себя, — причину совѣсть скажетъ;
Не случай вамъ, — а грѣхъ вашъ собственный укажетъ.
Благоразумія совсѣмъ забывъ уставъ,
И пламеннымъ страстямъ себя на жертву давъ,
Живутъ ли люди такъ среди растлѣнна свѣта,
Чтобъ мирно протекли опредѣленны лѣта?
Чего не дѣлаетъ безумный человѣкъ,
Чтобъ язвами покрыть и самый краткій вѣкъ?
И внѣ и внутренно сожженные страстями,
Недуги на себя мы возлагаемъ сами,
И часто въ мукахъ злыхъ безвременна конца
Вотще кляпемъ судьбу, вотще винимъ Творца.

Природа всѣхъ равно раждаетъ къ наслажденью,
А разумъ положилъ предѣлъ употребленью,
Животный механизмъ одинъ во всѣхъ тѣлахъ:
Тѣ жъ слезы бьютъ изъ глазъ, улыбка та жъ въ устахъ;
Но тотъ лишь, кто собой искусно самъ владѣетъ,
Въ спокойствѣ, въ тишинѣ вѣкъ долгій жить умѣетъ, —
Полезно для себя, безвредно для другихъ
Естественную нить кончаетъ дней своихъ,
И смертью къ небесамъ изгладивши посредство,
Потомкамъ чисту кровь передаетъ въ наслѣдство.
Рѣшительно сказать, — физическій сей свѣтъ
Не есть случайности страдательный предметъ,
Но Творческой руки онъ трудъ неизреченной;
Все планъ въ немъ, — все законъ, — порядокъ совершенной.

Возможно ли за симъ несправедливо мнить,
Что нравственны бѣды должны происходить
Отъ случаевъ слѣпыхъ, неправильно текущихъ,
Одну другой во слѣдъ всѣ участи влекущихъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! — Отъ физическихъ золъ
Коль часто насъ спасти удобенъ произволъ!
Тѣмъ болѣе отвесть моральныя напасти
При помощи Творца, конечно, въ нашей власти.
Погрѣшности свои приписывать судьбѣ
Есть, попросту сказать, потворствовать себѣ.
Мы всякую хотимъ свою неосторожность
Оправить, приводя предлогомъ невозможность;

Но взглянемъ на себя не въ тусклое стекло:
Возвратно къ намъ всегда приходитъ наше зло *)
Такъ точно, какъ земля горячи испаренья
Туманомъ гонитъ вверхъ въ воздушныя селенья,
И, образуя тамъ сводъ облачный густой,
Низводитъ ихъ въ себя жъ громовою стрѣлой. —
Судьба ли, напримѣръ, бываетъ виновата,
Когда отъ мотовства домъ барина богата
Изъ храма всѣхъ суетъ мгновенно иногда
Преобращается въ пустыню навсегда?
Судьба ли то творитъ, что люди молодые,
А часто видимъ мы и очень пожилые,
Безъ памяти влюбясь, такой свершаютъ бракъ,
Который счастья дать не можетъ имъ никакъ? —
Судьба ли, а не гнѣвъ, родитъ кровавы брани,
Даетъ герою духъ и укрѣпляетъ длани?
Судьба ли, не корысть, несетъ чрезъ океанъ
Отважнаго ловца съ богатствомъ разныхъ странъ?
Судьба ли, наконецъ, даетъ успѣхи мести,
Коварству торжество, удачу горькой лести,
И нынѣшнихъ сердецъ, умовъ, связей раздоръ
Къ судьбѣ ли отнесемъ уму наперекоръ?
Или, подобно тѣмъ повѣтріямъ повальнымъ,
Гнилого воздуха вліяніямъ печальнымъ,
Которыя родятъ въ насъ временной недугъ,
Стихіямъ отдадимъ вину своихъ прослугъ?
Уже ли съ воздухомъ вдыхаемъ заблужденья,

---

*) Зло значитъ здѣсь не преступленье одно, а всякая погрѣшность, вредъ, ошибка.

Упрямство, гордость, гнѣвъ и клятвы престу-
пленья? —
Съ стыдомъ, признаться намъ долгъ совѣсти ве-
литъ,
Что все, чѣмъ насъ судьба (какъ всѣ твердятъ)
разитъ,
Большою частію, по справкѣ самой вѣрной,
Есть плодъ безпечности, иль дерзости безмѣр-
ной.
Какъ часто, покорясь владычеству страстей,
Не смѣя разорвать ихъ пагубныхъ сѣтей,
Оспоривъ жарко тму полезныхъ доказательствъ,
Безъ умолку винимъ стеченье обстоятельствъ!
Неправда, — мы одни виною нашихъ бѣдъ!
Соблазнамъ проложивъ свободный къ сердцу
слѣдъ,
Балуя всякой день изнѣженныя чувства,
Порывъ ихъ удержать лишаемся искусства,
И только лишь тогда прочистимъ мы глаза,
Когда надъ головой виситъ уже гроза.

Нерѣдко страждемъ мы за истину святую,
И наглый клеветникъ подноситъ чашу злую;
Нерѣдко властелинъ, оставя правды путь,
Обмануть, — вноситъ мечъ на неповинну грудь:
Бываетъ! — Но и тутъ, сообразясь прилежно,
Найдешь плоды своихъ ошибокъ неизбѣжно.
Вѣдь честь и правота имѣютъ свой предѣлъ;
Шагни черезъ него — и въ пропасть полетѣлъ!
Уму покорна быть должна и добродѣтель;
И всуе слабый мужъ зоветея благодѣтель.

За пазухой змѣи отнюдь не согрѣвай;
Иль, — ею уязвленъ, не на судьбу пѣняй:
Къ злодѣю протянувъ спасительную руку,
Мы сами отдаемъ себя на вѣрну муку.
Безъ собственныхъ опоръ нечестье обличать,
По слову *Павла*, есть противъ рожна лишь прать;
Не къ мѣсту, кто велитъ съ богатыми равняться,
И карлу кто зоветъ съ богатырями драться?
Издревле начерталъ сей нравственный законъ
Изящной мудрости учитель Соломонъ.

Тотъ бѣдствовать всю жизнь въ животномъ
мірѣ будетъ,
Кто политическихъ силъ тяжесть позабудетъ;
Ихъ равновѣсіе толико жъ нужно намъ,
Какъ ровный воздухъ всѣмъ необходимъ тѣ-
ламъ.
Я слышу часто вопль, — такого-то убили,
А рядомъ съ нимъ того злодѣя пощадили;
Какой же это рокъ: — тутъ вѣдома вина:
Ружейному стволу препорція дана,
А воздухъ и огонь, въ немъ сжатыя, мгновенно
Въ ту точку пулю шлютъ, гдѣ пасть ей непре-
мѣнно.
Мы знаемъ, что стрѣлокъ, досадою горя,
Стрѣляетъ иногда, какъ говорится, зря;
Въ рукѣ лишь только махъ — ударъ въ цѣль
самъ несется:
Физическій законъ нигдѣ не прошибется.
А сверхъ того ты зналъ, скакавши на войну,
Когда покинулъ домъ, родъ племя и жену,

Что тамъ не карты въ банкъ—изъ пушекъ ядра мечутъ,
И вмѣсто нѣжныхъ ласкъ, иль бьютъ, или увѣчутъ, —
Зачѣмъ же ты пошелъ? — Взманилъ высокій чинъ.
Не могъ спокойно жить, какъ мирный гражданинъ;
А послѣ, разсердясь, винить судьбу сталъ строгу
За то, что лекаря пилить велѣли ногу.
Вотъ все и колдовство — чудеснаго тутъ нѣтъ;
Порядокъ естества таковъ же старъ, какъ свѣтъ,
И все разочтено, что дѣлается въ мірѣ,
До дня послѣдняго, какъ дважды-два—четыре.—

Я знаю, что къ себѣ нельзя такъ строгу быть,
Чтобъ каждый въ жизни шагъ отъ зла предохранить;
Что тѣсно съ суетой срослися человѣки,
Намъ истину сію свидѣтельствуютъ вѣки;
Но только лишь о томъ веду здѣсь разговоръ,
Что сами мы свой грѣхъ зовемъ къ себѣ на дворъ.
Естественно весьма всему тому дивиться,
Что недовѣдомой причиною творится. —
Мы чувствуемъ ударъ — и первый сердца гласъ
Есть ропотъ на судьбу, карающую насъ.
Простимъ сіе души невольное движенье;
Но время приведетъ на мысль соображенье:
Тогда, со всѣхъ сторонъ объявъ свою напасть
Все вспомня, осмотря и давъ разсудку власть,

Найдемъ, что въ чемъ-нибудь мы долгъ свой проронили,
Иль завременно себя не ополчили
Противъ моральныхъ тучъ всей массою тѣхъ силъ,
Которыми Творецъ на подвигъ насъ снабдилъ.
На стражѣ будь всегда, всечасно озирайся,
Всей крѣпостью души къ ударамъ дня мужайся!
Отъ дѣйства можетъ быть причина далека:
Не все тотчасъ и вдругъ бьетъ сильная рука.
Лѣтъ за двадцать назадъ готовились печали,
Зародышъ ихъ отъ насъ, но мы не примѣчали,
И потому все то судьбою нарекли,
Чего догадкой мы постигнуть не могли.
Какъ будто чудомъ звать обязанность имѣемъ
Все то, чего началъ извлечь не разумѣемъ;
Такъ точно, какъ мужикъ, бросая къ небу взоръ,
За чудо изъ чудесъ считаетъ метеоръ.
Избави меня Богъ помыслить такъ безбожно,
Чтобъ было что-нибудь *Богу* невозможно!
О! исповѣдую всей мыслью и душой,
Что Тотъ, Кто сотворилъ сводъ неба надо мной,
Кто солнцемъ озарилъ твердыню поднебесну,
Звѣздами и луной содѣлалъ ночь прелестну,
Кто тварьми населилъ вселенной широту,
Цвѣтами испестрилъ всю землю въ красоту,
Кто бездны усмирилъ, ярящіеся токи,
Временъ установилъ движеніе и сроки,
Чья сильная и та жъ всемощная рука

Орлу создавъ крылѣ, сложила паука,
И слономъ,— Тотъ, Кто духъ свой вдунулъ въ
человѣка;
Толико возлюбя его съ начала вѣка,
Что Сына Своего на муки осудилъ,
Дабы крестомъ весь родъ Онъ смертныхъ искупилъ:
Сей, всѣхъ существъ Господь, Творецъ одушевленья,
Всечасны силенъ намъ являть чудотворенья.
Я вѣрую сему, какъ неключимый рабъ;
Но былъ бы и умомъ и духомъ слишкомъ слабъ,
Когда бъ на свѣтѣ все, со мной что ни случится,
Чѣмъ сердце отъ вины моей не огорчится,
Приписывать хотѣлъ къ нечаяннымъ судьбамъ,
Или гадателей ко мнимымъ чудесамъ.
Стократно повторю — добро и зло извѣстно.
И гдѣ же подинни, коль въ мірѣ все чудесно?
Когда бъ подумалъ я, что мнѣ назначенъ рокъ,
Что я родился быть или добръ, или жестокъ,
Что участь мнѣ дана, и какъ бы осторожно
Ни велъ себя — ее избѣгнуть не возможно;
Тогда бъ осталось мнѣ лишь только пить и ѣсть,
И плоти послужа, сложивши руки сѣсть
Какъ истукану, ждать бездѣйствено могилы
Въ тотъ часъ, какъ изойдутъ всѣ жизненныя
силы!
Ахъ, нѣтъ! я не могу такъ думать о себѣ;
Предубѣдительной покорствуя судьбѣ,
Я дѣйствовать рожденъ — и дѣйствовать по волѣ.
Творецъ на выборъ намъ назначилъ равны доли:

Зависитъ отъ меня — такъ точно отъ меня. —
Быть добрымъ и худымъ, судьбины не виня.
Философы вотще съ ума насъ только сводятъ
И въ дѣйствіе ума темпераментъ приводятъ;
Напрасно говорятъ, что выпуклостью лба
Прообразуется и нравъ нашъ и судьба;
Что мы родимся быть иль кротки, иль тираны,
Смотря, какіе въ насъ подъ черепомъ органы:
Къ чему весь этотъ вздоръ разстроенныхъ
умовъ,
Затянутыхъ узломъ вещественныхъ оковъ?
Что могутъ плоть и кровь надъ сильною душою,
Противъ ихъ мятежа всегда готовой къ бою?
Творецъ намъ покорилъ не тигровъ лишь од-
нихъ;
Онъ силу побѣждать намъ далъ себя самихъ.
Раскинувъ бытія пространнѣйшу картину,
Далъ смыслъ уразумѣть въ немъ всяческимъ
причину,
Проникнуть научилъ всѣ тайны естества,
Постигнуть разныхъ тѣлъ животныхъ существа,
Внутрь сердца вкоренилъ безсмертья сладко
чувство,
Дѣятельность уму, рукамъ Онъ далъ искусство;
И я ли, персти горсть, какъ нѣкій лютый врагъ,
Дерзну послѣ такихъ неизреченныхъ благъ
Помыслить, что весь міръ, что человѣкъ съ
душою,
Водимый къ пропасти какою-то судьбою,
Что случай лишь меня туда, сюда влечетъ,
Что небо и земля—все невзначай течетъ?

—

Обманъ! — Не могъ Творцемъ создаться безъ
расчета *)
Не только цѣлый свѣтъ — ниже одна Іота!

Всевышній!—Ты явилъ и въ рай и въ адъ пути;
Дай силу совѣсти по первому идти,
На камнѣ Вѣры ставъ! Потщимся мы въ печалѣхъ
Глубоко начертать на умственныхъ скрыжалѣхъ
Урокъ Спасителя, идущаго на страсть:
Бди крѣпко — и молись — да не впадешь въ
напасть!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О ДАЧѢ ЖЕНАМЪ УБИТЫХЪ ВЪ АРМІИ ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ ПЕНСІОНОВЪ, СОСТОЯВШІЙСЯ АВГУСТА 30 ДНЯ 1799 ГОДА.

Идите, воины, на брани,
Животъ несите за царей!
Къ оружію прострите длани,
Покиньте дома женъ, дѣтей!

---

*) Слово расчетъ должно принято быть здѣсь не въ одномъ числительномъ смыслѣ, а въ разумѣ намѣренія, цѣли, закона.

Счастливый вѣкъ! — блаженно время! —
Съ васъ всѣхъ заботъ слагаетъ бремя
Россіи Царь, ея Отецъ!
За твердость въ подвигахъ подъятыхъ
Въ щедротахъ Павла пребогатыхъ,
Вамъ неба воздаетъ Творецъ.

Геройски вдовы ужъ не будутъ
Ходить за хлѣбомъ по дворамъ,
Уничиженіе забудутъ,
И клятвъ не изрекутъ Богамъ;
Склоня къ нимъ взоръ благоутробный,
Примѣръ щедроты безподобный
Съ престола Павелъ показалъ:
Вдовства печали услаждая,
Мужей ихъ вѣрность награждая,
По смерть имъ жалованья далъ.

Граждáнъ на брани убіенныхъ
Невинны, сирые птенцы
Почтутъ отцевъ имъ драгоцѣнныхъ
Побѣдоносные вѣнцы;
Они не возрыдаютъ болѣ,
Взрастутъ въ благополучной долѣ;
Объ нихъ всечасно Царь болитъ:
Онъ имъ отцевъ ихъ замѣняетъ,
Отъ ига бѣдности спасаетъ,
Онъ ихъ возводитъ и хранитъ.

И ты, вдова! лишась супруга
Въ поляхъ страны тебѣ чужой,

Оплакавъ смерть вѣрнѣйша друга,
Забуди о себѣ самой!
Приди въ отечество драгое,
И Павла имя чти благое;
Онъ путь тебѣ въ него открылъ.
Его казна — твое богатство.
Познай судьбы твоей пріятство;
Тебя сугубо наградилъ.

Хвалите Бога, Россіяне!
Еще Онъ не оставилъ васъ,
И имя Павла, сограждане,
Прославьте всюду всякой часъ!
Доколѣ милость имъ владѣетъ,
Ни въ чемъ онъ ввѣкъ не оскудѣетъ;
Ему дастъ Богъ — и дастъ сто кратъ!
Любовь къ нему въ васъ преизбудетъ;
Не златомъ лишь однимъ онъ будетъ —
Сердцами подданныхъ богатъ.

Избавить нища и убога
Отъ расхищающихъ его,
Се къ славѣ, Царь, тебѣ дорога!
Се свойства сердца твоего!
Будь кротокъ, Павелъ! долги вѣки!
Тебѣ подвластны человѣки
Люби, щади и возвышай!
Господь тебя да назидаетъ,
Да вся вселенная вѣщаетъ:
Гдѣ кротость царствуетъ — тамъ рай!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О КАРТОЧНЫХЪ ИГРАХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ Александра I.

Хвала и честь тому царю,
Который нравы исправляетъ
И неумѣренну игру
Указомъ строгимъ запрещаетъ!
Игра ничто иное есть,
Какъ способъ (въ точномъ смыслѣ слова)
Пріятно часъ, другой провесть,
Коль нѣтъ занятія инова.

Но зло вездѣ проложитъ слѣдъ.
Игра теперь уже выходитъ
Источникъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ:
Она до крайности доводитъ;
Игрокъ нерѣдко въ краткій мигъ
Всего лишается въ азартѣ *);
И сколько есть домовъ такихъ,
Гдѣ весь насущный хлѣбъ на картѣ!

---

*) Слово, у игроковъ весьма употребительное, которое и техническимъ у нихъ назваться можетъ.

Искусство, коимъ человѣкъ,
Невоздержанью строя бѣдство,
Прожить на счетъ другаго вѣкъ
Нашелъ легчайшее посредство —
Обманъ, которымъ иногда
Вельможа съ самымъ низкимъ збродомъ
Готовъ, безъ всякаго стыда,
Чужимъ потѣшиться доходомъ.

И мы хотимъ, чтобъ противъ насъ
Суровыхъ мѣръ не принимали!
Дай волѣ мигъ — и мы тотчасъ
Какъ дики козы забрыкали.
Для безразсудныхъ воли нѣтъ.
Благоразумная свобода
Изъ дѣлъ познать себя даетъ
У просвѣщеннаго народа.

А съ картой лечь и съ картой встать
Подъ видомъ время провожденья,
Дабы взманить и обыграть,
Есть плодъ послѣдня развращенья.
Игра всегда родитъ задоръ,
Задоръ разсудокъ отлучаетъ,
А безъ него начнется вздоръ —
И добродѣтель исчезаетъ.

Хвала тебѣ, Россійскій Царь,
Блюститель нравовъ на престолѣ!
Гдѣ врагъ пороку государь,
Тамъ всѣ живутъ въ счастливой долѣ.

Гдѣ зло не можетъ силы взять,
Тамъ царства твердаго примѣта!
Славнѣй народъ свой исправлять,
Чѣмъ всѣ плѣнить предѣлы свѣта!

На освобожденіе князя Сибирскаго.

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.

Когда любимцы Музъ едиными устами
Восшедшаго царя вѣнчаютъ похвалами,
И зря къ себѣ щедротъ небесныхъ въ немъ залогъ,
Въ Россіи вопіютъ: «Благословенъ нашъ Богъ!»
Столь истинный восторгъ всѣмъ сердцемъ ощущая,
Соотчичей моихъ блаженство раздѣляя,
Не силенъ чувствъ моихъ стихами показать
И въ нихъ до высоты престола достигать;
Но сердца моего послѣдуя движенью,
Вездѣ готовъ воздать хвалу благотворенью.
Не пышностью душа моя восхищена,
Лишь милостьми царей питается она.
Сибирскій! — паки князь — свободенъ и возстановленъ.
Да будетъ Александръ сугубо имъ прославленъ!

Что может слаще быть для добраго царя,
Как, всюду вкруг себя собой спасенных зря,
Погибших возводить — оковы рвать с не-
счастных —
Отверзть им к престолу путь воздыханиям под-
властных?
Не титлом царь велик — но кроткою душой;
Не войском он могущ, — но подданных
судьбой
Порфирой все цари между собою равны;
Но Титы и Антонины равно ли с Нероном
славны?
Ах, нет! — Монархов мы из дел их
познаем;
Жестоким платим дань — благим сердца да-
ем.
Сибирский! позабудь судьбы отягощенье:
Вольтер сказал: «не казнь поносна — пре-
ступленье.»
Ты сердца своего невинность сохранил,
Порочных торжеством ума не [illegible].
Узнав твои беды, твой ближний содрогнется,
Всеобщий глас тебя с почтением коснется!
Ты дома — близ тебя твой искренний — родной,
И мщенья не висит меч острый над главой.
Проникни, князь! молву последняго гражданина;
Кого из них твоя не тронула судьбина? —
Свобода, — дар Небес, навеки твой удел;
На троне Александр — невинный будет
цел!
Нигде достойной мзды не тратит добродетель;

Въ чертогахъ и въ тюрьмахъ — вездѣ ей Богъ свидѣтель.
Сколь подвигъ знаменитъ сопутницы твоей!
Какою похвалой воздать удобно ей!
Прости, почтенный мужъ, коль тайны открываю;
Восторга моего въ себѣ я не вмѣщаю,
Геройствомъ твердыхъ душъ единственно плѣненъ.
Колико бы я былъ природой награжденъ,
Когда бъ любви прямой я жертву столько цѣнну
Достойно вострубить умѣлъ во всю вселенну!—
Ты плачешь. . . . ахъ! слеза, сей первый вѣстникъ чувствъ,
Изъ сердца глубины влечется безъ искусствъ;
И въ радостяхъ она—она жъ и въ оскорбленьи
Смущенныя души являетъ всѣ движенья! —
Утѣшься, все прошло; Богъ тучи разогналъ!
Въ твоемъ, во всѣхъ сердцахъ день мира возсіялъ!
Надежда, смертныхъ всѣхъ отрада сокровенна,
Которою живетъ и движется вселенна,
Надежда намъ сулитъ спокойство тихихъ дней.
Дай Богъ! (твержу стократъ отъ всей души моей)
Чтобъ кротостью вовѣкъ подобенъ былъ отнынѣ
Нашъ Первый Александръ Второй Екатеринѣ!

ПОСЛАНІЯ.

[illegible]

Кн. Гр. Сем. Волконскому.

—

Ипатъ широкихъ странъ, внемли мои два слова!
Волконской! я въ тебѣ зрю барина прямова,
Какими въ старину бывало иногда
Россійская страна любила быть горда!
Отечеству служить ты долгомъ чтилъ любезнымъ,
Куда ни кликнетъ царь, спѣшишь тамъ быть полезнымъ;
Всевышняго рукой на подвигъ укрѣпясь,
Въ день брани ты герой—въ день мира добрый князь:
Чалма твой юный жаръ еще не забываетъ,
Уралъ и Донъ твои сѣдины прославляетъ;
Казакъ, Башкиръ, Калмыкъ въ глаза тебѣ глядятъ:
Ты съ ними богатырь,—подчаетъ и дипломатъ.
Ни ленты, ни чины твоей не высятъ славы;
Гордится ими тотъ, для общей всѣхъ забавы,
Кому кидаетъ ихъ по дюжинѣ въ надѣлъ
Фортуна безъ очей, проказливый пострѣлъ;
А ты свой каждый крестъ, свой каждый шагъ въ гражданствѣ

Иль кровію стяжалъ, иль вѣрностью въ под-
данствѣ.
На совѣсти твоей пятна мздоимна нѣтъ,
И пенязей къ тебѣ не сыплютъ въ кабинетъ;
Лѣнтягъ и шалуновъ не возишь за собою;
Не терпишь у себя картежнаго разбою;
Но роскоши платя дань должную и самъ,
Порою, говорятъ, угащиваешь дамъ;
Уфа и Оренбургъ въ твои вояжскія залы
Съ московскимъ щегольствомъ съѣзжаются на
балы;
Привѣтливость ко всѣмъ усерденъ ты казать;
Къ заочнымъ не лѣнивъ на письма отвѣчать;
Не мнишь унизить тѣмъ ни сана, ни породы,
Когда употребишь мгновеніе свободы
На то, чтобы законъ учтивства сохранить: —
Чинъ права не даетъ ни съ кѣмъ невѣждой быть.
Храмъ Божій для тебя есть горнее селенье,
Въ которомъ ты, забывъ мірское обольщенье,
Духовною къ Творцу любовію горя,
Въ восторгѣ въ небѣ весь, блажишь царей Царя.
Ты всю свою страну къ наукамъ пріучаешь,
Встаешь до пѣтуховъ, и самъ стихи читаешь,
Не думая, какъ тма полубояръ пустыхъ,
Что будто пользы нѣтъ для общества отъ нихъ.
Словесности любя и разумѣя цѣну,
Сумбурщицей не чтишь въ Расинѣ Мельпомену;
И, Таліи познавъ въ Мольерѣ красоты,
Піитовъ любишь ты волшебныя мечты.
Ты высшую хранить умѣешь добродѣтель, —
Тобою не забытъ ни другъ, ни благодѣтель;

Донынѣ помнишь, князь, мою старушку-мать
За то, что вмѣстѣ съ ней учился ты читать,
Родителей ея въ семействѣ воспитался,
И лаской стариковъ какъ сынъ обогащался:
Разительный примѣръ и правды той залогъ,
Что кровь даетъ родныхъ, а пастыря шлетъ
Богъ.
За то по смерть и мнѣ пребудутъ незабвенны
Портретъ твой и тулупъ *), какъ даръ неоцѣ-
ненный.

Довольно! — все сказалъ, что думалъ ужъ
давно.
Красны ль мои стихи, иль нѣтъ, мнѣ все равно,
Лишь только бъ ты проникъ мои глубоки чувства
И вѣрилъ, что я ихъ повѣдалъ безъ искусства.
Еще, когда бы ты былъ близко у двора,
Фелицы Внука зрѣлъ севодни и вчера,
Я, можетъ быть, тебѣ, придворнымъ подражая,
И быль и не быль плелъ, хвалами изумляя,
Но кто изъ сихъ господъ закинетъ вдругъ свой
взоръ
Со льдинъ Невы-рѣки на верхъ Рифейскихъ горъ?
Я льстить не пріученъ ни Музой, ни природой:
Что чувствую — пишу, и съ полною свободой.
Въ отечествѣ моемъ кто читывалъ, меня
Тотъ знаетъ, что не льстивъ и простодушенъ я.
Піитомъ никогда въ потомствѣ не воскресну,

*) Князь прислалъ мнѣ въ подарокъ портретъ свой и прекрасный азіатскій тулупъ.

Въ архивахъ изотрусь,—но съ зависти не тресну,
И тѣмъ вознагражу подъ старость я себя,
Что чтить умѣлъ добро, и съ нимъ воспѣлъ тебя,
Оставя честь другимъ, познавшимъ ключъ науки,
Со мной далеко раздавать пріятныхъ пѣсенъ звуки.
Хочу, чтобы языкъ чужой о мнѣ не рекъ:
Онъ славный былъ піитъ, но подлый человѣкъ.

Будь здравъ, почтенный князь! живи должайши годы,
Мужайся на стезѣ достойной той породы,
Которая тебѣ дала свои черты! —
Подъ кровомъ Неба тотъ, кто дѣйствуетъ, какъ ты!

Несчастной красавицѣ.

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла — обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота, гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,

Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ Ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вышнѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи!
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверзтыи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать навѣкъ ихъ нынѣ сжала!
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О, время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ!
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ,
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье, —
Все случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,
Платила дань страстямъ и чувственно жила!
Чье сердце противъ язвъ судьбы жестокой твердо,
Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немило-
сердо?
Какъ кормчій, въ тростникахъ увязнувши съ
ладьей,
Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
Далеко за собой оставивши пучину, —
Такъ силою твой умъ изъ омута суетъ

Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
Погибъ — и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
Что дѣлать безъ ума?—Жизнь—мука; свѣтъ—хаосъ;
Не внемлется совѣтъ, не страшенъ гласъ угрозъ.
Готовъ уже твой стражъ, звенятъ неволи узы,
Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы;
Бѣги отъ міра прочь — отрекся онъ тебя,
И ближній твой въ тебѣ не зритъ уже себя:
Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
О, если бы ты тамъ облобызала Вѣру,
И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
Но могутъ ли вмѣстить ея дары священны
Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,
Дѣваться, дни свои плачевные скончать?
Безъ мира въ мірѣ жить несносно! Скрыться въ кельи;
Тамъ четки замѣнятъ алмазны ожерельи:
Такъ думалъ, посмотрѣвъ я съ жалостью на ту,
Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту;
Вздохнулъ и пороптала. — На что жъ намъ дарованья,
Художествъ и наукъ полезныя познанья,
Когда не бережетъ натура ничего?
Тоскуй, сѣдѣй, умри — и вотъ предѣлъ всего!

Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
Паси въ степяхъ овецъ, или садись на троны,
Остеръ будь, или тупъ, атлетъ, иль дряхлъ и слабъ —
Ты узникъ естества, титулъ твой — Божій рабъ, —
Сынъ персти, крупный червь, мятущійся всечасно,
Въ которомъ и добро не вовсе безопасно.
И слѣдуетъ ли намъ оттоль, что давимъ тварь,
Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?
Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
Царь съ скиптромъ, а Парѳенъ съ сумой равно хлопочетъ.
Ничто здѣсь не для насъ; мы сами для того,
Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.
Севодни ты Востокъ и Западъ покоряешь,
Севодни ты моря судами покрываешь;
А завтра какъ-нибудь, и не спросясь тебя,
Животный механизмъ разстроитъ чуть себя,
То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ справить,
И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
Почто же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,
Когда Деспотъ и Негръ въ одинъ ложатся гробъ?
Когда тотъ и другой, по дѣйствію природы,
Трепещутъ иногда малѣйшей непогоды?
О, истина! тебя все намъ познать велитъ —
И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

Счастливый человѣкъ.

Ainsi de ses beaux jours parcourant la carrière
L'homme qui pas a pas a suivr son devoir
Tranquille le matin, et tranquille le soir
S'endort comme l'enfant sur le sein de sa mere.

—

Блаженъ, кто самъ въ себѣ умѣетъ
Свое спокойство находить!
Блаженъ, кто съ волей мочь имѣетъ
Страстямъ предѣлы положить!
Кто все, чѣмъ пышный міръ гордится,
Снискать постыдностью не льстится,
Кто любитъ Бога, правду, честь,
И смѣлы взоры на лукавыхъ
Равно бросаетъ, какъ на правыхъ,
Кому не страшна злобы месть!

Чего, чего ему бояться?
Съ нимъ Богъ, съ нимъ истина Его;
Какихъ напастей устрашаться?
Предъ нимъ сѣть міра — ничего.
Онъ нища, сира не обидѣлъ,
Онъ ближня не возненавидѣлъ,
Свое чужимъ не умножалъ;
Подобно тигру разъяренну,
Въ лѣсу на агнцовъ устремленну,
Людей безсильныхъ не терзалъ.

Женой, по сердцу имъ избранной,
Безъ лицемѣрія любимъ;
Семьей, отъ Бога низпосланной,
Въ маститой старости хранимъ.
Когда дѣтей онъ поучаетъ,
Софизмами не обольщаетъ:
Одну лишь правду имъ твердитъ:
Она изъ устъ его рѣкою,
Сильна, важна, сама собою,
Безъ краснорѣчія, рабитъ.

Какія случаевъ премѣны
Его способны колебать?
Какія мелкихъ душъ измѣны
Его возмогутъ огорчать?
Онъ знаетъ то, что свѣтъ сей Богомъ
Для добродушныхъ данъ залогомъ
Его безчисленныхъ щедротъ,
Которыхъ тотъ, кто въ немъ спокойно
Препроводилъ свой вѣкъ достойно,
Въ раю богатый взыщетъ плодъ.

Онъ знаетъ то, что въ сей юдоли
Творецъ назначилъ два пути:
Что непремѣнно въ нашей волѣ
Любымъ изъ нихъ изъ двухъ идти.
Одинъ наполненъ красотами,
Усыпанъ нѣжными цвѣтами:
Иди, рѣзвись — и адъ встрѣчай;
Другой сквозь мрачныя долины

Отвсюду кажетъ злы стремнины —
Иди, терпи — и внидешь въ рай.

Игрушки міра и наряды,
Изъ коихъ бьется цѣлый свѣтъ,
Суетъ мечтательны награды
За самый низкій чтитъ уметъ.
Все здѣсь и тлѣнно и не вѣчно,
И смѣхъ и горе скоротечно;
Постигнетъ смерти лютый часъ:
А тамъ какъ не съ чѣмъ появиться!
Сюда нельзя ужъ возвратиться,
Чтобъ добрыхъ дѣлъ собрать запасъ.

Любви, сей пагубнѣйшей страсти,
Посредствомъ коей человѣкъ
Слезамъ нерѣдко и напасти
Приноситъ въ жертву краткій вѣкъ,
Ему не страшны воспламенѣнья;
Взирая на ея волненья,
Какъ водъ на возмущенный токъ,
Болитъ о слѣдствіяхъ несчастныхъ
Поползновеній нашихъ страстныхъ
И свой отъ нихъ спасаетъ рокъ.

Онъ душу, сердце, умъ и свойства
На пользу ближнихъ посвятя,
Хранитъ тѣмъ связь благоустройства;
Но Богомъ смертнаго не чтя,
Не ставитъ въ женщинахъ кумира,
И выше всѣхъ предѣловъ міра

Возноситъ духъ свой къ небесамъ:
Какъ огнь, прорвавшись изъ строенья,
Шлетъ паръ въ воздушныя селенья,
Такъ онъ стремится въ горній храмъ.

Всѣ твари, малы, иль велики,
Влекутъ отъ Бога бытіе;
Цари земные и владыки
Имъ держатъ царствіе свое:
Онъ, зная то, съ благоговѣньемъ
И съ твердымъ удостовѣреньемъ,
Что быть властямъ самъ Богъ велѣлъ,
Въ лицѣ царей Ему послушенъ,
Въ гоненьи, въ славѣ равнодушенъ,
И въ злоключеньяхъ духомъ смѣлъ.

Блаженъ, кому дала природа
Не только думать такъ — и жить!
Его ни знатная порода,
Ни чинъ не сильны изумить; —
Вотще бы ядъ умовъ опасныхъ,
Иль хвала людей пристрастныхъ,
Его усилилась тронуть:
Среди случаевъ внѣшнихъ, тѣсныхъ
Онъ правилъ внутреннихъ и честныхъ
Себя на добрый ставитъ путь.

Какъ камень твердый наединѣ,
Отторженный отъ дикихъ горъ,
Во мрачной безднѣ морскихъ пучинѣ
Страшитъ пловцовъ смущенный взоръ,

Сѣдыя волны разъярясь,
Отъ сильной бури воспѣнясь,
Въ него съ ужаснымъ ревомъ бьютъ,
Его чудовища объемлютъ;
Ни чѣмъ, ни чѣмъ не поколеблютъ:
Сей камень вѣченъ будетъ тутъ!

Такъ твердъ и тотъ на здѣшнемъ свѣтѣ,
Кто добродѣтель возлюбилъ,
Кто сердца въ искреннемъ обѣтѣ
Законы Божьи положилъ.
Когда другимъ большая сфера,
Призракъ страстей, честей химера,
Потребно множество суетъ;
Онъ средственнымъ тогда имѣньемъ
Владѣетъ съ тѣмъ же утѣшеньемъ,
Какъ-будто бъ былъ его весь свѣтъ.

Гдѣ нуждъ естественныхъ границы,
Его желаньевъ тамъ предѣлъ;
Другимъ все надобны столицы —
Ему вездѣ хорошъ удѣлъ.
Въ глазахъ его лишь то прекрасно,
Что съ пользой истинной согласно;
И для другихъ и для него
Вездѣ душевный миръ находитъ
Затѣмъ, что оный происходитъ
Отъ чувства собственно его.

О, мой герой! о, мужъ примѣрный!
Великъ и счастливъ ты одинъ;

Ты образъ Божій истый, вѣрный,
Когда надъ сердцемъ господинъ!
Въ какомъ ни крылся бъ ты народѣ,
Въ какомъ ни брошенъ темномъ родѣ,
Самой порфиры не желай!
Цари, когда страстямъ подвластны,
Бываютъ также сплошь несчастны;
А ты — вездѣ находишь рай!

Ты съ нимъ пребудешь неразлучно
Среди житейскихъ всѣхъ премѣнъ;
Тебѣ нигдѣ не будетъ скучно:
Твой жребій благъ и совершенъ.
Тебя сограждане уважутъ,
Дѣла твои потомкамъ скажутъ,
И славы рогъ ихъ вострубитъ;
А здѣсь твой каждый шагъ успѣетъ,
Твоя земля не оскудѣетъ:
Ее Всесильный угобзитъ.

Ахъ! если вправду обитаетъ
На нашемъ онъ земномъ шару —
Когда не мысль одна вѣщаетъ
Восторгомъ движиму перу, —
То гдѣ въ пространной поднебесной
Толико подлинникъ прелестной
Найдешь средь смертныхъ естества,
Чья жизнь есть опытъ совершенства,
Чья смерть должна быть дверь блаженства,
Чей умъ есть пламень Божества?

Приду ли къ вамъ на пиръ, вельможи,
Искать подвижника сего;
Дерзну сказать — какъ мало схожи
На идеала моего! —
Твердя вездѣ: «вотъ Богъ свидѣтель!
«Что намъ любезна добродѣтель,
«Что другъ намъ всякой человѣкъ,»
Ужомъ и жабою вертитесь,
И днями ближняго стремитесь
Удвоить вашъ безплодный вѣкъ.

Найду ль у васъ, вы, кои въ мірѣ
Философовъ названье взявъ,
Въ поверженной подъ мечъ порфирѣ
Явили буйство вашихъ правъ,
Съ конца въ конецъ всю твердь плѣнили;
Вы, кои съ корня своротили
Родство, пріязнь и судъ царей;
Вы, кои вовсе безъ закона
Обломками гордитесь трона
И хищность превзошли звѣрей?

У васъ ли, кои всё карая
Равно невинность и вину,
На вольность мнимую мѣняя
Прямой свободы тишину,
Разверзли адскія утробы
Непостижимой въ людяхъ злобы,
И душъ мильоны погубя,
Изъ книгъ писателей зловредныхъ

Гнилыхъ сердецъ, разсудковъ бѣдныхъ
Всосали горькій ядъ въ себя?

Ахъ, нѣтъ! не ваше поученье,
Не ваши хитрыя слова
Плѣнятъ мое воображенье
Картиной мужа такова!
Скорѣй отъ васъ отворочуся
И отыскать его рѣшуся
Въ стѣнахъ у добрыхъ поселянъ:
Они умовъ не просвѣтили,
Но въ духѣ цѣлу сохранили
Невинность древнихъ христіанъ.

О, Боже! Ты, распредѣляя
Судьбы и чинъ вселенной всей,
Всю тварь дарами надѣляя
По роду, свойственному ей,
Когда щедротъ обогащеньемъ
Твоимъ всесильнымъ провидѣньемъ
Назначенъ бренный человѣкъ
Живымъ Тебѣ уподобляться,
По смерти раемъ наслаждаться
И некончаемый жить вѣкъ; —

То той же Ты всемощной властью
Мою невинность сохрани!
Борись во мнѣ съ моею страстью,
Отъ стрѣлъ ея оборони!
Вели — и пусть святая Вѣра,
Сорвавъ личину съ лицемѣра,

Его соблазны обличитъ!
Вели — и пусть сердца кровавы,
Въ убійствахъ ищущія славы,
Геенна тотчасъ попалитъ!

Тебя, Всевышній! призываю,
Душа озлобленныхъ сердецъ!
Въ Тебѣ желаньевъ центръ вмѣщаю,
Любви начало и конецъ!
Коль мужъ, представленный здѣсь мною,
Угоденъ будетъ предъ Тобою,
Коль имъ наполненъ Твой законъ, —
Яви ко мнѣ Ты благость многу:
На ту жъ поставь меня дорогу —
Да буду я таковъ, какъ онъ!

Прогулка на Трехъ горахъ.

На что намъ тлѣнности примѣры
За триста лѣтъ до насъ искать;
Не все ль и днесь въ пространствѣ сферы
Ее удобно возвѣщать?
На что давнишнихъ царствъ паденье,
Народовъ сильныхъ истребленье,
Военный подвигъ злыхъ сердецъ?
Безъ нихъ всякъ можетъ научиться,
Природы свойствомъ убѣдиться,
Что въ мірѣ есть всему конецъ.

Вокругъ себя вездѣ бросая
Прилежно любопытный взоръ
И тѣлъ въ существенность вникая,
Вездѣ зрю смерти приговоръ,
Всему предѣлъ, пора и время,
Во всемъ духъ жизни, дѣйство, племя,
И съ тѣмъ же вмѣстѣ вижу я
Неумолиму смерти силу
Въ одну влекущую могилу
И насѣкомыхъ и меня.

О, рокъ естественности тлѣнной!
Велишь — и вдругъ валится тронъ!
Животъ и смерть — вотъ сей вселенной
И основанье и законъ!
Въ образованіи природы
Перстъ Божій назначая годы,
Исчислилъ ихъ для твари всей.
Земля милльонъ существъ питаетъ,
Родитъ,раститъ и умножаетъ;
И послѣ все предастся ей.

На дняхъ, прогуливаясь въ полѣ,
Плачевный опытъ зрѣлъ того,
Что смерть и въ самой красной долѣ
Не пожалѣетъ никого.
Въ саду, гдѣ всякой веселился,
Гдѣ воздухъ день и ночь курился
Благоуханьемъ нѣжныхъ розъ,
Гдѣ все дышало восхищеньемъ, —

Тамъ зрѣлъ я съ нѣкимъ отвращеньемъ
Пустыни мерзость и навозъ.

Когда я тутъ напоминаю
Моей веселости часы,
Всю нѣгу роскоши мечтаю,
Прошедша времени красы,
Едва себѣ повѣрить смѣю,
Съ трудомъ постигнуть разумѣю
Скоропостижность сихъ премѣнъ!
Давно ль я слышалъ тутъ свирѣли?
Севодни слышу враньи крики,
Паденье зрю, согнившихъ стѣнъ.

Давно ль тамъ были маскерады,
Толпилисъ тысячи людей,
Вездѣ игра, вездѣ прохлады,
Ракетки, плошки — тма затѣй?
Давно ль хозяинъ тороватый,
Вельможу звавъ на пиръ богатый,
Аршинныхъ стерлядей крушилъ?
Давно ль? . . . . И вдругъ мечты пропали,
Всѣ въ преисподнюю низпали,
И тотъ, кто ѣлъ, и кто кормилъ.

Давно ль бояра изъ столицы
Туда съѣзжалися смотрѣть,
Какъ, въ честь премудрыя Фелицы,
Прозрачный будетъ щитъ горѣть?
Давно ль? . . . . И все какъ сновидѣнье,
Обворожившп наше зрѣнье,

Исчезло послѣ малыхъ лѣтъ:
Столпы балкона позалялись,
Цвѣты поблекли, птички скрылись;
Фелица! — и Тебя ужъ нѣтъ! . . .

При мысли сей я содрогнулся,
Мой быстрый притупился шагъ,
Стѣсненнымъ вздохомъ захлебнулся
И тму Ея представилъ благъ.
Тебѣ, кротчайшая Царица!
Тебѣ, премудрая Фелица!
Восторга жертву тутъ принесъ.
Коль смертный вновь животворится,
То пусть твой духъ тамъ усладится
Моей усердной каплей слезъ!

Цари! что̀ ваше восхищенье?
Безсмертныхъ нѣтъ у васъ трофей;
Изъ бѣдныхъ устъ воскликновенье
Алмазныхъ скипетровъ славнѣй!
Фелицы память вѣчно чтима,
Щедротами боготворима,
Еще за гробомъ будетъ жить!
Сіе всѣмъ сердцемъ ощущаю,
И что здѣсь въ ясны дни вѣщаю,
Дерзалъ подъ тучей говорить.

И такъ, увы! все тлѣнно въ свѣтѣ!
Умноживъ тяжкій вздохъ сказалъ:
Въ большомъ ли, въ маломъ ли предметѣ,
Такъ быть Всесильный указалъ;

Сему ничтожеству причастно,
Во всѣхъ стихіяхъ все подвластно
Отъ мелкой твари до большой;
И въ непрестанномъ семъ волненьи
Житейскихъ кораблекрушеньй
Гдѣ жъ пристань? — Въ Вѣрѣ лишь одной!

Тобой, Религія святая!
Кто искренно одушевленъ,
Тотъ, смерть безъ страха ожидая,
Всегда спокоенъ и блаженъ.
Въ тебѣ вседневно утверждаюсь;
Не риторствомъ жрецовъ плѣняюсь,
Но истиннымъ твоимъ добромъ:
Меня въ печали утѣшаешь,
Меня въ гоненьи защищаешь,
Отводишь злочестивыхъ громъ.

Твои столпы пребудутъ вѣчны,
И время ихъ не потрясетъ!
Мечтанья смертныхъ скоротечны;
Въ тебѣ духъ Творческій живетъ.
Ты намъ велишь не воздыматься,
Любовью къ ближнимъ согрѣваться,
Любезна милости хвала!
Составъ скудельный исчезаетъ,
Богатство, слава — погибаетъ;
Но добрыя не мрутъ дѣла.

Прогулка въ Савинскомъ *).

Закатилось солнце красно,
Мѣсяцъ всталъ — и поблѣднѣлъ,
Небо вызвѣздѣло ясно,
Мой соловушка запѣлъ!
Лѣсъ дремучій за вѣтвями
Спряталъ птичекъ отъ ружья,
И въ тѣни между кустами
Въ омутъ свой текла струя.

Я, замученъ злой тоскою
И неправдою людей,
Шелъ безвѣстною тропою
Ныть украдкой отъ друзей,
И внезапу очутился
Я въ волшебной сторонѣ;
Протиралъ глаза, крестился,
Ужъ не грѣзится ли мнѣ.

Тамъ нашелъ я садъ обширной
Въ островахъ между дорогъ,
Въ чувствѣ сельской жизни мирной
Чистымъ сердцемъ зрится Богъ. —
Тамъ все Вѣры возношенье,
Истой мудрости отливъ,

*) Помѣстье И. В. Лоп. близъ нашей подмосковной, гдѣ и стихи сіи писаны.

Каждый взглядъ — есть поученье,
Каждый шагъ — іероглифъ.

Тамъ во храминѣ широкой,
При потокѣ чистыхъ водъ,
Открывается высокой
На столпахъ четырехъ сводъ;
Онъ героя вспоминаетъ,
Богатырской вѣкъ златой,
Репнина изображаетъ
Имя яркою чертой.

Тутъ Жанъ-Жаковъ образъ славный
Въ бездыханномъ гипсѣ зрю;
Живъ философъ благонравный,
Съ нимъ я духомъ говорю;
На стѣнахъ вокругъ читаю
Любомудрія уставъ;
Имъ свой разумъ просвѣщаю,
Образую гибкій нравъ.

Здѣсь угрюмый озирался
Съ удивленіемъ Сократъ,
Истуканъ его шатался, —
Онъ бѣжать хотѣлъ назадъ.
Сколько Сѣверъ ни гордится
Поднебесною своей;
Счастливъ тотъ, кому родиться
Тамъ случилось, гдѣ теплѣй!

Тамъ, за мрачными волнами,
Юнговъ островъ, — тутъ онъ самъ;

Меланхолія съ слезами
Предъ нимъ дѣетъ ѳиміамъ;
Ночь ему и мертву служитъ
Вдохновеніемъ своимъ:
Онъ въ кумирѣ даже тужитъ
И печаль виситъ надъ нимъ.

Ужасъ вдругъ вселился въ чувства,
Сердце дрогнуло во мнѣ!
Въ куклахъ разнаго искусства
Мысль моя наединѣ
Тѣни мертвыхъ возбуждала,
И сладчайшею мечтой
Зрѣнье, слухъ и рѣчь давала
Имъ подобныя со мной.

Вотъ китайская граница
И Пекинъ въ моихъ глазахъ,
Вотъ Конфуція гробница,
Какъ невѣста, вся въ цвѣтахъ.
Идеально покланяюсь
Мужу дивному сему,
И всѣмъ сердцемъ восхищаюсь
Жертвой умнаго уму.

Мимоходомъ возлѣ бочки —
Заглянулъ я и въ нее;
Тамъ прочелъ я двѣ-три строчки:
Чувствомъ добрымъ дышетъ все.
Чай, лагунъ былъ незавидный
Тотъ, въ которомъ Діогенъ

Нагишомъ блажилъ безстыдный
На позоръ своихъ временъ.

Вонъ рыбачая слободка,
Всякой ѣствой столъ закрытъ;
То-то жадному находка, —
Безпрестанно былъ бы сытъ.
Безъ чудесъ маляръ всѣ лицы
Разныхъ рыбъ живописалъ:
Такъ въ Сидонѣ у вдовицы
Водоносъ не убывалъ.

Среди неводовъ и мрежей
Опрокинутый челнокъ
Возвѣщаетъ кистью свѣжей,
Какъ зовутъ сей островокъ.
Славься вѣчно, Ломоносовъ,
Знаменитый рыболовъ!
По витійству — слава Россовъ,
А по лирѣ — сынъ боговъ.

Сколь плѣнительна предметовъ,
Разнородна всюду смѣсь!
Тамъ затворъ Анакоретовъ,
Аполлонъ съ Олимпомъ здѣсь;
Тутъ сквозь новую руину
Воря (*) старая бѣжитъ;
Иль къ поддѣльному овину
Русскій пахарь снопъ тащитъ.

---

*) Имя *рѣки.*

Но театръ уже мѣнялся,
Декорація сошла,
День на сцену снаряжался,
Ночь, сыгравши роль, ушла;
Кони Фебовы впряглися,
Ждали свистъ природы въ путь,
А планеты уплелися
За кулисы отдохнуть.

Между тѣмъ пора мнѣ было,
Кончивъ странствіе мое,
Пробираться въ свое жило
Разсказать домашнимъ все.
Но за кѣмъ же, думалъ нынѣ,
Столько миленькихъ затѣй? —
Кто умѣлъ на десятинѣ
Снять экстрактъ вселенной всей?

На мои недоумѣнья
Недалеко былъ отвѣтъ:
Стулъ, который для сидѣнья
Въ дубѣ, жившемъ двѣсти лѣтъ,
Очень выдолбленъ прекрасно,
Стоя на полѣ одинъ,
На письмѣ казалъ всѣмъ ясно:
Здѣсь помѣщикъ Лопухинъ *).

Наслаждайся, мужъ почтенный!
Вѣчно куплею своей;

---

*) На пнѣ этого дуба написано, что онъ росъ 200 лѣтъ тому назадъ; изъ него вышелъ стулъ очень покойный.

Садъ твой прямо садъ безцѣнный
Въ полномъ смыслѣ рѣчи сей. —
Пусть цари цѣною денегъ
Могутъ въ свѣтѣ все стяжать,
Но серебряныхъ копѣекъ *)
Гдѣ жъ кому сто тысячъ взять?

Прогулка въ Кусково.

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной!
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастной?
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Земли лоскутикъ драгоцѣнный—
Кусково! милый уголокъ,
Эдема сколокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ

*) Эта дача куплена была предками И. В. Лоп. за 1,000 руб., кои заплачены серебряными копѣйками.

В воскресный день позабывался
И всякой чѣмъ-нибудь плѣнялся! —
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ, какъ облака;
Кусково было всѣмъ запасно, —
Проси хоть птичья молока:
Куда пять пальцовъ ни протянешь,
Вездѣ пріятности достанешь.
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Свобода, мать увеселенья,
И роскошь съ нею за одно,
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребра и злата кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ,
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорятъ,
Валятся стѣны залъ огромныхъ,
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Театръ волшебный подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ, —
Умолкли нѣжной груди звуки,
И Крезъ меньшой скончался въ скукѣ. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Пустыни нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли наверхъ подняться снизу,
Безъ лѣстницъ, гость и господинъ,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столъ различны блюда. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Изсякли мраморны фонтаны,
Нептуновъ сухъ водопроводъ,
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ;
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
И зной полдня варитъ все варомъ. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола
Сзывалъ на край пруда матерый;
Волна ихъ сизая несла;

Нырнутъ на пристань — усъ разложутъ,
И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложутъ.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Цари, царицы, посѣщая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ рая
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По рощамъ разносили эхи.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Куда владыко твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей;
Его печали не касались
И всѣ затѣи удавались
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращая плачъ —
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

От҃ъ всхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злата:
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!
Москва вотще твой прахъ блажила,
Лобзала, пѣла и кадила;
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Ни ленты разнаго покрою,
Алмазны звѣзды съ жемчугомъ,
Ни груды денегъ за тобою
Не шли во слѣдъ въ твой новый домъ.
Урокъ данъ сильный Небесами,
Чтобъ не плѣняться суетами;
Что время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Такъ въ свѣтѣ слава, честь, порода —
Все гибнетъ волею Творца!
Ветха становится природа;
Мгновенье общаго конца
Во всеобъемлющемъ пожарѣ
Постигнетъ вещи всѣ и твари;
И само время, врагъ всего,
Съ руля свернется своего!

Плачъ надъ Москвою.

—

Въ годину лютыхъ золъ, въ день страшныя бѣды,
Когда въ огнѣ Москва Везувій представляла,
Дѣтей своихъ во всѣ заставы извергала
И кровію граждань багрила ихъ слѣды,
Когда чрезъ двѣсти лѣтъ столицу вновь карали,
Сквернили алтари, въ домахъ и казнь и плѣнъ,
Бѣжали безъ ума толпы мужей и женъ
И весь домашній скарбъ злодѣю покидали, —
Взглянулъ и я на Кремль — ударилъ въ перси, взвылъ,
Схватя жену, дѣтей, давно ліющихъ слезы,
Въ безпамятствѣ помчалъ на устье тихой Тезы;
И тамъ отъ всякихъ золъ Господь меня укрылъ.
Тамъ малый городокъ уѣзднаго разряда
По роскоши своей давно большимъ слыветъ;
Въ немъ всякій жирно ѣстъ, до дна изъ рюмки пьетъ,
И подчивать гостей всѣ держутся обряда.
Нашелся добрый мужъ, который Бога чтилъ,
Въ воскресный день ходилъ къ обѣдни помолиться,
Хорошій хлѣбосолъ, сообщество любилъ,
Своимъ добромъ готовъ со всѣми подѣлиться;
Съ прекрасною душой пригожая жена,
Два дѣтища — сестра — семейство составляли;

Въ обычаяхъ простыхъ пріязни обитали,
И совѣсти у нихъ не мучилъ сатана:
Увидя насъ, судьбу почувствовали нашу,
Пустили на житье въ свой собственный тамъ домъ,
Поставили хлѣбъ-соль и щей горячихъ чашу,
А сами вонъ пошли искать чужихъ хоромъ.
У нихъ, и день и ночь о родинѣ вздыхая,
Какъ-будто бы весь міръ въ послѣдній день го-
рѣлъ,
Унылый тотъ псаломъ царя Давида пѣлъ,
Который онъ сложилъ, Сіонъ воспоминая.

Гнѣвъ Божій надъ тобой, злосчастная Москва!
Изъ пышныхъ теремовъ явилось пепелище,
Пещерою сталъ градъ зіяющаго льва
И дикихъ всѣхъ звѣрей ужасно логовище!
Въ прямой чертѣ съ небесъ громовая стрѣла
Ударила во всѣ твои верхи златые,
И съ ревомъ изъ-подъ нихъ слетѣвъ, колокола
Провозвѣстили намъ дни новаго Батыя;
Во храмахъ кони ржатъ, а въ самыхъ алта-
ряхъ, —
О ужасъ христіанъ! и выговорить страшно! —
На мѣстѣ мирныхъ жертвъ — враги хватаютъ
брашно,
И, шумны отъ вина, ристаютъ въ стихаряхъ!
Святыни домъ въ вертепъ разбоя превратился!
Кадило предъ Творцемъ небеснымъ не курятъ,
Ни тихихъ нѣтъ молитвъ, ни лампы не горятъ,
И схимникъ, воздохнувъ, съ обителью простился.
Летитъ на воздухъ Кремль, расшибся арсеналъ;

Несыта мѣсть вездѣ мечи булатны движетъ!
Но все уже смердитъ! — пожъ всю Москву заклалъ;
Безъ пищи самъ огонь лишь камень голый лижетъ.
Таковъ твой жребій сталъ, градовъ россійскихъ матъ!
Тоскуютъ о тебѣ живущіе въ чертогахъ;
Нарядныхъ колесницъ тмы тмущей на дорогахъ,
Стремящихся къ тебѣ, какъ прежде, не видать.
Исчезли пиршества, и роскошь утомленна
Съ обозомъ векселей на Волгу утекла;
Толпа бѣжитъ за ней актеровъ изумленна,
Домъ игрищей погасъ, сгорѣвши весь до тла;
Святилища наукъ разграбленныя стѣны,
Ужаснѣй кажутъ намъ плачевный видъ Москвы,
И Музы, не найдя куда склонить главы,
Отправились искать на Камѣ Иппокрены.
Куда съѣзжаться намъ платить газетамъ дань,
О свойствѣ государствъ, за трубкой сидя, спорить,
И ближнихъ и себя напрасно лишь задорить —
Путь счастливый тебѣ, клупъ англійскій, въ Казань! —
Фабричный кинулъ станъ, купецъ не промышляетъ,
Разнощикъ ни куда съ товарами нейдетъ,
Издѣлья, торгъ, мѣна, все стало, все страдаетъ,
И бѣдный мужичекъ ни пашетъ, ни оретъ
О, день великихъ золъ! Но къ пущему несчаетью,
У матушки-Москвы есть множество дѣтей,

Изъ пепла возроди ее какъ чисту дѣву,
И, мѣру положа толь праведному гнѣву,
Дай разумъ на Тебя едина уповать!

Такъ мысленно взывалъ, когда въ странѣ любимой
Оставя мирный кровъ и хлѣбъ насущный мой,
Безъ родины давно, изъ края въ край гонимой,
Бѣжалъ сюда вкушать хоть маленькій покой.
Судьбы мнѣ здѣсь людей чувствительныхъ послали;
Въ глуши, но въ тишинѣ, мы жили заодно.
Отъ искреннихъ сердецъ они намъ удѣляли
Садовъ своихъ плоды, и жита и вино;
У нихъ я зрѣлъ черты прямого состраданья.
Безъ платы, безъ даровъ и даже безъ услугъ
Въ лукавы наши дни какой названный другъ
Подобное творитъ, не чая воздаянья?
Но, ахъ! — хотя у нихъ пріятно было мнѣ,
А на сердцѣ тоски лежало тяжко бремя:
Я все смотрѣлъ въ окно, не разбирая время,
Не шлетъ ли вѣсти кто о нашей сторонѣ?
И се, летитъ она — о, радость вожделѣнна!
Въ пыли, въ поту ямщикъ бьетъ тройку по бедрамъ;
Домашніе бѣгутъ — я въ слѣдъ кричу: что тамъ?
Предчувствіе сбылось — Москва освобожденна!
Для чувства сильнаго на свѣтѣ нѣтъ пера:
Уста молчатъ, когда что душу слишкомъ тронетъ,

Въ потокѣ горькихъ слезъ рѣчь смѣшенная
топетъ,
И легкій вздохъ, вѣщунъ сердечнаго добра,
Въ Москву скорѣй, въ Москву! — Когда чего
желаетъ
И требуетъ отъ насъ растроганна душа,
Вотще разсудокъ тутъ препятства полагаетъ:
Распутица — путь добръ, и вьюга — хороша.
Гостепріимное, любезное семейство!
Прости, доколѣ Богъ увидѣться велитъ.
Забыть твою пріязнь не только стыдъ, — злодѣйство,
И совѣсть отъ того меня предохранитъ.
Дай Богъ, чтобъ каждый въ немъ вседневно
наслаждался
Избытками добра и счастьемъ въ существѣ,
Чтобъ съ родиной своей вовѣкъ не разставался!
Сей скорби нѣтъ тошнѣй въ моральномъ естествѣ.
И мы хворали здѣсь два мѣсяца *Москвою*;
Но, милостивъ Господь—взвились, и ну скакать:
Такъ стаи разныхъ птицъ со всѣхъ сторонъ
весною
Летятъ въ привычный лѣсъ гнѣздо свое свивать.
Представилась очамъ паленая столица,
Еще сіяюща сквозь облако дымовъ;
Въ развалинахъ ея еще видна царица,
Рожденная ни чьихъ не принимать оковъ.
Хвала Тебѣ, Творецъ! убогихъ покровитель!
Ты храмину мою избавилъ отъ огня,

Моихъ послѣднихъ крохъ всещедрый былъ блюститель,
И за день до бѣды помиловалъ меня *).
Руины! кто на васъ безъ состраданья взглянетъ?
Ужаснѣйшій позоръ.... здѣсь былъ Наполеонъ!
Доколь изъ нѣдръ Творца перунъ въ него не грянетъ?
Иль Неба не достигъ отчаянный нашъ стонъ?
Оно жестокимъ насъ урокомъ поучаетъ,
Что нравственна ему пріятна красота;
Что къ ближнему любовь, не хитрость, градъ спасаетъ,
И жертва безъ любви — одна лишь суета.
Дай Богъ, чтобы Москва, какъ нѣкогда вселенна
При Ноѣ отъ проказъ омытая водой,
Въ горнилѣ тяжкихъ бѣдъ огнями искушенна,
Очистилась отъ всѣхъ крамолъ своихъ золой!
Тогда насъ паки съ ней и пепелъ не разлучитъ:
Гдѣ родины святой быть можетъ веселѣй? —
И я скажу въ слезахъ, какъ Сказочникъ насъ учитъ:
Что матушки-Москвы и краше и милѣй? —

---

*) Я выѣхалъ изъ Москвы 31 Августа.

Черты свободнаго писателя.

Пѣняешь ты, мой другъ, нерѣдко мнѣ, что я,
Любя стихи писать, пишу ихъ для себя,
Что нѣтъ моихъ трудовъ ни въ Вѣстникѣ Европы,
Ни въ Русскомъ ихъ съ собой никто не возитъ
въ клопы,
Межъ тѣмъ какъ иногда, шатаясь по домамъ,
Оцѣнку слышишь ты моимъ рукописямъ;
На это я скажу тотчасъ мою причину:
Всякъ пашетъ по своимъ достаткамъ десятину.
По-моему, тотъ грѣхъ ужаснѣйшій творитъ,
Который даръ пера во зло употребитъ.
Сегодня пишутъ всѣ, имѣя лишь въ предметѣ
Подъ *фирмой* знатоковъ прославиться на свѣтѣ,
Пріятнѣйшій талантъ идеи вымышлять,
И риѳмой звучный слогъ красивой одѣвать.
Не тотъ ужъ въ наши дни, что̀ былъ во дни
Гомера,
Когда всему была своя пристойна мѣра,
Когда мораль и честь воспламеняли кровь
И движила сердца безмездная любовь;
Стихи писать теперь есть промыселъ торговой,
И къ праздничному дню бояра всѣ съ обновой.
Что нужды для того, кто риѳмы подбиралъ,
И тоненькимъ перомъ узоръ свой рисовалъ,
Что онъ, чертя въ умѣ всѣ вымыслы возможны,
Наплелъ, злодѣю льстя, нелѣпицы безбожны,

На фразахъ подвезетъ въ тотъ міра край прелестной,
Гдѣ твари на убой недостаетъ словесной,
Гдѣ пушки то и знай людей, какъ мошекъ, бьютъ,
И по сту тысячъ вдругъ потомковъ къ предкамъ шлютъ.
Нѣтъ! нѣтъ! не такъ писать піиту принадлежитъ.
Хочу, чтобъ онъ былъ твердъ — пусть правду чисту рѣжетъ.
Чѣмъ можетъ Небесамъ признательность явить
За то, что дали даръ ему стихи творить,
Инымъ, какъ не судомъ строжайшимъ человѣка
Въ дѣяньяхъ своего и времени и вѣка?
О случаяхъ мірскихъ съ чего намъ разсуждать?
Какъ внуку будетъ дѣдъ свой вѣкъ передавать,
Когда не станутъ намъ—дѣеписатель вѣрный—
Изящныхъ книгъ творецъ—піитъ нелицемѣрный
Въ прямыхъ чертахъ казать достоинства людей?
Иначе какъ спознать, кто добръ былъ, кто злодѣй?
Рѣшительно скажу: когда бы меньше льстили,
Конечно бы добрѣй и лучше люди были.
Но лесть, какъ тать нощной, вселяется въ нашъ духъ,
Пыль броситъ намъ въ глаза и защекотитъ слухъ;
Плѣнясь подъ звукомъ лиръ хвалою мы негодной,
Мечтаемъ славы быть достойны превосходной,
Не чувствуя, что тотъ, кто къ небу взводитъ насъ,
Для выгоды готовъ и въ адъ свалить подчасъ.
По мнѣнью моему, чѣмъ больше кто учился,

Словесности плодомъ съ успѣхомъ насладился,
Тѣмъ долженъ тотъ сильнѣй порокъ уничижать,
Во славу Божества даръ Божій расточать,
Хвалить одно добро, съ нечестіемъ сражаться,
Невѣжество учить, фанатику смѣяться, —
И правду предпочтя всѣмъ счастія играмъ,
Безъ трепета ее вѣщать самимъ царямъ.
Чего смотрѣть ему, что цепсоръ не похвалитъ;
Тѣмъ истинный талантъ отнюдь онъ не умалитъ,
Когда, приноровясь къ обычаямъ мірскимъ,
Печатать не велитъ наборщикамъ своимъ
Того, что Вѣра, честь рекла, а совѣсть пропу-
стила,
И что съ согласья ихъ душа въ огнѣ чертила.
Восторговъ дань піитъ вездѣ пріобрѣтетъ;
А въ родинѣ своей когда жъ пророкъ живетъ!
Ученый мужъ писать обязанъ для вселенной
Изъ пользы лишь одной, для цѣли той священной,
Чтобъ разумъ и сердца людскія убѣдить
Въ согласьи межъ собой съ благопріязнью жить;
Очиствъ отъ скорлупъ разврата дики нравы,
Поставить міру храмъ въ пустыняхъ хищной
славы.
Вотъ истинный предметъ любителя наукъ,
Которому соха милѣй, чѣмъ шлемовъ звукъ!
Онъ долженъ позабыть во бдѣніи работы
Любостяжанія широкіе расчеты,
И сидя за перомъ, не для того потѣть,
Дабы за сладкій стихъ въ петлицу крестикъ
вздѣть;
Изъ виду у него чтобъ вѣчность не терялась,

Безсмертіемъ идей душа бы воздымалась. —
Умремъ—и все свое возьметъ себѣ земля;
Но духъ вовѣки живъ—его не тронетъ тля:
Въ изящныхъ письменахъ залогъ его хранится,
Грядущія племена придутъ въ рудѣ сей рыться,
Чтобъ черпать изъ нея свѣтлѣе злата лучъ
И солнце озаритъ перстъ мудраго изъ тучъ.
Для общества людей, къ поверхности прилежныхъ,
Запасъ огромный мы стиховъ имѣемъ нѣжныхъ.
Простительно пѣвцу минутныя тоски,
Когда его любовь потянетъ за виски,
Венерою назвать ледащую Калмычку
За то, что сдѣлалъ онъ вздыхать по ней привычку;
Но клятвы на судѣ потомства ждутъ того,
Кто силы истощилъ искусства своего
На то, чтобъ выхвалять, добра надѣвъ личину,
Моральныхъ тяжкихъ золъ ужасную пружину.

Вотъ исповѣдь моя тебѣ, любезный другъ!
Внимательно прочти, когда найдешь досугъ;
Увидишь изъ нея, зачѣмъ лѣнивъ бываю,
Въ журналы никакихъ стиховъ не посылаю.
Писать прекрасный вздоръ для распрекрасныхъ дамъ
Безъ года въ пятьдесятъ труда себѣ не дамъ;
А дѣло говорить разсудокъ запрещаетъ:
Не все то хорошо, что̀ сердце соблазняетъ.
Итакъ пускай по мнѣ прочтутъ, что̀ я писалъ,

Увидятъ, какъ я жилъ, какъ чувствовалъ, мечталъ. —
Я жить хочу, — люблю, — и міромъ забавляюсь;
Но, выученъ бѣдой, уже не домогаюсь
За острое словцо громъ вызвать на себя,
Отъ коего спаси Всесильный и тебя! —

Торжество совѣсти.

—

Нѣтъ краше ничего, какъ жить съ собою въ мирѣ!
Безсовѣстному нѣтъ спокойства въ цѣломъ мірѣ;
Тщеславіе бы какъ ни высило нашъ рогъ,
Все пагубно тому, кого оставилъ Богъ: —
Вотъ истинный законъ премудрости правдивой,
И философія души благочестивой!
Разсмотримъ въ существѣ владыкъ благую часть,
Ихъ силу, ихъ корысть, величество и власть.
Счастливъ ли тотъ изъ нихъ въ чаду похвалъ народныхъ,
Владѣя тмою темъ языковъ разнородныхъ,
Который, возгордясь удачною войной,
Всѣ жатвы усыривъ кровавою росой,
Дымяся предъ людьми фараонитской славой,

Изобличается отъ совѣсти лукавой? —
Тиха ль его заря? безстрепетенъ ли сонъ?
Послушайте въ ночи его прискорбный стонъ.
Объятая душа змѣями вѣроломства
И Неба слыша судъ и поздняго потомства,
Сквозь грезы сообща страхъ скрежетный ему,
Покоя не даетъ ни крови, ни уму:
Подобнаго царя въ непостижимой долѣ
Давно ли зрѣли мы у Галловъ на престолѣ?
Чтобъ дать сигналъ бѣдамъ, народовъ слышать
стонъ,
Довлѣло произнесть: идетъ Наполеонъ!
Не имъ ли Богъ предрѣкъ, открывъ геенны бездну,
И небо мѣдяно, и персть земли желѣзну?
Наружности однѣ лишь дѣйствуютъ на насъ:
Богатство и престолъ для нашихъ алчныхъ глазъ
Суть вывѣской всегда блаженства и покоя.
Завидно титло всѣмъ падменнаго героя;
Молвы стоустой кликъ, сіяніе вѣнца,
Величественный видъ огромнаго дворца,
Ласкателей народъ и гулъ рукоплесканья,
Поникшее чело гражданскаго собранья,
Толпящаяся чернь какъ пчелъ журчащій рой,
Въ безчисленныхъ крестахъ оруженосный строй,
Торжественныхъ столповъ совмѣстны солнцу
своды,
Булатные мечи, сокровище свободы,
На конхъ вражьихъ ранъ запекшаяся кровь
Свидѣтельствуетъ всѣмъ къ отечеству любовь,
Жрецовъ, поющихъ ликъ побѣдную пѣснь Богу,
Курящихъ предъ вождемъ кадилами дорогу,

Ружейный адскій залпъ, — звоновъ раскатный ревъ
И громъ изъ пушечныхъ неутомимыхъ чревъ;
А тамъ піитовъ сонмъ на сладкозвучной лирѣ,
Нарѣчіемъ боговъ дающій дань порфирѣ;
А тутъ хоръ юныхъ дѣвъ, сей первый даръ небесъ,
Щедротъ ихъ къ намъ залогъ, край Творческихъ чудесъ:
Все, все, нашъ бѣдный умъ къ восторгамъ возбуждаетъ.
Увы! кого тщета изъ насъ не обаваетъ?

Поставимъ рядомъ съ симъ источникомъ суетъ
Богатство—нашихъ душъ любезнѣйшій предметъ,
Кумиръ, который всѣ пути сердечны правитъ,
И часто велій грѣхъ наверхъ блаженства ставитъ:
Богатый можетъ все, чего бъ ни захотѣлъ;
Изъятія здѣсь нѣтъ, — весь міръ его удѣлъ;
Свободнѣе царей, — тѣ дома лишь велики;
Отъ подданныхъ своихъ внимая громки клики,
Не могутъ иногда, по званью своему,
Стремиться въ край чужой, какъ вздумалось кому:
Носящій санъ слуга,—а служба что? — Неволя;
И царская ее не избѣгаетъ доля. —
Богатый — тотъ одинъ владыка надъ собой;
Онъ золотомъ облитъ, какъ дерево корой.
Чужое; — слова нѣтъ такого въ лексиконѣ;
Далъ деньги — все его, и вѣрно все въ законѣ;
Боярамъ ближній другъ, съ монархами за свой,
Въ Пекинѣ первый гость, въ Стамбулѣ не чужой;

Куда ни загадалъ, летитъ безъ принужденья,
Вездѣ ему пиры, вездѣ увеселенья!
Соскучилось въ Москвѣ, не взмилился климатъ,
Онъ въ Римѣ! —Слышу, тамъ кричатъ ему: ви-
ватъ!
Въ Парижѣ у него всѣ милостыни просятъ;
Въ Италіи къ нему жъ художества приносятъ.
Богатому Дербентъ и Або за Невой,
Какъ просто говорятъ у насъ: подать рукой;
Все спѣетъ по его малѣйшу произволу;
Пріятенъ своему, любезенъ нѣжну полу.
Проснется — цѣлый полкъ служителей готовъ;
Изъ устъ его приказъ — велѣніе боговъ! —
Ложится почивать въ сералѣ дѣвъ прекрасныхъ,
И дремлетъ тонкимъ сномъ въ объятьяхъ сла-
дострастныхъ.
Садится ли за столъ — гроздъ алаго вина
Самъ Бахусъ въ чашу жметъ и въ сердце льетъ
до дна
Летитъ ли по гостямъ — карета золотая,
Лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ стая;
Въ кивотѣ изъ стекла богатой развалясь,
Съ улыбкою глядитъ, какъ брызжетъ всюду грязь
Изъ-подъ златыхъ копытъ шестерки идумейской,
Ярящейся въ дыбы подъ шорою черкесской.
Какая бы игра въ театрѣ ни была,
Всѣ лучшія мѣста дирекція дала;
Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу подво-
зятъ,
Всѣ мелкіе чины вокругъ его елозятъ,
А крупные себѣ вмѣняютъ въ знатну честь

Съ нимъ молвить слова два, хоть рядышкомъ
присѣсть.
Чего ему искать? — о чемъ ему крушиться?
Не наша сухота,—все съ неба въ домъ валится;
А что всего милѣй, — и истина полна:
Богатый вѣчно правъ, безгрѣшенъ, безъ пятна.
На что ему стяжать моральныя доброты?
Онѣ не векселя, — не выложишь на счеты;
А съ деньгами какихъ нельзя пороковъ сбыть,
Достоинствъ наклепать, талантовъ прикупить!
Дуракъ ли кто — премудръ; безграмотенъ —
все знаетъ;
Безчестенъ—день и ночь о чести помышляетъ;
Безбожникъ, изувѣръ,—всѣ въ городѣ твердятъ,
Что нѣтъ святыхъ мужей, коль первый онъ не
святъ;
Обманщикъ, езуитъ,—журналъ однако пишетъ,
Что легкое его для ближнихъ только дышетъ;
Холодный сибаритъ, — давно ли я читалъ,
Что въ пользу бѣдныхъ онъ комедію давалъ;
Онъ злобенъ, на корню отъ желчи черной сох-
нетъ,
И жжетъ и рубитъ всѣхъ, и ни по комъ не ох-
нетъ,
Всѣ въ голосъ за него: какая чернота!
Всѣ ради присягнуть, что это клевета.
Корочё, въ немъ все даръ, изящность, превос-
ходство!
Сомнительно ль его хоть мало благородство,
Отыщется тотчасъ наемный хронологъ,
И выведетъ, что онъ породой чуть не Богъ.

Богатому на что молвою дорожить;
Онъ можетъ какъ тиранъ всесвѣтный говорить:
Я царь и надъ молвой! — Облыжна, или права,
Дать славу я могу; — себѣ же самъ я слава!
Послушай богачей, какъ вздумается имъ
Геройствомъ въ правотѣ похвастаться своимъ:
Я честенъ! — ничего не требую съ народу.
О подвигъ! своего ему милльонъ доходу;
А рядомъ важный домъ, наполненный всего;
Спросите только чей? — Правителя его.
Туда на цѣлый день вся шайка истцовъ хлынетъ,
Шампанское кипитъ и самоваръ не стынетъ.
Я чистъ, — нельзя сказать, чтобъ лакомъ былъ
къ дарамъ;
Повѣрю,—всю Москву дарить ты сможешь самъ.
О, фениксъ въ естествѣ, изнѣженный сынъ Неба!
Какъ сытому легко не ѣсть чужого хлѣба!
Нѣтъ, нужду, нищету и голодъ испытай,
А послѣ правотой похвастаться дерзай.
Но ты ни безъ вины, ни по винѣ не страждешь,
И по уши въ добрѣ, тепло, не тощъ, не жаждешь:
Души твоей не жметъ ужасная тоска,
Что по-міру пойдетъ семейство безъ куска;
Что, можетъ быть, иныхъ погонитъ недостатокъ
У псовъ твоихъ отнять и падали остатокъ
Вздымайся до небесъ, — твой вѣкъ, твоя пора!
Гдѣ Богъ твой, укажи? — алмазная гора!
Нѣтъ! внѣшнее ничто намъ счастье дать не
можетъ;
Коль совѣсть не чиста, — и ясный день тревожитъ.

Безстыднаго царя кровавый видя тронъ,
Злодѣйскій произволъ, поправшій весь законъ,
Мы зрѣли изумясь Небесъ долготерпѣнье,
Всеобщее предъ нимъ колѣнопреклоненье;
Проникнемъ же теперь въ тотъ внутренній тай-
никъ,
Гдѣ малъ передъ собой, предъ свѣтомъ кто ве-
ликъ!
Посмотримъ, какъ въ своихъ чертогахъ отды-
хаетъ,
И въ очередь свою какъ совѣсть поздравляетъ!
Умолкъ народный шумъ,—исчезъ волшебный рай,
И гласъ ея проникъ: — стань Кесарь, отвѣчай!
Когда ты на престолъ вскарабкался безславно,
Въ свидѣтельство меня не призывалъ ли явно
Предъ Небомъ и землей, что будешь справедливъ,
Съ разсудкомъ милосердъ, по разуму правдивъ?
Дни счастливы даря подвластному народу,
Сулилъ ты охранять права его, свободу;
На истинѣ святой укоренить свой тронъ,
И, чуждъ отъ прихотей, блюсти одинъ законъ;
Обиженнымъ клялся давать защиту скору,
Несчастному покровъ, безродному подпору;
Щедроты проливать изъ кроткаго пера,
И стражемъ вѣрнымъ быть всеобщаго добра;
Духъ злобы заключить въ узилища жестоки,
Ошибки извинять, наказывать пороки.
Безъ крайности войны клялся не начинать,
Траяну всякій день въ добротахъ подражать;
И край свой удаливъ отъ всякія напасти,
Хотѣлъ, чтобъ всѣ твоей завидовали части:

И что жъ изъ этихъ клятвъ явилось наконецъ?—
Народа своего ты бичъ, а не отецъ!
Не вѣря ни кому, — лукавя осторожно,
Обманываешь всѣхъ, кого и какъ возможно:
Отвсюду молодежь подъ пушки волокутъ,
Всѣ хлѣбъ ѣдятъ въ слезахъ, захлебываясь пьютъ;
Нѣтъ правды на судѣ, ни милости у трона;
Всѣ слышутъ, и никто не униметъ стона;
Унылая тоска какъ чемеръ сердце жметъ,
Игрушка никому на разумъ ужъ нейдетъ;
Налогами свою сварилъ всю землю варомъ,
И воздухомъ дышать едва ли можно даромъ!
И кѣмъ ты окруженъ?—Взгляни на свой совѣтъ!
Болтаютъ всѣ красно, — а правды слова нѣтъ.
Шпіоновъ полонъ дворъ, на подкупы всѣ живы,
Доносами твои наполнены архивы;
Гражданскія дѣла безъ смысла всѣ рѣшатъ;
Злодѣй и чистъ и правъ,—а правый виноватъ;
Въ духовныя дѣла мѣшаясь безъ разбора,
Главой себя нарекъ священнаго собора;
И храмы осквернивъ Небеснаго Царя,
Грабительство простеръ до вратницъ алтаря!
Меня ли обольстишь трофеями своими?
Вельможамъ ихъ кажи,—диви полсвѣта ими!
Чужія племена тебя превознесутъ
И титло божества въ угарѣ поднесутъ;
Повсюду прослывешь вождемъ побѣдоносным;
Но дома назовутъ владыкою несноснымъ.
Съ полками на штыкахъ быть пугаломъ всѣхъ странъ

Способенъ, такъ какъ ты, послѣдній атаманъ.
Меня не примирятъ съ тобой удачны брани,
Ни славы торжество, ни золотыя дани;
Я благости одной ищу въ душахъ людей,
А ты всегда въ крови, какъ яростный злодѣй.
Гражданскій царь прямой бывалъ ли забіяка?
Быть славнымъ алчетъ онъ,—но, ахъ! совсѣмъ
иначе.
Увы! какой вѣнецъ, какой чугунный щитъ
Отъ совѣсти царя въ день брани защититъ?
Грызеніе ея, всечасная тревога,
Суть тартаръ для владыкъ, забыть дерзнувшихъ
Бога!
Богатые! я васъ, средь злата тяжкихъ грудъ,
Не пощадитъ ее немздопріимный судъ!
Міръ праздники любя, за нихъ хвалить васъ бу-
детъ;
Но совѣсти упрекъ и въ крѣпкомъ снѣ разбу-
дитъ,
Истяжетъ,—кто изъ васъ какъ благо наживалъ:
Отвѣтствуйте! — ея допросовъ часъ насталъ.
Вѣщай, кичливый сынъ великаго героя!
На ближняго бѣдахъ свое блаженство строя,
Не тѣмъ ли въ наши дни царямъ подобенъ сталъ,
Что правомъ тяжкихъ силъ въ родствѣ все по-
хищалъ?
Въ крутыя времена жестокаго гоненья,
Когда твою сестру, незнавшу преступленья,
Сослали безъ вины изъ красныхъ теремовъ
Въ далекихъ жить снѣгахъ, въ тюрьмѣ между
штыковъ, —

Ты духъ имѣлъ лишить ее въ такой напасти
Въ имѣніи отца ей слѣдующей части; —
Все мало:—двухъ сиротъ ея злосчастныхъ зря,
Анаѳему судьбы на цѣлый родъ простря
И горькой нищетѣ оставивши на жертву,
Сугубо въ нихъ разилъ родительницу мертву!—
Сюда, Махіавель! По модѣ человѣкъ,
Отечеству служа мздоимно весь свой вѣкъ,
Чѣмъ нажилъ, говори, огромное имѣнье?
Сокровище твое — чужое разоренье! —
Прекрасный держишь домъ, и нектаръ сладкій
пьешь,
Весь городъ всякій разъ на праздники зовешь;
Но взглянь вокругъ себя, на кровы тѣхъ несчастныхъ,
Иль временно тебѣ, или совсѣмъ подвластныхъ,
Которыхъ ты всего имущества лишилъ,
Иное съ молотка за полцѣны купилъ;
Хозяйственно другихъ опекою своею
Заставилъ навязать суму себѣ на шею;
Тамъ, мѣру положивъ неправеднѣйшей мздѣ,
Ты почеркомъ пера все отнялъ на судѣ;
Тутъ нагло торговалъ прекрасною женою,
Здѣсь строилъ, созидалъ все деньгою чужою.
Блѣднѣй и трепещи! — я вѣчно при тебѣ;
Приду — и обличу въ какой-нибудь судьбѣ? —
Страшись меня и ты, врагъ юношества скрытный,
Чужихъ фортунъ насосъ и зѣвъ ихъ ненасытный,
Безжалостный игрокъ! — Чего у тебя нѣтъ!
Откуда? Мечешь банкъ вотъ ровно сорокъ
лѣтъ,

И нагло всѣмъ твердишь: — «Я все трудами
нажилъ.»
Но меньше ль согрѣшилъ, когда ты не уважилъ
Долгъ ближняго прямой, и лежа на тузѣ,
Неопытныхъ смѣясь отчаянной слезѣ,
Въ одинъ несчастный мигъ рѣшительнаго бѣдства
Лишилъ навѣкъ дѣтей отцовскаго наслѣдства.
Фортуна! гдѣ бы ты ни ставила престолъ,
Какихъ не чаялъ благъ, не избѣгалъ я золъ,
Но ежели стяжать мнѣ жребій несравненной
Цѣною совѣсти предложатъ возмущенной, —
Дарами ты меня своими не прельстишь:
Хвала чужая — грязь, коль самъ себя не чтишь.
Умѣренный удѣлъ и скромное жилище
На родинѣ святой, отцовомъ пепелищѣ,
Гдѣ опытъ научалъ издѣтства мудрымъ быть,
Надежды всѣ свои на Бога положить;
Гдѣ разумъ сатанинъ во мглѣ своей глубокой
По бѣздинамъ не ведетъ въ ровъ пагубы жесто-
кой;
Гдѣ чистая душа, свободна отъ страстей,
Даетъ всему красу невинностью своей:
Тамъ, тамъ, — оставя всѣ теоріи невѣрны,
Ищите счастія, умы высокомѣрны!
Тамъ страшенъ только грѣхъ, великъ небесный
Царь,
Тамъ твердъ Его законъ и святъ Его алтарь!
Лукавство паутинъ съ улыбкою не вяжетъ,
И взора своего зла ненависть не кажетъ;
Тамъ хитрость простоты съ ножемъ не стере-
жетъ,

Ни зависть острыхъ ранъ, лобзая, не даетъ;
Тамъ кроткая любовь, сопутница смиренья,
Въ полезномъ для другихъ находитъ наслажденьи:
Вотъ истинныхъ отрадъ, естественна черта!
За нею все туманъ, — вездѣ лишь суета.
Мы счастія хотимъ, но, ахъ! того не знаемъ,
Что сами отъ себя пути къ нему теряемъ!
Одинъ душевный миръ родитъ сіе добро;
Не дастъ его ни мечъ, ни злато, ни сребро.
Правдивый никогда о внѣшности не тужитъ,
Химерами надутъ, полубогамъ не служитъ;
Онъ знаетъ, кучу книгъ прочтя уединенъ,
Что вѣчно не бывалъ тщеславный мужъ блаженъ;
Что почести двора, чины, кресты съ эмалью
Доходятъ иногда со всякою печалью;
Что нужды ему въ томъ, что онъ въ лѣтописяхъ
Безсмертнымъ по себѣ не сдѣлаетъ свой прахъ,
Что слава не звучитъ повсюду въ рогъ широкой
Ни подвиговъ его, ни мудрости высокой;
На что ему царя великолѣпный санъ,
Или правленья жезлъ, или персидскій станъ:
Столь тяжки бремена равняются ли долѣ,
Въ которой онъ живетъ по доброй своей волѣ?
Захочетъ ли всю жизнь въ походахъ погубить,
Ведя войну сто лѣтъ, миръ ложный заключить?
И вновь опять летѣть, схватя перунъ и стрѣлы,
Земель завоевать послѣдніе предѣлы?
Онъ, меньше суетясь, довольнѣе въ глуши,
И первымъ благомъ чтитъ спокойствіе души.
Захочетъ ли, стѣсня свою и всѣхъ свободу,
Прихожія держать набитыя народу?

Потерянный досугъ — одинъ лишь только шумъ;
Въ привѣтствіяхъ пустыхъ разбросанъ мелкій
умъ:
И этотъ ли трофей, которымъ свѣтъ гордится,
Блаженствомъ почитать мудрецъ не постыдится?
Пускай его вездѣ не ставятъ ни во что,
Услугъ просить къ нему не бѣгаетъ никто,
Пускай его тѣснятъ, уничтожаютъ, давятъ,
Чужими иногда пороками безславятъ, —
Онъ въ правилахъ своихъ какъ твердый дубъ
стоитъ,
И буря золъ мірскихъ его не шевелитъ;
Невзгоды выноси съ безропотнымъ терпѣньемъ,
Онъ брошенъ отъ людей — но взысканъ Прови-
дѣньемъ,
И Небу поручивъ себя на всякій часъ,
Подъ мирнымъ кровомъ ждетъ трубы послѣдній
гласъ.

О, совѣсть, вѣрный стражъ, и ангелъ нашъ
хранитель,
Ума чистѣйшій свѣтъ, души путеводитель,
Незлобивыхъ вѣнецъ, а злыхъ сердецъ бѣда,
Предтеча страшнаго великаго суда!
Съ тобою Богъ привелъ донынѣ жить безспорно;
Блюди, да дней конецъ свершу я незазорно,
Чтобъ тѣлу смерть дала забвенья тихій сонъ,
А духъ, умученъ здѣсь, — нашелъ бы рай въ
день онъ! . . —

ПРІЯТЕЛЮ.

Шутка за шутку.

Enfin bornant le cours de tes galanteries,
Alcippe, il est donc vrai, dans peu tu te maries.

Boileau Desp.

—

Итакъ, ужъ наконецъ, уставши волочиться,
Любезный сибаритъ, изволилъ ты жениться;
Тихонько, безъ чиновъ, не сообща друзьямъ,
На утренней зарѣ явился съ милой въ храмъ,
И тамъ предъ алтаремъ свидѣтелю священну
Далъ клятву сохранить къ ней вѣрность неизмѣнну;
Не ставя ни во что обычныхъ прихотѣй,
Ты въ долгъ не покупалъ богатыхъ овощей;
Ты шаферовъ по насъ не разсылалъ въ каретѣ
О бракѣ возвѣстить на розовомъ билетѣ:
Завидую твоей отвагѣ я, мой другъ!
Еще ты не попалъ людей въ отборный кругъ,
Въ которомъ всякій тотъ анаѳемѣ предастся,
Кто безтолковому обряду не поддастся.
Хвала тебѣ и честь! — Но дѣло не о томъ;
По совѣсти скажи, — глазъ на глазъ, шепоткомъ:
Какую Богъ послалъ тебѣ въ женитьбѣ долю,

И позлащаеть ли любовь твою неволю? —
Неволю! — скажешь ты — какой бы лже-
мудрецъ
Симъ словомъ поносить отважился вѣнецъ? —
Изъ устъ какого ты отверженца природы
Услышалъ, будто бракъ послѣдній вздохъ сво-
боды?
Постой, не горячись! Я также, какъ и ты,
Лелѣялъ въ головѣ различныя мечты,
Романовъ я прочелъ и самъ въ мой вѣкъ не мало,
И много пыли мнѣ изъ нихъ въ глаза попало;
Но всѣ восторги прочь—отъ нихъ горитъ сыръ
боръ,
Волнуется душа и разумъ порить вздоръ:
Разсудокъ остудить назначенъ сердца пламень,
И нашихъ всѣхъ онъ дѣлъ быть долженъ проб-
ный камень.
Жениться — благъ законъ! — Гдѣ другъ вѣр-
нѣй жены? —
Подпоры тверже нѣтъ, какъ дщери и сыны.
И какъ подъ старость жизнь могла бы выно-
ситься,
Когда бъ не льстились мы въ потомкахъ возро-
диться?
Я истину сію, испытывая самъ,
Два раза я въ мой вѣкъ водилъ невѣсту въ храмъ,
И въ участи своей, Небесъ благоволеньемъ,
Для многихъ былъ мужей счастливымъ исклю-
ченьемъ!
Все такъ; — но въ мысляхъ свѣжъ Детушевъ
философъ,

Въ которомъ наизусть знавалъ я тму стиховъ;
И пышнымъ иногда разсказомъ восхищался,
Когда я на театръ предъ публикой являлся;
Воскликну: какъ Аристъ за книгой у стола
«Такъ, все пріятно здѣсь! — супруга мнѣ мила,
«Съ почтеніемъ ее люблю я всей душою,
«Блаженство нахожу дѣлиться съ ней судьбою,
«И ею что любимъ, увѣренъ крѣпко я;
«О чемъ же горевать? — Ахти! она моя!»
Прошу не хохотать и чуръ лишь не сердиться!
Посмотримъ, отчего такой контрастъ родится?
Сравнимъ одно съ другимъ, — и видимъ, можетъ быть,
Что женщинъ обожать ловчей, чѣмъ съ ними жить.

Припомни, какъ тебя знавалъ я холостого,
И съ тѣмъ собой смѣшилъ себя же молодого?
По волѣ проводя съ утра до ночи день,
Ты нѣгою дышалъ, тебя тучнила лѣнь;
Небрежно полчаса хозяйствомъ занимался,
И послѣ до полдёнъ мечтаньямъ предавался;
Домашній бытъ тебѣ заботы не давалъ;
За трубкой табаку ты кофе попивалъ
И, лежа на софѣ, безъ всякаго убранства,
Зависѣть не любилъ отъ моднаго тиранства.
Для сердца, для ума коль пищи захотѣлъ, —
Тму мертвыхъ мудрецовъ вокругъ себя имѣлъ;
Любую книгу взявъ и съ ней садясь къ камину,
Ты новою всегда выискивалъ причину.
Съ насмѣшкой мнѣ твердить, когда приду къ тебѣ,

Что я всегда въ саняхъ, разсѣянъ и въ гульбѣ,
Тогда какъ ты, капризъ погоды презирая,
Въ покоѣ тепломъ духъ садовый обоняя
Между цвѣтовъ и травъ прозябшихъ на окнѣ,
Находишь рай земной съ собой наединѣ.
Любя стихи писать и прозой заниматься,
Ты схватишь вдругъ перо, и — станешь разгаратьcя;
Восторгъ, піитовъ духъ и пламенникъ страстей
Заронитъ искру въ кровь и путь покажетъ ей, —
Польется токъ стиховъ, и ты, съ улыбкой нѣжной,
Восхитишься, когда, во мзду за трудъ прилежный,
Удастся остру мысль, иль чувство изъяснить
И журналисту свой листочекъ подарить.

Пробило часъ и два — но ихъ ты не считаешь,
Отъ стрѣлки ни на что приказа не сжидаешь;
Въ чернильницу перо до завтраго кладешь,
Надѣнешь сюртучекъ — и со двора идешь,
Не въ гости — охрани Господь отъ сей неволи! —
Ты хочешь погулять, и за-просто, безъ холи,
На Минина взглянуть, зайти на булеваръ,
Отвѣдать, хорошо ль варитъ форель Пакаръ;
Взоръ бросить на пруды, сойтиться тамъ съ народомъ;
Прошла ль Москва-рѣка провѣдать мимоходомъ;
И послѣ, воротясь, обѣдаешь одинъ.

Дѣвчонка, коей ты названьемъ господинъ,
По чувствамъ—вѣрный рабъ, все кушанье под-
носитъ
И взглядомъ воровскимъ себѣ подачки проситъ;
Покушалъ — и опять ложишься на диванъ.
Приборщица сняла салфетку, соль, стаканъ,
Плитой накурено, — уйтить самой осталось:
Нѣтъ мастера на грѣхъ! . . . .
Въ игрушкахъ застаетъ вечерняя пора.
Бѣгунъ твой запряженъ и ждетъ тебя съ двора.
Накинувши капотъ, въ защиту отъ ненастья,
Въ клобъ англійской летишь искать въ бостонѣ
счастья;
Въ туманномъ тамъ чаду несмѣтныхъ чубуковъ
По двѣсти ловишь въ вистъ искусныхъ игроковъ.
Межъ тѣмъ, пока на бой герои не сойдутся,
Въ газетную зашелъ,—рѣкой тутъ вѣсти льются,
И безтолочь и толкъ, и выдумка и быль,
Со многихъ языковъ летитъ словесна пыль;
И тутъ ты познаешь, что карточны колоды,
Что трубка съ табакомъ — суть знаменье сво-
боды;
Что воля состоитъ въ способности шагать,
Безъ шляпы, взадъ, впередъ, чтобъ время уби-
вать.
Или махнешь въ театръ, и взявъ билетъ въ при-
хожей,
Въ каморку, кою мы обязаны звать ложей,
Увидишь, избочась, какъ Ярбъ, Сеидъ, Эней
Умѣютъ разсмѣшить чувствительныхъ людей,
Какъ движетъ очеса комедіантовъ стая,

Желая заслужить восклицновенье рая.
День кончится, и ты воротишься домой,
Въ убѣжище свое, гдѣ ждетъ тебя покой,
Гдѣ мягкой пуховикъ сонъ сладкій приготовитъ,
И гдѣ страстямъ обрядъ ни въ чемъ не прекословитъ.

Не такъ ли ты живалъ, скажи, любезный другъ,
Когда былъ одинокъ? —Но нынѣ ты супругъ:
Какое близъ тебя я вижу превращенье!
Исчезъ волшебный рай какъ легко сновидѣнье!
Покинувъ для жены обычаи свои,
И уши и глаза совсѣмъ ужъ не твои;
Не тотъ сталъ кабинетъ,—и это очень явно,
Что въ спальню изъ него прорубленъ входъ недавно;
Приборщицы твоей вертлявый слѣдъ простылъ:
Украдкою вздохнувъ, съ двора ее спустилъ,
И вдругъ на мѣстѣ сей физической богини
Все утро на глазахъ ужасныя рабыни,
Сѣдыя, какъ ковыль, у стѣнъ твоихъ торчатъ,
То щуря глазъ, другимъ въ замочну щель глядятъ,
То въ дверь, на цыпки ставъ, приложатся ушами,
Иль шмыгъ, да шмыгъ къ тебѣ открытыми послами, —
И такъ-то стражу бдитъ законная жена,
Чтобъ не похимистилъ добычи сатана.
А тамъ къ тебѣ валитъ дородный управитель,
Не денегъ, не бѣлья, но векселей рачитель;
Обручку поклонясь, подноситъ жирный счетъ,

Который подпиши, не заводя хлопотъ.
Когда жъ тебѣ читать всѣ наши сочиненья?
Мурлычать у огня тѣ сладки пѣснопѣнья,
Которымъ никогда никто не поражалъ,
Нелединскій одинъ въ огнѣ души слагалъ?
Пойдетъ ли тутъ на умъ поэзіей питаться,
Съ Державинымъ парить, съ Жуковскимъ на-
слаждаться;
Досугъ ли, часъ, другой, разнѣжась отдохнуть,
Полить цвѣты въ горшкахъ и въ птичникъ за-
вернуть?
Въ пріятныхъ пустякахъ, когда не жметъ забота,
День цѣлый разсорить безъ цѣли, безъ отчета?
Задумавшись — вздремнуть, проснувшись — хо-
хотать?
Собраться со двора — и съ мѣста не вставать?
О, счастливый удѣлъ философа такого!
Примолвимъ на ушко: притомъ и — холостого!

Въ уборной по тебѣ отправленъ ужъ курьеръ;
Чу, голосъ подаютъ: «Ну, что жъ, пора, mon cher!
«Карета подана, — вѣдь этакъ опоздаемъ!»
Везутъ тебя; куда? — А вотъ сейчасъ узнаемъ.
Ты губу закусилъ, бѣжишь, въ карету сѣлъ.
Къ Абрамушкѣ! — пошелъ! — Цугъ сѣрыхъ по-
летѣлъ.
Кузнецкій мостъ для васъ давно готовилъ ткани:
Все нравится женѣ, ты — платишь тяжки дани.
И тутъ мадамъ и здѣсь; подальше — магазинъ.
«Нѣтъ, Майковъ лучше всѣхъ: тамъ есть але-
ксандринъ; —

«Туда мой другъ!» — Изволь! Пришлося жить
въ каретѣ;
За то ты сталъ знатокъ въ перкалѣ, въ ветинетѣ.
Уже на башнѣ часъ вечеренъ загремѣлъ,
Женатый новичекъ еще съ утра не ѣлъ
И просится домой. — Картоновъ тму забрали,
Безъ денегъ и съ тряпьемъ обѣдать поскакали!
Хлѣбъ-соль всегда вкусна, когда желудокъ тощъ;
Любовь и аппетитъ приправятъ и овощъ.
Безъ дальнихъ прихотей, лишь только два куверта,
Однако же филе, притомъ не безъ десерта,
Затѣмъ, что въ статѣ такъ издавна введено:
Хоть яблоки подай, — иначе жить грѣшно!
Трапезой насладясь съ дражайшею женою,
Пора бы, чай, въ халатъ, хоть часикъ взять
покою;
Не тутъ-то было, нѣтъ: хозяюшка твоя,
Перемѣнивъ капотъ, тюрбанъ и все и вся,
Неутомимая, тащитъ опять въ карету,
Съ визитами къ роднѣ, къ друзьямъ, по цѣлу
свѣту.
Четверкой по-ямски (вся масти вороной),
Для свадебныхъ суетъ нарочно нанятой,
Ты новый родъ спозналъ страдательной забавы,
И карточки соришь съ заставы до заставы,
Нещадно тѣхъ браня, кто съ лаской принималъ,
И въ сутки наконецъ второй походъ сломалъ.
Увы! еще тебѣ готово искушенье!
Приготовляй, мой другъ, свое долготерпѣнье:

Сегодня славный балъ — вотъ новая бѣда!
Не раньше какъ въ полночь съѣзжаются туда
Всѣ баря, что ни клекъ, о томъ едва не плачутъ;
Но карта прислана — нарядятся и скачутъ.
Уйди въ свой кабинетъ: есть время отдохнуть
И съ горькою слезой старинку вспомянуть;
Спѣши, пока твоя сладчайша половина —
Пора дать имя ей, — пусть будетъ . . . . Жо-
зефина, —
Причешется и свой удѣлаетъ нарядъ.
Въ уборной вижу я зеркальный цѣлый рядъ;
Изъ многихъ лампъ огонь свой лучъ въ стекло
бросаетъ
И, отражаяся, предметы озаряетъ;
Тамъ битью весь en plein тюникъ самъ Циклеръ
шилъ,
И каждый платья сгибъ Амуръ заворожилъ;
Тамъ крупныхъ жемчуговъ съ алмазомъ оже-
релье,
Совмѣстное въ цвѣтахъ природѣ рукодѣлье;
Тутъ разныхъ влагъ сосудъ и смѣсь душистыхъ
травъ
Для мягкости волосъ и глянца ихъ составъ;
Здѣсь пропасть мелочей, какъ-будто безъ ис-
кусства,
Кокетство припасло, чтобъ дѣйствовать на чув-
ства;
Косынка, поясокъ, подвязочка, корсетъ . . . .
Но мнѣ ли срисовать Веперинъ туалетъ?
Гдѣ ты, блаженна тѣнь піита вдохновенна,
Которому въ Руси завидуетъ вселенна?

Гдѣ скрылся твой духъ, перо и геній сей,
Которымъ всѣхъ плѣнилъ ты въ Душенькѣ своей?
О, юные пѣвцы любви и восхищенья,
Вы, коихъ состоитъ вся жизнь изъ наслажденья!
Вамъ трудъ сей предлежитъ; воспойте женскій
полъ!
Я чтилъ его всегда и — ежели нашелъ
Дни счастья на землѣ,—къ нему по отношенью;
Чье сердце по его не бьется повелѣнью?
Дѣлите мой восторгъ! Кто женщинъ не любилъ—
Нѣтъ солнца для того — и Богъ его забылъ!...
Но что-то ты творишь, мой схимникъ ново-
брачный,
Ушедши къ кавельку питать свой недугъ мрач-
ный,
Бесѣдой въ тишинѣ, не съ Музами — съ собой?
Ты ропщешь чуть не въ слухъ, что съ модною
женой
Лѣтъ подъ сорокъ тебя чортъ дернулъ сочe-
таться
И съ вертопрашествомъ свободой помѣняться.
Для взора данъ масштабъ, для ласки сказанъ часъ,
И къ ручкѣ подойти извѣстно сколько разъ;
Повѣстки молча ждешь и ногти хоть кусаешь,
Явилась красота и . . . все позабываешь.
Ликъ ангельскій въ глаза какъ молнія блеснулъ,
Во всѣхъ чертахъ себя Венеринъ сынъ вдохнулъ;
Взоръ томный — сладкихъ чувствъ истолкова-
тель нѣжный
Улыбка съ простотой — путь къ сердцу неиз-
бѣжный,

Станъ гибкій и прямой — всѣхъ прелестей со-
боръ,
Въ прическѣ тонкій вкусъ, затѣйливый подборъ
И вымыселъ шитья и хитрость въ мелкой складкѣ!
Да, скажемъ, не смотря на цензоровъ нападки,
Что всякая на ней булавочка поетъ;
Ахъ! къ милому лицу, скажите, что нейдетъ?
Вошла, взглянула — все ея покорно взору!
«Вѣдь ты не долго ждалъ, — и мы пріѣдемъ въ
пору!»

Не стану говорить о множествѣ гостей
Пріѣхавшихъ на балъ, о роскоши затѣй,
Которыми у насъ хозяева тщеславны
Умѣютъ угождать на вкусы своенравны, —
Все пляшетъ и шумитъ: здѣсь вальсъ, тутъ
гулъ, тамъ смѣхъ
И крепсъ и болтовня обворожаютъ всѣхъ;
А ты, какъ угадалъ, съ женою показался,
Лишь въ залѣ котильонъ въ кружокъ форми-
ровался.
Вотще путемъ хитрилъ, то важно, то шутя,
Честное слово взять, чтобъ долго не гостя,
Отъ ужина ульнуть уклончивымъ манеромъ,
Она ужъ поднята пригожимъ кавалеромъ
И стала въ общій кругъ; а кругъ, вѣдь, до зари
Никто не разорветъ, хоть что̀ ни говори.
Что дѣлать? — Для тебя осталось наблюденье:
Разсматривай людей, ихъ нравы, заблужденье,
На спѣсь большихъ господъ взгляни, пожавъ
плеча,

Прислушай, какъ они другъ другу огоряча
Безъ логики свои доводы отпускаютъ,
Крѣпя ихъ только тѣмъ, что все всѣхъ лучше знаютъ.

Ужъ за полночь давно и третій часъ течетъ,
Объ ужинѣ никто докладывать нейдетъ;
Морфей влетѣлъ въ окно и съ воздухомъ наружнымъ
Макъ сыплетъ на глаза всѣмъ барынямъ окружнымъ,
Не дремлетъ лишь оркестръ и — храбрый котильонъ,
Часъ-отъ-часу рѣзвѣй одолѣвая сонъ,
Со стула и на стулъ красотки вальсируютъ
И свѣжихъ на-прокатъ прыгунчиковъ вербуютъ.
Несчастный муженекъ! — а ты чуть-чуть не спишь!
Понюхай табачку — вновь мысли освѣжишь;
По комнатамъ пройдись, вѣдь есть гдѣ послоняться,
На бронзы позѣвать, статуямъ удивляться;
Вѣрна ли древность въ нихъ, чей образъ — отгадай,
Архитектурныя ошибки замѣчай,
Написанну сличи Венеру на плафонѣ,
Сходна ль она съ твоей, что пляшетъ въ котильонѣ.

Но вотъ пошелъ въ походъ ужъ водочный лотокъ
И двинулся къ столу танцовщиковъ потокъ;

Терзаютъ осетровъ голодные корнеты —
И превращаются чудовища въ скелеты.
Но бдѣніе тебя отбило отъ ѣды;
Ты съ-роду не видалъ еще такой бѣды.
А милая твоя супруга-Жозефина,
Восторговъ и досадъ законная причина,
Манитъ тебя къ себѣ и на ушко: «Мой другъ!
«Я завтра позвана въ короткій самой кругъ.
«Тамъ будутъ jeua d'esprit u en actions шарады;
«Ты знаешь, для меня нѣтъ болѣе отрады:
«Потѣшь меня, mon cher, и ежель—vous m'aimez,
«Сыщи un joli mot — иль сдѣлай буриме.»
Шепнула и baiser тебѣ въ лобокъ послала,
Смиренья въ знакъ, сама ладонь поцѣловала.
Какъ счастливъ ты опять! — Весь ужинъ проходилъ,
Французскій лексиконъ на память протвердилъ
И въ мигъ карандашемъ замѣтилъ словъ двусложныхъ
Для остренькихъ шарадъ премножество возможныхъ.

Пиръ конченъ на зарѣ.—Не ѣхать ли домой?
«Mon cher! одну кадриль; минуточку постой!»
Помилуй! разсвѣло! — Мазурку заиграли
И каблучками всѣ красотки застучали;
Чье сердце устоитъ? — Конечно, дьяволъ самъ
Ввелъ пляску въ міръ на зло такимъ, какъ ты, мужьямъ.
Вдругъ солнце вмѣсто свѣчъ всю залу озарило;
Но легкій хороводъ и то не устыдило.

И бѣдный философъ, невольный балагуръ,
Хоть волкомъ вой, да жди ла грекъ и матрадуръ;
Когда бы не бѣда ужасная случилась,
Какой едва ли гдѣ слыхать намъ доводилось, —
Кто думаетъ пожаръ, кто — рухнулъ потолокъ,
Супругъ одинъ лишь радъ, что лопнулъ башмачекъ,
По счастію его, на милой Жозефинѣ.
Скакать уже нельзя! — Проклятыя судьбины!
Въ слезахъ принуждена уѣхать безъ чиновъ,
Насмѣшекъ побоясь болтливыхъ языковъ.
Угрюмый съ нею мужъ въ шинель свою зарылся,
И чуть-чуть не къ полднямъ въ постели очутился.
Въ такомъ порядкѣ дѣлъ всю дань беретъ Морфей.

. . . .

Признайся, ничего нѣтъ лишняго въ картинѣ;
Готовъ ее на судъ отдать и Жозефинѣ.
Пошлюсь на всѣхъ мужей, свободы древней нѣтъ, —
Ее уже давно оплакиваетъ свѣтъ;
И женщины, ее у насъ отнявъ навѣки,
Умѣли отомстить за то, что человѣки,
Естественный законъ во зло употребя,
Мечтали взять ихъ полъ въ подданство за себя.
Исчезли времена племенъ патріархальныхъ,
И стерлись навыки семей первоначальныхъ.
Жена тогда была лишь первая раба:
Въ покорности тверда, вліяніемъ слаба,

Какъ говоритъ преданье: свои коклюшки знала,
И носа не въ свои дѣла не уставляла;
Варить умѣла щи, артельны хлѣбы печь,
И мужа своего внимая грозну рѣчь,
Не смѣла молвить да, когда онъ нѣтъ ей скажетъ;
Отвѣтъ бывалъ одинъ: хозяинъ какъ прикажетъ! —
А нынѣ . . . . но о томъ на что и говорить?
Когда ужъ удалось имъ насъ перехитрить,
Когда любовна страсть, смягчая будто нравы,
Изъ устъ ихъ принимать велѣла намъ уставы—
Осталось намъ одно спасенiе, мой другъ:
Ихъ ласки покупать цѣной своихъ услугъ;
Мечтать, что мы цари, доколь онѣ насъ любятъ,
И рай воображать, когда насъ приголубятъ.
Ахъ! если счастья здѣсь рисуется лишь тѣнь,
То въ сладкихъ пусть мечтахъ текутъ и ночь и день! —

Вотъ опытный урокъ! — Хотя мое болтанье
Возбудитъ, можетъ быть, въ тебѣ негодованье,
Прiятеля прости, надъ коимъ ты стократъ
Любилъ и самъ шпынять за то, что онъ женатъ.
Долгъ красенъ платежемъ; но мести я не знаю
И счастiя тебѣ отъ всей души желаю! —

ПОСЛАНІЯ

КЪ АНОНИМАМЪ.

И вѣчнымъ смерти сномъ уснуть бы тутъ хотѣлъ.
Геката мнѣ въ окно лучи свои бросала
И блѣднымъ свѣтомъ ихъ мой уголъ озаряла;
Сладчайшія мечты текли въ отраду мнѣ.
Послушай, что̀ съ собой вѣщалъ наединѣ;
Когда бы, говорилъ, мнѣ мудрость боги дали,
Какою въ старину во Греціи сіяли, —
Я родъ бы смертныхъ всѣхъ къ ногамъ ея привлекъ,
Глафиру божествомъ вселенныя нарекъ!
Когда бы призванъ былъ я свѣту дать уставы,
Глафирой обольстя и самы дики нравы,
Велѣлъ бы всюду то закономъ почитать,
Что̀ вздумается ей хотѣть и приказать;
Когда бъ, какъ Александръ побѣдоносный славенъ,
Среди владыкъ земныхъ ни съ кѣмъ я не былъ равенъ, —
Въ то время бы, въ свой плѣнъ подсолнечную взявъ,
Сей плѣнъ повергъ предъ ней со множествомъ державъ;
Когда бъ, какъ Димосѳенъ, словами изумляя,
Могъ души колебать, на все ихъ побуждая, —
Хотѣлъ бы я тогда заставить цѣлый свѣтъ
Почувствовать, что ей нигдѣ подобныхъ нѣтъ;
Когда бы, какъ Вольтеръ, познавъ стиховъ искуство,
Умѣлъ я, такъ какъ онъ, восхитить смертныхъ чувство, —
Тогда бъ не только самъ я риѳмы сталъ слагать,

Чтобъ свойства въ нихъ ея безцѣнны прославлять,
Но всѣмъ, на общій ладъ настроивъ громку лиру;
Во всѣ концы земли велѣлъ воспѣть Глафиру!
Когда бы, какъ Лукуллъ, Антоній и Помпей,
Я роскошью своей возмогъ дивить людей, —
Тогда бы серебра и злата тяжки груды,
Сапфиры, жемчуги, кораллы, изумруды
И, словомъ, всѣхъ сторонъ сокровища собравъ,
На каждой жизни мигъ дарилъ ей тму забавъ:
Тамъ въ садъ бы обратилъ разсѣлины ужасны,
Пустилъ бы здѣсь изъ горъ воды потоки ясны;
Или когда бъ я былъ такъ силою богатъ,
Какъ силенъ былъ Милонъ въ Кротонѣ, говорятъ, —
Тогда бы, одолѣвъ и камни и ограды,
Виновниковъ ея малѣйшія досады,
Какъ куколъ изъ земли, коверкалъ и ломалъ,
И махомъ лишь однимъ во адъ ихъ посылалъ!
Въ такомъ восторгѣ чувствъ, едва ли вѣроятномъ,
Но сердцу моему по совѣсти пріятномъ,
Еще я мыслилъ такъ: о, еслибъ царь я былъ! —
Вельможъ бы въ мой совѣтъ всегда при ней водилъ,
И подданыхъ моихъ ни мало бъ не стыдился,
Что прелестямъ ея мой разумъ покорился!

А если бъ Небеса хотѣли наконецъ,
Чтобъ въ рубищѣ гниломъ я въ полѣ пасъ овецъ, —
Въ простой тогда рожокъ наладивъ пѣсню слезну,
И тамъ бы не забылъ Глафиру мнѣ любезну!..

Но будучи, что я, почти для свѣта мертвъ,
Какую принести могу изъ тѣхъ ей жертвъ,
Которыя въ умѣ теперь воображаю?
Сказать: люблю тебя! вотъ только, что̀ я знаю.
Люблю пріятно тамъ, изъ устъ безцѣнно тѣхъ,
Которыхъ мы любить находимъ край утѣхъ;
Но тотъ, кто въ насъ вселилъ холодное почтенье,
Въ устахъ того люблю—есть намъ отягощенье.
Покамѣстъ самъ съ собой бесѣдовалъ я такъ,
Заря грядуща дня, развѣя ночи мракъ,
Съ небесной тверди скрывъ сіяющи свѣтила,
Готовя солнцу входъ, луны фонарь гасила;
Мелькающій огонь въ каминѣ исчезалъ,
Рабочій мой народъ во всѣхъ избахъ вставалъ;
Послѣдняго изъ нихъ ревнуя низкой долѣ,
Хотѣлъ бы лучше быть въ его тогда неволѣ.
Но сжалился со мной владыка сна, Морфей,
Ужъ легкій сонъ леталъ вокругъ моихъ очей.
Дремотой тонкой я лишь только усладился,
Какъ вдругъ передъ меня мой геній появился:
Подвиглась отъ него вся храмина моя,
Ни неба, ни земли тогда не видѣлъ я.
Онъ страшенъ былъ, свирѣпъ, бросая быстры
взоры,
Казалось, онъ скликалъ страшилищъ всѣхъ со-
боры;
И все, чѣмъ можетъ быть испуганъ человѣкъ,
Онъ, въ дѣйство приведя, громовымъ гласомъ
рекъ:
О, буйный сынъ суетъ! ты все любовью таешь!
Иль такъ мои тебѣ совѣты уважаешь?

Спокойство потерявъ, златые дни губишь.
Какими отъ любви себя плодами льстишь?
Ея различныхъ мукъ иль жертвой былъ ты мало?
Какое зло тебя, несчастный, миновало?
Какихъ не испыталъ, вѣщай мнѣ наконецъ,
Лютѣйшихъ въ свѣтѣ каръ чувствительныхъ сер-
децъ?
Когда мнѣ жизнь твою хранить велѣли боги,
Предвидѣвъ ужъ тогда твои судьбины строги,
Колючій тернъ на путь любви я насадилъ
Нарочно съ тѣмъ, чтобъ ты къ нему не подходилъ;
Но ты, презрѣвъ мои полезныя угрозы,
Гдѣ кроются змѣи, туда ходилъ рвать розы;
Когда бѣжалъ искать подъ тѣнью ты отрадъ,
Тамъ тартаръ жегъ тебя, не рай плѣнялъ про-
хладъ.
Къ счастью, сколько разъ, пути презрѣвши благи,
Ты падалъ лютыхъ бѣдъ въ крутѣйшіе овраги!
Въ столь зрѣлыя лѣта, о, сколь ты сердцемъ
юнъ!
Но бойся на себя вооружить перунъ!
Не всуе отъ любви тебя я отвращаю;
Внемли, и помни вѣкъ, что̀ я теперь вѣщаю:
Коль хочешь въ мірѣ семъ спокойствіе вкусить,
Забудь, что сердце есть, и перестань любить....

При словѣ семъ мое исчезло привидѣнье,
При словѣ семъ и сна скончалось услажденье.
Престать любить! вскричалъ; — или я человѣкъ
На то, чтобъ самъ себя я мучилъ весь мой вѣкъ?
Или на тотъ конецъ, о боги! я родился,

Чтобы какъ дикій звѣрь въ пещерахъ хоронился;
Чтобъ, сердцу находя любезнѣйшій предметъ,
Біенію его не чувственъ былъ? — Нѣтъ! нѣтъ!
На что мнѣ жизни сей безплодно продолженье,
Коль долженъ я любви отвергнуть обольщенье?
На что мнѣ слава, честь, чрезъ кои нашъ животъ
Есть образъ адскихъ мукъ, основа злыхъ заботъ?
На что богатство мнѣ? кчему сама порфира,
Когда отъ глазъ моихъ отнимется Глафира?...
О, нѣтъ! когда бы мнѣ и гробъ въ любви найтить, —
Любовь есть рай души... я буду вѣкъ любить!

Ей же.

Le ciel fit pour s'aimer les coeurs qui se ressemblent.

Въ счастливой жизни часъ спознавшися съ тобою,
Власть полну далъ тебѣ, Глафира, надъ собою;
И сердцемъ и умомъ владѣя ты моимъ,
Къ блаженству кажешь путь владычествомъ своимъ!
Любви твоей одной всѣхъ паче благъ желаю,
Всей мыслію тебѣ, всѣмъ сердцемъ угождаю...

Мнѣ опытъ говоритъ, когда гляжу на свѣтъ,
Что каждый смертныхъ шагъ есть новый знакъ
суетъ;
Симъ опытомъ привыкъ все видѣть равнодушно,
И чувствовать, что мнѣ съ тобою лишь не скучно;
Съ тобой еще могу найти я тихи дни,
Связь дружбы, жаръ любви и — радости одни;
Вседневно для меня рай новый созидаешь,
Бесѣдою своей мой разумъ исправляешь:
Ничто не можетъ такъ нашъ умъ образовать
И самый жесткій нравъ къ добру располагать,
Какъ женщинъ милыхъ намъ пріятны убѣжденья.
Что̀ можетъ постоять противу ихъ внушенья?
Ни въ школахъ мудрецы, на каѳедрѣ монахъ —
Не въ силахъ произвесть того въ людскихъ умахъ,
Что̀ женщина творитъ однимъ нерѣдко словомъ!
О дѣйствіи такомъ, весьма уже не новомъ,
Напрасно сталъ бы здѣсь я рѣчь мою плодить;
Кому не удалось сей правды ощутить?
Какимъ бы твердымъ кто щитомъ не оградился,
Въ какой безвѣстный край вселенной ни со-
крылся, —
Гдѣ солнца свѣтитъ лучъ, вездѣ любовь живетъ,
И тутъ — и тамъ — и здѣсь она его найдетъ.
Любовь, сей даръ Небесъ, огонь всея природы,
Которымъ искони живутъ всѣхъ смертныхъ роды,
Присущенъ былъ Творцу, какъ міръ Онъ сози-
далъ:
Онъ съ духомъ жизни—духъ любви Адаму далъ.
Когда бы въ насъ любви не дѣйствовала сила,
Что̀ былъ бы человѣкъ?—лишь кукла—глыба ила.

Оставя разговоръ о важности причинъ,
Какими твари всѣ, храня свой въ мірѣ чинъ,
Естественнымъ между собою привлеченьемъ,
Живутъ одна съ другой взаимнымъ восхищень-
емъ, —
Въ молчаніи почтимъ Всесильнаго дѣла!
Вникая въ нихъ, нашъ умъ—густая только мгла.
Гармонію сію между свѣтилъ небесныхъ
И самыхъ мелкихъ тѣлъ, едва намъ здѣсь из-
вѣстныхъ,
Едва ль удобенъ кто, Глафира, понимать;
Нашъ долгъ — дивиться ей и слѣпо обожать.
Довольно, если мы, въ предметъ взявъ человѣка,
Каковъ онъ сотворенъ отъ перваго дня вѣка,
Разсмотримъ что любви владычество творитъ,
Когда его душа огнемъ ея горитъ;
Какія чудеса въ его находимъ нравѣ,
Въ разсудкѣ и душѣ, въ моральномъ всемъ со-
ставѣ.
Какого бъ свойства самъ онъ ни былъ по себѣ,
Въ какой бы приведенъ онъ ни былъ жить судьбѣ,
Но въ милой если зритъ своей противну волю,
Согласно съ ней тотчасъ сыскать стремится
долю;
Препятства нѣтъ для той, которая мила:
Вездѣ за ней идетъ, куда бы ни вела.
Обычаямъ своимъ и вкусамъ досаждая,
Всѣ силы противъ ихъ разсудка напрягая,
Лишь чуть возникнетъ въ немъ хоть маленькій
порокъ,
Стыдится, ищетъ скрыть, и самъ къ себѣ жестокъ.

Упрямъ ли онъ — она его всегда смягчаетъ;
Сердитъ ли — безъ труда на милость преклоняетъ;
И, словомъ, что̀ она ни молвитъ — то законъ.
Я видѣлъ игрока горячаго въ бостонъ,
Который, проигравъ, изъ мѣры вонъ терялся;
Хотя не злымъ онъ слылъ, тутъ бѣшенымъ казался;
Повѣришь ли ты мнѣ, Глафира, или нѣтъ —
Онъ плакивалъ, когда поставитъ разъ лабетъ,
Тотъ самый же теперь весь столъ напишетъ ими,
Когда играетъ онъ съ пріятельми своими.
Я пьяницъ многихъ зналъ, которые — не пьютъ;
Скупыхъ, которы — все имѣнье раздаютъ;
Мотовъ, которымъ — жаль копѣйку бросить стало;
Повѣсъ, которыхъ — вдругъ смирнѣе не бывало:
И всѣмъ премѣнамъ симъ, волнующимъ въ нихъ кровь,
Одну и ту жъ вездѣ причину зрѣлъ — любовь.
Она меня къ тебѣ, Глафира, обращаетъ,
Подобно какъ магнитъ желѣзо привлекаетъ;
Она даетъ права сильнѣе всѣхъ властей;
Я ею вѣчный рабъ во области твоей.
Колико ты ума пріятностьми богата,
Которыя въ глазахъ моихъ дороже злата,
Толико и любовь моя къ тебѣ сильна!
Но ужъ любви моей не первая вина:
Разсудка твоего обширность понимаю,
Достоинства души я чту, люблю и знаю;
Все мало для любви, сильнѣй приманка есть,
Ее намъ не даютъ ни родъ, ни умъ, ни честь.
Какая же?—Мила.... вотъ чувства совершенство,

Вотъ сердца талисманъ и наше въ немъ блаженство!
О, если бъ иногда въ уныньи кто сказалъ,
Чтобъ онъ совсѣмъ безъ чувствъ на свѣтѣ жить желалъ,
Не вѣрь, Глафира! — Нѣтъ, еще тотъ не родился,
Кто жить бы не любя минуту согласился.
Пристрастіе меня уже не возмутитъ;
Но истинной любви мой духъ не измѣнитъ.
Ее нельзя купить ни силы принужденьемъ,
Ни златомъ, ни красой, ниже благотвореньемъ;
Свободна такъ, какъ духъ, она сама вспыхнетъ,
Обниметъ сердце вдругъ и потихоньку жжетъ.
Прямой любви черты вовѣки неизмѣнны;
Чувствительны сердца! — онѣ для васъ священны! —
Глафира! вотъ объ ней понятіе мое,
И признаки познай и правила ее:
Невинный, чистый умъ, безъ замысловъ тщеславныхъ,
Свободная душа отъ прихотей злонравныхъ:
Порокъ любезенъ быть не можетъ никогда,
Но слабость извинять есть долгъ любви всегда;
Участіе въ бѣдахъ, въ печали сожалѣнье,
Взаимное во всемъ другъ къ другу обращенье;
Въ опасности животъ за друга въ жертву несть,
За кровь его, свою, за честь свою дать честь —
Вотъ истинна любовь, богами въ насъ рожденна!
Иное все лишь бредъ разсудка поврежденна.
Законъ такой любви ужъ ли, Глафира, строгъ?

Ахъ, нѣтъ! даю тебѣ я сердце въ томъ въ залогъ;
И вѣрь, что сколько дней мнѣ жить ни доведется,
Симъ образомъ любить оно не отречется.

Ей же.

Un coeur bien atteint veut qu'on soit toit à lui.

—

Признательности дань плачу здѣсь, Музы, вамъ!
Чрезъ васъ я счастливъ былъ, имѣя цѣну тамъ;
Гдѣ каждымъ жизни днемъ, какъ райскимъ, восхищался,
Гдѣ сладкой дружбы я избыткомъ наслаждался,
Гдѣ могъ, что̀ на душѣ, въ свободѣ полной сдать,
Гдѣ слово даже грусть я зачалъ забывать;
Вы послѣ бурныхъ дней мучительныя страсти
Служили иногда отрадой мнѣ въ напасти.
Скучалъ ли я о чемъ, или о комъ болѣлъ —
Перо мое! къ тебѣ прибѣжище имѣлъ.
Но кистью черной сплошь чертилъ свои картины,
И множилъ только тѣмъ досадъ моихъ причины.
Узналъ Глафиру — вдругъ я сдѣлался не тотъ!
Гдѣ мыслей чернота, гдѣ дѣлась тма заботъ?

Всѣ ясны стали дни, всѣ тихи стали ночи,
Поутру, ввечеру, среди глухой полночи.
Когда бы въ чувства кто мои проникнуть могъ,
Узрѣлъ бы, что она въ нихъ царствуетъ какъ
Богъ.
Бывало, коль при ней о чемъ-нибудь сгруснулось,
Какъ паръ съ стекла сойдетъ, лишь только улыбнулась;
Желаніямъ ея навстрѣчу я бѣжалъ;
Уму ея во всемъ мой умъ порабощалъ;
А сердце для кого жъ такъ сильно трепетало?
По голосу ея движенье воспримало.
Глафиры быстрый взоръ былъ царь души моей;
Доволенъ, счастливъ, радъ, лишь только былъ
бы съ ней.
Гдѣ жъ смертныхъ наконецъ спокойство обитаетъ,
Когда такая жизнь его не продолжаетъ?
Или среди такихъ безцѣнныхъ сердцу благъ
Не цѣлой жизни путь, одинъ начертанъ шагъ?
Увы! не такъ сей свѣтъ устроенъ отъ начала,
Чтобъ радость въ немъ для насъ до гроба обитала:
Проглянетъ и блеснетъ, какъ молнія съ небесъ;
За ней гремитъ громъ бѣдъ и льется дождикъ
слезъ.
Наполненъ весь народъ лишь хитрости, лукавства;
Въ устахъ игра ума, въ глазахъ весь ядъ коварства;
Обманъ за все, про все, безъ финту ни на часъ,
И столь развращена вся нравственность у насъ,

Что если дружбы кто покажетъ восхищенья,
Не вѣритъ имъ никто, вмѣняя въ обольщенья.
Нельзя сказать люблю, чтобъ тысячи комерь *)
Не славили вездѣ: ахъ! онъ влюбленъ, ма-шерь **);
Смотри, какъ онъ глядитъ, взгляни, какъ онъ
скучаетъ;
Примѣтила ли ты, какъ часто онъ вздыхаетъ?
И словомъ, изъ своихъ умовъ зловредныхъ тутъ
Богъ вѣдаетъ, какихъ догадокъ не сплетутъ.
Хоть скромность двухъ друзей есть вывѣска
прямая,
Однако всуе мнятъ, о дружбѣ разсуждая,
Что-будто другъ прямой не можетъ жарокъ быть,
Что-будто долженъ онъ безъ ревности любить;
Короче: все равно, что другъ, что дикій камень.
Ахъ, нѣтъ! Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть
пламень.
Любовникъ—это пылъ, а другъ—есть тотъ огонь,
Который свѣтелъ, тихъ; но чуть его лишь тронь,
Усилися, и онъ зажжетъ, что̀ прикоснется,
И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется.
Я съ ревностью всегда друзей своихъ люблю
И въ сердцѣ ихъ ни съ кѣмъ статъ рядомъ не
терплю;
Чтобъ взоры ихъ, слова и всякое движенье
Мнѣ искренно вездѣ казали предпочтенье.
Сего-то я вотще всю жизнь мою искалъ;

---

*) Французское слово, значитъ сплетчица.

**) Французское слово, значитъ милая, и въ большомъ у дамъ употребленіи.

Изъ черна дня земли тотъ лютый день возсталъ,
Въ который мнѣ пришло невольно догадаться,
Что некогда тебѣ, Глафира, мной заняться.
Ты скрыла сердце мнѣ, лишила тѣхъ рѣчей,
Отъ коихъ слабый умъ всей силы ждалъ своей;
Въ глаза твои мой взоръ колико ни стремится,
Не можетъ твой съ моимъ ни въ чемъ ужъ со-
гласиться;
А я—и вотъ въ чемъ рокъ мой болѣе суровъ—
Тебѣ ставъ другомъ разъ, пребуду вѣкъ та-
ковъ.
Я твердъ, умѣю быть любви въ безсмертномъ
чувствѣ,
Хоть славится нашъ полъ обманывать въ ис-
кусствѣ.
Ты знаешь, я не лживъ; такъ вѣрь, Глафира, мнѣ,
Что вспомню о тебѣ во всякомъ жизни днѣ;
Что чту своихъ отрадъ сокровищемъ, богат-
ствомъ,
Воображать тебя съ умомъ твоимъ, съ пріят-
ствомъ;
Что буду вѣкъ тебя съ боязнію любить,
Съ восторгомъ всѣ твои дѣянія хвалить,
И правиломъ твои пребудутъ мнѣ совѣты:
Вотъ сердца моего дражайшіе обѣты!
Одно уже добро осталось для меня,
Чтобъ помнить о тебѣ, ихъ цѣлость сохраня.
Печали сносны тѣ, въ которыхъ другъ любезный,
Снявъ бремя ихъ съ души, даетъ совѣтъ полез-
ный.
Но, ахъ! съ какой бѣдой тѣ горести сравнять,

Отъ коихъ рвись одинъ и некому сказать;
Которыхъ самъ твой другъ ставъ первою виною,
Глубоки роетъ рвы, гдѣ путь лежитъ къ покою:
Вотъ муки, кои мнѣ чувствительность дала!
А все-таки ты мнѣ, Глафира, все мила!

Итакъ я, Музы! васъ теперь не приглашаю;
Глафиру потерявъ, всѣ вкусы вдругъ теряю.
Тебя лишь, Циммерманъ, тебя съ твоей тоской
Зову, какъ друга, я бесѣдовать съ собой!
Когда судьбы хотятъ, чтобъ въ жизни сей пла-
чевной
Печаль и тѣснота удѣлъ нашъ былъ вседневной;
Когда Всевышній такъ вселенну учредилъ,
Чтобъ всякой бремена бѣды своей сносилъ,
И дружескихъ связей небесно упоенье
Вмѣнялъ во бредъ страстей, разсудка въ изступ-
ленье:
То ты меня теперь увѣрь и убѣди
И твердостью души своей меня снабди!
Хочу я, такъ какъ ты, одинъ изныть въ семъ
мірѣ,
И опытомъ самимъ хочу явить Глафирѣ,
Что если друга въ ней найти я не успѣлъ,
То свѣтъ сей для меня, съ ней розно, — опу-
стѣлъ.

ЛЮДМИЛѢ.

Puis-que l'amour a fait le monde.
Le monde doit faire l'amour

—

Женитьбы по любви вкушая плодъ семь лѣтъ,
Съ женою на печи забылъ я цѣлый свѣтъ;
Какъ дома рай сыскать, я твердо научился.
Подмигивать отвыкъ, отъ женщинъ удалялся;
Казалось, пересталъ отъ нихъ съ ума сходить.
Но, знать, мнѣ на роду написано такъ жить,
Чтобъ личикомъ вездѣ пригожимъ воспламеняться
И слабо отъ любви разсудкомъ защищаться.
Да гдѣ же царь и вождь, гдѣ рабъ, покрытый тмой,
Который бы не чтилъ сей власти надъ собой?
Природа, давъ сердца, надъ ними обладаетъ,
По волѣ ихъ своей, не нашей, помыкаетъ;
У каждаго изъ насъ есть собственный червякъ,
И всякой, въ свой чередъ, бываетъ здѣсь дуракъ.
Посмотримъ съ стороны—сентенціи прекрасны,
И логикѣ прямой всѣ кажутся подвластны;
Но дерни струнку тамъ, гдѣ за сердце щемитъ:
Кто сколько ни уменъ, а всякой дребезжитъ.
Себѣ самимъ цѣны дать сильно не робѣемъ,
А ближнихъ ни за что напрасно разумѣемъ
Коль истину сказать, кто жъ бабѣ и не внукъ?
Сей свѣтъ есть полный домъ заботъ, печалей, мукъ;

Такъ если бъ иногда намъ съ правды не свихнуться,
Пришлось бы, не доживъ урочныхъ лѣтъ, рехнуться.
Я ближнему готовъ ошибку чувствъ прощать,
И въ слабостяхъ ума всѣмъ сердцемъ извинять:
Споткнуться мудрено ль, когда Купидо тянетъ;
Но черныхъ дѣлъ душа моя хвалить не станетъ.
Съ проступкомъ различать развраты надлежитъ;
Одинъ упалъ — вскочилъ, другой весь вѣкъ лежитъ.
Коварства не терплю, измѣны ненавижу;
Мнѣ пасмуренъ тотъ день, когда ихъ опытъ вижу.
Всѣ страсти намъ вредятъ, воспламеняя кровь;
Но меньше всѣхъ стыдитъ невинная любовь.
Прискорбно, что успѣхъ неравенъ удается:
Иному только взглядъ въ добычу достается,
Кому словечко, вздохъ, кому одинъ обманъ.
Быть витяземъ въ любви не многимъ жребій данъ;
Однако молодцовъ такихъ нѣтъ на примѣтѣ,
Которымъ безъ любви жить нравилось на свѣтѣ.
Бѣги отъ женщинъ прочь, скитайся по горамъ;
Попалась лишь одна — и вся мораль къ чертямъ.

Кчему клоню я рѣчь, догадливый узнаетъ;
А въ комъ догадки нѣтъ, тотъ пусть не понимаетъ.
Дуракъ всегда болтунъ, не смыслитъ, да вредитъ;
А скромный смѣтитъ все, и кстати замолчитъ:

Онъ знаетъ, что любви оковы очень гибки,
А жестки отъ одной любовниковъ ошибки.
Но если симъ стихамъ (оно не мудрено)
Въ рукахъ любезной быть судьбою суждено,
И ежели они (вотъ это мудрененько)
Покажутся и впрямъ написаны гладенько,
То я за слабый трудъ, наполненный отрадъ,
Немногаго прошу въ замѣну всѣхъ наградъ,
(Не для того, чтобъ былъ бездѣлкою доволенъ,
И радъ бы много взялъ, въ чужомъ никто не-
волен),
А именно того, чтобъ всякой день хоть разъ,
Истерику лишь прочь, и въ самой рѣзвый часъ,
Коль могутъ быть притомъ капризы всѣ избѣжны,
Людмила на меня взоръ бросила бы нѣжный,
И слыша, сколько мукъ, любя ее, терплю,
Отвѣтствовала мнѣ: и я тебя люблю . . .

Незнакомой въ столицѣ.

На что ты знать меня желаешь?
Ни я уменъ, ни я пригожъ.
Напрасно ты воображаешь,
Что-будто я любезенъ; — ложь!
Тѣ дни давно уже промчались,
Въ ночи забвенья потерялись,

Когда такимъ напрасно слылъ.
Измѣны, скука и печали
Черно мой нравъ образовали,
И духъ во мнѣ совсѣмъ уньілъ.

Лишь міромъ началъ утѣшаться,
Тотчасъ онъ мнѣ противенъ сталъ;
Чѣмъ больше сталъ съ людьми сближаться,
Тѣмъ больше жизнію скучалъ;
Какъ скоро зла успѣхъ увидѣлъ,
Сообщества возненавидѣлъ,
Съ тѣхъ поръ и свѣта не люблю:
Безстрастно жизнь моя влечется,
Какъ нитка грубая прядется,
И тягость бытія терплю.

Я мнилъ, изъ дѣтской вышедъ школы,
Забавами себя маня,
Что небо радостей престолы
Вездѣ воздвигнетъ для меня;
Что грусть есть слабыхъ душъ химера,
И что подсолнечная сфера
Вмѣстилище честныхъ людей;
Что въ свѣтѣ любятъ всѣ другъ друга;
Что каждый шагъ нашъ есть услуга,
А міръ — семья прямыхъ друзей.

То мнѣнье молодости было,
Восторгъ души, еще простой;
Въ пятнадцать лѣтъ что̀ веселило,
То въ тридцать рушитъ нашъ покой.

Тогда все было мнѣ пріятно,
И все казалось вѣроятно,
Хоть чуть гладенько кто солжетъ;
Но выросъ — и обманъ примѣтилъ,
И позднюю догадкой смѣтилъ,
Что сердце не въ устахъ живетъ.

Въ такомъ несносномъ положеньи
Отчаянно томяся вѣкъ,
Какія можетъ утѣшеньи
Себѣ придумать человѣкъ?
Разсудокъ мало помогаетъ,
Гдѣ сердце ноетъ и страдаетъ,
Гдѣ темная повсюду ночь,
Совѣта нѣтъ, посредствъ нимало,
Друзей подавно не бывало,
И ближніе бѣгутъ всѣ прочь.

Чей умъ, какъ ни былъ бы способенъ,
Лишенный всякихъ вдругъ подпоръ,
Чей умъ переноситъ удобенъ
Мірскихъ пристрастіевъ раздоръ,
Къ изгибамъ хитрости привыкнуть,
Лукавства глубины проникнуть,
Узнать, гдѣ правда, гдѣ обманъ,
И видѣть день отъ дня яснѣе,
Что чувства, кои всѣхъ нужнѣе —
Любовь и дружба — лишь романъ?

Родясь съ чувствительной душою
И пріучивъ ее любить,

Какой возможно путь къ покою
Въ такой вселенной находить?
Ушелъ бы въ пропасти далеки,
Гдѣ не родятся человѣки; —
Но сердце мнѣ куда дѣвать?
Оно вездѣ со мной пребудетъ,
Оно Глафиры не забудетъ!
Иль съ нею жить — иль умирать!

Такъ, ты единственно родилась
Восхитить чувствія мои,
Умомъ и нравомъ отличилась
Отъ всѣхъ живущихъ на земли;
Любви непостижимой силой
Ты сердцу моему быть милой
Была въ природѣ создана;
Твой взоръ владычествуетъ мною:
Пусть правитъ онъ моей судьбою;
Она ему покорена.

Глафиры нѣтъ — пуста вселенна! —
Пуста — такъ мыслю — и не лгу.
Сколь многихъ участь ни блаженна,
Завидовать ей не могу.
Ничто меня не изумляетъ,
Ничто желанья не раждаетъ
Пуститься снова въ пышный свѣтъ;
Отъ рубища и до порфиры
Все видѣлъ — и кромѣ Глафиры
Ей-ей пріятнаго ужъ нѣтъ!

Сіе одной предпочитаю.
На чувствахъ сердца основавъ,
Могу ли въ комъ родить желанье
Узнать мой, дикой, впрочемъ, нравъ? —
Къ тебѣ рѣчь паки обращаю,
Еще тебя спросить дерзаю:
На что ты хочешь знать меня?
Перо ль мое тебя плѣнило?
Оно того не заслужило;
Такъ много не мечтаю я.

Единой правдѣ посвящая
Мои досуги въ тишинѣ,
Глафирой душу восхищая,
Пишу, что кростся во мнѣ;
Нѣмой бумагѣ безъ искусства
Ввѣряю искренніе чувства,
Но славы въ рифмахъ не ищу.
Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не хочу.

Прости мою мнѣ откровенность!
Притворству я не обученъ;
Чужда мнѣ автора надменность:
Дерзну ль быть ею зараженъ.
Но если сказанное мною
Не приметъ силы надъ тобою;
И безуспѣшенъ я найдусь:
Тогда волшебствъ ненадо много,
Была бъ извѣстна лишь дорога;
Вели — изволь, я покажусь.

Незнакомой въ уѣздѣ.

Пріятную свою настроивая лиру,
Кто хвалитъ мой каминъ и милую Глафиру,
Чье нѣжное перо столь пышною хвалой
На свѣтъ выводитъ вновь талантъ убогій мой!
Коль въ правду пишешь ты, что я тебя не знаю,
То жаль, что тѣхъ стиховъ творца не отгадаю,
Которыми, за трудъ мой міру угодить,
Одна страшилась ты чрезмѣрно наградить;
И будетъ для меня хвалы твоей безцѣнной,
Не требуя ея безумно отъ вселенной.
Коль чувства тронуть могъ хотя одной души,
Стихи мои уже довольно хороши.
Моихъ трудовъ предметъ — едино упражненье;
Занятіе само собой есть утѣшенье;
А впрочемъ, знаю самъ, что нѣтъ въ стихахъ моихъ
Такого ничего, за что бъ замѣтить ихъ.
Итакъ, принявъ хвалу твою съ благодареньемъ,
Я чту ее себѣ пріятнымъ ободреньемъ.
Коль всякой такъ, какъ ты, ихъ въ праздности прочтя,
Захочетъ мнѣ сказать поистинѣ, не льстя,
Что занятъ ими былъ хоть мигъ одинъ пріятно,—
Чего еще желать? — Сіе лестнѣй стократно,
Чѣмъ въ одахъ похвала обманчивая та,
Котору сплошь плетутъ коварныя уста.

Твоею похвалой, почтенная незнакомка,
Я щедро награжденъ, и вкупѣ очень громка.
Что можетъ твоего поступка быть нѣжнѣй:
Отъ благодарности скрываешься моей!
Не риѳмы лишь мои, ты мысли ободряешь,
И самымъ тѣмъ меня сильнѣй въ нихъ утвер-
ждаешь.
Такъ—истинно нельзя—и споръ бы былъ упрямъ
Иначе безъ хлопотъ достигнуть счастья намъ,
Какъ шествуя путемъ умѣренности въ свѣтѣ.
Кто множество затѣй имѣетъ вдругъ въ пред-
метѣ,
Въ желаньяхъ, какъ въ волнахъ, колеблется весь
свой вѣкъ,
Тотъ чадо суеты и бѣдный человѣкъ;
Мнѣ жалкими всѣхъ тѣхъ разсудокъ представ-
ляетъ,
Которыми *авось* какъ хочетъ управляетъ.
Удача пусть его на парусахъ несетъ;
Но вѣтеръ чуть не тотъ—и все ко дну пойдетъ.
Такъ мыслилъ я всегда, такъ буду думать вѣчно,
И если хвалишь ты меня чистосердечно,
Коль образъ мыслей мой тебѣ угоденъ сталъ,—
На что̀ желаешь ты, чтобъ я тебя не зналъ?
Когда сказать того не хочешь въ Иппокренѣ,
Дабы не подвергать себя ея измѣнѣ,
Ужъ ли ты средствъ иныхъ не сыщешь, чтобъ
про то,
Кто ты, кромѣ меня не свѣдалъ бы никто?
Чтобъ я твоихъ стиховъ не смѣлъ считать на-
смѣшкой,

Будь искренна, какъ я; назвать себя не мѣшкай.
За что хотѣть меня пріятности лишить
Признательность мою вполнѣ тебѣ явить?
Ее въ стихахъ сихъ нѣтъ, перо мое тупѣетъ,
Воображеніе часъ-отъ-часу слабѣетъ,
И чувствую, увы! что время то прошло,
Въ которое оно понравиться могло.
Всему своя пора! — Покорствуя Натурѣ,
Я краткой жизни мигъ скончалъ въ литературѣ,
Доколь піитовъ духъ меня животворилъ,
Я, можетъ быть, его восторгомъ веселилъ;
Предѣлъ моихъ теперь способностей я вижу,
А кое-какъ писать — до смерти ненавижу.

Тебѣ принадлежитъ Парнасса знатный край;
Пиши — и своего Ванюшу восхищай!
Позволь подчасъ и мнѣ свою услышать лиру;
Согласіемъ ея плѣняй мою Глафиру,
И искренней любви заимствуя черты,
Представь златыхъ намъ дней небесны красоты!
А мнѣ вели изъ устъ воздать благодаренье
Живѣе, чѣмъ сіе полмертвое творенье,
Которымъ я принесть тебѣ стараюсь въ даръ
Послѣдній мыслей плодъ—послѣдній сердца жаръ.
Но если ты въ своемъ упорствѣ пребываешь
И чести сей меня достойнымъ не считаешь,
По крайней мѣрѣ знай (и вѣрь словамъ моимъ),
Что буду помнить вѣкъ столь лестный анонимъ

Параш ъ.

Я былъ въ гостяхъ у Селимены,
Прекрасный видѣлъ тамъ боскетъ,
Въ диванѣ зеркальныя стѣны,
Въ гостиной розовый паркетъ.

Въ который край ни оглянуся —
Красно, богато и свѣтло!
Чего рукой ни дотронуся —
Все бархатъ, мраморъ, иль стекло!

Во изумленьи любовался
При Селименѣ тамъ на все;
Умомъ своимъ ей посужался,
Но сердце пряталъ отъ нее.

Рѣкою льются тамъ шарады,
Въ большомъ почтеньи каламбуръ;
Стихи терзаютъ безъ пощады,
А въ лампахъ свѣтитъ petit jour.

Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей-нибудь да счетъ,
Друзьямъ нерѣдко достается,
Какой въ семьѣ вести расчетъ.

Словца безъ умыслу не скажетъ;
Глазамъ великій недосугъ;

Съ надменностію тонкой кажетъ
Свои алмазы и жемчугъ.

Она нерѣдко пустошь мелетъ
Про тѣхъ, кого бѣжитъ обнять;
По-русски молвить: мягко стелетъ,
Да жестко, сказываютъ, спать.

Иному дастъ такую зорю,
Что кровь приводитъ всю въ игру.
Остра, бойка — я и не спорю;
Да только мнѣ не понутру

Меня, спасибо, тамъ ласкали
Хозяйка, гости, вся семья,
Впередъ почаще приглашали;
Но врядъ опять вернусь ли я.

Отъ нихъ, лишь только все усѣлось,
Поѣхалъ къ Пашенькѣ сидѣть:
Мнѣ сердцемъ жить въ тотъ день хотѣлось,
А не на золото глядѣть.

Хоть бѣдныхъ комнатокъ Параши
Не злата рядитъ красота,
Но, ахъ! онѣ чертоговъ краше:
Въ нихъ дружба, честь и простота.

Не сыщешь тутъ хрустальныхъ вадоровъ,
Ни шума праздничныхъ забавъ,

Не застятъ солнце тмой уборовъ;
Все дрянь — да что-то все на правъ.

Здѣсь въ мысляхъ полная свобода:
Хотя проврешься — не бѣда:
И на чужомъ дворѣ народа
Никто не тронетъ никогда.

Гостей не стая къ ней валится;
Пять, шесть персонъ — бесѣда вся;
Никто вспотѣвши не чинится;
Всѣ тутъ родня, всѣ тутъ друзья!

Хозяйка суясь не хлопочетъ:
Есть кресла — сядь, не хочешь — стой;
Кому смѣшно — пускай хохочетъ;
Кто любитъ пѣть — пожалуй пой.

Она свое пригожство знаетъ,
Но такъ имъ мало дорожитъ,
Что даже часто забываетъ,
Гдѣ зеркало ея стоитъ.

А Селимена . . . (ахъ, какъ стыдно!
Съ трюмо почти не спуститъ глазъ;
И какъ ни кроется, но видно,
Что въ день сойдется съ нимъ сто разъ.

Что̀ я красою понимаю,
Что̀ я зову любезной быть,

Въ тебѣ то, Пашенька, встрѣчаю;
Другимъ дано лишь только слыть.

Твоимъ подобьемъ Стернъ плѣнялся;
Его Элиза такова;
Въ тебѣ (онъ самъ бы въ томъ признался)
Она родилась съизнова.

Мое сравненіе не ложно:
Въ твоемъ углу небесный рай;
Въ немъ горя чувствовать не можно,
И скука сердца не замай.

Любовь прямая безъ примѣра,
Не знаема вселенной всей,
Съ тобой лишь только не химера;
Она въ душѣ живетъ твоей.

Она-то общество плѣняетъ,
Въ которомъ дни свои ведешь,
Она всечасно посѣщаетъ
Тотъ домъ простой, гдѣ ты живешь.

Жеманства маскою дурною
Ты прочь ее не отразишь,
Молвы боязнію пустою
Ты дружбы нѣжной не страшишь.

Живи разсудка подъ закономъ,
Богатыхъ не ревнуй судьбѣ;

Къ богатымъ придутъ всѣ съ поклономъ,
А съ сердцемъ бросятся къ тебѣ.

И такъ я съ ней залепетался,
Что, на часы когда взглянулъ,
Ахти, полночь! — домой помчался.
Путемъ-дорогой такъ смекнулъ:

Парашу вѣчно не забуду!
Мила мнѣ будетъ навсегда!
Къ ней всякой вечеръ ѣздить буду,
А къ Селименѣ — никогда.

Судьбѣ *).

Tous les sorts sont tirés, soyez content du votre.

Судьба моя, судьба, судьбинушка лихая!
Ужъ ли мнѣ одному такая ты дана?
Или подъ жаркій часъ изъ ада сатана
Наслалъ тебя, мою плоть бренну искушая?

Бывало, какъ назадъ десятокъ лѣтъ вернусь;
Все спѣло въ одинъ часъ, чего ни пожелалъ,

---

*) Писаны въ Пензѣ въ началѣ 90 года.

Безъ умолку съ утра до ночи хохоталъ;
А нынче въ цѣлый годъ двухъ разъ не улыбнулся.

Бывало, какъ съ двора поѣду прогуляться,
Насилу четверня моя бредетъ домой,
Умучу бѣгуновъ полдюжину зимой;
Теперь впрягутъ и цугъ—да не куда дѣваться.

Бывало, какъ зимы дни кратки наступаютъ,
Во всѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ,
Нерѣдко скороходѣ на островъ звать ѣзжалъ; *)
А нынче такъ и въ клобъ съ подпиской не пускаютъ.

Бывало, межъ собой собравшися дворяне,
Когда во что-нибудь задумаютъ играть,
Въ бесѣду ихъ подлецъ не смѣетъ забѣгать;
Здѣсь баринъ и слуга, коль въ барскомъ онъ кафтанѣ.

Бывало, у бояръ, отличнымъ просвѣщеньемъ
Безъ страха могъ я въ рѣчь съ хозяиномъ вой-тить,
Безъ чванства онъ со мной изволилъ говорить;
А здѣсь послѣдня тварь глядитъ съ пренебре-женьемъ.

Судьба! за что жъ ты такъ въ дугу меня со-гнула?
За что, скажи, тебѣ толико вдругъ не милъ?

*) На балъ Каменнаго Острова при Дворѣ Великаго Князя.

Нельзя ли, чтобъ я сталъ попрежнему, какъ былъ,
Чтобъ солнышко изъ тучъ на дни мои взглянуло? —

Ну, что ты тамъ въ грязи столь ярко расшумѣлся?
Вѣдь всѣ равно съ тобой живутъ, не какъ котятъ:
Отъ завтра не уйдутъ, вчера не возвратятъ;
Такъ ты ли здѣсь одинъ на радость заговѣлся?

Бывало, затвердилъ.... Меня спроси старушку,
Что, гдѣ, когда и какъ случалося у васъ;
Не только что людей, я цѣлый свѣтъ подчасъ
Верчу, ломаю, бью, какъ дѣтскую игрушку.

Когда стихіевъ Царь, міровъ громады строя,
Вселенну въ лѣпотѣ и славѣ сотворилъ,
Онъ мнѣ изъ первыхъ рукъ сей шаръ земной вручилъ,
Мнѣ ввѣрилъ Онъ пути младенца и героя.

Какъ мечетъ банкъ игрокъ налѣво и направо,
Такъ точно ваши всѣ я замыслы верчу:
Спасаю отъ ядра и стрѣлъ, кого хочу;
Горитъ и тухнетъ мной царей великихъ слава.

Бывало, на Руси не смѣй тому учиться,
Чему гораздъ Французъ, что Нѣмецъ разумѣлъ;

Бояринъ на коврѣ богатомъ пилъ и ѣлъ,
Не смысля отъ раба инымъ чѣмъ отличиться.

А нынче, посмотри на сѣверну столицу!
Царевичи, цари, послы толпой валятъ;
Гдѣ знали прежде дебрь, всеедневны дива зрятъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я на тронъ послала къ нимъ
Фелицу.

Бывало, Карлъ Петра разитъ и погоняетъ;
Бывало, Карла Петръ въ турецки царства гналъ;
Бывало, польской конь въ Москвѣ соборъ топталъ:
А нынче сто магнатъ одинъ москаль пугаетъ.

Былъ пышный богатырь, хотѣлъ и дѣлалъ
много;
На что иному вѣкъ, на то ему лишь мигъ;
Пришла моя пора, мой гласъ его достигъ:
Гдѣ зрѣлъ онъ къ славѣ путь, тамъ въ гробъ
легла дорога.

Бывало, князь прямой, изъ всѣхъ вельможъ
вельможа,
За истину, за тронъ и жизни не щадилъ,
Царю всегда вездѣ онъ правду говорилъ;
А нынче всякой лжетъ, лишь только бъ было
гожа.

Бывало, на часокъ иной попавши въ моду,
Кареты, дворъ, людей мѣняетъ каждый день,

Лобзая благъ земныхъ обманчивую тѣнь;
А нынѣ нужный хлѣбъ имѣетъ лишь и воду.

Бывало, проскакавъ со славою полсвѣта,
При тронѣ, при полкахъ, великій мужъ вездѣ,
Богатствами ни съ кѣмъ не равенъ былъ ни гдѣ;
А дочь его теперь набойкою одѣта.

Бывало, кто въ кредитъ обѣда не достанетъ,
Кого портной, ямщикъ изъ денегъ тормошатъ,
Кто свой послѣдній скарбъ несетъ въ ломбардъ въ закладъ,
Тотъ счастливыхъ творитъ лишь тѣмъ, что мило взглянетъ.

Такъ можешь ли ты быть въ роптаньяхъ столько злобенъ,
Когда я исключать не смыслю никого;
Никто не отведетъ теченья моего,
И путь мой прекратить часъ смерти лишь удобенъ.

За гробомъ нѣтъ судьбы, нѣтъ случаевъ премѣны;
Тамъ истина, тамъ Богъ, тамъ жупелъ, или рай,
Всѣхъ подвиговъ предѣлъ, людскихъ желаній край;
Тамъ вѣсятъ ихъ дѣла на вѣрные безмены.

А здѣсь тебѣ меня не одолѣть ворчаньемъ;
Не такъ, какъ хочешь ты, живи какъ я велю:

Иного дня черню, иного дни бѣлю,
И что взвалила я, умѣй носить съ молчаньемъ.

Не первый ты, повѣрь, и не послѣдній будешь,
Кому со счастьемъ жить придетъ на перекоръ;
За дѣло погрустишь, помучишься за вздоръ:
Но ведра только мигъ, ненастья годъ забудешь.

Бѣды и тѣснота суть даръ мой драгоцѣнный;
Я ими чищу нравъ и разумы острю,
Къ благимъ дѣламъ сердца преклонными творю.
Будь счастливъ, человѣкъ, добра нѣтъ во все-
ленной.

На правду мало словъ. Повиненъ предъ тобою,
Повиненъ, о, Судьба! въ безуміи моемъ.
Коль сердцемъ тотъ жестокъ, кто счастливъ
здѣсь во всемъ,
Останься жъ мнѣ навѣкъ ты строгою судьбою.

Безъ благости душа — сосудъ, исполненъ
скверны;
Безъ благости нашъ умъ ни что, какъ только
бредъ;
Безъ благости вся жизнь есть цѣпь горчайшихъ
бѣдъ:
А благость намъ съ собой приноситъ мзды без-
мѣрны!

Сослуживцу *).

Безъ чванства философъ, любезный человѣкъ,
Котораго Парнасъ младой украсилъ вѣкъ!
Мой первый стихъ къ тебѣ я робко обращаю:
Прими и полюби — вотъ все, чего желаю . . .
Уже насталъ Ноябрь и съ нимъ стучатъ морозы,
Садовники спѣшатъ соломой скутать розы;
Осенней темнотой покрылись небеса,
Ликъ солнца побѣлѣлъ, раздѣлися лѣса;
Снѣгъ мелкій какъ холстомъ всю землю устилаетъ,
Шумливый всталъ Борей и воздухъ возмущаетъ;
Носносная мятель у всѣхъ глаза слѣпитъ,
Прохожій въ свой чуланъ зажмурившись бѣжитъ
И съ нуждою своей клянетъ онъ злу погоду:
Что можетъ быть зимы лютѣе пѣшеходу!
Не меньше жалокъ ты, кто бъ ты таковъ ни былъ,
Кому теперь скакать въ кибиткѣ рокъ судилъ!
Рожденья своего минуту проклинаешь,
Къ чертямъ затѣи всѣ тщеславныя ссылаешь.
Подобную тебѣ я участь самъ имѣлъ,
И часто въ розвальняхъ бѣду твою терпѣлъ,
Когда ѣзжалъ въ Москву по клобу пошататься,
Или во градъ Петра на службу въ срокъ являться.

---

*) Писано въ первой молодости, еще не печатано.

Блаженъ, кто, лжебогамъ не ставя алтарей,
Спокойно тянетъ нить безвредныхъ свѣту дней,
Въ умѣренности все свое богатство ставитъ
И выжиги въ печи отъ скупости не плавитъ!
Помѣщикъ отставной, обмазавъ глиной домъ,
На полгода засѣлъ внутри своихъ хоромъ;
Разъ десять топитъ въ день, по стольку жъ чарокъ дуетъ,
Про старой свой походъ съ сосѣдами толкуетъ;
Щей, каши есть горшокъ, а пива не занять,
По скольку хочетъ разъ ложится въ сутки спать;
Одинъ, или съ гостьми, въ тулупѣ тепломъ прѣетъ.
Ногтей онъ не стрижетъ и бороды не брѣетъ;
Что нужды въ томъ ему, что снѣгомъ замело,
Лишь только бы хоромъ съ подошвы не снесло;
А впрочемъ, ни о чемъ старикъ мой не хлопочетъ,
Доволенъ — и съ утра до вечера хохочетъ.
Для тѣхъ, у коихъ скорбь на сердцѣ не скребетъ,
Кто весело среди семьи своей живетъ,
Погоды всѣ равны; — я самъ то ощущаю,
Въ каминѣ огонекъ почасту раздуваю;
Тамъ, сидя у него, надъ стужею смѣюсь,
И приступовъ къ себѣ мороза не страшусь,
Съ безпечностію всѣхъ поступки примѣчаю,
Ребенка тормошу и мать его ласкаю;
Не трачу дней златыхъ въ гаданьяхъ о войнѣ,
Что будетъ черезъ годъ на шведской сторонѣ,
Гдѣ Турокъ пощелкать, какъ славный миръ составить,
Или, пройдя Кюмень, Чухонцевъ позабавить.

Не намъ сихъ громкихъ дѣлъ, не намъ извѣстенъ слѣдъ;
Въ безсонницѣ министръ пускай тревожитъ свѣтъ,
А мнѣ моей судьбой назначено лѣниться,
Смѣяться дуракамъ, на счетъ ихъ веселиться.
Кто самъ умнѣй меня, тотъ смѣйся надо мной;
Пусть пользуются всѣ свободой дорогой.
Для ближнихъ безъ вреда пусть время всѣ проводятъ,
Смѣются пусть тому, смѣшное въ чемъ находятъ;
Свобода мысли — есть безцѣнное добро.
Что̀ пользы, коль дадутъ вселенной мнѣ сребро
И вмѣстѣ съ нимъ запрутъ туда, гдѣ въ прежни годы
Задѣлывали кладъ старинные народы?
Гдѣ нечего достать, на что̀ тамъ и металлъ:
Не въ златѣ Богъ, не въ немъ отрады намъ послалъ.
Кто маленькимъ добромъ довольствоваться смыслитъ,
Насущнымъ хлѣбомъ сытъ и дни въ забавахъ числитъ,
Любимъ своей женой и самъ привязанъ къ ней,
Безъ ревности готовъ двухъ, трехъ позвать друзей,
Тотъ счастливѣе всѣхъ на сей земной планетѣ.
Колико бъ высоко ни стали мы на свѣтѣ,
Естественный законъ всѣхъ въ землю повалитъ;
Червь гложетъ царскій трупъ и тля гробницы тлитъ.

Тотъ легче бремя золъ житейскихъ переноситъ,
Чьи скромныя дѣла міръ меньше превозноситъ;
Пріятный на лицѣ его мы видимъ смѣхъ,
Завистливый его не перебьетъ утѣхъ,
Онъ ревности ни въ комъ собой не поджигаетъ;
Вельможа на него холодный взоръ бросаетъ.
Чѣмъ менѣе тщеты, тѣмъ ближе счастье къ
нам.
Повѣрь, любезный другъ! простымъ моимъ сло-
вамъ,
Доволенъ будь своимъ, чужого не желая,
Внѣ родины своей искать не льстися рая;
Ошибки и соблазнъ! Куда ни сунься ты,
Порокъ вездѣ найдешь и тѣ же суеты.
Всѣхъ Богъ распредѣлилъ равно и безпри-
страстно:
Тому далъ пылкой духъ, другому сердце стра-
стно:
Тебѣ талантъ открылъ перомъ своимъ плѣнять,
Ему и иже съ нимъ бумагу лишь марать;
Иного на мишень турецкой пушки ставя,
И выстрѣлы ея всѣ въ грудь его направя,
Вернуться допустилъ здорова, цѣла въ домъ;
Другого разорвалъ на вылетѣ ядромъ.
Всякъ участи своей повиненъ покоряться,
Съ терпѣньемъ все сносить, въ безвѣрьи не те-
ряться.
Какой-то старичокъ умно весьма сказалъ,
Онъ, видно, больше насъ на свѣтѣ испыталъ:
«Съ ума чтобъ не сойти, мѣшай дѣла съ без-
дѣльемъ.»

И вправду, что есть жизнь? Смѣсь горести съ
веселиемъ.
Послѣдуя ему, хочу свой вѣкъ прожить:
Вотъ способъ ни о чемъ на свѣтѣ не тужить.

Сердечкину.

Послушайся меня — долой тоску съ двора;
Съ подругою такой въ минуту посѣдѣешь.
Живи, покамѣстъ жить не минула пора;
А смерть придетъ съ серпомъ, — хоть дюжъ,
не уцѣлѣешь.

Ученые давно разсказываютъ намъ,
Что всуе горевать о томъ, въ чемъ мы не властны;
Что всякой долженъ быть покоренъ Небесамъ—
Твердятъ о томъ вѣковъ намъ опыты всечасны.

Послѣдуй мудрецамъ, и сердцу дай покой;
Не мучь его, мой другъ, разборчивостью стро-
гой,
Разсудка не питай чувствительной тоской,
И къ вѣчности бреди естественной дорогой!

Натурой созданы, — въ натурѣ мы живемъ,
Законами ея намъ должно управляться;

По милости ея мы спимъ, ѣдимъ и пьемъ,
По милости ея мы можемъ наслаждаться.

Тотъ бредомъ зараженъ обманчивыхъ страстей,
Кто мнитъ, что жизни сей минуты драгоцѣнны,
Такъ точно какъ жемчугъ на днѣ густыхъ морей,
Во внутреннихъ жильяхъ сердечныхъ сокровенны.

Въ ошибкѣ тотъ, кто мнитъ, что счастіе сердецъ
Въ обмѣнѣ нѣжныхъ чувствъ, въ душевномъ восхищеньи,
Что вздохъ, слеза и взоръ суть радостей вѣнецъ,
Что вѣстники всѣхъ благъ сердечныя біенья.

О, жалкія умовъ испорченныхъ мечты,
Которымъ въ жертву мы несемъ союзъ природы,
И жизни сей цѣнить не смысля красоты,
Бѣжимъ въ оковы зла отъ прелестей свободы!

Увы! я самъ искалъ такихъ же въ свѣтѣ благъ.
Романами пути прокладывалъ ко счастью,
И пагубнымъ считалъ тотъ каждый смѣлый шагъ,
Который велъ меня нечаянно къ безстрастью.

Я самъ свой лучшій вѣкъ истратилъ весь на то,
Чтобъ нѣжиться, вздыхать, за всѣми волочиться;
Съ успѣхомъ мнѣ подать совѣтъ не могъ никто;
Какъ вихрь изъ страсти въ страсть мой духъ любилъ стремиться.

Очнулся наконецъ: — что радости? — Прошло
Прекрасныхъ лѣто дней, веснѣ не возвращаться,
Снѣгъ старости напалъ на сморщенно чело;
Кумиръ любви расшибъ — и полно заблуждаться.

Натура! виноватъ твой сынъ передъ тобой!
Но ты, какъ нѣжна мать, меня благословила,
Дала мнѣ поиграть въ мечтахъ моей судьбой,
А здравіе мое и силы сохранила.

Въ тебѣ одной я зрю источникъ всѣхъ отрадъ!
Кто черпать изъ него умѣетъ осторожно,
Того палящій зной не жжетъ въ тѣни прохладъ;
Доволенъ, веселъ, бодръ и счастливъ тотъ не-
ложно.

Натура намъ не лжетъ и разуму не льститъ;
Воспользуйся, мой другъ, щедротъ ея богат-
ствомъ!
Купидо журавля на небѣ намъ сулитъ;
Натура насъ прямымъ довольствуетъ пріятствомъ.

Взгляни вокругъ себя на всѣ ея дары:
Чего нѣтъ въ естествѣ вещественнаго міра?
Чего намъ не дадутъ сырой земли пары,
Согрѣтые лучемъ, ниспосланнымъ съ эоира?

Тамъ въ житницы поля скирдами платятъ дань,
И греча твой сусѣкъ засыпала крупами,
Тамъ ленъ для слугъ твоихъ готовитъ бѣлу ткань,
А скотъ твой зритъ луга, уставленны стогами.

Тамъ гибкій хмѣль, віясь вкругъ тоненькихъ
жердей,
Для праздника въ чаны народу разольется,
Съ занозой артишокъ, — кудрявый кочень щей,
И маленькой горохъ, — все для тебя ведется.

Здѣсь множествомъ цвѣтовъ весь воздухъ наку-
ренъ, —
Ты въ сладкой тишинѣ ласкаешь обонянье,
Чудесной пестротой твой взоръ обвороженъ:
О, сколько намъ утѣхъ даетъ благоуханье!

Вотъ испанскихъ вишенъ лѣсъ, царь фруктовъ
ананасъ,
Лимоновъ сочныхъ рядъ, и груша духовая:
Какой для вкуса пиръ, для пресыщенья часъ!
Владѣльцу ли сихъ мѣстъ прилично жить скучая?

Тамъ дынь, арбузовъ тма, тамъ сладкій виноградъ
На рамахъ разложилъ свои тяжелы кисти;
О, радостная жатва! — утѣшнѣе стократъ
Сокъ лознаго плода дамасскія корысти!

Дай слуху радость внять пѣснь раннюю соловья,
Войди въ дремучій лѣсъ, отечество пернатыхъ;
Тамъ соколъ, чижъ, снигирь, какъ общая семья,
Вьютъ гнѣзда и птенцовъ выводятъ въ нихъ кры-
латыхъ.

Речешь — огромный домъ тотчасъ тебѣ готовъ.
Умѣй лишь изобрѣсть вещамъ употребленье:

Жги хлѣбъ, вари стекло, — на все достанетъ
дровъ,
И барку съ грузомъ въ даль несетъ воды стрем-
ленье.

Что шагъ, то чудеса, — изъ камня брызнулъ
ключъ,
Ударился въ оврагъ и долу покатился;
Чешуйчатую тварь пригрѣлъ тутъ солнца лучъ,
И въ неводѣ твоемъ сонмъ разныхъ рыбъ явился.

Уже ли на сію картину естества
Въ окно свое смотрѣть ты можешь равнодушно,
Природу пренебречь въ день свѣтла торжества,
И, лежа на софѣ, твердить нахмурясь:—скучно?

Или еще тебѣ твой опытъ не сказалъ,
Коль суетно въ кругу любовниковъ томиться,
Интригу прясть любви, какъ вертопрашный
Галлъ,
И зрѣнье износить на то, чтобы слюбиться?

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглыхъ книгъ
писецъ,
Кто первый въ кровь пустилъ ядъ оспы лжемо-
ральной,
И, разумъ помутя, направилъ путь сердецъ
Къ той жизни, кою мы зовемъ сентиментальной!

Но прежде нежель я (готовъ ты мнѣ сказать)
Воспользуюсь всѣмъ тѣмъ, что мнѣ дала природа,

Не долженъ ли мужикъ нагнувъ хребетъ арать?
Не мучитъ ли его то зной, то непогода?

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ
травѣ, —
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хва-
литъ;
Червь точитъ красный цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

Что нѣтъ добра безъ зла, согласенъ и съ тобой,
Согласенъ въ томъ, что трудъ товарищъ насла-
жденья;
Повѣрь же мнѣ и ты, что радостный покой
Намъ лѣнь одна не дастъ: то плодъ есть упра-
жненья.

А если безъ труда нѣтъ въ свѣтѣ ничего,
Не лучше ли, мой другъ, въ занятіяхъ полезныхъ
Основывать столпы блаженства своего,
Чѣмъ туне тратить жизнь въ тенетахъ у лю-
безныхъ?

Страстей быстра стезя, объ ней ты не тужи;
Натуры путь вѣрнѣй, съ него лишь не сбивайся,
Ума по пустякамъ въ химерахъ не кружи,
Земное все люби, а небомъ восхищайся.

Восторгъ есть твари дань единому Творцу;
Ему принадлежитъ всѣхъ смертныхъ изумленье;
Какъ чада мы сему небесному Отцу,
Единому должны воздать благоговѣнье.

Затѣмъ весь міръ для васъ, для разума и
чувствъ.
Плѣняйся красотой, чти строго добродѣтель,
Наукъ полезныхъ другъ, любитель будь ис-
кусствъ,
Сосѣду доброхотъ и дворни благодѣтель.

Умѣренность храня, за лишнимъ не гонись,—
Натура никогда насилій не прощаетъ;
Дары ея во зло употребить страшись, —
Невоздержаніе недуги привлекаетъ.

На что запасовъ намъ лѣтъ на сто хоронить?
Кто жаждетъ лишь владѣть, тотъ жалкій рабъ
расчета;
Всечасно въ страхѣ тотъ для скарба долженъ
жить.
Владѣльцу нуженъ стражъ, — гдѣ стражъ, тамъ
и забота.

А я насущнымъ сытъ, природѣ пѣснь пою;
Физическимъ любя довольствомъ наслаждаться,
Я сладострастіе изъ полной чаши пью,
И чувственнымъ спѣшу отрадамъ предаваться.

Что можетъ лучше быть при силахъ естества,
Какъ вдоволь пить и ѣсть и спать безъ возму-
щенья?
Нѣтъ истиннѣй добра для смертныхъ существа;
Все прочее—мечты и бредъ воображенья.

Доратъ сказалъ, и я весьма согласенъ съ нимъ *):
Насъ можетъ острый умъ любезностью прославить;
Но въ правду если мы счастливы быть хотимъ,
Стомахъ намъ лишь одинъ удобенъ то доставить.

Хозяйку я люблю какъ друга, какъ жену,
Но къ Богу я ее въ стихахъ не примѣняю;
Съ ней вмѣстѣ кое-какъ тягло свое тяну,
Не строю лиры ей, а попросту лобзаю.

Быть можетъ, заключатъ, что я матерьялистъ;
Но съ совѣстью въ ладу, назваиьевъ не пугаюсь:
Поклепъ съ себя стряхну какъ дубъ осенній листъ;
Суды людей тщета, — я ихъ не ужасаюсь.

Не мни, чтобъ для меня безъ радостей былъ свѣтъ
Затѣмъ, что жизнь моя вкругъ старости вертится;
Предѣлъ утѣхамъ смерть, не нумеръ нашихъ лѣтъ, —
И старецъ иногда всѣмъ сердцемъ веселится.

Царица благъ земныхъ, роскошница забавъ,
Натура! сохрани мои оставшія силы!
Блюди отъ новыхъ бурь еще мой пылкій нравъ
И дай спокойно мнѣ достигнуть до могилы!

---

*) L'esprit peut rendre un homme aimable mais l'estomach le rend heureux.

Сосѣду.

Пора, сосѣдушка безпечный,
Пора за умъ приняться намъ!
Оставимъ городъ, другъ сердечный:
Въ немъ жить не нашимъ головамъ.
Пріищемъ двѣ деревни рядомъ
Съ уютнымъ домикомъ и садомъ,
Какъ предки наши заживемъ;
Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
Кафтановъ житыхъ не износимъ,
И рубль копѣйкой сбережемъ.

Чего въ Москвѣ мы не видали?
Какихъ еще диковинъ ждать?
Ужъ ли до сихъ поръ не устали
Людей смотрѣть, себя казать?
Еще ли міра обращенье
Дать можетъ сердцу утѣшенье
И жизнь пріятною творить?
Коварство чувства одолѣло
И всѣмъ на свѣтѣ надоѣло
Другъ друга искренно любить.

Хватись-ка, сколько лѣтъ съ тобою
Я здѣсь безвыѣздно живу;
Хоть я не знатнаго покрою,
Но въ людяхъ чѣмъ-нибудь слыву:

Иной зоветъ меня откушать,
Другой голосъ мой любитъ слушать.
Друзей, родни соборъ большой;
А паче пиръ когда дается,
Тогда чужой въ родню причтется:
Бѣда ль на дворѣ, — друзья домой.

Расторгни завѣсъ заблужденья,
Взгляни, мой другъ, прямѣй на свѣтъ!
Вездѣ примѣтишь обольщенья;
Пріязни видъ, а дружбы нѣтъ.
Не мни, что гдѣ тебя ласкаютъ,
Тебя единственно желаютъ;
Ахъ, нѣтъ! — то звонъ пустыхъ лишь словъ.
Или твой голосъ полюбился,
Или въ актеры пригодился; —
Тебѣ нельзя — другой готовъ.

Другой — для тѣхъ, кому судьбою
Дано чувствительными быть,
И мысль сія равна съ бѣдою.
Меня не трудно замѣнить.
Я ставлю сердцу въ муку люту
Остановиться хоть минуту
На мысли бѣдственной такой.
Кто душу нѣжную имѣетъ,
Тотъ эту язву разумѣетъ,
Тотъ тяжкій вздохъ раздѣлитъ мой.

Театры, балы, маскарады —
Вездѣ съ друзьями хорошо;

Въ самихъ-то въ нихъ мои отрады:
Безъ нихъ и праздникъ ни во что.
Взаимность чувствъ и нравовъ сходныхъ!
Среди обычаевъ свободныхъ
Въ тебѣ небесный вижу рай.
Но всуе, всуе симъ и льститься;
Здѣсь всякой только суетится
Скакать весь день изъ края въ край.

Не въ жизни столько развлеченной
Лежитъ ко счастью смертныхъ путь.
О, счастье, нещичко вселенной!
Позволь хоть на себя взглянуть!
Хотя въ пріятномъ сновидѣньи
Яви ты намъ свои прельщеньи!
Когда твой день до насъ дойдетъ,
Тебя, какъ тѣнь свою, мы ловимъ;
Бѣжимъ, бѣжимъ — и не нагонимъ:
Надежда все сулитъ впередъ.

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали
Какъ яликъ на морѣ волна,
То выше бѣдъ приподымали,
То мрачна вдругъ касался дна;
Упалъ и пресмыкаюсь низко;
Но былъ и я отъ солнца близко;
Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень студено.

Кого фортуна отличаетъ
Отъ прочихъ смертныхъ на вершокъ,
Тотъ тѣмъ ходули обновляетъ,
Что всѣхъ валитъ какъ куколъ съ ногъ.
Чужихъ напастей онъ не смыслитъ;
Кипящи слезы наши числитъ
Какъ-будто бисеръ, иль жемчугъ,
Которымъ онъ блеснуть стремится,
Когда въ чертоги появится,
Гдѣ полкъ предъ нимъ трепещетъ слугъ.

Напрасно дѣды говорили,
Что городъ-де, то норовъ свой.
Не въ наше время, видно, жили,
И нравъ ихъ былъ совсѣмъ иной.
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровъ
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ,
Богачъ безъ умолку болтаетъ,
А бѣдный съёжившись молчитъ.

Склонись, дружище мой любезный!
Вели возокъ свой заложить;
Разсудка внявъ совѣтъ полезный,
Умѣй великодушенъ быть!
Оставимъ вертопрашны нравы,
Простимся съ скукой у заставы, —
Москвѣ челомъ, да и качнемъ.
Полюбишь скоро ты деревню;

Тамъ сердца непорочность древню
И праводущіе найдемъ.

Не встрѣтитъ взоръ нашъ изумленный
Огромныхъ башенъ яркой шпицъ;
Но сколь прелестнѣй видъ почтенный
Крестьянскихъ добродушныхъ лицъ!
Въ семьяхъ у нихъ все ладно, стройно,
Въ избѣ тепло, въ душѣ спокойно,
Разсудокъ бодръ и мысль свѣжа;
Тоска бровей тамъ не насупитъ,
За грань села никто не ступитъ:
Его утѣхи тамъ межа.

Такую красную картину
Вседневно зрѣть стократъ милѣй,
Чѣмъ, дня проспавши половину,
Къ полночи кучу ждать гостей;
Чѣмъ цугъ нанявши по ямскому,
На праздникъ къ барину большому —
Чуть свѣтъ — съ визитомъ покатить,
Изъ дому въ домъ съ билетомъ ткнуться,
Или по лавкамъ повернуться,
Чтобъ чѣмъ-нибудь глаза взманить.

Свѣтила дневна лучъ янтарный
Когда вселенну озаритъ,
Сей мигъ въ природѣ свѣтозарный
Никто изъ насъ тамъ не проспитъ:
Творцу златыхъ небесныхъ сводовъ,
Царю безчисленныхъ народовъ

Хвалы тамъ жертву воздадимъ!
Потомъ, бесѣдуя съ друзьями,
Языкъ не спрячемъ за зубами,
Неправдѣ мы не споровимъ.

Когда за столъ обѣдать сядемъ,
Онъ тамъ накроется простой;
Его въ игрушки не нарядимъ:
Хоть щей горшокъ, да самъ большой.
Чины московски позабудемъ,
И цѣну собственности будемъ
Тамъ въ полной мѣрѣ ощущать;
Огонь въ каминѣ раздувая,
Проказы дѣтства вспоминая,
Въ избыткахъ сердца хохотать.

Въ обширной области природы
Какое поле для забавъ!
Вкушая прелести свободы,
Мы свергнемъ иго лютыхъ правъ,
Которы женщинамъ надъ нами
Мы безразсудно дали сами.
Въ чугунныхъ ползая цѣпяхъ,
Отъ нихъ душа тамъ ныть не станетъ,
И сердце саднить перестанетъ,
Исчезнетъ вѣроломства страхъ.

Но ты молчишь, мой другъ, вздыхаешь.
Ужъ ли испорченъ столько ты,
Что правдамъ симъ предпочитаешь
Столичный вихрь и суеты?

Сиренъ разнѣженные взоры,
Уловокъ полны разговоры
Когда еще тебя манятъ,
Ищи жъ друзей и ошибайся,
Въ любви всечасно рвись, терзайся,
Змѣями ревности объятъ.

А я, твою познавши цѣну,
Тиранъ сердецъ, прекрасный полъ!
Оплакавъ разныхъ чувствъ измѣну,
Хочу спастись отъ новыхъ золъ.
Меня твой умъ не обворожитъ,
Ни взглядъ твой больше не встревожитъ;
Прошу навѣки исключить
Изъ списка тѣхъ страдальцовъ нѣжныхъ,
Твоихъ любовниковъ прилежныхъ,
Которыхъ любишь ты томить!

Да что болтать здѣсь слишкомъ много?
Сквозь слезъ смѣяться тяжело!
Санная выпала дорога,
И мягко ѣхать и свѣтло.
Прости, сосѣдъ! и веселися,
За рѣчь мою не разсердися:
Я правдѣ крѣпостной слуга. —
Велю впрягать свои клячонки,
Въ саняхъ укутавшись въ шубенки,
Урылъ — и вся тѣ не долга!

Морфею.

Блаженная способность спать!
Ты даръ Боговъ неоцѣненный!
Тобой мы можемъ сокращать
Прискорбной жизни путь стѣсненный.
Когда чрезмѣрною тоской,
Иль скукой чувства бременятся,
Ты смертнымъ жалуешь покой,
Велишь пріятно забываться.

Во снѣ, какъ-будто на шарахъ,
Мы такъ и сякъ перебиваемъ,
Въ различныхъ видахъ и странахъ
Себя внезапно представляемъ.
О, еслибъ такъ какъ Робертсонъ,
Куда задумалъ, шаръ направилъ,
Направить могъ и и свой сонъ, —
Въ Москву бъ сей часъ себя поставилъ!

Тогда не только бы я въ ночь
Уснуть отъ скуки торопился,
Обряды міра кинувъ прочь,
Средь бѣла дня бы спать ложился;
Уснулъ — и видѣлъ бы тотчасъ
Себя въ объятіяхъ Дуняши.
О, вожделѣнный въ жизни часъ!
Ты самыхъ дней небесныхъ краше!

Ее всечасно бы ласкалъ,
Огнемъ воспламеняемъ страсти;
Въ сладчайшихъ грёзахъ забывалъ
Моей разлуки съ ней напасти;
Ловилъ бы каждый милый взглядъ,
Которымъ духъ животворила,
И нѣга чувственныхъ отрадъ
Меня бъ у ногъ ея томила.

Но, ахъ! мечтою льстя себѣ,
Суровой правды множу бремя,
Не помогая тѣмъ судьбѣ,
Мученья продолжаю время:
Нельзя ни самымъ крѣпкимъ сномъ
Убить тѣхъ сутокъ скорбь, ужасну,
Которы шлетъ небесный громъ
Въ разлукѣ съ милой сердцу страстну.

Какой несчастный въ жизни сей
Не радъ минутѣ сей пріятной,
Не жаждетъ, вдругъ забывшися въ ней,
Смягчить судьбы своей превратной!
Ложится боленъ, бѣденъ, сиръ,
И сонъ своимъ очарованьемъ
Влечетъ въ минуту цѣлый міръ
На встрѣчу всѣмъ его желаньямъ.

Любимецъ счастья иногда,
И самъ, уставши, спать захочетъ.
Не вѣрьте случаю всегда!
Не всякъ тотъ веселъ, кто хохочетъ;

Министру также нравенъ сонъ,
Который вдругъ его склоняетъ,
Изъ-за работы да на тронъ
Хоть на минуточку сажаетъ.

Бываетъ часто, скажутъ мнѣ,
Такое страшно привидѣнье,
Что больше вытерпишь во снѣ
Стократъ, чѣмъ на яву, мученье.
Бываетъ — знаю; но тогда
Испугъ такъ сильно чувства тронетъ,
Что вмигъ проснешься, и всегда
Мысль бодрая весь страхъ прогонитъ.

Но случай сей не могъ бы быть,
Когда бъ умѣлъ я снами править;
Все такъ бы зналъ расположить,
Чтобъ мыслямъ страха не доставить;
Воображенія мечтой
Дарилъ кому какой угодно:
Тогда бъ и днемъ колпакъ ночной
Надѣть казалось съ модой сходно.

Кому не страшно сонъ терять?
Его всѣ любятъ въ цѣломъ мірѣ.
Такимъ добромъ пренебрегать
Не станутъ даже въ Кашемирѣ.
Хотя Брамины пишутъ тамъ,
Проснувшись рано, разны вѣсти;
Тѣмъ крѣпче спятъ по всѣмъ домамъ
Отъ усыпительной ихъ лести.

Когда, въ избыткѣ райскихъ благъ,
Владыко, сидя на престолѣ,
Чтобъ встать съ постели, первый шагъ
Чинитъ нерѣдко по-неволѣ;
Когда вельможа, отъ добра
Безмѣрной праздностью скучая,
Желалъ бы съ утра до утра
Дремать, всѣхъ ближнихъ забывая:

То сколько жъ намъ, простымъ умамъ,
Лишеннымъ всѣхъ забавъ на свѣтѣ,
По крайней мѣрѣ по ночамъ,
Пріятно сонъ имѣть въ предметѣ!
Ей-ей, пришлось бы безъ него
Въ своемъ селѣ съ ума рехнуться.
Гдѣ нѣтъ для сердца ничего,
Увы! какъ тошно тамъ проснуться!

Парфену.

Парфенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, съ скуки изнываешь.
Ты бѣденъ — слѣдственно терпи.

Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты, на небеси;
А здѣсь съ поклону все дается.
Ты бѣденъ — слѣдственно проси.

Коль баринъ на смѣхъ поднимаетъ,
Вмѣняй то въ честь и не ропщи;
Тобой онъ тѣшиться желаетъ.
Ты бѣденъ — слѣдственно молчи.

Не смѣй отнюдь тѣмъ обижаться,
Что некогда ему тобой
Въ своей уборной заниматься.
Ты бѣденъ — такъ въ сѣняхъ постой.

Иной шага не переступитъ,
Съ софы не тронется своей,
А сходно все достанетъ — купитъ.
Ты бѣденъ — бѣгай и потѣй.

О, бѣдность! горько жить съ тобою!
Нельзя и чувствамъ воли дать.
Я, разсуждая самъ съ собою,
Не могъ вовѣкъ того понять,

Какъ могутъ люди быть такіе,
У коихъ множество всего,
И въ томъ же свѣтѣ есть другіе,
У коихъ вовсе ничего?

Иной въ прекраснѣйшей палатѣ
Даетъ вседневный пиръ друзьямъ;

А рядомъ съ нимъ въ подземной хатѣ
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ.

Богачъ теряетъ десятину,
И всѣ кричатъ: — какой уронъ!
А бѣдный выронитъ полтину —
И ни кому не жалокъ онъ.

Обиженъ сильный — шумъ, тревога;
Обиженъ сирый — быть должно!
Иль въ области всесильна Бога
Парфенъ и Крезъ не все равно?

Ужъ ли различны всѣмъ на свѣтѣ
Удѣлъ судьбы, природы даръ?
Инымъ все радости въ предметѣ,
Другимъ, что шагъ — то и ударъ.

Ахъ, нѣтъ! нельзя, чтобъ Провидѣнье,
Создавъ меня, тебя, его.
Пролило все благотворенье
Изъ насъ изъ трехъ на одного.

Равно насъ матери утроба,
Равно и носитъ и родитъ;
И всѣмъ, въ свой часъ открывъ дверь гроба,
Равно насъ смерть туда валитъ.

За что жъ? — Опять позабываешь,
Что ты не долженъ разсуждать,

СТИХИ,

ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Ко всѣмъ вопросы посылаешь;
А зналъ бы ты, Парѳенъ — молчать.

Терпи свое тихонько горе,
И знай, что наша жизнь была
И будетъ впредь такое море,
Въ которомъ гадовъ несть числа.

Разсудкомъ тщетно ты хлопочешь
Предразсужденье одолѣть;
И если волею не хочешь,
Насильно будешь же терпѣть.

Такъ вѣрь ты мнѣ, Парѳенъ! держися
Пословицы казачьихъ странъ;
По ихъ системѣ жить учися:
Терпи — и будешь атаманъ.

А... И.... Вял...вой.

—

Ко счастью путь лежитъ одинъ —
Любовь, — другого нѣтъ въ природѣ;
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;
Мгновенья жизни вожделѣнны
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

Для славы тошно мигъ прожить;
Для сердца радъ бы жить два вѣка:
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ? — Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества.
Любви конецъ — души кончина.

Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашеньи;
Въ одномъ любовномъ восхищеньи
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что̀ міръ сей населяетъ:
Все ищетъ счастія любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.
Тѣснитъ ли врагъ, вельможа, дворъ,
Сама ль спиной фортуна стала:
Подруга сердца приласкала —
И вся печаль какъ-будто вздоръ.

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строитъ сила;
Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чего бъ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей
И въ спискахъ слугъ ея стояли;
Монархи въявъ пренебрегали,
А тайно жгли кадило ей.

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ;
Ты узелъ міра совершенный!
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья;
Любовь, источникъ наслажденья,
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

Приди жъ теперь въ поникшій домъ
Дѣлить со мной невзгоды міра;
Тебѣ давно уже знакомъ
Песчаный садъ, каминъ мой, лира!
Все ту же бѣдность ты найдешь;
Но чудеса тебѣ не чужды:
Въ богатство превратятся нужды,
И небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ВОСПОМИНАНІЕ ВЪ РАМЗАѢ *).

Н... М... Заг...ной.

D' un souvenir que rien n' efface
Mon coeur est toujours prévenu,
Mon coeur à chaque instant qui passe
Redemande — un plaisir perdu.

—

Вотъ путь, которымъ я, раскланявшись народу,
Изъ Пензы на *Рамзай* ѣзжалъ вкушать свободу.
Я ту же здѣсь луну въ небесномъ сводѣ зрю,
Тому же на зарѣ внимаю соловью,
И тѣхъ же вкругъ себя пріятелей встрѣчаю,
Ихъ ласку, ихъ пріязнь, какъ прежде, ощущаю;

---

*) Вотчина Н. М. З. подъ Пензою.

Но, ахъ! я самъ не тотъ, и время на крылахъ
Промчало много чувствъ въ семнадцати годахъ!
Очарованія сердечныя пропали,
Заботы на лицѣ моемъ нарисовали
Ужасно явственно, что пятьдесятъ мнѣ лѣтъ.
Погибъ веселый духъ, какъ вянетъ нѣжный цвѣтъ!
Всѣ рѣзвятся, шумятъ, другъ дружку взапускъ
ловятъ,
А я сижу какъ пень, какъ тучи думы бродятъ.
Сберется ль молодежь подъ скрыпку поплясать,
Въ посыльны короли, иль въ фанты поиграть,
Повѣся носъ, въ углу гляжу на ихъ забавы,
И съ завистью ворчу: о времена! о нравы!
Хотѣлъ бы къ нимъ пристать,—не прежняя пора.
Никто не возвратитъ того души добра,
Которое съ своей мы юностью теряемъ,
А время не щадя безъ пользы убиваемъ
Ребенокъ хочетъ быть скорѣе женихомъ.
Женихъ невѣсту взять, мужъ сдѣлаться отцомъ,
Отецъ, женя сынка, торопится быть дѣдомъ, —
И къ старости летимъ мы всѣ такимъ же слѣ-
домъ.
Извѣстно, что нельзя сего перемѣнить;
Но зря могилу, какъ объ люлькѣ не тужить?
Коль жаль бываетъ намъ имѣнья, денегъ, вздору,
Которыя даетъ безъ всякаго разбору,
Водя насъ по путямъ и счастія и золъ,
Сынъ случая слѣпой, фортуны произволъ,
То какъ намъ не жалѣть о времени протекшемъ,
О каждомъ даже томъ мгновеньи мимошедшемъ,
Котораго Творецъ протягиваетъ нить,

И самъ, его прервавъ, не силенъ возвратить?
Владыки и цари земли порабощенной,
На разные мотки дѣля клубокъ вселенной,
Все могутъ, что хотятъ; указъ ихъ имянной
Ворочаетъ людскимъ карманомъ и судьбой:
Однако же, хотя всѣхъ смертныхъ выи клонятъ,
Секунду на бѣгу они не остановятъ.
  О время! — отъ чего жъ тобой не дорожатъ?
На деньги всякой скупъ, на время тороватъ.
Иной сочтетъ за грѣхъ убить копѣйку даромъ,
Цѣлковый потерявъ — кончается ударомъ
Отъ страха, чтобъ его рубля не сглазилъ кто;
А день, недѣлю, годъ не ставитъ ни во что̀:
Ни прозы, ни стиховъ не пишетъ, ни читаетъ,
Потягиваетъ пуншъ, лѣнится и зѣваетъ. —
  О, дѣтушки мои! — блюдите каждый часъ,
Доколѣ въ васъ огонь сердечный не погасъ!
Живемъ мы два мига — сказалъ Княжнинъ пре-
красно;
Я съ нимъ же повторю и коротко и ясно:
Въ томъ счастья весь секретъ, чтобы любить
впопадъ.
Съ любовью жизнь барышъ, а безъ любви —
накладъ.

П... П... Нарышкину *).

Vallons, fleuve, rochers, plaisante solitude,
Si vous fûtes témoin de mon inquietude,
Soyez le désormais de mon contentement.

—

Зачѣмъ, скажи, мой другъ, поѣду я въ Москву?—
И здѣсь мнѣ хорошо — тихохонько живу.
По милости Творца, вокругъ меня непуста;
Читаю по утрамъ Бесѣды Златоуста;
Непостижимаго постигнуть не ищу,
Лишь вѣрю и молюсь, — и духъ надеждой льщу,
Что Богъ, Который благъ и кротокъ безконечно,
Пріемлетъ какъ отецъ раскаянье сердечно;
Безъ роскоши пустой проводимъ мы свой день,
Не мучатъ насъ труды, не развращаетъ лѣнь:
Умѣренность во всемъ полезну сохраняя,
Живемъ, на черный день копѣйку сберегая;
Что въ землю посадилъ и что съ нее собралъ,
То поваръ намъ сваритъ — и сытъ, чѣмъ Богъ
послалъ.
Чувствительности здѣсь ничто не нажимаетъ;
Природа въ простотѣ разсудкомъ управляетъ.
Каминъ и *Филиберъ* **) въ теченье цѣла дня

---

*) Писано въ деревнѣ.

**) *Филиберъ*, романъ, сочиненный г. Коцебу, который я переводилъ.

Взаимно скуку прочь гоняють оть меня.
Дешевлѣ, чѣмъ въ Москвѣ, дрова здѣсь покупаю,
Старинному къ огню пристрастью угождаю;
То съ крѣпкой думой я при камелькѣ сижу,
То, въ руки взявъ перо, романъ перевожу.
Читалъ ли *Коцебу* ты, новое творенье,
Прекрасное его (по мнѣ) произведенье,
Въ которомъ описалъ онъ кистію живой
Воображенья власть надъ пылкою душой,
Читалъ ли, говорю, прилежно *Филибера?*
Какъ сходны въ немъ черты живого характера
Съ природою самой и съ тѣмъ, что̀ цѣлый свѣтъ
Намъ въ опытахъ явилъ незрѣлыхъ нашихъ лѣтъ!
Ахъ! подлинно вся жизнь проходитъ въ отно-
шеньяхъ!
Я вижу ихъ въ бѣдахъ, я зрю ихъ въ наслаж-
деньяхъ.
Одно продлится день, другое цѣлый годъ;
По отношеніямъ весь движется народъ!
И дружба и любовь, и ненависть и злоба,
Все гибнетъ, — ничего нѣтъ твердаго до гроба;
Та цѣпь, что съ дѣтскихъ лѣтъ соединяетъ насъ,
По мѣрѣ, какъ растемъ, все рвется каждый
часъ;
Подъ старость точно то жъ — обманъ во слѣдъ
обману,
Опомниться не дастъ и точитъ свѣжу рану.
Да кто не испыталъ сей истины большой,
Что зло всегда бѣжитъ за доброю душой?
Ахъ! сколько я и самъ, при случаяхъ лукавыхъ,
Встрѣчалъ, какъ Филиберъ, министровъ сухощавыхъ,

Которыхъ почиталъ друзьями въ двадцать лѣтъ!
Они же, въ пятьдеесятъ настроя мнѣ тму бѣдъ,
Съ холоднокровною язвительной насмѣшкой
Въ несчастіи моемъ играли мной какъ пѣшкой.
Богъ съ ними,—я на нихъ гляжу какъ на звѣрей.
Прекраснѣйшій урокъ для головы моей,
Что связи наши всѣ житейскія не вѣчны,
Бѣгутъ какъ облака пріязни скоротечны,
Что сильныхъ нашихъ чувствъ красивыя мечты
Обманы суть ума и сердца суеты!
Но гдѣ же мой предметъ? — въ какое размышленье
Далеко увлекло меня воображенье?
Къ пріятелю пять строкъ сбирался написать;
Чего грѣха таить — я самъ люблю мечтать:
Когда перо въ рукахъ, въ глазахъ огонь камина —
Отвлечься отъ себя всегда какъ тутъ причина.
Но возвратимся мы на перву рѣчь, мой другъ;
Моихъ занятій здѣсь хочу окончить кругъ.
По чести говорю, въ деревнѣ намъ не скучно:
Мы всѣ между собой живемъ единодушно;
Одни лишь вечера несносно тяготятъ
Почти во весь день ночь,—но подъ носомъ горятъ
Четыре вещества: дрова, воскъ, масло, сало *),
Чтобъ ночи озарить густое покрывало.
За то мы въ *казино*, въ бостонъ между собой

---

*) У насъ подлинно дрова жгутъ въ каминѣ, намъ подаютъ восковыя свѣчи, дѣтямъ сальныя, а по стѣнамъ, въ лампахъ, горитъ масло.

Играемъ иногда до полночи глухой;
А тамъ, чтобъ возбудить покрѣпче усыпленье,
Съ полчасика мечу одинъ долготерпѣнье *);
Задумавшись, люблю я масти подбирать,
И карты какъ сойдутъ, зѣвну — и лягу спать.
Жена, мой вѣрный другъ, меня не покидаетъ;
До крайности мила, но тѣмъ лишь досаждаетъ,
Что въ вистъ ко мнѣ всегда пойдетъ безъ козырей,
И правитъ своихъ дамъ на счетъ моихъ царей.
Сестрица,—та всегда о всѣхъ объ насъ въ печали,
Что въ домѣ для потребъ деньженочекъ намалѣ;
Дочь *Варинька*, дабы скорѣе время шло,
Расписывать взялась мой почеркъ на-бѣло;
Митюша-философъ труды свои имѣетъ,
Надъ путешествіемъ моей руки потѣетъ:
Евгеша иногда мнѣ пѣсенку споетъ
И милымъ голоскомъ къ восторгамъ увлечетъ;
А бойкой *Рафаилъ* въ пріятностяхъ свободы
Качели лѣпитъ намъ изъ карточной колоды.
Двѣ барышни: одна насмѣшлива, рѣзва,
То въ заркало глядитъ, то путаетъ канва;
Другая — той я далъ прозванье *Анемоны* —
Славнѣе красотой Надировой короны,
И каждая изъ нихъ, чтóбъ молвить въ добрый часъ,
Водой не замутятъ подъ крышкою у насъ.
Классонъ мой пожилой, пріятель нашъ старинный,
Всей нашей слободы строжайшій благочинный,

*) Я такъ перевелъ французское названіе: *grande patience*.

Со мной всегда готовъ на жаркій выйти споръ,
Когда дерзну сказать, что Галло *) порет̀ъ вздоръ;
Еще одна вдова, житейскими волнами
Прибитая въ нашъ домъ, давно уже все съ нами;
Да добрая моя старушка мадамъ Варчь,
Безъ мала 30 лѣтъ съѣдая здѣсь свой харчъ,
Въ каморочкѣ одна чулки вмолчанку вяжетъ,
А въ праздникъ во весь день на Библію наляжетъ.
Сверхъ нашихъ грѣшныхъ душъ еще два существа,
Переселились къ намъ изъ царства естества:
Болоночка-Азоръ въ ногахъ моихъ играетъ
И шелковой своей волною щеголяетъ,
Межъ тѣмъ, какъ у меня надъ самой головой
Спигирь клюетъ зерно и брызжется водой.
Тепла въ мятель искать къ намъ пташка прилетала,
Слуга ее словилъ, и въ клѣточку попала.
Рѣчистая тутъ вся и безсловесна тварь,
Надъ коей здѣсь въ сельцѣ я самый мелкій царь.
Сосѣди у насъ есть, но рѣдко посѣщаютъ,
Куда ихъ Богъ несетъ, — гдѣ тихо — тамъ скучаютъ.
Да я и не тужу. Что лучше, какъ семья?
Пускай укажутъ мнѣ, гдѣ внѣшніе друзья?
У насъ съ тобой онъ есть, и прямо закадышный;
Добротами богатъ, но участи не пышной.

---

*) Извѣстный провозвѣстникъ черепословной системы, о которой я нѣчто молвилъ въ сочиненіи моемъ на Судьбу.

Да гдѣ его искать? — онъ въ дальней сторонѣ;
Намъ тошно всѣмъ по немъ, а больше прочихъ —
мнѣ.

И такъ я провожу въ деревнѣ жизнь пріятно,
Благодаря Творца небеснаго стократно
За то, что, искусивъ терпѣнье до зѣла,
Пить разъ на мѣстѣ семь поднесъ мнѣ чашу зла,
Смирилъ мой пылкій нравъ путемъ уничиженья,
Исторгъ изъ суеты, далъ духъ уединенья
И средство показалъ въ самомъ себѣ стяжать
Добра, какого намъ цари не могутъ дать.
О, сколько зрю вокругъ себя людей радушныхъ
Покорности, любви и жертвъ великодушныхъ!
До поздней ночи вплоть отъ ранняго утра
Какъ много соберу моральнаго добра,
И въ подвигахъ людей, привыкнувшихъ къ стра-
данью,
Примѣровъ обрѣту къ сердечну назиданью!
Тотъ вѣкъ не развернетъ своихъ душевныхъ
силъ —
Повѣрь ты мнѣ — кому мятежъ мірской лишь
милъ.

Дай срокъ! — вотъ Новый годъ подходитъ; я
пріѣду
Отдать Москвѣ поклонъ, съ тобой вести бесѣду;
Но только, чтобъ тебя не проняла тоска,
Заранѣй знай, что ты найдешь во мнѣ дичка;
Мнѣ кажется, у васъ самъ воздухъ смѣшенъ
съ скукой —
Увы! ужъ я совсѣмъ не прежній Долгорукой,
Который никакихъ забавъ не пропускалъ,

Во всякую толпу безъ памяти скакалъ,
Не могъ спокоенъ быть минуты постоянно,
Любилъ смѣшить, и самъ смѣялся безпрестанно.
О, нѣтъ! ужъ далеко сей полдень отъ меня,
И сумерки прошли, — добился ночи я.
Огнемъ своихъ страстей сожженъ во всякомъ
смыслѣ,
Подъ старость лишь одной придерживаюсь мы-
сли:
Чтобъ дѣтямъ и женѣ еще полезнымъ быть,
Для нихъ существовать, для нихъ однихъ и жить.

М... Н... Ма..ву.

—

Охотно бы готовъ, но право силы нѣтъ,
Стихамъ твоимъ писать стихами же отвѣтъ.
Опять сверкнулъ булатъ въ рукѣ Наполеона;
Въ умѣ у всѣхъ война, — кому до Аполлона?
Пегасъ мой не *везетъ* ни прозы, ни стиховъ,
Во всѣ журналы вдругъ не дѣлаетъ прыжковъ.
Едва переводилъ нашъ бѣдный міръ одышку,
Москвичъ и такъ и сякъ чинить свою сталъ
крышку,
И паки Вавилонъ коварный возопилъ,

Румянецъ ясныхъ дней подъ тучи новы скрылъ.
О, если бы не рокъ, толико вдругъ превратный,
Нарушилъ мой досугъ невинный и пріятный,
Когда бы не читалъ вседневно я газетъ,
Изъ коихъ ясно зрю, сколь зло постраждетъ
свѣтъ, —
Тотчасъ бы переслалъ къ тебѣ съ попутнымъ
вѣтромъ
Спасибо въ длинный листъ широкимъ гекзамет-
ромъ,
И въ немъ бы изъяснилъ получше, сколько могъ,
Какъ я люблю читать твой плавный, чистый
слогъ.
Мнѣ многіе твердятъ: «что, братецъ, ты такъ
скученъ;
Какая намъ печаль, что смертныхъ родъ заму-
ченъ?
Пускай дерутся тамъ; — *надъ ними бы тряслось*,
Лишь только бы *примкнуть* самимъ не довелось.
Чужія племена не тронь злодѣи губятъ;
Не нашу тысячу, вѣдь, слава Богу! рубятъ.»
Прекрасный эгоизмъ! — Я, грѣшный человѣкъ,
Такъ мыслить иногда не выучуся вѣкъ.
Подобнаго себѣ люблю равно съ собою,
Въ какой бы онъ климатъ ни брошенъ былъ
судьбою;
Всѣхъ вѣръ и языковъ, *своихъ, чужихъ ли странъ*,
Глазетовой на немъ, сермяжный ли кафтанъ,
Равно мнѣ ближній милъ, равно о немъ жалѣю,
Доколь онъ гражданинъ спокойный, — разумѣю;
А сколько же теперь такихъ злодѣи бьютъ,

Которыхъ сироты кровавы слезы льютъ,
Которыя, во злѣ не будучи участны,
Всей тягостію зла подавлены несчастны!
Колико робкихъ душъ въ сей самый кроткій часъ,
На томъ концѣ земли, въ виду ста тысячъ глазъ,
Плотской сатанаилъ мечами поражаетъ,
Имущества, семьи и родины лишаетъ!
Какъ можно, слыша гулъ тревогъ, не трепетать,
Смѣяться въ тишинѣ, ѣсть сладко, крѣпко спать?
Есть древняя, мой другъ, Россійскаго народа
Пословица у насъ: — *въ семьѣ не безъ урода.*
Такъ думалъ, да и могъ такъ думать старый вѣкъ,
Затѣмъ, что былъ тогда незлобенъ человѣкъ;
И всякой, кто чужимъ невзгодьемъ наслаждался,
По рѣдкости своей — уродомъ всѣмъ казался:
Но нынѣ вѣкъ другой.—Съ изнанки мы возьмемъ
Пословицу свою, и такъ переверпемъ:
Въ толпѣ лихихъ людей и добрый попадется.
Кто жъ добрый, зря его въ бѣдѣ, не содрогнется?
Но дѣло не о томъ, забудемъ на часокъ, —
Ты въ Пронскѣ, я въ Москвѣ—и западъ и востокъ;
Займемся лишь собой! — Послушай же, пріятель,
Княженья безъ князей свободный обыватель!
Прекрасно ты поддѣлъ на старости меня!
Спросилъ на дняхъ, гдѣ ты? — и слѣдъ простылъ, — а я
Лишь только за тобой послать вчера сбирался
(Вчера полвѣка мнѣ и съ годикомъ промчался),
И думалъ, что съ тобой за рюмкою вина,
Еще кой съ кѣмъ въ кругу, я, дѣти и жена,

О вздорѣ нашихъ дней пріятельски поспоримъ,
Подпустимъ въ кровь огня и сердце раззадоримъ;
Бѣжитъ къ тебѣ слуга,—а между тѣмъ на дворъ
Почтарь несетъ ко мнѣ различныхъ писемъ сборъ,
И въ нихъ одно твое. — Откуда? — Изъ Рязани.
Экъ на, куда твои по лужамъ плыли сани!
Признаться, я качнулъ разъ пять, шесть головой.
Уѣхать не простясь, — какой обычай злой!
Прочтя письмо, гляжу: стихи, стихи прекрасны,
И собственно ко мнѣ, — всѣ оправданья ясны;
Сердиться не могу, — быть такъ, простилъ сто кратъ:
Кто хвалитъ, тотъ когда бываетъ виноватъ;
Да ты же весь причетъ моихъ Раидъ возносишь,
Такъ мило, такъ остро въ винѣ прощенья просишь,
Что не хотя его перо тебѣ даетъ, —
Повинной головы и мечъ вѣдь не сѣчетъ.
Но все-таки мнѣ жаль, что мы съ тобой разстались;
Боюсь, сойдясь на часъ, чтобъ году не видались:
Кто знаетъ, что̀ родитъ грядущій съ неба день?
Меня прижметъ карманъ, тебя задержитъ лѣнь,
И будемъ слышать мы другъ о другѣ лишь вѣсти.
По крайней мѣрѣ дай ты слово мнѣ по чести
Хоть изрѣдка писать. — Я правиломъ себѣ
Поставилъ навсегда, скажу то жъ и тебѣ:
Заочная пріязнь перомъ лишь только дышетъ;
Какой тотъ къ чорту другъ, кто строчки не напишетъ!

Въ грѣхѣ такомъ ты мнѣ не будешь, чай, пѣнять,
Смотри, какой я листъ изволилъ намарать!
Но если надоѣстъ посланіе ужасно,
Меня ты не вини, пожалуй, въ томъ напрасно;
Во всякомъ есть изъ насъ свой собственный изъянъ,
И самолюбья червь всеобщій нашъ тиранъ.
Прекраснѣйшій приславъ картель мнѣ стихотворный,
На поединокъ сей пріятель твой покорный
Съ плохимъ своимъ перомъ явиться принужденъ;
И знаю напередъ, что буду побѣжденъ,
Но трусить не велитъ ни чести долгъ надменный,
Ни рыцарскій уставъ, ни Музъ соборъ священный
Довольно ли въ строкахъ начальныхъ погрустилъ?
Довольно ли, мой другъ, въ концѣ письма шутилъ?
Прости! дай Богъ тебѣ и здравья и покоя!
Желаю, чтобы ты, дѣла свои устроя,
И жатвою былъ сытъ и деньгами богатъ,
Въ пріязни никогда лукавствомъ виноватъ;
Еще хочу, чтобъ мать всѣхъ благъ земныхъ — натура,
Хранила бы тебя подъ крылышкомъ амура:
Амуръ еще твой другъ, а мой — ужъ явный врагъ,
Отъ Лилы при тебѣ не отлеталъ на шагъ,

Чтобъ *Лила*, коей ты, какъ кажется мнѣ, таешь
И пламенно еще до-сихъ-поръ обожаешь,
Любила пѣть съ тобой ту пѣсенку мою,
Которую ужъ я едва, едва пою.

И. . Н.

Классону.

Ede, bibe, lude; post mortem nulla voluptas.

Я съ Віалой распрощался,
Мой любезный другъ, Классонъ!
Только поздно догадался,
Негодяю крикнуть: вонъ!
Знать, что Богъ съ начала вѣка
Сотворилъ такъ человѣка,
Сердце вставилъ глубоко,
Душу спряталъ далеко,
Что и ловкой сплошь дѣтина
Дурака не разберетъ;
Сколь нерѣдко здѣсь скотина
Тонкой умницей слыветъ,
Все потомки въ нашемъ братѣ!
Обтеки вселенну вскачъ,
Вездѣ встрѣтишь вопль и плачъ,

То жъ во всякомъ ты климатѣ.
Мудрена природа въ насъ,
Мудренѣе во сто разъ,
Чѣмъ въ звѣряхъ, во птицахъ, въ рыбѣ,
Чѣмъ металла въ твердой глыбѣ;
Жаль, что въ сердцѣ иногда
Слухового нѣтъ окошка,
И нельзя взглянуть немножко,
Что̀ творится въ немъ когда.
Но природа такъ слѣпила
И въ народѣ учредила,
Чтобъ, зажмурясь весь свой вѣкъ,
Теръ дорогу человѣкъ:
Смотритъ много — видитъ мало,
Ѣстъ въ меду змѣино жало,
Яму видитъ лишь тогда,
Когда свергнется туда.
Кчему рѣчь моя стремится
Хоть сказать бы не хотѣлъ,
Да пришло ужъ повиниться,
Что меня Французъ поддѣлъ —
Да какой? — увы! безчестной
Поваришка-басурманъ,
Моихъ денежекъ тиранъ,
И изъ слугъ слуга почетный.
Ты знавалъ его искусство,
Ты приправъ его ѣдалъ;
Объяденья тропуть чувства,
Правда, мастеръ онъ бывалъ.
Помнишь славные паштеты,
Пирожки а l'Antoinette,

Иль Субиковы пошлеты,
Или вспомни винегретъ:
То-то нѣжное питанье,
Амброзія лже-боговъ!
Гдѣ художнѣй сочетанье
Можно зрѣть земныхъ плодовъ?
Льстить однако жъ не намѣренъ,
Хоть хвалить его люблю.
Вѣртелъ былъ ему невѣренъ,
Его суповъ не терплю;
Впрочемъ, столъ убрать богатый,
Башню въ слойкѣ показать,
Фракъ надѣть щеголеватый,
И vous êtes servi сказать,
Кто жъ другой всему съумѣетъ
Такъ проворно снаровить,
Въ одночасьѣ кто поспѣетъ
При столѣ и въ кухнѣ быть?
Нѣтъ, прошу меня уволить,
Правду мнѣ сказать позволить,
Что каковъ Віала былъ,
Міръ такихъ двухъ не родилъ.
Ахъ! напрасно сожалѣнье
Сообщаю вамъ свое;
Его нагло поведенье
Сердце взорвало мое.
Нынче въ ярмарку какъ съ нами
Онъ при кухнѣ пріѣзжалъ,
Дьяволъ снесъ его съ купцами,
Земляка къ нему наслалъ.
Вмигъ другъ друга распознали,

Оба женъ своихъ помчали,
И въ квартиру къ намъ пришли:
Лучше мѣста не нашли
По-французски напроказить,
Съ-пьяну женъ обезобразить;
Въ банкъ играли цѣлу ночь
И во всю бѣсились мочь.
А назавтра я хватился
Для гостей готовить столъ,
Мой Віалъ запропастился,
Не спросясь, чуть свѣтъ, ушелъ
За такія мнѣ досады
Въ годъ пятьсотъ рублей платить
Не найдя большой отрады,
Я рѣшился его сбыть.
Чортъ тебя возьми, *Віала!*
Поищи другихъ, какъ я,
У кого разсудка мало
И ума, какъ у меня.
Онъ, съ двора отъ насъ съѣзжая,
За долги попалъ въ тюрьму;
Цѣпь чугунна пудовая
Не понравилась ему:
Сидя въ стулѣ, неудобно
О поварнѣ разсуждать.
Часового неспособно
Винегретомъ обольщать.
Такъ-то въ свѣтѣ семъ судьбина
Всякимъ средствамъ учитъ насъ;
Съ плута падаетъ личина,
Когда гибнуть стукнетъ часъ.

Онъ обманывалъ три года
Меня всякому на смѣхъ,
Самого теперь урода
Кандалы крушатъ за грѣхъ.
А убытокъ въ наказанье
Мнѣ остался одному;
Своей слабости познанье
Польза важная уму!
Хоть теперь и не французской
Подадутъ на столъ ragout,
Но горшку и каши русской
Аппетитъ придастъ du gout.
Аппетитъ лишь бы продлился,
Только онъ бы не лѣнился
Временами мнѣ служить,
Безъ Віалы можно жить;
А какъ онъ-то насъ покинетъ,
Вотъ, любезный другъ, бѣда!
Пусть вселенная вся гинетъ,
Коль прискучила ѣда!

Н. Ф. Остолопову.

Есть городъ на Руси по имени Борзна,
Въ которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина;
Однако жъ иногда почтовы эстафеты
Привозятъ и сюда журналы и газеты; —

Хоть не чѣмъ живота со вкусомъ накормить,
По крайности есть чѣмъ головушку вскружить.—
Пока моихъ коней во градѣ тамъ кормили,
Мы, сидя у Жида, газеты проходили,
И вдругъ какой сюрпризъ пріятный я нашелъ:
Отъ Остолопова стихи къ себѣ прочелъ,
Которыхъ разсудилъ онъ быть меня достойнымъ
За то, что я воспѣлъ, хоть голосомъ нестрой-
нымъ,
Но твердымъ, отъ души, невинности хвалу
И видѣлъ не страшась летящу въ грудь стрѣлу.
Судить о мастерствѣ стиховъ не разумѣю,
Бывъ самъ предметомъ ихъ, и права не имѣю;
Но долженъ и хочу отвѣтъ въ нихъ сочинить
Тому, кто сдѣлалъ честь мнѣ трудъ свой по-
святить:
Признательности дань плачу чистосердечно!
Въ сношеньяхъ между насъ пристрастья нѣтъ,
конечно,
Затѣмъ, что хоть его плѣняюся перомъ,
Однако жъ съ нимъ совсѣмъ донынѣ не знакомъ.
За что жъ другъ другу льстить? — Вѣдь дѣло
не невольно.
Онъ чувствуя писалъ, я также — и довольно!
Стихи одинъ размѣръ, — мысль вывѣска души;
А въ комъ она добра, тотъ всячески пиши:
Въ искусствѣ заслужить хвалу какъ ни пріятно,
Но въ чувствѣ сходство зрѣть пріятнѣе сто-
кратно.
Для славы и любви, съ тѣхъ поръ, какъ созданъ
міръ,

Не тысяча одна настроивалась лиръ;
Миръ витязямъ! — пора пѣвцамъ ихъ утомиться,
Къ невинности пора съ свирѣлью обратиться.

Такъ, Остолоповъ, такъ! она источникъ благъ,
Котораго взмутить не въ силахъ лютый врагъ!
Прилгать ее себѣ способны и злодѣи, —
Видали мы не разъ подобныя затѣи;
Но какъ ни лакируй порочнаго пятна,
А глянецъ вмигъ сойдетъ и мерзость ихъ видна:
Въ невинности себя подложной не увѣришь,
И совѣсти гнилой всѣхъ прежде бездну смѣришь.
Быть вправду, иль прослыть — какая разнота!
Одно души есть рай, другое — пустота,
Сонъ тонкой, да и тотъ чрезмѣрно скоротечный!
Обманомъ уловленъ быть можетъ міръ безпечный,
И съ честнымъ иногда бездѣльника сравнить,
Болвана въ мишурѣ героемъ называть;
Но гласъ души не лживъ: ему хоть поздно внемлютъ,
И очи совѣсти непоминутно жъ дремлютъ;
Невинности прямой приспѣетъ торжество,
Дастъ цѣну ей народъ — прославитъ Божество!
Какъ солнце послѣ бурь, разбивши тучи мрачны,
Лучъ яркой ниспошлетъ на нивы всюду злачны,
Такъ, съ помощью Творца, Его внемля духъ,
Невинность клеветы разгонитъ подлый слухъ.
Повѣрь мнѣ, нѣтъ сребра и злата столько въ мірѣ,
Меча нѣтъ у вождей, ни силъ въ самой порфирѣ

КНЯЖНѢ В. П. ВОЛКОНСКОЙ.

I.

На имянины.

—

Дай Богъ, княжна! чтобъ ты отнынѣ
Счастливо дни свои вела,
И въ лучшей смертнаго судьбинѣ
По волѣ сердца бы жила:
Съ утра до вечера смѣялась
Севодни, завтра, всякой день,
И скуки мрачной не касалась
Тебя ниже малѣйша тѣнь!

Дай Богъ, чтобы разсудокъ вѣрный
Твой пылкій нравъ остерегалъ,
Ума совѣтъ нелицемѣрный
Ошибки чувствъ предупреждалъ!
Чтобъ случай тѣсный не встрѣчался
Необходимости съ тобой,
И нѣжный взглядъ не орошался
Болѣзни горькою слезой!

Дай Богъ, чтобы въ семьѣ согласной,
Въ кругу достойнѣйшихъ друзей,
Считала радостью всечасной
Число бѣгущихъ нашихъ дней!
Они чтобы въ виду имѣли
Твоимъ желаньямъ угождать,

Чтобъ всѣ въ глаза тебѣ глядѣли,
Любя и взоръ ихъ отгадать!

Дай Богъ, чтобъ горестну измѣну
Въ пріязни, въ дружбѣ не познавъ,
Ты жизни всю вкушала цѣну,
Храня взаимностей уставъ!
Чтобы съ тобой ведя бесѣду,
И тотъ, кто вовсе нелюдимъ,
Позналъ бы нѣжныхъ чувствъ побѣду
Надъ свойствомъ пасмурнымъ своимъ!

Дай Богъ, чтобы въ твоей онъ долѣ
Всѣхъ благъ собраніе вмѣстилъ!
Чего жъ еще желать мнѣ болѣ?
Прости, еще одно забылъ:
Дай Богъ, чтобы сама Природа,
Твое пристрастье чтя къ лунѣ,
Велѣла бъ ей во всѣ дни года
Играть съ тобой въ твоемъ окнѣ!

II.

На новый годъ.

Встрѣчай, княжна! временъ обнову
Въ спокойствѣ духа, въ тишинѣ!
Дай Богъ мой старъ — но въ рифму нову
Одѣть его нѣтъ силъ во мнѣ;

Сказавъ тебѣ въ избыткѣ чувства,
Что̀ я въ Варваринъ день сказалъ,
Я всѣ стиховъ моихъ искусства
Тебѣ тогда въ даръ сердца далъ,

Тебѣ, чье сердце такъ умѣетъ
Подарокъ дружества цѣнить,
Способность рѣдкую имѣетъ
Внимать пріязни и любить.
На то, чтобъ нѣжно изъясняться,
Не нужны вовсе тамъ мечты,
Гдѣ духъ влекутъ нашъ восхищаться
Прямыя нрава красоты.

Онѣ-то всѣхъ въ тебѣ плѣняютъ,
И не увянутъ никогда.
Года лишь случаи мѣняютъ;
А добрый нравъ хорошъ всегда.
Съ нимъ всѣ взаимности пріятны.
Онъ дружбѣ самый твердый щитъ;
Ума движенья коловратны
Хорошій нравъ всегда смиритъ.

Не ставлю я въ моемъ предметѣ
Похвалъ пріятностей твоихъ;
Пріятныхъ женщинъ много въ свѣтѣ,
Достойныхъ мало, — ты изъ нихъ.
Я даръ хвалы воздать стремлюся
Однимъ чувствительнымъ сердцамъ.
Я къ нимъ съ восторгомъ отношуся;
Блаженствомъ ихъ блаженъ я самъ.

Твое да будетъ совершенно —
О семъ, дай Богъ, я повторю,
Не льстя, какъ все обыкновенно,
Но тронутъ сердцемъ говорю:
При первомъ утрѣ нова года
Дай Богъ (скажу я въ сотый разъ),
Чтобъ все тебѣ дала природа,
Что̀ счастіемъ слыветъ у насъ!

III.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья.

—

Свѣтлый день Христовъ явился,
Съ нимъ сопутствуетъ весна;
Зимней ночи мракъ сокрылся,
Жизнь природѣ отдана:
Воды плещутъ, льдины таютъ,
Хвалитъ Бога всяка тварь;
Въ радостяхъ сердца играютъ,
Зждется любви алтарь.

Свѣтлый день Христовъ встрѣчая
Въ безмятежной я судьбѣ,
Дружбы тихой рай вкушая,
Всѣхъ желаю благъ тебѣ:

Чтобы такъ, какъ день сей красный,
Текли жизни твоей дни;
Чтобъ очей твоихъ видъ ясный
Казалъ радости одни.

А когда сама ты будешь
Въ жизни счастье находить,
Тверда въ дружествѣ пребудешь
И престанешь слезы лить, —
Въ безпрестанно красномъ лѣтѣ
Обновлюсь тогда и я;
Тогда всякой день на свѣтѣ
Будетъ свѣтелъ для меня.

IV.

На имянины.

—

Я, годъ назадъ, въ сей день молился
Творцу безчисленныхъ міровъ,
Чтобы твой рокъ обогатился
Избытками Его даровъ,
И тѣмъ же духомъ паки нынѣ
Его о томъ же я молю,
Въ твоей участвуя судьбинѣ,
Тогдашній стихъ возобновлю.

Дай Богъ, княжна, чтобъ ты здорова
И счастлива всегда была;
Чтобъ никакая мысль сурова
Вовѣкъ на умъ тебѣ не шла;
Чтобъ всѣ желанья исполнялись,
Какія бъ ни имѣла ты;
Чтобъ даже въ истинѣ сбывались
Пріятныхъ сновъ твоихъ мечты.

Дай Богъ, чтобъ ты, несчетны годы
Проживъ во множествѣ утѣхъ,
Невинной прелести свободы
Всегда вкушала безъ помѣхъ,
И чтобъ, родившись столь способна
Къ себѣ привязывать людей,
Была сама себѣ подобна
И тѣмъ на свѣтѣ всѣхъ милѣй!

Дай Богъ, чтобъ всякой случай въ мірѣ
Казалъ тебѣ столь ясный видъ,
Сколь ясенъ цвѣтъ небесъ въ эѳирѣ,
Который взоръ твой веселитъ!
Какъ любишь ты, княжна, отмѣнно
Изъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтъ голубой,
Чтобъ такъ любила неизмѣнно
Друзей и сердцемъ и душой!

Дай Богъ, чтобъ Ангелъ кроткой, мирный
Твой каждый шагъ располагалъ,
Отъ язвы зависти пронырной
Тебя во всѣхъ путяхъ спасалъ!

Будь, словомъ, всѣхъ счастливѣй въ свѣтѣ!
Мнѣ больше нечего желать.
Что̀ я сказалъ въ прошедшемъ лѣтѣ,
Готовъ всечасно повторять.

Мои желанья, мое чувство,
Одни съ тѣхъ поръ и по сей часъ;
Не нужно клятвы въ томъ искусство,
Что опытъ оправдалъ сто разъ.
Что преданъ я тебѣ сердечно,
Во всѣхъ движеньяхъ зришь моихъ;
Дай Богъ, чтобъ могъ и я быть вѣчно
Достоинъ милостей твоихъ!

V.

Дочерніе любви достойный образецъ!
Всей нѣжностью души природой одаренна,
Живи ты долгій вѣкъ спокойна и блаженна
Ко счастью всѣхъ тебѣ приверженныхъ сердецъ!

КНЯЖНѢ В. Н. ДОЛГОРУКОЙ.

I.

Приношеніе.

—

Княжна! позвольте мнѣ поднесть вамъ бездѣ-
лушку:
Она сочинена для васъ, для васъ однихъ.
Я въ прозѣ не богатъ, еще бѣднѣй мой стихъ;
Но въ пѣсенкѣ простой дарю лишь я игрушку.

Гитары вашей звукъ плѣнить меня умѣлъ;
Я слышалъ, какъ на ней пріятно вы играли:
Чтò голосъ произвелъ, то струны выражали;
А я стоялъ, молчалъ, дивиться только смѣлъ.

Довольно я давно замѣтилъ, что природа
Дала вамъ даръ сердца кàкъ струнки шевелить;
Меня лишь тѣмъ она хотѣла надѣлить,
Чтобъ, видя васъ, забыть, что въ чувствахъ есть
свобода.

———

II.

Пѣсня.

—

Почто напоминаешь
Протекшіе года?
Почто ты заставляешь
Себя любить всегда?

Дай волю мнѣ скрываться
Отъ прелестей твоихъ,
Дай смѣлость не бояться
Заразъ очей драгихъ!

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждый шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и твой.

Въ тоскѣ моей ужасной
Сокроюсь ли куда, —
Побѣгъ мой — трудъ напрасный:
Гдѣ ты, тамъ я всегда.

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ;
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ — вся мысль — я самъ.

Я самъ, прервавъ унылый
Моихъ вздыханьевъ стонъ,
Бѣгу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

Бѣгу къ немилосердой,
Чтобъ духъ ея склонить;
Но, нѣтъ! ты камень твердый, —
Не знаешь ты любить.

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За счастіе не чтишь,
Ты вздохомъ изъясненья
Понять не дорожишь.

Въ разсѣянности свѣта
И въ пышности пустой
Ищи забавъ предмета,
Губи свой вѣкъ златой;

А я, въ любовной страсти
Не зная благъ иныхъ,
Люблю ея напасти
Сносить у ногъ твоихъ.

III.

На имянины.

—

Варварѣ въ небесахъ сегодни я молился,
Чтобъ Варинькѣ земной Богъ счастье ниспосылалъ;
То съ вѣрою къ одной я духомъ возносился,
То сердце все къ другой съ любовью посылалъ.

Варвара въ небесахъ свята и преподобна;
Варвара на землѣ, какъ Душенька, мила!
Геройствомъ Вѣры та явилась безподобна;
Земная—весь свой полъ въ пріятствѣ превзошла.

Та голову свою за Бога положила,
И горней славы тѣмъ пріобрѣла вѣнецъ;
Ты головы другихъ всегда съ ума сводила
И дань брала со всѣхъ чувствительныхъ сердецъ.

Еще прибавлю стихъ — и всѣ тебя узнаютъ:
Достойна, хороша, чувствительна, умна.
Теперь гдѣ ни прочтутъ, въ минуту отгадаютъ,
И скажутъ, встрѣтя всѣ:—такъ, это ты, княжна!

ПЕРЕПИСКА ВЪ СТИХАХЪ
СЪ КНЯГИНЕЮ В. А. ТРУБЕЦКОЙ.

I.

Акростихъ ея.

Какъ твои творенья внятно
Наставляютъ разумъ мой!
Я бесѣдую пріятно,
Занимаяся тобой.
Ими смыслъ мой просвѣщаю,
Въ нихъ утѣхи находя;
Ароматный сокъ вкушаю,
На затѣйной слогъ глядя.
Много замысловъ въ немъ вижу,
И любуюсь остротой;
Хитрыхъ козней ненавижу,
А плѣняюсь чистотой,
И искусствомъ объясняться,
Легкимъ средствомъ умъ питать,
Отъ кощунства удаляться, —
Вотъ искусство, какъ писать!
Имъ перо твое водимо,
Чту пріятность чувствъ твоихъ;
Даръ имѣешь ты нельстимо
Объясняться сладко въ нихъ;
Лиру строишь ты согласно,

Гласнымъ строемъ слухъ плѣня,
Объясняешься прекрасно
Рѣдкимъ слогомъ для меня.
Услади еще тѣмъ пѣньемъ,
Коимъ стройный тонъ даешь!
Обучи твоимъ умѣньемъ
И меня, какъ ты поешь!

II.

Акростихъ мой.

Кто, честности прямой уставы понимая,
Незлобія въ очахъ пріятный носитъ видъ,
Язвительныхъ укоръ за умъ не почитая,
Гордится тѣмъ однимъ, чтобъ не чинить обидъ,
И славы блескъ прямой, почтенный человѣкъ,
Находитъ не въ чинахъ, а въ качествахъ прямыхъ.
Я чаялъ, что уже въ испорченномъ семъ вѣкѣ
Вотще бы было мнѣ искать людей такихъ.
Ахъ, нѣтъ! и въ наши дни я зрю, что Провидѣнье,
Ревнуя показать величество свое,
Въ особѣ той, что здѣсь прочтется нареченье,
Атличіемъ тѣхъ свойствъ украсилъ и ее.
Разсудка на пути ставъ твердою ногою,

Атъ всѣхъ страстей себя геройски сберегла;
Ана, и надъ самой возвысившись судьбою,
Лютѣйшихъ среди бѣдъ всегда, равна была.
Ей нѣтъ иныхъ заботъ, иной за нихъ награды,
Какъ только зрѣть свое семейство въ тишинѣ;
Согласіе и миръ — вотъ всѣ ея отрады!
Анѣ превыше всѣхъ въ сей смертной сторонѣ
Нѣжнѣйшей дружбы въ ней вся скромность обитаетъ;
Душа ея чиста, какъ лѣта ясный день;
Разсѣянная жизнь ее не обольщаетъ.
О, сколько отъ нее далеки праздность, лѣнь!
Въ часы, какъ отъ трудовъ домашнихъ свободится,
Нерѣдко и въ стихахъ и въ прозѣ, говорятъ,
Ана своимъ перомъ умѣетъ веселиться;
Тщеславной похвалой ее не изумятъ.
Рисунокъ бѣденъ сей; но если бъ украшеньемъ
Умѣлъ бы я его поэзіи убрать,
Безцѣннымъ бы почелъ для сердца утѣшеньемъ
Ей чувствъ моихъ сію дань первую воздать!
Цѣпями моего незнанія стѣснѣнный,
Картины сходной я не смыслю довершить;
А подлинникъ ея, въ добротахъ совершенный,
Я буду, пока живъ, съ почтеніемъ любить!

III.

Возражение ея.

Полезный для меня урокъ твой получила:
Прочтя его, тотчасъ себя я вопросила:
Похожа ль на портретъ, который начерталъ,
Когда въ умѣ твоемъ меня воображалъ? —
Со всѣхъ сторонъ себя я разсмотрѣть хотѣла;
Что̀ видишь ты во мнѣ, найти я не умѣла.
Увы! къ несчастію, и тѣни не нашла,
Взглянувъ на подлинникъ, когда въ себя вошла.
Но въ пользу для меня урокъ твой обращаю,
Изъ заблужденія тебя я возвращаю.
Не думай обо мнѣ, какъ началъ мыслить ты;
Очисти зрѣніе — исчезнутъ красоты,
Наполнилъ коими ты твое воображенье,
Когда хотѣлъ писать о мнѣ изображенье.
И если подлинно добра кажусь совнѣ,
Повѣрь, что не найдешь добра того во мнѣ.
Какая же тому, ты спросишь, есть причина?
Моя наружная притворная личина,
Который, можетъ быть, притворный кроткій видъ
Спокойство внутренно и тмы добротъ сулитъ.
Знай, твой урокъ велѣлъ себя мнѣ прикоснуться,
Въ зерцало совѣсти велѣлъ онъ мнѣ взглянуться;
Въ кристаллѣ чистомъ тамъ увидѣла себя.
Ты путь мнѣ показалъ; благодарю тебя!

IV.

Мой отвѣтъ.

Нѣтъ! Истина сама перомъ моимъ водила,
Въ стихахъ къ тебѣ она тебя изобразила.
А если видишь въ нихъ несходство ты съ собой,
Не мысли, чтобы я плѣняемъ былъ мечтой;
Но это (извини простое нареченье)
Есть паче гордости одно уничиженье.
Прими, княгиня, ихъ, равно какъ и сіи,
Того почтенья въ знакъ, которое твои
Достоинства во мнѣ навѣки поселили,
А милости его съ любовью съединили.
Когда жъ бы (но сіе никакъ не можетъ быть)
Я долженъ былъ обманъ въ лицѣ твоемъ найтить,
Или пристрастія движенью скоротечну
Отдать на счетъ мою хвалу чистосердечну,
Тогда бы Небеса молить вседневно сталъ,
Чтобъ истиной меня никто не просвѣщалъ.
Но, нѣтъ! обманъ такой не нуженъ здѣсь ни мало;
Достоинство твое давно всѣхъ привлекало:
Оно, какъ скромно скрыть его ни ищешь ты,
Души твоей вездѣ являетъ красоты
Твой взоръ коварныхъ душъ отнюдь не возвѣщаетъ;
Душа его зажжетъ, а сердце посылаетъ;
И ими научивъ, княгиня, знать себя,
Путь правды кажешь мнѣ; благодарю тебя!

V.

На любовь *).

Какое я на дняхъ прекрасно
Стихотворенie читалъ!
Признаться должно безпристрастно,
Давно такого не слыхалъ,
Судить объ немъ не смышлю строго;
Но каждый, вкусъ имѣя свой,
Божусь, что какъ ни пишутъ много,
Никто не трафилъ такъ на мой.

Съ какимъ въ немъ авторъ восхищеньемъ
Любви изображаетъ власть!
Съ какимъ подробнымъ наблюденьемъ
Онъ вникъ въ сiю всеобщу страсть!
Во всей связи пространна свѣта
Влiянье кажетъ намъ ее;
Коснувшись каждаго предмета,
Животворитъ любовью все.

А больше всѣхъ мнѣ полюбилось
Четверостишie одно;
Чье сердце бъ имъ не восхитилось!
Послушай, другъ мой, вотъ оно!

---

*) Сiи стихи поднесены мною княгинѣ по прочтенiи написанныхъ ею на любовь.

Изъ слова въ слово не возможно
Его тебѣ мнѣ сообщить;
Но содержаніе неложно
Потщусь всемѣрно изъяснить:

Люби ты тварь (онъ такъ вѣщаетъ) *)
Сія любовь живетъ въ тебѣ:
Любить Творецъ повелѣваетъ;
Но той любви не трать въ себѣ,
Который пламень человѣка
Съ его Творцемъ соединилъ;
Въ которой Богъ любви отъ вѣка
Ему свой рай опредѣлилъ.

Какая истина глубока
И усладительна для всѣхъ!
Она мягчитъ суровость рока,
Она невинныхъ мать утѣхъ!
Отъ сихъ стиховъ я въ восхищеньи,
И съ ними для меня ничто,
Ничто не можетъ быть въ сравненьи!
А авторъ ихъ не знаю кто.

Я слышалъ, будто ихъ писала
Одна любезныхъ свойствъ жена;

---

*) Въ ея сочиненіи другой мѣры были стихи, и вотъ они слово отъ слова:

«Люби ты тварь, любить Творецъ повелѣваетъ;
Не только той любви въ себѣ не потеряй,
Которая тебя съ Творцемъ соединяетъ,
Въ которой Богъ любви тебѣ устроилъ рай.

И въ томъ сомнѣнья нѣтъ ни мала:
Весь городъ знаетъ, что она
Не только думать такъ умѣетъ,
Но къ мыслямъ чувства приложить,
И даръ во всѣхъ сердцахъ имѣетъ
Любовь къ себѣ производить.

Ахъ! если бъ я не побожился
Стиховъ впередъ не сочинять,
Сію жъ минуту бы рѣшился
Ей благодарность написать
За то, что разумъ убѣдила
Своимъ пріятнѣйшимъ перомъ,
И почитать любовь склонила
Первѣйшей степени добромъ.

Я ей навѣки тѣмъ обязанъ:
Она согрѣла духъ во мнѣ.
Боявшись къ людямъ быть привязанъ
До нынѣ, даже и во снѣ,
Я вдругъ теперь раждаюсь снова,
И начинаю находить,
Что счастье въ томъ, чтобы другова
Съ собою наравнѣ любить.

———

VI.

На надежду *).

Ты любовь намъ описала
Восхитительнымъ перомъ;
Ты надежду показала
Превосходнѣйшимъ добромъ.

Будь еще, поэтъ любезный!
Будь еще готовъ писать,
И рисунокъ столь полезный
Не лѣнися докончать.

Покажи намъ свойство вѣры,
Воспали въ насъ ею кровь;
Безъ нее — увы! — химеры
И надежда и любовь.

Если я, любовью тая,
Не повѣрю самъ ни чьей,
То какая мука злая
Поравняется съ моей?

Точно такъ же погибаетъ
И надежды лучъ навѣкъ,

*) Послѣ вышеписанныхъ стиховъ на любовь, ею же сочинены другіе на надежду.

Если вѣрой не бываетъ
Подкрѣпляемъ человѣкъ.

Вмѣстѣ всѣ сіи три чувства
Суть единый путь къ добру;
Сядь писать — на что искусства?
Силу дастъ душа перу.

Кто съ надеждою способенъ
Ощущать любовь, какъ ты,
Всеконечно тотъ удобенъ
Вѣры выразить черты.

И кому жъ (скажу нелестно)
Свойство сей семьи святой
Можетъ больше быть извѣстно,
Какъ не матери самой?

Все сіе тебя склоняетъ
Сію третью дщерь списать;
Кто жъ ихъ всѣхъ короче знаетъ?
Натурально — ты ихъ мать!

VII.

Стихи, присланные ею же ко мнѣ въ 1809 году, по случаю изданія мною книжки, подъ названіемъ: «Сумерки моей жизни.»

—

Богъ порядки учредилъ,
Чтобы дневное свѣтило
Всю вселенну озарило,
Когда день Онъ сотворилъ.

Къ ночи сумерки явились;
Въ сумеркахъ — лишь слабый свѣтъ
Съ неба намъ луна ліетъ;
Тмою небеса покрылись.

Что же видимъ мы во тмѣ?
То, что̀ кажетъ вображенье:
Грусти, горести, мученья!
Что вгнѣздилося во мнѣ.

А какъ день опять настанетъ,
Появится солнца лучъ,
Онъ прогонитъ мраки тучъ, —
Человѣкъ отъ сна возстанетъ.

Онъ почувствуетъ тогда,
Что онъ мракомъ окружался,

Когда въ горести вдавался,
И что сумерки — бѣда

Для того, кто унываетъ,
Кто не ищетъ самъ въ себѣ
Облегчить тоски въ бѣдѣ,
И тоской себя питаетъ.

Ты Евгеніи забыть,
Вѣрю, никогда не можешь;
Тѣмъ къ тебѣ почтенье множишь,
Что умѣлъ ее цѣнить.

Она въ вѣчность преселилась!
Не тоска по ней нужна;
Твоя милая жена
Въ домъ покоя возвратилась.

Гдѣ тоски и грусти нѣтъ?
Гдѣ спокойство обитаетъ?
Чего всякой здѣсь желаетъ, —
Но не здѣсь, а тамъ найдетъ. . . .

Богъ отрадъ насъ не лишаетъ,
Покорися лишь судьбѣ;
Твой покой найдешь въ тебѣ:
Время горесть утушаетъ.

Перенесши тяжко бремя,
Воли грусти не давай,

Но спокойства ожидай, —
Днесь къ тому настало время.

Чувства новыя найдя,
Счастливъ будь съ твоей супругой,
Съ милой, нѣжною подругой,
Въ ней отраду находя!

VIII.

Отвѣтъ мой на нихъ.

Кто жаркой прожилъ день, тотъ ночи ждетъ
прохладной;
А послѣ черныхъ тучъ громовыхъ яркихъ стрѣлъ;
Не вѣдая пути въ долинѣ безотрадной,
При сумеркахъ какой прохожій не робѣлъ?

Для счастливыхъ сыновъ изнѣженной природы
Вездѣ приноровленъ благопріятный рокъ;
Отъ нихъ туманъ бѣжитъ съ потьмами. Въ ан-
типоды,
Для нихъ и въ *Колѣ* день зимой не коротокъ.

Но тотъ, кому велитъ твердынь Создатель чудный
По лѣстницамъ крутымъ злосчастія шагать,

На гладенькой стезѣ тотъ путь находитъ трудный;
Судьба ему вездѣ ударъ готова дать.

Хоть лѣтъ моихъ нельзя считать предѣломъ вѣка,
Хоть, можетъ быть, еще далекъ отъ смерти я;
Но въ язвахъ сердца всѣ болѣзни человѣка
Случайность испытать заставила меня.

И вотъ зачѣмъ нарекъ я сумерками жизни
Мой горькой плачъ въ стихахъ и сердца тяжкой вздохъ
Въ честь той, чье существо, безъ всякой укоризны,
Подобно Своему образовалъ самъ Богъ.

Вотще бы сталъ я ждать, обманомъ обольщенный,
Востока солнца вновь и краснаго утра;
Пусть юношу дивитъ позорище вселенной,
А мнѣ о небесахъ помыслить ужъ пора.

Доволенъ буду я и той судьбы услугой,
Коль вечеръ жизни дастъ спокойно проводить
За книгой у огня съ любезною подругой,
И ей сердечну дань послѣдню заплатить.

Споръ.

«Изъ двухъ свѣтилъ, что̀ Богъ устроилъ
На освѣщенье тверди сей,
Луну хоть ночи Онъ присвоилъ,
Но солнца мнѣ она милѣй.»

Такъ мысль свою мнѣ изъясняла
Одна любезная жена *).
За солнце мнѣ досадно стало;
Вошелъ я въ рѣчь — и вотъ она:

Лучъ солнца грѣетъ и питаетъ;
Что̀ можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ»
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей,
Все вдругъ цвѣсти, раждаться станетъ;
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Огнемъ его животворится
Вся связь вещественныхъ вещей,
Душа стихіевъ веселится.
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

---

*) Кн. Вар. Алек. Тр.

Его всѣ твари ощущаютъ:
И хищный звѣрь и муравей;
Въ моряхъ чудовища играютъ. . , .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто боленъ,
Въ избѣ своей ждетъ ясныхъ дней!
Увидитъ солнышко — доволенъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

За что жъ вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросить:
Какимъ въ ней свойствомъ столь плѣнились? —
Всему должна причина быть.

«Вы очень сильно расхвалили,
Она сказала, солнца свѣтъ;
Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжетъ, — а мѣсяцъ нѣтъ.

«Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанутъ суеты всѣ вдругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелится,
Вездѣ начнется недосугъ:

«Тутъ всѣ заботы, попеченья,
Житейскихъ дѣлъ мятежъ пойдетъ,
Умы и чувства въ развлеченьи,
И всякой внѣ себя живетъ.

»Когда жъ луна чело подъемлетъ,
Тогда природа въ тишинѣ,

Какъ-будто въ утомленьи, дремлетъ;
Тогда и я — я вся во мнѣ.

«Къ ней взоръ мой смѣло простираю:
Она, какъ солнце, не слѣпитъ;
Живу, люблю, и размышляю, —
Ничто меня не суетитъ.

«Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моей,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своей.

«Конечно, если бы не знали
Мы неба и земли Творца,
Луну боготворить бы стали
Чувствительныя всѣ сердца.»

Пришлось мнѣ съ нею согласиться
На мѣсяцъ солнце промѣнять,
Ея рѣчами убѣдиться
И самому себѣ сказать:

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова.

Его всѣ твари ощущаютъ:
И хищный звѣрь и муравей;
Въ моряхъ чудовища играютъ. . , .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто боленъ,
Въ избѣ своей ждетъ ясныхъ дней!
Увидитъ солнышко — доволенъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

За что жъ вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросить:
Какимъ въ ней свойствомъ столь плѣнились? —
Всему должна причина быть.

«Вы очень сильно расхвалили,
Она сказала, солнца свѣтъ;
Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжетъ, — а мѣсяцъ нѣтъ.

«Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанутъ суеты всѣ вдругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелится,
Вездѣ начнется недосугъ:

«Тутъ всѣ заботы, попеченья,
Житейскихъ дѣлъ мятежъ пойдетъ,
Умы и чувства въ развлеченьи,
И всякой внѣ себя живетъ.

»Когда жъ луна чело подъемлетъ,
Тогда природа въ тишинѣ,

Какъ-будто въ утомленьи, дремлетъ;
Тогда и я — я вся во мнѣ.

«Къ ней взоръ мой смѣло простираю:
Она, какъ солнце, не слѣпитъ;
Живу, люблю, и размышляю, —
Ничто меня не суетитъ.

«Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моей,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своей.

«Конечно, если бы не знали
Мы неба и земли Творца,
Луну боготворить бы стали
Чувствительныя всѣ сердца.»

Пришлось мнѣ съ нею согласиться
На мѣсяцъ солнце промѣнять,
Ея рѣчами убѣдиться
И самому себѣ сказать:

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова.

СТИХИ

НА

РАЗПЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Я.

Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой другъ, скажу,
И съ радостью тебѣ портретъ мой покажу;
Со всѣмъ, что Богъ ни далъ, на сцену я предстану;
Пороковъ убирать моихъ отнюдь не стану.
Такъ слушай же теперь, кто я, чей сынъ, чей внукъ,
И въ правдѣ словъ моихъ повѣрь мнѣ безъ порукъ.

Я мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому Царю велику правду рекъ,
Не мнѣ чета былъ князь и громкой человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этого — мой дѣдъ — познал, какъ говорятъ,
Что вправду близъ царя — близъ смерти всѣ стоятъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;

Тамъ сосланъ и казненъ—и поминай какъ звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)
Душею былъ богатъ, а счастіемъ убогъ.
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ.
А я Jeannot tout court и голъ, такъ какъ соколъ.
Служа 18 лѣтъ, въ четвертый классъ пошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю—но и подчасъ трясу ее какъ грушу.
Дѣтей вокругъ себя привелъ Богъ восемь счесть;
Но двухъ спросилъ назадъ, осталось только шесть.
Творецъ да будетъ имъ прибѣжище и сила,
И что восхощетъ Онъ, чтобъ съ ними то и было!
За Нимъ, увѣренъ я, ни что ни пропадетъ:
Молитва, вздохъ, слеза—все мзду свою найдетъ.
Доволенъ будь, мой другъ, ты сею родословной!
Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здѣсь своимъ могу назвать. —
Снаружи напередъ начну я рисовать.
Натура маску мнѣ прескверну отпустила,
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можно бъ изъ нея по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать;
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу,
То есть я близорукъ, — лорнета ненавижу;
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутской наборъ и мой годится станъ.

Вотъ все, что мнѣ на крестъ природа положила!
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила,
Но вмѣстѣ все смѣшавъ, нельзя ей попѣнять,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.
Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно:
Учился я всему, чему придумать можно;
Да что-то я на все тупенекъ смалу былъ:
Иное не далось, иное позабылъ.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки;
Латынь, одну латынь — по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ—и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А Математики совсѣмъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ ни смучалъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну.
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного,
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меня ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно пріучали;
Но всуе затѣвать, чего нѣтъ на роду:
Не только что съ коня, съ клячонки упаду.
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ,
Итакъ въ моихъ словахъ пожалуй будь увѣренъ.
Учился я всему, но былъ успѣхъ въ томъ плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скамарохъ:
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю.

Спасибо, что хотя на что-нибудь да гожъ! —
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень
схожъ;
Жаль только, что моя пропала штукатура!
Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать-натура.
Слыхалъ я отъ жены, что-будто я уменъ;
Быть можетъ, что и впрямъ въ своемъ углу
смышленъ.
Когда о чемъ-нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства, не все же повираю.
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ ни-
какъ;
А то вить скажутъ всѣ: какой-ста онъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ, я право не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умной, не
гожуся.
Не чванъ ли я? — О, нѣтъ! и если бъ знатенъ
былъ,
За всякой бы поклонъ поклономъ я платилъ.
Самолюбивъ ли я?—Къ несчастью, очень много,
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять?
Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять?
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе
Съ развратными людьми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря о правдѣ каждый часъ,
Все бойся, какъ бы имъ не трафить камнемъ въ
глазъ?
Пріятно ль встрѣтить вдругъ на рыцарской хо-
дули
Того, кто въ цѣлый вѣкъ не видывалъ и пули?

Что хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ гордо бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что [illegible] онъ [illegible];
А ты, когда предъ нимъ какъ подлый рабъ сто-
ишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь.
Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю;
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ,
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ.
Я вспыльчивъ, но во мнѣ духъ злобы не гнѣздится
И мщеніемъ моя душа не возгорится.
Коварствовать ни съ кѣмъ не смыслю никогда,
И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда.
Здоровьемъ не богатъ, однако же доволенъ,
И, слава Богу! я не очень часто боленъ.
Въ герои не влечетъ меня мой тихій шагъ;
По склонности ушелъ отъ рыцарскихъ отвагъ.
Не зная, лучше что изъ этихъ двухъ игрушекъ:
Пырнуть ножемъ въ углу, иль дать туза изъ
пушекъ,
По логикѣ моей давно расположилъ,
Что такъ ли, или сякъ, да плохо, какъ убилъ.
Мнѣ мамки натвердя: вонъ, батюшка-князь, бука!
Пугнули такъ, что я боялся долго жука;
А нынче, какъ ужъ сталъ примѣрно смышленѣй,
Такъ только лишь однихъ боюсь, мой другъ —
людей,
И для того отъ нихъ поодаль часто жмуся,
Изъ-за угла на ихъ проказы я смѣюся: —

Подобно какъ въ лѣсу громовою стрѣлой
Падетъ, разбитъ въ щепы, кудрявый дубъ большой;
Громадою его весь мелкій лѣсъ разится;
Что прежде защищалъ, то вмигъ стремглавъ валится;
Въ то жъ время деревцо въ кустарникѣ глухомъ,
Гдѣ чуть-чуть раздались стихіевъ пря и громъ,
Отъ солнышка въ тѣни, отъ бурь въ уединеньи
Разгнѣванныхъ небесъ не чувствуетъ волненья.
Природа не дала мнѣ больше сихъ даровъ;
Весь тутъ, какъ видишь ты, и безъ обиняковъ.
Но спросишь ты меня, чѣмъ въ жизни наслаждаюсь,
И въ праздности какой забавой занимаюсь? —
Мой другъ! отъ картъ меня уволить я прошу,
Бостону жертвы я совсѣмъ не приношу;
За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться, —
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться.
О, женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю;
За васъ—для васъ—по васъ я многое стерплю!
Лишь взвижу гдѣ карнетъ, — пропалъ душой и тѣломъ!
Не думай, чтобъ шутилъ; нѣтъ право, самымъ дѣломъ.
Какихъ краевъ и лицъ я женщину ни зрю,
Готовъ для всякой храмъ и сердцемъ всѣхъ дарю.
Премудрости боговъ, о, ты, залогъ прекрасный!—
О, женщины! какой не любитъ васъ несчастный?
При васъ я и крохамъ сухого хлѣба радъ;
Безъ васъ — не надо мнѣ и мраморныхъ палатъ.

Причины у всего просилъ я околотка,
Почто я весь не свой, какъ встрѣтится кра-
сотка;
Всякъ бредитъ свой доводъ, а кажется всѣ врутъ.
Что нужды, пусть меня Сердечкинымъ зовутъ;
Купиду, вѣрь мой другъ, никто не одолѣетъ,
И всякъ изъ насъ его по-своему лелѣетъ.
Доколѣ свѣтъ стоитъ и смертныхъ родъ жи-
ветъ,
Отъ женщинъ насъ ничто нигдѣ не отвлечетъ.
Всѣ моды проходя, одна другой смѣнялась:
Мужчины то въ шишакъ, то въ шали наряжались;
Бывало, какъ изволь, вездѣ безъ помышленья ври;
А нынче сядь за столъ, и дѣлай de l'esprit.
Вѣкъ на вѣкъ не придетъ: то вдругъ затѣютъ
драться,
То примутся пахать, хозяйствомъ заниматься;
Теперь же посмотри (когда весь міръ вверхъ
дномъ),
Мужчина за канва, а женщина верхомъ.
Прости — я отъ моей матеріи отбился;
Но къ слабостямъ людскимъ отчасти устремился
На тотъ одинъ конецъ, чтобъ дѣломъ доказать,
Что тотъ же вкусъ всегда не можетъ насъ плѣ-
нять.
И такъ среди всего, что толь непостоянно,
Амуръ! хоть отъ тебя сердцамъ людскимъ изъ-
яино,
Амуръ! одинъ лишь ты съ Адамовыхъ временъ
Дань бралъ и будешь брать со всѣхъ земныхъ
племенъ.

Адамъ въ раю одинъ за Евою гонялся,
Потомство тѣмъ взманилъ, — весь свѣтъ съ
тѣхъ поръ влюблялся,
Но съ той по временамъ и людямъ разнотой,
Что всѣ любезны быть имѣли способъ свой.
Лѣтъ триста, напримѣръ, назадъ тому, я чаю,
Любовникъ не пѣвалъ: Ахъ! я васъ обожаю!
Гуляфною водой распрысканный Синавъ
Славянскимъ красотамъ не трафилъ бы на нравъ;
Детрейшѣ Генрихъ самъ не такъ бы полюбился,
Когда бы прочь усы и въ фрачекъ нарядился;
И также врядъ теперь понравится паша,
Который, снявъ чалму, проскачетъ антраша.
Но, впрочемъ, всякъ свою красоточку голубитъ!
Владыка подъ вѣнцомъ, мужикъ въ отрепьяхъ
любитъ.
За что же одного винить въ любви меня?
Желалъ бы посмотрѣть, кто жъ въ этомъ и не я?
Я думаю. что ты, мой другъ нелицемѣрный,
Доволенъ долженъ быть картиною столь вѣрной.
Прости! . . . пора письмо на почту отсылать;
Въ Москвѣ всему свой часъ, боюся опоздать.
Люби Jeannot; хоть онъ дѣтина незадорный,
Но будетъ навсегда слуга твой всепокорный.

НИЗОВАЯ ПОВѢСТЬ.

А н а!

— Quel plaisir au retour!
Quand le soir prés du feu on se raconte ensemble
Ce qu'on a vu tel jour, en tel endroit: il semble
Qu'on le revoye encore, en se le racontant.

—

Я люблю путешествовать. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ въ ясное лѣто переноситься съ мѣста на мѣсто, разсматривать безчисленныя красоты природы, разбросанныя всюду на лицѣ земли, и въ чувствѣ сладкаго удовольствія дивиться дѣламъ небеснаго Верхотворца. Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ располагать временемъ въ полной свободѣ, отсрочивать отъѣздъ свой тамъ, гдѣ ему нравится, и уѣзжать немедленно оттуда, гдѣ соскучилось! Какъ весело, летая такимъ образомъ изъ края въ край, узнавать, чтò, гдѣ, когда случилось примѣчательнаго!

Нѣкогда въ первой молодости моей случилось мнѣ странствовать, изъ одного любопытства, по берегу Волги-рѣки въ селеніяхъ, лежащихъ между Саратовымъ и Астраханью. По привычкѣ, родившейся во мнѣ отъ меланхолическаго свойства, я любилъ всегда отыскивать дикія мѣстоположенія. Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ дней, проѣхавъ преднамѣренное разстояніе, я, за

Адамъ въ раю одинъ за Евою гонялся,
Потомство тѣмъ взманилъ, — весь свѣтъ съ
тѣхъ поръ влюблялся,
Но съ той по временамъ и людямъ разнотой,
Что всѣ любезны быть имѣли способъ свой.
Лѣтъ триста, напримѣръ, назадъ тому, я чаю,
Любовникъ не пѣвалъ: Ахъ! я васъ обожаю!
Гуляфною водой распрысканный Синавъ
Славянскимъ красотамъ не трафилъ бы на нравъ;
Детрейшѣ Генрихъ самъ не такъ бы полюбился,
Когда бы прочь усы и въ фрачекъ нарядился;
И также врядъ теперь понравится паша,
Который, снявъ чалму, проскачетъ антраша.
Но, впрочемъ, всякъ свою красоточку голубитъ!
Владыка подъ вѣнцомъ, мужикъ въ отрепьяхъ
любитъ.
За что же одного винить въ любви меня?
Желалъ бы посмотрѣть, кто жъ въ этомъ и не я?
Я думаю, что ты, мой другъ нелицемѣрный,
Доволенъ долженъ быть картиною столь вѣрной.
Прости! . . . пора письмо на почту отсылать;
Въ Москвѣ всему свой часъ, боюся опоздать.
Люби Jeannot; хоть онъ дѣтина незадорный,
Но будетъ навсегда слуга твой всепокорный.

НИЗОВАЯ ПОВѢСТЬ.

Аиа!

— Quel plaisir au retour!
Quand le soir prés du feu on se raconte ensemble
Ce qu'on a vu tel jour, en tel endroit: il semble
Qu'on le revoye encore, en se le racontant.

—

Я люблю путешествовать. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ въ ясное лѣто переноситься съ мѣста на мѣсто, разсматривать безчисленныя красоты природы, разбросанныя всюду на лицѣ земли, и въ чувствѣ сладкаго удовольствія дивиться дѣламъ небеснаго Верхотворца. Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ располагать временемъ въ полной свободѣ, отсрочивать отъѣздъ свой тамъ, гдѣ ему нравится, и уѣзжать немедленно оттуда, гдѣ соскучилось! Какъ весело, летая такимъ образомъ изъ края въ край, узнавать, что̀, гдѣ, когда случилось примѣчательнаго!

Нѣкогда въ первой молодости моей случилось мнѣ странствовать, изъ одного любопытства, по берегу Волги-рѣки въ селеніяхъ, лежащихъ между Саратовымъ и Астраханью. По привычкѣ, родившейся во мнѣ отъ меланхолическаго свойства, я любилъ всегда отыскивать дикія мѣстоположенія. Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ дней, проѣхавъ преднамѣренное разстояніе, я, за

нѣсколько верстъ отъ ночлега, вышелъ изъ кибитки и пошелъ до мѣста пѣшкомъ. Солнце было на закатѣ, луна выходила на горизонтъ и блѣдный лучъ ея посеребрялъ тихія воды исходящаго изъ Волги протока. Тутъ овладѣло мною какое-то внутреннее предчувствіе, что, вѣрно, въ сихъ мѣстахъ встрѣтится глазамъ моимъ предметъ, достойный особеннаго вниманія; ускоривъ шагъ, я дошелъ до прелестной лужайки. Попадались мнѣ четы юношей и взрослыхъ мужиковъ съ ихъ женами. Иные сокращали путь свой (видно, не близкой) деревенскими пѣснями, сими непорочными свидѣтельствами чувствъ поселянина; другіе съ нахмуреннымъ челомъ, бесѣдуя между собою, показывали наружными знаками свое изумленіе. Шумъ и толпа мѣшали мнѣ углубляться въ свои мечты; я шелъ отъ нихъ стороной и пробирался прямо въ тотъ лѣсокъ, изъ котораго возвращались по домамъ своимъ добрые сіи жители глухихъ азіятскихъ степей. По нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ колодецъ. Разбросанныя вокругъ его ведра и всякая посуда, омоченная еще водою, показывали мнѣ, что путешественники тутъ отдыхали и прохлаждались. Вблизи колодца стоялъ бѣлый простой камень съ надписью: «*Онъ былъ, и нѣтъ его.*» По надписи такой мудрено было мнѣ, безъ помощи другого, дознаться, кому сей камень служилъ мавзолеемъ. Осматривая все вокругъ себя съ примѣчаніемъ, я мысленно вопрошалъ небеса: кто кости свои положилъ въ такомъ

уединенномъ мѣстѣ? кто почилъ навѣки при семъ потокѣ водъ прозрачныхъ? — Ничто не отвѣчало моему воображенію. Рѣшился идти далѣе, не теряя однако изъ виду сказаннаго памятника. Еще отошелъ немножко, еще ступилъ два раза, — и новая явилась очамъ моимъ картина: подъ тѣнью многихъ ивъ, сплетшихъ густыя свои вѣтви и давшихъ пѣшеходу отъ дождя и зноя защиту, стояла бѣдная хижина, отъ древности своей приклонившаяся къ землѣ, и внутрь ея входить, казалось, уже не безопасно. Я осмѣлился туда проникнуть. Ближе двухъ шаговъ отъ порога прислоненъ къ стѣнѣ убогій одръ, надъ которымъ вырѣзаны были изъ прекраснѣйшаго розоваго деревца, въ тамошнихъ краяхъ весьма обыкновеннаго, по имени *каторги*, три буквы; слагающій ихъ выговаривалъ: *Ана*. Сильнѣе всего удивило меня въ этомъ сокрытомъ отъ наукъ убѣжищѣ (ибо какъ иначе можно было судить о немъ по описанной наружности?) цѣлый листъ бумаги, исписанный кругомъ. Я развернулъ свитокъ, нашелъ стихи, и къ нимъ служу читателю настоящимъ предисловіемъ. Прочтя ихъ съ жадностью разъ и два, но не смѣя надѣяться на свою память, съ другой стороны, не желая бросить ихъ безъ вниманія, еще менѣе готовъ будучи похитить, почитая все, что тутъ находилъ, какъ жертву, принесенную безподобному созданію чувствительнымъ пустынникомъ, я разсудилъ воспользоваться сіяніемъ луны, чтобъ сохранить списокъ, вышелъ изъ хижины, уви-

дѣлъ близко холмъ, взбѣжалъ на оный съ хартіею въ рукахъ, и, ставъ на одно колѣно предъ лучезарнымъ свѣтиломъ ночи, а другимъ замѣня столъ, вынулъ изъ записной своей книжки лоскутокъ бѣлой бумаги, карандашъ,—и въ минуту копія стиховъ была моимъ пріобрѣтеніемъ; потомъ, отнеся подлинникъ во храмину неизвѣстнаго мнѣ старца (но нѣтъ, они уже не его; кто умеръ, тотъ ни чѣмъ не владѣетъ), оставилъ его у возглавія одра, и съ подобающимъ нѣкоему божеству уваженіемъ трикратно поклонясь начертанному слову, воротился къ своей повозкѣ. Трудно ли отгадать, что мнѣ не столько хотѣлось найти и достигнуть до ночлега, успокоиться, располагать новыя затѣи къ завтраму, описывать гдѣ былъ сего дни, для чего же не прибавить — и отужинать, какъ узнать, что̀ все это значило. Жаль было мнѣ, что я не догадался взять съ собой проводника изъ попавшейся толпы гулякъ; вѣрно, думалъ я, они здѣсь были и часто сюда ходятъ; вѣрно, они всю тайну знаютъ волшебнаго этого края; для меня по истинѣ волшебнаго потому, что ничего не могъ въ немъ понять догагкою. — Кто она? кто онъ? безпрестанные были самому себѣ вопросы. — Придумывая тысячу вѣроятностей, добрелъ я до повозки, сѣлъ на блукъ, ударилъ тройку и тотчасъ очутился въ деревушкѣ. Мелькающіе сквозь маленькихъ стеклышекъ огоньки помогли мнѣ разглядѣть, гдѣ спокойнѣе я могъ пріютиться. Наконецъ вводитъ меня слуга въ избу.

Нахожу благословенную патріархальную семью престарѣлыхъ родителей, двухъ сыновей съ женами, двухъ дочерей съ мужьями, нѣсколькихъ внучатъ и двухъ правнучатъ въ люлькѣ. Всякой членъ сего почтеннаго общества занимался своимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ старички, подобящіеся Аврааму и Саррѣ, слушали изустную повѣсть отъ старшаго ихъ внука о самомъ томъ мѣстѣ, съ котораго я пріѣхалъ. Сѣвши съ ними рядомъ я, не безпокоясь дымомъ отъ лучины, спрашиваю: Скажи, мой другъ, и мнѣ, что это за пещера, что за камень? кто она? кто онъ?— Сѣдой мужичекъ съ нѣжной ласкою пробормоталъ внуку: «Начни, Петруша, сызнова: пусть баринъ послушаетъ.» Петруша бросился къ старикамъ на шею; дѣдъ и бабка его облобызали, и я, стократно благословляя добродушное семейство, готовился слушать занимательный разсказъ. Не намѣренъ будучи ничего къ нему прибавить, помѣщаю здѣсь въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія юноша умѣлъ употребить въ своемъ разговорѣ. Когда сердце тронуто, наборъ словъ пустое преимущество. Прекрасно изъясняется всякой тотъ, кто, много чувствуя самъ, почувствовать заставляетъ и другого. «Видишь ли, баринъ! года за два умеръ здѣсь, въ «избенкѣ, подъ ветлами, старикъ. Богъ знаетъ «изъ какого онъ роду; только человѣкъ былъ «хорошій и добра дѣлалъ много. Лѣтъ съ 20 «какъ онъ здѣсь поселился; по зимамъ приставалъ у насъ, а лѣтомъ живалъ въ хижинѣ. Какъ

«пришло ему отдавать душу Богу, онъ узналъ «свой конецъ и пошелъ къ колодцу, а подъ «тотъ часъ ѣхала барыня въ Москву, такая пре-«красная! весь околотокъ величалъ ее красави-«цей, да и проѣзжая наши боярченки ино мѣсто «пріѣзжаютъ изъ Москвы въ свои вотчины, всѣ «и нахвалиться не могутъ; ну знаешь, что такое «хороша: такъ вотъ она-то подлинно, баютъ, «хороша.—Старикъ нашъ ее увидѣлъ; она долго «на него смотрѣла, вышла къ нему изъ кареты, «а онъ что-то ей долго разсказывалъ, да съ раз-«говору-та, што ли, надсѣлся, или такъ уже на-«писано было на роду его, пришелъ къ колод-«цу, подышалъ немного—и умеръ. Боярыня по-«плакала надъ нимъ, дала въ деревнѣ денегъ, ве-«лѣла при себѣ похоронить, и бумагу-то, что̀ «въ хижинѣ лежитъ, она же, какъ съ ней онъ «говорилъ, такъ и написала; послѣ и камень «этотъ изъ вотчины своей прислала: а намъ «крѣпко-на-крѣпко наказала, чтобы ни бумаги въ «шалашѣ и ничего тамъ не трогали; а сама те-«перь живетъ въ Москвѣ. Мы сюда всякой «праздникъ ходимъ гулять, старичка поминаемъ, «а ей долгихъ лѣтъ у Бога молимъ.» —

Прослушавъ повѣсть, сообразя ее съ стихами и взявъ всѣ нужныя о той красотѣ свѣдѣнія, пріѣхалъ я въ началѣ осени въ Москву. Разсѣянная столичная жизнь, безпрерывныя забавы, многочисленныя собранія доставили мнѣ случай найти такъ называемую *Ана*.. — Имѣвъ счастіе съ ней познакомиться, узнавъ качества ея души,

изящность характера, чувствительное сердце, образованный умъ и прекраснѣйшія черты лица, я согласился скоро съ умершимъ ея обожателемъ, что Ана есть одно имя, которымъ ее называть можно. — Знакомые мои часто отъ меня слыхали: Ана была тутъ, Ана сидѣла тамъ, Ана-то то сказала на вопросы всѣхъ; да кто жъ Ана? Я не умѣлъ ничего иного отвѣчать, какъ повторять стократно Ана. Чѣмъ постояннѣе я давалъ такой отвѣтъ, тѣмъ сильнѣе любопытствовали вопросчики; и наконецъ день ото дня больше и больше почти всѣ видавшіе ее привыкли соглашаться со мною, и съ тѣмъ, съ кѣмъ я соглашался, что безпримѣрная красота не равняетъ ее ни съ кѣмъ, и что, будучи единственна въ своемъ полѣ многими рѣдкими пріятностями, ей нѣтъ наименованія приличнѣе, какъ Ана. Истина сія столь общественно всѣми принята, что нынѣ всякой, или всякая, сказавъ другу и подругѣ своей Ана, увѣренъ, что особа, такъ названная отгадана безъ ошибки.

Нашлись между знакомыми моими люди, кои желали все это прочесть; угождая имъ, я написалъ и напечаталъ мою повѣсть. Жаль, что не далъ мнѣ Аполлонъ дарованій россійскаго Флоріана; всякой играетъ на своей дудкѣ какъ умѣетъ. Истина происшествія и снисходительное мое послушаніе пусть извинятъ недостатки слога. Всѣмъ извѣстно, что судъ надъ моей прозой любителями словесности произнесенъ; что лежитъ до найденныхъ мною стиховъ, съ которыми, по сказа-

нію одного ученаго, я лучше *управляюсь*, нежели съ прозой, я ихъ выдаю здѣсь точно такими, каковы они лежатъ въ хижинѣ. Всякой можетъ ихъ самъ прочесть, если кому угодно отъ избытка денегъ—ибо нынѣ путешествовать не дешево, — съѣздить до мѣста. По необходимости, я прибавилъ послѣдній стихъ; разумѣется, что мертвецъ говорить о себѣ не можетъ. Все въ этой піесѣ подвержено критикѣ, я это знаю, и защищать противъ оной не берусь. — Къ извиненію старичка, скажу только, что, изнурившись долговременною жизнію, достигши недужной старости въ такія лѣта, когда многіе еще бодрствуютъ и къ жизни новыми узами привязываются, онъ не могъ страсти своей изъяснить по правиламъ грамматики и по внушеніямъ стихотворскаго духа, напитаннаго эстетическими правилами. Не умъ его, душа лишь говорила, а на чувства Синтаксиса еще никто не сочинилъ; всякой заимствуетъ ихъ отъ природы. — Я написалъ мою сказку, или быль, какъ кому угодно, въ память путешествію, которое доставило мнѣ различныя пріятности. Когда читать ее буду, стану воображать, что я тамъ, гдѣ все описанное случилось; представлю себѣ хижину, блѣдныя уста уединеннаго старца, къ которымъ хладъ смерти уже прикоснулся, но отверзающіяся еще для произношенія слова *люблю*; представлю ту руку, лобзаніями московскихъ жителей обремененную, которая начертала послѣднія его признанія, и трупъ его землей покрыла — мечты сіи дадутъ

и мнѣ вновь почувствовать, что сердце мое еще бьется для тѣхъ же чувствованій. — Читая повѣсть сію въ кругу моихъ пріятелей, въ семьѣ своей лѣтомъ въ саду, зимой у камина, я буду убѣждаться и утверждать другихъ въ той непреложной истинѣ, что любовь непорочная есть лучшее достояніе человѣчества; что чувство ея родится вмѣстѣ съ нами и провожаетъ насъ въ могилу; что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всякомъ возрастѣ, на всякомъ мѣстѣ, въ улыбкахъ юношества и въ стенаніяхъ скорбной старости любовь владычествуетъ надъ нами, и сердце наше перестаетъ огнемъ ея пылать тогда только, когда гробовая доска скрываетъ оледемѣлый трупъ нашъ въ мрачное земли упокоеніе.

1.

Не въ громкой одѣ прославляю
Тебя, владычицу сердецъ,
Не въ пѣсни томной напѣваю
Моихъ унылыхъ дней конецъ;
Кто прямо чувствовать умѣетъ,
Любви прямой кто жаромъ тлѣетъ,
Тотъ молча страсти кажетъ видъ:
Не красными любовь рѣчами,
Но пламенными лишь очами
Отъ сердца сердцу говоритъ.

2.

Любовь! . . . тебя я не боялся.
Смиря въ пустынѣ яркій нравъ,

Уже вратъ смерти я касался,
Недуги старости узнавъ;
Въ моемъ убѣжищѣ смиренномъ,
Ветлою мрачной осѣненномъ,
Твои тревоги забывалъ;
Міровъ Создателю превѣчну
Повѣдавъ тайну всю сердечну,
Конца своей кончины ждалъ.

3.

Кто знаетъ, думалъ я, иль нынѣ,
Иль завтра мой послѣдній день;
По общей смертныхъ всѣхъ судьбинѣ
Съ лица земли сотрусь какъ тѣнь.
Въ такомъ печальномъ размышленьи
Забывъ мірскія наслажденьи,
Я вышелъ въ близлежащій путь —
Къ источнику воды холодной,
Простеръ послѣдній шагъ свободный,
Чтобъ разъ на солнышко взглянуть.

4.

О, Боги! сонъ ли мнѣ явили,
Или самихъ себя вы тамъ?
Чьимъ зракомъ духъ мой возмутили
Отверзтымъ сущимъ небесамъ?
Подобно Ангелу видѣнье,
Природы лучшее творенье
Я въ видѣ женщины узрѣлъ'
Собранье всѣхъ красотъ небесныхъ.

Доселѣ смертнымъ неизвѣстныхъ,
Мнѣ поздно рокъ познать велѣлъ.

5.

Скажи, кто ты? въ тебѣ съ кѣмъ вижусь?
О, безподобная жена!
Полвѣка я на свѣтѣ движусь,
А не встрѣчалась мнѣ Ана.
Ана! но кто? недоумѣю,
Назвать ее я не умѣю.
Ана подобна лишь себѣ.
Земля тебѣ престолъ поставитъ,
Твою красу трубой прославитъ,
Но имени не дастъ тебѣ.

6.

Чело, покрыто сѣдинами,
Я преклоняю предъ Тобой:
Продли еще хотя часами
Животъ, о, Боже! скорбный мой!
Твоихъ чудесъ все совершенство,
Грядуща царствія блаженство
Я зрю и ощущаю днесь;
Дай мнѣ симъ взоромъ насладиться,
Какъ новымъ свѣтомъ озариться!
Не гробъ, но рай мой будетъ здѣсь.

7.

Умы строптивыхъ обличатся,
И гордаго смирится бровь;
Во нравы ею насадятся
Щедроты, кротость и любовь.

Ея глаза всѣхъ глазъ умнѣе,
Ея уста всѣхъ устъ скромнѣе:
Все благо, мило, важно въ ней;
Ея душа какъ твердый камень,
Котораго безстудства пламень
Не тронетъ пылкостью своей.

8.

Но я, носимъ волнами жизни,
Уже къ пристанищу притекъ;
Спѣшу въ предѣлы той отчизны,
Куда влечется человѣкъ.
Я много лицъ прекрасныхъ знаю;
Но что въ твоихъ чертахъ встрѣчаю,
Того ни въ чьемъ я не видалъ!
Едва въ небесномъ вертоградѣ
Быть можетъ духъ въ такой отрадѣ,
Какую мнѣ твой образъ далъ.

9.

Житейскихъ бѣдъ понесъ бы бремя,
Презрѣвъ злосчастья тверду связь,
Хотѣлъ бы вѣчности жить время,
Когда бъ дышалъ, любовью льстясь;
Но коль любезну быть неложно,
И самому любить не можно,
Что пользы землю тяготить?
Безъ нѣжныхъ чувствъ взаимной страсти
Чужи радости — напасти,
А собственнымъ нельзя и быть.

10.

Свершай свой путь, о, диво міра!
Тебя повсюду жертвы ждутъ.
Бояровъ сонмъ, піитовъ лира
Хвалы стократны воздадутъ.
Вкуси соблазны громкой славы;
Но не забудь среди забавы,
Что взоръ твой старца здѣсь плѣнилъ,
Который радость быть съ тобою
Цѣнилъ престоловъ всѣхъ цѣною,
И мало тѣмъ еще цѣнилъ.

11.

Когда жъ мои зеницы ока
Сомкнутся смерти вѣчнымъ сномъ,
И запустенья тма глубока
Падетъ на сей древесный домъ, —
Приди мой прахъ омыть слезою,
Вселить во гробъ своей рукою,
Сказавъ, что жаль меня тебѣ!
Сію чувствительности жертву
Воздай, молю тебя, мнѣ мертву!
— — — — — — — —
Онъ рекъ, вздохнулъ, и се не бѣ.

Самому себѣ.

Одинъ, размысляся въ кабинетѣ,
Спросилъ отчета у себя:
За что между всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ
Одну лишь я люблю тебя!

Въ тебѣ что̀ такъ мнѣ полюбилось?
За что̀ ты прочихъ всѣхъ милѣй?
Или ты для того родилась,
Чтобъ былъ я жертвою твоей?

А ты, чтобъ, бывъ одна безстрастна,
Имѣла случай показать,
Что ты любовника несчастна
Способна мучить и терзать?

Въ тебѣ такое что-то вижу,
Чего въ другихъ совсѣмъ не зрю;
И что̀ въ иныхъ я ненавижу,
Въ тебѣ то жъ самое люблю.

Съ другими часто въ разговорѣ
Бываю веселъ и шутливъ:
Съ тобой при всякомъ твоемъ взорѣ
Я что-то робокъ и стыдливъ.

Когда заочно представляю
Твои пріятности себѣ,

Я сердца сколь ни увѣряю,
Что много равныхъ есть тебѣ;

Мой умъ ихъ сотнями считаетъ:
Но лишь тебя завижу —
Сравненье тотчасъ пропадаетъ,
И ты милѣй всѣхъ для меня.

Что жъ дѣлать мнѣ теперь осталось?
Коль сердце борется съ умомъ,
Велѣть, — чтобъ сердце покорялось;
Хочу — да нѣтъ удачи въ томъ.

И силъ довольныхъ не имѣю
Біенье сердца утолить.
Я ими живъ; я лишь умѣю
Тебя, какъ жизнь мою, любить!

Какое злое состоянье,
Изъ бѣдъ первѣйшая бѣда:
Терять любовное вздыханье,
Не зря взаимности слѣда.

Но, знать, судьбинѣ такъ угодно,
Готовя адъ мнѣ въ жизни сей,
Чтобъ чувство, всѣмъ намъ столько сродно,
Души не трогало твоей;

Чтобъ ты милѣй мнѣ всѣхъ казалась,
Чтобъ отъ тебя съ ума сходилъ;
Чтобъ ты отъ глазъ моихъ скрывалась,
А я — чтобъ все тебя любилъ!

Дружбѣ.

Amitié! tu regnas dans les beaux jours de Rhée.
Colardeau.

О, дружба! кто тебя не знаетъ,
Не знаетъ тотъ и красныхъ дней,
Въ минутахъ скучныхъ убиваетъ
Все время сладкой жизни сей.
Ужъ ли, раждая смертныхъ боги,
Бываютъ къ нимъ толико строги,
Что тартаръ здѣсь хотятъ создать?
Не вѣрю. — Жизнь есть даръ священный,
А дружба — способъ драгоцѣнный
Ее спокойно провождать.

За что мы жизнію скучаемъ,
Найдемъ причину внутрь себя,
Природѣ вѣчно досаждаемъ,
Живемъ другъ друга не любя.
Мы дышемъ въ зависти и злобѣ
И съ сердцемъ каменнымъ въ утробѣ
Одинъ другому строимъ ковъ.
Когда бъ лукавства не имѣли,
И къ ближнимъ дружбой пламенѣли,
Не такъ бы былъ нашъ рокъ суровъ.

Вы сами, люди, въ томъ виною,
Что вамъ приходитъ тошно жить;

Вы такъ убиты клеветою,
Что уже не смѣете любить!
Взгляните въ отдаленны вѣки. . .
Тамъ просто жили человѣки,
Какъ-будто бы одна семья;
Между собой, не ставя въ муку,
Дѣлили временную скуку,
Въ услугахъ радость находя.

Любили со вниманьемъ строгимъ
Въ чужой участвовать судьбѣ;
Тогда бывало грустно многимъ,
Коль одному не по себѣ:
За то стояли тверже грады,
Спокойства были въ нихъ ограды
Страхъ Божій — стыдъ — и трепетъ зла;
Граждане въ бунтахъ не кружились,
Цари спокойно спать ложились,
Любовь народъ и тронъ брегла.

За что мечтать напрасно нынѣ,
Что наше время — время бѣдъ?
Что предковъ нашихъ лишь судьбинѣ,
Присвоенъ былъ ко счастью слѣдъ?
Природа видъ свой не мѣняетъ:
Насъ то же солнце освѣщаетъ,
Небесъ насъ кроетъ тотъ же сводъ,
Подъ коимъ дѣды наши жили; —
Тому жъ Творцу они служили;
Ихъ Богъ есть нашъ — онъ Богъ щедротъ!

Люби — и будешь счастливъ въ мірѣ . . .
Чего иного въ немъ желать,
Хоть въ низкой долѣ, хоть въ порфирѣ,
Какъ духъ свой дружбою питать?
Она съ небесъ на землю сходитъ,
Съ собою рай отрадъ низводитъ:
Что выше искренней любви? —
Не о страстяхъ здѣсь разсуждаю;
Ребячій бредъ сей забываю:
Угасъ ихъ жаръ въ моей крови.

Но другъ—что̀ можетъ съ нимъ сравниться!
Онъ стражъ сердечной тишины.
Когда нашъ рокъ отяготится,
Когда страдаемъ безъ вины
Во обстоятельствахъ насчастныхъ
И въ разныхъ случаяхъ опасныхъ, —
Онъ намъ совѣтъ, опора, щитъ;
Онъ скромныхъ нашихъ тайнъ хранитель,
Онъ нѣжный нашъ благотворитель,
За насъ и жизни не щадитъ.

Врага ли сильнаго робѣю,
Убожество ли я терплю,
Въ совѣтѣ ль надобность имѣю,
Подъ игомъ немощей скорблю, —
Къ кому прибѣгну, какъ не къ другу?
Онъ мнѣ готовъ явить услугу
Заочно такъ, какъ и въ глаза;
А если слабъ помочь найдется,

По крайней мѣрѣ хоть сольется
Съ моей слезой его слеза.

Слеза любви — она дороже
Милльоновъ многихъ въ лютый часъ.
Въ участьи друга вижу, Боже!
Всещедрый промыслъ Твой о насъ.
Когда любя насъ наказуешь,
Непостижимо Самъ врачуешь;
То чувство дружбы намъ явитъ.
Съ ней золъ безъ гнѣва сноситъ бремя,
Съ ней жизни скоротечно время
Какъ чистый ключъ воды бѣжитъ.

Колико бъ мы счастливы были,
Когда бъ, сей истиной плѣнясь,
Узлами дружества скрѣпили
Необходиму смертныхъ связь!
Тогда бы жизнь намъ полюбилась,
Благопріятство бъ водворилось
Равно въ шалашъ, какъ и въ чертогъ;
Престали бъ мы роптать напрасно
И безъ ума твердить всечасно:
На что меня Ты создалъ, Богъ?

Такой вопросъ мнѣ не понятенъ;
Онъ выше смысла моего.
Мнѣ всякой въ жизни день пріятенъ,
И не кляну ни одного.
Я утру радъ, когда проснуся,
Въ гостяхъ и дома веселюся,

Живу въ кругу честныхъ людей,
Чужому счастью не ревную,
На жребій свой не негодую,
Люблю, любимъ въ семьѣ моей.

Пускай иной мнѣ не повѣритъ;
Кто недовѣріемъ смущенъ,
Тотъ мнитъ, что всякой лицемѣритъ.
Что хочешь мни, — но я блаженъ!
Сіе сокровище велико!
Не царь, — царей даетъ Владыко;
Оно со мною родилось.
Веселый нравъ, воображенье,
Простое сердца обращенье,
Все это даромъ мнѣ пришлось.

Не въ кучѣ толстыхъ книгъ мудреныхъ
Души спокойство я стяжалъ —
Оно бѣжитъ людей ученыхъ;
А я изъ опытовъ узналъ,
Что много вѣдать есть лишь мука;
Что всѣхъ нужнѣй одна наука,
Дабы счастливу въ свѣтѣ быть,
Царя небеснаго бояться,
Царю земному покоряться,
Блюсти свой долгъ, людей любить.

Иной не требую морали;
Съ ней счастливъ добрый человѣкъ:
Она смягчитъ его печали,
Онъ въ клятвахъ не скончаетъ вѣкъ. . . .

Тебѣ я сердце посвящаю,
Тебя въ немъ, дружба! заключаю;
Будь въ немъ, пока въ немъ живи духъ!
И сколько злоба всѣхъ ни жалитъ,
Во мнѣ спокойства не умалитъ;
Залогъ мнѣ въ томъ — душевный другъ!

Восхищенье.

Pour moi je l'avouerai soit raison ou foiblefse,
J'aime à deifier tout ce qui m'interesse,
Et quand un plaifir pur vient m'animer mon coeur
Enyvré du bienfait, cherche le bienfaiteur.

—

Дня, въ который ты родилась,
Вожделѣнная заря
Въ третій разъ возобновилась,
Во мнѣ чувства тѣ же зря;
Съ новой радостью встрѣчаю
Милой день душѣ моей,
Съ новымъ жаромъ ощущаю
Быстрый взоръ твоихъ очей.

Оторвись отъ недосуга
Для меня хотя на мигъ,

И позволь, чтобъ голосъ друга
До тебя въ сей день достигъ,
Чтобъ отъ сердца постоянна
Онъ успѣлъ тебѣ сказать,
Сколь готовъ я безпрестанно
Твоей волѣ угождать.

Каждый шагъ мой есть залогомъ,
Что всечасно мысль моя
Предъ тобой, какъ передъ Богомъ,
Безъ лукавствъ, открыта вся;
Всѣ дѣла до днесь казали
Самымъ опытомъ тебѣ,
Что я всѣ твои печали
Взялъ охотно бы себѣ.

Ты свидѣтель всѣхъ вѣрнѣе,
Сколько я тебя люблю;
Ты всѣхъ вѣдаешь скорѣе,
Когда веселъ, иль терплю;
И какъ много человѣки
Дружбы нѣжность ни цѣнятъ,
Не восчувствуютъ вовѣки
Со мной равныхъ въ ней отрадъ.

Если можетъ другъ нашъ милый
Успокоить нашу грудь,
Удержать въ ней вздохъ унылый,
Такъ увѣрена въ томъ будь,
Что ни кто во всей вселенной
Не имѣетъ правъ, какъ ты,

Въ полной мѣрѣ преблаженной
Вкушать жизни красоты.

Оставляю равнодушнымъ
Долгъ обычая хранить
И съ привѣтствіемъ имъ скучнымъ,
Безъ любви, къ тебѣ идтить.
Я и сердцемъ и словами
Отличаюся отъ нихъ;
Не бѣгу къ тебѣ съ дарами,
А несу мой бѣдный стихъ

Когда въ немъ я упражнялся,
Всю подсолнечну забылъ,
Лишь тобою занимался,
И хвалой не дорожилъ;
Не просилъ сокровищъ тлѣнныхъ
Я у Бога для себя;
Но чтобъ Онъ щедротъ безцѣнныхъ
Пролилъ рѣки на тебя;

Чтобы дни твои прекрасны,
Уподобясь неба днямъ,
Отъ злодѣевъ безопасны,
Были бъ радостны друзьямъ!
Съ сей молитвой прибѣгаю
Къ Богу искреннихъ сердецъ,
И надѣяться дерзаю,
Что ей внемлетъ мой Творецъ.

Ты, дражайшая причина
Восхищенья моего!

Ты пребудешь вѣкъ едина
Для меня милѣй всего!
Вѣрь любви моей неложной,
Вѣрь, что жертвы нѣтъ такой
Въ человѣчествѣ возможной,
Гдѣ бъ не презрилъ я собой.

Никакихъ владыкъ на свѣтѣ
Не завидую судьбѣ;
Я имѣю лишь въ предметѣ
Всегда нравиться тебѣ.
Иныхъ благъ я не желаю,
И дабы счастливымъ быть,
Одно средство только знаю:
Всей душой тебя любить!

Каминъ въ Пензѣ.

Каминъ, товарищъ мой любезный!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ

Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ дивитъ.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлый свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко —
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками
И самъ расклалъ, и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотри на быстрый бѣгъ дымовъ,

Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ, изсыхая, влаги стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ, мигомъ жжетъ.

Одинъ въ потѣмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю понемножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ;
Царей даю смятеннымъ градомъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу, въ мечтаніи моемъ,
Судей, корыстью обольщенныхъ,
Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить,
Злыхъ ябѣдъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, шмыкавшись по свѣту,
Надѣлалъ пропасть славныхъ дѣлъ,

Опять къ любезному предмету
Несу убогой свой удѣлъ:
Каминъ поленьями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

«Чего ты хочешь, горделивый,»
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
«Ко счастью мужъ несправедливый?
«Чего недостаетъ тебѣ?
«Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,
«Жену прекрасную лобзаешь,
«Дѣтей любезныхъ тормошишь;
«Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
«Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
«И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

«Ты всуе молишь Провидѣнье,
«Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
«Сребро и злато — обольщенье:
«Бѣднякъ покойнѣе сто кратъ.
«Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
«Тотъ, сколько золота ни сплавитъ,
«Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
»Кто, по прибаскѣ русской, ножки
«Тянуть умѣетъ по одёжки,
«И мѣдный грошъ цѣнитъ рублемъ.

«Напрасно и о томъ скучаешь,
«Что не живешь въ иномъ краю;
«Не ужъ ли ты воображаешь,
«Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
«Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
«Вездѣ тѣ жъ были человѣки. —
«Богъ міру далъ все по поламъ;
«Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства,
«Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства:
«Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ.»

Такъ думу думалъ, и вздыхая
Воображалъ нашъ краткій вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
«Не прахъ ли» мнилъ я: «человѣкъ?
«Постигнетъ и его кончина
«Такъ точно, какъ среди камина
«Теперь огонь щепы палитъ.
«Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
«Въ лѣсу ни съ чѣмъ онъ не былъ равенъ;
«Севодни срубленъ, — и горитъ.

«Колико мы ни норохтимся
«Одинъ другого выше стать,
«Напрасно, право, суетимся;
«Хоть титло въ листъ, а умирать!
«Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ.
«Нельзя противиться намъ силѣ
«Законовъ вѣчныхъ естества;
«Конца достигнетъ вся вселенна,

«И скотъ и тварь одушевленна
«Въ свой часъ лишатся существа.»

И такъ, то бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ;
То рубль одинъ милльономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ прожилъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Каминъ! къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великой другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь!
Со всякимъ вздоромъ вмигъ поспѣешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Нерѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты

Съ лучиной вмѣстѣ зажигалъ,
Огонь физической съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

О, сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны;
Вамъ царство радостей дано.
Сто кратъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждый день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда? — Въ небѣ обитаетъ;
Въ низу ея лишь только тѣнь.

Учитесь, смертные! учитесь
Во всемъ средину познавать,
И буи міра умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ Тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣюсь;
Каминъ мой дворъ, при немъ я царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенной пожаръ;
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ.

Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ — погасъ каминъ.

Каминъ въ Москвѣ.

Еще мы лѣта не видали,
А ужъ опять зима какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выдти не дадутъ;
Краса природы измѣнилась,
Завѣсой ночи обложилась.
Ахти — что дѣлать? — что начать?
Придвинусь къ милому камину,
И съ нимъ мою тоску, кручину,
Какъ прежде, стану раздѣлять.

Въ какихъ краяхъ я ни шатался,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ замкахъ величался,
Иль крылся внутрь своихъ хоромъ, —

Каминъ мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель —
По суткамъ съ нимъ живалъ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады,
Все мой завѣдывалъ каминъ.

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу,
И у камина въ кабинетѣ
О человѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моемъ воображеньи
О счастьи общія всѣхъ мнѣньи
Могу я съ правдой согласить.
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто счастья что̀ находитъ?
Лишь новы способы тужить.

Цари, по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью,
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ нерѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнѣютъ,
А также въ счастіи бѣднѣютъ,
Какъ самый ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ, иль въ пещерѣ,
Равно противъ напасти слабъ.

Вездѣ о счастіи писали,
И будутъ вѣчно толковать;

Нигдѣ его не отыскали.
Ахъ! трудно счастіе стяжать!
И я, мужикъ хоть немудреный,
Сказать то также, какъ ученый,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ.
Да гдѣ и какъ найтить? Не — знаю;
Въ печали — на яву страдаю,
А веселъ — все будто во снѣ.

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмуря, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его все тихо,
Философъ свой даетъ законъ:
«На что страстямъ порабощаться?
«Разсудку должно покоряться.
«Всѣ наши прихоти мечта;
«Все здѣсь, о люди! скоротечно:
«Ищите въ небѣ счастья вѣчно,
«А міръ — суетъ есть суета.

«Коль сытъ однимъ — на что три блюда?
«Коль есть кафтанъ — на что ихъ пять?
«Къ чему потребна денегъ груда?
«Умреть — съ собой вѣдь ихъ не взять.
«Стѣсни ты нуждъ своихъ границы,
«Бѣги въ деревню изъ столицы,
«Живи спокойно малый вѣкъ,
«Терпи обиду равнодушно,
«Сноси печаль великодушно,
«Будь выше, нежель человѣкъ.»

Да самъ ты что̀, мой поучитель?
Ты Богъ, иль Ангелъ во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искусства,
Ужъ ли таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу — тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты — пустой кимвалъ!

О, если бъ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ крови бъ не кипѣлъ,
Куда бы было жить прекрасно!
Все было бъ мирно, безопасно,
Любовь была бъ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бы не ѣли,
Ужиться межъ собой умѣли
Французъ, Арабъ и Мусульманъ.

О, если бъ — это только слово
Когда въ заглавьи положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны;
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты расти вседневно станутъ,

Къ каминамъ бѣгать перестанутъ, —
Совсѣмъ переродимся мы.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камина стало!
Оставимъ лучше все, какъ есть:
Того, что мнѣ на разумъ вспало,
Никакъ не можно произнесть.
Пускай себѣ кружится сфера,
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ все къ лучшему устроитъ;
Насъ нынѣ стужа безпокоитъ,
За то не страшенъ лѣтній громъ.

Молву я слышу повсечасну
О свойствѣ добрыхъ поселянъ:
Какую жизнь ведутъ прекрасну!
Законъ природы не попранъ.
У нихъ грубѣй, твердятъ мнѣ, нравы,
Но несравненно ихъ забавы
Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ.
Неправда! — такъ же, каковъ часъ.

Когда даются серенады
У насъ въ прекрасный лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь,
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздираетъ,

Или беремя дровъ тащитъ,
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядитъ.

Жену хочь часто онъ цѣлуетъ,
Но коль обманъ подстережетъ,
Жесточе насъ вознегодуетъ
И за невѣрность сильно бьетъ.
Онъ милъ быть хочетъ по неволѣ,
Не смысля правъ надъ нею болѣ,
Какъ то, что вѣнчанъ — пѣтой кусъ *).
И такъ какъ мы передъ министромъ,
Такъ точно онъ передъ бурмистромъ
Застѣнчивъ, робокъ — тотъ же трусъ.

Согласенъ я, что наши страсти
Не нарушаютъ ихъ покой;
За то у нихъ свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И такъ они въ словахъ разбились,
Но въ вещи мало отличились.
Грущу и я, груститъ и онъ.
А что мы модой называемъ,

---

*) Можетъ быть, сіе выраженіе покажется многимъ странно; но мнѣ точно случилось видѣть въ отдаленной отъ Москвы деревнѣ бабу, которая, будучи прибита мужемъ, на вопросъ мой: любитъ ли она его? отвѣчала мнѣ и съ нѣкоторымъ сердцемъ: какъ же, мой батька! вить мы повѣнчались; онъ пѣтой кусъ.

Мы точно то жъ у нихъ встрѣчаемъ:
Обычай ихъ въ селѣ — законъ.

Одно лишь умствованье наше
Влечетъ насъ бѣдныхъ разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать, иль пахать.
Ахъ! всякой ношу свою тянетъ,
Вседневно въ мѣру силъ устанетъ,
Отъ дроворуба до царя.
Тотъ мнитъ, что я богатъ и тученъ,
А я—что онъ благополученъ;
Но все умовъ пустая пря!

Я тутъ себя не исключаю,
Подобный прочимъ человѣкъ;
Въ желаньяхъ также убиваю
Безплодный мой и краткой вѣкъ:
Чужой ревную часто долѣ,
Въ воображаемой неволѣ
Кружу съ досады весь мой умъ;
Бываю многимъ недоволенъ;
Дни два грущу, да дней пять боленъ
Отъ бури безпокойныхъ думъ.

Каминъ! тобой не промѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь;
Всегда мнѣ милъ — вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны,
Но съ ними смѣхи часто смежны.

Ты будь престолъ моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю то, что̀ мнѣ на нравъ.

Когда же книгу я оставлю,
И углублю въ каминъ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ соборъ!
Моей всей юности картину,
Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ воображу;
На Сѣверъ, Югъ, и на столицу,
И на финляндскую границу
Какъ-будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой Боже! предъ Тобою,
Я праздно молодость убилъ;
Влекомъ обычая волною,
И день и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ: — «это все заемъ,
«Которымъ я кого ссужаю;
«Современемъ сей долгъ, я знаю,
«Красенъ мнѣ будетъ платежемъ.»

Ошибся я въ моемъ расчетѣ,
Пропалъ весь трудъ мой ни во что̀,
И изъ людей мнѣ на примѣтѣ,
Въ комъ я искалъ тогда, никто —

Не говорю благодѣянье —
Ниже малѣйшее вниманье
Ко мнѣ съ тѣхъ поръ не показалъ;
И коль встрѣчать мнѣ ихъ случалось,
То — вѣроятно ль бы казалось? —
Иной меня не узнавалъ.

Таковъ сей свѣтъ, такіе люди,
И сбитенщикъ не лжетъ Степанъ,
Конечно — что плыветъ, все уди,
Что ни дадутъ, клади въ карманъ.
Два слова *я* и *онъ* вовѣки
Въ одно не свяжутъ человѣки,
И врядъ найдешь ли гдѣ кого,
Кто бы, сосѣда повстрѣчавши,
Не мыслилъ, руку ему жавши:
Мнѣ все — другому ничего!

Пора ко нравамъ примѣниться,
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ,
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.
Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людского равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра *):
Увы! — во множествѣ они.

---

*) На сихъ дняхъ два жена поразили. Молодой мужчина застрѣлился, и нѣкоторые изъ пріятелей его, съ ко-

Въ глаза другъ друга всѣ расхвалятъ;
Но случай лишь придетъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалятъ,
Пойдутъ, не молвя слова, прочь.
Уменъ ли кто, — тотъ такъ задавитъ,
Что цѣлый вѣкъ тебя заставитъ
Объ немъ съ слезами вспомянуть.
Дуракъ, — тотъ гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградитъ твой путь.

А вы, которы безъ умолку
Чувствительностію надмясь,
Предразсудительному толку
Несете въ жертву сердца связь,
На что вы такъ дары небесны,
Любезность, умъ, черты прелестны,
Употребляете во зло?
Почто надъ чувствами другова
Толико ваша власть сурова,
Что жить не въ силу намъ пришло?

ими онъ обращался и въ кругу которыхъ почитаемъ былъ необходимымъ, поговоря объ этомъ, какъ о странномъ случаѣ, сутки, на другія поѣхали на балъ и плясали. — Умеръ также нѣкто скоропостижно, и вмѣсто кого-либо изъ родныхъ, или друзей, на снисканіе коихъ онъ лѣтъ съ 60 своего вѣка употребилъ, глаза ему закрыла сердобольная старая иностранка а въ гробъ прибрали рабьи руки. Тутъ также ни чья дружеская слеза на трупъ его не канула. . . . Какая сильная для чувствительныхъ сердецъ наука!

От зол таких моя отрада
Единый Бог, — Бог твари всей;
Мнѣ ничего уже не надо:
Не жду блаженства от людей.
Стократ пріятнѣй, дома сидя,
Соблазнов свѣта в нем не видя,
С своей семьею просто жить;
И, скромно время провождая,
Разсудку здраву угождая,
Дрова в каминѣ шевелить!

Война каминов.

Собравшись с мыслями своими,
Камин я новый сочинил;
С стихотвореньями своими
Его в бюро мой положил.
Камин там прежній встрепенулся;
Он, гостя встрѣтивши в сердцах,
Высокомѣріем надулся,
И рѣчь повел в таких словах:

Куда, скажи, камин московской,
Несет нелегкая тебя?

И кстати ль въ сей бюро господской
Со мною въ рядъ кладешь себя?
Хоть я въ провинціи родился,
А ты въ Москвѣ произведенъ,
Но сколько бъ симъ ты ни гордился,
Со мной не можешь быть сравненъ.

Ни въ чемъ, повѣрь, ты мнѣ не пара, —
Я шлюся въ томъ на общій судъ;
Въ тебѣ той связи нѣтъ, ни жара,
Какія всѣ во мнѣ найдутъ.
Вѣдь намъ здѣсь въ ящикѣ съ тобою
Свободно можно разсуждать,
И что мы молвимъ межъ собою,
Того никто не будетъ знать.

Пускай того жъ отца мы дѣти;
Но, ахъ! какая разнота!
Давно мой вѣсъ поставленъ въ свѣтѣ;
Ты мнѣ лишь именемъ чета.
По мнѣ отецъ мой сталъ извѣстенъ;
Въ печати два раза я былъ.
Суди, колико рокъ мой лестенъ:
Меня Французъ переводилъ!

Ты все вчернѣ на свѣтѣ видишь,
А я и черное бѣлю;
Ты съ желчью смертныхъ ненавидишь,
А я всѣмъ сердцемъ ихъ люблю;
Ты путь ко счастію теряешь,
А я по немъ иду всегда;

Вездѣ коварство ты встрѣчаешь,
А я, напротивъ, никогда.

Напрасно мой отецъ старался
Дитя такое произвесть;
Пускай бы тѣхъ дѣтей держался,
Отъ коихъ онъ пріемлетъ честь.
Себя, Меня, Авось, Глафиру
И Эгоиста написавъ,
Онъ долженъ былъ оставить лиру
И не искать надъ нею правъ.

Когда жъ, въ несносной нашей долѣ,
Пришелъ его паденья часъ,
Не мучь по крайней мѣрѣ болѣ
Своимъ присутствіемъ ты насъ!
Съ тебя здѣсь ящиковъ довольно;
Переберись изъ нихъ въ любой:
Но, право, намъ ужасно больно
Въ одномъ быть обществѣ съ тобой!»

Каминъ московскій догадался,
Что съ самохваломъ труденъ споръ;
Онъ очень скромно отмолчался
И презрѣлъ весь его задоръ.
А я, чрезъ то познавъ упадокъ
Моихъ во стихотворствѣ силъ,
Дабы все въ должный ввесть порядокъ,
Тотчасъ ихъ порознь разложилъ,

И самъ себѣ на замѣчанье
Сей случай безъ досады вижу;

Когда я сдѣлалъ завѣщанье,
Изъ рукъ перо почти бросалъ,
Такъ уже подлинно напрасно
За новой риѳмой я летѣлъ;
Во всякомъ случаѣ опасно
Забыть способностей предѣлъ!

И такъ не буду я стремиться
Изъ точки выскочить моей,
Дабы до смерти не убиться,
Не стать посмѣшищемъ людей;
Но впредь, трудомъ умовъ полезныхъ
Любя свой разумъ занимать,
Въ воспоминаніяхъ любезныхъ
Дни сладки стану провождать.

За женщинъ.

Давно ль вамъ вздумалось, мужчины,
На женщинъ всуе разсердясь,
Пустыя сыскивать причины
Разрушить съ ними вашу связь?
Давно ль на умъ взошло желанье
Такое выдумать собранье,

Въ которомъ не было бы дамъ?
Гдѣ могутъ быть онѣ помѣха,
Благопристойная утѣха
Уже не существуетъ тамъ.

Еще такихъ диковинъ въ мірѣ,
Какъ свѣтъ стоитъ, я не слыхалъ,
Чтобы съ сумой, или въ порфирѣ,
Мужчина женщиной скучалъ.
Пристойно нашему лишь вѣку,
На посмѣянье человѣку,
Такую блажь въ немъ допустить,
Чтобъ естеству сопротивляться
И съ прилежаньемъ обучаться
Безъ женщинъ время проводить!

Ужъ ли, въ столь странномъ заблужденьи
Ума, кто хочетъ выдать знакъ,
Чувствъ вредны злоупотребленьи?
Но быть безъ нихъ нельзя никакъ.
Такую чудную химеру,
Превосходящу всяку вѣру,
Едва придумать я могу.
Въ какомъ умѣ вообразилась,
Въ какой душѣ она родилась?....
Съ ней надо міра быть врагу.

Куда безъ женщинъ мы годимся,
Прошу злодѣевъ ихъ сказать?
Весь вѣкъ хлопочемъ, суетимся,
А изъ чего? — Чтобъ ихъ плѣнять.

Пускайте ихъ въ свои собранья,
Присутствіе ихъ ставя въ честь;
Сердецъ смѣшайте воздыханья:
И (буде счастье въ свѣтѣ есть)
То вѣрьте мнѣ — его неложно
Сыскать иначе не возможно,
Какъ только въ родѣ жизни томъ,
Гдѣ женщина, любя мужчину,
А сей, любя ее едину,
Не мыслятъ ни о чемъ другомъ.

Не лесть пристрастными устами
Точу я здѣсь въ моихъ словахъ;
Вы опытъ истины сей сами
Всегда имѣете въ глазахъ.
Мы сплошь на женщинъ негодуемъ,
За вздоръ вспылимъ и приревнуемъ;
Непримиримы имъ враги!
Но чуть лишь милая взоръ кинетъ,
Тотчасъ досада вся простынетъ,
И мы — покорные слуги.

Конечно, женщины имѣютъ
Способность насъ всегда вскружить,
И недостатки чувствъ умѣютъ
Ума проворствомъ замѣнить.
Въ нихъ сердце часто легковѣрно;
Но если мило намъ чрезмѣрно,
То что же дѣлать намъ съ своимъ?
Бѣжать въ пустыню? — Тяжко средство!

Тамъ тотчасъ насъ постигнетъ бѣдство,
И мы воротимся же къ нимъ.

Онѣ все это твердо знаютъ;
Имъ всякой помыслъ нашъ знакомъ;
Онѣ въ глазахъ у насъ читаютъ,
Въ кого когда имъ бросить громъ.
А намъ надлежитъ быть покорнымъ
И нравомъ вспыльчивымъ, задорнымъ
Ни злобить ихъ, ни огорчать,
Любить всѣмъ сердцемъ — но съ искусствомъ,
Стараяся по ихъ къ намъ чувствамъ
И наши къ нимъ соразмѣрять.

Кто такъ себя располагаетъ,
Въ счастливой тотъ живетъ судьбѣ;
Кто женщинъ вовсе убѣгаетъ,
Не имъ злодѣй тотъ — самъ себѣ.
А я, уставы чтя природы,
Унылой не ищу свободы,
И быть въ бесѣдахъ ихъ люблю;
Лицемъ пригожимъ восхищаюсь,
Умомъ и сердцемъ наслаждаюсь,
И розно съ ними — только сплю.

Коль Богъ въ совѣтѣ самъ съ Собою,
Сложивъ Адама одного,
Хотѣлъ украсить рай женою
И создалъ Евву для него,
То какъ юдоль земная слезна
Могла бъ безъ женщинъ быть любезна?

И какъ бы свѣтъ безъ нихъ стоялъ?
И такъ, не умствуйте напрасно;
Ищите женщинъ повсечасно,
И пусть Lequain *) даетъ имъ балъ!

Противъ женщинъ.

Tel glose helas sur vos foiblesses
Qui brule des les partager.

—

За что на женщинъ намъ сердиться,
Когда не любятъ онѣ насъ?
Всего глупѣй о томъ крушиться,
Что въ нихъ извѣдали сто разъ!
Боговъ написано въ совѣтѣ,
Чтобъ имъ плѣнять, а не любить;
И такъ несчастливъ тотъ на свѣтѣ,
Кто хочетъ имъ угоденъ быть.

Иной противу ядръ воюетъ,
И сто смертей бездѣлкой чтитъ;

---

*) Имя иностранца, открывшаго академію музыки въ Москвѣ, отъ котораго нѣкоторые члены требовали, чтобы не было въ оной баловъ и чтобъ одни мужчины могли въ нее входъ имѣть.

Снявъ латы — рыцарь мой горюетъ —
О чемъ? — Дѣвчонка не глядитъ.
Другой законы возглашаетъ,
Судомъ и милостью великъ;
Пришелъ домой — судья вздыхаетъ:
Вскружилъ головушку парикъ *)!

Тамъ зрю — съ огромною трубою
Подъ игомъ скуки — астрономъ
Бѣжитъ, бѣдняжка, за звѣздою,
Предвидитъ дождь, и снѣгъ, и громъ;
Но чуть лишь женщина попалась
Хоть мало-мальски по глазамъ:
Наука вся въ трубѣ осталась,
И инструменты всѣ къ чертямъ!

Или, въ горахъ одинъ скитаясь,
Унынья сгорбленъ тяготой,
Пустынникъ, свѣта укрываясь,
Владѣетъ кое-какъ собой;
И тотъ, въ часокъ погоды ясной
Изъ горъ чуть выйдетъ погулять,
Попался женской взоръ прекрасный:
Пошелъ любить — пошелъ страдать.

Однимъ лишь женщинамъ удобно
Въ умахъ такой хаосъ творить;
Кому иному столько сродно
Въ насъ кровь, какъ лужу возмутить?

---

*) Дамы ввели въ моду носить разныхъ цвѣтовъ парики!

Чѣмъ больше право понимаю
Умовъ ихъ складъ и сгибъ сердецъ,
Тѣмъ я сильнѣе пребываю,
Что въ гнѣвѣ создалъ ихъ Творецъ.

Напрасно я разговорился;
Иной подумаетъ и впрямъ,
Что, можетъ быть, я разсердился
На нихъ за что-нибудь и самъ.
О, нѣтъ! сказать по правдѣ должно:
За что̀ досадовать на нихъ?
Любить никакъ имъ не возможно;
У нихъ есть пропасть дѣлъ другихъ.

Любить! — Смѣшно, такой бездѣлкой
Прервать ихъ важный недосугъ;
Любить душѣ прилично мелкой. . . .
Ну! что за диво вѣрный другъ?
Еще его когда-то станетъ
По-римски дружбу показать,
А между тѣмъ, какъ шмель, пристанетъ —
И лучше бъ вѣкъ его не знать.

Повѣрьте мнѣ, о, человѣки!
Любви и дружбы нынѣ нѣтъ.
Она родилась въ прежни вѣки
И не дошла до нашихъ лѣтъ.
Послалъ ли Богъ бѣды, печали?
Мы ради всѣмъ — мы любимъ всѣхъ;
Но тѣ же люди скучны стали,
Когда на насъ играетъ смѣхъ.

Ищи отъ женщинъ быть въ свободѣ,
Не будь ихъ другъ — не будь ихъ врагъ;
Ласкайся къ той, котора въ модѣ:
Но безъ любви — иныхъ нѣтъ благъ,
Какъ пить и ѣсть и веселиться.
Будь кстати шутъ — вездѣ посп́ѣй,
Остро солги, — но лишь дружиться
Привычки глупой не имѣй.

На балѣ какъ-то мнѣ случилось
Бесѣду слышать двухъ дѣвицъ;
Она мнѣ очень полюбилась:
Ma chère! — онъ хочетъ небылицъ.
Eh quoi! mon coeur? — та отвѣчаетъ;
А между тѣмъ тутъ вальсъ поспѣлъ.
Подруга жметъ — danseur терзаетъ —
Mais attendez . . . — какъ надоѣлъ!

Пока другіе вальсируютъ,
Онѣ опять за разговоръ: —
Взгляни — какъ эти двѣ танцуютъ;
Ah! quelle horreur! — и! что за вздоръ!
Да что жъ ты давеча сказала?
Ахъ! какъ онъ éxigeant! — Онъ? кто?
Другая пара подбѣжала.
Я ждалъ конца — да гдѣ? — паръ сто.

Рѣзвитесь, милыя вертушки!
И не заботьтесь ни о чемъ;
Мужчины ваши здѣсь игрушки;
Швыряйте ими какъ мячемъ!

А мнѣ простите, коль обидѣлъ
Прекрасный полъ картиной сей:
Я написалъ, что слышалъ, видѣлъ,
И нѣтъ тутъ выдумки моей.

Прошли мои весенни годы,
Уже я къ осени лечу;
Терпѣлъ я сердца непогоды,
И успокоиться хочу.
Уважить женщинъ — чту закономъ;
Почесть — обязанъ ихъ всегда;
Служить имъ — радъ всѣхъ силъ съ урономъ;
Любить — хоть тресну — никогда.

Балъ.

Былъ на праздникѣ огромномъ,
Что̀ намъ принцъ вчера давалъ,
И въ кругу людей отборномъ
Своей любушки искалъ.
Тамъ по всѣмъ угламъ совался,
Встрѣтить взоръ ея хотѣлъ;
То сквозь кучу къ ней бросался,
То ни съ мѣста я не смѣлъ.

Что жъ такое въ насъ родится,
Когда любимъ мы кого?
Гдѣ весь городъ шевелится,
Тамъ намъ сплошь ни до чего.
Куда глазъ своихъ ни кину,
Все богато, все свѣтло;
На всѣхъ вижу ясну мину,
Одному мнѣ тяжело.

Долго ль будешь, страсть любовна,
Покорять сердца себѣ?
Ты лишь мучить ихъ способна,
А они все льнутъ къ тебѣ.
Хоть и видимъ, что мы гибнемъ,
Идучи тебѣ во слѣдъ,
Но зажмурившись идемъ
Часто въ пропасть лютыхъ бѣдъ.

Я читалъ въ мой вѣкъ не мало,
Много слышалъ отъ людей —
Сколько умныхъ погибало
Отъ твоихъ, любовь, затѣй!
Часто разумъ мнѣ пѣняетъ:
Для чего я то терплю?
Сердце ноетъ, отвѣчаетъ:
Что жъ мнѣ дѣлать — я люблю.

Да, люблю! — любить родился.
Не дышать хочу, лишь — жить!
Чего бъ въ свѣтѣ ни лишился,
Буду вѣчно я любить.

Пока жаръ любви безцѣнной
Будетъ каплю крови грѣть,
Я и въ участи стѣсненной
Буду рай на свѣтѣ зрѣть.

Долго, долго не случилось
Мнѣ сойтиться съ дорогой,
Долго сердце мое билось,
Долго духъ стѣснялся мой;
Вдругъ какъ молнія блеснула —
То былъ взоръ ея очей, —
Вспыхла кровь, душа вздохнула,
Ожилъ — и летѣлъ я къ ней.

Въ самомъ праздничномъ собраньи
Для любви есть мигъ вездѣ;
Передать свои вздыханьи
Нѣтъ помѣхи намъ нигдѣ.
Тутъ же тотчасъ я на балѣ
Съ ней къ сторонкѣ отошелъ,
И въ стихахъ на опахалѣ
Ей булавкой накололъ:

«Нѣтъ милѣй тебя на свѣтѣ
«Для меня нѣтъ ничего!
«Если бъ царство зрѣлъ въ предметѣ
«Въ замѣнъ сердца твоего,
«Если бъ всѣ порфиры міра
«Мнѣ судьба сейчасъ дала, —
«Моя любушка, хоть сира,
«Верхъ надъ ними бы взяла.

«Сколько лицъ здѣсь суетится,
«Посмотри! я говорилъ;
«А никто не веселится:
«Всякой радъ, что день убилъ.
«Пустота, унынье, скука,
«Право, всѣхъ ихъ здѣсь губитъ;
«Безъ любви животъ нашъ мука,
«Безъ любви душа въ насъ спитъ.»

Она слушать не стыдилась
Непорочныхъ сихъ рѣчей;
Безъ жеманства согласилась
Вѣрить истинѣ моей.
Я съ тѣхъ поръ въ блаженствѣ новомъ
Встрѣчу день и провожу,
Въ пути жизни сей суровомъ
Я занозъ не нахожу.

Съ той минуты благотворной
Отъ печали я ушелъ,
Молвя ей: слуга покорный!
Я къ блаженству слѣдъ нашелъ;
Веселъ всякою порою,
Жизнь моя утѣхъ полна,
Храмъ любви вседневно строю;
Богъ въ немъ — любушка одна.

Пиръ.

Ah! il n'est point de fête,
Quand le coeur n'en est pas.

—

Взманилъ меня на дняхъ знакомый малый вздорный
Въ деревню къ богачу на праздникъ преогромный;
Тамъ стерлядь, хвасталъ онъ, аршина въ полтора,
Къ тому же, говорилъ, живого осетра
Съ курьеромъ во весь духъ изъ Волги притащили;
Вчера его при мнѣ въ садокъ здѣсь посадили;
Вина — хоть окунись — какого хочешь есть,
И, словомъ, лишь была бъ охота пить и ѣсть,
А впрочемъ, всякой тамъ найдетъ, чего желаетъ;
Гостямъ хозяинъ радъ, какъ принцъ ихъ принимаетъ.
Я слушалъ и молчалъ, смѣкая самъ съ собой:
Ни крошечки не лживъ дѣтина дорогой.
Зачѣмъ поѣду я обѣдать въ дальни гости?
Верстъ тридцать отъ Москвы ломать напрасно кости
Нѣтъ нужды никакой; а если сила въ томъ,
Чтобъ стерлядь запивать диковиннымъ виномъ

И въ кучѣ разныхъ лицъ незнаемыхъ шататься,
То, право, лучше мнѣ въ своей семьѣ остаться.
Дворянской нашъ базаръ меня ужъ не дивитъ,
А кашею крутой я также буду сытъ.
Но вдругъ поѣхать съ нимъ мнѣ что-то разсудилось,
Иль пуще отъ того, что мнѣ въ тотъ день сгрустилось.
Рѣшился, такъ и быть, поѣдемъ! я сказалъ,
И цугомъ заложить коляску приказалъ.
Пока мой экипажъ къ походу снаряжался,
И Колобовъ *) какъ бѣсъ по всѣмъ избамъ прощался —
(У всякаго своя приманка въ свѣтѣ есть:
Любовь не все одну боярску холитъ честь,
Не все она къ одной прекрасной тянетъ рожѣ;
Бродяга часто въ ней поспоритъ и вельможѣ.
А что до красоты, то свѣтъ давно пустилъ
Пословицу въ Руси: не по хорошу милъ,
А по-милу хорошъ) — и такъ, пока впрягали,
Намъ, просто безъ затѣй, завтракать собрали;
Мы, съѣвши хлѣба край, хлебнули молочка.
Прекрасенъ былъ тотъ день — ни тучъ, ни облочка;
Посовѣстившись брать съ собой въ дорогу книжку,
Отъ голоду въ запасъ взялъ кіевску коврижку.
Не рифму здѣсь хочу для книжки прибирать —
Нѣтъ; истинно люблю я пряники жевать.

*) Слуга мой.

Межъ тѣмъ уже въ подъѣздъ коляску подво-
зили;
Мы прыгъ въ нее тотчасъ — тряхнули — по-
катили
Безъ цѣли тридцать верстъ скакать, Богъ вѣсть
зачѣмъ.
Едваль, опричь меня, случалось это съ кѣмъ?
Ахъ! если бъ я умѣлъ здѣсь живо и прекрасно
Перомъ то написать, что мнѣ моролъ всечасно
Товарищъ на пути . . . увѣренъ бы я былъ,
Что повѣстью такой и мертвыхъ разсмѣшилъ.
Лишь сѣлъ и закричалъ: пошелъ! Какъ тихо
ѣдемъ!
Мы этакъ никогда до мѣста не доѣдемъ —
Помилуй! пять минутъ лишь только со двора —
Какое пять минутъ! часа ужъ съ полтора. —
Фу! что за пекла здѣсь! нѣтъ мочи — заду-
шился!
Вели спустить хоть верхъ. — Ты очень зашата-
лился. —
Пожалуй прикажи! — Слуга лишь соскочилъ;
Постой, постой! — Что тамъ? — Я тросточку
забылъ. —
Не ужъ-то намъ за ней турить домой лакея?
Добро, ужъ такъ и быть—пошелъ, да поскорѣя.
Отъѣхали сажень; — ай! ай! вонъ косогоръ;—
Коляска на боку.—Пустое, братецъ, вздоръ! —
Вотъ такъ-то онъ блажилъ, а я все съ нимъ
чинился.
Наскучилъ мнѣ сумбуръ, и я за умъ хватился:
Не слушалъ ничего, что далѣе ни вралъ.

Ахъ, Боже мой, какъ онъ меня тогда залгалъ!
Вѣстей не есть конца, — всего и всѣхъ коснулся;
Скакали три часа, хоть въ словѣ бы запнулся;
Да пуще-то всего отъ тѣмъ мнѣ надоѣлъ,
Что сряду двухъ минутъ въ покоѣ не сидѣлъ:
Какъ живчикъ, — то и знай въ коляскѣ онъ вертится;
Вдругъ крикнетъ: ну, пошелъ! — вдругъ: дай остановиться!
Тамъ кочка, самъ бугоръ — ой! вывалятъ тотчасъ;
Подъѣдемъ ли къ рѣкѣ, — прости, уходятъ насъ!
Я только-что спрошу, когда заколобродитъ:
Да часто ль на тебя такая дрянь находитъ?
Какъ стали мы къ селу верстъ на пять подъѣзжать,
Постойте! закричалъ. — Когда теперь стоять!
Что тамъ Богъ далъ еще? — Вонъ въ рощѣ незабудка;
Сорви ее, слуга! — И! полно, что за шутка!
Не слушайтесь его! я людямъ закричалъ,
И кое-какъ въ село къ обѣду прискакалъ.
Оправились, взошли. — Въ прекраснѣйшемъ строеньи
Художества вездѣ находимъ превращенья.
Хозяинъ изъ-за картъ à bras ouverts бѣжитъ;
Хозяйка на софѣ разнѣжившись лежитъ,
Французскихъ слова два она намъ отпустила;
Товарищъ мой тотчасъ: Ахъ! какъ у васъ все мило!

Мы видимъ возлѣ васъ Олимпъ среди полей
И подлинно тогда набѣгъ къ нимъ былъ гостей:
Иной кричитъ бостонъ, иной сампрандру про-
ситъ;
Тотъ пѣсенку поетъ, другой стихи подноситъ;
Французовъ, Немчуры, — безчисленный народъ,
По всѣмъ угламъ торчитъ иноплеменный сбродъ.
Товарищъ мой ко всѣмъ съ привѣтствомъ под-
бѣгаетъ;
Иного руку жметъ, другого обнимаетъ.
Дѣвицъ прекрасныхъ строй, любезныхъ женщинъ
тма.
И было бъ, можетъ быть, съ чего сойтить съ
ума:
Но, къ счастью моему, умъ дома я оставилъ,
А сердце на житье къ Рандѣ я отправилъ,
И тутъ среди гостей вздохнулъ объ ней тогда:
Съ ней розно не могу быть веселъ никогда.
Пошедши на балконъ окинуть глазомъ виды,
Нечаянно нашелъ въ диванѣ Аониды,
Раскрылъ—мой первый взоръ Парашу повстрѣ-
чалъ:
Подъ именемъ ея тебя тогда мечталъ.
Ранда! не страшись въ пріязни ты измѣны;
Всѣ пали предъ тобой Параши Селимены.
Другъ дома между тѣмъ, гляжу, ко мнѣ катитъ,
И двухъ въ поддачу намъ бостонщиковъ тащитъ.
Но двери настежъ въ залъ — когда жъ играть
садиться?
Народъ и повалилъ — давно всѣмъ стерлядь
снится.

Кувертовъ я у нихъ безъ мала со сто счёлъ:
Какой огромный домъ! какой богатый столъ!
Покоемъ пребольшимъ хотя онъ былъ поставленъ,
При всемъ томъ ихъ сервизъ не могъ быть весь уставленъ
Я подъ-бокъ къ своему товарищу подсѣлъ.
Во весь обѣдъ звукъ трубъ и бой литавръ гремѣлъ.
И рыбы, и мяса, и всякія приправы,
Для пищи животамъ и зрѣнья для забавы,
На блюдахъ въ два ряда носили вкругъ стола;
А стерлядь всѣмъ сама хозяйка раздавала.
Отъ пращуровъ у нихъ посуда та осталась,
Въ ломбардныхъ кладовыхъ доселѣ не валялась,
Откуда ни возьми на дробу и на вѣсъ,
Добра со всѣхъ сторонъ, и лишнихъ нѣтъ примѣсъ.
Попутчикъ мой вездѣ глазами восхищался,
Какъ самой тонкій пухъ, на воздухъ подымался;
А я молчалъ, какъ пень, и крѣпко лишь тужилъ,
Что такъ некстати тутъ я цѣлый день убилъ.
Покушавши, когда немножко толще стали,
Другъ къ другу наклонясь, какъ мухи зажужжали;
Часъ отъ часу потомъ и громче и сильнѣй
Гость каждый рѣчь свою запѣлъ, какъ соловей:
Иной, схватя пирогъ, въ двѣ щеки уплетаетъ,
И думаетъ, что онъ Моро на штыкъ сажаетъ;
Индѣечье крыло терзая тамъ другой,
Разсказываетъ всѣмъ про Магдональдовъ бой;

Надъ жирной ветчиной уѣздный Бушма прѣетъ,
И крайне о долгахъ дворянскихъ сожалѣетъ;
Потягивая пуншъ, беззубыхъ двое тутъ,
Грустятъ, что скоро дни послѣдніе придутъ;
Никто ни съ кѣмъ ни въ чемъ не хочетъ быть
согласнымъ,
А всякой свой доводъ считаетъ распрекраснымъ.
Хозяинъ, чтобы вдругъ всѣ мысли согласить,
Спросилъ большой покалъ—и ну здоровье пить.
Онъ наше, мы его пока шампанскимъ пили,
По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.
Потомъ со всѣхъ сторонъ пошли десертъ тас-
кать.
Всего, что́ было тутъ, нельзя пересказать.
Желая истощить всей нѣги услажденья
И самыхъ тонкихъ чувствъ растрогать въ насъ
движенья,
На арфѣ двухъ пѣвицъ заставили играть
И нѣжны голоса со звукомъ струнъ сливать.
Хозяйка между тѣмъ, жеманяся непутно,
Болтала всякой вздоръ французской поминутно;
Дѣвицы про себя: ты знаешь chez Pierrsohn
Препропасть навезли bonnets à la Nelson.
И вотъ ужъ — быть нельзя — тотчасъ, вѣдь,
спорить стала;
А я вчера за нимъ нарочно заѣзжала. —
Поѣду же и я. — Сегодня ужъ когда? —
Такъ завтра. — А какъ всѣ раскупятъ — вотъ
бѣда!
Какая здѣсь corvée! терпѣнья не достанетъ.
Нѣтъ! маменька меня впередъ ужъ не заманитъ.

А маменька въ ушко сосѣдкѣ: Ахъ! мой свѣтъ!
Взгляни-ка, шепчетъ ей, не сбился ль мой корсетъ?
Чадъ винный между тѣмъ объялъ всѣ утробы;
Тронулись страсти въ насъ, вскипѣлъ въ устахъ ядъ злобы.
Мой хватикъ далъ сигналъ, возвыся первый тонъ;
Исчезли рѣчи всѣ — сталъ слышенъ ревъ и стонъ.
Хозяйка—Ah! j'ai peur! взвизжала и умчалась,
За нею дамъ толпа въ минуту разбѣжалась, —
И тутъ-то начался порядочный содомъ,
А! люди то и знай, что всѣхъ поятъ виномъ.
Въ иномъ углу дрались, въ иномъ еще бранились;
Кой-гдѣ гостей ужъ нѣтъ — давно подъ столъ свалились.
За женщинами въ слѣдъ и *я* было-урылъ;
Да пьяный мой сосѣдъ за фалду ухватилъ:
Постой! послѣ стола спектакль намъ покажутъ. —
Какой тебѣ спектакль; ужъ въ лыко всѣ не вяжутъ.
Подъ эту рѣчь *Мортиеръ* *), проснувшися со сна,
Дворецкому кричитъ: дай сладкаго вина!
Пристали всѣ рабы, съ попырокъ у рту пѣна;
Да пьянымъ, говорятъ, и море по колѣна.
Не вѣдаю, какъ *я* не пьяной уцѣлѣлъ.
Мой хватикъ нагрузясь, едва уже сидѣлъ.

*) Имя хозяина.

По рюмкѣ поднесли еще намъ дрей-мадеры, —
Тутъ новыя у всѣхъ родилися химеры:
Кто въ шахи захотѣлъ, кто въ знатны господа,
Кто хочетъ милліонъ имѣть рублей всегда,
Иной стрѣльнулъ въ Мадридъ съ Испанцами
подраться,
Другой готовъ весь вѣкъ съ сосѣдями тягаться,
Тотъ весь индійскій скарбъ въ баулъ свой по-
ложилъ,
А этотъ въ свой чуланъ сераль перетащилъ:
Что разумъ, то расчетъ, что сердце, то желанье.
Хозяинъ посреди сихъ пьяныхъ восклицаній
Ко мнѣ оборотясь: «А вы, гость дорогой!
Чего бъ хотѣлось вамъ!»—Домой, сударь, домой,
Отвѣтствовалъ ему я очень равнодушно.
— Такъ рано! — «Да мнѣ здѣсь, помилуй Богъ,
какъ скучно!»
Пострѣлъ мой унимать: — Пожалуй, погоди,
На фейерверкъ ужо немножко погляди!
Такого, мнѣ повѣрь, не видывалъ вовѣки:
Фонтаны, бураки и пламенныя рѣки;
Съ соборъ Успенской щитъ, и тысячъ сто фу-
зей. —
Ахъ! полно, братецъ, врать! По милости твоей,
Я слышалъ ужъ и такъ, какъ лжешь ты превос-
ходно,
И далѣе съ тобой транжирить мнѣ несходно. —
Такъ я останусь здѣсь. — О! хоть до утра
Пожалуй пей и жди живого осетра;
А мнѣ пора въ Москву. — Ни съ кѣмъ я не
прощался;

Вскочилъ изъ-за стола, на цыпочкахъ убрался,
Не долго на крыльцѣ своей коляски ждалъ,
И въ городъ во весь духъ скакать я приказалъ;
Дорогой размышлялъ: вѣдь есть же въ свѣтѣ люди,
Которы осетровъ хотятъ ловить на уды.
Къ Рандѣ прикатилъ, — Ранды милый взглядъ!
И путь мнѣ и обѣдъ вознаградилъ стократъ.
Свободенъ отъ чиновъ, безъ всякихъ принужденій,
Блаженъ, когда могу ей дѣлать угожденья!
Съ ней малъ и цѣлый день, съ другою длиненъ часъ.
И тутъ я испыталъ уже не въ первый разъ,
Что гдѣ мнѣ ни польстятъ въ утѣхахъ разны виды,
Ахъ, нѣтъ! я не могу быть счастливъ безъ Раиды!

1790 годъ.

Le bonheur en une chimère
Tout fuit formé pour la douleur
Et le destin nom fit un coeur
Pour mieux sentir notre misère.

Еще промчали годъ, и новый начинаемъ!
Что было, то прошло; что будетъ — ожидаемъ.
Текутъ рѣкою дни одинъ другому въ слѣдъ:
То радость промелькнетъ, то туча грянетъ бѣдъ;

Какъ волны на водѣ, мигъ съ мигомъ съединится
И вѣчности въ туманъ придутъ онѣ сокрыться.
Минута, жизни дробь! рѣзва ты и скора!
Далекъ отъ насъ тотъ день, который былъ вчера.
О, вѣчность! отъ тебя хоть я и не робѣю,
Но что такое ты, постигнуть не умѣю;
Гдѣ былъ твой первый пунктъ, гдѣ будетъ твой конецъ!
На что хотѣть узнать, что скрылъ отъ насъ Творецъ?
Покорствуя Ему въ безмолвіи глубокомъ,
Да будетъ всякъ изъ насъ своимъ доволенъ рокомъ.
Онъ времени велѣлъ придти, пройти, бѣжать,
А намъ опредѣлилъ пожить и умирать.
Премудрости своей Онъ свѣта руль оставилъ,
А смертнымъ повелѣлъ, собой чтобъ каждый правилъ.
Труднѣй сто кратъ свершить столь важный подвигъ намъ,
Труднѣе, чѣмъ познать кругъ неба, путь звѣздамъ.
Какъ вѣтры въ корабли, когда въ насъ страсти дуютъ,
И сердце не щадя, тѣснятъ, мятутъ, волнуютъ.
Блаженъ, кто самъ себѣ вскричалъ тогда: постой!
Отъ пропасти свернетъ и сохранитъ покой.
О семъ бы каждый день намъ думать надлежало;
Отъ опытовъ ума и сердце бъ тише стало.

Но, нѣтъ! лишь новый годъ Москвы,
Что всѣхъ заботитъ насъ? — Парикъ и — маскерадъ.
Игрокъ ли обыгралъ, кокетка ли плѣнила,
Или каррикатуръ на балѣ много было, —
Кричатъ: счастливый годъ! — Но что мнѣ до кого?
Спрошу теперь себя, спрошу я самого:
Поживши тридцать лѣтъ во храминѣ стѣсненной,
Я, мелкой человѣкъ, забытый во вселенной,
Подобно какъ и всѣ, хоть лишній годъ прогналъ,
Умнѣй ли я другихъ, спокойнѣе ли сталъ?
Ахъ, нѣтъ! Я не солгу: какъ маленькія дѣти,
Обманами живу и вязну въ разны сѣти;
Не такъ какъ въ двадцать лѣтъ, не въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ,
Иначе — но всегда запутанъ въ суетахъ.
По утру, какъ Катонъ, съ собою разсуждаю,
А днемъ въ кругу красотъ весь умъ и толкъ теряю.
О, женщины, мой врагъ! что съ вами дѣлать мнѣ?
Бѣжалъ бы, — да нельзя — я вѣчно въ западнѣ.
Оставимъ мы любовь, источникъ злоключенья,
Посмотримъ на плоды всеобща просвѣщенья:
Умнѣй ли нынѣ сталъ не я одинъ — весь свѣтъ,
Хоть близокъ онъ къ концу не года лишь — ста лѣтъ?
Взгляну ли въ мірѣ я на царство колобродно,
Гдѣ свѣтъ наукъ блисталъ донынѣ превосходно,—
Что вижу тамъ? Царей любимыхъ свержевъ тронъ!

Что слышу тамъ? Верей темничныхъ страшный звонъ!
Танталъ и Иксіонъ не такъ, какъ тѣ, страдали,
Которыхъ небеса Французу въ жертву дали.
Онъ, грады разоря, селенья остепилъ,
И кровію гражданъ Ѳемиды храмъ кропилъ.
Гдѣ мудрости его плодъ зрѣлый и прекрасный?
Гіены зѣвъ на свѣтъ извергъ тебя, несчастный!
Ты Людвига убилъ! ты Бога не позналъ!
Осьмнадцатый сей вѣкъ того ли ожидалъ, —
Тотъ славный вѣкъ для насъ, котораго въ началѣ,
Уставши прилагать судьба печаль къ печали,
Петру вручила скипръ — сей въ мужествѣ колоссъ
Царямъ далъ ощутить, что̀ значитъ сильный Россъ?
Тотъ вѣкъ, въ который благъ изящная причина,
Великая въ Мужахъ, о Ты, Екатерина!
Прославя свой народъ, полсвѣта побѣдивъ
И звукомъ громкихъ дѣлъ всю землю оглушивъ,
Не въ трепетѣ рабовъ пріятство зря короны,
Оградой царскихъ правъ не чтя подвластныхъ стоны,
Душой, умомъ жила, и не мѣшала жить?
Но мнѣ ль моихъ Владыкъ достоитъ восхвалить?
Куда влечетъ меня перо мое свободно?
Лучъ солнца разбирать Богамъ единымъ сродно.
Пристойно ль воробью орлиный брать полетъ?
Гдѣ слава одного, другого гибѣль ждетъ.
Херасковъ! лишь тебѣ дано съ орломъ равняться,

Въ поэзіи небесъ превыспреннихъ касаться,
Сограждан въ ней своихъ дивить и увѣрять,
Царей прямой хвалой безъ лести возвышать!
Вотще ревную я тебѣ въ воображеньи;
Я чувствами богатъ, но бѣденъ въ изъясненьи.
Не всякъ, кто стихъ сложилъ, въ Парнассѣ господинъ;
Тамъ карла никогда не будетъ исполинъ.
О! если бъ я тебѣ, Херасковъ, былъ подобенъ
И кистію твоей владѣть бы былъ способенъ,
Я пламеннымъ перомъ и въ радужныхъ чертахъ
Здѣсь Павла бы воспѣлъ, какъ солнца во царяхъ!
Но нѣтъ! рука, и мысль, и духъ мнѣ измѣняютъ.
Сойду къ моимъ друзьямъ — тамъ новый годъ встрѣчаютъ.
Бѣги прошедшій прочь! — ты былъ для нихъ жестокъ;
Да снидетъ нынѣ къ нимъ благопріятный рокъ
Тамъ пляшутъ безъ затѣй, бесѣдуютъ въ свободѣ,
Хоть жаль, что и у нихъ парикъ проклятый въ модѣ:
Но женщинамъ чего любезнымъ не простишь?
Смѣешься отъ ума—отъ сердца къ нимъ горишь.
Оттуда я въ мое семейство возвращаюсь;
Здѣсь рай души моей, здѣсь счастьемъ наслаждаюсь.
Любезная жена и дѣти всѣ въ глазахъ.
Спокойство и любовь! превыше вы всѣхъ благъ!
Я съ вами Января день первый начинаю,
Всещедрому Творцу моленья возсылаю,

Да счастливо свершитъ наставшій нынѣ годъ!
А счастливъ по моимъ понятіямъ здѣсь тотъ,
Кто совѣсти прямой, закону Божью внемлетъ,
Сообществъ не мутитъ и троновъ не колеблетъ;
Кто, власти надъ собой разумно зная вѣсъ,
Предъ наглостью даетъ смиренью перевѣсъ;
Чиноначалья зря уставъ въ самой природѣ,
Отъ общихъ должностей не ищетъ быть въ свободѣ;
Кто всѣмъ благотворитъ, какъ можетъ, и когда;
Кто правду языкомъ и сердцемъ чтитъ всегда;
Кто, съ ней сообразивъ поступокъ свой пристойно,
Умѣетъ всѣмъ воздать, что̀ каждаго достойно:
Тотъ счастливъ, тотъ блаженъ, тотъ міра красота!
Его, какъ и другихъ, потѣшитъ суета,
Потѣшитъ, — но прильнуть она къ нему не можетъ;
Улыбку въ немъ родитъ, а духа не встревожитъ.
Заботы отъ него бѣгутъ съ печалью прочь;
Ему не скученъ день, ему не страшна ночь.
Вотъ счастье! Я инымъ его не постигаю;
Себѣ и смертнымъ всѣмъ, какъ другъ, его желаю.

Весна.

Весны настали дни блаженны!
Ужъ въ рощахъ соловьи поютъ;
Огнемъ природы оживленны,
Повсюду птички гнѣзды вьютъ;
Лучъ солнца льдины проникаетъ,
Водамъ свободу вновь даетъ;
Струя съ струей въ рѣкахъ играетъ
И въ челнокахъ пловцовъ несетъ.

Врата столичны затворились,
Всѣ скачутъ жить по деревнямъ;
Съ театромъ, съ балами простились,
Обманъ наскучилъ ихъ очамъ:
Природа всякаго искусства
Художныхъ рукъ цѣнитѣй стократъ.
Въ поляхъ все нѣжитъ наши чувства;
Въ Москвѣ все маска и нарядъ.

Въ бесѣдѣ дружеской, пріятной,
Помѣщикъ жизнь начнетъ вести;
Коварства чуждъ души развратной,
Онъ будетъ въ радостяхъ цвѣсти.
И тамъ онъ всякой день познаетъ,
Что счастья нѣтъ безъ простоты;
Что все, чѣмъ городъ ублажаетъ,
Ничто, какъ вздоръ и суеты.

Блаженъ, кто можетъ устраниться
И у кого есть уголокъ,
Куда придетъ онъ схорониться,
Столицу бросивъ на часокъ!
Мое село, мое имѣнье
Въ саду песчаномъ и пустомъ;
Но гдѣ любви есть услажденье,
Не нуженъ тамъ и царскій домъ.

Я здѣсь въ осьмидесятомъ лѣтѣ *)
Младого кедра посадилъ;
На немъ, чтобъ онъ мнѣ былъ въ предметѣ,
Я вензель милой нарубилъ
Мой кедръ растетъ и зеленѣетъ,
И уже нынѣ въ лѣтній день,
Когда насъ солнце слишкомъ грѣетъ,
Онъ мнѣ даритъ прохладну тѣнь.

Расти, мой кедръ, и возвышайся,
Коснись главою облаковъ,
И твердымъ корнемъ расширяйся,
Готовь мнѣ къ старости покровъ!
Доколѣ живъ, приду вседневно
Къ тебѣ вздыханьями почтить
Я имя той, кого душевно
Любилъ и буду вѣкъ любить!

---

*) Т. е. въ лѣто 1780 года, а не на моемъ 80 году отъ рожденія, какъ нѣкоторые подумали-было, читая сіи стихи въ первомъ изданіи. О! нѣтъ, я надѣюсь, что Богъ избавитъ меня скуки дожидаться столь поздней кончины.

Еще вчера, при блескѣ лунномъ,
Самъ-другъ съ печалью здѣсь сидѣлъ,
И на органѣ пятиструнномъ
Игралъ, какъ лѣсъ вокругъ шумѣлъ.
Звукъ струнъ по вѣтру раздавался,
А я бесѣдовалъ съ луной;
Къ ней быстрымъ взоромъ устремлялся,
Дѣлился съ ней моей тоской.

За что, скажи, за что Зефира
Престала другомъ быть моимъ?
Давно ль ей былъ милѣе міра,
До гроба чая быть такимъ?
Ужъ ли она измѣну знаетъ?
Ужъ ли, ни съ кѣмъ не бывъ равна,
Другимъ женамъ уподобляетъ
Ея невѣрность лишь одна?

Не страстенъ тотъ, кто увѣряетъ
Въ любви лишь клятвою одной,
Котору вспыльчивость раждаетъ,
Волнуя въ юности покой.
Любовь не клятвы громкимъ словомъ,
Въ сердцахъ чувствительныхъ растетъ;
Но нѣжнымъ вздохомъ, томнымъ взоромъ
Она въ нихъ дѣйствуетъ, живетъ.

Нѣтъ пользы хитры выраженья
Съ трудомъ стараться находить,
Чтобъ сердца страстны возмущенья
Своей любезной изъявить.

Люблю тебя, сказавъ Зефирѣ,
Я все, что чувствовалъ, вѣщалъ;
Когда бы зрѣлъ ее въ порфирѣ,
Я, право, то жъ бы ей сказалъ.

Хотя, какъ прочіе, съ богами
Тебя, Зефира, не сравню;
Но вѣрь, что сердцемъ и устами
Тебѣ, мой другъ, не измѣню.
Играть любовію не смѣю
Предъ тѣмъ, кого я не люблю;
Сей даръ небесъ я чтить умѣю,
Во зло я не употреблю.

Но тщетно я къ тебѣ взываю,
Луна, несчастныхъ другъ прямой!
Зефиры тѣмъ не возвращаю;
Зефиры нѣтъ нигдѣ со мной.
Померкни, блѣдное свѣтило!
Навѣкъ затмися для меня!
Что можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ мило,
Когда Зефира не моя?

Она меня позабываетъ,
Со мной здѣсь рядомъ не сидитъ;
Ужъ голосъ мой ее пугаетъ
И жертвы сердца не цѣнитъ.
А я, любя ее всѣхъ болѣ,
Приду и завтра тосковать,
Отрадой чтя въ моей злой долѣ
Дражайшій вензель лобызать.

Мои имянины.

—

Въ отечествѣ Гречамъ есть островъ, иль бывалъ,
Въ которомъ,—коль тому повѣрить, что читалъ,
И что Анахарсисъ объ немъ намъ утверждаетъ,—
Осьмое Мая всякъ Діанѣ посвящаетъ.
Делосомъ былъ онъ званъ, а Дьяной названа
Со времени боговъ языческихъ луна.
Луна, изъ всѣхъ свѣтилъ нѣжнѣйшее свѣтило,
Которое сердцамъ чувствительнымъ такъ мило!
Вездѣ ты въ нихъ найдешь и жертвы и алтарь;
Ты ночью идолъ душъ и мыслей нашихъ царь.
Позволь сей самый день, полночная планета,
Живущему совсѣмъ въ другомъ предѣлѣ свѣта
День имянинъ моихъ тебѣ же подарить!
Кому могу его пристойнѣй посвятить,
Какъ не тебѣ, луна, несчастныхъ благодѣтель,
Заря идущихъ въ путь — безмолвныхъ чувствъ свидѣтель,
Уединенныхъ другъ, врагъ шума, суеты,
Очей слезящихъ свѣтъ, богиня чистоты!
Да если бъ ты была хоть пунктъ малѣйшій въ мірѣ,
Любилъ бы и за то, что нравишься Глафирѣ.
Что мило для нея, то мило для меня;
Отъ склонности ея раждается моя.
Не въ Греціи одной, вездѣ твой лучъ сіяетъ;
Онъ хижину равно съ чертогомъ озаряетъ.

Вельможа въ городахъ, въ степяхъ мужикъ простой,
Равно просвѣщены, равно живутъ съ тобой.
На что воображать, что я въ чужомъ народѣ?
Найду тебя и здѣсь; оно въ моей свободѣ.
Поставить не могу великолѣпный храмъ;
Природа развѣ здѣсь не та же, какъ и тамъ,
Предъ свѣтомъ тѣхъ круговъ, въ которыхъ ты сіяешь,
Откуда томный лучъ къ намъ долу посылаешь?
О! сколь ничтоженъ видъ огромныхъ тѣхъ трофей,
Что̀ зиждетъ въ честь богамъ художество людей!
Мой садъ да будетъ храмъ твой, жертвы приношенье —
Любви чистѣйшій огнь, — восторгъ ума — служенье!
Узрю Діану тутъ не въ дѣлѣ нашихъ рукъ,
Но въ истинѣ самой, и звѣздъ милльоны вкругъ,
Не мысленный лишь взоръ, покорствуя обману,
Къ изваянну простру нѣмому истукану.
Хотя со мною здѣсь и Аполлона нѣтъ,
Все то же, — у меня Хераскова портретъ.
Но прежде, чѣмъ мой взоръ въ Діану углубится,
Уставу естества я долженъ покориться,
И до вечера день въ мірскихъ обрядахъ гнать,
Несносную толпу гостей увеселять;
Привѣтствовать того, кто больше прочихъ знатенъ,
Въ объятія принять, кто вовсе непріятенъ;
Принудить чувства, мысль, придумать разговоръ;

Пріязни взгляды видъ, болтать красивый вздоръ!
О, солнце! ты свѣтло; но какъ съ тобою скучно!
Далеко — студено, вблизи — чрезмѣрно душно.
Хоть выгоды твои я прежде защищалъ
И долго за тебя противъ луны стоялъ;
Но женщины съ умомъ доводомъ убѣдился,
И общимъ съ ней къ лунѣ пристрастіемъ плѣнился.
Приличья права нѣтъ несноснѣй ничего,
И бѣдный какаду *) мой чувствуетъ его:
При людяхъ выходить изъ клѣтки вонъ боится;
Онъ видитъ все чужихъ, и въ робости дичится;
Не смѣетъ на плечо-ко мнѣ, бѣднякъ, летѣть,
Ни крылышкомъ взмахнуть, ни пѣсенки пропѣть.
Лишь солнце въ бездну водъ, устелвши, погрузится,
Огнемъ его слѣдовъ весь Западъ озарится,
Приду въ мой садъ одинъ сказать тогда лунѣ:
Діана, милый гость! свѣти теперь ко мнѣ!
О, небо! отведи отъ вечера ненастье,
Не возмущай мое минутное ты счастье!
Все скрылось отъ меня, мнѣ чуждъ сталъ цѣлый свѣтъ,
Воздыханіямъ моимъ свидѣтелей здѣсь нѣтъ,
Пріятной тишиной всѣ чувства упоены;
Уймите быстрый бѣгъ, минуты драгоцѣнны!
Явись на горизонтъ и сядь въ свой чинъ, луна!
Ужъ близокъ часъ ея — ужъ близокъ — Вотъ она!

---

*) Какаду называется одна изъ [illegible] птицъ, близкая къ породѣ [illegible].

Мнѣ мнится, я живу одинъ въ пространствѣ
міра:
Въ глазахъ моихъ луна, въ душѣ моей Глафира,—
Глафира, коей ты мила, такъ какъ и мнѣ,
И кою, можетъ быть, ты зришь наединѣ
Въ сей часъ, въ сей самый часъ, когда по ней
вздыхаю,
Вселенну всю забывъ, объ ней лишь помышляю.
О! если вмѣстѣ съ ней мы на тебя глядимъ,
Какой и чей восторгъ сравняется съ моимъ?
Ты скажешь ей, луна, моей любви всю силу,
Повѣдаешь ей мысль и пѣснь мою унылу,
Что въ жизни безъ любви — лишь скука, тягота,
Обмановъ опытъ злой, соблазновъ суета.
Безстрастный человѣкъ съ досадой неразлучно
Живетъ, какъ хищный звѣрь, разсѣянно и скучно;
Пристанища ему въ природѣ нѣтъ нигдѣ,
Вселенна для него могилою вездѣ;
Изъ мѣди въ немъ душа, на сердцѣ горы льдины,
И къ радостямъ себѣ ни въ чемъ не зритъ при-
чины.
О, нѣтъ! съ Глафирой я не чувствую того;
Не въ тягость мнѣ по ней вздохъ сердца моего.
Грустна ль о чемъ она — я съ нею огорчаюсь;
Обрадована ль чѣмъ — я съ нею восхищаюсь.
Твои здѣсь, Пиѳагоръ, напомню я слова:
Мы съ другомъ ни одни, мы съ другомъ и не два.
О, тайное друзей сердечныхъ отношенье!
Чье можетъ постигать тебя воображенье?
Не станетъ ни чьего искусственна пера
На то, чтобъ изъяснить величество добра,

Которое Творецъ съ начала еще вѣка,
Всѣ слабости щадя скудельна человѣка,
Во сладостяхъ любви взаимныхъ показалъ
И въ нихъ, что будетъ рай, предчувствовать
намъ далъ.
Я зрю сей рай среди вещественнаго міра:
Небесный создалъ Богъ — земной творитъ Гла-
фира.
Доколь моя любовь угодна будетъ ей,
Доколь ея душа приближится къ моей,
Дотолѣ всяку ночь приди ты, мѣсяцъ ясный,
Животворить мой садъ, тобою лишь прекрасный
И праздникъ мой тебѣ и будни я дарю;
Всегда я въ торжествѣ, когда Діану зрю.
Лучамъ твоимъ въ предметъ мою поставлю лиру,
Взыграю — воспою боговъ — любовь — Глафиру.
Не ратныхъ силъ успѣхъ прославлю я на ней;
Такъ много славятъ ихъ на свѣтѣ безъ моей.
А къ вечеру, когда отъ солнечнаго всхода
Зачнется въ лѣса, куда влечетъ природа,
Гдѣ ждетъ тебя въ свои объятья Эндимонъ,
Тогда, узнавъ и я убогой лиры звонъ,
Приду къ себѣ домой, и въ сладкомъ утомленьи
До утра обтеку Морфеевы владѣнья;
Оттуда возвратясь, тѣмъ день начнется мой,
Что буду вновь желать увидѣться съ тобой.

Осень.

—

День зачалъ убывать,—простился я съ весною;
Вздохнулъ ей тяжко въ слѣдъ и такъ вѣщалъ съ собою:
Сирены отцвѣли, весна какъ мигъ прошла,
Любезная моя погода отошла,
И игры унося съ собой воображенья,
Лишила чувства всѣ сладчайша восхищенья!
Три мѣсяца въ году весенними слывутъ;
Но часто ли они всѣ ясными живутъ?
Изъ возраста въ другой такъ наша жизнь проходитъ,
На кругъ годичной все столѣтіе походитъ.
Ахъ! если бъ, отъ суетъ свободный, человѣкъ
Исчислить захотѣлъ, великъ ли его вѣкъ,
И внесъ бы въ свой итогъ тѣ скорбныя годины,
Въ которыхъ онъ страдалъ подъ гнетомъ злой судьбины,
Тогда-то бы позналъ всю истину тѣхъ словъ,
Которы произнесъ старинный философъ:
«Мнѣ семьдесятъ ужъ лѣтъ природа насчитала,
Но счастливыхъ лишь семь судьба въ нихъ даровала;
А прочихъ шестьдесятъ совался, хлопоталъ,
Былъ нуждами стѣсненъ, въ недугахъ воздыхалъ.»
Какъ правильно для всѣхъ такое изреченье!
Оно раждаетъ въ насъ полезно размышленье.

О, мужи древніе! о, твердые умы!
Какія истины у васъ встрѣчаемъ мы!
Вы свѣтомъ насъ прямымъ разсудка озарили,
Правдиво мысля вы, правдиво говорили,
И истины, что вамъ случалося познати,
На опытѣ самомъ любили показати;
Хоть общая молва твердитъ во всей вселенной,
Что нынѣ-де вездѣ народъ сталъ просвѣщенный,
Я признаковъ того нигдѣ не нахожу,
Хоть зорко на людей вокругъ себя гляжу:
У дѣдовъ назади во многомъ мы остались
И всуе льстимъ себя, что съ ними поравнялись.
Кто нынѣ, напримѣръ, рѣчь сильну сочинитъ,
Какою Цицеронъ, бывало, возгремитъ?
Кто мысли такъ свои прекрасно въ [illegible]
скажетъ,
Какъ древній тотъ пѣвецъ Энея намъ укажетъ?
Дерзнетъ ли кто себя съ Сократомъ поравнять?
Кто твердостью готовъ Камиллу подражать?
Кто такъ, какъ Аристидъ, по правдѣ поборает?
Къ отечеству въ любви кто такъ, какъ Регулъ,
таетъ?
Или, какъ Сципіонъ, красавицу въ плѣнъ взявъ,
Лѣтъ въ 20 съ небольшимъ страсть нѣжну обуз-
давъ,
Кто сниметъ такъ, какъ онъ, невольничьи оковы
И узницу отдастъ въ объятія жениховы?
Кто почестямъ мірскимъ такъ мало будетъ радъ,
Какъ царство получивъ не [illegible] Цинциннатъ?
Кто, пользою своихъ соотчичей плѣнися,
Пожертвуетъ имъ всѣмъ, и смерти не [illegible]?

Сыщите между насъ и Сюлліевъ портретъ.
Увы! такихъ гражданъ на свѣтѣ больше нѣтъ!
Мы Минина вѣнчать умѣемъ похвалами,
И Долгорукова похвастаться дѣлами;
Но людямъ и странамъ что пользы отъ похвалъ,
Когда примѣрамъ ихъ никто не подражалъ?
Мы блесками ума на пиршествахъ любезны,
Тѣ подвигомъ души бывали намъ полезны;
Во дни свои себя заставя уважать,
Умѣли образцемъ и въ наше время стать.
Но дурны стали мы, и дурны чрезвычайно!
Зло было искони, но было лишь случайно;
А нынѣ вообще противно всѣмъ добро.
Не честь владыка нашъ, но злато и сребро.
Но, ахъ! въ какое думъ собраніе плачевно
Влечетъ меня временъ позорище вседневно?
Сиренъ завялыхъ видъ удобенъ ли раждать
Унылу столько мысль и духъ такъ волновать?
Одна весна прошла, такъ что жъ? и годъ промчится,
И новою весной шалашъ мой озарится,
Сиренъ моихъ кусты опять здѣсь расцвѣтутъ.
Все такъ . . . Но буду ль я тогда?... и буду ль тутъ,
Гдѣ геній мой теперь меня отъ золъ спасаетъ,
Щадитъ мою жену и нашихъ чадъ питаетъ,
Гдѣ цвѣтъ, послѣдній цвѣтъ сиренъ моихъ щиплю,
Гдѣ всю вокругъ себя природу я люблю?
Услышу ль тѣхъ же птицъ, чьимъ голосомъ плѣняюсь,
Увижу ль тѣ струи, въ которыхъ я купаюсь?

Кто скажетъ это мнѣ: доколь весна придетъ,
Какъ много здѣсь воды дотолѣ утечетъ?
О, Боже! Ты мои вздыханія исчисли!
Всѣхъ смертныхъ предъ Тобой желанія и мысли.
Не долгой вѣкъ прошу, но краткой въ тишинѣ,
Чтобъ ясной жизнь моя подобилась веснѣ;
Чтобъ жилъ всегда я тамъ, гдѣ дни мнѣ не постылы;
Чтобъ видѣлъ тѣхъ людей, которы сердцу милы;
Женѣ моей, друзьямъ чтобъ дорогъ былъ всегда;
Сирены чтобъ мои не вяли никогда;
Чтобъ, мѣру лѣтъ свершивъ Тобой опредѣленну,
Безъ ужаса сію оставилъ я вселенну,
И чтобъ потомокъ мой, увидя гробъ мой, рекъ:
Ахъ! жаль его! онъ былъ хорошій человѣкъ!

Спасибо 1799 году.

Шумитъ потокъ временъ и бездна лѣтъ играетъ,
Осьмнадцати вѣковъ Сатурнъ конецъ свершаетъ;
Ужъ перваго числа послѣдня Января
Коснулась нашихъ вѣждъ студеная заря.
Московскимъ красотамъ въ пріятныхъ грезахъ снится,

Что счастіе чѣмъ свѣтъ въ боскеты къ нимъ
свалится.
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, уже задатокъ взятъ:
Сегодни имъ даютъ театръ и маскерадъ.
А я, при встрѣчѣ сей годичныя денницы,
Мечтаніямъ моимъ опредѣля границы,
Творца благодарю, благодарю сто разъ
За то, что новый годъ дошелъ еще до насъ;
Что старый провели спокойно и здорово,
Прогнавши то, что̀ въ немъ казалось намъ су-
рово.
Но если онъ умчалъ и скуку и печаль,
То сколько жъ и такихъ минутъ, которыхъ жаль!
По свойству моему впередъ не устремляться,
О прошломъ сожалѣть, а сущнымъ наслаждаться,
Пожду, пожду еще я новый годъ хвалить;
Посмотримъ, какъ его удастся намъ прожить.
Пускай на громкой ладъ во всѣхъ языкахъ міра
Піитовъ въ днешній день настроенная лира
Гремитъ, плѣнясь его лишь новостью одной,
Что онъ-то къ намъ несетъ Астреинъ вѣкъ зла-
той;
Что въ каждомъ его днѣ къ намъ благъ рѣка
польется;
Что міръ весь безъ меча и крови уживется;
Безъ дару Судія невинность защититъ,
Пристрастіе уйметъ, злодѣйство сокрушитъ;
Что будутъ люди тѣмъ, чѣмъ вѣчно не бывали—
Безъ желчи и страстей, животъ ихъ безъ пе-
чали;
И, словомъ, пусть сулятъ, что осьмисотый годъ

Во агнецъ превратитъ лукавый смертныхъ родъ:
А я тебя пою, о, время дорогое!
Прими, прошедшій годъ, хваленіе простое!
Хоть мраченъ для меня на первыхъ былъ порахъ;
Но сколь вознаградилъ въ послѣдующихъ дняхъ!
Ни быстрый бѣгъ годовъ, ни сами человѣки
Изъ памяти моей не истребятъ вовѣки
Тѣхъ чувствъ, въ которыхъ далъ ты сердцу испытать,
Что жизнь могу и я во что нибудь считать.
Исчисля всѣ твои кратчайшія мгновенья,
Съ веселыми сложивъ печальны приключенья,
Когда я имъ итогъ сравнительный подвелъ, —
О! сколь счастливымъ я тогда себя нашелъ!
Чего, въ единствѣ мнѣ взятому во вселенной,
Осталось захотѣть для доли совершенной?
Въ семействѣ жилъ весь годъ спокоенъ, безъ докукъ,
Съ женою не терпѣлъ мучительныхъ разлукъ;
Друзья мои со мной вседневно обращались;
Я ими, они мной всѣмъ сердцемъ занимались.
Любя стихи писать, съ Глафирой ихъ читалъ;
Изъ глазъ ея хвалы безцѣнны воспріималъ;
Восторгами любви питаясь несказанно,
Съ ея душой моя свыкалась безпрестанно.
Сокровищъ не имѣлъ въ хранилищахъ моихъ;
Но роскошь не любя, что было бы мнѣ въ нихъ?
Богатъ быть можетъ всякъ; доволенъ — кто умѣетъ,
Кто прихоть различить отъ нужды разумѣетъ.

Злодѣевъ не имѣлъ, или не испыталъ;
Болѣзненныхъ мнѣ ранъ никто не налагалъ.
Горой крутой не шелъ въ храмъ славы превысокой;
Тѣмъ лучше,—не боюсь свалиться въ ровъ глубокой
И гордости во мзду разбиться какъ стекло.
Тщеславіе меня къ бѣдамъ не увлекло.
Безвредною другимъ свободой наслаждался:
Игралъ своимъ перомъ, а въ праздники катался;
Въ прекрасны лѣта дни всѣ способы имѣлъ
Быть тамъ, и столько разъ, колико гдѣ хотѣлъ.
И такъ, коль то, что мы имѣемъ всѣ въ предметѣ
Подъ словомъ счастья здѣсь, коль вправду есть то въ свѣтѣ,
Признательно скажу, что для меня оно
Въ протекшій было годъ нарочно создано.
Ахъ! дорого бы далъ, чтобъ онъ назадъ вернулся
И вмѣстѣ бы со мной на свѣтѣ протянулся!
Но что жъ бы и тебѣ сказать мнѣ не польстя,
Новорожденное Сатурново дитя,
Дабы противъ меня месть горьку обращая,
На верхъ главы моей бѣдъ кучу созывая,
Не гнулъ бы и меня, и тѣхъ, кого люблю,
За то, что твоего предмѣстника хвалю?
Коль счастье ты мое продлить еще способенъ,
Пожалуйста во всемъ будь прошлому подобенъ!

Приказъ швейцару.

Андрюшка! кинь топоръ! я въ знать тебя пу-
стилъ,
Изъ русскихъ мужиковъ швейцаромъ окрестилъ.
Живи теперь въ сѣняхъ, опрятно одѣвайся,
Носи большую трость и шпагой величайся;
Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ,
И здѣсь, вѣдь, ужъ большой открылся нынѣ свѣтъ:
Всѣ по уши въ долгахъ, всѣ знаютъ толкъ въ
уборахъ,
И купчикъ завелся каретой на рессорахъ.
Лишь только кто ко мнѣ пожалуетъ на дворъ,
Ты встрѣть его тотчасъ, вступай съ нимъ въ
разговоръ.
А что кому сказать на разный спросъ придется,
Однажды навсегда инструкція дается:
«Для знатныхъ баръ меня во весь день дома нѣтъ;
«Пріятелей зови на дружеской обѣдъ;
«Купцамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю;
«Попамъ—что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю;
«Приказныхъ и судей къ мѣстамъ ихъ посылай;
«А нищихъ и сиротъ всегда ко мнѣ пущай.»
Я требую, чтобъ ты былъ низокъ передъ ними;
Жалѣй о ихъ судьбѣ, и не ругайся ими:
Пускай, увидя твой привѣтливый пріемъ,
Пойдутъ они ко мнѣ, увѣрены въ моемъ.
Кто дряхлъ, кто притѣсненъ, кто пищи не имѣетъ,

Того согнать съ двора никто да не посмѣетъ.
Намъ знатность, власть, чины цари даютъ на то,
Чтобы въ подданствѣ ихъ не бѣдствовалъ никто;
Чтобъ люди, не страшась пить скорби чашу
лютy,
Блажили свой удѣлъ на каждую минуту,
И нищему велятъ съ тѣмъ руку протянуть,
Чтобъ шагъ ихъ поддержать, а не въ оврагъ
столкнуть.
Я князь не для того, чтобъ чваниться породой,
Другой богатъ не съ тѣмъ, чтобъ жить согласно съ модой;
На то ль иной въ звѣздахъ, чтобъ камней нанизать
И, къ солнцу ими ставъ, какъ пряникомъ играть?
Породою своей кто выситься желаетъ,
Благотворенью тотъ весь вѣкъ свой посвящаетъ;
А кто лишь знатенъ тѣмъ, что знатный носитъ
санъ,
Тотъ прахъ предъ Божествомъ, предъ трономъ—
истуканъ.

Андрюшка! бойся ты сказать: теперь не время
Тому, кто терпитъ золъ различныхъ тяжко бремя.
Пріятно ль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у судьи, чтобъ въ спальнѣ разсвѣло?
Стоять въ его сѣняхъ, покамѣстъ онъ проснется,
Причешетъ паричокъ и кофею напьется?
Зимой мужикъ озябъ, а лѣтомъ недосугъ:
Собрать онъ долженъ хлѣбъ, скосить онъ долженъ лугъ.

Какъ нѣжный сынъ къ отцу въ объятія стремится,
Лобзаніемъ его въ немъ сердце обновится,
Такъ точно и къ судьѣ поселянинъ бѣжитъ.
Прямой судья примѣръ въ Екатеринѣ зритъ:
Ей всѣ часы равны, какъ днемъ, такъ и среди ночи,
На пользы странъ Ея всегда отверзты очи;
Несчастливыхъ судьбинъ въ ея державѣ нѣтъ:
Ей Россы тѣмъ должны, чѣмъ долженъ Богу свѣтъ.

У многихъ здѣсь господъ, я знаю, что швейцару
Приказъ данъ различать четверку, цугъ и пару;
Провесть иного въ верхъ, иному отказать,
Иного за порогъ передней не пускать;
Однако, чтобъ швейцаръ отъ этого разбору
Не сдѣлалъ иногда какого-нибудь вздору,
Купца не распознавъ, затѣмъ, что онъ обритъ,
Не молвилъ бы врасплохъ, что баринъ еще спитъ,
То велѣно уже торгующу народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу.
Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему наверхъ чай, сахаръ и гроши;
А сей, пріемля даръ тихонько въ кабинетѣ,
Благодаритъ боговъ: не худо жить на свѣтѣ!
И вправду, вѣдь, нельзя того грѣхомъ назвать,
Чтобъ Богу и царю обоимъ вдругъ солгать.
Присяга въ старину считалась важнымъ дѣломъ;

А нынѣ все пустякъ, всѣ люди пишутъ мѣломъ:
Сегодня присягнулъ и крестъ разцѣловалъ;
Назавтра обманулъ, обидѣлъ и укралъ.
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ бѣдности почтенной
Судъ праведный творитъ, на мздѣ не положенной,
Кто чести смыслитъ вѣсъ и милости предѣлъ,
Кто истину судьей своихъ поставилъ дѣлъ,
Чье имя съ похвалой по стогнатъ раздается,
Отъ коего нигдѣ прискорбныхъ слезъ не льется!
Вотъ истинный мой другъ! вотъ я кого люблю!
Съ коварствомъ никогда водиться не терплю.
И что за прибыль мнѣ, что страхъ какой вельможа,
Отъ коего подчасъ трещитъ на многихъ кожа,
Пріѣдетъ не ко мнѣ, а къ чину моему,
Вводить въ соблазны духъ и ставить сѣть уму?
Въ добрѣ ли отъ меня онъ ищетъ вспоможенья?
Ахъ, нѣтъ! ему мое лишь нужно преступленье.
Я совѣстью своей не жертвую страстямъ
И должность покорить не смѣю прихотямъ;
Ходатаевъ снискать злодѣйствами не жажду:
Предъ всей вселенной чистъ, хоть въ тѣсной нуждѣ стражду.
Случалось мнѣ видать — и право я не лгу,
Какъ знатный господинъ, согнувшись весь въ дугу,
Зывалъ къ себѣ въ село судей уѣздныхъ кушать;
По нуждѣ, хоть не радъ, готовъ ихъ вздору слушать;
Вина имъ рѣки льетъ, подноситъ тму плодовъ,

И смучилъ цѣлый полкъ французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ свое съ доводами толкуетъ,
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ.
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:
Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ....
Металлъ! ты мудрецовъ коверкаешь душами,
Коробишь совѣсть въ нихъ и движешь всѣхъ
умами!
Такъ можно ли хотѣть, чтобъ на чужой алтынъ
Чиновникъ безъ души не городилъ свой тынъ?
Судьи, обворожась сіяньемъ знатной славы,
Рѣшились портить въ даль свои худые нравы,
И правиломъ пріявъ боярскія слова,
Смѣшали въ честь ему законъ и всѣ права.
А тотъ же господинъ, я самъ слыхалъ нерѣдко,
За тридевять земель такъ подчиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за то, чѣмъ ихъ
язвитъ,
Съ поклоновъ и теперь еще спина болитъ.
На что же мнѣ съ такой почетной чернью
знаться,
И ядомъ льстивыхъ словъ на что мнѣ упиваться?
Чѣмъ выше на степень входящихъ я видалъ,
Тѣмъ больше къ нимъ мое почтеніе терялъ.
Злодѣйство назовутъ они предразсужденьемъ,
На скорбь и тѣсноту глядятъ съ пренебреженьемъ.
Какъ рѣдко сердце въ нихъ займетъ благой
предметъ,
Иль сроднику помочь, иль другу дать совѣтъ!
Онъ самъ все для себя. Разруша связь природы

Запутался въ цѣпяхъ мечтательной свободы;
Всѣ средства хороши, невинны для него,
Лишь только бъ удалось, желаетъ онъ чего.
Отъ гнусныхъ дѣлъ стыда въ лицѣ его нѣтъ
краски;
Съ женою и съ дѣтьми, съ глухими даже въ
маски.

Андрюшка! въ толкъ возьми, что̀ я тебѣ сказалъ,
И рабски исполняй, что я ни приказалъ.
На водку за докладъ просить не покушайся,
Не трися вкругъ мѣщанъ, съ купцами не якшайся;
Будь по-просту холопъ. Не мысли никогда,
Кого бы въ кабинетъ пустить ко мнѣ когда:
Проситель ни въ какой мнѣ часъ не помѣшаетъ:
Онъ, нужду объяснивъ, не медля отъѣзжаетъ.
А въ гости никого къ себѣ я не зову;
Не чванства ради здѣсь, по должности живу.
Зачѣмъ ко мнѣ придетъ охотникъ до попойки?
Что̀ дѣлать и тому, кто вѣкъ сидитъ на двойки?
Зачѣмъ того ко мнѣ нелёгка понесетъ,
Кто всякой дрязгъ и вздоръ изъ дому въ домъ
несетъ,
Кто, скромности презря любезнѣйши уставы,
Какъ аспидъ злой, мутитъ сердца и портитъ
нравы?
Сихъ качествъ человѣкъ соскучится со мной.
Бесѣду всякъ на вкусъ пріискиваетъ свой.

Довольно міра я плѣнялся суетою,
Довольно міру я давалъ играть собою;
Хочу отнынѣ впредь я жить уединенъ.
На балы торопясь, я меньше былъ блаженъ,
Чѣмъ нынѣ, въ тѣ часы, въ тѣ сладкія минуты,
Когда, скорбящихъ душъ утишивъ вздохи люты,
Окончивъ тяжкой срокъ рекрутскихъ злыхъ часовъ,
Домой я прихожу свободенъ отъ трудовъ,
И бросившись къ женѣ, стократъ ее лобзаю,
А дѣтокъ вкругъ нея и тѣшу и ласкаю.
О, сладкая стократъ замѣна тѣмъ пирамъ,
На коихъ я бывалъ не радъ и жизни самъ!
Съ почтеніемъ внималъ несвязную бесѣду,
Желая поскорѣй узрѣть конецъ обѣду;
Что въ мысли мнѣ вошло, сказать не могъ инакъ,
Коль не былъ я готовъ кричать со всѣми: такъ!
Что счастіемъ зовемъ, то разно всѣ толкуютъ,
И часто на судьбу напрасно негодуютъ.
Я въ добродѣтели блаженство полагалъ;
Я въ ней его ищу, и въ ней всегда искалъ. —

Довольно! . . . Но уже . . . . какая-то карета
Пріѣхала на дворъ, и ждетъ слуга отвѣта;
Поди и поступай, какъ я тебѣ велѣлъ.
Мой жребій кабинетъ, а сѣни — твой удѣлъ.

Нѣчто для весельчаковъ.

Скажи пожалуй мнѣ, любезный мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модъ образователь!
Кто выдумалъ законъ, который всѣ такъ чтутъ
И пышнымъ титломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ Правахъ у Римлянъ, ни въ книгахъ басно-
словныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другимъ свободою своей. —
Охотно дань платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всѣхъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ,
И часто старику мальчишкой быть велятъ!
Любить велѣлъ намъ Богъ отъ чиста сердца
ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,
И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душою чтить родства священны узы,
На чести основать житейскіе союзы,
Чужого ничего себѣ не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать,

И, словомъ, такъ собой управить осторожно,
Чтобъ счастья въ тишинѣ достигнуть было можно.

Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я читалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ батюшки слыхалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю,
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю:
Но что съ обрядомъ въ ней есть общаго, скажи,
Коль можешь, растолкуй, — коль мастеръ, докажи?

Я знаю тьму людей воспитанныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленыхъ всѣми гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ наперечетъ;
Иные же совсѣмъ обычаевъ не знаютъ,
Различныхъ сихъ причудъ оковы низлагаютъ,
И чистое добро за правило принявъ,
По немъ кроятъ и мысль и образуютъ нравъ,

Приличіе въ глазахъ моихъ ни что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ всѣ они хотятъ,
Не принято, бѣда — тотчасъ и закричатъ:
Не принято! — Да кѣмъ? — Господь ихъ, право, знаетъ, —
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ.
Будь честенъ, добръ, уменъ, — но ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ, — прощай — навѣки сталъ чудакъ.

Какъ-будто, чтобъ имѣть отраду наслажденья, -
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья.
Не смѣй надѣть кафтанъ такимъ покроемъ сшитъ,
Который въ Декабрѣ отъ стужи защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ издрогни на
диванѣ,
И вѣтеръ пропусти сквозь десять диръ въ кафтанѣ;
Не смѣй купить сукна, коль любишь яркой
цвѣтъ, —
Чтобъ теменъ былъ твой фракъ, еще темнѣй
жилетъ;
Чтобъ воротъ былъ похожъ на выкройку такова,
И будь одѣтъ на вкусъ совсѣмъ не свой—другова.
На балъ ли позовутъ, — не ѣзди въ семь часовъ;
Какая старина! — нашъ вѣкъ ужъ не таковъ:
Старайся трафить такъ, чтобъ около полночи,
Пріѣхавши торчать до бѣла дня сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой, - и спи хоть цѣлый годъ,—
Хворай, лежи, умри, знакомства не бывало,
Пріѣхать навѣстить не вздумаютъ ни мало.
Общественный законъ ни въ чемъ не пророни!
Обѣдать въ два часа — Владыко сохрани!
А голодъ коль пройметъ—ему, вѣдь нѣтъ, уставу —
Съ бифштексомъ заказавъ хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ прихотей
Пожуй минутъ пятокъ, да водочкой запей;

Потомъ, какъ позовутъ къ вечернямъ преподоб-
ныхъ,
Въ карету—и качай искать обѣдовъ сдобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да только не молчи,
Сентенціями плюй и въ горло хохочи. —
Такъ въ свѣтѣ жить большомъ уставщикъ пре-
восходной
По конституціи приказываетъ модной;
И Боже упаси, опомнясь какъ-нибудь,
Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.
Да только ли нарядъ, иль суточное время
Такое выносить обязываютъ бремя;
Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по-своему вертѣть,
И дома не дадутъ спокойно усидѣть.
Ты какъ бы поскромнѣй подъ крышку запе-
реться —
Двѣ трети года снѣгъ, вѣдь надобно погрѣться—
А наши молодцы одно свое несутъ:
Не принято, не такъ—и весь догматъ ихъ тутъ;
Руби вѣнцы насквозь, тяни во всю палату
Гостиныхъ цѣлый рядъ, — что нужды до кли-
мату!
Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ топоры,
Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,
Чтобъ вѣтеръ въ Ноябрѣ вдувалъ какъ на па-
ромѣ,
А баринъ бы не зналъ куда дѣваться въ домѣ:
Въ Италіи-де такъ вѣками введено.
Злодѣи!—тамъ печетъ—тамъ можетъ быть оно;
А здѣсь, когда мятель съ полей траву всю сдер-
нетъ,

Не только въ жилахъ кровь, — и ртуть на стѣнахъ мерзнетъ.
Пожалуй имъ толкуй, что Негру рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой переучить.
А болѣе всего мѣна визитъ замучитъ!
Кому сей площадной обычай не наскучитъ!
Изъ края въ край гоняй безъ пользы, безъ утѣхъ,
Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.
Не ѣхать — зашумятъ: да жить онъ не умѣетъ,
Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!
Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтный день
Толкнися къ нимъ присѣсть на полчаса, какъ пень.
Или, еще того забавнѣе затѣя,
Отправь по всѣмъ домамъ съ каретою лакея:
Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ возьметъ,
Въ знакъ дружбы, къ господамъ — швейцарамъ ихъ свезетъ.
За вздоръ готовы стать врагами человѣки;
Визиту не отдай — поссоришься навѣки;
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка, и дѣдъ,
Травою зарастетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.
Но смѣй объ Рождествѣ и на Святой недѣли
Кататься на горахъ, явиться подъ качели,
А къ нимъ не завернуть — хоть не зачѣмъ, да такъ, —
Прощенія себѣ не ожидай никакъ;
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.
За что, скажи, всѣмъ тѣмъ пріязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня? —

Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недосугомъ,
Копѣйку раздѣлю; — а это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ,
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки
Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ I жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходской попъ грузилъ?
Роднымъ зову того, кто мыслитъ благонравно,
Во счастьи твердый другъ, — въ несчастіи подавно;
А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.

Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, званомъ,
Нечаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ;
На этотъ же предметъ онъ много говорилъ,
Ѣлъ плотно ветчину, прилежно пиво пилъ,
Да хвастался еще, что можетъ по-французски
Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по-русски;
Охотникъ всякой споръ пословицей рѣшить,
И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо выть;—
Еще что? — въ монастырь чужой, какъ говорится,
Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться негодится.
Конечно, — я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщикомъ нигдѣ, не этого хочу:
Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;

Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы, напротивъ, мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наравнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,
И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился
Такъ точно, какъ и вы, и въ тотъ же самый
часъ,
Когда нашлется мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ угодно,
Да волю дайте жить другимъ, кому какъ сходно!
Но кто жъ вамъ не велитъ, — ударилъ какъ въ
набатъ,
Подслушавъ нашу рѣчь, душистой отоматъ,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стрехнетъ безъ лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ.
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, перхота не умолк-
нетъ,
И съ кашлемъ вась въ глаза послѣднимъ зубомъ
щелкнетъ: —
Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой молодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противной обра-
зецъ?
Какъ, кто, сударь? какъ кто? Приличіе проклято,
Которое, Богъ вѣсть, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушь и страшный судъ повѣсъ,
Въ которыхъ, на бѣду, вселился модный бѣсъ,
Такой трезвонъ дадутъ и фраку и жилету,
Что завтра жъ попадешь, какъ чучело, въ газету.
Сидите дома. — Ахъ! душею бы я радъ;

Да хвостъ великъ, нельзя — ребята тормошатъ:
Имъ хочется вездѣ па праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повиненъ тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей со-
домъ, —
По милости Творца, большой имѣю домъ, —
Умѣлъ бы кое-какъ еще пирушку сладить,
Разсохшій въ залѣ полъ велѣлъ бы стругомъ
сгладить;
И были по зимѣ рога у насъ въ торгу:
Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу,
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь,—
ошибешься;
Устанешь, — отдохнешь, — задремлешь и про-
снешься,
А милые мои голубчики точь-въ-точь,
Ни ранѣй, ни позднѣй, какъ въ самую полночь
Аравою къ тебѣ какъ шавочки нагрянутъ,
Поклонятся едва и по ранжиру станутъ.
Начнется толкотня — и не подстереги
Лихова слова врагъ — хоть со двора бѣги,
Хоть тресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливый вальсъ не выпустить изъ строю;
И сколько прихотей приложится къ тому!
Посмѣшище за все, — не ради ни чему:
На что встрѣчать гостей, и требовать поклона?
Учтивость такова худого признакъ тона.
Зачѣмъ горятъ свѣчи? — сто кратъ милѣй
кинкетъ;
Кчему огроменъ столъ, — какъ свадебный бан-
кетъ;

Не лучше ли кругъ дамъ, взявъ вилку, наудачу
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу,
И въ страшныхъ торопяхъ, какъ-будто сводъ летитъ,
У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, если ихъ уважить предложенья,
Откажешься ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждый балъ схлебнешь горячекъ пять;
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять.
Повѣрьте, имъ нейдетъ на разумъ веселиться,
Лишь только бъ язычкомъ на счетъ другихъ остриться.
И такъ-то нынѣ всѣ, въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить нельзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь жестоку
Пословица летитъ: — не всяко лыко въ строку. —

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ вознесла,
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искусство на себя принять добра личину,
И грѣшниковъ щадя, любить грѣха причину,
Живой роднѣ помочь не тронется ногой,
По мертвымъ то и знай, что правитъ упокой,
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медаль особы комплименты, —
Помилуйте! рекла прихохлившись она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,
Или, какой-нибудь въ угодность Дульцинеи
Хотите расплодить Жан-Жаковы идеи? —

Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипитъ,
Зачѣмъ живете здѣсь? — Бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажете имъ вѣсъ чудесной русской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ, — бесѣда хоть куды!

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня! не въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо. —
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,
Товарищей такихъ и здѣсь бы я нашелъ.
Кчему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ, — вы, можетъ быть, слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ;
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.
На четверенькахъ ползать нимало не забавно,
Да и зачѣмъ, — когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ ползетъ,
Что самый гнусный червь того не перейметъ.
Мнѣ сходбища людей нимало не постылы;
Напротивъ, безъ вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу,
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу;
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачные овраги,
И паче всѣхъ твержу, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ;
Веселью не злодѣй — кляну лишь принужденье,
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

Послушайте меня, — Дельфина въ рѣчь вступила;
Нашъ домъ она давно и искренно любила,
Дельфина, нѣжный другъ, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтобъ твердости примѣръ, ума и сердца къ славѣ
Предъ свѣтомъ развернуть въ чувствительнѣйшемъ нравѣ:
Свѣтъ созданъ не теперь, — онъ былъ всегда таковъ;
Вотще хотите вы громадою стиховъ
Исправить смертныхъ родъ, какъ школьника лозою:
Обычая никто не сломитъ головою.
Вамъ должно напередъ весь міръ переродить.
И за-ново потомъ вселенну сотворить;
Иначе, мой совѣтъ: съ приличьемъ соглашаться,
Чтобъ страннымъ чудакомъ въ собраньяхъ не казаться,
Тѣмъ болѣе, что сколь неволя ни тяжка,
Не людямъ, вѣдь, безъ васъ, — а вамъ безъ нихъ тоска;
И что за похвальба, при разумѣ немаломъ,
Обычаю на зло прослыть оригиналомъ!
По чести, торжества не вижу вовсе тутъ;
Живите лучше такъ, какъ люди всѣ живутъ. —

Какъ люди! — я вскричалъ съ горячностью душевной;
Изъ устъ ли вашихъ ждалъ сей общій крикъ вседневный;

И вы ли, отъ кого назадъ бѣжитъ порокъ,
Со всѣми сговорясь, даете сей урокъ? —
О! если перенять, что въ людяхъ-то ведется,
То, думаю, едва ль и въ Африкѣ найдется
Такой ужасный звѣрь, какимъ въ нашъ мудрый
вѣкъ
Состроенъ на-показъ изящный человѣкъ.
Все въ свѣтѣ прощено намѣреньямъ постыднымъ,
Лишь только ихъ прикрой предлогомъ благовид-
нымъ.
Оставя шутки всѣ, дадимъ уму просторъ,
Коль можетъ быть терпимъ безъ лести разго-
воръ.
Взгляните на людей отличнѣйшаго свѣта!
Душа какъ уголёкъ, — но щегольски одѣта.
Иной у всей родни имѣнье отобралъ,
Прекрасный человѣкъ! — онъ праздники давалъ;
Другой съ своихъ крестьянъ сдираетъ по три
кожи,
Не тронь его — смотри съ нимъ всѣ за свой
вельможи;
Мондоръ почасту пьетъ, да только по ночамъ,
А днемъ любезенъ всѣмъ за колкость эпиграммъ;
Въ кругу большихъ господъ, разсыпавъ денегъ
слишки,
Проигрывай шутя все, до послѣдней нитки;
Ты принятъ какъ родной, зовутъ тебя вездѣ,
Лишь карты подадутъ—да гдѣ же онъ? да гдѣ?
Невинность оболги поносной клеветою,
И добродушія ругаясь надъ слезою,
Безсовѣстнымъ лицемъ,—вдругъ рѣжь и лобызай,

Мышонка бей съ плеча, а крысу не замай, —
Ты будешь слыть дѣльцомъ и станешь въ рядъ
чинами
Со всѣми лучшими отечества сынами;
Тихонько, безъ ножа, шпіонскою тропой,
Любова приколи, — да вслухъ молебны пой.
Вотъ что между людьми, кощунствуя безбожно,
Временщики зовутъ жить въ свѣтѣ осторожно!
Будь на это похожъ, и страннымъ въ наши дни,
Не бось, не прослывешь; — тѣ странны лишь
одни.
Кто правду говорить готовъ непринужденно,
Чтить доблесть въ нищетѣ и рубищѣ смиренно,
Кто друга для того, чтобъ кстати притакнуть,
Въ компаніи не дастъ злорѣчію кольнуть.
Мы въ совѣсти своей хотя всю цѣну знаемъ
Сердечной правоты, но внѣ уничижаемъ;
Ревнивой злобы духъ геройской малитъ ростъ,
Подобно какъ лиса, подрѣзавши свой хвостъ,
Хотѣла, чтобъ у всѣхъ лисицъ его не стало.
Я часто примѣчалъ, на пиршествахъ бывало
Явится мужъ какъ лунь, и спросишь: кто таковъ?
Отвѣтъ: Маѳусалемъ, педантъ, иль философъ,
И думаю, что тѣмъ возвысили отчизну,
Когда кому-нибудь изволятъ въ укоризну
Такія имена безъ смысла придавать,
Какія древній міръ любилъ провозглашать.

Когда такую часть имѣютъ добры нравы,
Чего же могутъ ждать невинныя забавы,
Къ которымъ, признаюсь, не равнодушенъ я,

И кои рвеш изъ рукъ обычай у меня.
Еще бы иногда, по милости природы,
Я могъ забыть мои пятидесяты годы;
Одышки не страшась, я могъ бы танцовать
И въ обществѣ друзей комедіи играть;
Вреда нѣтъ никому, — да говорятъ, что стыдно,
Благопристойности, приличію противно.
Бесѣду бы завелъ, — да развѣ ты Вольтеръ,
Все хочешь жить на свой особенный маперъ?
Сберешься посмотрѣть въ деревнѣ хороводовъ,
Наскучивши толпой вертлявыхъ сумасбродовъ,
И тутъ всё не въ-попадъ; наскажутъ тотчасъ всѣмъ:
Сосѣдей разогналъ, — не знается ни съ кѣмъ.
Пошутишь ли въ семьѣ, — пасквиль прескверный сложутъ
И къ сочиненіямъ твоимъ его приложутъ.
Отъ шуму не уйдешь, — вертись и такъ и сякъ.
Уменъ ли, — все ты плутъ! а скроменъ — все дуракъ!
Вотъ такъ-то волю жмутъ въ желаніяхъ сердечныхъ
Законодатели обрядовъ безконечныхъ.

Дельфина! можетъ быть, я вышелъ изъ себя,
И слишкомъ горячо оспоривалъ тебя,
Тебя, въ комъ зрю добротъ столь многихъ совершенство,
Семейства моего, души моей блаженство!
Прости, я виноватъ! — Желалъ бы такъ, какъ ты,
Оставя далеко владычество мечты,

От общества сокрыть сердечныя водненія,
Природы лишь одной вкушать очарованья, —
Гулять, писать, цвѣты рукой своей садить,
И чтеньемъ отъ друзей сладчайшихъ писемъ
жить;
Но, ахъ! сама велитъ въ томъ истина признаться,
Что въ твердости души съ тобой немногіе рав-
нятся!
Не всѣмъ дано сіе небесное добро,
Терпѣньемъ что̀ нарекъ языкъ нашъ и перо. —

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣст-
никъ,
Судилищъ ихъ органъ, державы ихъ намѣстника!
И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учитъ насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны;
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ, — не будетъ здѣсь житья:
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться,
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ внесите въ свой жур-
налъ! —
Піитъ одинъ давно въ побасенкѣ сказалъ:
«Когда мы будемъ всѣ чужія слушать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ на плечи.»
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я напомнуть;
И полно! — ужъ пора дать пальцамъ отдохнуть.

Авось.

Хочу стихи писать отъ скуки,
Отъ скуки, точно для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О, ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей-ей не знаю.
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухватиться,
По мнѣ, такъ это негодится:
Нѣтъ! — лучше выдумать свое.

Любовь! тебя во всѣхъ возможныхъ
Нарѣчіяхъ стихотворятъ;
Боговъ и истинныхъ и ложныхъ
Давно ужъ риѳмами дарятъ;
Давно Псалтирь въ нихъ наряжали,
Царямъ какъ паръ ихъ поддавали;
Что знатный панъ, то акростихъ!
Бездѣлки, рѣченьки, камины,
Измѣну Лизы, вѣрность Нины,
И Ѳеклу кто-то впряталъ въ стихъ.

Съ чего жъ начать свою мнѣ оду,
Покамѣстъ жаръ мой не простылъ,
Чтобы попасться ею въ моду,
Чтобъ всѣ кричали: какъ онъ милъ!

Съ чего? — Или кто милъ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! — — что лучше сей обновки?
Твои я стану пѣть уловки;
Какъ браво, кстати ты пришлось!

О, слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхвалю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь.
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда же ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Исчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, авось!
Скажу — и это, чай, не ложно —
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, потѣй, слагая теры,
Исчерпай естества системы, —
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за авось возьмется,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь ли поспорить,
Высокомудрый философъ?

Напрасно станешь умъ задорить;
На правду-матку мало словъ. —
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны они лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ царю свою ладью придвинуть —
Такъ тутъ у всѣхъ авось въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ;
Пойдешь авось — вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ — все буеракъ.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевать.
Наперекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло;
Коль тутъ авось — все тишь, да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древнихъ книгъ беремя,
Давно сей сякнетъ ключъ дрянной.
Взгляните вы на Римлянъ, Грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ, —
Откуда что̀ у нихъ взялось?
Что̀ былъ бы Ромулъ, витязь бравый,
Сей Римлянъ царь превеличавый,
Что̀ былъ бы, если бъ не авось?

Коснусь ли здѣсь я, для примѣра,
Вина непьющихъ Музульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Алтарь низвергша Христіанъ?
Что Магометъ Богохулитель
Востока вредный обольститель?
Что Александръ, весь свѣтъ плѣня?
Что бъ были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ авось? Точь-вточь, что я!

Колико нѣжныхъ сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и сребромъ,
Дающихъ дань толпѣ піитовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ?
Когда бѣднякъ потъ крови точитъ,
Слезами каждый грошъ промочитъ;
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ:
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ,
И гдѣ не сѣялъ, пожинаетъ,
Что̀ восхотѣлъ, то и творитъ.

А сколько тѣхъ сиренъ прекрасныхъ,
Что знать бы вѣкъ не довелось,
Когда бы въ помыслахъ ихъ страстныхъ
Не поселилося авось?
Но въ ростъ пустивъ свои пріятства,
Снискали славу, честь, богатства,
Пошевеляся какъ-то въ часъ. —
Когда иная шить устанетъ,

Цѣной камзола хлѣбъ достанетъ,
И съѣстъ, не осушая глазъ.

Авось всему и всѣмъ подпора,
Съ нимъ любо и за карты сѣсть;
Не глядя въ нихъ, кричи знай скоро:
Бостонъ! — открылъ — онъ тутъ и есть!
Въ бесѣдѣ миленькой дѣвчонки,
Влюбился ль кто въ ея глазёнки, —
Скажи люблю, скажи, не бось;
И вѣрь, что нѣжно то словечко
Пройдетъ насквозь ея сердечко.
Въ любви премудрость вся — авось.

Вѣщайте, мудрецы! вѣщайте,
Дѣля на классы школьный бредъ!
Птенцамъ его преподавайте;
А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то̀, а свѣтъ твердитъ иное,
Хотя и мнится, что пустое,
Да вѣдь его не стать учить;
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалитъ,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая,
Авось она не разглядитъ;
Растетъ — тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,

Что съ рукъ авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

Сожитель жонку увѣряетъ,
Что онъ чужихъ не терпитъ женъ;
Супруга мужа лобызаетъ,
Твердя, что болѣ всѣхъ милъ онъ;
Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячетъ;
Приказный крадетъ, что есть силъ;
А всякой самъ въ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ,
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любитъ суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ немощи свободной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатенъ буду,
И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслитъ управлять?

Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его авось вѣдь удается;
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути...

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой — правда, Богъ — мой щитъ!

Итакъ, тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной не равномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подчасъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,

Что съ рукъ авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же новадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

Сожитель жонку увѣряетъ,
Что онъ чужихъ не терпитъ женъ;
Супруга мужа лобызаетъ,
Твердя, что болѣ всѣхъ милъ онъ;
Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячетъ;
Приказный крадетъ, что есть силъ;
А всякой самъ въ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ,
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любитъ суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ немощи свободной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатенъ буду,
И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслитъ управлять?

Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его авось вѣдь удается;
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути.

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой — правда, Богъ — мой щитъ!

Итакъ, тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной не равномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подчасъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,

Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть;
Но средствъ на то честныхъ не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станетъ гнуть меня въ дугу:
Ты съ нимъ, пожалуй, не якшайся;
Въ оврагъ спехнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу.

О, часъ досуга вожделѣнна!
Прошелъ, и въ вѣчность канулъ ты;
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Исчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось!
Созрѣй ты тамъ возлѣ Камина *)!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль съ нимъ? . . . Авось!

---

*) Сіе относится къ одѣ моей подъ названіемъ: Каминъ.

Везётъ.

Я пѣлъ авось и мнѣ сказали,
Что эта пѣсня хороша;
Ее всѣ взапуски читали;
И добрая моя душа,
Не зная по себѣ притворства,
Возмнила, будто стихотворства
Ей боги низпослали даръ;
Съ тѣхъ поръ, хоть изрѣдка бывало,
Стиховъ я писывалъ не мало,
Сдавалъ бумагѣ весь мой жаръ.

Теперь я сталъ мужикъ свободный,
И дѣлать всячину досугъ;
Хотя піитъ не превосходный,
Но все гожусь въ семейный кругъ.
Бумагу цѣлый день мараю,
Перепишу, да прочитаю;
Моя цензура все жуетъ.
Она не смѣетъ бить тревогу,
Затѣмъ, что дома, слава Богу!
Черезвычайно мнѣ везётъ!

Блаженъ не тотъ, кому природа
Даритъ ключи чужихъ сердецъ,
Не тотъ, кому дала порода
Права на знатность и вѣнецъ;

Повѣрьте, — все мечта пустая . . .
Нерѣдко, слезы проливая,
И царь какъ подданный живетъ;
А только тотъ лишь, безъ сомнѣнья,
Во всемъ пространствѣ выраженья,
Совсѣмъ счастливъ, — кому везётъ!

На что чему-нибудь учиться?
Безъ пользы тратить краткій вѣкъ!
И звѣздочетъ подъ-часъ крушится,
Какъ и безъ смысла человѣкъ.
На свѣтѣ что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не даетъ,
Чего въ рядахъ не покупаютъ,
Ни въ житницы не собираютъ,
Что просто мы зовемъ — везётъ! —

Въ одномъ прекрасномъ этомъ словѣ
Сокрытъ чудесный талисманъ . . .
Вседневно счастія въ обновѣ
Горитъ въ алмазахъ истуканъ.
Убѣй, — украдь, — сожги, — насилуй,
Невинныхъ корчь, — злодѣевъ милуй, —
Какъ съ горъ вода, все съ рукъ сойдётъ.
Любви усердной подъ предлогомъ
Тебя зовутъ всѣ полубогомъ;
Чему дивиться тутъ — везётъ!

Кому не хочется быть знатнымъ
На мѣсяцъ, на день, на часокъ;

Не вѣчно можетъ быть пріятнымъ
Смиренный сельскій уголокъ.
О комъ-то, помню, басня пѣла *):
Онъ спалъ, а у него сидѣла
Сама Фортуна въ головахъ.
Сказать-то можно все гладенько;
Но стоя прямо — мудрененько
Быть въ холѣ въ царскихъ теремахъ.

Римлянъ дни древніе промчались,
Бояръ не видно за сохой,
А мы ихъ сказокъ начитались
И бредимъ тою же мечтой.
Народъ не шлетъ ужъ нынѣ въ поле
Просить на царство по неволѣ,
И Цинциннатовъ не видать.
Фортуны всякой ползкомъ ищемъ,
Пѣшкомъ, верхомъ, на тройкѣ рыщемъ;
Догналъ, то прахъ и пошла писать.

Гостепріимства добродѣтель
Напрасно мы даемъ себѣ;
Корысть и страхъ — я самъ свидѣтель,
Одни лишь дѣйствуютъ въ себѣ.
Коль денегъ нѣтъ, коль нѣтъ и власти,
Среди отчаянной напасти
Вы не добьетеся нигдѣ
Ни ѣсть, ни пить, ниже ночлегу;

---

*) Сочиненіе Дмитріева.

Вамъ клячи не впрягутъ въ телѣгу,
И нагло вытѣснятъ вездѣ.

Мораль — фальшивая монета,
И уничтожена давно.
Во время ветхаго завѣта
Извѣстно было ужъ оно, —
И новый старъ, но все не видно,
Чтобъ смыслилъ кто, ей безобидно,
Прямую таксу положить;
А на мѣнѣ съ такимъ товаромъ,
Слыхалъ я ходя по базарамъ,
Сегодня врядъ и харчъ нажить.

Осмотримъ весь народъ крещеный —
Вездѣ проказами живутъ:
Арабъ на солнышкѣ копченый,
И замороженный Якутъ,
Съ конца въ конецъ всѣ козни строютъ,
Плетутъ силки, да ямы роютъ,
И князь, и графъ, и баринъ лжетъ;
Но только тотъ уменъ, достоинъ,
Хорошъ, пригожъ, богатъ, покоенъ,
И словомъ, хватъ — кому везётъ.

На это нѣтъ въ законахъ права,
Не схватишь пушкой на-проломъ,
Ни самымъ лучшимъ свойствомъ нрава,
Ни твердымъ духомъ, ни умомъ;
Пускай одно благотворенье,
Твой долгъ и честь и наслажденье.

Прекрасно! — только въ прокъ пойдетъ
Себѣ тѣмъ счастья не устроишь,
Отъ темной ночи не укроишь; —
За малымъ стало — не везётъ!

Другой за-все, про-все рискуетъ —
И не теряетъ ничего;
Колоду картъ возьметъ, стасуетъ,
Во банкъ пуститъ — и все его.
Надъ нимъ не грянетъ громъ изъ тучи;
При нуждѣ вдругъ червонцевъ кучи —
И тотъ и тотъ въ займы даетъ;
На чай, на балъ откушать просятъ;
Студенты въ рифмахъ превозносятъ.
Вотъ то ли дѣло, какъ везётъ!

Везло и мнѣ, какъ былъ моложе;
Я славно сѣялъ, — чисто жалъ.
Мой конь всего мнѣ былъ дороже;
На цугъ его бъ не промѣнялъ.
Свою сработавъ десятину,
Любилъ запахивать чужбину, —
И въ землю рылся глубоко.
Въ загонцѣ маленькомъ пушистомъ,
На бѣгунѣ моемъ рысистомъ,
Умѣлъ уѣхать далеко.

Везло — когда съ подругой милой
Катался въ шлюпкахъ по Невѣ,
Иль со всей душевной силой
Влюблялся каждый день въ Москвѣ.

Мечтами сердце восхищалось,
Кого ни встрѣчу, — мнѣ казалось,
Что всякой внутренно хорошъ.
Не зналъ, что есть такія души,
Для коихъ на морѣ и суши
Другого Бога нѣтъ — какъ грошъ.

Везло — когда въ дворянску шайку
Попалъ театрить *) во дворцѣ,
Съ богатыремъ игралъ въ свайку,
Или въ воланы на крыльцѣ;
Ходилъ за столъ его къ обѣду,
И на вечернюю бесѣду
Дверей никто не затворялъ.
А какъ женился я — то права
Такой былъ балъ, огонь, забава **),
Какихъ я вѣчно не давалъ.

Тогда летѣли мы, летѣли,
Неслись на крыльяхъ счастья въ рай;
А нынѣ все пошли мятели,
На ясны дни неурожай.
Пришлось и мнѣ сквозь огнь и воду
Стерпѣть ужасную погоду;

---

*) Слово собственное мое, чтобъ, посредствомъ его, избѣжать цѣлой рѣчи; ибо слово одно играть не значило бы еще точно играть комедію; а это много ничего разумѣть не даетъ.

**) Свадьба моя была на Каменномъ Острову, во дворцѣ тогдашняго Наслѣдника, въ 1787 году.

Духъ бурный перья всѣ ошибъ,
Со всѣхъ сторонъ бѣды жестоки
Отверзли горькихъ слезъ потоки:
Но Богъ взглянулъ, — и я не сгибъ.

Ему едину покланяюсь
Въ душѣ и совѣсти моей,
Его десницей ущедряюсь,
Живу, дышу и движусь ей. —
Не гнѣвъ бояръ, — гнѣвъ Божій страшенъ;
Не судъ людской, — Его ужасенъ;
Онъ вьюги вѣетъ, — Онъ уйметъ;
Велитъ зарѣ во мглу проникнуть —
Тогда и мнѣ удастся вскрикнуть:
Ура! друзья мои — везётъ! —

Живитъ.

Кто вамъ сказалъ, любезны други,
Что-будто грамота у насъ
Для стихотворческой прислуги,
Когда зарѣзвится Пегасъ,
Бѣдна, подла и такъ ничтожна,
Что даже врядъ ли намъ возможно

Смѣшить съ чужою нашу рѣчь?
Конечно, сей расколъ ужасный
Въ Руси завелъ Французъ опасный;
Пора бы моду сбросить съ плечъ.

На все языкъ россійской годенъ
Тому, кто даръ стяжалъ писать;
Онъ силенъ, звученъ, благороденъ,
И все способенъ выражать.
На немъ читаемъ Россіяду,
Поемъ любовь, печаль, досаду,
Есть Душенька, Фелица, Богъ!
Кому въ какомъ угодно родѣ,
Стиховъ премножество въ народѣ;
По вкусу выбирайте слогъ.

Своя у всякаго есть Муза,
Бумаги пропасть, перьевъ тма,
Идей подъ черепомъ обуза,
Какъ мошки льнутъ вокругъ ума.
Прихожанъ въ храмѣ Аполлона
Такъ много, что отъ ихъ трезвона
Онъ самъ ужъ мѣста не найдетъ.
А я у притолки тамъ стоя,
Худую балалайку строя,
Мурнычу кой-что — и живётъ!

И радъ бы въ рай, какъ говорится,
Да не пускаютъ насъ грѣхи.
Иной надъ стопами трудится,
Кладетъ, какъ зданіе, стихи,

А толку нѣтъ; — да и не диво.
Воображеніе лѣниво.
Въ страницѣ многосложныхъ словъ,
Безъ піитическаго дара,
Безъ мыслей рѣзкихъ и безъ жара
Распуститъ кучу пустяковъ.

Не всякой можетъ какъ Державинъ
Вспорхнуть — и на небо летѣть,
Быть арфой и свирѣлью славенъ;
Одной тронуть, другой гремѣть.
Изящность прочимъ уступаю,
Я звѣзды съ неба не хватаю;
На откупъ взялъ парнасскій соръ.
Писать пустое — наше дѣло,
За это мы беремся смѣло.
Послушайте жъ мой новой вздоръ!

«Ужъ ли Творецъ подлунной сферы,
Вселенну такъ расположилъ,
Чтобы красотъ однѣхъ примѣры
Повсюду смертный находилъ?
Никакъ; всему различны свойства;
И тѣмъ-то связь благоустройства
Природа въ существахъ блюдетъ:
Иному видъ даетъ нарядный,
Кому простой, кому изрядный,
А гдѣ со всячинкой, — живётъ!

По мыслямъ и слова родятся,
А навыкъ, сей большой деспотъ,

Уча свободно изъясняться,
Знакомитъ съ ними весь народъ.
Во всѣхъ странахъ языкъ природный
Свой духъ имѣетъ превосходный;
Но нашъ всѣхъ за поясъ заткнетъ.
Ну какъ Французъ, Швейцаръ и Нѣмецъ,
Какой хотите иноземецъ,
Посвойски выразитъ: живётъ?

А мы прекрасно вразумились
Въ натуру этого словца,
Играть имъ кстати научились
Отъ самыхъ хижинъ до дворца.
Вездѣ, во всякомъ разговорѣ,
Хоть за-просто, хотя въ уборѣ,
Оно приличіе найдетъ;
И баба въ грубомъ сарафанѣ,
И щеголиха на диванѣ,
Твердятъ частехонько: живётъ!

Плѣня большого господина
Расхожей прелестью своей,
Выпрашиваетъ мужу чина
Наглѣйшая изъ дульциней.
Для сильныхъ есть ли невозможность?
Готовъ и крестъ, и чинъ, и должность —
И вмѣстѣ рогъ на лбу растетъ.
Вотще разсудокъ возражаетъ:
Постой! онъ грамотѣ не знаетъ!
У страсти свой отвѣтъ: — живётъ!

Бояринъ длиннаго заглавья
Готовясь къ праздничному дню,
Когда сберется, изъ тщеславья,
Даритъ убогую родню,
Велитъ сыскать въ рядахъ бездѣлку,
Или лежалыхъ смоквъ тарелку
Съ большими вычурами шлетъ.
Что дрянь такая не годится,
Онъ тѣмъ ни мало не стыдится:
Бормочетъ сквозь зубовъ: живётъ!

Судейка проситъ на крестины
Мелкопомѣстнаго къ себѣ:
Сперва попробуетъ всѣ вины
У ключницы своей въ избѣ,
И лучшихъ сортовъ прочь отставитъ,
А кислыя медкомъ приправитъ,
Смолой замажетъ — и черкнетъ
Своей рукою: дрей-мадера!
Весьма хозяйственная мѣра! —
А гдѣ же лучше взять? — живётъ!

Купецъ, нанявши щель, торгуетъ,
И мѣтитъ какъ бы обмануть;
Повѣса, вздернувъ носъ, гарцуетъ,
И всюду хочетъ заглянуть.
Попалось взору нѣчто мило,
На видъ красно, — на пользу гнило,
Онъ туго денежки даетъ;
Сидѣлецъ фарсы выпускаетъ,

Купите баринъ! приступаетъ,
Товаръ по васъ, сударь! — живётъ.

Мастеровой ли, — тотъ, конечно,
Шага не ступитъ безъ него.
Верстакъ ворочая безпечно,
Путемъ не сладитъ ничего;
У всѣхъ работой заберется
И тѣмъ исторія начнется,
Что весь задатокъ онъ пропьетъ;
Потомъ, съ похмѣлья, кажду штуку
Испортитъ онъ на скору руку,
И кончитъ пѣсенкой: — живётъ!

Отпущенный на госпожинки
Къ отцу домой семинаристъ,
Обнюхавши домашни скрынки,
Нашелъ въ обертках драный листъ,
И ну съ ужасною методой
Потѣть надъ чрезвычайной одой;
Риторика такъ и плыветъ.
А батька, веселясь о чадѣ,
Воркуетъ при умильномъ взглядѣ
Съ улыбкой скромною: — живётъ!

Сосватай сваха мнѣ невѣсту,
Просилъ безчестный женишокъ,
На фижмахъ, сдобную, прелесту;
Я мѣди дамъ тебѣ мѣшокъ.
Старухѣ дѣвки всѣ знакомы;
Она ошмыгала всѣ домы,

Нашла калѣку, и ведетъ
Играть въ игрушку чётъ и нечетъ,
А суженому въ ухо шепчетъ:
Вѣнчайся, батька мой! — живётъ!

На свѣтѣ много штукъ подобныхъ,
А свѣтъ — огромная семья,
И въ ней не безъ людей негодныхъ,
Уродовъ разныхъ видѣлъ я.
Богъ знаетъ, что на нихъ находитъ!
Иной такую дрянь городитъ,
Что Соломонъ не разберетъ;
Другого идеалы мучатъ,
Какъ женщину на сносяхъ пучатъ, —
Родится мышь — и чуть живётъ!

Пускай бы такъ; — но вотъ несчастье!
О, Небо! отврати его!
Исчезло въ роднинѣ участье,
И свой не любитъ своего;
Благоутробіе пропало,
Въ устахъ кипитъ змѣино жало,
А сердце каждый день гніетъ.
Смотря на эту зла картину,
И видя прежнихъ благъ руину,
Никакъ нельзя сказать — живётъ!

Забыли вовсе мы природу,
И отступились отъ нее;
Сулимъ пріязнь, твердимъ свободу,
А какъ до дѣла, — басни все.

Впадешь невольно въ прегрѣшенье,
Фонъ-Визина стихотворенье
Тотчасъ на разумъ набредетъ:
Мы точно на столѣ игрушки;
Вездѣ въ насъ козыряютъ пушки:
А игроки кричатъ: — живётъ!!!

О, суетная горделивость,
Всѣхъ низкихъ побужденій мать,
Почто ты гонишь справедливость,
Не дашь и слова ей сказать!
Скорѣе понтъ оземленится
И бѣсъ полуденный смирится,
Чѣмъ самолюбіе проститъ
Того, кто въ глазъ его уколетъ!
Ничто кичливыхъ не умолитъ:
Во чревѣ ихъ весь адъ кипитъ.

Но сбился я съ своей дороги,
Совсѣмъ заѣхалъ не туда.
Съ дудою ломится въ чертоги
Нашъ братъ не всякой, не всегда;
Тамъ виртуозы лишь играютъ,
Тамъ двери настежъ растворяютъ
Златымъ цѣвницамъ и трубамъ:
А мнѣ чего же добиваться? —
Я радъ, что любятъ посмѣяться
На площади моимъ стихамъ.

Прощай, дитя новорожденно:
Да не задорься изъ похвалъ;

Не требуй ихъ уничиженно,
Не будь пожалуйста нахалъ.
По чести, я не сокрушуся,
Ни на кого не разсержуся,
Коль журналистъ тебя хлеснетъ. . . . —
Я знаю самъ, что соли мало
Въ мою чернильницу попало;
Но такъ и быть — ступай — живётъ!!!

Въ последнемъ вкусѣ человѣкъ.

Люблю пріятельску бесѣду,
Гдѣ нѣтъ насмѣшки никакой,
Гдѣ можно за столомъ сосѣду
Сказать словца два, три за свой;
Люблю я тамъ играть, рѣзвиться,
Гдѣ принятъ просто, безъ чиновъ,
Гдѣ не боюсь тѣмъ провиниться,
Что на bon mot я не готовъ.

Бывало, дѣдъ почтенный въ родѣ,
Когда семейный пиръ даетъ,
По чувствамъ сердца, не по модѣ,
Своихъ гостей къ себѣ зоветъ,

Трапезу ставитъ не богату,
Виномъ заморскимъ не поитъ,
Не штофомъ убираетъ хату, —
А всякой веселъ тамъ и сытъ.

Тамъ нѣтъ вѣстей, переговоровъ,
Надутый баринъ не шипитъ;
Не сѣютъ сплетницы раздоровъ,
Богачъ надъ бѣднымъ не трунитъ.
Прошли тѣ годы, какъ любили
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить;
То дни златого вѣка были,
Какихъ намъ снова не нажить.

Тогда супругъ женѣ былъ вѣренъ,
Сестру любилъ всѣмъ сердцемъ братъ,
Родитель въ дѣтяхъ былъ увѣренъ,
И ближній ближнему былъ радъ;
Но столь похвальные примѣры
Не попадаются ужъ намъ;
Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

Мы ближнихъ и друзей не знаемъ;
Куда ни сунься — все одинъ;
Взаимны связи презираемъ, —
Корысть намъ Богъ и господинъ.
Гдѣ есть хоть малыя выгоды,
Умѣемъ тотчасъ ихъ смекнуть;
Для нихъ чрезъ пропасти и воды
Бездѣлка намъ перешагнуть.

Въ большой великолѣпной залѣ
Посмотришь индѣ — тма людей!
Всѣ пляшутъ до поту на балѣ,
А скука ждетъ всѣхъ у дверей.
Пріятель друга обнимаетъ,
Его ни мало не любя;
Тотъ той же лаской отвѣчаетъ,
И шепчетъ: чортъ бы взялъ тебя!

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межъ собой;
Ихъ вальсъ приводитъ въ восхищенье, } *)
Мазурка рай для нихъ земной;
Повсюду слышатся всечасно:
Ахъ, какъ мила! ахъ, распренилъ!
Все въ ней божественно, прекрасно! —
Гудки съ двора — и жаръ простылъ.

Мужчинъ ли гдѣ кружокъ сойдется,
Тамъ безпорядокъ и содомъ;
Бостономъ день у нихъ начнется,
А вечеръ кончится виномъ.
Потомъ разцѣнка за глазами
Пойдетъ порядочная всѣмъ;
Въ злословьѣ хвастаютъ умами,
Никто не дорожитъ ни.кѣмъ.

Вотъ такъ-то жить мы научились!
О, предки! если бъ вы сюда

*) Имена плясокъ, тогда употребляемыхъ.

Хоть на минуту къ намъ явились,
Едва повѣрили бъ тогда,
Что ложь, обманъ и лицемѣрство
Умовъ отличныхъ нынѣ знакъ;
Что честь слыветъ за суевѣрство;
Что кто не льститъ, тотъ и дуракъ.

Въ замѣну древня благородства
Взгляните вы на нашу спѣсь,
Взгляните, чада патріотства,
Колико эгоистовъ здѣсь!
Сіе угрюмое созданье,
Лукавства смертныхъ горькій плодъ;
За нашу хитрость въ воздаянье
Возникъ на свѣтѣ сей уродъ.

Ликуй, холодный себялюбецъ!
Твой праздникъ и пора теперь;
Лежи въ диванѣ сластолюбецъ
Одинъ, какъ въ дебри дикій звѣрь!
Тебя никто, никто не любитъ,
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твои дѣла не слава трубитъ,
Но купленный бродягъ языкъ.

Когда желѣзный прутъ судьбины,
Который школитъ смертныхъ всѣхъ,
Пробьетъ на лбу твоемъ морщины,
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ;
Вздохнешь, ума забывъ игрушки;
Никто не повторитъ твой вздохъ;

Обнявъ парчевыя подушки,
Тошнѣй меня ты скажешь: — охъ!!!

Тошнѣй, чѣмъ я, который въ свѣтѣ
Тропинкой узенькой бреду,
Имѣя малое въ предметѣ,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мнѣ другъ, она мнѣ рада;
Дѣтей у насъ полна изба:
Вотъ въ мірѣ семъ Небесъ награда!
Красна простыхъ сердецъ судьба!

О, другъ мой, мать и вождь природа!
Твои дары милѣй всего;
Здоровье, пища и свобода —
Не надо больше ничего.
Пускай въ златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясницу
Не гнется, встрѣтивши меня.

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искусства,
За то Творца благодарю!
А если бъ далъ богатства много,
Когда бъ возвысилъ Онъ мой рогъ, —
Сошедъ убожества съ порога,
Я бъ, можетъ быть, забылъ, гдѣ Богъ.

Итакъ, ты думай, какъ угодно,
Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ!

Но мнѣ съ тобой никакъ не сходно
Своимъ на твой мѣняться вѣкъ.
Я буду жить, какъ жилъ доселѣ,
Твоя пусть жизнь идетъ какъ шла;
Когда жъ не будетъ духа въ тѣлѣ,
Тогда увидимъ — чья взяла! . . .

Семира Болеславна.

Послушайте меня, Семира Болеславна!
Открою тайну вамъ; она весьма забавна. —
Вѣстимо буди вамъ, чтобъ въ добрый молвить
часъ,
Что дернулъ сатана меня влюбиться въ васъ.
Не въ мочь уже терпѣть; или сейчасъ же-
ниться,
Иль тяжкой сдѣлать грѣхъ, — на сворѣ уда-
виться.
А что бы за резонъ? Понять изволь, мой свѣтъ:
Петровъ день на дворѣ — мнѣ стукнетъ двад-
цать лѣтъ;
У матушки въ селѣ крестьяне въ это время
Всѣ женются. Давно мнѣ жизнь безъ друга —
бремя,

Слоняюсь все одинъ; ни бабы, ни дѣтей,
И не кому ходить за пажитью моей.
Нѣтъ, полно! ужъ пора зажить домкомъ господ-
скимъ;
Объ этомъ толковалъ я и съ попомъ приход-
скимъ,
А къ намъ вотъ на Святой лишь только посвя-
щенъ
Какой-то богословъ — и сильно обученъ.
Онъ часто мнѣ твердитъ, что лучше обвѣн-
чаться,
Чѣмъ страстію любви сушиться и терзаться.
И впрямь, коль разсудить, голубушка моя,
Что толку одному маячить вѣкъ, какъ я?
Господь благословилъ меня таки-достаткомъ:
Крестьянъ за мной въ степи душъ триста и съ
остаткомъ:
Скота — не перечтешь! а жита что — а птицъ!
Сусѣковъ не стаетъ, — нигдѣ такихъ пшеницъ!
Овса ли, какъ у насъ въ уѣздѣ, не родится;
Что лѣсу на бору, и въ стройку весь годится;
А рыбы-то въ прудахъ — невидано такой,
И наши караси весь круглый годъ съ икрой. —
Ужъ то ли не житье!—Да чтобъ добра ни было,
Безъ милаго дружка на свѣтѣ все постыло, —
И солнце не свѣтло, и мѣсяцъ не на вкусъ,
И въ душу никакой нейдетъ любимый кусъ.
Пойдешь на скотный дворъ — съ навозу ста-
нетъ душно,
А съ матушкой сидѣть помилуй Богъ какъ
скучно!

Такая лѣзетъ дрянь, такой найдетъ столбнякъ,
Что сутокъ пять лежишь какъ въ стойлѣ аргамакъ.
Лишь только бъ до вѣнца мнѣ какъ-нибудь добраться,
А то я молодецъ могу хоть съ кѣмъ равняться;
Дѣтина на-показъ, натурою счастливъ,
И туловищемъ дюжъ и рожею смазливъ;
Хоть рѣчью говорить заморской не умѣю,
Признаться, и свою тупенько разумѣю, —
Да развѣ тѣмъ однимъ на свѣтѣ только жить,
И бабу цѣловать и дѣтушекъ родить,
Которые, съ тѣхъ поръ, какъ школы появились,
Невѣдомо какой грамматикѣ учились?
Пустое непотачь! — Хоть я не грамотѣй,
Дай сроку, какъ женюсь, и я взведу дѣтей.
Что много разсуждать, Семира Болеславна!
Поди-ка за меня — и заживемъ мы славна!
Все, ягода моя, тебѣ во власть отдамъ,
Прошенье въ земскій судъ по формѣ я подамъ;
Велю въ немъ написать, что весь мой скотъ рогатый,
И закромъ, и подвалъ, и пчельникъ мой богатый
Потомственно тебѣ, сударушка, дарю:
Пускай же знаютъ всѣ, какъ жарко я горю,
И пусть по всѣмъ торгамъ разносится молвою,
Что скоро я вступлю въ законный бракъ съ тобою.
Исправникъ и судьи гурьбой къ намъ налетятъ,
Нацѣдимъ пива чанъ, — нарѣжемъ поросятъ;
Въ день свадьбы подарю волосяно колечко,

И съ перламутрами янтарное сердечко;
А самъ надѣну фракъ, что мой отецъ носилъ,
Когда по сторонамъ амуриться ходилъ.
Кой часъ изъ-подъ вѣнца воротишься со мною,
Велю псарямъ встрѣчать музыкой роговою;
А тамъ я приложусь къ малиновымъ устамъ, —
Хе! хе! — и будешь ты, какъ водится, *Мадамъ*.
Назавтра пиръ горой; — мой староста съ народомъ
Ударится челомъ, — а бабы хороводомъ
Придутъ вокругъ тебя вѣнки зелены плесть
И станутъ пѣсни пѣть, что силы въ груди есть.

Какъ праздники пройдутъ, начнемъ сушить овины,
Подъ ивами гулять мы станемъ вдоль плотины,
Холопей за собой нарядимъ ровно двухъ,
Чтобъ вѣничкомъ они обмахивали мухъ;
Не то — велимъ по насъ прiѣхать дрожкамъ съ клячей,
Объѣдемъ вмѣстѣ хлѣбъ молоченой, стоячей;
Для случая велю срубить сотъ пять деревъ,
Плотами по рѣкѣ пригонимъ ихъ въ Веневъ,
Чтобъ можно было тамъ, на временну забаву,
Поставить флигелекъ съ свѣтелочкой на славу,
И было бы куда просить гостей къ себѣ;
А ежели и то соскучится тебѣ, —
Такъ что жъ? — неволи нѣтъ: раскланявшися мiру,
Въ коляску — и махнемъ по близости въ Каширу.

Такая лѣзетъ дрянь, такой найдетъ столбнякъ,
Что сутокъ пять лежишь какъ въ стойлѣ арга-
макъ.
Лишь только бъ до вѣнца мнѣ какъ-нибудь до-
браться,
А то я молодецъ могу хоть съ кѣмъ равняться;
Дѣтина на-показъ, натурою счастливъ,
И туловищемъ дюжъ и рожею смазливъ;
Хоть рѣчью говорить заморской не умѣю,
Признаться, и свою тупенько разумѣю, —
Да развѣ тѣмъ однимъ на свѣтѣ только жить,
И бабу цѣловать и дѣтушекъ родить,
Которые, съ тѣхъ поръ, какъ школы появились,
Невѣдомо какой грамматикѣ учились?
Пустое непотачь! — Хоть я не грамотѣй,
Дай сроку, какъ женюсь, и я взведу дѣтей.
Что много разсуждать, Семира Болеславна!
Поди-ка за меня — и заживемъ мы славна!
Все, ягода моя, тебѣ во власть отдамъ,
Прошенье въ земскій судъ по формѣ я подамъ;
Велю въ немъ написать, что весь мой скотъ ро-
гатый,
И закромъ, и подвалъ, и пчельникъ мой богатый
Потомственно тебѣ, сударушка, дарю:
Пускай же знаютъ всѣ, какъ жарко я горю,
И пусть по всѣмъ торгамъ разносится молвою,
Что скоро я вступлю въ законный бракъ съ то-
бою.
Исправникъ и судьи гурьбой къ намъ налетятъ,
Нацѣдимъ пива чанъ, — нарѣжемъ поросятъ;
Въ день свадьбы подарю волосяно колечко,

И съ перламутрами янтарное сердечко;
А самъ надѣну фракъ, что мой отецъ носилъ,
Когда по сторонамъ амуриться ходилъ.
Кой часъ изъ-подъ вѣнца воротишься со мною,
Велю псарямъ встрѣчать музыкой роговою;
А тамъ я приложусь къ малиновымъ устамъ, —
Хе! хе! — и будешь ты, какъ водится, *Мадамъ*.
Назавтра пиръ горой; — мой староста съ наро-
домъ
Ударится челомъ, — а бабы хороводомъ
Придутъ вокругъ тебя вѣнки зелены плесть
И станутъ пѣсни пѣть, что силы въ груди есть.

Какъ праздники пройдутъ, начнемъ сушить
овины,
Подъ ивами гулять мы станемъ вдоль плотины,
Холопей за собой нарядимъ ровно двухъ,
Чтобъ вѣничкомъ они обмахивали мухъ;
Не то — велимъ по насъ пріѣхать дрожкамъ съ
клячей,
Объѣдемъ вмѣстѣ хлѣбъ молоченой, стоячей;
Для случая велю срубить сотъ пять деревъ,
Плотами по рѣкѣ пригонимъ ихъ въ Веневъ,
Чтобъ можно было тамъ, на времевну забаву,
Поставить флигелекъ съ свѣтелочкой на славу,
И было бы куда просить гостей къ себѣ;
А ежели и то соскучится тебѣ, —
Такъ что жъ? — неволи нѣтъ: раскланявшися
міру,
Въ коляску — и махнемъ по близости въ Ка-
ширу.

Тамъ станемъ день и ночь по улицамъ катать,
Съ настойкой чаю пить, къ знакомымъ заѣзжать.
Ужъ то ли, я скажу, не разливанно море? —
Какое можетъ насъ тогда постигнуть горе?
Сорокоумники напрасно всѣ твердятъ,
Что Питеръ да Москва одни лишь веселятъ; —
Пустое! — въ этомъ нашъ поспоритъ околотокъ.
Во-первыхъ, нѣтъ нигдѣ такихъ отмѣнныхъ водокъ;
Къ тому же никакой въ столицѣ господинъ
Не есилитъ выпить то, что нашъ братъ, дворянинъ.
У насъ вѣдь то и знай попойчкамъ причины:
Поминки ли, сговоръ, рожденье, имянины,
Безъ хмѣлю никакой здѣсь случай не пройдетъ;
Хозяинъ вечёмъ поитъ,—а гость всего припьетъ.
По крайней мѣрѣ мы когда набьемъ утробы,
Хоть съѣздишь и въ високъ сосѣда, да безъ злобы,
Назавтра же и миръ — и снова наливай;
А индѣ-то не бось, со всячинкой, а чай!
Да что намъ до людей, предбудуща супруга!
Мы будемъ ликовать взаимно другъ для друга.

По милости Творца, я полный господинъ!
Все вдоволь у меня,—на что мнѣ важный чинъ?
Я съ роду не служилъ, по вольности дворянства,
И впредь изъ одного лишь только окаянства,
Какъ многіе у насъ, служить я не хочу;
Достаточекъ Богъ далъ, — а вдаль не хлопочу.

Взбредетъ ли мнѣ на мысль смотрѣть какой по-
тѣхи —
Велѣлъ запрячь коней, и нѣтъ ни въ чемъ по-
мѣхи;
На мѣсяцъ, или два, слетать куда сберусь,
Во власти все моей — и въ отпускъ не про-
шусь.
Скажу не хвастовски, Семира Болеславна!
Башка моя дотоль блага и своенравна,
Что ежели въ нее какая дичь влетитъ,
Никто не выбьетъ вонъ, хоть будь митрополитъ;
Но вѣрь, что для твоихъ забавъ не пожалѣю
Ни дворни, ни скота, всего, что̀ я имѣю.
Убравшись въ красны дни работой полевой,
Мы хлѣбецъ продадимъ, а съ деньгами зимой
Въ широкихъ розвальняхъ, морозу не робѣя,
И совокупно въ нихъ подъ полстью мягкой грѣя,
Мы дернемъ, — напримѣръ, куда бы? — въ
Епифань —
Ужъ не Москвѣ чета!—и Питеръ-то ихъ дрянь.
Тамъ славный есть трактиръ, вседневная жерёха!
За гривну серебра увидишь скомороха;
Онъ въ обручъ прополззетъ, свернувшися коль-
цомъ,
Иль шпагу на носу поставитъ остріёмъ,
И столь онъ кажетъ тамъ ужасныя фигуры,
Что ваши сестры всѣ валяются какъ дуры;
Прахъ вѣдаетъ его, откуда въ полчаса
Непостижимыя берутся чудеса!
Прыгнетъ сперва на столъ, въ отдушину подъ
крышку,

Подпустить порошку, и дасть такую вспышку,
Что инда задрожить хоромина та вся.
А фокусъ отойдеть, поднимется возня;
Тутъ стряпчій удалой въ присядку славно пля-
шеть,
А засѣдательша надъ нимъ ширинкой машетъ. —
Да мало ли забавъ! Лишь деньга бы была,
Ужъ залюбуешься, красотка, до зѣла.

Свезу тебя къ сестрѣ недѣли на двѣ въ гости;
У ней по вечерамъ играютъ часто въ кости.
Малеваный гусекъ, и восемь гнѣздъ вокругъ,
На каждомъ свой цифирь — раскинуть надо
вдругъ;
И если трафишь такъ, что кость числомъ тѣмъ
ляжетъ,
Которое гнѣздо гусиное покажетъ,
То ставочка твоя. — Я самъ любилъ играть;
Да больно дома битъ, пришлося перестать,
А то бы и своихъ костей не досчитался. —
Я съ этою сестрой съ младенчества слыкался, —
Мой дядюшка ея былъ деверю своякъ,
А ближе довести родства не знаю какъ;
Но слышалъ отъ того, кто насъ училъ Закону,
Что Богъ велитъ любить Далматову Піону
Затѣмъ, что я ей братъ, а мнѣ она сестра.
Родню свою хвалить не гоже — а востра! —

Довольно ль изъяснилъ, Семира Болеславна,
Всѣ выгоды житья со мною вамъ исправно?
Мудреныхъ отъ меня не ждите вы словесъ,

А въ срокъ купить гораздъ и сѣно и овесъ;
Но если, какъ оселъ, подъ вьюкомъ я вспотѣю,
То лучше ничего сказать вамъ не съумѣю,
Какъ то, что отъ любви шатаюсь безъ ума,
И въ тѣлѣ и въ мозгу ужасна кутерьма. —
Готовъ я и на то, противъ природной лѣни,
Чтобъ, ставши на часокъ предъ вами на колѣни,
Изъ книжки прочитать страницу наизустъ,
Какъ нѣкій описалъ свою любовну грусть
Восточный *Дурилом*, собравшій важну силу,
Чтобъ въ плѣнъ съ собой угнать съ орды княж-
ну *Нецилу*;
«О ты, таинственна небесна красота!
«Воображенія сладчайшая мечта!
«Души моей кумиръ и ландышъ благовонный!
«Воззри на гордый духъ, красѣ твоей преклон-
ный! . . .»
Ахъ! какъ бишь тамъ еще? Постойте! да, —
«Луна
«На Сѣверѣ не такъ въ кругу своемъ полна,
«Не столько видно мачтъ на гордомъ Океанѣ,
«Не столько Магометъ сумбуритъ въ Алкоранѣ,
«Не столько далъ добра ости-индскій намъ на-
родъ,
«Колико мнѣ любви, тебѣ далъ Богъ красотъ!»

Каковъ восточный шахъ, — но я косноязы-
ченъ,
И къ вычурамъ такимъ смаленька не обыченъ;
Я попросту одно заладилъ и твержу,
Когда къ тебѣ въ окно съ плотины погляжу:

Вѣнчаться поскорѣй! — и мать сбилъ съ ногъ
родную,
Да высватай же мнѣ сосѣдку дорогую!
А матушка твердитъ всеобщую молву:
Сынокъ! да поѣзжай искать жены въ Москву;
Тамъ дѣвокъ, говорятъ, тма-тмущая въ народѣ,
Какъ рѣпы родилось на нашемъ огородѣ; —
Лишь стоитъ кошелекъ пошире развязать,
Изъ тысячи дадутъ любую выбирать;
Для трехъ сотъ душъ степныхъ одну жеманну
душу
Кто за-мужъ не отдастъ за этакую тушу?
Вотъ мой тебѣ совѣтъ! Надумайся, ступай,
И съ милою женой по ярмаркамъ качай.
Ну, что тебя, скажи, къ плотинѣ привязало? —
Кормилицу спроси — меня приколдовала
Какимъ-то корешкомъ одна ворожея;
Вѣдь драться съ сатаной не станешь, и нельзя,—
На томъ и кончимъ споръ.—Я губу вдругъ на-
дую,
Уйду въ дремучій лѣсъ, да мѣсяцъ и бунтую;
А тамъ опять за то жъ.—Ужъ будетъ ли конецъ?
Или кинжаломъ въ бокъ,—или надѣть вѣнецъ.—
Усовѣстись, прошу, Семира Болеславна!
Грѣхъ смертный волочитъ меня и такъ издавна.—
Подходитъ мясоѣдъ — рѣши мою судьбу!
Я къ свадьбѣ заказалъ миндальную трубу;
Уже готово все: двуспальняя перина,
Подножіе, свѣчи, попу съ дьячкомъ полтина,
Трезвоны на мази — вся дворня маршируй!
Лишь только скажешь: да! — Ісаіе ликуй!!!

Дубина.

Помѣщикъ наряжалъ прикащика въ село,
Велѣлъ позвать Кузьму, и давъ ему дубину,
Ступай! сказалъ, храни мой домъ, крестьянъ, скотину,
Деревней всею правь! — Кузьма склонилъ чело;
По-рабски стукнулъ въ землю,
И говоритъ: Я внемлю
Боярскій твой указъ, —
И скачетъ на приказъ.
Въ селѣ лишь только то узнали,
Крестьяне съ хлѣбомъ и сотой
Собравшись въ церкви всей толпой,
Начальника встрѣчали,
И какъ быть водится, по-русски величали. . .
На первыхъ онъ порахъ казался нѣшто крутъ,
Однако же и тутъ
Не очень передъ нимъ кто смѣлъ бы ротъ разинуть:
Дубина-то была велика и жестка,
И разъ лишь ею двинуть,
Такъ тотчасъ сатана измелетъ всѣ бока.
Годъ за годъ посмирнѣй, а тамъ и полюбился,
За всякую вину медвѣдемъ не ершился, —
Поношеный голикъ не такъ уже мететъ;
Любилъ прикащикъ жить, на брагу не скупился,
Почасту на пирогъ всю вотчину зоветъ. —

Кто подлинно богатъ,
Иль только тороватъ,
Вѣдь міръ не разсуждаетъ,
А знай лишь опиваетъ;
Нерѣдко и бабье,
Составя посидѣлки,
Умѣли брать свое
И въ жмурки и горѣлки;
И, словомъ, стали всѣ прикащика любить,
Или такъ говорить. —
На сходкахъ въ полный слухъ кричали право-
славны:
Спасибо-ста, у насъ прикащикъ благонравный!
По милости своей и кормитъ и поитъ,
Не мучитъ по судамъ, и всячески ща-
дитъ;
Да лучше намъ его и вовѣки ненадо.
Кузьма растетъ — любовь души его отрада;
Покажется ли гдѣ,
Тотчасъ кричатъ вездѣ:
Мы вовѣки твоихъ дѣлъ добрыхъ не забудемъ,
И гдѣ ты ни живи, любить до смерти будемъ!
На все своя пора,
А ябѣда скора. —
За что-то на Кузьму вся дворня разсердчала,
И барина смутя, съ приказу вонъ согнала.
Кузьма и тамъ и сямъ
Слонялся по дворамъ;
Въ иныхъ не дешевъ харчъ, а денегъ онъ не
нажилъ,
Иной отъ грабежа и нолома не зажилъ;

А напослѣдокъ онъ,
Пустивши тяжкій стонъ,
Рѣшился тамъ искать убѣжища, покоя,
Гдѣ прежде счастливъ былъ, чужое счастье строя. —
Уже ли, думалъ онъ, не призрятъ тамъ меня,
И буду сиротой вездѣ скитаться я?
Еще людей на свѣтѣ много,
Которые боятся Бога;
Хоть знаю я, что нравъ
Людской весьма лукавъ,
Что алчная корысть во всѣхъ душенкахъ пышетъ,
И клятвы на водѣ народъ по часту пишетъ;
Однако же нельзя,
Чтобъ волость, натвердя
Всечасно и вседневно,
Что милъ я ей душевно,
Умыслила бы мнѣ въ избенкѣ отказать.
Чего же я прошу? — Ночлега — и довольно.
Ужасно будетъ больно,
Когда и тамъ его судьба не дастъ сыскать. —
Нѣтъ, нѣтъ!—колико душъ считается ревизскихъ,
Толико тамъ найду людей мнѣ къ сердцу близкихъ! —
Въ телѣгѣ на пути мечтаетъ такъ Кузьма;
Ужъ близко и село, ужъ видитъ и дома.
Сскочилъ — туда, сюда, —
Крестьяне съ нимъ не баютъ,
На дворъ, на полдвора, въ подклѣти не пускаютъ,
Какъ-будто никогда

Не слыхано слыхомъ о немъ въ той сторонѣ.
Крестится мой Кузьма, не грезится ль во снѣ?
Бѣжитъ въ гурьбу крестьянъ, кричитъ: здорово, други!
Оглохли всѣ!—Давно ль у васъ такъ уши туги?
Припомните, какъ вы клялись меня любить,
Меня, по мнѣ самомъ, до смерти не забыть,
За что же вдругъ теперь ворочаете рыло?
Вѣдь, кажется, со мной вамъ жить не худо было?
Взгляните на меня! я тотъ же все Кузьма,
И, право, не сошелъ еще совсѣмъ съ ума;
Я къ вамъ пріѣхалъ жить—отъ бури пріютиться.—
Куда те Богъ несетъ? Здѣсь тѣсно, негодится,—
Дворовъ лишь про себя;
Куда дѣвать тебя?
Рехнулся ты, конечно!
Ну жаль же мнѣ сердечно,
Что могъ я безъ вины вамъ сдѣлаться постылъ.
За что же въ старину, скажите, былъ такъ милъ?
За что? На это есть причины. —
Какія же? чего во мнѣ недостаетъ?
Весь міръ ему въ отвѣтъ: —
Дубины. —
Едва ли и вездѣ не такъ насъ любятъ точно,
По мѣсту, — по чинамъ, — ей-ей! всегда нарочно.

Баркасъ.

У пристани баркасъ, привязанъ, колыхался,
Безъ груза, безъ снастей, — погоды дожидался,
На днѣ его бурлакъ какъ дюжій песъ храпѣлъ,;
И парусъ некошной на шестикѣ висѣлъ:
Вдругъ сверху внизъ бѣжитъ большой построй-
ки судно,
Оснащено совсѣмъ, расписанное чудно;
Отъ мачты въ три ряда склоняяся къ ребру,
Шумѣли паруса, какъ листья на вѣтру;
Широкій равендукъ, гордяся красотою,
И тму своихъ заслугъ считая самъ съ собою,
Съ насмѣшкой усмотрѣлъ вкругъ тонкаго шеста
На суднѣ присталомъ лоскутишко холста.
Откуда рѣчь взялась,—вѣдь гордость чудотворна;
Она и не въ холстахъ, помилуй Богъ! задорна:
Уже ли и тебя равно со мною чтутъ,
Гнилое ветошье, и парусомъ зовутъ?
Смотри, какъ шибко я весь воздухъ разсѣкаю,
Бѣгу — и зданье все собою погоняю.
Земля чистѣйшій ленъ на ткань мою дала,
Работа многихъ рукъ меня произвела.
Сквозь мѣдное зубье основу пропускали,
Утокъ въ два челнока четыре руки гнали,
И вышло изъ меня прекрасно полотно,
Что фламскимъ въ языкѣ торговомъ крещено.
Сравнитъ ли кто въ умѣ твое съ моимъ издѣлье?
Дерюга ты, вотъ все; я знатно рукодѣлье! —
Ну, полно же, уймись, любезный мой землякъ!
Холстина полотну отвѣтствовала такъ:

Некстати ты весьма породою кичишься
И славѣ у людей неправильной дивишься.
На томъ же стебелькѣ съ тобою мы взошли,
Подъ тѣмъ же дождичкомъ и рядышкомъ расли,
Давали вмѣстѣ цвѣтъ и сѣмя вмѣстѣ зрѣло,
Однимъ лицемъ на насъ и солнышко глядѣло.
Что тонѣе меня сработанъ и нѣжнѣй,
Оспоривать нельзя: я грубъ, да и прочнѣй;
За всѣмъ однако тѣмъ, и всякой это знаетъ,
Не качество насъ двухъ на суднѣ расширяетъ.
Коль тихо на дворѣ, ты кажешься тряпьёмъ;
А дунетъ вѣтерокъ, и я стою шатромъ.
Сказалъ — и въ мигъ примѣръ: — бурлакъ давно
проснулся,
Пора уже и въ путь, — съ казной своей смек-
нулся;
Покамѣстъ я писалъ, онъ судно нагрузилъ,
Пока большое шло, и онъ свое снастилъ,
И парусъ навязавъ посредственнаго кошту,
Летитъ какъ на крылахъ по водяному мосту.
Борей распучилъ холстъ, — и легкой на ходу
Плыветъ уже баркасъ съ товарищемъ въ ряду;
Уже опередилъ, ужъ глазъ не видитъ друга...—
Когда попутенъ вѣтръ — велика и дерюга...—

Случалось, чаю, вамъ
Видать и тамъ и сямъ,
Какъ, вздернувъ носъ, дуракъ шагаетъ,
Рѣшитъ, велитъ, опредѣляетъ . . . .
У всѣхъ передъ беретъ! —
Что за диковина — — везетъ!!!

Исповѣдь грѣховодника.

Охота вамъ любить,
Забывъ себя, другова?
Что пользы все тужить
О бѣдствіяхъ чужова?
По мнѣ — пусть ближній мой
Живетъ, какъ Богъ поможетъ;
Что рветъ его покой,
Меня то не тревожитъ.

Довольно горевать
О собственной кручинѣ,
И небу не спускать
Въ отчаянной судьбинѣ;
А впрочемъ, вкругъ меня
Будь моръ, пожаръ, ненастье,
Безъ горя вижу я
Всеобщее несчастье.
На дняхъ къ сосѣду въ домъ
Летѣла съ вихремъ туча,
Внезапу грянулъ громъ, —
И все развалинъ куча;
А я въ тотъ самый часъ
Въ бесѣдѣ наслаждался,
Отъ двухъ прекрасныхъ глазъ
Любовью заражался.

Недавно мертвеца
Подъ окнами моими

Съ земли на небеса
Попы переносили,
А я игралъ въ бостонъ,
И картъ изъ рукъ не кинулъ,
Услышавъ плачъ и стонъ,
Лишь столъ поотодвинулъ.

Въ лохмотьяхъ нищебродъ
Меня не поражаетъ;
Домашній мой народъ
Его съ двора гоняетъ.
Больной мнѣ незнакомъ,
Съ печальнымъ не съѣзжаюсь,
Безсовѣстнымъ займомъ
Съ богатыми равняюсь.

Хоть судятъ, что не такъ
Мораль намъ жить велѣла,
Не слушаю сихъ вракъ;
До нихъ какое дѣло.
Я молодъ и здоровъ,
Къ чему спѣшить спасаться;
Бѣгу отъ всѣхъ трудовъ:
Въ нихъ тяжко отличаться.

Но вотъ чему ей-ей!
Никакъ не надивлюся,
И въ томъ столицы всей
На публику пошлюся:
Меня и тамъ, и сямъ
Хоть скаредомъ злословятъ,

А праздникъ только дамъ,
То всѣ въ объятья ловятъ.

На карточки мои
Отказъ совсѣмъ не въ модѣ;
Чужіе и свои
Летятъ ко мнѣ въ свободѣ,
Мое здоровье пьютъ,
Столъ, домъ, услугу хвалятъ,
Съ пріязнью руку жмутъ,
А послѣ — крѣпко жалятъ! —

Что я имъ всѣмъ постылъ,
Я это точно знаю,
Что мнѣ никто не милъ,
То имъ извѣстно, чаю;
На что жъ такой обмѣнъ
Поступковъ пренегодныхъ?
Ума ли онъ безменъ
Въ сословьи благородныхъ?

У опыта спросись,
Увидишь очень ясно,
Что какъ ни суетись
Для ближнихъ, — все напрасно.
Любви не наживешь,
Довѣренности то же;
Всю жизнь въ трудахъ убьешь —
На что это похоже? —

Коль Богъ, Который далъ
Природу, жизнь, вселенну,

За то во мзду пріялъ
Лишь смерть уничиженну, —
Чего же отъ людей
Ждать долженъ имъ подобной?
Трегранныхъ ста ножей
И ямы безнадгробной.

Нѣтъ, нѣтъ, не положу
Животъ свой за другова;
Я тутъ не нахожу
Веселья никакова!
А лучше всякой день,
Гостей созвавъ араву,
Вкушать пріятну лѣнь
И всѣмъ дарить забаву.

Внемлите, господа!
Здѣсь пуншъ, картежъ и бубны. —
Пожалуйте сюда
Хвалить во гласы трубны
Меня, мою мораль,
И послѣ скажемъ вмѣстѣ:
Какой хозяинъ враль!
Какая жъ дрянь и гости!

Старость не радость.

Такъ точно, такъ, сѣдые мужи!
Заставилъ опытъ вѣрить вамъ,
Что ничего нѣтъ въ свѣтѣ хуже,
Какъ шибко слѣдовать страстямъ. —

Но въ двадцать лѣтъ, скажите сами,
Кому воздержность не скучна?
Увы! — проходитъ все съ годами;
Лишь зубы вонъ — какъ тутъ она.

Живалъ я самъ какъ баринъ знатный,
Все было вдоволь у меня!
Съ Амуромъ день встрѣчалъ пріятный,
Съ Венерой спать ложился я;
Морозъ ли, слякоть за стѣнами,
Меня всегда кидало въ жаръ . . . —
Увы! проходитъ все съ годами:
Я сталъ и хилъ, и слабъ, и старъ.

Затѣи всяки удавались,
Сбывался каждый милый сонъ;
При мнѣ забавы начинались,
При мнѣ печаль бѣжала вонъ;
Любилъ душой, умомъ, глазами,
У милыхъ дѣвушекъ въ кругу . . . —
Увы! — проходитъ все съ годами:
И радъ любить, да не смогу. —

За чашей крѣпкой дрей-мадеры
Готовъ былъ пиръ тянуть до свѣчъ,
Въ бреду паровъ раждать химеры,
Въ пылу страстей всю душу жечь;
Смѣшавши недруговъ съ друзьями,
Кто ихъ узнаетъ, хохочу.
Увы! проходитъ все съ годами:
Теперь смиряюсь и кряхчу.

На деньги глядя безъ вниманья,
Когда копѣйку Богъ пошлетъ,
И ту па балъ, театръ, катанье
Въ минуту дьяволъ унесетъ;
Что нужда сплошь не за горами,
О томъ не грезилъ и во снѣ. —
Увы! — проходитъ все съ годами:
Пришлось о черномъ плакать днѣ.

Вотъ какъ любезная природа
Распоряжается всегда:
Потѣшитъ часъ — да два, три года,
Или до гроба иногда,
Перешептавшись съ небесами,
Въ аптеку выучитъ ходить.
Увы! — проходитъ все съ годами:
Ерв-фикс и мнѣ велятъ ужъ пить *).

Врачи войну мнѣ объявили,
Во флангъ, и въ центръ, и въ тылъ гнетутъ,
Такъ точно, помню, говорили,
Ямщикъ заштатный, спрятавъ кнутъ,
На тройку яркихъ коней глядя,
Летящихъ быстро до Москвы,
Кричитъ, усы въ задорѣ гладя:
Ѣзжали парень-ста и мы!

*) Меня лечили отъ камня.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

НАПИСАННЫЯ ПОСЛѢ ИЗДАНІЯ

БЫТІЯ СЕРДЦА МОЕГО.

Гласъ Вѣры.

Внемлите истинѣ священной
Судьи, владыки и жрецы!
Внушите проповѣдь вселенной,
Во всѣ гремящую концы!
Есть Богъ, нечестія каратель,
Благимъ дѣламъ мздовоздаятель! —
Есть Богъ, — есть судъ — и казнь, и рай!
Не суемудрствуйте, народы!
Отъ дня послѣдня нѣтъ свободы!
О, тварь! Творца не раздражай!

Есть Богъ; — Его я ощущаю,
Куда свой взоръ ни обращу.
Какъ плоть -- колѣна прегибаю!
Какъ духъ — горѣ къ Нему лечу!
Куда бъ мое воображенье
И мыслей быстрое паренье
Меня въ мечтахъ ни увлекло;
Во глубину-ль низринусь бездны,
Иль вознесусь надъ кровы звѣздны, —
Вездѣ Богъ зритъ мое чело!

Вездѣ на семъ челѣ надменномъ
Онъ тайный грѣхъ души прочтетъ;
Въ изгибѣ сердца сокровенномъ
Онъ беззаконіе найдетъ.
Сколь разумъ смертныхъ ни кичится
Въ коварствѣ мыслей обличится
Ослушникъ дерзостный Творца;
Не сыщетъ темной той пещеры,
Куда бы могъ хулитель Вѣры
Сокрыть стыдѣнія лица.

Есть Богъ! — Взгляну-ль на чинъ природы,—
Міровъ зиждителя въ ней зрю.
Десной небесны движетъ своды;
Творитъ въ стихіяхъ миръ и прю;
Бросаетъ молніи на землю;
Въ громахъ Его я гласу внемлю,
И въ огнедышущихъ жерлахъ,
Отколь колеблетъ всю вселенну.
Кто власть Его неизреченну
Не ощутилъ во всѣхъ странахъ!

Вотще язычникъ своевольный
Главу кумирамъ преклонялъ,
Иль новыхъ дней мудрецъ крамольный
Его безумно отвергалъ;
Доколѣ шаръ земной кружится
И ось подъ нимъ не сокрушится,
Дотолѣ тварь возопіетъ:
Есть Богъ! — Онъ крѣпкихъ посрамляетъ

И худородныхъ избираетъ,
И силу въ немощахъ даетъ.

Не тотъ Его достоинъ взора
И можетъ къ благости склонить,
Кто хитростью словесна спора
Его непщуетъ равнымъ быть;
Кто за предѣлы умозрѣнья
Помѣшанна воображенья
Проникнуть ищетъ Божество;
Подобно солнечну свѣтилу,
Творца мірьядъ измѣривъ силу,
Опредѣляетъ существо.

Не тотъ Всевышнему угоденъ,
Кто, отвергая цѣлый свѣтъ;
Какъ мертвый трупъ въ землѣ безлюденъ,
Любовью къ ближнимъ не согрѣтъ,
Ни съ кѣмъ сообщества не водитъ,
Стезей кривой въ пустыняхъ ходитъ,
Блазнитъ, — и соблазняетъ самъ;
Прочтя ученыхъ бредней томы,
Онъ чрезъ монады и атомы
Продраться мыслитъ къ небесамъ.

Текли до насъ огромны вѣки,
И послѣ насъ ихъ не сочтутъ;
Но любопытны человѣки
Предвѣчной тайны не поймутъ;
Во испытаніяхъ глубокихъ
И заблужденіяхъ жестокихъ

Лишатся свѣтозарна дня.
Все въ Богѣ намъ непостижимо,
Одною вѣрой ощутимо.
Онъ Богъ, — довольно для меня!

Я въ мірѣ тлѣнномъ и духовномъ
Зрю въ Богѣ всяческихъ Творца;
Я въ чувствѣ совѣсти спокойномъ
Въ немъ чту Создателя — Отца;
Отъ нечестивыхъ удаляюсь,
Съ строптивыми не препираюсь,
Ни рая долу не ищу.
Коварства ядъ и тонкость злую
Премудростью не именую,
Какъ беззаконникъ трепещу.

Почто намъ, бѣднымъ, домогаться,
Доколь въ земной оберткѣ мы,
Съ духами горними равняться,
И безразсудные умы
Простря въ заоблачныя сферы,
Искать того, чего отъ Вѣры
Одной горячей должно ждать?
Когда насъ хищный міръ тревожитъ,
Одна лишь успокоить можетъ
Божественная благодать.

Такъ, такъ, я вѣрю несомнѣнно,
Что Богу только тотъ одинъ
Угоденъ будетъ совершенно,
Кто надъ страстями господинъ,

Кто духъ смиренія имѣетъ,
И съ добротой души умѣетъ
Ума невинность съединить;
Не любопытствуя ни мало,
Откуда міръ влечетъ начало,
Позналъ, какъ въ немъ правдиво жить!

Супругъ — обѣту сердца вѣренъ;
Отецъ — не раздражая чадъ,
Коль сынъ съ отцомъ нелицемѣренъ,
Сосѣдъ — помочь сосѣду радъ;
Владѣлецъ — благъ къ поселянину;
Слуга покоренъ господину,
И ближнимъ всѣмъ радушный другъ:
Вотъ долгъ людей — залогъ спасенья.
Одушевленнаго творенья!
Для Неба нѣтъ иныхъ заслугъ!

Когда бы такъ мы поступали
Во храмѣ внутреннемъ сердецъ,
О, вѣрно бы не обуяли;
И грѣхъ, сей первородный льстецъ,
Плѣня насъ міра красотами,
Съ богоподобными душами
Не попустилъ бы въ тину пасть,
Изъ коей насъ извлечь насильно
Богатствомъ благости обильна
Одна лишь можетъ Божья власть.

О семъ молитеся прилежно,
Служители земныхъ царей!

Не увлекайтеся небрежно
Въ кумирницы отъ алтарей!
Держите помыслы на стражѣ!
Во смертныхъ смертнаго нѣтъ гаже,
Какъ изувѣръ и суесвятъ.
Всему есть вѣсъ, число и мѣра.
Одна спасетъ разумна вѣра,
Чей духъ намъ искушать велятъ.

Живи средь ближнихъ осторожно,
Какъ змѣй будь мудръ, какъ голубь цѣлъ!
Сей гласъ, гласъ истины неложной,
Изъ устъ Христовыхъ возгремѣлъ.
Когда съ душей придетъ разлука,
Ей уготованъ рай, иль мука!
Межъ тѣмъ, какъ плоть погубитъ тля,
Насъ въ тѣлѣ степень раздѣляетъ;
Но въ духѣ тамъ Богъ всѣхъ равняетъ:
И царь, и рабъ — предъ Нимъ земля.

Взглядъ старца на заходящее солнце.

—

Красно солнышко садится,
Слышу колоколъ донской;
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской. —

Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ;
Окончавши вѣкъ ненастно,
Заплачу свой долгъ судьбѣ!

Скоро духъ угомонится:
Злые вѣстники пришли,
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли. —
Жизнь какъ молнія сверкнула;
Гдѣ ты, призракъ дорогой?...
Буря смертная подула;
Громъ гремитъ; — онъ роковой!

Новый мѣсяцъ народился,
Робко смотритъ изъ-за тучъ,
Частымъ дождичкомъ обмылся. —
Вижу тотъ же томный лучъ,
Коимъ прежде, вдохновенный,
Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И, восторгомъ увлеченный,
Имъ конца не ожидалъ!

Тотъ же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ,
Геній скрылся, — не пою;
Слабымъ перстомъ движу лиру:
Звукъ исчезъ! — кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру,
Отголоска не слыхать.

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу вѣсть даетъ,
Пылкій умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льетъ.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердецъ,
Тутъ природы всей противной
Милъ становится конецъ.

Что въ картинѣ мнѣ прекрасной
Міроздавія всего?
Безъ любви въ восторгахъ страстной
Вся вселенна — ничего!
Если должно — но боюся —
Нитку дней моихъ продлить;
Провидѣніе! молюся,
Силу дай всегда любить!

Нѣтъ, сей даръ не возвращаетъ
Царь природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тму;
Такъ и я въ послѣдни годы
Суетамъ сказавъ: прости!
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути.

Не минетъ меня лихая:
Гнется выя — серпъ готовъ;
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкій кровъ.

Какъ щепа въ рѣкѣ съ волною
Притекаетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь, — и скоро тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ, сливаясь, вѣки
Временамъ кладутъ предѣлъ;
Гдѣ пріемлютъ человѣки
Казнь, иль славу здѣшнихъ дѣлъ.
Все по мнѣ пребудетъ то же;
Паки солнышко взойдетъ; —
Другъ придетъ, — заглянетъ въ ложе,
Но души ужъ не найдетъ!

Онъ почтитъ меня слезами,
Тяжкій вздохъ мнѣ подаритъ,
И нельстивыми устами
Тризну мирну сотворитъ;
Скажетъ: былъ и онъ на свѣтѣ,
Мыслилъ, чувствовалъ, вѣщалъ,
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣтѣ,
И любилъ — пока дышалъ!

Чистый Понедѣльникъ.

1.

Прошла недѣля суматохи;
Умолкли гусли и пѣвцы,
И покаянья тяжки вздохи
Разносятся во всѣ концы;

Спѣшатъ пресвитеры избранны
Лечить сердецъ глубоки раны
И пятна совѣсти смывать;
Безбожныхъ къ Вѣрѣ Православной,
Порочныхъ къ жизни благонравной
Постомъ съ молитвой обращать.

2.

Какая смѣшенна картина
Является въ дѣлахъ людей!
Предметы розны; но причина
Одна и та жъ: игра страстей. . . .
Вчера я пѣлъ, игралъ, прельщался,
Ни съ кѣмъ судьбою не мѣнялся,
И видѣлъ небо на земли: —
Сегодня всѣ мечты пропали,
И мрачной совѣсти печали,
Какъ камень на сердце легли.

3.

Давно ль, доволенъ самъ собою,
Забывъ недугъ, и лѣтъ число,
Я съ вѣчно-пламенной душою
Искалъ тамъ благъ, гдѣ было зло?
Плѣнялъ свой слухъ небеснымъ пѣньемъ,
Глаза — красотъ всѣхъ лицезрѣньемъ;
Всего себя страстямъ отдавъ,
Я мнилъ: восторгъ очарованья
Есть рай души — есть цѣль созданья;
Что радость — Богъ; міръ — храмъ забавъ

4.

И вдругъ волшебство исчезаетъ! — —
Едва народъ глаза смежилъ,
Иванъ Великій возбуждаетъ,
И томный благовѣстъ завылъ.
Какъ-будто преставленье свѣта,
Съ минутой первою разсвѣта,
Великій Постъ уже насталъ;
Во мракѣ ночи сердце бьется,
Угаръ прошелъ — душа мятется,
И тайный гласъ мнѣ такъ вѣщалъ:

5.

«Съ какимъ отчетомъ ты предстанешь
Къ повѣренному Божества?
Предъ нимъ оправдывать чѣмъ станешь
Дѣла разумна существа?
Любилъ — не Небо, прелесть міра;
Святилъ — не Бога, но кумира;
Прощалъ — кому отмстить не могъ;
Богатъ — съ убогимъ не дѣлился;
Высокъ — предъ нижними гордился;
Къ себѣ былъ благъ—къ другимъ былъ строгъ!»

6.

О! сколь мы слабы, малодушны,
Когда, лобзая суеты,
Владычню Промыслу преслушны,
И помрачаемъ въ насъ черты,
Самимъ Творцемъ изображенны,
Его подобьемъ освященны,

Въ которыхъ долженъ духъ витать;
Но духъ — замѣтимъ осторожно —
Не тотъ, какимъ гордимся ложно,
А Духа Свята благодать.

7.

Когда бъ мы чаще разсуждали,
Прогнавъ туманы нашихъ грезъ,
За мигъ веселья бъ не дерзали
Удары рока, гнѣвъ Небесъ
Предпочитать тому блаженству,
Непостижиму совершенству,
Какое любящимъ его
Богъ мира, непреложнымъ словомъ,
Предуготовалъ въ царствѣ новомъ
Сынамъ наслѣдья своего.

8.

Но мы, привыкнувъ заблуждаться,
Легко бѣды переносить;
Чтобъ мигъ одинъ лишь наслаждаться,
Готовы цѣлый вѣкъ тужить;
Подъ игомъ сладостнаго чувства,
Мы истощаемъ всѣ искусства
И дѣятельность всю ума
На то, чтобъ жизнью скоротечной
Утратить блага жизни вѣчной,
Гдѣ ждетъ насъ жупелъ, червь и тма.

9.

О, люди! съ тлѣнной сей юдоли
Прострите къ вѣчности вашъ взглядъ,

Доколѣ въ вашей еще волѣ
Стяжать въ ней рай — избѣгнуть адъ!
На геній свой не полагайтесь,
Хвалой людской не соблазняйтесь!
По смерти слава — звукъ пустой.
Земное все въ землѣ истлѣетъ.
Блаженъ стократъ, кто разумѣетъ
Науку — править самъ собой!

10.

Блаженъ, кто чувствуетъ всечасно,
И съ убѣжденіемъ прямымъ,
Что все, что въ мірѣ ни прекрасно,
Есть тусклый призракъ, мрачный дымъ;
Что персти сынъ не для забавы,
Не для своей безплодной славы,
Всему творенью предпочтенъ;
Что онъ, какъ царь всея природы,
Съ дарами разума, свободы,
Во славу Божью сотворенъ.

11.

Къ сему единственно предмету
Теките сверстники мои!
Мы долго дань платили свѣту;
Пора бѣлить дѣла свои!
Пора готовиться къ жилищу,
Въ которомъ кесарю и нищу
Нѣтъ очистительныхъ седьмицъ,
Гдѣ духъ, оставя здѣсь заботы,
Постигнетъ Господа субботы
Въ единосущіи Трехъ Лицъ.

Посланіе къ пріятелю.

—

Ужъ осень на дворѣ и снѣгъ перепадаетъ;
Зима своихъ предтечъ на Сѣверъ посылаетъ.
Бывало, въ эти дни, на праздникъ храмовой,
Несется пыль столбомъ, летитъ гостей къ намъ
рой;
Для каждаго на вкусъ забавы тамъ готовы,
Приличія не жмутъ тиранскія оковы.
Всѣ за-просто — свои, чужіе и родня;
Не ищемъ кое-какъ убить лишь только дня;
Играемъ безъ причудъ, бесѣдуемъ радушно,
Весь домъ идетъ вверхъ дномъ, никто не молвитъ:
скучно.
Бывало, пиршество отправя такъ въ селѣ,
И новы сѣмена покинувши въ землѣ,
На нивы испрося Небесъ благословенья, —
Хозяйства день, другой, займетъ насъ упраж-
ненье.
Въ скирды сложивши хлѣбъ, въ стога сметавъ
траву,
Бывало, мы теперь сбираемся въ Москву.
Проживши лѣто все въ деревнѣ, на свободѣ,
Безъ всякихъ лишнихъ тратъ, въ угодность глу-
пой модѣ,
Объявимъ свой отъѣздъ; и тотъ, и тотъ сосѣдъ
На проводахъ даютъ прощальный намъ обѣдъ;
Покаломъ чокъ да чокъ, наполненнымъ до края,

Другъ съ другомъ мы опять прощаемся до Мая.
А ты межъ тѣмъ, мой другъ, въ Узоровѣ своемъ
То жъ дѣлая, что я, и вечеромъ и днемъ,
Епистолы ко мнѣ стихами посылаешь,
На встрѣчу отъ меня такія жъ получаешь;
Но шуму не любя и волею принявъ
Уединенья крестъ, философа уставъ,
Живешь одинъ въ семьѣ, какъ пастырь домовитый,
И орошаешь самъ свой садикъ плодовитый.
Ботаникѣ учась не тщетно много лѣтъ,
Умѣешь сохранить и дерево и цвѣтъ,
Отъ нихъ и ароматъ и пользы добиваться. —
Я, бѣдный, не въ тебя: люблю въ толпѣ слоняться;
Я суетенъ какъ червь, охотно въ томъ винюсь,
Лишь ползать не гораздъ, а все-таки рѣзвлюсь;
Но время и ко мнѣ немилосердо стало! —
Не даромъ затвердилъ: бывало, да бывало?
Я нынѣ круглый годъ въ деревню не съѣзжалъ,
На Вражкѣ у себя Пометномъ прохворалъ. —
Хоть лѣтомъ моему завидуютъ всѣ дому,
Но, ахъ! и красный день не взмилится больному.
Поклонная Гора съ окрестностью своей,
Фили, Москва-рѣка, хоть куры бродятъ въ ней,
Прекраснѣйшій ландшафтъ; но кто жъ не согласится,
Что то жъ, да то же все и въ Римѣ пригладится? —
Какъ послушникъ скажу, что басня говоритъ:
Для проходящаго какой прекрасный видъ!
Признаемся, мой другъ, оставя всѣ затѣи,

Которыми въ восторгъ приводятъ грамотѣи,
Что мало для того, чтобъ человѣкъ былъ радъ,
Смотрѣть на пейзажъ и слушать водопадъ;
Шафгаузъ, Чатырдагъ, Темпейскія Долины
Прекрасны для писца фламанскія картины.
Не спорю; но душа — о! вѣрь мнѣ, для нее
Безъ сообщенія мертво на свѣтѣ все.
Умъ, сердце, голова суть органы такіе,
Которыхъ не взманишь, какъ стеклышки глазныя:
Имъ нуженъ не раёкъ — бесѣда, разговоръ. —
Поѣдетъ ли въ Москвѣ къ больному кто на дворъ!
Въ печали и тоскѣ друзей не дожидайся;
Дай праздникъ: — ихъ тутъ тма; а слегъ —
одинъ валяйся.
Но толку нѣтъ роптать; объ этомъ ужъ давно,
И въ прозѣ и стихахъ, вездѣ говорено.
Философы, жрецы, не проходило вѣка,
Старались исправлять безъ пользы человѣка.
Во времени своемъ, я помню, говорилъ
Мнѣ то же мой отецъ, а я за нимъ твердилъ.
Сердилися до насъ, зря въ ближнемъ вѣроломство;
Пришлось сердиться намъ, озлится и потомство;
Вертится такъ весь міръ; не сыщешь наконецъ
Ты въ сотнѣ хитрыхъ душъ двухъ добренькихъ
сердецъ.

У многихъ я слыхалъ, есть проповѣдь прекрасна.
Какъ скуку знать въ семьѣ, когда она согласна?
На что тебѣ скликать со всѣхъ сторонъ гостей?
Съ женою вообще воспитывай дѣтей,
Пиши, читай, своимъ хозяйствомъ занимайся,

Для воздуха выйдь въ садъ, природой наслаждайся.
Такъ точно, господа! вся ваша рѣчь красна,
И Кондильякова въ ней логика полна; —
Но маленькое мнѣ позвольте возраженье:
Мнѣ нужно чувство въ васъ, отнюдь не умо-
зрѣнье;
Такія же гораздъ балясы я точить
И, можетъ быть, другихъ съумѣю научить;
Но дѣло не о томъ: хоть все благополучно
Въ семьѣ моей, хоть я готовъ съ ней неразлучно
Въ чухонскомъ дымовьѣ, въ темницѣ мрачной
жить,
Судьбу, какую Богъ пошлетъ, съ ней раздѣлить;
Блаженство нахожу среди семейна круга;
Любовью всѣхъ ко мнѣ богатъ подъ крышкою
моей,
Повѣрьте, точно такъ; но знаете ли скуку,
Несносную сію однообразья муку?
Взгляните, какъ Дамонъ доволенъ у себя!
Лѣнивое свое спокойствие любя,
Онъ счастливъ, у него все есть, онъ не хлопо-
четъ;
Казалося бы рай; зачѣмъ же не хохочетъ?
Онъ пасмуренъ, уныль: вотъ скука, господа!
Царь рядомъ съ ней сидитъ на тронѣ иногда.
Мы можемъ у себя быть счастливы, довольны,
Въ издержкахъ широки, въ поступкахъ очень
вольны;
Но недостаточно спокойства одного. —
Чтобъ скуку имъ изгнать изъ сердца своего,
И слова и пера, какъ ни хитри искусство,

Веселости нельзя изобразить намъ чувство.
Умѣя ощущать, не можемъ изъяснить;
Ни славой, ни честьми ее нельзя купить.
Ее не привлечешь ни баломъ, ни обѣдомъ,
И часто въ деревняхъ сосѣдъ съ своимъ сосѣ-
домъ
Стократно веселѣй въ свѣтелочкѣ сидитъ,
Чѣмъ тотъ, чей въ златѣ домъ, какъ жаръ въ
Москвѣ горитъ.
Веселость! ты одна животворишь созданье.
Отвергнешь ли твое волшебное вліянье?
Шепни мнѣ на ушко: куда ты скрылась, гдѣ?
То въ насъ самихъ, то внѣ; то всюду, то нигдѣ.
Я помню, какъ бывалъ я очень, очень молодъ,
Повѣса, какъ и всѣ, терпя безъ шубы холодъ,
Лишь только поутру одѣнусь, приберусь,
И задними дверьми коё-какъ увернусь
Отъ злыхъ ростовщиковъ, замученъ сильнымъ
страхомъ,
Нанявъ четверку въ долгъ, лечу орлинымъ ма-
хомъ
Рѣзвиться тамъ и сямъ, комедію играть:
Улыбки цѣлый день не могъ я потерять.
Былъ веселъ, не смотря на всѣ мои заботы; —
Насталъ и для меня вѣкъ тягостной работы.
Казалось, отъ земли сажени полторы
Честолюбивые взнесли меня пары;
При всемъ однако томъ величіи и славѣ,
Путь терніемъ заросъ къ весельямъ и забавѣ:
Былъ счастливъ, не таюсь, спокоенъ, даже радъ,
Но скука вкралась въ духъ - пошло все на разладъ.

О, нѣтъ, мой другъ, о, нѣтъ! веселость есть стихія,
Которой не дадутъ ни камни дорогіе,
Ни канцлерскій дипломъ, ни тысячи крестовъ.—
Что опытъ доказалъ, на то не нужно словъ.
Людей спокойныхъ лѣнь, а мудрыхъ осторожность
Веселости всегда суть противоположность.
Намъ надо для нее—Богъ знаетъ что!—всего:—
Шумъ, роскошь, суета, а часто — ничего!
Безъ зова къ намъ на дворъ ее случайность вводитъ;
Иной порой зовешь, зовешь, и не приходитъ.
Итакъ, сколь ни гордись семьею ты своей,
Спокойство въ ней найдешь, но веселъ безъ людей,
Безъ общества никто, конечно, быть не можетъ,
И скуку разогнать бесѣда лишь поможетъ.
Бесѣдой я зову пріятный разговоръ.
На то ль даръ слова данъ, молоть чтобъ всякій вздоръ?
День цѣлый толковать о травлѣ, картахъ, модахъ,
О сплетняхъ по домамъ, о свадьбахъ и разводахъ?
И съ вѣтра подцѣпя на рынкахъ анекдотъ,
О немъ повѣствовать, не зажимая ротъ?
Разсказъ не разговоръ; иной промелетъ сутки
О томъ, что̀ между бабъ послышалось у будки.

Да, если бъ, напримѣръ, не смысля вовсе зла,
О важномъ чемъ-нибудь въ семействѣ рѣчь зашла,

Подобный разговоръ не долго продолжится.
И тотчасъ да, иль нѣтъ, на языкѣ родится;
Иначе быть нельзя; какъ разумъ ни точи,
Вседневно, всякій часъ, другъ съ другомъ живучи,
Знакомы до того идеи всѣхъ и чувство,
Что разговорное теряется искусство.
Я знаю, что другой мнѣ будетъ возражать,
А тотъ, чѣмъ я готовъ его опровергать,
И кончится успѣхъ домашнихъ разговоровъ
Лишь выразительной *словесностію взоровъ*

Согласная семья — обитель есть друзей;
Довольство, миръ, покой, мы все находимъ въ ней.
Тутъ искреннихъ сердецъ сливаются всѣ тайны,
Тутъ подвиги любви бываютъ обычайны;
При встрѣчахъ роковыхъ участіе, совѣтъ,
Иль въ семьѣ найдешь, или нигдѣ ихъ нѣтъ!
Такъ чувствую и самъ; но это не мѣшаетъ
Тому, кто отъ людей и обществъ убѣгаетъ,
Скучать иной день такъ, что Боже упаси!
Коль хочешь веселъ быть, людей къ себѣ проси,
Самъ ѣзди по гостямъ, не будь Анахоретомъ;
Нѣтъ легче ничего, какъ связь прервать со свѣтомъ,
И замуравиться навѣкъ въ своихъ стѣнахъ;
Ища спокойства въ нихъ, веселья — въ суетахъ.
Частехонько острякъ, хотя безъ характера,
Скорѣй развеселитъ, чѣмъ дружба безъ примѣра.

Начавъ сіе письмо, я взялъ себѣ въ предметъ,
По прошлогоднему тебѣ прислать отчетъ,
Чѣмъ тамъ, гдѣ полагалъ ты насъ, я занимался:—
Ты видѣлъ, что съ Москвой я годъ не разставался.
Недугомъ изнуренъ, унылостью томимъ,
Три мѣсяца почти былъ вовсе недвижимъ.
Аптека всякій день кувертъ мнѣ присылала,
И долго у себя нахлѣбникомъ считала.
Іюля лишь въ концѣ сталъ на ноги опять;
Ужъ поздно было намъ въ деревню помышлять;
Спустивши лѣто, въ лѣсъ кто ходитъ за малиной?
И сей остановленъ невольною причиной,
Сошелъ бы, можетъ быть, съ ума въ пустой Москвѣ,
Ко счастью, тма идей кипѣла въ головѣ.
Съ моленіемъ прибѣгъ я къ Фебу златовласу,
Явиться въ кабинетъ велѣлъ ко мнѣ Пегасу,
И въ области на немъ Фантазьи полетѣлъ.
Ужъ онъ скакалъ, скакалъ; ужъ я потѣлъ, потѣлъ! . . .
Повѣришь ли, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ перо брать въ руки,
Не помню, чтобъ когда, отъ радости ль, отъ скуки,
Такъ много исчертилъ бумажныхъ я листовъ!
Легко ли написать три тысячи стиховъ?
Итогъ имъ подведенъ! вѣсъ тяжкой! ужасаюсь
И самъ, когда на нихъ въ досуги озираюсь;
И думалъ на яву, различны грезя сны,
Что Музы поднесли мнѣ чашу бѣлены.

Нечаянно, что я въ Демьяна превратился,
И за грѣхи мои въ Бедламѣ очутился.

Но риѳма не одна съ ума меня свела;
Рука моя стопу на прозу извела:
На роздыхѣ, шутя и ею занимался.
Мнѣ Богдановича томъ мелочи попался;
Провербы тамъ нашелъ и, глядя на него,
Пословицъ написалъ — полдюжины всего.
Въ семьѣ моей тотчасъ, ихъ выуча исправно,
Похвастаться могу, разыгрывали славно. —
Хотя онѣ и всѣ лишь — на вѣсъ тяжелы,
Для чтенья, не ахти, въ игрѣ не веселы;
Но дѣти при отцѣ и вздоръ когда болтаютъ,
Въ немъ сердце веселятъ и чувства наслаждаютъ.
Вотъ такъ-то, мой дружокъ, я время прогонялъ;
Однако же не все еще я разсказалъ.

Но ты, пожавъ плеча, я вижу, содрогнулся
И вѣрить ужъ готовъ, что въ правду я рехнулся.
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, давно тебѣ знакомъ мой нравъ;
Ты знаешь, для меня пріятнѣй нѣтъ забавъ,
Какъ чтеньемъ и письмомъ вседневно заниматься;
Отнюдь я не ищу стихами прославляться;
Пишу ихъ для себя и прозу точно тожъ.
На нашихъ мудрецовъ я вовсе не похожъ;
До совершенства всѣ они такъ нынѣ падки,
Что въ тысячѣ стиховъ, коль два иль три не гладки,
Творенье и творца на плаху поведутъ,

Анаѳемѣ тотчасъ соборомъ предадутъ.
Богъ съ ними! не для нихъ свое я трачу время.
Изящны письмена мнѣ сладость, а не бремя. —
И то ужъ для меня безцѣнное добро,
Что скуку отогнать поможетъ мнѣ перо.
Пріятель въ смертный грѣхъ ошибки не поста-
витъ;
Чтò ладно, скажетъ такъ; чтò худо, то поправитъ,
Не станетъ за глаза браня, въ глаза хвалить,
Чужія на лету сентенціи ловить.
О! нынѣшни друзья, насмѣшники подспудны,
На это мастера! слыхалъ я судъ ихъ чудный!
Иной на выборъ словъ, другой на риѳму золъ,
Идеи не понявъ, тотъ подлу рѣчь нашелъ;
Не ужъ ли и слова и мысли выраженьи
По смыслу хороши, по звуку лишь въ презрѣньи,
Разставиться должны по классамъ въ словаряхъ
Такъ точно, какъ чины въ адресъ-календаряхъ?
Тотъ, нюхая табакъ, съ таинственной ухваткой,
Прекрасно! возгласитъ; а шепчетъ: слогъ пре-
гадкой;
Тотъ . . . . словомъ, какъ сказалъ Державинъ,
богъ стиховъ,
Кто хочетъ леденцу, кто мерзлыхъ огурцовъ.
Оставя сихъ господъ на олимпійскомъ лонѣ,
Разсказъ мой довершу въ моемъ обычномъ тонѣ.—
Я піитическимъ мечтамъ не зрю препонъ,
И вздумалъ сочинить знакомыхъ лексиконъ,
Въ которыхъ собраны сердечны отношенья: —
Тутъ врагъ мой, тутъ и другъ, любовь и заблу-
жденье. —

Актеровъ тму съ собой на сцену вывожу;
Жизнь — драма, міръ — театръ; играю и гляжу;
Гдѣ плачу, гдѣ смѣюсь, тутъ гнѣвомъ я пылаю,
А тамъ, какъ Карашель, на солнышкѣ притаю.
Какъ весело, нельзя тебѣ изобразить,
Біографическій словарь такой чертить!
Вседневно предо мной мѣняются предметы,
И люди, и мѣста, и случаи, и лѣты;
Въ одинъ и тотъ же часъ я сплошь перелеталъ
Изъ Пензы въ Вильманстрандъ, съ Невы и за Байкалъ;
Ребенокъ, школьникъ, мужъ, старикъ, въ одно мгновенье:
То ѣзжу на конѣ, то строю ополченье.

День за день, такъ-то я до осени доплелъ;
Съ гнѣзда не шевелясь, опять каминъ развелъ;
Опять его пѣвецъ, въ пристрастьи постоянной,
Ждать будетъ здѣсь зимы со свитой окаянной;—
Пускай морозъ стучитъ, ему нельзя меня
Веселости лишить: она — здѣсь у огня.

Размышленіе недужнаго.

Для вѣчности намъ Богъ жизнь временную далъ;
За временную скорбь рай вѣчный обѣщалъ;
Тамъ родина души, всѣхъ таинъ совершенство.
Спятъ трупы подъ землей, ихъ въ небѣ ждетъ блаженство;

И кровію Христа обѣтъ запечатлѣнъ.
Вселенна въ лѣпотѣ, одинъ лишь призракъ тлѣнъ;
Колико въ ней красотъ чудесныхъ ни встрѣчаю,
Но міръ назвать Небесъ подобьемъ не дерзаю;
Далеко нашу мысль и чувство превзойдетъ
Тотъ рай, который Богъ для праведныхъ блюдетъ,
Далеко не вмѣститъ и мудрыхъ постиженье
Великаго Творца ко твари снисхожденье.
Сей велелѣпный міръ, чудесъ огромный храмъ,
Оттѣнокъ лишь того, что̀ Богъ назначилъ намъ.
Пускай мы здѣсь цари, пусть въ силѣ торжествуемъ
И предковъ утоптавъ, потомковъ образуемъ,
На долгій рядъ вѣковъ и зиждемъ и творимъ,
Какъ волны безъ бреговъ среди пучинъ кипимъ;
Но міру есть предѣлъ, и — смертному кончина,
Какъ громко бы его ни славилась судьбина!
Ничто не отвратитъ Всевышняго законъ:
Ни доблести, ни мзда, ни покаянный стонъ.
Но ежели судить о жизни человѣка
По подвигамъ его, — ему не будетъ вѣка.
Вотще въ дѣлахъ искать мы вѣчности хотимъ,
Дивяся старинѣ, впучатъ дивить спѣшимъ.
Пока тѣснится духъ въ вещественномъ составѣ,
Ему причастья нѣтъ въ готовящейся славѣ,
Которой, на краю послѣднихъ нашихъ дней,
Достигнуть суждено отъ юности своей.
Утративши ее въ плачевной сей юдолѣ,
Мы тяжкой подъ грѣхомъ подвержены неволѣ;
Недуги и печаль и всякая бѣда

Соблазновъ свѣтскихъ, суть горчайшій плодъ и
мзда.
Состарѣвшись, на гробъ со трепетомъ взираемъ
И, краткой мигъ проживъ, въ немъ скоро засыпаемъ.
Чего же ради такъ мятемся въ животѣ
И въ жертву небеса приносимъ суетѣ?
Дымъ славы обонять — безъ устали трудимся;
Съ кумирами страстей встаемъ и спать ложимся?
Не смысля, что всему конецъ на свѣтѣ — тля,
Что въ землю снидетъ все, — понеже все земля.

О, Ты, Душа духовъ, превыспреннихъ зиждитель!
Поправшій смертью смерть, Адамовъ искупитель!
Приникни съ высоты въ чертогъ моей души,
Гнѣздящихся страстей волненье утиши!
Какъ Симону Петру, въ моряхъ тиверіадскихъ,
Десницу мнѣ простри, изми изъ пламенъ адскихъ!
Смиряя, научи геройски все терпѣть,
По благодати жить, и — съ миромъ умереть!!!

Воспоминаніе въ Александровѣ, близъ гроба падчерицы моей, Е. А. П.

На мѣстѣ томъ, гдѣ ты родилась
И отцвѣла въ пятнадцать лѣтъ,
Гдѣ мать тобою веселилась,
Ты замѣняла ей весь свѣтъ,

Увы! что вижу? За холмами,
Сквозь оконъ, куполъ тотъ блеститъ,
Подъ коимъ прахъ твой, межъ гробами,
Ужъ восемь лѣтъ отъ насъ сокрытъ.

Все то же здѣсь! куда ни броситъ
Отчаянная мать свой взглядъ;
И всякій шагъ за нею носитъ
Мечту потерянныхъ отрадъ.
Судьба жестокая судила
Здѣсь всѣмъ Елену пережить;
Гдѣ все собой животворила,
Одну ее тамъ не найтить.

Въ тѣни ночной, съ душей стѣсненной,
И я, полмертвый человѣкъ,
Бѣдой такой же пораженной,
Люблю воспоминать твой вѣкъ;
Но въ немъ едва четверту долю
Сочтя моихъ безплодныхъ дней,
Небесъ оплакиваю волю,
Стеню — и покоряюсь ей!

Алёночка! уже ты съ нами
Ни дня, ни вечера не зришь,
И легкими съ саду стопами
За бабочкою не бѣжишь;
Въ объятьяхъ матери счастливой
Ты сердца къ сердцу не прижмешь;
Отъ рѣзвости нетерпѣливой
У ногъ ея не отдохнешь.

Но сколь сугубо ты блаженна
Въ сравненьи съ нашею судьбой!
Жилище смертное: вселенна
Уже не рушитъ твой покой!
Ты въ ликахъ ангельскихъ сіяешь
И, дѣвства чистотой гордясь,
На блага здѣшнія взираешь
Со всей ихъ славой, какъ на грязь!

Но намъ, любезна бывши въ тѣлѣ,
И внѣ твоя душа мила;
Въ твоей безчувственной скудели
Любовь источникъ слезъ нашла;
И мать въ ужасномъ сокрушеньи
Доколь его не осушитъ,
Доколь благое Провидѣнье
Ея дней тяжкихъ не свершитъ!

СТИХИ ЛЮБВИ.

Подарокъ Ан. Ив. Вил-вой.

Ко счастью путь лежитъ одинъ:
Любовь! — другого нѣтъ въ природѣ.
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;

Мгновенья жизни вожделённы
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

Для славы тяжко могъ прожить,
Для сердца радъ бы жить два вѣка.
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ? — Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества;
Любви конецъ — души кончина.
Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашенья
Въ одномъ любовномъ восхищеньи
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что̀ міръ сей населяетъ:
Все ищетъ счастія, любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.
Тѣснитъ ли врагъ, вельможъ соборъ,
Сама-ль спиной Фортуна стала:
Подруга сердца приласкала —
И вся печаль — какъ-будто вздоръ.

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строитъ сила.

Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чего бъ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей,
И въ спискахъ слугъ ея стояли.
Монархи въявъ пренебрегали,
А тайно жгли кадило ей.

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ,
Ты узелъ міра совершенной! —
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья:
Любовь источникъ наслажденья
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

Приди жъ теперь въ поникшій домъ
Дѣлить со мной невзгоды міра!
Тебѣ давно уже знакомъ
Песчаный садъ, каминъ мой, лира.
Все ту же бѣдность ты найдешь;
Но чудеса тебѣ не чужды:
Въ богатство превратятся нужды,
И небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ЭЛЬФРИДѢ.

С..... Н..... За-ной.

—

Коль сердца нѣжнаго довольно,
Чтобы любви достойнымъ быть,
Эльфрида! ты должна невольно
Меня всю жизнь свою любить.
Должна за то, что я съ тобою
Готовъ дѣлить на свѣтѣ все:
Готовъ навѣкъ съ твоей судьбою
Связать все счастіе мое.

Не вѣрь лукавому внушенью
Толпы обманчивыхъ льстецовъ:
Чтобъ дать видъ правды обольщенью,
Языкъ богатъ въ наборѣ словъ.
Я самъ на свѣтѣ прожилъ много,
Страстей тревоги испыталъ;
Страстями былъ наказанъ строго,
Любви прямой не измѣнялъ.

Чета сердецъ и откровенность,
Взаимныхъ чувствъ между людей:
Такая въ жизни драгоцѣнность,
Какой подъ солнцемъ нѣтъ милѣй.
Любовникъ сто побѣдъ исчислитъ,
Но что въ нихъ проку? — пустоцвѣтъ!

Уроковъ опыта не смыслитъ,
Добыча есть — да счастья нѣтъ.

Эльфрида! другъ мой — восхищаться
Не вѣчно можетъ человѣкъ!
Онъ любитъ жить и наслаждаться,
Его такъ краткокъ, — труденъ вѣкъ.
Восторгъ минутный утомится,
Какъ легкій вѣтеръ прелетитъ, —
Любовь до самой смерти длится:
Она и прахъ животворитъ.

Любовь и за предѣломъ жизни
Надежды якорь утвердя,
Въ небесной ангельской отчизнѣ,
Свои отрады возродя,
Зари ждетъ вѣчности прекрасной,
И, милый встрѣтя тамъ предметъ,
Не призракъ дѣлитъ съ нимъ опасной,
Но чистый огнь — и тихій свѣтъ!

Посланіе къ Н. Д. Иванчину-Писареву.

Въ альбомъ писать стихи—мое ли, право, дѣло?
Ты требуешь того — я приступаю смѣло; . . .
Но что писать къ тому, кто такъ взрастилъ
какъ ты
Неувядаемы поэзіи цвѣты,
Кто *смѣлъ* (твои слова) *близъ ангела молиться,*
И съ образомъ его отъ свѣта удалиться? *)
Хоть два раза почти я старѣе тебя,
Но такъ же горячо и самъ еще любя,
Довѣренности въ знакъ здѣсь молвлю откровенно,
Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
Дано Творцемъ міровъ съ безсмертной намъ ду-
шой.
Пускай смѣется свѣтъ, сіи читая строки,
Что старый хрѣнъ, какъ я, даетъ любви уроки:
Зачѣмъ же нѣтъ? Скажу, душа моя жива,
Ко сладости любви она еще нова.
Ее не умертвятъ ни времена, ни годы,
И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ сво-
боды,
Способенъ иногда блаженства чашу пить,
Въ хороминѣ простой все небо заключить.
Любовь, котора насъ то нѣжитъ, то тревожитъ,

*) Относится къ однимъ изъ стиховъ хозяина альбома.

Которой изъяснить ни чей языкъ не можетъ,
Любовь есть нашъ удѣлъ, сокровище души,
Богатство въ нищетѣ — величіе въ глуши;
Отъ прелестей ея какой мудрецъ спасется?
Мы любимъ всякой день, доколѣ сердце бьется,
И даже, признаюсь, подъ крышкой гробовой.
Мнѣ кажется, туда сокроется со мной
Послѣдняя мечта, послѣдній видъ предмета,
Который былъ мнѣ здѣсь всего дороже свѣта.
Законъ души моей въ альбомъ вмѣщаю твой:
Кто любитъ — тотъ въ раю; кто милъ — тотъ
богъ земной!

Сила Генія.

Господинъ Сегюръ, бывши нѣкогда посломъ своего двора при Екатеринѣ, допущенъ былъ въ Ея приватное общество и удостоивался нерѣдко бесѣдовать съ Нею о разныхъ философическихъ предметахъ, въ кругу отборныхъ мужей Ея Имперіи. Сіи часы составляли золотые досуги Екатерины. Думать надобно, что однажды угодно Ей было разсуждать съ французскимъ министромъ о причинахъ моральнаго зла въ мірѣ, и, по поводу сего разговора, онъ написалъ

небольшое сочиненіе въ стихахъ, которое посвящено Императрицѣ въ видѣ посланія, и которое я перевелъ на россійской языкъ.

Напрасно мыслишь Ты, что нравственное зло
Отъ мѣстнаго небесъ вліянья истекаетъ;
Натура, въ простотѣ, какъ чистое стекло,
Намъ кажетъ видъ вещей, но ихъ не созидаетъ;
Она пестритъ цвѣты, питаетъ всякой злакъ,
Даетъ морозъ и зной, свѣтъ солнечный и мракъ;—
Но нравы улучшить, ума дары свободны, —
Законы лишь одни, не климаты способны.
Ты видѣла въ землѣ кремнистой и пустой,
Гдѣ съ нуждой Скандинавъ съѣдаетъ хлѣбъ сухой,
Съ какимъ умомъ, когда Густавовъ родъ тамъ правилъ,
Бояться онъ себя Германію заставилъ;
Ты зрѣла, какъ среди болотныхъ камышей,
Голландія войной и твердостью своей
Умѣла пріобрѣсть довѣренность вселенной,
Отчизну создала, воздвигла сильный флотъ
И, областію ставъ въ расчетахъ несравненной,
Сокровищами свой прославила народъ.
Проникнемъ въ нѣдра мы, владычица полсвѣта,
Чей блескъ еще теперь восторгу стоитъ слезъ:
Взгляни на Римъ и Тибръ—тщеславны два предмета —
Тамъ З[illegible]совъ куполъ цѣлъ, духъ Цезаревъ — исчезъ!

Сойдемъ въ волшебный край, столь памяти пріятный,
Гдѣ Музъ былъ и витій разсадникъ благодатный,
Прославленныхъ вождей златая колыбель,
Гдѣ каждая пядень утоптанныхъ земель
Есть дива монументъ.... Что съ Греціею стало?—
Подъ тѣнію гробовъ чело ея увяло.
Чего смотрѣть летитъ къ ней любопытный взглядъ?
Развалинъ лишь однѣхъ величественный рядъ,
. . . .
Хотя Пермесъ и Пиндъ еще хранитъ судьбина,
Темпейская цвѣтетъ блаженная долина,
Хотя мѣста все тѣ жъ, но Греціи ужъ нѣтъ!
И въ солнечныхъ лучахъ смеркъ Аполлоновъ свѣтъ!
Изъ сихъ горячихъ странъ прейди со мной въ другія,
Гдѣ вся противна имъ вещественна стихія,
Гдѣ вовсе нѣтъ весны, родится тощій хлѣбъ,
Моритъ въ снѣгахъ свой зракъ оледенѣлый Фебъ:
Тамъ варварствомъ однимъ взлелѣянны народы,
Славянъ и Гунновъ тмы — чудовища природы —
Чугунныя поля оставя за собой,
Текли весь міръ страшить ужасною войной,
И ярости во мзду ихъ витязи суровы
Къ татарскимъ племенамъ попалися въ оковы.
Казалось, вѣчный мракъ забвеніемъ покрылъ
Несмысленной толпы набѣги дерзновенны;
Исплавлены мечи въ серпы порабощенны —

И бить челомъ въ Орду ихъ гордый царь ходилъ. . . .
Явился Исполинъ! — Все Генію покорно! —
Онъ, само естество преодолѣвъ упорно,
Россію выше всѣхъ широкихъ царствъ возвелъ;
Всякъ подданный подъ Нимъ въ геройствѣ посѣдѣлъ.
Законы начерталъ, Монархію поставилъ,
И тѣхъ, чью цѣпь сломалъ, враговъ ковать заставилъ;
Царей съ престола свергъ, Стамбулъ затрепеталъ
И безднами морей югъ съ сѣверомъ вѣнчалъ.
Стезей Его идя, въ слѣдъ мудру вдохновенью,
Екатерина вдругъ, Европы къ изумленью,
Наказомъ и мечемъ Совмѣстница Петра,
Россіи показавъ ключи ея добра —
Одѣла въ новый блескъ, вела отъ силы въ силу
Ту жъ самую страну, издревле столь унылу,
И въ тѣхъ краяхъ ея поставила предѣлъ,
Куда Филиппов сынъ проникнуть не успѣлъ;—
У ногъ Ея заглохъ звукъ древней его славы;
Явились при дворѣ художества, забавы,
И снова въ немъ процвѣлъ тотъ Людовика вѣкъ,
Въ которомъ жилъ умомъ и сердцемъ человѣкъ,
Учился размышлять судья и драться воинъ, —
Равно тотъ и другой вниманья былъ достоинъ.
Дымилася Чесма подъ заревомъ побѣдъ
И Турокъ былъ въ грозѣ; смиренъ Полякъ и Шведъ;
А свой народъ, Ея стяжавъ благотворенья,
Блаженства не искалъ въ софизмахъ умозрѣнья;

Терпимость и законъ, дѣятельность труда
Селятъ въ степяхъ людей и красятъ города.
Итакъ, въ картинѣ сей увидимъ, сколь напрасно
Въ предубѣжденье мы вдаемся ежечасно,
Считая, будто царствъ вѣкъ, такъ сказать, златой
Образовать должны земной съ воздушнымъ слой.
Не почва, а законъ ихъ благо созидаетъ,
И славою престолъ не климатъ озаряетъ.
Державы всѣ равны, а блескъ ихъ отражать
Принадлежитъ тому, кто знаетъ управлять.
Во всѣхъ вѣкахъ сія намъ истина открылась:
Гдѣ Геній повелѣлъ — натура покорилась!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ДОЛГОРУКАГО.

ТОМЪ I.

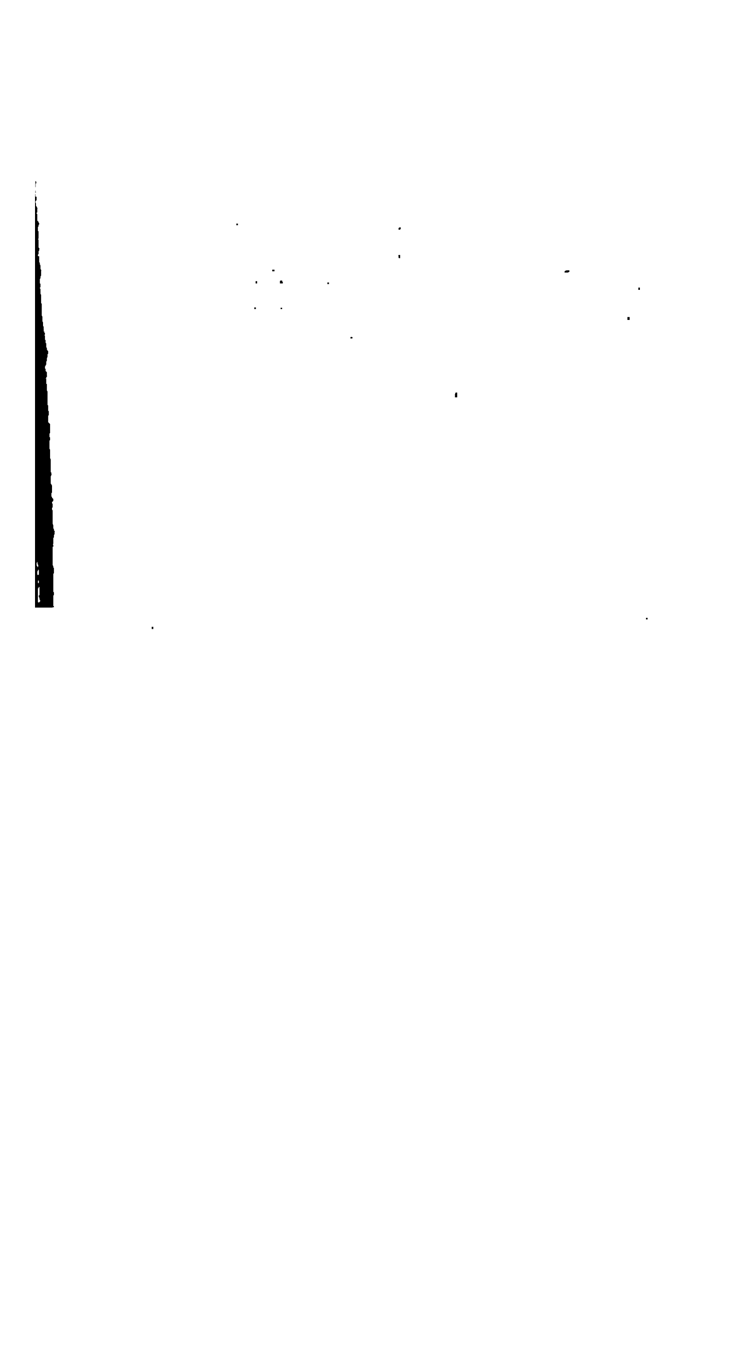
НАДГРОБНЫЯ.

ОДЫ.

ПОСЛАНІЯ.

ПОСЛАНІЯ КЪ АНОНИМАМЪ.

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ ЛИЦАМЪ.



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 20 1848 года.

Ценсоръ *Никитенко.*

СОЧИНЕНІЯ

ДОЛГОРУКАГО

(Князя Ивана Михайловича.)

Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

Цѣна за два тома два р. сер.

СУМЕРКИ

МОЕЙ ЖИЗНИ.

Лучше десять разъ горѣть,
Чѣмъ однажды овдовѣть.

Русская пословица.

ЕВГЕНІИ.

Кому, кромѣ тебя, милый другъ мой, могу я посвятить весь этотъ плодъ мрачнаго моего воображенія и печальнѣйшихъ дней жизни? Ты былъ мой Геній: тебѣ принадлежатъ всѣ мои горестныя вдохновенія! Доколѣ ты украшала свѣтъ собою, я тебѣ не приносилъ въ жертву стиховъ; нѣтъ! Когда я ими дарилъ весь твой полъ, тогда я посвящалъ тебѣ мою душу, мое сердце, каждую минуту моего бытія, и этимъ только возможнымъ смертному приношеніемъ хотѣлъ столько отличить чувства мои къ тебѣ отъ всѣхъ общихъ мнѣ съ другими пристрастій, сколько отличали тебя отъ прочихъ твой рѣдкій нравъ и свойство. Твоему разсудку, твоей кротости, твоимъ пріятнымъ внушеніямъ я обязанъ былъ всѣми драгоцѣнными минутами моего существованія. Ты научила меня быть добрымъ и полезнымъ и заставила меня чувствовать всѣ тѣ прелести жизни, какія ощущаемъ мы, когда благонравная и любезная женщина обладаетъ нами. Сердце мое кружилось, не умѣло быть постоянно, не стоило тебя, — это правда; но когда я входилъ во внутренность его, когда могъ его находить свободнымъ отъ паровъ пламеннаго во-

ображенія, я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгеніи* выше всѣхъ въ свѣтѣ, и никакой иной предметъ не силенъ былъ въ этомъ чистилищѣ прямой любви выдержать сравненія съ тобою; послѣ бурныхъ волненій страстей, послѣ порывистыхъ желаній обольщеннаго взора и ума, ты всегда находила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и тебѣ, какъ Богу, курилъ я жертву истинной любви. Когда изображенья многихъ стирались въ душѣ моей и не оставляли даже малѣйшаго о себѣ напоминанія, одинъ твой образъ въ немъ день отъ дня врѣзывался глубже, и слова твои были для меня закономъ. О, безподобное преимущество добродѣтели! священныя права непорочности! вы были сокровище моей *Евгеніи* и неотъемлемая ея собственность! Съ восторгомъ исповѣдую я публично сіи сокрытыя въ глубинѣ сердца моего истины; и чѣмъ инымъ могу я воздать милому праху безподобной жены за всѣ ея благодѣянія, за ту блаженную судьбу, которою, наслаждаясь 17 лѣтъ, обязанъ былъ одной ей, ея наставленіямъ, ея любви?—Она занимала мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое понятіе и, останавливая нерѣдко на скользкомъ пути заблужденія, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣляя съ терпѣливостью стоическою иго моей бѣдности, она безъ ропота сносила мои недостатки, плакала со мною о тѣхъ бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною своею неосторожностью. Вотъ ея жертвы, —а мои, увы! состоятъ только въ стихахъ.

Я не могу ни чѣмъ возвысить ея жребія: титло, одно титло громче другаго въ свѣтѣ, есть — бѣдное пріобрѣтеніе для добродѣтели. Какъ зодчій зиждетъ зданіе, такъ она приготовляла меня постепенно быть способнымъ доставить ей въ старости дней ея то спокойствіе, какого вправѣ была она ожидать отъ Безсмертныхъ; но рокъ похитилъ ее у меня, какъ бы въ усугубленію потери моей, въ то время, когда, свойственно существамъ нашего пола, теряя мечты обманутыхъ чувствъ, начинать пріучаться къ счастію имѣть нѣжную подругу и беречь сей даръ боговъ неоцѣненный. Она меня не слышитъ уже, не видитъ, и я только на бездушный смотрю истуканъ ея. Если перо мое когда-либо испорчено могло быть лестью (если, говорю я потому, что, будучи простодушенъ, я никогда не обманывалъ другихъ иначе, какъ обманываясь прежде самъ, слѣдовательно внушалъ какъ истину то, что мнѣ ею подлинно казалось) — то никогда не было ея менѣе въ устахъ моихъ, какъ нынѣ. — Сердце мое изливаетъ на бумагу весь сосудъ печали своей въ память одной *Евгеніи*, которую еще дерзну назвать *моею*, хотя душа ея Небу одному уже принадлежитъ. Міръ, это пространное эхо безчисленныхъ языковъ, судитъ о движеніяхъ сердца по внѣшнимъ однимъ чертамъ нашихъ лицъ и поступковъ; онъ не знаетъ тайны сердца моего, и я на судъ его не отдамъ ее вовѣки; но ты, *Евгенія*, ты знала мою душу, и съ неба взирая на мою печаль, отдашь справедливость тѣмъ

чувствамъ моимъ къ тебѣ, коими памятникъ твой надгробный украшаю! Но, ахъ! вмѣстѣ съ симъ я тѣнь твою драгоцѣнную не обольщаю; я сынъ Природы, и не смотря на неисчислимый источникъ слезъ моихъ, пролитыхъ надъ каждой бездѣлкой, и послѣ тебя у меня сохранившейся, думаю также, какъ одинъ писатель, [illegible] о томъ, для чего время похищаетъ самыя [illegible] печали о смерти милаго предмета, и часъ-отъ-часу дѣлаетъ ихъ слабѣе, — не смотря на всю чрезвычайность мучительной тоски, — можетъ быть, я судьбою предопредѣленъ буду на-конецъ міру, дабы послужить новымъ примѣромъ человѣческому роду, что нѣтъ неисцѣлимаго сокрушенія, и что Натура тверда въ своихъ законахъ, независимо отъ положенія нашего сердца. — Пусть собраніе сихъ стиховъ, именемъ твоимъ одушевленныхъ, будетъ послѣдній видимый даръ мой на пепелъ гроба! Я не тщетно назвалъ тебя Сумерками — ты была солнце лучшихъ лѣтъ моей жизни! Музы и пріязнь поддерживали сердце мое, ибо я обязанъ былъ развлекаться отъ убійственной моей печали, которая, если скоро послѣ неожиданнаго твоего заката не низложила меня въ могилу, то для того единственно, чтобы опровергнуть сію ужасную истину, что нѣтъ той бѣды на свѣтѣ, которой бы человѣкъ не пережилъ.

1806 года Декабря 20 дня.

СУМЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

24 Декабря, въ день ея именинъ.

Pour l'aimer c'est trop peu d'une amie, je le sens,
Et pour la regretter, c'est trop peu de la vie.

—

Тебѣ, Евгенія, приносимъ
Любимый твой Адажіо въ даръ!
Природу, мать всѣхъ тварей, просимъ,
Да уврачуетъ нашъ ударъ!
Въ ея ты нѣдра возвратилась;
Тебя не слышимъ мы — не зримъ,
И гдѣ душа твоя сокрылась,
Увы! вотще познать хотимъ.

Приникни къ намъ съ высотъ священныхъ!
Услыши сей печальный хоръ
Супруга, чадъ преогорченныхъ,
И кинь на домъ, сей домъ, — твой взоръ!
Твоихъ пріятствъ изображенье
Изъ глазъ не выйдетъ никогда;
Любезныхъ свойствъ воображенье
Въ умахъ осталось навсегда.

Къ тебѣ мы руки воздѣваемъ,
Изъ сердца вздохъ унылый шлемъ;
Тебѣ всю нашу скорбь вѣщаемъ,
Блажимъ, боготворимъ, поемъ:

Въ странѣ, гдѣ всѣхъ существъ Зиждитель
Для правыхъ душъ устроилъ рай,
Ты будь въ ней ангелъ нашъ хранитель,
И сирыхъ насъ не забывай!

О, Боже! насъ всего лишившій,
Отнявшій друга, мать, жену,
И мглой отчаянья покрывшій
Дней нашихъ осень и весну —
Реки, судьбу мою свершая,
Реки мнѣ, Господи: — умри!
И, съ ней меня вновь соединяя,
Намъ вѣчну память сотвори!

Въ день ея рожденія, 25 Декабря.

Возьми меня, мой другъ сердечной!
Возьми къ себѣ въ небесный край!
Съ тобой отрады жизни вѣчной,
Съ тобой вкушать тамъ буду рай.
Увы! что въ жизни сей мятежной,
Гдѣ тишины нельзя найтить,
Гдѣ рокъ всѣмъ общій, неизбѣжной —
Грустить, вздыхать и слезы лить?

Ни что меня не утѣшаетъ
Въ разлукѣ вѣчной здѣсь съ тобой,
И каждый мигъ лишь удаляетъ
Отъ чувствъ растроганныхъ покой.

Что̀ прежде мысли занимало,
Исчезло все, какъ легкій сонъ,
И сердце нѣжное спознало
Тоски ужасный тяжкій стонъ.

Въ моей уединенной долѣ
Какой отрадой духъ польстишь?
Блаженства нѣтъ и на престолѣ,
Когда на немъ одинъ сидишь.
Самъ-другъ велитъ намъ жить Природа;
Душа въ другой душѣ живетъ:
Несноснѣй смерти та свобода,
Котора цѣпь любезну рветъ.

Я эту цѣпь безъ принужденья
Носилъ семьнадцать слишкомъ лѣтъ;
А смерть, ея разсыпавъ звенья,
Тюрьмой назначила мнѣ свѣтъ.
Пора, пора мнѣ съ нимъ разстаться,
Искать въ той вѣчности угла,
Гдѣ бъ можно было не терзаться,
И съ милымъ другомъ жить безъ зла!

Печаль, болѣзнь оставя смертнымъ,
Какъ ихъ естественный удѣлъ,
Я жажду къ существамъ безсмертнымъ
Проникнуть смерти за предѣлъ,
И тамъ, во области священной,
Въ прохладѣ вѣчно-ясныхъ дней,
Съ женой единственной, безцѣнной,
Жить сердцемъ, мыслью и душей!

РОМАНСЪ.

31 Января, въ день, въ который я на ней женился.

Потерявши все на свѣтѣ
Съ безпримѣрною женой,
Что жъ осталось мнѣ въ предметѣ,
Кромѣ смерти лишь одной?

Всякій день мое несчастье
Множитъ пропасть мыслей злыхъ;
Все вокругъ меня ненастье,
А дни ясны для другихъ.

Ахъ! кому теперь открою
Тайны чувства моего?
Съ кѣмъ дѣлиться мнѣ душою,
Сердцу биться для кого?

Въ безконечной сей громадѣ,
Что̀ вселенною зовутъ,
Гдѣ найду я путь къ отрадѣ?
Мила друга нѣтъ ужъ тутъ!...

Онъ отъ глазъ моихъ сокрылся,
Не на часъ — а навсегда!
Съ нимъ я жизнью веселился;
Безъ него мнѣ жизнь — бѣда!

Всѣ душевны восхищенья,
Все вниманіе друзей,
Ласки нѣжной услажденья
Находилъ въ женѣ моей:

Она рай мнѣ созидала
Безподобный при себѣ,
Цѣну жизни придавала
И красу моей судьбѣ;

Я не зналъ тогда печали,
Не страдалъ уединенъ;
Всюду радости встрѣчали;
Дома вдвое былъ блаженъ;

Я любилъ, и быть любезнымъ
Искалъ другу моему,
И страданьемъ безполезнымъ
Не былъ въ тягость никому;

А теперь мнѣ все несносно!
Что ни дѣлай, нѣтъ ее!
Для чего жъ не смертоносно
Мнѣ отчаянье мое?

Для чего вы продолжили,
Боги, тщетну жизнь мою?
Для чего вы растворили
Токи слезны, кои лью?

Я дышу еще къ мученью,
Не желая ничего,

И враждуя утѣшенью,
Жду отъ времени того,

Чтобъ свою явило силу
Не цѣлить мою печаль,
Но вселить въ одну могилу
Съ той, кого до смерти жаль!...

Тоска.

Все на свѣтѣ заблужденье,
Видимъ ясно всякій день;
Гдѣ жъ прямое утѣшенье?
Иль вездѣ его лишь тѣнь?

Насъ природа обольщаетъ,
Пустяками все манитъ;
Тѣмъ поутру восхищаетъ,
Чѣмъ на вечеръ погубитъ.

Для чего тотъ садъ, тѣ воды,
Гдѣ мнѣ годъ казался мигъ,
Гдѣ дурной не зналъ погоды,
Нынче хуже всѣхъ другихъ?

Ахъ! вся жизнь ни что̀ какъ мука,
Злыхъ путей горчайшій слѣдъ;
Съ ней мгновенная разлука
Легче всѣхъ на свѣтѣ бѣдъ.

Каждый день, какъ солнце встало,
Нову шлетъ судьба печаль;
Солнце къ западу лишь пало,
Все чего-нибудь да жаль!

Долго ль будемъ мы шататься
Какъ тростникъ въ юдоли сей?
Долго ль будемъ обольщаться
Измѣненіемъ страстей?

Лучше вѣкъ бы не родиться,
Въ пустотѣ хаоса быть,
Чѣмъ съ разсудкомъ все браниться,
Или съ сердцемъ все тужить.

Жизни вхо̀ды отверзая,
Тяжко всякой день страдать;
Тяжко, пепелъ въ хлѣбъ вмѣняя,
Питье съ плачемъ растворять.

И сію судьбу блаженствомъ
Иногда еще зовемъ!
Все творимъ съ несовершенствомъ,
А премудрыми слывемъ;

Мы вселенной обладаемъ,
Мы гордимся красотой;

Мы богатство расточаемъ;
Что жъ мы сами? — Прахъ земной.

Смерть! тебя пусть тотъ страшится,
Кто печали не позналъ,
Кто лишь въ радостяхъ слезится
И въ недугахъ не вздыхалъ.

Для меня здѣсь нѣтъ покою,
Я во гробъ къ нему сойду:
Разлучася самъ съ собою —
Всѣмъ бѣдамъ конецъ найду!

Жизнь.

Qu' est ce que la vie? — une guerre —
Une guerre eternelle avec le malheur.

Посмотришь на себя, посмотришь на людей:
То скука, то печаль—нѣтъ дня безъ приключенья,
Минуты безъ досадъ, часа безъ огорченья;
И вся-то наша жизнь не стоитъ двухъ грошей.

Родимся — закричимъ, въ пеленки завернемся
И въ нихъ уже болѣзнь присутствовать начнетъ:
То вырѣжется зубъ, то колика пройметъ,
А съ оспой наконецъ порядочно набьемся.

Лишь станетъ разумѣть ребенокъ что-нибудь,
То въ школу; тутъ онъ книгъ полсотни прочи-
таетъ,
На прописъ, на циферъ стопъ десять измараетъ!
Всему гораздъ дитя; каковъ-то будетъ путь?

Изъ школы молодецъ на службу покатилъ;
Хотя законовъ онъ своихъ еще не знаетъ,
Но такъ какъ гражданинъ, родъ жизни избираетъ:
Про то ему старикъ отецъ уже внушилъ.

Куда же молодца запишемъ, для примѣра? —
Въ солдаты? Хорошо — ружье ему, тесакъ.
Капралъ кричитъ въ сердцахъ за все про все
не такъ;
Тотъ слово — онъ туза, — а фухтель не химера.

Игрушкою такой — (легко повѣрять мнѣ)
За Логикой убивъ всю молодость исправно,
Не всякому, я чай, потѣшиться забавно,
И фухтелемъ рѣшить проблемы на спинѣ.

Куда же молодца? — Ужъ ли пойти въ отставку?
Зачѣмъ? — Пускай его идетъ въ приказный чинъ;
Тамъ будетъ дѣйствамъ онъ изыскивать причинъ,
И станетъ брать къ себѣ изъ всѣхъ кармановъ
справку.

А Логика? — Нельзя; она вѣдь говоритъ,
Что кто безъ всякихъ правъ польстится взять
чужое,
Безчестно поступя, тотъ сдѣлаетъ худое;
Отъ мысли сей одной ужъ онъ съ стыда горитъ.

Онъ очень честенъ, добръ и судитъ безпри-
страстно,
Да сверхъ того еще курсъ Физики прошолъ,
Виргилій въ головѣ, Алгебру всю смололъ,
На глобусѣ весь свѣтъ межуетъ распрекрасно.

Острякъ — а хлѣба нѣтъ, и даромъ не дадутъ.
Тѣ мимо его чинъ, тѣ пенсію хватаютъ;
Онъ нудится — а рай другіе восхищаютъ,
И трудъ его цѣнитъ весьма нерѣдко шутъ.

Какъ въ случаѣ такомъ прикажете рѣшиться?
Хоть *Канта* въ микроскопъ какъ мошку разбери
И древнихъ мудрецовъ всѣ строчки разсмотри,
Взять стыдно, а не взять — такъ воздухомъ пи-
таться.

Инъ лучше кинуть все, — взялъ абшитъ и домой.
Прекрасно! право такъ; — почувствуй тамъ сво-
боду,
Не будутъ ни тебѣ, ни ты скучать народу;
Въ блаженной простотѣ узнаешь ты покой.

Геснера вѣдь читалъ; — прекрасныя овечки
Съ прекраснымъ пастушкомъ пасутся тамъ
всегда,
Лазурный сводъ небесъ, прозрачная вода,
Тамъ мѣсяцъ вмѣсто свѣчъ, а солнце вмѣсто
печки.

Пріѣхалъ? что нашелъ? — Пастухъ мой какъ
пастухъ,
Арапникомъ овецъ претолстымъ погоняетъ,

Стрижетъ ихъ безъ пощадъ, и грамотѣ не знаетъ,
И вмѣсто миртовъ, ахъ! какой прескверный духъ!

Тамъ осень — вечера — зимой пошли морозы;
Подай-ка, малый, свѣчъ—внеси-ка, Фомка, дровъ.
Ахти, какой климатъ! не все ль онъ такъ суровъ?
Бесѣды никакой — лишь тянутся обозы.

Семъ въ городъ? — Въ лучшій свѣтъ — и, вѣдомо,
ступай;
Тутъ молодости всѣ пріятности явятся,
Нѣжнѣйши страсти въ духъ тихохонько вселятся;
Рѣзвись — играй — люби: — вотъ счастье гдѣ —
вотъ рай!

И подлинно раекъ — любовная досада,
Вражда большихъ господъ—коварство, гордость,
лесть,
Насиліе сердецъ, обманчивая честь,
За правду — гнѣвъ и зло, за проискн — награда.

Друзей ни одного — враговъ и счету нѣтъ;
Снаружи видъ небесъ — въ душѣ весь дымъ
геенны;
Корысть единый Богъ — ей всѣ порабощенны:
Не правда ль, какъ хорошъ повсюду лучшій свѣтъ?

Женился? — трепещи — предупреждай измѣны;
Дѣтей далъ Богъ? — ищи, чѣмъ юныхъ пропи-
тать;
Кому помолвить дочь, — куда сынка дѣвать;
Почувствуй ихъ судьбы внезапныя премѣны.

А между тѣмъ вѣдь ты въ надеждѣ, что твое
Имѣнье отъ обидъ заочно охранится,
Твой пахарь, домъ, земля отнюдь не разорится;
Провѣдай, господинъ помѣщикъ — сгибло все.

Но можно, чай, просить, чтобъ слѣдовать велѣли.
Конечно — о! тогда все въ ясность приведутъ!
Изъ тяжбы въ тяжбу такъ тебя жъ заволокутъ,
Что будешь радъ тому, что самаго не съѣли.

Вотъ всѣхъ суетъ успѣхъ и жизни общей мзда.
О славѣ уже здѣсь не говорю ни слова;
Спросите на ушко изъ знатныхъ баръ любова,
Не жметъ ли ихъ подчасъ алмазная звѣзда?

А молодость едва промчитъ на крыльяхъ время,
Не взвидишь, какъ тотчасъ морщины посѣтятъ;
Тутъ новыя совсѣмъ потѣхи взвеселятъ,
Природа на тѣла злосчастій кинетъ бремя.

Зачнешь похоронять родителей, друзей,
Нерѣдко милыхъ чадъ оплакивать кончину,
Терять послѣднихъ благъ единственну причину—
Любовницу, жену, того, кто всѣхъ милѣй.

Останешься одинъ — одинъ въ пространствѣ міра,
Во всѣхъ семействахъ гость, во всѣхъ странахъ чужой,
О, мысль, ужасный адъ влекущая съ собой!
Среди милльоновъ душъ — себя увидишь сира!

Въ добавокъ геморой съ подагрою самъ-другъ,
Одышка, параличъ безъ зву нахаломъ грянутъ,
Служители души откланиваться станутъ,
Смеркаться быстрый взоръ и глохнуть тонкій
слухъ.

А прежде всѣхъ Амуръ — о, дитятко любезно!
Какъ нѣжный къ ночи цвѣтъ завянетъ, опадетъ,
Сосудъ земныхъ отрадъ до-суха изведетъ,
И вѣчно поминать себя научитъ слезно.

Потомъ еще годокъ — и мать сыра земля,
Объемля насъ въ своихъ могилахъ безконечныхъ,
Свершитъ натуры долгъ и цѣль Судебъ пред-
вѣчныхъ, —
Царя съ рабомъ равно пригоршней надѣля.

Таковъ-то нашъ животъ! — Ахъ! еслибъ чело-
вѣки
Могли такую смѣсь заранѣе познать,
Не чаю, чтобы кто замешкался сказать:
О, Господи! не дай родиться вовѣки!

Старина.

Des simples jeux de son enfance,
Heureux, qui se souvient longtems.

Пріятно вспомнить старину,
Задумавшись остановиться,
И мысленно поворотиться
Минутъ протекшихъ въ глубину!
Въ такомъ унылом размышленьи,
Питаясь милою мечтой,
Какъ часто сердца утѣшеньи
Съ душевной смѣшены тоской!

Уже далеко отъ меня
Моя ты, юность драгоцѣнна,
Эпоха жизни преблаженна!
Тебя возобновить нельзя.
Ты скоро бѣгъ свой совершила,
Едва твои примѣтилъ дни;
Но, ахъ! ихъ память не простыла,
И въ ней присутствуютъ они.

Куда вы дѣлися, часы,
Когда, не вѣдая, что скучно,
Смотрѣлъ на роскошь равнодушно
И презиралъ ея красы?
Печаль какъ аспидъ не сосала
Души незлобивой моей,

Хандра *) ума не посѣщала;
О! — я и незнакомъ былъ съ ней.

Какъ часто въ клобы я тогда
Пріѣхать прежде всѣхъ старался,
Домой послѣдній возвращался;
И не забуду никогда
Тѣхъ польскихъ, въ коихъ столь прекрасно
Весь вечеръ съ милой проведя,
Твердилъ о страсти ей всечасно,
Очей горящихъ не сводя!

Восторгомъ нѣжнымъ увлеченъ,
Бывало, мнѣ не до фигуры;
Проворно строю только куры,
И, въ полной мѣрѣ ставъ блаженъ,
Я мнилъ, разставшися съ дражайшей,
Ее какъ бога полюбя,
Что ужъ достигъ до величайшей
Блаженства мѣры для себя!

Воксалы, пикники, редутъ
Въ систему мы не приводили;
Но тмы забавъ тамъ находили,
Не видя, какъ часы бѣгутъ.
Причудъ жеманства не знавали,
Рѣзвились просто, безъ чиновъ;
Ума въ карманахъ не искали,
На случай былъ всегда готовъ.

*) Въ моемъ лексиконѣ такъ называется ипохондрія.

Спасибо памяти моей;
Еще она не такъ ветшаетъ:
Нерѣдко мнѣ воображаетъ
Пріятство тѣхъ прекрасныхъ дней;
Я въ ней сокровище имѣю
Неисчерпаемыхъ утѣхъ,
Отъ грусти нынѣшней умѣю
Прошедшихъ лѣтъ припомнить смѣхъ.

Какъ-будто лавка, гдѣ нарядъ
Различныхъ вкусовъ продается,
Гдѣ алый съ чернымъ цвѣтъ столкнется,
Бери, что̀ встрѣтится на взглядъ:
Такъ точно память запасаетъ
Печаль и радость прежнихъ лѣтъ,
А мысль тотъ случай выбираетъ,
Который ей на вкусъ придетъ.

Скажите, сверстники мои:
Подъ общимъ небомъ и судьбою
Въ Москвѣ родившися со мною,
Ужъ ли вы, радости свои
Равняя съ прежними годами,
Когда все возлѣ васъ цвѣло,
Какъ я, не чувствуете сами,
Что нынѣ все не такъ пошло?

Сему причина, скажутъ, та;
По мѣрѣ, какъ проходятъ годы
Должна исчезнуть отъ природы
Живой веселости черта.

А свѣтъ таковъ же постоянно,
Какъ брошенъ былъ изъ рукъ Творца:
Горятъ въ немъ звѣзды безпрестанно,
Но стынутъ только лишь сердца.

Не свѣтъ, а духъ нашъ измѣнилъ;
Природа хочетъ неотступно,
Чтобъ съ юностію совокупно
Терялся быстрый подвигъ силъ,
А съ нимъ терялось вмѣстѣ свойство
Надежности въ самихъ себѣ;
Итакъ почтимъ Боговъ устройство
И покоримся ихъ судьбѣ.

Ахъ, нѣтъ! мои друзья! не такъ
На этотъ счетъ я разсуждаю;
Робятъ и нынче я встрѣчаю,
Но лицъ веселыхъ ужъ никакъ:
Всѣ стали томны, скучны, вялы,
Никто не радъ здѣсь ничему;
Давай, какіе хочешь, балы —
Въ нихъ нѣтъ отрады никому.

А мы-такъ въ прежніе года
Китайской тѣнью восхищались
И фокусъ-покусомъ прельщались;
А коль на званный балъ когда
Поѣхать счастье насъ поищетъ,
То всякой, право я не лгу,
Противъ того числа запишетъ
Въ карманной книжкѣ крестъ въ кругу.

Теперь потѣху Богъ послалъ
Одну — но долго ль то продлится —
Большой и малый, все стремится
Въ пыли подъ самый зной на валъ;
Да и туда всѣ прiѣзжаютъ,
Когда зги Божьей не видать;
А день-деньской куда дѣваютъ,
По чести трудно отгадать.

Итакъ, коль хочетъ человѣкъ
Съ примѣрами сообразиться,
Сравнять отъ скуки потрудиться
Съ прошедшимъ настоящiй вѣкъ,
Онъ тотчасъ въ самомъ ихъ сложеньи
Большую разницу найдетъ·
Не даромъ рѣчь въ употребленьи:
Всегда вѣкъ на вѣкъ не придетъ.

О, память дней, которыхъ нѣтъ!
Живи въ моемъ воображеньи,
Храни кратчайшiя мгновенья
Моихъ благополучныхъ лѣтъ!
Готовь прiятное мнѣ средство
Мою украсить сѣдину,
Чтобъ могъ смягчить недуговъ бѣдство,
Съ улыбкой вспомня старину!

Великимъ.

Великъ, кто противъ всѣхъ превратностей судьбины
Терпѣніе какъ щитъ поставилъ предъ собой!
Его не потрясутъ земные исполины,
Владыки не плѣнятъ ума его мечтой.

Дѣлить огромный пиръ съ роскошными сынами,
Есть дѣло нашихъ чувствъ, обычное для всѣхъ;
Но слезу чтобъ пролить надъ смертнаго бѣдами
Умѣлъ ли ставить кто въ ряду своихъ утѣхъ?..

Быть въ славѣ, въ торжествѣ, внимать народну клику
Кто всякой день изъ насъ стократъ не возжелалъ?
Кому нейдетъ на мысль въ народѣ слыть велику?
А вправду стать такимъ едваль кто достигалъ.

Пусть всякой, кто сердецъ изгибы разумѣетъ,
Кто съ Ноевыхъ временъ исторію прочелъ,
Пусть скажетъ, коль сказать онъ правды не робѣетъ,
Кого, когда и гдѣ великаго нашелъ?

Историкъ! дай отвѣтъ на всѣ мои вопросы,
Доводы собери изъ кучи древнихъ книгъ,

Людскихъ затѣй и дѣлъ изслѣдуй всѣ хаосы,
И перстомъ укажи, кто былъ великъ хоть мигъ!

Въ волненіи страстей владѣлъ ли кто собою?
Прощалъ ли кто врага, когда онъ могъ терзать?
Гнушаясь хитрыхъ устъ коварною хвалою,
Кто правды грубый гласъ ей зналъ предпочитать?

Кто въ жизни всякой шагъ размѣрилъ такъ пристойно,
Что могъ, не устрашась, внезапно умереть,
И славы почиталъ лишь то одно достойно,
Чтобъ ближнему помочь, о немъ душой радѣть?

Кто, малой свой удѣлъ достаточнымъ считая,
Чужое могъ бы взять, но правомъ тѣмъ мерзилъ,
Или, трудомъ ума сокровища сбирая,
На встрѣчу бѣднымъ текъ и нищаго снабдилъ?

Кто въ воѣ при полкахъ, щадя враговъ безумство,
Багряной крови токъ стремился удержать,
Согласья и любви питая нѣжно чувство,
Не веси и града — сердца умѣлъ плѣнять?

Кто, краткой жизни сей исчисля дни и годы,
Не тратилъ въ суетахъ на пользу данный вѣкъ,
Безъ общаго добра не зрѣлъ своей выгоды,
И помнилъ каждый часъ, что онъ лишь человѣкъ?

Се мой Великій мужъ! кажи его вселенна,
Вѣщай его дѣла, труби ихъ въ полный рогъ!

Да будетъ въ родъ и родъ ихъ память незабвенна!
Восхвалятъ сихъ Мужей и рабъ, и царь и Богъ.

Кто сей? гдѣ онъ? реки... паду я ницъ на землю,
И края ризъ его со трепетомъ коснусь;
Въ восторгѣ паче мѣръ стопы его объемлю,
Воздвигну ему храмъ, подъ кровъ его вселюсь!

Явитесь мнѣ на мысль владыкъ воспѣтыхъ роды!
Въ единствѣ видя васъ, я дивныхъ зрю вождей;
Но рядомъ разсмотря подвластны вамъ народы:
Тирановъ тонкихъ тма, великихъ нѣтъ мужей.

Доколь въ васъ кровь течетъ и разумъ суетится,
Великъ! кричитъ соборъ поверженныхъ гражданъ;
Изыдетъ только духъ, личина съ васъ валится,
Ходули затрещатъ — сталъ карлой великанъ.

Примѣровъ ли искать?—Увы! ихъ такъ же много,
Колико при краяхъ морскихъ песочныхъ зернъ!
Природа лишь одна хранитъ уставъ свой строго:
И знатный трупъ и мой одинъ покроетъ дернъ.

Почувствуемъ убо, разсудокъ очищая,
Что, сколько мы себя великими ни чтимъ,
И сколь ни выситъ насъ льстецовъ молва гнилая,
Мы немощей сосудъ и мудрость наша дымъ.

Ни громкой подвигъ нашъ насъ въ гробъ не
провождаетъ,
Ни мыслей быстрый сонмъ за нами не летитъ;

Желанья, волю, мочь, все вѣчность поглощаетъ:
Вчера за нами все — севодни прочь бѣжитъ.

Познаемъ внутрь себя свои несовершенства,
Навыкнемъ разумѣть, что Богъ одинъ великъ;
Что нѣтъ безъ дѣлъ благихъ ни здѣсь, ни тамъ
блаженства;
Что ихъ не замѣнитъ порабощенныхъ крикъ.

О, Боже! Ты великъ и твердъ въ своихъ мѣрилахъ!
Тебѣ лишь одному хвала принадлежитъ
Въ эѳирѣ, на землѣ, въ моряхъ и во свѣтилахъ!
Природа вся Тебѣ со страхомъ предстоитъ.

Спасай, щади, люби, возвысь Свое созданье,
Гордыню яко прахъ людскихъ умовъ развѣй!
Ко истинѣ, къ Тебѣ направь сердецъ желанье,
И духъ вражды убивъ, любовью ихъ согрѣй!

Тобою человѣкъ стезю всѣхъ благъ находитъ,
Ты въ образѣ его съ Собою сравнилъ;
Твоя рука его и гнетъ и вверхъ возводитъ.
Но что мы безъ Тебя? Ничто, какъ только.... илъ.

Другу.

Il est cent amis pour nous plaindre
Et pas un pour nous secourir.

Для дружбы созданъ тотъ, кто съ нѣжною душою
Разсудкомъ проложить умѣетъ путь къ покою;
Горячность юныхъ лѣтъ и молодости жаръ
Препятствуютъ вкушать блаженной дружбы даръ.
Противно сердца ей малѣйшее волненье;
Любезны скромный взоръ и тихое движенье.
Простое я люблю, безъ всякихъ лишнихъ строкъ,
Въ которыхъ затвердилъ любовникъ свой урокъ;
Довольно для нея, и даже очень много,
Затѣмъ, что разумъ словъ берется въ дружбѣ строго.
Другъ силится души всѣ сгибы развернуть,
Спокойный мигъ продлить, въ тоскѣ самъ-другъ вздохнуть;
И дружба хоть нѣжна, однако же не льстива,
Тверда въ своихъ связяхъ, въ совѣтахъ справедлива;
Проступковъ не спѣшитъ съ восторгомъ извинять,
Ни слабости причинъ похвальныхъ вымышлять:
Прямая дружба все разсматриваетъ ясно,
И судитъ о любви оттѣнкахъ безпристрастно.
Вотъ дружбы, коей міръ объемлетъ лишь мечты,

Небесной дщери сей, божественны черты!
Она ли, я прошу, чтобъ вы мнѣ то сказали,
Вы, кои духъ ея въ несчастьяхъ испытали?
Мнѣ кажется, ужъ вы сказать готовы — *да;*
Иною дружба быть не можетъ никогда.
Но всѣ ли мы ее такъ точно изъявляемъ,
Какъ чувствуетъ душа, какъ въ мысляхъ понимаемъ?
Наполненъ свѣтъ друзей; въ немъ даже и злодѣй
Мнитъ другомъ чьимъ-нибудь быть въ совѣсти своей.
Ахъ! истина сама велитъ намъ здѣсь признаться,
Что въ дружбѣ мастера всѣ люди ошибаться!
Красивое словцо и тоненькой обманъ
Тамъ дружбы кажутъ видъ, гдѣ пагубный тиранъ,
Умовъ незрѣлыхъ царь, владыко безразсудныхъ,
Воюя надъ душой въ борьбѣ толико трудной,
Умѣетъ изъ нея исторгнуть наконецъ
Дань бѣдну естества и слабости сердецъ.
Какъ часто тонкій ядъ въ политикѣ лукавой,
Изъ устъ, въ которыхъ рѣчь напитана отравой,
Достигнувши души, во всю польется кровь! —
Подумаешь тотчасъ, что тутъ-то и любовь.
Какъ часто изъ одной корысти человѣки
(Я чаю, было то въ златые даже вѣки)
Въ приманкахъ дружбы сѣть закинутъ напередъ:
Послушай словъ — горятъ, пощупай сердце—ледъ!
Какъ часто, для того, чтобъ случая добиться,
Скорѣй достать чинокъ, повыгоднѣй жениться,
Иные, не стыдясь ни чести, ни людей,
Богъ знаетъ гдѣ, себѣ промыслятъ тьму друзей!

О томъ теперь уже никто не разсуждаетъ,
Что разумъ, сердце, нравъ, связь дружества
скрѣпляетъ.
Довольно небольшихъ пріятельскихъ услугъ,
И тотчасъ кто-нибудь зоветъ тебя: мой другъ!
Возможно ли не взять и то во уваженье,
Что нынѣ завелось такое обращенье,
Которому почти нельзя противостать,
И юности пришлось невольно погибать.
Не всякой одаренъ столь чистымъ проницаньемъ,
Чтобъ истинну любовь съ ея очарованьемъ
Умѣя различить, отвергнулъ сладку лесть
И правду безъ чиновъ могъ ласкамъ предпочесть;
Подъ общей нынѣ всѣ скрываются личиной:
За правду, боязь досады быть причиной,
Мужъ лакаетъ женѣ, родитель дѣтямъ льстить;
По совѣсти никто двухъ словъ не говоритъ.
Какъ бронза золотцомъ немножечко прикрыта,
Такъ внутренность у всѣхъ подъ нѣжнымъ взо-
ромъ скрыта.
Повсюду похвалы, объятія, восторгъ,
Со словомъ: ты мой другъ! летитъ — свидѣтель
Богъ.
Ищи пожалуй въ нихъ той дружбы безподобной,
Врачующей печаль, смягчить бѣды способной,
Которой въ старину плѣнялись и цари,
Предъ коей, говорятъ, курились алтари.
О, нѣтъ! никакъ нельзя симъ чувствомъ наслаж-
даться
Тому, въ комъ съ сердцемъ умъ не можетъ со-
гласиться.

Кто любитъ еще быть подвластенъ всѣмъ страстямъ;
Кто мечется вездѣ, какъ лодка по волнамъ
Тому, кто цѣлый день бѣжитъ уединенья,
Страшится краткой мигъ прожить безъ восхищенья.
Для дружбы тотъ одинъ на свѣтѣ семъ готовъ,
Кто опытностью старъ и лѣтами не новъ:
Премудрое и съ тѣмъ благое Провидѣнье,
Чтобъ смертнымъ ниспослать подъ старость утѣшенье,
Когда къ закату дней приближатся своихъ,
Способность имъ даетъ цѣнить друзей прямыхъ;
Въ замѣну пылкихъ чувствъ, восторговъ безпримѣрныхъ,
Тѣхъ сладостныхъ надеждъ, и вмѣстѣ столь невѣрныхъ,
Которыми сердца во младости манимъ,
И сонъ ума продлить до позднихъ лѣтъ хотимъ,
Чтобъ память заглушить неопытнаго дѣтства,
Къ блаженной тишинѣ назначить путь и средства,
Творецъ безсмертныхъ благъ, Источникъ нашихъ силъ,
Раскаянья во слѣдъ къ намъ дружбу проводилъ:
Одна самихъ съ собой миритъ и исправляетъ,
Другая отъ тоски, отчаянья спасаетъ,
Надежды связью насъ между собой крѣпитъ,
Картины юныхъ лѣтъ при старости живитъ.
И какъ бы мы могли въ послѣднія минуты
Надеждъ и страха вдругъ сносить волненья люты,
Когда бы не она щадила нашъ покой,

Печали отводя спасительной рукой?
Изъ всѣхъ доводовъ сихъ довольно, чаю, ясно,
Что въ среднихъ лишь годахъ дружиться безопасно.
И я, доживъ до нихъ, могу за счастье счесть,
Что званья друга мнѣ присвоили вы честь.
Умѣю я её цѣнить въ высокой мѣрѣ,
Затѣмъ, что, при моей несноснѣйшей потерѣ,
Ни что не можетъ такъ спокоить скорбный духъ,
Какъ искренній, прямой и вмѣстѣ нѣжный другъ.
Ужъ ли не дастъ мнѣ Богъ и дружбой насладиться,
Когда самъ Онъ, сей Богъ — привелъ всего лишиться?
О, нѣтъ! друзьями мы пребудемъ межъ собой,
Доколѣ смерть велитъ расчесться мнѣ съ судьбой.

Посланіе ко мнѣ.

Si vous voulez, que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours,
Au crepuscule de mes jours
Joignez-y, s'il ce peut, l'aurore.

—

Въ слѣдующихъ стихахъ только риѳмы мнѣ принадлежатъ; впрочемъ, содержаніе ихъ помѣщено въ одномъ ко мнѣ письмѣ отъ неизвѣстнаго. Спустя нѣкоторое время послѣ кончины же-

ны моей, я гулялъ въ довольно большомъ обществѣ за городомъ, и обходя кладбище, отгороженное въ мелкомъ лѣсу, увидѣлъ я сухое дерево. Мысль о ничтожествѣ человѣческомъ соединилась съ воспоминаніемъ о моей Евгеніи въ разстроенномъ воображеніи, и я велѣлъ вязъ сухой срубить, потому что онъ портилъ видъ прочихъ богато одѣтыхъ деревьевъ. Въ минуту онъ упалъ въ глазахъ моихъ, и это была минута меланхолическая, въ которую я не могъ дать никакой причины движеніямъ моего сердца; они были свободны и не дожидались разсудка. Нѣсколько дней потомъ, я получилъ письмо, чаятельно отъ кого-нибудь изъ гулявшихъ со мною въ томъ же мѣстѣ. Содержаніе его обратило на себя мое вниманіе; оно было написано безъ всякихъ правилъ, стихами немѣрными и обезображено. Я въ досужный часъ привелъ его въ то состояніе, въ которомъ оно здѣсь напечатано, а неизвѣстному отвѣчалъ поставленными въ заглавіи стихами г. Вольтера. Увѣренъ будучи, что если особа, почтившая меня своимъ письмомъ, не разумѣетъ по-французски, то, вѣрно, имѣетъ знакомыхъ, кои ей перевести содержаніе ихъ могутъ.

Вдовецъ! какъ можешь ты сей вязъ сухой рубить,
Когда ты хочешь самъ подобенъ ему быть?
Когда ты, посвятивъ женѣ умершей душу,
Вездѣ вещаешь всѣмъ: «я клятвы не нарушу;
Евгеньѣ вѣренъ я пребуду навсегда!

Другая чувствъ моихъ не тронетъ никогда! . . ?
И ты ли рубишь вязъ за то, что онъ безплоденъ,
И портитъ лишь красу другихъ деревьевъ полей?
Онъ тѣни не даетъ, ни пищи, ничего;
Велѣлъ — топоръ махнулъ — свалился — нѣтъ
его!
Спокойся; онъ твой взоръ уже не поражаетъ,
И крикъ совы на немъ пернатыхъ не пужаетъ;
Такъ бѣдствуетъ и мужъ безъ милыя жены:
Всѣ радости отъ чувствъ его удалены;
Онъ поетъ, и въ его семействѣ всѣ унылы;
Хоть дѣти для него любви залоги милы,
Но имъ души его наполнить всей нельзя:
Онъ видитъ въ нихъ свое, но не всего себя, —
Не то, что зритъ супругъ въ супругѣ драго-
цѣнной,
Любовію святой съ нимъ тѣсно сопряженной, —
Съ дѣтьми — влечется къ нимъ изъ сердца вонъ
любовь;
Съ женою — отъ нее втекаетъ паки въ кровь:
Не внѣ, но въ насъ самихъ тогда любовь пы-
лаетъ
И перстной жизни дни въ дни неба превра-
щаетъ. —
Съ любовію дѣтей — всегда въ связи печаль;
Отецъ пристроитъ дочь — разстаться съ нею
жаль!
Ушлетъ ли сына въ полкъ — съ тоски по немъ
крушится;
Какихъ для сына бѣдъ родитель не боится!
Но гдѣ въ супругахъ миръ — жена тамъ и другой.

Все дѣлитъ пополамъ — вездѣ она со мной;
Она мой другъ, совѣтъ, отрада, наслажденье;
Жена всѣхъ нѣжныхъ чувствъ есть точка при-
влеченья!
Среди судьбинныхъ золъ семейственный отецъ
Въ объятіяхъ жены находитъ слезъ конецъ;
Въ болѣзни — кто жены надежнѣе въ услугахъ?
И въ старости самой, по свычкѣ ихъ другъ съ
другомъ,
Такъ нечувствительно достигнутъ до ней,
Что ставятъ ни во что всѣ ужасы ея.
Но ты рѣшился быть одинъ въ пространномъ
мірѣ,
Влюбляться внѣ себя въ Евгенію въ эѳирѣ —
Мечтать объ ней — искать ее на небесахъ —
Дѣлиться сердцемъ съ ней въ архангельскихъ
странахъ:
Прекрасенъ твой восторгъ! но ты живешь въ
Природѣ;
Отъ склонности ея не можешь быть въ свободѣ.
Уже ли кто возмнитъ безстрастнымъ быть тебя?
Кого увѣришь въ томъ? — всѣхъ менѣе себя! —
Разсудокъ наложилъ вотще на сердце бремя;
Оно еще горитъ — хладѣть ему не время
Усиліе твое противу нѣжныхъ чувствъ
Есть дѣйствіе ума и плодъ его искусствъ;
Но сердце въ нихъ совсѣмъ участья не имѣетъ:
Оно его затѣй отнюдь не разумѣетъ;
И сколько ты его подъ гнетомъ ни дави,
Повѣрь, что для людей, разнѣженныхъ въ
любви —

Людей такихъ, какъ ты, томящихся всечасно,
Которыхъ движетъ все, что чуть-чуть лишь прекрасно —
Творецъ міровъ еще не создалъ тѣхъ преградъ,
За кои бъ не давалъ закона милой взглядъ.
Ты страждешь, потерявъ супругу добру, милу;
Ей нѣтъ замѣны, такъ — почти ея могилу,
Печальный гробъ ея слезами ороси,
Душевну жертву ей вседневно возноси,
Боготвори ее — но все не заблуждайся,
И въ мірѣ жить одинъ весь вѣкъ не покушайся:
Не нуженъ подвигъ сей ни мертвымъ, ни Творцу;
Смягчи колючій путь, ведущій насъ къ концу.
Кто во время его успѣлъ убрать цвѣтами,
Тотъ шествуетъ по немъ отважными шагами,
И бросивъ взоръ назадъ, не тужитъ онъ о томъ,
Что мертвенный его останется здѣсь домъ.
Дождись минуты сей — ея ты не минуешь,
И такъ какъ ты теперь въ лѣсу здѣсь негодуешь
На вязъ сухой, къ твоимъ поверженный ногамъ;
Наступятъ тѣ часы, въ которые Богамъ
Угодно будетъ смерть, воззвавъ изъ странъ полночныхъ,
Велѣть тебя среди людей здоровыхъ, мочныхъ,
За то, что ты и старъ, и сѣдъ, и портишь видъ,
Скосить, какъ вязъ сухой — и смерть тебя свалитъ!
Дождись! а между тѣмъ живи, какъ жить возможно;
Любезное любя, не прячься осторожно,
И сердцу своему пылать лишь не давай,
А вовсе у него тепла не отнимай. —

ТАЛЬША.

Деревня А—оВ—ой.

Какая мудрость въ пышномъ градѣ
Душевны раны врачевать,
Въ шуму, въ разсѣяньи, въ прохладѣ
Печаль изъ сердца выживать?
Тамъ знатный свѣтъ, тамъ просвѣщенье,
Искусство, промыслы найдешь:
Въ Москвѣ что шагъ, то развлеченье;
Двухъ мыслей мрачныхъ не сведешь.

Но въ полѣ, въ полѣ утолиться
Чѣмъ можетъ сильная печаль?
Куда несчастный ни стремится,
Вездѣ потери милой жаль.
И какъ пріятны тутъ бываютъ
Гостепріимство и любовь!
Онѣ сѣдины оживляютъ
И грѣютъ въ насъ студену кровь.

Вчера въ пути мы наслаждались
Мгновеньемъ древнихъ дней златыхъ,
Усердной лаской угощались —
Сей собственностью душъ простыхъ.
Стихи прекрасные читали,
Не занимались суетой:
И гдѣ жъ такъ время провождали?
На Тальшѣ, рѣчкѣ небольшой.

Ее въ ландкартахъ не рисуютъ;
Въ ея струяхъ нѣтъ стерлядей;
Суда на парусахъ не дуютъ,
Индійскій грузъ не тонетъ въ ней;
Но люди добры и любезны
При ней спокойно дни ведутъ;
Ихъ жизнь скромна, труды полезны:
Они читаютъ, сѣютъ, жнутъ.

Да будетъ счастья солнце вѣчно
Надъ ихъ убѣжищемъ сіять!
Тотъ счастливъ долженъ быть, конечно,
Кто любитъ горесть обласкать.
Увы! еще въ прошедшемъ лѣтѣ
Моя судьба какъ рай цвѣла:
Кому завидовалъ я въ свѣтѣ,
Когда Евгенія жила?...

Ночная поѣздка.

Пріятно, говорятъ, въ дорогѣ быть тогда,
Какъ полный зракъ луны всю землю озаряетъ.
У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

Я въ мѣсячную ночь готовъ совсѣмъ не спать,
И вплоть до бѣла дня торчать одинъ въ окошкахъ:
Всё лучше, чѣмъ съ самой Венерой разъѣзжать
Въ каретѣ ли — въ возкѣ — въ саняхъ, или на
дрожкахъ.

Мнѣ всё равно, на чемъ — и въ чемъ — и какъ —
и съ кѣмъ;
Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ:
Охотнѣе сухарь въ своемъ домишкѣ съѣмъ,
Чѣмъ за сто верстъ скакать въ дормезѣ за нек-
таромъ.

День созданъ для суетъ, а ночь для тишины:
Все кстати въ естествѣ Творецъ натуры строитъ;
Онъ знаетъ для какой насъ именно вины
Поутру будитъ день, а къ ночи сонъ покоитъ.

Мы сами своему спокойствію враги:
Намъ хочется вездѣ затѣять суматоху,
Хоть сами жъ видимъ сплошь, что наши всѣ шаги
Намъ стоютъ или слезъ, или, конечно, вздоху.

Сколь часто мы себѣ воображаемъ рай,
Составивъ изъ идей картины распрекрасны;
И тотчасъ лошадей курьерскихъ подавай!
За чѣмъ? — куда? — Скакать во пропасти ужасны.

Родится человѣкъ съ способностью ступать,
И пусть бы вѣкъ ходилъ — земли на свѣтѣ много!
Но встрѣтилась вода; по ней нельзя шагать:
Тотчасъ поспѣлъ корабль — и на море дорога.

Казалось бы, затѣмъ чего еще хотѣть?
Весь свѣтъ (а свѣтъ великъ!) объѣхать научился;
Нѣтъ, мало, — дай еще за облако летѣть:
Надулъ тафтяный шаръ — и въ воздухѣ явился.

Что послѣ? — Пустяки. — О, жалкій человѣкъ!
Покой не щадя, чтобъ быть впередъ спокойнымъ,
Летаешь ты, плывешь и скачешь весь свой вѣкъ;
А смерть вдругъ ставитъ грань твоимъ мечтамъ нестройнымъ!

Пріятель мой *Глассонъ* давно бы мнѣ сказалъ,
Что Гуфландъ или Галль на нервы въ этомъ шлются;
А я такъ и безъ нихъ давно ужъ отгадалъ,
Что люди вкругъ бѣды какъ мухи къ свѣчкѣ жмутся.

Блаженъ, кому далъ Богъ жить дома безъ тоски,
Съ пріятною женой союзъ любви вкушая!
Хоть какъ его судьба ни жметъ въ свои тиски,
Онъ счастливъ, сноситъ все, Безсмертныхъ ублажая.

Жить дома, быть въ семьѣ, безъ распри, безъ клеветъ,
Имѣть насущный хлѣбъ, кафтанъ, огонь въ каминѣ, —
Вотъ счастье, вотъ покой, — много ль въ свѣтѣ нѣтъ?
Тотъ подлинно во всемъ съ Богами въ половинѣ!

За что жъ отъ благъ такихъ хотѣть еще кому
Для мнимаго добра изъ края въ край шататься?
Какъ Пирру нѣкто рекъ, и я бъ сказалъ ему:
«Да что жъ тебѣ претитъ и дома всё смѣяться?»

Мой домъ, увы! хотя могилой сталъ съ тѣхъ поръ,
Какъ я лишенъ жены, съ женами несравненной,
При всемъ томъ изъ него, луной чтобъ тѣшить взоръ,
Не двинусь ни въ какой прелестный край вселенной.

УСПЕНСКОЕ.

Деревня И. И. Му—ва.

Согласенъ съ вами я: Успенское село
Наполнено красотъ, влекущихъ къ восхищенью;
Но время отъ меня далеко увело
Тѣ годы, въ кои мы готовы къ изумленью.

Живемъ мы два мига: одинъ сначала тотъ,
Въ который духъ любви всѣ чувства обнимаетъ;
Другой, когда нашъ умъ, подъ бременемъ заботъ,
Оплакавъ красны дни, ночь вѣчну предвѣщаетъ.

Что можетъ быть милѣй Успенскаго села
Въ томъ видѣ, какъ мы въ немъ день цѣлый про-
водили?
Родство, пріязнь, любовь, почтенность свела;
Другъ другу всякъ былъ радъ, и непогодь за-
была.

Прелестный павильонъ казался милый рай;
Но вечеръ лишь одинъ въ немъ брошенъ былъ
судьбою:
На завтра раздалось унылое прощай,
И я свою печаль повезъ опять съ собою.

Она одна моя сопутница вездѣ;
Я ею наученъ питать въ себѣ безстрастье:
Когда лишенныхъ благъ, сыскать нельзя нигдѣ,
То пусть меня мое переживетъ несчастье!

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА БЕРЕГУ РѢКИ КЛЯЗЬМЫ,

ПРИ ПОГОСТѢ АРХИДІАКОНА СТЕФАНА, МЕЖДУ ГОРОХОВЦОМЪ И ВЯЗНИКАМИ.

Oh! que la Nature est grande!

—

Руссо, на небо взоръ послѣдній обращая,
Природу восхвалялъ съ восторгомъ, умирая,
И мнилъ, что духъ его, очищенъ отъ страстей,
Оставя персть навѣкъ, вселится въ нѣдра къ
ней,

О, какъ велика ты! — Руссо такъ восклицаетъ;
Сказавъ, постигъ ее, и въ ней ужъ пребываетъ.

Ученіе сего философа любя,
Природа! здѣсь и я почувствовалъ тебя.
Съ горы среди могилъ у ногъ дубовъ вѣтвистыхъ
Я въ Клязьмѣ вижу токъ то мрачныхъ струй, то чистыхъ;
Естественное зря движеніе воды,
Смотрю большихъ судовъ на скромные слѣды,
И думаю: — вотъ такъ судьба дни смертныхъ коситъ;
Вода несетъ суда, а время жизнь уноситъ;
За каплей капля водъ въ моря бѣжитъ изъ рѣкъ, —
Живой примѣръ, какъ мы день за днемъ гонимъ вѣкъ.

Взгляните у вершинъ на ключъ воды прозрачной:
Въ пологихъ берегахъ бѣжитъ средь нивы злачной;
Источникъ его чистъ, на днѣ каменьевъ нѣтъ,
Тѣнь горъ крутыхъ ему не застилаетъ свѣтъ;
Рѣзвясь, онъ не шумитъ, народа не тревожитъ,
Едва лишь челночекъ спустить порожній можетъ.

Такъ точно человѣкъ въ младенчествѣ своемъ,
Когда еще страстей не видимъ вредныхъ въ немъ,
Невинный, — онъ свой мячъ туда, сюда швыряетъ,
Ни хитраго сѣтей, ни злобныхъ зла не знаетъ.

Подалѣе ручей постелю расширилъ,
Волненія позналъ, и омуты сокрылъ;
Насупили надъ нимъ древа верхи густые,
Въ излучинахъ ладьи плывутъ ужъ не пустыя;
Плотинами рѣку механики крѣпятъ,
Огромны шестерни трудиться ей велятъ.

Такъ отрокъ, ощутивъ робячьи насажденья,
Силъ мѣру испытавъ и страхъ сопротивленья,
Искусствомъ норовитъ вожатыхъ обмануть:
То рѣзвится, шалитъ, то плачетъ, чтобъ тро-
нуть;
Но тѣ, уловокъ сихъ изслѣдовавъ причины,
Готовятъ для него моральныя плотины;
И льстятся, дикій нравъ неволею смиря,
Что жизни его тѣмъ очистится заря.

Потомъ, прервавши всѣ художества преграды,
Чрезъ многи сотни верстъ, сквозь разны села,
грады,
Вдругъ Волга, Донъ, Ока являются глазамъ;
Гордясь богатствомъ водъ, несутъ ихъ въ дань
морямъ;
Тамъ тысячи людей, съ имъ свойственной отва-
гой,
Безъ коней, безъ колесъ и движимы лишь влагой,
О каршу зацѣпясь подъ брызгами волны,
Летятъ ложиться въ гробъ свирѣпой глубины.

Какъ часто видимъ мы въ печальной той же
долѣ

И юношу, когда своей добившись воли,
Наполненъ остроты, спѣшитъ восхитить свѣтъ.—
Несчастный! — ужъ бѣда, когда разсудка нѣтъ!
Безъ опытовъ одинъ великодушный пламень
Въ сообществѣ людей есть тотъ подводный камень,
Который на бѣгу порывистомъ суда
Наждавши не щадитъ, и сокрушитъ всегда.

Изъ рѣкъ мое туда летитъ воображенье,
Куда влечетъ всѣхъ ихъ природное склоненье!
Въ туманѣ посреди дымящихся валовъ
Огромный вижу строй купеческихъ судовъ;
Для нихъ всѣ страхи тамъ Природа съединила,
И пользѣ и бѣдамъ путь жидкій проложила.
Стяжатель грузъ на грузъ мечтаетъ промѣнять,
За страхъ, за трудъ, за потъ сокровища достать,
И жаждетъ мысъ узрѣть земли Обѣтованной,
Пятою хищника доселѣ непопранной.
Твердыни кажетъ видъ обманчивая зыбь,
Штиль царствуетъ, — матросъ вонзаетъ якорь въ глыбь;
Торговля, разочтя надежные успѣхи,
Воскликнула: барышъ! — повсюду игры, смѣхи,
Всѣ пьютъ, поютъ, курятъ, — летятъ изъ бочекъ дны:
Какъ вдругъ, разсвирѣпѣвъ Эоловы сыны,
Предтечи грозныхъ тучъ и вѣстники ненастья,
Воздвигнувъ море, вмигъ надули всѣ несчастья.
А ты, космополитъ! куда свой правишь бѣгъ?
Вернись! — еще въ виду твоей отчизны брегъ;

Иль смѣлости своей прославить хочешь чувство,
И въ странствіяхъ морскихъ усовершивъ искусство,
Невѣдомость открыть?—Такъ плылъ безсмертный Кукъ
Предѣлы расширять и міра и наукъ;—
Дерзай! — но вкругъ тебя изъ облакъ тмятся тучи,
На мачтахъ, зря бѣду, висятъ матросовъ кучи;
Ты самъ бѣжишь смущенъ испытывать Атласъ:
Все поздно! не спасутъ ни флаги, ни компасъ.
Что парусы твои? — дрянная паутина! —
Останься на мели, доколь пожретъ пучина.
Судьба черкнула твой на камнѣ приговоръ;
Къ родительскимъ странамъ простри послѣдній взоръ,
И новый, сокрушась, яви примѣръ вселенной,
Что пользы нѣтъ въ одной теоріи надменной.
Ужъ въ ярости струи на части судно рвутъ,
И призраковъ его однѣ щепы плывутъ.

Вотъ молодости здѣсь плачевная картина,
Когда въ страстяхъ ея запутана судьбина!
Доколь не перешелъ за возрастъ твой нашъ вѣкъ,
Моральнымъ бурямъ злымъ подверженъ человѣкъ:
Обманы вкругъ его какъ вихри въ уши дуютъ;
То ропщетъ пылкій умъ, то чувства негодуютъ,
Какъ тяжко въ свѣтѣ жить и прать противу зла!
Конечно! — Но ужъ ли Природа создала
Всѣхъ насъ на тотъ конецъ, чтобъ быть счастливымъ даромъ?

Ахъ, нѣтъ! — Творецъ людей поставилъ въ цѣль
ударамъ
Разительнѣй стократъ, чѣмъ ужасы тѣхъ тучъ,
Которы въ мигъ одинъ разсыпаетъ солнца лучъ:
Любовь — сердечный червь, и ревность — врагъ
ужасный,
Воинскій рьяный духъ — припадокъ столь опасный, —
Довольно сихъ страстей, когда разсудокъ палъ,
И должный перевѣсъ надъ сердцемъ потерялъ,
Довольно, чтобъ потрясть всѣхъ правилъ основанье,
И жертвой сдѣлать насъ безумнаго желанья!

А тамъ, гдѣ горизонтъ теряется всѣхъ странъ,
Какъ вѣчность вижу я бездонный Океанъ,
Сей поясъ всѣхъ міровъ, всѣхъ водъ совокупленье,
Безчисленныхъ твердынь живое раздѣленье.
Въ пространномъ безъ границъ сліяніи морей
Плывучія тѣ зрю хранилища смертей,
Которыхъ славы страсть и ярость посылаетъ,
И громъ мѣдяныхъ жерлъ врагамъ уготовляетъ.
Духъ Божій надъ водой дни смертнаго блюдетъ, —
Еще ему, еще опомниться даетъ!
Тамъ китъ, морей деспотъ, тамъ хищны крокодилы,
Для тмы несчастныхъ тѣлъ готовыя могилы,
Ныряя подъ водой, пучину шевелятъ,
И бездну изъ ноздрей фонтанами родятъ.
Все смертный одолѣлъ! — Но вдругъ средь бурь
ужасныхъ

Колеблется, трещитъ громада стѣнъ опасныхъ,
Въ Природѣ начался междоусобный бой,
И воздухъ и огонь смѣшалися съ водой,
Чтобъ ужасъ естества сильнѣй изобразился,
И стройный міръ на часъ въ хаосы превратился.
Натура! — гдѣ твоя дѣвалася краса?
Сражайтеся со мной! вѣщаютъ небеса,
Кидайте вашъ чугунъ въ мои разженны своды!
Тебѣ ли, сынъ земли, стоять противъ Природы?
Ступайте флоты всѣ, несите въ алчный зѣвъ
Чудовищамъ морскимъ богатства вашихъ чревъ!
Всесильный дхнулъ на нихъ, и молніи небесны
Во преисподнія низвергли безъизвѣстны.
О, бездна! кто бъ твою свирѣпость укротилъ,
Когда бы Богъ не самъ предѣлъ ей положилъ,
Предѣлъ, какого нѣтъ въ затѣяхъ человѣка?
Сей, дерзкій отъ началъ и до скончанья вѣка,
Подобно духу въ немъ живуща божества,
Превыше самаго стать хочетъ естества.
Богъ рекъ — и паки все въ порядокъ прежній входитъ,
Вода свои брега и небо кругъ находитъ.
Послѣдній жизни часъ не всѣхъ еще постигъ;
Со смертію въ борьбѣ тамъ множество другихъ:
Отчаянный пловецъ, хватаясь за обломки,
Въ смятеніи забывъ намѣренія громки,
Душевно радъ тому, что на берегъ пустой
Причаленъ кое-какъ спасительной доской;
Но тамъ его, но тамъ природа не оставитъ,
И пищу и покровъ она ему доставитъ,

Явитъ ужасныхъ бѣдъ желаемый конецъ,
И паки солнце зритъ заблуждшійся пловецъ.

Сей міръ есть Океанъ, въ которомъ повсечасно
Изъ замысла въ другой, безъ пользы, хоть опасно,
Мы ищемъ въ суетѣ дни старости убить,
И молодость свою при смерти позабыть.
Въ насъ душу Богъ вложилъ столь страстнаго
состава,
Что если не любовь, то въ ней пылаетъ слава;
Какъ первый гаснетъ жаръ,—послѣдній закипитъ
И куревомъ его разсудокъ угоритъ,
Тутъ гордости пустой появится начало:
Что смертному ни дай, ему всё будетъ мало;
Превыше всѣхъ боговъ свой идолъ ставя—честь,
Въ спокойной тишинѣ не можетъ дней провесть;
На сушѣ, на моряхъ, вездѣ владѣть стремится!
Дай на небѣ престолъ, — и тамъ не умѣстится!
Что зиждешь, какъ гигантъ, подмостки къ обла-
камъ?
Чего тебѣ, чего? Не вѣдаешь и самъ.
Безсмертная душа такъ въ узахъ плоти страж-
детъ,
И вѣчность предъ собой отверзту видѣть жа-
ждетъ.
Опомнись, старичокъ! — близъ гроба отдохни,
Съ раскаяньемъ на жизнь прошедшую взгляни:
Во что ты тратилъ умъ и всѣ душевны силы?
Ушелъ ли на крылахъ фортуны отъ могилы?
Нимало! — точно такъ, какъ бѣдный нашъ
пловецъ,

Который, видя свой безвременный конецъ,
Отчаянъ, безъ ума, за доску ухватился,
На верхъ воды съ ней всплывалъ, и къ берегу
прибивался.
И ты, мятежный свой почти проживши вѣкъ,
Не спасся отъ судьбы и къ пристани притекъ!

О, вѣчность, пристань всѣхъ носящихъ жизни
бремя,
Куда и твари всѣ скрываются и время!
Блаженъ, кому твои отверзлися врата!
Его ужъ не плѣнитъ земная красота.
Здѣсь грѣютъ насъ одни вещественны свѣтила;
На часъ всё хорошо, — и на секунду мило;
Но тамъ нѣтъ ни часовъ, ни мѣсяцовъ, ни лѣтъ,
Безъ мрачности весна и безконечный свѣтъ!

ХИЖИНА НА РѢКѢ.

Las de boire la lie
De ce calice amer, que l'on nomme la vie.
. . . .
Je regarde la tombe asyle souhaité.

1.

Здѣсь миръ, свобода, тишина
Со мной въ согласьи обитаютъ,
Моихъ досуговъ здѣсь и сна
Некстати люди не смущаютъ;

Живу съ Натурой за одно,
И съ ней ни въ чемъ не разбиваюсь,
Ея богатствомъ наслаждаюсь,
Всѣ дни мои текутъ равно.

2.

Со всходомъ солнца Богу я
Во храмѣ сердца жертву дѣю;
Дѣла Зиждителевы зря,
Молчу — дивлюсь — благоговѣю!
Мнѣ все вѣщаетъ здѣсь объ Немъ:
И сводъ небесъ нерукотворный,
И водъ источникъ благотворный —
Моимъ все создано Творцемъ!

3.

И всё въ связи между собой:
Земля насъ кормитъ, солнце грѣетъ,
Луна, сдружившися съ тоской,
Сердца печальныя лелѣетъ,
Вода всѣмъ прихотямъ слуга,
Крестьяне, праздные умами,
На насъ работаютъ хребтами,
А бабы ставятъ имъ рога.

4.

Я здѣсь вонзаю въ землю плугъ,
Завѣтъ Адамовъ исполняя;
Или кошу свой чистый лугъ,
Лошадкамъ корму добывая;

Вокругъ меня косцы поютъ,
И всякъ, убравъ свою дѣлянку,
Тащитъ свой хлѣбъ, тащитъ и стклянку,
На лугъ садятся всѣ и пьютъ.

5.

О! вѣрно, вѣрно ни одинъ,
Въ Москвѣ живущій на досугѣ,
Роскошный, знатный господинъ
Ни въ день родинъ своей супруги
Такъ сладко въ горлышко не льетъ
Покалъ напитка вывиснаго,
Какъ здѣсь крючекъ вина простаго
Крестьянинъ мой, вспотѣвши, пьетъ!

6.

Неволи свѣтской весь обрядъ
Не терпитъ здѣсь употребленья;
Халатъ опрятный — вотъ нарядъ,
Вотъ мой мундиръ уединенья.
Меня не чешутъ три часа,
Духовъ не носятъ орошаться;
Мнѣ Рпѣнь *) готовитъ умываться;
Въ лаханѣ вижу небеса.

7.

Вездѣ со мной моя *Дулерь* **),
Швейцаръ угрюмый, осторожный,

---

*) Названіе рѣки, протекающей подъ Владиміромъ и впадающей въ Клязьму.

**) Имя моей собаки.

Въ догадкѣ скоръ, рѣзовъ, остеръ,
И словомъ — другъ всегда неложный.
Такое имя отъ меня
Дано ему и не напрасно,
За то, что онъ со мной всечасно
Такъ точно, какъ и скорбь моя.

8.

Когда Левиты въ городахъ,
Бѣгомъ съ базаровъ устилая,
Поднимутъ шумъ въ колоколахъ,
Къ себѣ своихъ овецъ скликая,
То есть, какъ десять бьетъ часовъ,
Ко мнѣ тогда несутъ обѣдать,
И мной воспитанныхъ отвѣдать
Безвредныхъ здравію плодовъ.

9.

Плыву на лодкѣ въ мой намётъ
Изъ хижины уединенной;
Тамъ мой желудокъ скромно ждётъ
Насущный хлѣбъ обыкновенный;
Приправъ всѣхъ лучше — аппетитъ;
Я ѣмъ, я пью, я насыщаюсь,
Ума въ шампанскомъ не лишаюсь,
Минутъ десятка два — и сытъ.

10.

Люблю однако жъ за столомъ
Обычай пить друзей здоровье;
Всѣхъ вамъ желаю благъ виномъ,
Души безсмертное Сословье! —

Друзья! мечтайтесь мнѣ вездѣ —
Въ столицѣ, въ хижинѣ, въ дубравахъ,
Питайте духъ въ тоскѣ, въ забавахъ;
Безъ дружбы счастья нѣтъ нигдѣ!

11.

Тѣмъ пиръ мой конченъ, и Морфей
Меня къ подушкамъ преклоняетъ,
Межъ тѣмъ какъ тысячу идей
Намётъ мой пестрый пораждаетъ. —
Таковъ же, помню, былъ шатеръ
И тотъ, гдѣ шведскій побѣдитель,
Хрущовъ, Ангальтовъ отомститель,
У Савитайскихъ жилъ озеръ *).

12.

Набойка та жъ и тотъ же шовъ,
Но сходства впрочемъ нѣтъ ни мало:
Тамъ день и ночь между штыковъ,
Войной и гнѣвомъ всё дышало,
Текла со шведской наша кровь;
А здѣсь, въ пріятностяхъ свободы,
Крестьянки водятъ хороводы,
Въ кругу ихъ царствуетъ любовь!

13.

Имъ нѣтъ запрету никогда
Ходить толпой въ мою палатку.

---

*) Во время послѣдней шведской войны г. генералъ-маіоръ Хрущовъ подъ Савитайполемъ разбилъ барона Армфельда 24 Мая, спустя немного времени послѣ пардакойскаго дѣла, на которомъ принцъ Ангальтъ потерялъ ногу и умеръ.

Въ догадкѣ скоръ, рѣзовъ, остеръ,
И словомъ — другъ всегда неложный.
Такое имя отъ меня
Дано ему и не напрасно,
За то, что онъ со мной всечасно
Такъ точно, какъ и скорбь моя.

8.

Когда Левиты въ городахъ,
Бѣгомъ съ базаровъ устилая,
Поднимутъ шумъ въ колоколахъ,
Къ себѣ своихъ овецъ скликая,
То есть, какъ десять бьетъ часовъ,
Ко мнѣ тогда несутъ обѣдать,
И мной воспитанныхъ отвѣдать
Безвредныхъ здравію плодовъ.

9.

Плыву на лодкѣ въ мой намётъ
Изъ хижины уединенной;
Тамъ мой желудокъ скромно ждётъ
Насущный хлѣбъ обыкновенный;
Приправъ всѣхъ лучше — аппетитъ;
Я ѣмъ, я пью, я насыщаюсь,
Ума въ шампанскомъ не лишаюсь,
Минутъ десятка два — и сытъ.

10.

Люблю однако жъ за столомъ
Обычай пить друзей здоровье;
Всѣхъ вамъ желаю благъ виномъ,
Души безсмертное Сословье! —

Друзья! мечтайтесь мнѣ вездѣ —
Въ столицѣ, въ хижинѣ, въ дубравахъ,
Питайте духъ въ тоскѣ, въ забавахъ;
Безъ дружбы счастья нѣтъ нигдѣ!

11.

Тѣмъ пиръ мой конченъ, и Морфей
Меня къ подушкамъ преклоняетъ,
Межъ тѣмъ какъ тысячу идей
Намётъ мой пестрый пораждаетъ. —
Таковъ же, помню, былъ шатеръ
И тотъ, гдѣ шведскій побѣдитель,
Хрущовъ, Ангальтовъ отомститель,
У Савитайскихъ жилъ озеръ *).

12.

Набойка та жъ и тотъ же шовъ,
Но сходства впрочемъ нѣтъ ни мало:
Тамъ день и ночь между штыковъ,
Войной и гнѣвомъ всё дышало,
Текла со шведской наша кровь;
А здѣсь, въ пріятностяхъ свободы,
Крестьянки водятъ хороводы,
Въ кругу ихъ царствуетъ любовь!

13.

Имъ нѣтъ запрету никогда
Ходить толпой въ мою палатку.

*) Во время послѣдней шведской войны г. генералъ-маіоръ Хрущовъ подъ Савитайполемъ разбилъ барона Армфельда 24 Мая, спустя немного времени послѣ пардакойскаго дѣла, на которомъ принцъ Ангальтъ потерялъ ногу и умеръ.

О! какъ смѣюсь я иногда,
Смотря на робкую ухватку,
Съ какой, увидя телескопъ,
Къ нему на цыпочкахъ подходятъ,
Кругомъ вертятъ — потомъ наводятъ,
И скачутъ, свой увидя снопъ.

14.

Иная, жмуряся въ стекло,
Кричитъ своей подругѣ съ жаромъ:
Вонъ наше Доброе село *)!
Какъ-тутъ, взгляни, нашъ хлѣвъ съ анбаромъ.
По мѣрѣ, какъ очамъ предметъ
Лучъ солнца близитъ, отражаетъ,
Ихъ все дивитъ и поражаетъ;
Для нихъ окрестность — цѣлый свѣтъ!

15.

Не хочетъ ли кто взять труда
Внушить имъ Оптики законы?
Пожалуйте ко мнѣ сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны —
Скажите имъ, коль вамъ досугъ,
Какъ солнце движется въ эѳирѣ,
Какъ лучъ его дробится въ мірѣ;
А я пойду соснуть на лугъ.

16.

Какъ, чаю, душно вамъ въ Москвѣ
Теперь, богатые вельможи!

*) Такъ называется село, смежное съ городомъ.

Я, лежа здѣсь на муравѣ,
Быть въ вашей не желаю кожи. —
Въ столицѣ стукъ одинъ каретъ
И пыль несносная замучитъ,
Опричь того, что такъ наскучитъ
Театръ вседневныхъ тамъ суетъ.

17.

Во снѣ пригрезился мнѣ валъ,
Безъ тѣни, безъ воды гулянье,
Театръ, клобъ англійскій, воксалъ
И Благородное Собранье;
Проснусь — и очень, право, радъ,
Что все то было сновидѣнье! —
Скорѣй въ мое уединенье
Плыву на лодочкѣ назадъ.

18.

Нѣтъ! здѣсь нельзя съ тобой во всемъ,
Пінтъ *) любезный, согласиться;
Хотя въ письмѣ ко мнѣ своемъ
Мечтами любишь веселиться
И чтишь существенность бѣдой, —
Приди сюда, взгляни на ивы,
На долы, горы и заливы,
Будь счастливъ истиной одной!

---

*) Въ посланіи ко мнѣ князя Шаликова, помѣщенномъ въ Сентабрѣ мѣсяцѣ Московскаго Зрителя, напечатанъ слѣдующій стихъ:

Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши!

О! какъ смѣюсь я иногда,
Смотря на робкую ухватку,
Съ какой, увидя телескопъ,
Къ нему на цыпочкахъ подходятъ,
Кругомъ вертятъ — потомъ наводятъ,
И скачутъ, свой увидя снопъ.

14.

Иная, жмуряся въ стекло,
Кричитъ своей подругѣ съ жаромъ:
Вонъ наше Доброе село *)!
Какъ-тутъ, взгляни, нашъ хлѣвъ съ анбаромъ.
По мѣрѣ, какъ очамъ предметъ
Лучъ солнца близитъ, отражаетъ,
Ихъ все дивитъ и поражаетъ;
Для нихъ окрестность — цѣлый свѣтъ!

15.

Не хочетъ ли кто взять труда
Внушить имъ Оптики законы?
Пожалуйте ко мнѣ сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны —
Скажите имъ, коль вамъ досугъ,
Какъ солнце движется въ эѳирѣ,
Какъ лучъ его дробится въ мірѣ;
А я пойду соснуть на лугъ.

16.

Какъ, чаю, душно вамъ въ Москвѣ
Теперь, богатые вельможи!

*) Такъ называется село, смежное съ городомъ.

Я, лежа здѣсь на муравѣ,
Быть въ вашей не желаю кожи. —
Въ столицѣ стукъ одинъ каретъ
И пыль несносная замучитъ,
Опричь того, что такъ наскучитъ
Театръ вседневныхъ тамъ суетъ.

17.

Во снѣ пригрезился мнѣ валъ,
Безъ тѣни, безъ воды гулянье,
Театръ, клобъ англійскій, воксалъ
И Благородное Собранье;
Проснусь — и очень, право, радъ,
Что все то было сновидѣнье! —
Скорѣй въ мое уединенье
Плыву на лодочкѣ назадъ.

18.

Нѣтъ! здѣсь нельзя съ тобой во всемъ,
Пінтъ *) любезный, согласиться;
Хотя въ письмѣ ко мнѣ своемъ
Мечтами любишь веселиться
И чтишь существенность бѣдой, —
Приди сюда, взгляни на нивы,
На долы, горы и заливы,
Будь счастливъ истиной одной!

---

*) Въ посланіи ко мнѣ князя Шаликова, помѣщенномъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Московскаго Зрителя, напечатанъ слѣдующій стихъ:

Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши!

19.

Пока гулять мѣшаетъ жаръ,
Пускай на ложахъ сибариты,
Вина почувствовавъ угаръ,
Храпятъ, сномъ тягостнымъ убиты;
Пускай закройщики стиховъ
Въ мурьѣ тачаютъ мадригалы,
Готовятъ милымъ ихъ на балы,
Чтобъ въ спискѣ стать полубоговъ;

20.

Мое занятіе одно:
Читать, писать и упражняться!
Подчасъ люблю смотрѣть въ окно
И мыслью мрачною питаться:
Для свойствъ унылыхъ пища все,
Делиль, когда тебя читаю;
Задумавшись — вездѣ кидаю
Воображеніе мое.

21.

Отсюда вижу я тотъ градъ,
Гдѣ былъ престолъ князей россійскихъ.
Что̀ нынѣ сталъ Владиміръ? — Садъ.
Подобно такъ въ предѣлахъ римскихъ
Потомки Ромула поютъ;
И здѣсь граждане не воюютъ,
Въ Москвѣ лишь вишнями торгуютъ
И бердышей ужъ не куютъ.

22.

Отсель прекрасну гору зрю,
Студеною *) здѣсь нареченну
За то, что нѣкогда тутъ прю,
Ревнивой страстію возжженну,
Двѣ князя Невскаго жены
При встрѣчѣ радостной рѣшили,
Въ объятьяхъ гордый духъ смирили,
Презрѣвъ мірскія суеты. —

23.

Вотъ тутъ шелъ царь Иванъ въ Казань —
Сей, правъ не пощадя народа,
Хотѣлъ собрать насильно дань;
Отпоръ ему дала свобода! —
Вотъ дворъ, гдѣ пылкій Глѣбъ княжилъ —
Батый пришелъ, и въ гнѣвѣ яромъ,
Какъ волкъ ягнятъ, единымъ ударомъ
Владиміръ весь испепелилъ!

24.

Мой взоръ, отъ сихъ печальныхъ сценъ
Другихъ искать стремяся видовъ,
Новѣйшихъ памятникъ временъ,
Встрѣчаетъ замокъ Инвалидовъ:
Тутъ состраданье и любовь
Даютъ убѣжище заслугамъ,
Голоднымъ хлѣбъ, врача недугамъ,
И юную питаютъ кровь.

---

*) Анекдотъ владимірскаго края, преданіемъ сдѣлавшійся достопамятнымъ.

25.

Тутъ воинъ, всѣхъ лишенный силъ,
Вкушаетъ въ первый разъ спокойство;
Онъ весь свой вѣкъ стрѣлялъ, палилъ —
Стяжалъ увѣчьями геройство.
Ужъ ли бъ изъ нихъ здѣсь не нашлось,
Съ Рымникскимъ кои бы сравнились,
Когда бъ со службой съединились
Порода, счастье *и авось?*

26.

А тамъ, гдѣ вѣтеръ вѣетъ прахъ —
Что вижу? смерть, кресты, могилы!
Ничтожества ужасный страхъ
Объялъ вдругъ духъ, проникъ всѣ жилы.
О, Боже! что есть человѣкъ?
На что велѣлъ ему родиться,
Когда, какъ тѣнь, какъ сонъ, промчится
И самый длинный его вѣкъ?

27.

Ищу паросскихъ тамъ гробницъ,
Колоннъ, уписанныхъ стихами;
Оставимъ гордость для столицъ:
Въ землѣ чѣмъ хвастать передъ нами!
Для входа въ вѣчну жизнь билетъ
Не по чинамъ даютъ намъ Боги;
Судьи безсмертные тамъ строги:
Ни лицъ, ни мзды въ вѣсахъ ихъ нѣтъ.

28.

Покойтесь вы до тѣхъ же поръ,
О, тѣни, въ сей странѣ, любезны!
Надъ вами здѣсь вседневный хоръ
Во храмѣ Божьемъ канты слезны
При вздохахъ дружескихъ поетъ
Служитель Вышняго избранный,
Куря ѳимьямъ благоуханный,
О васъ молитвы къ небу шлётъ.

29.

Такъ точно нѣкогда и я
Умру и гдѣ-нибудь истлѣю;
Но смерти сонъ вездѣ меня
Съ Евгеньей съединитъ моею! —
Когда же Твой услышу гласъ,
Живыхъ и мертвыхъ Царь небесный!
Разрушь скорѣй мой домъ тѣлесный,
Кинь въ гробъ ее меня сей часъ! —

30.

Но что за шумъ, какой хаосъ
Мои тамъ подняли крестьяне? —
Ахъ! я забылъ, что сѣнокосъ!
Пусть пляшутъ добры поселяне;
Они не знаютъ, что печаль,
Чума чувствительнаго міра;
Что вѣкъ иной потери жаль,
Что безъ подруги сердце сира.

37.

Атласъ раскинулъ и гляжу: —
Какой пожаръ во всей вселенной!
Вездѣ раздоры нахожу.
Въ Европѣ, будто, просвѣщенной —
Бѣжала изъ нея любовь!
Изъ кроткихъ перьевъ Кабинеты
Подѣлали себѣ ланцеты;
Союзовъ нѣтъ — всё кровь, да кровь!

38.

Еще свѣтло, и рано сѣсть;
Иду кустовъ искать границы;
Еще могу въ очкахъ прочесть
Изъ Юнга двѣ и три страницы. —
Усталъ -- пора назадъ идти;
Пришелъ, и на берегъ присѣвши,
Червей на удочку надѣвши,
Зачну гольцовъ тутъ шевелить.

39.

Пловокъ дрожитъ — я дернулъ вдругъ,
Попалъ одинъ неосторожный;
Ступай домой! — Но впредь, мой другъ,
Не вѣрь приманкѣ всякой ложной.
Урокъ полезный для людей! —
Не всѣ ли мы гольцу подобны?
Какъ часто мы въ страстяхъ способны
Клевать обманъ, какъ онъ червей!

40.

Ужъ вечеръ гонитъ ясный день
И солнце въ сумерки сокрылось,
Луна свою простерла тѣнь,
Въ порфирѣ блѣдныхъ звѣздъ явилась
И смотрится въ кристаллѣ рѣкъ;
Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ;
Вся тварь покоится въ Природѣ,
Не спитъ лишь зло — и человѣкъ!

41.

Тутъ вспомня *Сердца Бытіе* *),
Весенню пѣснь въ саду песчаномъ,
И счастье прежнее мое,
Хотѣлъ бы льстить себя обманомъ; —
Вотще! — что было, то прошло!
Бренчу еще въ печальну лиру;
Но, ахъ! тѣхъ дней, какъ пѣлъ Глафиру,
Во гробъ ужъ солнышко зашло!

42.

Евгеньи нѣтъ! — уныль и я;
Съ тѣхъ поръ любовь, восторгъ, блаженства —
Слова пустыя для меня;
Не зрю ни въ чемъ ихъ совершенства;
Съ тѣхъ поръ въ бесѣдахъ не найду
Искусства нравиться, какъ прежде:
И такъ, сказавъ прости надеждѣ,
Ушелъ сюда — и смерти жду.

---

*) Книга моихъ сочиненій.

Печальныхъ картъ не посылайте,
И черныхъ платьевъ не вздѣвайте:
Пустой убытокъ, пышный вздоръ.
Ни въ дождь, ниже во время ясно,
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ.

Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ:
Чтобъ Онъ, врагамъ моимъ прощая
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемской рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо многа;
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ самъ ее намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами,
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота!

Таковъ его здѣсь воздвигаю
Тебѣ, любезная сестра!

Твой гробъ сердечно лобызаю.
Придетъ и наша всѣхъ пора.
Ты дань Природѣ заплатила,
Конецъ съ началомъ съединила,
Достигла цѣли естества;
Твой трупъ въ покоѣ безмятежномъ
И въ ложѣ смерти неизбѣжномъ
Позналъ измѣну вещества.

А я еще живу и маюсь,
И міру всячески служу;
Нерѣдко вздоромъ утѣшаюсь,
Нерѣдко о пустомъ тужу;
Подчасъ вселенну ненавижу;
И хоть изъ опытовъ и вижу,
Что въ ней нельзя спокойну быть:
Но, ахъ! какъ смертный слабъ бываетъ!
Лишь чуть Ранда приласкаетъ, —
Готовъ еще сто лѣтъ прожить.

МОИ СУББОТЫ. *)

*) Такъ назвалъ я разныя мои стихотворенія, которыя, по условію съ однимъ пріятельскимъ обществомъ, читывалъ я въ своемъ домѣ на субботнихъ вечеринкахъ.

МОИ СУББОТЫ

Слава.

Когда звукъ пушечнаго грома
Сзываетъ всѣхъ торжествовать,
Ужъ ли преступникъ я, коль дома
Съ собой останусь размышлять?
Чѣмъ случай праздника важнѣе,
Тѣмъ больше жребій свой хвалю;
Я нимъ доволенъ, тѣмъ сильнѣе
И наслаждаться имъ люблю.

Чего же мнѣ въ уединеньи
Моемъ осталося желать?
Не всѣ ли сердца утѣшеньи
Природа въ немъ даётъ вкушать?
Любовью нѣжной награждаюсь,
Спокойство царствуетъ во мнѣ;
Богатствъ? — я ими не плѣняюсь;
А слава — тягость въ тишинѣ.

Видалъ я славой обольщенныхъ,
Бѣгущихъ роскоши во слѣдъ,
Дарами счастія надменныхъ,
Превознесенныхъ тмой побѣдъ;
И видѣлъ, какъ всесильной властью
Творецъ, равняя всѣхъ людей

Различной каждаго напастью,
Разитъ и ихъ средь ясныхъ дней.

Любовь невинная лишь можетъ
Нашъ духъ животворить всегда;
Она во младости тревожитъ,
Но въ зрѣлыхъ лѣтахъ никогда;
Ее почувствовать пріятно
И въ тишинѣ и подъ вѣнцомъ;
Съ ней счастье множится стократно,
Судьбы сноснѣе переломъ.

Другія чувства, внѣ природы,
Въ воображеніи живутъ,
Лишаютъ разумъ нашъ свободы
И часто къ пагубамъ влекутъ.
Честолюбивыхъ путь опасенъ:
На немъ кровавы ихъ слѣды;
Предметъ его всегда ужасенъ, —
Вездѣ сцѣпляются бѣды.

Я здѣсь ту славу разумѣю,
Для коей алчный властелинъ,
Дыша лишь гордостью своею,
Пылаетъ міръ обнять одинъ;
Его вся жизнь — завоеванье,
Обиды, слезы — каждый шагъ,
Его забава — стрѣлъ сверканье;
Народовъ бичъ и міра врагъ!

Перо изъ рукъ моихъ валится
Отъ мысли только сей одной,

Какъ вся вселенная дымится,
Вездѣ зажженная войной!
Тамъ флоты море воздвизаютъ,
Съ насущной пищи дань берутъ;
Тутъ сушу войска раздираютъ
И смертныхъ смертными же гнѣтутъ.

Но, ахъ! когда межъ россовъ вьется
Запутанная славы сѣть,
Какой несчастный тутъ найдется
Ея узлы предусмотрѣть? —
Толпой въ восторгѣ увлеченный,
Какъ щепка, что̀ волна снесла,
Летитъ, тщеславьемъ заблужденный,
И падаетъ въ пучину зла.

О, слава, духъ умовъ жестокихъ!
Не для меня твой пышный храмъ;
Во алтаряхъ твоихъ высокихъ
Не воскурится мой еиміамъ.
Любви мою настроя лиру,
Еще въ ней пылокъ и ревнивъ,
Пою дражайшую Глафиру —
И буду пѣть, доколѣ живъ.

Любви пріятствомъ украшая
Моей блаженной жизни дни,
Ея внушеньемъ избирая
Во свѣтѣ радости одни,
Теку прохладными путями
Свершить всеобщій тотъ конецъ,

Куда побѣды съ знаменами
Летитъ носящій и вѣнецъ.

За чувство дружбы безподобно
Чѣмъ, кромѣ дружбы, заплатить?
Какою страсть любви удобно
Иною страстью замѣнить?
Любовь пребудетъ безконечно
Виной восторга моего;
Съ сей клятвы не подвигнусь вѣчно
До дня, какъ буду — ничего!

Къ Амуру.

Когда любви пріятный пламень
Проникнетъ сердце, тронувъ слухъ,
То сердце будь хоть дикій камень,
Любви воздѣйствуетъ въ немъ духъ.

Когда любви огонь сверкаетъ
Въ очахъ любезной красоты,
Какой безстрастный не растаетъ,
Узря небесныя черты?

Амуръ, сокровище природы,
Дитя любимое небесъ,
Символъ блаженства, богъ свободы!
Тобою сохнутъ капли слезъ.

Какъ солнца яркій лучъ весною,
Прогнавъ жестокости зимы,
Живитъ всѣ твари теплотою
И свѣтъ раждаетъ вдругъ изъ тмы:

Такъ сей Венеринъ сынъ прекрасный,
Когда явитъ пріятный взоръ,
Въ твердѣйше сердце духъ свой страстный
И райскихъ чувствъ вселитъ соборъ.

Я здѣсь вседнeвно созерцаю
Его улыбку, милый видъ;
Его лобжу, его ласкаю:
Онъ мнѣ не дѣлаетъ обидъ.

Всмотритесь вы въ него прилежно,
Коснитесь крылышекъ его!
Что̀ можетъ быть толико нѣжно?
Ахъ! нѣтъ на свѣтѣ ничего! —

Амуръ! въ моемъ уединеньи
Будь вѣкъ красой судьбы моей,
И сердца сладкія біеньи
Душою оживи твоей!

Тебѣ я жертву непорочну
Готовъ вседнeвно возсылать,

А я вѣчно безъ успѣха
Лишь запѣлъ, то досадилъ;
Такъ ужъ мнѣ тутъ не до смѣха; —
Дудку о земь — и завылъ.

Князю Ш

Давно въ долгу передъ тобою,
Любезный князь! моимъ перомъ;
И неоплатною цѣною
Обязанъ я твоимъ добромъ. —
Стихи писать есть дарованье,
Принадлежащее тебѣ;
Отъ всѣхъ снискалъ рукоплесканье
Своимъ и лирѣ и трубѣ.
Когда царей ты ублажаешь,
Сіянье Скипетра поешь,
Не дымомъ лести выражаешь,
Но скромной правды даръ несешь.
И съ той же ловкостью на лирѣ,
Въ пріятный роздыхъ отъ трудовъ,
Поешь въ избыткѣ чувствъ Темирѣ
Блаженство дружескихъ оковъ.
Такъ! такъ! они достойны

Твоихъ похвалъ предметомъ быть;
Они легки, не безпокойны,
И самъ люблю я ихъ носить.
Но ты еще, мой князь! имѣешь
Поверхность ту передомной,
Что всѣмъ внушить любовь умѣешь
Кто слышитъ нѣжный голосъ твой.
Скажи, изъ чьихъ ты глазъ упился
Такимъ восторгомъ духъ плѣнять?
Ахъ! какъ ты счастливо родился,
И какъ тебѣ не ревновать?
Умножь, умножь стократъ успѣхи,
Плѣняй и самъ плѣняемъ будь!
Дѣли съ Темирой игры, смѣхи,
Но въ нихъ вовѣкъ не забудь
Того, кто благъ тебѣ желаетъ,
Въ богатомъ изобильи всѣхъ,
Пустыхъ привѣтствій не считаетъ
Отнюдь въ числѣ своихъ утѣхъ!
А ты хотѣлъ весьма напрасно,—
Чтобъ въ грудь я райску сладость лилъ;
Тружусь дойти туда всечасно,
Но ты весь путь ужъ захватилъ.

Къ нему же.

На что богатство, коль природа
Съ нимъ вмѣстѣ свойства не дала
Разсыпать злато для народа,
Спасти убожество отъ зла?
Его сокровища безбожно
На вазы, люстры расточать;
Ужъ ли въ игрушкахъ сихъ возможно
Руду блаженства ископать?

Ахъ, нѣтъ, мой князь! ахъ, нѣтъ! конечно,
Сіи бездушны красоты
Не сильны тронуть насъ сердечно;
Онѣ лишь роскоши мечты,
Которы сплошь уничтожаетъ
Обычай, случай. — Все на часъ!
Что̀ взоры нынѣ восхищаетъ,
То завтра мертвенно для насъ.

Душа чувствительная жаждетъ
Другой отрады въ свѣтѣ семъ:
Она болитъ, тѣснится, страждетъ,
Когда несчастныхъ видитъ въ немъ;
Со всей дѣятельности силой,
Услышавъ нужды звонкій крикъ,
Летитъ туда, гдѣ вопль унылой
До глубины ее проникъ.

Ужасенъ тотъ, кто неспособенъ
Дѣлить избытковъ съ нищетой;
Кто сотней тысячъ душъ удобенъ
Заняться меньше, чѣмъ собой;
Кто плодъ трудовъ ихъ утонченныхъ
Спѣшитъ на то употребить,
Чтобъ кучу куколъ драгоцѣнныхъ
Достать, разставить, и — забыть!

Напрасно думаютъ, что боги,
Для наслажденья жизнью сей,
Въ одни вмѣщаютъ лишь чертоги
Дары всѣ благости своей;
Ошибка! — Часто въ средней долѣ
Любовь такіе дни даритъ,
Какихъ въ златой своей неволѣ
Во снѣ не грезитъ сибаритъ.

Повѣрь, что тамъ, гдѣ такъ надменно
Фортуны баловень живетъ,
Гдѣ все намъ кажется блаженно, —
Эхидна кровь его сосетъ;
Тамъ идолъ сей, для чувства мертвый,
Глаза лишь хочетъ соблазнить;
А умиленны сердца жертвы
Его ль холодному цѣнить?

О, нѣтъ! — твой духъ не уж[illegible];
И самъ тѣхъ мѣстъ я не терплю,
Гдѣ отголосковъ не дается
Пріятну слову: я люблю.

Итакъ престанемъ восхищаться
Вельможи суетнымъ добромъ;
Пріязнью лучше наслаждаться:
Съ ней, право, милъ и тѣсный домъ!

Любовь.

Безъ сердца жить тоска смертельна;
А съ сердцемъ жить бѣда, напасть!
Его желанье безпредѣльно;
Но рѣдко можетъ въ цѣль попасть.
Въ любви безпечны быть боимся,
Чужія чувства стережемъ;
А безъ любви какъ прахъ вертимся,
Нигдѣ покоя не найдемъ.

Съ любовью ревность и досада
Печалью мысли облекутъ;
И гдѣ мечтается отрада,
Тамъ насъ о[illegible] печали ждутъ;
Напротивъ, е[illegible] равнодушно
Бываетъ сердце ко всему,
Ахъ! какъ тогда жить въ мірѣ скучно,
И пищи вовсе нѣтъ уму!

Любовь нерѣдко обольщаетъ
Пустою прелестью весь свѣтъ,
Во взглядахъ, въ словѣ обѣщаетъ
Блаженство, коего въ нихъ нѣтъ;
Но ею также и живится
Обширный мыслей нашихъ кругъ,
И въ самой средній умъ вмѣстится,
Что пылкій спасенъ не схватитъ вдругъ.

Когда бы смертнымъ было можно
Середню точку отыскать,
И нѣжнымъ чувствамъ осторожно
Умѣли волю мы давать, —
Тогда любовь (я въ томъ согласенъ)
Была бы край земныхъ утѣхъ,
И для спокойства безопасенъ
Содѣлался бъ ея успѣхъ.

Но коль безчисленны примѣры
Имѣетъ юноша въ глазахъ,
Что слабы всѣ разсудка мѣры
Къ спасенью нашему въ страстяхъ!
Въ такомъ случаѣ неизбѣжномъ
Движенья чувствъ предупреждай,
Дабы любовь во сердцѣ нѣжномъ
Не полилася черезъ край.

Совѣтъ хорошъ, — но кто умѣетъ
Его на дѣлѣ совершить?
Кто силу умственну имѣетъ
Пожары сердца потушить?

На сей вопросъ вездѣ встрѣчно
Одинъ отвѣтъ: не я! не я!
И это также твердо знаю,
Что не поклеплютъ и меня.

Итакъ всѣ наши заключенья
И многихъ опытовъ урокъ
Лишь множатъ только затрудненья
Отъ мукъ любви спасти свой рокъ,
И въ нихъ познать даютъ не ложно,
Что какъ мораль ни будь строга,
Противу сердца не возможно
Прожить на свѣтѣ полмига.

На мысли сей остановиться
Уничижительно весьма;
Но должно, должно согласиться,
Что сводитъ всѣхъ любовь съ ума.
Какіе хочешь ей законы
Пиши и вздумай человѣкъ:
Она разрушитъ всѣ препоны,
И будетъ царь его вовѣкъ.

Пристрастiе.

Пристрастье! сколь несправедливо
Ты кажешь всякiй намъ предметъ!
Тобой воображаемъ диво,
Въ чемъ удивительнаго нѣтъ;
Спокойству смертнаго преграда,
Ошибокъ всяческихъ вина!
Увы! какая намъ отрада,
Весь вѣкъ прожить во грезахъ сна?

Пристрастье очи ослѣпляетъ
У прозорливѣйшихъ людей;
Оно разсудки умерщвляетъ
Отравой сладкою своей;
Въ личинѣ истины прекрасной
Неправду мерзкую явитъ;
Цвѣтами кроетъ путь опасный
И порчу сердца извинитъ.

Пристрастный мужъ всегда способенъ
Безъ произволу погубить,
Подобно какъ слѣпой удобенъ
И ненарочно съ ногъ свалить;
Онъ чернымъ видя то, что бѣло,
Своей обманутъ слѣпотой,
Летитъ надежно, быстро, смѣло
Съ прямой дороги въ ровъ большой.

Совѣтъ пристрастнаго не вѣренъ
Затѣмъ, что взоръ его фальшивъ;
Коль самъ съ собою лицемѣренъ,
То съ кѣмъ онъ будетъ справедливъ?
Трони пристрастія пружину,
Воспламенятся въ немъ черты;
Онъ тотчасъ выищетъ причину
Оправить всѣ свои мечты.

Пристрастье есть начало страсти
И малодушья первый плодъ,
Предвѣстникъ вздоховъ, слезъ, напасти,
Сигналъ сердечныхъ непогодъ;
Какъ моль, въ чертогъ отъ небреженья
Прокравшись, портитъ ихъ уборъ,
Такъ въ самы здравы размышленья
Пристрастье бредъ несетъ и вздоръ.

Гдѣ мысль пристрастная вселится,
Ума померкнетъ чистота,
Въ путляву хитрость обратится
Доводовъ ясныхъ простота;
И очень часто отъ пристрастья
Такія сумерки въ душѣ,
Что самый опытъ злой несчастья
Надъ ней бы дѣйствовалъ вотще.

Когда судья въ строкахъ закона
Пристрастью ищетъ споровить
И благосклонный взоръ отъ трона
Къ своимъ уловкамъ обратить, —

Онъ сѣть свою искуснѣй вяжетъ,
Чѣмъ паутину вьетъ паукъ;
И всякой, слыша его, скажетъ:
Вотъ злобы врагъ и мира другъ!

Но вы, цари! остерегайтесь:
Пристрастья очень тонокъ ядъ!
На складъ одинъ не полагайтесь;
Внутрь сердца вашъ прострите взглядъ!
Во всѣхъ пристрастіе опасно, —
А подъ вѣнцомъ вреднѣй всего;
Къ нему малѣйшее ужасно
Прикосновеніе его.

Что можетъ истины быть краше!
Она возноситъ къ небу духъ;
Въ ней слава, честь, безсмертье ваше!
Цари! приближьте къ ней свой слухъ!
Она жестка, — пристрастье нѣжно;
Но не забудьте каждый часъ,
Что съ нимъ несчастье неизбѣжно,
А съ той — народъ и Богъ за насъ!

Мой кабинетъ.

Вотъ мое уединенье;
Въ немъ все мило простотой,
Все приноситъ утѣшенье. —
Здѣсь съ покойною душой
На прекрасную природу
Въ ясный день въ окно смотрю;
Вижу лѣсъ, луга и воду.—
О! какъ все я здѣсь люблю!

Вотъ тотъ столъ, гдѣ я прилежно
Иногда съ перомъ сижу,
Изливая чувство нѣжно,
На Купиду погляжу;
Онъ въ кумирѣ ободряетъ,
Мысль мою животворитъ,
Онъ мой трудъ благословляетъ
И успѣхъ ему судитъ.

Здѣсь я время провождаю
Безъ досады въ тишинѣ,
Умъ и сердце занимаю,
Духъ покоится во мнѣ;
Здѣсь по утру покланяюсь
Первымъ солнечнымъ лучамъ;
Здѣсь съ восторгомъ удивляюсь
Я Діанѣ и звѣздамъ.

Вотъ диванъ, гдѣ я ночую,
Гдѣ люблю я размышлять,
И къ своей судьбѣ чужую
Безпристрастно примѣнять.
Чѣмъ могу быть недоволенъ?
Меня любятъ — я люблю.
Я въ моихъ поступкахъ воленъ,
И насильства не терплю.

Ни отъ скуки, ни съ печали
На часы я не гляжу;
Хоть идутъ они, хоть стали,
Нужды въ нихъ не нахожу.
Для меня здѣсь дни не длятся, —
Они сплошь бѣгутъ, какъ мигъ;
Чѣмъ быстрѣй къ концу стремятся,
Тѣмъ сильнѣе жаль мнѣ ихъ.

Вы, большого свѣта люди,
Коихъ вздоръ такъ веселитъ!
Ахъ! какъ часто въ ваши груди
Стрѣла горести летитъ! —
А я здѣсь (хвала вамъ, боги!),
Давъ разсудку полну власть,
Удалилъ страстей тревоги,
Кои насъ влекутъ въ напасть.

Коль хотите быть блаженны,
Цѣну радостей познать,
Будьте вы уединенны
И престаньте воздыхать.

Мой кабинетъ.

Вотъ мое уединенье;
Въ немъ все мило простотой,
Все приноситъ утѣшенье. —
Здѣсь съ покойною душой
На прекрасную природу
Въ ясный день въ окно смотрю;
Вижу лѣсъ, луга и воду.—
О! какъ все я здѣсь люблю!

Вотъ тотъ столъ, гдѣ я прилежно
Иногда съ перомъ сижу,
Изливая чувство нѣжно,
На Купида погляжу;
Онъ въ кумирѣ ободряетъ,
Мысль мою животворитъ,
Онъ мой трудъ благословляетъ
И успѣхъ ему судитъ.

Здѣсь я время провождаю
Безъ досады въ тишинѣ,
Умъ и сердце занимаю,
Духъ покоится во мнѣ;
Здѣсь по утру поклоняюсь
Первымъ солнечнымъ лучамъ;
Здѣсь съ восторгомъ удивляюсь
Я Діанѣ и звѣздамъ.

Вотъ диванъ, гдѣ я ночую,
Гдѣ люблю я размышлять,
И къ своей судьбѣ чужую
Безпристрастно примѣнять.
Чѣмъ могу быть недоволенъ?
Меня любятъ — я люблю.
Я въ моихъ поступкахъ воленъ,
И насильства не терплю.

Ни отъ скуки, ни съ печали
На часы я не гляжу;
Хоть идутъ они, хоть стали,
Нужды въ нихъ не нахожу.
Для меня здѣсь дни не длятся, —
Они сплошь бѣгутъ, какъ мигъ;
Чѣмъ быстрѣй къ концу стремятся,
Тѣмъ сильнѣе жаль мнѣ ихъ.

Вы, большого свѣта люди,
Коихъ вздоръ такъ веселитъ!
Ахъ! какъ часто въ ваши груди
Стрѣла горести летитъ! —
А я здѣсь (хвала вамъ, боги!),
Давъ разсудку полну власть,
Удалилъ страстей тревоги,
Кои насъ влекутъ въ напасть.

Коль хотите быть блаженны,
Цѣну радостей познать,
Будьте вы уединенны
И престаньте воздыхать.

Вамъ, какъ мнѣ, сама природа
Способъ дастъ пріятно жить,
Вашъ восхититъ духъ свобода;
Что жъ дороже можетъ быть?

Ропотъ на дорогу.

Летитъ Октябрь и посылаетъ
Всю непогодь свою впередъ;
Борей деревья раздѣваетъ,
А снѣгъ подъ спудъ траву кладетъ;
Межъ тѣмъ я, въ полѣ разсуждая,
Въ путь дальній лѣто провождая,
Верстъ за сто отъ Москвы, съ женой
Ворчу, закутавшись въ коляскѣ,
При всякой на мосточкѣ тряскѣ:
Пора, мой другъ-жена! домой —

Пора въ Никольской воротиться,
Дѣтей, родныхъ своихъ обнять,
Отъ стужи къ печи прислониться,
И милыхъ впредь не покидать.
Каминъ разложимъ хорошенько,
Къ огню присядемъ всѣ близенько,

Обычай вспомнимъ стариковъ:
Молоть другъ другу станемъ сказки,
И въ шумѣ дружеской побаски
Не взвидимъ длинныхъ вечеровъ.

О, духъ проклятый любопытства!
Совсѣмъ замыкалъ ты меня.
Едва отъ женъ и волокитства
Подъ старость излечился я,
Какъ вдругъ припала страсть другая,
Неугомонная лихая, —
Иногородныхъ странъ смотрѣть.
Минуты дома не сидится,
Разсудокъ боленъ и крушится
Въ желаньяхъ міръ весь обозрѣть.

Пріятно странствовать, гдѣ можно
(Коль книги правду говорятъ)
Достать, платя за все, какъ должно,
Чего пять чувствъ ни похотятъ,
Гдѣ солнца лучъ во весь день грѣетъ,
А въ ночь зефиръ прохладный вѣетъ,
И гладокъ путь, какъ штучный полъ,
Гдѣ всѣ природы прозябенья
Трактирщики для наслажденья
На станціяхъ несутъ на столъ!

А здѣсь ѣзда — бѣда ужасна,
На почтовыхъ ли, на своихъ!
Земля, кормилица несчастна,
Плодовъ не носитъ никакихъ;

Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ — вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ нельзя ни лечь, ни сѣсть;
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться, —
Не сыщешь булки мягкой съѣсть.

Уже ли кто не согласится
По смыслу здравому признать,
Что между тѣмъ, чтобъ прокатиться,
Или во весь опоръ скакать,
Должна быть розница большая?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но путешественникъ свободный,
Изъ прихоти собравшись въ путь,
Не любитъ на стезѣ негодной
Ломать бока себѣ и грудь,
Коней, взбѣсясь, не погоняетъ;
Онъ ночью спитъ, а днемъ гуляетъ,
Любуясь міра красотой,
Людей разсматривая нравы,
И въ самой пустынѣ забавы
Найти на вкусъ умѣетъ свой.

Итакъ въ послѣдній разъ, конечно,
Я путешествую теперь;

Готовъ сидѣть въ покояхъ вѣчно,
Какъ робкій подъ кустами звѣрь
Увы! — чего искать иного,
Куда ни кинься, какъ худого? —
Когда подыметъ вѣтеръ вой,
За слякоть всякую въ награду
Терпѣть убытки и досаду; —
Пускай же пробуетъ другой!

А я, уставши въ полномъ смыслѣ,
Въ Москвѣ присяду на гнѣздѣ,
И такъ свои настрою мысли,
Чтобъ было любо имъ вездѣ.
Насущный хлѣбъ есть корень счастья
Во время ведра и ненастья.
Математической декретъ!
Я это очень твердо знаю,
И вѣрить самъ ужъ начинаю,
Что тамъ прекрасно — гдѣ насъ нѣтъ... —

Возвращеніе домой.

Еще солнышко не сѣло,
Поспѣшай, мой быстрый конь;
Мчи меня съ собою смѣло,
На скаку чуть землю тронь!

Мена ждутъ жена и дѣти,
Дома радость и покой;
Ахъ! что можетъ быть на свѣтѣ
Веселѣй семьи родной!

Всѣ меня бѣгомъ встрѣчаютъ,
Груша прежде всѣхъ летитъ,
Ея ласки изъясняютъ
Все, что сердце говоритъ; —
Дѣти съ нѣжнымъ восхищеньемъ
Обнимать меня спѣшатъ,
И малютки съ изумленьемъ
Въ слѣдъ за мной — папà! кричатъ.

Тутъ сберу я круговеньку,
Жонку рядомъ посажу;
Отдохну — и помаленьку
Имъ весь путь мой разскажу:
Гдѣ я былъ, кого я видѣлъ,
Какъ по нихъ я тосковалъ,
Какъ разлуки часъ обидѣлъ,
Мигъ свиданья грусть промчалъ.

О, веселыя минуты!
Вы лишь красите нашъ вѣкъ!
Вами всѣ печали люты
Забываетъ человѣкъ.
Такъ, конечно, средь домашнихъ,
Въ кругу ближнихъ и родныхъ,
Мы вкушаемъ плодъ всегдашнихъ
Наслажденій здѣсь прямыхъ.

Они совѣсти не мучатъ,
Сердцу язвой не грозятъ,
Чувствамъ нѣжнымъ не наскучатъ
И ума не тяготятъ.
Тотъ блаженъ, кто научился
Хоть подъ старость ихъ цѣнить,
И съ страстями распростился,
Чтобъ для пользы жизнь дожить.

Мы такъ много колобродимъ,
Угождая суетамъ,
Мы такъ часто въ нихъ находимъ
Длинный путь къ большимъ бѣдамъ,
Что когда-нибудь да надо
Образумиться на часъ.
Шумъ для юности — отрада;
А безъ пользы что же въ насъ?

Небо! дай мнѣ неразлучно
Быть вездѣ съ моей семьёй!
Какъ тотъ жалокъ, кому скучно
Безъ чужого, безъ чужой!
Благъ прошедшихъ совершенства
Если я не заслужилъ,
О, хотя бъ въ тѣни блаженства
Старость мирну совершилъ!

Гдѣ лучше, какъ дома.

Тужить о прошломъ — безполезно,
Мечтать о будущемъ — обманъ;
Коль настоящее любезно,
Къ чему искать заморскихъ странъ?
Отъ чувствъ своихъ мы не ускачемъ
Ни моремъ, ни сухимъ путемъ;
Вездѣ отъ мрачныхъ думъ заплачемъ,
Въ веселомъ духѣ рай найдемъ. —

Повсюду горьки вспоминанья
Въ повозкѣ съ нами полетятъ;
Повсюду новыя желанья
Климаты новые родятъ;
По виду внѣшнему предмета
И вкусъ привыкнувши мѣнять,
Вокругъ всего объѣздишь свѣта,
А совершенства не сыскать. —

Изъ края въ край переселяться,
Чтобъ грусть лечить, пустой расчетъ;
Съ печалью стоитъ лишь [illegible],
Она замучитъ какъ деспотъ.
Ее не грунтъ земли раждаетъ,
Не воздухъ грѣетъ, иль студитъ;
Душа сама въ себѣ питаетъ,
Воображенiе раститъ.

Ошибка въ томъ, что мы мечтаемъ
И жить все въ будущемъ хотимъ.
Сегодни день прошелъ — скучаемъ,
Пришелъ и завтрашній — грустимъ.
Химера первый врагъ спокойства;
Съ начала міра до конца
Вездѣ все тѣ же неустройства
Умы смущаютъ и сердца!

Людей лихихъ не переможешь, —
А въ свѣтѣ гдѣ жъ нихъ не найдешь?
Скорѣй слона въ хомутъ заложишь,
Чѣмъ злоязычника уймешь, —
Не внѣ, но въ насъ руна веселья;
Умѣй ее лишь очищать:
Ищи забавы, утѣшенья —
И будешь чаще хохотать.

Итакъ, о чемъ же мнѣ крушиться,
Минуты вздохами считать?
Хочу теперь же веселиться,
Впередъ пустого не гадать. —
Мой часъ летитъ — моя и воля,
А чей за нимъ, — вѣститъ лишь Богъ
Когда меня не жметъ неволя,
Тогда вездѣ и Гогъ-Магогъ!

Одежа есть, хлѣбъ-соль готова,
Вина бутылку *Негри* далъ,
Въ семьѣ не вижу сердца злова,
И крышу вихорь на сорвалъ;

Гроза ль придетъ — окно закрою,
Сквозного вѣтра не пущу,
И громъ услышавъ надъ собою,
Какъ робкій звѣрь не трепещу.

Кто сей системой вѣкъ свой прожилъ,
Тотъ меньше всякаго тужилъ,
Догадкой бѣдъ своихъ не множилъ,
Забавы всякой день тронлъ,
Въ лѣтописяхъ не добивался
Наполнить цѣлый листъ собой,
И въ землю, ту жъ когда скончался,
Подъ царской прахъ присыпалъ свой.

Мой театръ.

Пускай все строится на свѣтѣ,
Какъ рокъ упрямый приказалъ,
Лишь только бъ житъ мнѣ въ кабинетѣ
Никто на вкусъ мой не мѣшалъ.
Съ утра до вечера я въ руки
Газетъ, ни книги не беру,
И день-деньской съ дѣтьми отъ скуки
Твержу мимическу игру.

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ сукнѣ я толку не знавалъ;
Иной безъ сахару все поитъ,
Я чай и съ патокой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава — суетиться,
Мой рай — людьми набитый домъ.

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Который баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ катъ;
Въ моемъ углу храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ.

Въ сараѣ 6 кулисъ поставилъ,
Широкой завѣсъ распустилъ,
Огарки всѣ домашни сплавилъ,
Во тмѣ свѣтъ плошекъ сотворилъ; —
И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
Воспоминая вѣкъ златой,
Въ стихахъ и въ прозѣ отличаюсь,
То царь, то молодъ я мечтой!

Меня поносятъ, слышу, строго,
Зачѣмъ такъ тѣшу я себя;
Кричатъ: онъ, видно, нажилъ много,
И честь и совѣсть погубя!

Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
Мой домъ прійти ревизовать,
Моихъ завидныхъ капиталовъ
Наличность мягку осязать! —

Найдутъ дестей бумажныхъ кучу,
Куда чернилъ потоки лью,
На коихъ лѣтъ ужъ 30 мучу
Я руку правую мою. —
И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
Увидятъ ясно безъ очковъ,
Что мой достатокъ безпримѣрный —
Наростъ на языкѣ лжецовъ.

Молва страшитъ душонки мелки;
Онѣ боятся иногда
Затѣять сущія бездѣлки.
Ахти! что скажутъ? Ну, бѣда!
Безъ аппробаціи собранья,
Не справясь въ клобѣ, тамъ и сямъ,
Онѣ свободнаго дыханья
Не смѣютъ дать своимъ ноздрямъ.

Но тотъ, кто въ креслахъ и на стулѣ,
Въ палатѣ царской и въ избѣ
Имѣлъ всегда на караулѣ
Какъ стража совѣсть при себѣ,
Ума кто пышнымъ не румянилъ,
Чужого сердца не скоблилъ,
За бѣдность нищихъ не тиранилъ,
За злато знатныхъ не курилъ, —

Предъ тѣмъ — изъ терема ли вьется,
Иль стелется на площади
Молва, какъ вихорь разнесется
И ляжетъ прахомъ назади! —
Предъ тѣмъ молва — лишь свистъ народный,
Которымъ можетъ человѣкъ,
Въ поступкахъ, въ чувствѣ благородный,
Гнушаться смѣло весь свой вѣкъ!

Когда почіешь ты въ покоѣ,
Молва! уставши, хоть на часъ?
Души съ умомъ, въ согласномъ строѣ,
Тебѣ, вѣдь, рѣдко внятенъ гласъ!
А ты жужжаньемъ надоѣла,
И съ клеветою сдѣлавъ связь,
Чернишь нерѣдко то, что̀ бѣло,
И бѣлой — называешь грязь.

Играйте, пойте, веселитесь,
Два вѣка намъ не подарятъ;
Чужого толку не страшитесь,
Будь всякъ умомъ своимъ богатъ!
Но знай держать его въ границахъ:
Шути съ пріятелемъ остро;
А при великолѣпныхъ лицахъ
Кусай языкъ — и прячь перо.

Весь міръ вотще хотятъ исправить;
А я давно ужъ знаю то,
Что лучше, чѣмъ онъ есть, составить
Не смыслитъ новаго никто.

Пускай кружится свѣтъ, какъ знаетъ,
Я снисходительнѣе всѣхъ:
Кто самъ меня не задѣваетъ,
Тому и я прощаю грѣхъ.

Такъ полно ссориться, ребята,
И милости прошу ко мнѣ!
Моя трапеза не богата,
Но правда чистая въ винѣ.
Летитъ весна, придетъ Святая,
И солнца станетъ лучъ сіять,
А мы здѣсь долу, всѣхъ лобзая,
Начнемъ комедію играть.

Ужаснѣй чорта, кто порочитъ
Забавъ невинныхъ простоту;
Злодѣй шипитъ и не хохочетъ,
А добрый любитъ суету. —
Ко счастью взявъ мечты дорогу,
Я благодаренъ Небесамъ! —
Мой духъ принадлежитъ лишь Богу,
А сердце все — моимъ друзьямъ!!!

Вольное подражаніе Француз. сочиненію г-на St. Evremond.

Дуняша! ты собой прекрасна;
Но чтобъ любовью сердца страстна
Твой нравъ забавы запрещалъ,
Сему повѣрить не возможно;
Ты любишь, знаю я, не ложно!
Мнѣ мой мизинецъ то сказалъ.

Когда я въ Нѣжинку влюбился,
Я чуть-было не застрѣлился;
Но тщетно духъ ея прельщалъ.
А кто тебя любить затѣетъ,
Хоть долго терпитъ, да успѣетъ;
Мнѣ мой мизинецъ то сказалъ.

Когда на цитрѣ ты играла
Вчера въ гостяхъ, я чай, мечтала,
Тебя никто не разгадалъ;
Анъ нѣтъ! за кѣмъ твой взоръ стремился
И съ чьимъ онъ встрѣтиться тамъ льстился,
Мезинецъ тотчасъ мнѣ сказалъ.

Намнясь, когда мы всѣ на балѣ
Въ большой твоей плясали залѣ,
Межъ насъ и Вася танцовалъ;
Но что онъ сдѣлалъ поплясавши,
Тебя въ boucloir съ собой зазвавши,
Мнѣ мой мизинецъ то сказалъ.

А помнишь ли еще, какъ въ полѣ
Тебя, любя всѣхъ женщинъ болѣ,
Въ горѣлки Сеня догонялъ?
Отъ многихъ глазъ ты съ нимъ сокрылась,
Но отъ меня не утаилась:
Мизинецъ все мнѣ разсказалъ.

Такъ полно клясться намъ по модѣ,
Что лишь тебя одну въ природѣ
Огни любовные не жгутъ;
Обманъ такой ужъ не пужаетъ:
Что свѣдалъ я, то всякъ спознаетъ —
У всѣхъ мужчинъ мизинецъ плутъ.

Мила, коль изподтиха любишь;
Еще милѣй стократно будешь,
Когда, жеманство удаля,
Ты сердцу вольный путь откроешь:
Свое блаженство тѣмъ устроишь,
Уймешь всеобщаго враля.

СМѢСЬ.

1.

Елисаветъ-градъ.

Прекрасно жить въ *Елисаветь*:
Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ здѣсь, я слышалъ, не ѣдятъ.

Подъ властью быть Елисаветы
Прекраснѣй было во сто кратъ,
Когда Ея благи совѣты
Творили счастье здѣшнихъ чадъ.

О градъ, Царицѣ соименный!
Хоть многихъ меньше ты градовъ,
По званью будешь незабвенный
Въ сердцахъ Россіи всѣхъ сыновъ!

2.

Развалины серпуховской крѣпости.

Свидѣтели побѣдъ великаго Царя!
Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
Съ которыхъ не смогли татарскихъ силъ громады,
Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ пря! —

Достигли вы до насъ, и мы — гигантовъ племя,
Привыкшіе во прахъ колоссы превращать,
Дерзнули-было съ васъ печать временъ сорвать;
Но намъ ли сокрушить, что чтитъ и само время?

Въ развалинахъ своихъ еще премного лѣтъ
Прославитъ замокъ сей десницу Іоанна; —
Такъ зиждется хвала того вождя избранна,
Которымъ изумить судилъ Богъ свѣтъ!

3.

На имянины,
К. . Е. . П. . Щ. . .

Бездѣлицу — цвѣтокъ, съ стыдомъ тебѣ вручаю,
Вниманія сей даръ не стоитъ твоего;
Но тщетно лучшихъ я даровъ найти желаю:
Достойнаго тебя нѣтъ въ свѣтѣ ничего. —

Природа предъ тобой красу свою теряетъ;
Твой милый видъ — всему пріятности даетъ;
Пускай ихъ отъ тебя цвѣтокъ сей получаетъ:
Родяся для тебя, пусть при тебѣ умретъ!

Онъ, въ счастіи меня стократно превышая,
Примѣръ явитъ тебѣ и сердца моего,
Которое, къ тебѣ любовію пылая,
Не выйдетъ никогда изъ плѣна твоего....

4.

НА 1-Й ОТЪѢЗДЪ ВЪ КІЕВЪ

К. . Н. . НАРЫШКИНОЙ.

Рѣшился твой отъѣздъ, — да будетъ Богъ съ
тобой!
Да промысломъ Его стопы твои хранятся,
Успѣхомъ всѣ твои шаги благословятся,
И паки привези намъ дружество съ собой!

Когда жъ днѣпровскихъ струй увидишь ты волненья,
Когда услышишь тамъ Анахаретовъ гласъ,
Заочныхъ вспомни ты друзей своихъ въ тотъ
часъ,
Представь ихъ о тебѣ душевны сожалѣнья.

Не требуютъ они, съ тобою разлучась,
Чтобъ ты дарами ихъ тѣхъ странъ обогащала;
Дороже имъ всего, чтобъ ты ихъ награждала
Заочно памятью, и сердцемъ — возвратясь.

5.

На 2-й отъѣздъ кн. ж. к.

Увидѣли тебя — и только на минуту!
Какъ молнія съ небесъ блеснула между насъ;
Свиданія съ тобой за самый краткій часъ
Разлуки многихъ дней готовишь муку люту.

Забавъ московскихъ шумъ тебя не услаждаетъ,
Ни роскошь съ нами въ ней остаться не влечетъ;
Пріятная весна тебя съ собой зоветъ
Туда, гдѣ льдовъ ужъ нѣтъ, гдѣ рѣзвый Днѣпръ
играетъ.

Дети природы тамъ вкушать благотворенья!
Зима не для тебя въ уставѣ естества;
Пускай живетъ въ ней тотъ по волѣ Божества,
Кто слабостію чтитъ сердечны обольщенья.

Прельщенные твоей пріятной красотою
Поляковъ, Кіевлянъ толпы вокругъ тебя
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ забудутъ и себя:
Ахъ! можно все забыть тогда, когда съ тобою. —

Но ты насъ не забудь, люби чистосердечно,
Увидѣть насъ желай, пиши къ намъ иногда,
И буди въ правдѣ сей увѣрена всегда,
Что я друзей своихъ любить умѣю вѣчно.

6.

Желаніе ей же.

Желалъ бы я съ тобою вѣчно
Въ любомъ краю на свѣтѣ жить,
Желалъ бы искренно, сердечно
Одинъ любимъ тобою быть;
 Но ты твердишь на то безбожно,
 Что о томъ думать, что невозможно *).

Тебѣ принесть готовъ бы въ жертву
Богатство, славу, честь и все, —
Ты бъ оживила душу мертву,
Отдавъ сердечко мнѣ свое;
 Но, ахъ! ты мнѣ поешь безбожно
 Что о томъ думать, что не возможно. —

О! какъ бы счастливъ былъ судьбою,
Весь годъ днемъ праздничнымъ считалъ,
Съ одной дружился бы тобою,
Тебя одну бы обожалъ;
 Но ты смѣешься лишь безбожно,
 Что о томъ думать, что невозможно. —

Вездѣ съ тобою бы я рядомъ
И дома и въ гостяхъ сидѣлъ,

*) Этотъ стихъ былъ данъ и долженъ былъ составлять конецъ каждаго куплета.

И нà-смѣхъ свѣтскимъ всѣмъ обрядамъ
Одной тебѣ въ глаза смотрѣлъ; —
　　Но слышу то же все безбожно,
　　Что о томъ думать, что невозможно. —

Внималъ съ восторгомъ силъ небесныхъ
Твой милый голосъ, сладку рѣчь,
Ловилъ бы взоръ очей прелестныхъ,
Которымъ кровь умѣешь жечь;
　　Но ты заладила безбожно,
　　Что о томъ думать, что невозможно!

Москвы, Парижа, Испагана,
Съ тобой не надо ничего;
Въ твоей свѣтелочкѣ съ дивана
Не тронулся бъ ни для кого:
　　Но ты шесть разъ твердишь безбожно,
　　Что о томъ думать, что невозможно.

Какое тяжкое мученье,
Какой Боговъ несносный гнѣвъ,
Когда за пламень въ награжденье
Не только слушать сей припѣвъ,
　　Но, ахъ! еще и вторить должно:
　　Что о томъ думать, что невозможно.

7.

ЭПИТАЛАМА

Е. . . П. . . У. . .

—

Въ супружество вступя, вы тайну ту познали,
Которая сердецъ вѣнчаетъ нѣжну страсть;
Вкушайте безъ помѣхъ пріятнѣйшую часть,
И миръ да гонитъ прочь отъ вашихъ дней пе-
чали!

Супругъ! люби жену, коль счастливъ быть же-
лаешь,
И свято сохраняй къ ней вѣрности уставъ:
Да будетъ ей во всемъ всегда открытъ твой
нравъ,
Чтобъ знала прежде всѣхъ, о чемъ ты возды-
хаешь.

Супруга! будь равно и ты съ нимъ откровенна,
Покорна—какъ жена, приверженна—какъ другъ;
Прибѣжищемъ твоимъ чтобъ милый былъ су-
пругъ:
Симъ способомъ однимъ ты можешь быть бла-
женна.

Нѣтъ счастья на земли, коль нѣтъ благоустрой-
ства!
Старайтеся его въ семьѣ своей хранить;
Учитесь иногда другъ другу сноровить:
Смиреньемъ мы людей плѣняемъ всякія свойства.

Живите, словомъ, такъ между собою вѣчно,
Чтобъ истинно узнать, что тамъ не нуженъ
кладъ,
Гдѣ (такъ какъ говорятъ) съ женой у мужа ладъ:
Сего пріятель вашъ желаетъ вамъ сердечно.

***

8.

Сонюшка.

Видалъ я Сонюшку въ нарядѣ,
Когда въ каретѣ золотой
Катитъ въ обширномъ нашемъ градѣ
На званный балъ плѣнять собой.

Видалъ ее и въ амазонѣ
Одну, безъ чванства и безъ слугъ,
На борзомъ ей подвластномъ конѣ
Летящу въ поле во весь духъ.

Видалъ съ большими господами;
Тамъ, всѣхъ на свой настроивъ ладъ,
Вертитъ какъ чуркой ихъ умами,
И всякой мѣтитъ ей впопадъ.

Въ кругу людей простыхъ, незнатныхъ,
Нерѣдко также я видалъ,

Какъ много тамъ минутъ пріятныхъ
Послѣдній съ ней бѣднякъ вкушалъ:

Всегда равна, всегда пригожа,
Въ какомъ бы духѣ ни была;
Объ ней повсюду слышу тоже:
Куда, какъ Сонюшка мила!

О, вы, правители вселенной,
Цари, подобные Богамъ!
Сложите дома видъ надменной,
Падите всѣ къ ея ногамъ!

Несите въ жертву ей вседневно
Вашъ тронъ — алтарь всѣхъ суетъ!
Смягчите сердце слишкомъ гнѣвно:
Что вамъ за прибыль отъ побѣдъ?

На что подъ власть свою стараться
Востокъ съ полуднемъ съединять?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно съ Сонюшкою жить.

9.

Ей же.

—

Когда Сонюшка со мною
И когда она поетъ,
Надъ моей тогда душою
Полну власть она беретъ.
Съ нею время провождая,
Не ищу я никого;
Ея голосу внимая,
Не желаю ничего.

Здѣсь пѣвицъ у насъ не мало,
Поютъ пѣсни хороши;
Но природы не бывало:
Все метода безъ души.
Чтò захочетъ, то внушаетъ
Голосъ Сонюшкинъ одинъ;
Онъ и разумъ обольщаетъ,
Онъ надъ сердцемъ властелинъ.

Лишь она его настроитъ
И захочетъ прослезить,
Вмигъ сердечушко заноетъ,
Слезы градомъ станешь лить;
Въ ту же самую минуту,
Коль веселый тонъ возьметъ,
Позабудешь горесть люту
И тотчасъ печаль пройдетъ.

Пой всегда однимъ манеромъ,
Сердце нѣжно восхищай,
Всѣмъ служи своимъ примѣромъ,
А сама — не подражай!
Пусть другая еще взводитъ
Громкій голосъ до небесъ;
А твой съ неба къ намъ нисходитъ
И влечетъ токъ сладкихъ слезъ.

Онъ во всѣхъ его измѣнахъ
Строенъ, нѣженъ, тихъ и милъ;
Во всѣхъ тона перемѣнахъ
Не теряетъ своихъ силъ.
Словомъ, онъ таковъ, конечно,
Для моихъ, для всѣхъ ушей,
Что другая пой хоть вѣчно,
Не споетъ тебя милѣй.

10.

П. И. Мятлевой, въ Кіевъ.

Давно, весьма давно призналъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ наукъ, изящнаго искусства;
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ;
И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуютъ на чув-
ства.

Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену не можно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться невозможно —
Я въ *Сумеркахъ* моихъ нашелъ, чего искалъ.

Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучъ, въ листахъ моихъ яви-
лись;
Откуда, думалъ я, такія красоты
Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобра-
зились?

Желая пошутить, попробовать перо,
Изъ Рима на пути пригожая Московка
Черкнула строчекъ пять и нѣжно и остро; —
Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.

О! вѣрьте, я теперь и возгласить готовъ,
Что точно Римъ одинъ изяществомъ владѣетъ;
Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря Боговъ:
Ужъ Мятлеву не Римъ — Москва въ себѣ имѣетъ.

11.

Графинѣ Брол.

Пускай проходятъ наши годы
И гибнетъ молодости цвѣтъ,
Мой пылкій духъ среди свободы
Повсюду зиждетъ новый свѣтъ.

Питать любовью свойство страстно
Какой намъ возрастъ запретитъ?
Люблю вездѣ, люблю всечасно,
И сердце все еще горитъ.—

Всѣ ищутъ счастія въ химерѣ
И славы любятъ нюхать чадъ;
Я изжилъ вѣкъ въ той доброй вѣрѣ,
Что безъ любви — все намъ въ накладѣ. —
Что состоянье то ужасно,
Въ которомъ чувство замолчитъ:
И такъ люблю вездѣ, всечасно,
И сердце все еще горитъ.

Съ восторгомъ дни тѣ вспоминаю,
Какъ очарованъ былъ тобой;
И снова нынѣ ощущаю —
Твое волшебство надъ собой.
Въ тебѣ все мило, все прекрасно!
Кого твой взоръ не обольститъ?
Люблю тебя вездѣ, всечасно,
И сердце все еще горитъ.

Оставимъ мы предубѣжденья
Въ удѣлъ холоднымъ тѣмъ умамъ,
Которы живость наслажденья,
Нахмурясь, запрещаютъ намъ,
И предадимся безопасно,
Доколѣ смерть насъ не сразитъ,
Мечтамъ любви вездѣ, всечасно;
Пусть вѣчно сердце въ насъ горитъ.

12.

Переводъ стиховъ Визапура

Е. . С. . О. . .

Быть чувствительной, любезной,
Всѣхъ плѣнять во всѣхъ странахъ,
Пылкій умъ съ душею нѣжной,
Видъ Боговъ носить въ чертахъ —
Вотъ что цѣлый свѣтъ считаетъ
Невозможнымъ отыскать;
Но тому ль тебя, кто знаетъ,
Это чудомъ почитать?

13.

На именины милой.

Ищу — и не могу найтить,
Чѣмъ мнѣ въ твой день тезоименный,
Для чувствъ моихъ столь драгоцѣнный,
Тебя, другъ милый, подарить.
Душой! — ты ею ужъ владѣешь,
Умомъ! — на что его тебѣ?
А сердце! — ахъ! давно имѣешь,
Итакъ ты все взяла себѣ.

14.

На дѣтскій балъ Стихи.

Рѣзвитесь, дѣти! ваше время
Вкругъ свѣта бабочекъ ловить;
Пока васъ лѣтъ не мучитъ бремя,
Спѣшите молодость прожить.
Подобно вамъ, богачъ роскошной,
Мильоны превращавши въ пыль,
О жизни тужитъ столь оплошной,
Какъ сонъ воспоминая быль.

Въ мой вѣкъ, и я какъ былъ моложе,
Страстей не смысля унимать,
Я дѣлалъ самъ все точно то же,
Старался время убивать;
А время на крылахъ летѣло
Отъ настиженья моего,
И чѣмъ же кончилося дѣло? —
Меня пришибло самого.

Оставьте цензоры природу
Идти своимъ прямымъ путемъ;
Стѣсня естественну свободу,
Вы не успѣете ни въ чемъ:
Равно, повѣрьте, досаждаетъ
Душистый старый селадонъ,
Какъ и посмѣшищемъ бываетъ
Угрюмый въ двадцать лѣтъ Катонъ.

Брюзжать педанты какъ ни будутъ,
Дадутъ ли новый видъ вещамъ?
О нѣтъ! — урокъ прочтутъ — забудутъ,
А время стукнетъ по плечамъ;
Сильнѣй его нравоученье
Театра, школъ, проповѣдей;
Придетъ въ свой часъ и умозрѣнье,
Какъ выйдетъ трупъ сухихъ костей.

Пускай прыгуночки прохрчутъ;
Ихъ дѣло, — дай Богъ въ добрый часъ! —
Взаимно пусть о томъ хлопочутъ,
Чтобъ на любимый трафить глазъ;
Еще лѣтъ двадцать мигъ промчатся,
Тогда хоть плачь — не миновать
Имъ всѣмъ по нашему смиряться,
А намъ — ложиться въ землю спать.

15.

На долину Мишинскую, въ Бѣлевѣ,

А. . . П. . . Ю. . .

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуэзцевъ Крымъ;
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ
Римъ!

Живой натуры тронъ! — Дыханіе зефира
Не стонетъ взаперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль, — волшебныя мечты
Повсюду вкругъ меня раждаютъ красоты.

Безсонный чародѣй — мое воображенье,
При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхи-
щенье.
Зрю западъ солнца здѣсь, — тамъ вижу всходъ
луны,
И слышу вдалекѣ Бѣлевскіе звоны.

О, родина моя, Москва, въ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерть пребудетъ мнѣ мила!
Мнѣ слышатся уже твои колокола! —

Природа! предъ тобой что наши милліоны?
Люблю твои дары, блажу твои законы?
Божественны мѣста! — еще побудемъ здѣсь;
Пусть врѣжутся въ умъ лѣса, рѣка, вся весь. —
Дай память, вѣчну кисть? — рисуйся въ ней кар-
тина!
Дай сердце имя ей: блаженная долина!

16

НА КАРТИНУ
ЕЙ ЖЕ.

Люблю твое произведенье,
Искусства рѣдкій образецъ; —
Оно живитъ воображенье.
Мила картина, — милъ творецъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила. —
Апель (слыхалъ я), очень сходно
Съ натуры все живописалъ;
Но онъ, и самъ такъ превосходно
Едва ль бы жизнь картинѣ далъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.
Здѣсь вижу я смиренну дѣву,
Взоръ ангельскій, и небо въ немъ,
Ликъ Божій, непричастный гнѣву,
Сіяющъ благости лучемъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.

Чья кисть такое совершенство
Въ цвѣтныхъ оттѣнкахъ сохранитъ?
Миръ совѣсти, души блаженство
Такъ живо кто изобразитъ?
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.

Одна лишь ты — тебя кто знаетъ
И кто увидитъ образъ сей, —
Тотъ, вѣрно, тотчасъ отгадаетъ,
Что онъ черта руки твоей.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно съединила.

Чему дивиться? Кто подобенъ
Безсмертнымъ такъ, какъ ты, душой,
Одинъ лишь только тотъ способенъ
Представить съ нихъ сей видъ прямой.
Итакъ, твой даръ я въ рамку вставлю,
Во всѣ пути съ собой возьму,
Въ кругу своемъ вездѣ прославлю,
И глазъ съ Мадоны не сниму.

17.

На хижину красавицы.

Затѣмъ ли звать меня велѣла
На хижину свою взглянуть,
Что непремѣнно захотѣла
Заставить съ горя въ ней вздохнуть?
Твой уголъ тѣсный, но опрятный,
Всѣмъ краше кажется дворца;
Твой голосъ нѣжный, взоръ пріятный
На всѣ подѣйствуетъ сердца.

Пѣвалъ я хижины нерѣдко,
И проводилъ въ нихъ жизнь свою;
Но ни въ одной еще такъ мѣтко
Никто не трафилъ въ грудь мою.
Влюбляться поздно мнѣ, — я знаю,
Смѣяться будутъ надо мной; —
Таить нѣтъ мочи — открываю,
Что я съ ума сведенъ тобой.

Тебѣ въ привычку обратилось
Пригожихъ рыцарей томить;
Но, вѣрно, въ первый разъ случилось
Сѣдую голову вскружить.
Хотя для рѣдкости толь странной
Взгляни съ улыбкой на меня,
И мигъ свиданія желанной
Почту блаженствомъ полнымъ я.

Приду съ тобой имъ наслаждаться,
Тоску свою позабывать;
Не стѣнъ богатствомъ любоваться,
Не свѣту яркаго искать; —
Волшебной силою прельщенья,
Подъ кровомъ хижины твоей,
Сердечны юныхъ лѣтъ біенья
Я вновь почувствую сильнѣй.

Когда я хижину на Рпени
Къ твоей убогой примѣню,
И всѣ возлюбленныя тѣни
Съ одной чертой твоей сравню, —
Я вижу призракъ лишь прелестный
Тогдашней сладостной мечты;
Но ты — ты та, въ комъ Царь небесный
Намъ отлилъ образъ красоты!

Пускай въ чертогахъ, вкусомъ славныхъ,
Дѣвицъ летаетъ хороводъ,
Огнями ламповъ, солнцу равныхъ,
Пускай горитъ надъ ними сводъ, —
Въ перкалѣ скромномъ на диванѣ
Владыкъ порфиру ты затмишь,
И въ хижинѣ, какъ въ Испаганѣ,
Я шахъ, коль на меня глядишь.

18.

В. И.

Кошелевой.

Всю жизнь мою въ Варваръ влюблялся,
Любилъ для нихъ стихи писать,
И долго смолоду старался
Прямого счастья въ нихъ искать.
Прелестнѣй имени не знаю
Я въ христіанскихъ именахъ,
И что-то милое встрѣчаю
У всѣхъ Варваръ въ умѣ, въ чертахъ.

Въ иной — съ Венерой вижу сходство,
Дары природы все — въ другой,
У третьей — нрава превосходство,
Въ четвертой — пылкій умъ, живой;
Воображенье мнѣ казало
Въ кругу Варваръ небесный рай,
И сердце, гдѣ бы ни скиталось,
Прильнетъ къ Варварѣ невзначай.

Пока былъ молодъ, сердце билось,
Никто его не унималъ;
Уже ли ты угомонилось?
Состарѣвшися я сказалъ.
Пустое! — Только-что Варвару
Увидѣлъ *Кошелеву* я,
Опять какъ съ сильнаго угару
Вскружился разумъ у меня.

Мила Варвара чрезвычайно
Лицомъ, душою и умомъ;
Одна бѣда! — непостоянна,
Рѣзва — и ставитъ все вверхъ дномъ.
Увы! гдѣ жъ въ свѣтѣ совершенство! —
Оно дано лишь небесамъ; —
А здѣсь и царское блаженство
Всегда съ отравой пополамъ.

19.

Женѣ въ деревнѣ.

Слыхалъ я, говорятъ, что менѣе тоскуютъ
Тѣ, кои пополамъ другъ съ дружкою горюютъ;
По мнѣ — какъ ни мала тоска моихъ друзей,
Все больше во сто кратъ мнѣ кажется моей!
Чтобъ лучше уравнять для насъ двухъ жизни бремя,
Вотъ какъ желалъ бы я дѣлить съ тобою время:
Веселые часы откладывать тебѣ,
А пасмурные дни присвоивать себѣ.

20.

Темира.

Т. . А. . Л. .

—

Не вѣрь пустой молвѣ, любезная Темира,
Что будто я тогда, когда явилась ты
Въ торжественномъ лицѣ славнѣйшей части міра,
Осмѣивалъ твою игру и красоты. —

Не знаю, что̀ дало догадку столь неправу
Конечно не мою мнѣ дерзость приписать;
Я всякую любилъ подобную забаву
Не только выхвалять — участіе въ ней брать.

И нынѣ, признаюсь, не столько оскорбляетъ
Постыдна клевета, какъ то мнѣ досаждаетъ,
Что, можетъ быть, сама повѣрила ты ей.

Ахъ, нѣтъ! въ моихъ глазахъ ты вѣчно будешь
та же,
Какъ Лунина мила — Европою мила же,
Въ кругу московскихъ дѣвъ владычицей моей.

Сіи стихи сочинены мною въ оправданіе мое противъ молвы, прошедшей въ городѣ о томъ, будто бы я выпустилъ какую-то сатирическую рукопись на торжественный прологъ, игранный по случаю взятія Парижа благородными Особами, въ числѣ коихъ г-жа Лунина представляла Европу.

21.

Перовскому.

—

Перовской очень милъ, тебѣ то всякой скажетъ.
Кто скроменъ, такъ какъ ты, кто такъ же добръ
и тихъ,
Тому ко счастью путь любовь вездѣ покажетъ;
Отъ сердца моего летитъ къ тебѣ сей стихъ,
Отъ сердца, въ коемъ ты пріязни врѣзалъ чувство
Столь сильно, что его и время не сотретъ.
Подъ солнцемъ гибнетъ все — богатство, честь,
искусство;
Любовь — одна любовь и свѣтъ переживетъ.

—

22.

На день рожденія

П.. П.. Н..

—

И вамъ ужъ 50!!! — увы, тяжелый грузъ!
Шатаются зубки — и стали за примѣту
Волоски походить на бѣлую монету;
А старость, хоть не радъ, тащитъ къ себѣ въ
союзъ.
Такъ съ чѣмъ же поздравлять? Но должно! —
Поздравляю,
Обычая храня, присемъ препровождаю,

Въ залогъ моей любви, тѣ самые часы,
Въ которыхъ вы нашли какія-то красы.
Любуйтеся на нихъ, — а въ полдни заводите:
Стрѣла покажетъ вамъ, который въ суткахъ часъ,
А мысли приводить на память станутъ насъ,
Лишь чаще вы на нихъ, пожалуйста, глядите.

23.

БАРОНУ

А... С... С...

Желалъ бы вѣчно жить
Въ восторгахъ нѣжной страсти,
Желалъ бы позабыть,
Что въ свѣтѣ есть напасти,
И въ полдень и въ полночь
Въ прекрасный полъ влюбляться,
Гнать всѣ заботы прочь,
Съ однимъ весельемъ знаться.

Желалъ бы, чтобъ друзья
Мои меня любили
Такъ сильно, какъ и я,
И всѣ бъ со мною жили;

Что въ мысляхъ есть у нихъ,
Чтобъ могъ я тотчасъ свѣдать
И тайны чувствъ моихъ
Безъ страха имъ повѣдать.

—

Желалъ бы, наконецъ,
Любя васъ, какъ роднова,
Чтобъ всѣхъ міровъ Творецъ
Чудеснымъ перстомъ снова
Коснулся вашихъ глазъ:
Чтобъ ими вы читали,
И въ гости къ намъ подчасъ
Пѣшкомъ бы загуляли.

Чего жъ еще желать
Я въ мысляхъ не встрѣчаю,
И счастья созидать
Иначе я не знаю.
Жить, ближняго любя,
Есть благо превосходное;
Но жить лишь для себя —
Однимъ звѣрямъ природное.

24.

М. П. Телегину,
изъ Векшва.

У тещи мы въ гостяхъ ликуемъ — да и полно!
Погода хороша, — всего у насъ довольно;
Но только какъ бы намъ въ Москву не опоздать:
Спѣшу домой затѣмъ, чтобъ васъ самихъ застать.
Смотри жъ пріятель, ты не торопись на *Вóлокъ*;
А то я привезу съ собой горячій щелокъ,
И голову тебѣ день цѣлый буду мыть,
Коль ты до насъ туда успѣешь укатить.
Недѣли двѣ провесть съ пріятелемъ въ разлукѣ,
Но съ добрыми людьми возможно и безъ скуки:
И этого теперь, по совѣсти скажу,
У тещи живучи, я опытъ нахожу.
Но вспомни, что отсѣль, щадя свои доходы,
Мы вплоть до Января поѣдемъ въ антиподы
Верстъ триста отъ Москвы жить въ кучѣ мужиковъ.
Гдѣ тамъ искать газетъ? — гдѣ взять твоихъ стиховъ?
А мнѣ твое перо такъ нравится, ей-Богу,
Что я листочекъ твой читалъ во всю дорогу.
Итакъ прошу тебя, Телегинъ, не шути,
Дождися насъ въ Москвѣ, чтобъ тамъ я на пути
Съ тобою, милый другъ и братъ во Аполлонѣ,
Хоть разъ повечерять успѣлъ бы на балконѣ,
И такъ, какъ обнялись поѣхавши сюда,
Прижавъ бы къ сердцу вновь, отправились туда.

25.

Отвѣтъ на привѣтствіе В.. С.. П..

Стиховъ пріятныхъ и плавныхъ
Спасибо доброму творцу;
Но мнѣ ль похвалъ искати равныхъ
Воспѣтымъ греческу пѣвцу?

Ищу пріязни, а не славы,
Когда я тѣшу здѣсь друзей
Среди трудовъ, среди забавы,
Владиміръ чту семьей своей.

И вы, прибившися судьбою
Къ его занапчивымъ брегамъ;
Пребудьте искренни со мною;
Душой пожертвую я вамъ.

Хотѣлъ бы я, какъ вы сказали,
Подчасъ Купидою вспорхнуть,
Забывъ прошедшія печали,
Съ улыбкой на красу взглянуть;

Но, ахъ! природа возвѣщаетъ,
Что скоро мнѣ заснуть пора,
Предтечу въ гости посылаетъ,
Стучится старость у двора...

26.

Зовъ на обѣдъ.

Ему же.

Сегодни девять лѣтъ Владиміромъ я правлю,
Сегодни девять лѣтъ, какъ [illegible] тужилъ
О томъ, что я свое гнѣздо — Москву, оставлю;
Но Царь меня воззвалъ — и я покоренъ былъ.

Убо да будетъ Богъ вселенной препрославленъ,
Да дастъ мнѣ тяжкій долгъ во благо совершить,
Да буду отъ людей правдивыхъ не посрамленъ
И паки возвращусь въ свою обитель жить!

А вы, мой новый другъ! коль будетъ вамъ сво-
бодно,
Пожалуйте межъ тѣмъ ко мнѣ на вечерокъ,
Одни, или самъ-другъ, какъ будетъ вамъ угодно,
Въ бостончикъ поиграть и кашки съѣсть горшокъ,

27.

М[illegible]

А... А... П...

Желать и наслаждаться —
Есть дѣйство естества,
Любить и восхищаться —
Внушенье Божества.

Насъ Богъ отъ безсловесныхъ
Восторгомъ отличилъ;
Преддверье благъ небесныхъ
Вкушать здѣсь научилъ.

Минута вожделѣнья
Влечетъ себѣ во слѣдъ
Нерѣдко угрызенья,
Болѣзнь и пропасть бѣдъ; —
Но чувство нѣжной страсти
Нашъ духъ животворитъ;
Оно среди напасти
Отраду намъ даритъ.

Душа съ другой душою
Когда съединена,
Ни самой злой судьбою
Не страждетъ, какъ одна.
Корысть все расторгаетъ
И узы рветъ семей;
Но тронуть не дерзаетъ
Цѣпь свычки двухъ друзей.

О, юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй;
Стяжи совѣтъ полезный
И въ вѣкъ не забывай:
Желать и наслаждаться —
Есть дѣйство естества,
Любить и восхищаться —
Внушенье Божества.

28.

Пріятелю

изъ коляски.

—

Напрасно ты въ своихъ мечтахъ
Какой-то рай воображаешь;
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ
Ошибки грубы повстрѣчаешь
Натуры — случая — людей —
И даже тусклый лучъ блаженства
Придется съ мудростью твоей
Искать въ тѣняхъ несовершенства.

Богъ создалъ рай — другого нѣтъ;
Въ немъ тотъ, кто милъ и кто влюбился: —
Сему преданью вѣритъ свѣтъ,
Въ какой кто вѣрѣ ни крестился.
Отъ предковъ нашихъ и до насъ
Во всѣхъ концахъ земли извѣстно,
Что нѣжный взоръ любезныхъ глазъ
Есть наше царствіе небесно.

29.

На пожалованіе чина въ Т.. С..

Надежа-Государь пожаловалъ мнѣ чинъ;
Прекрасно — но увы! натура подшутила:
Черкнула свой указъ — кровь пылку простудила;
Амуръ сказалъ прости — остался я одинъ.

Что въ чинѣ, если нѣтъ огня и восхищенья!
Лѣтъ двадцать бы назадъ, о! какъ я счастливъ былъ!
Леталъ бы по Москвѣ, всѣмъ голову кружилъ,
Съ родными на пирахъ вкушалъ бы наслажденья.

Теперь осталась честь, а радость утекла;
Такъ, стало-быть, народъ не по-пусту болтаетъ,
Что служба за Царемъ хотя не пропадаетъ,
Но поздно и корысть, — когда пора прошла.

30.

На праздникѣ въ Митинѣ В.. А.. К..

Ужъ мѣсяцъ, скромный другъ стыдливыя любви,
Съ полей всѣхъ проводя, ушелъ и въ лѣсъ сокрылся;
Среди ночныхъ тѣней вновь свѣтъ дневной явился
И плошками вездѣ уставлены пути.

На *Пекинъ* въ челнокѣ музыка духовая
Манила на террасъ охотниковъ гулякъ,
Съ гремушками оркестръ танцовщиковъ скликая,
Въ огромной залѣ имъ готовилъ поплясать.

На воздухѣ *Транже*, какъ-будто привидѣнье,
Между вершинъ деревъ раскинувши канатъ,
Чудесныя на немъ творилъ тѣлодвиженья,
Стрѣлялъ, скакалъ и въ мигъ перемѣнялъ нарядъ.

Ракетки, бураки, прозрачныя картины
Сгоняли удалой вокругъ его народъ;
А трусы, кои въ немъ боялись бѣсовщины,
Подъ окнами толпой глазѣли на господъ.

Вотъ, въ Митинѣ какой намъ праздникъ подарили!
Какъ можно было тутъ о чемъ-нибудь вздохнуть!
Всѣ прямо отъ души въ забавахъ ночь убили,
И я, я самъ забылъ, что я привыкъ соснуть.

О, роскошь, милый врагъ моральнаго добра!
Хоть разумъ иногда велитъ съ тобой браниться,
Но въ сердце наше такъ умѣешь ты вселиться,
Что силъ не достаетъ согнать тебя съ двора.

31.

На праздникѣ въ Дубкахъ

А.. А.. Б..

Нельзя, не утерплю — примусь опять за лиру!
Хотѣлъ-было стиховъ совсѣмъ ужъ не писать;
Но какъ не возвѣстить восторгъ мой новый міру,
И тѣмъ, чѣмъ полонъ духъ, какъ нибудь не разсказать?

Никакъ Сердечкинъ нашъ опять въ кого влюбился!
Прочтутъ, и про меня всѣ скажутъ это вдругъ.
Ошиблись, господа, — я сѣдъ и истощился,
Амуръ мнѣ чужъ чужой; — не бось, жена, мой другъ!

Свобода и гульба — вотъ чѣмъ я восхищаюсь!
Изъ Митина въ Дубки и въ Митино назадъ;
Тамъ прелестью садовъ, здѣсь роскошью плѣняюсь,
И тамъ и самъ дышу средь нѣги и прохладъ.

Ничто меня въ тѣни лѣсной не безпокоитъ,
На Пекшѣ до меня нѣтъ дѣла никому;
Въ сѣняхъ съ челобитьемъ докучливый не ноетъ;
Чего ни захотѣлъ — здѣсь все по-моему.

Въ поляхъ все хорошо, въ покояхъ все прекрасно,
Хозяинъ bon vivant, — хозяйка безъ чиновъ,
Съ гостьми болтай про все, и смѣйся безопасно,
Сосѣдей не тулись — въ нихъ нѣтъ обиняковъ.

И карты и театръ, и жмурки и горѣлки,
Что хочешь выбирай, лишь тѣшиться изволь:
А подъ вечеръ въ огняхъ и тропки и бесѣдки:
Ликуй на свой манеръ, другого не неволь.

Съ друзьями хохочу, съ родней перебиваю,
То въ кустикахъ сосну, — то въ ваннѣ окунусь,
Иль сидя попишу, иль ходя почитаю,
И весь мой недосугъ — пью, ѣмъ и веселюсь.

О, какъ тебя зовутъ, ты, кто всѣмъ міромъ
правишь,
Зевесъ, или Алла, Егова, или Богъ!
Блаженъ, кого своей Ты милостью пробавишь!
А мы сбираемъ здѣсь щедротъ Твоихъ плодъ
многъ.

Пусть осень нашихъ дней такъ ясно продолжится,
Какъ красну осень Ты намъ въ этотъ годъ по-
слалъ:
Земля вокругъ меня повсюду богатится, —
И все на ней мое — мое — когда вкушалъ.

Да здравствуетъ Монархъ, вина всѣхъ восклицаній!
Его сегодни день — хозяинъ поспѣшай;

Пусть такъ стремятся всѣхъ сердецъ къ Нему
желанья,
Какъ въ честь Ему вино ударило чрезъ край.

Ура! сто кратъ ура! — и дамы и мужчины
И юные птенцы кричите всѣ со мной!
Ни трусить, ни тужить нѣтъ Русскому причины;
Нашъ даръ Царю — любовь, Его намъ даръ —
покой.

32.

Вечеринка въ саду.

Хорошій вечеръ и съ друзьями
Въ забавахъ сельскихъ сущій рай;
Какъ счастливъ тотъ подъ небесами,
Кому Богъ далъ вседневный Май!
Природа солнцемъ щеголяетъ,
Луна играетъ съ нимъ въ волнѣ;
Межъ тѣмъ онъ вѣкъ златой мечтаетъ,
На все любуясь въ тишинѣ.

Подъ скрипку тамъ ребята скачутъ,
Старикъ смѣется въ сѣдинахъ;
Гдѣ глазъ не видно, кои плачутъ,
Тамъ жизнь — какъ мягкій путь въ цвѣтахъ.

Свободой полной наслаждайся,
Не бойся чувствамъ воли дать,
Пріязнью доброй угощайся;
Чины къ натурѣ не подстать.

Игрушекъ разныхъ въ свѣтѣ много;
Ихъ ищутъ люди день и ночь·
Объ нихъ философѣ судитъ строго,
Но самъ играть съ дѣтьми не прочь.
Прильнувши лѣтомъ къ хороводу,
Услышавъ нѣжную свирѣль,
Онъ также дастъ глазамъ свободу,
Приложитъ ухо слушать трель.

Оставимъ молодость рѣзвиться,
Пока она среди тѣхъ лѣтъ,
Въ которы сердце не крушится,
Войны еще съ разсудкомъ нѣтъ;
А мы, кр жокъ составя съ ними,
Помолодѣемъ на часокъ,
И какъ съ сердцами жить простыми
Возьмемъ въ забавахъ ихъ урокъ.

33.

Балъ въ Кременчугѣ.

Вездѣ народъ живетъ и любитъ веселиться;
Вкусъ роскоши у насъ подѣйствовалъ на всѣхъ:
Богачъ въ Кременчугѣ на ярмаркѣ стремится
Такихъ же, какъ въ Москвѣ, добыть себѣ утѣхъ.

Ему знакомы всѣ столичныя названья:
Редутъ и лѣтній садъ; то тамъ, то сямъ торчитъ,
И креслы захватя изъ чванства — безъ желанья,
Задумавшися въ нихъ, комедію глядитъ.

Межъ тѣмъ, какъ гордый Днѣпръ свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ,
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди песковъ его столбомъ клубится дымъ.

Тутъ музыка заразъ *) и пѣвчіе готовы;
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ кружится рой:
Нехай же Москвичи къ провинціямъ суровы;
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ златой.

34.

На дѣтскій домашній концертъ.

Бѣгите отъ меня уныніе, печаль!
Не здѣсь и не въ сіи сладчайшія минуты
Почувствовать страшусь занозы ваши люты:
Я счастливъ и теперь — мнѣ ничего не жаль.

*) *Заразъ* — слово малороссійское — то же, что у насъ тотчасъ.

Двѣ пары милыхъ чадъ вокругъ меня играютъ;
Рѣчей ихъ простота, невинность ихъ забавъ
И образованный самой природой нравъ
Мнѣ молодость мою пріятно вспоминаютъ.

Такіе жъ, какъ они, и мы ребята были;
Но, ахъ! я не грущу, что время то прошло: —
Что въ жизни, если бъ намъ въ ней Небо не дало
Утѣхи слаще всѣхъ, чтобъ мы въ потомствѣ
жили?

Родители! ужъ ли въ васъ есть такой несчастный,
Который бы, пришедъ въ кружокъ дѣтей сво-
ихъ,
Съ холодностью бы тамъ взглянулъ на рѣзвость
ихъ?
Коль есть, — онъ міру врагъ и ада сынъ ужас-
ный.

Летите всѣ сюда, мои любезны дѣти,
Меня и нѣжну мать свободно тормошить;
Игрой своей вы намъ не бойтесь досадить:
Вашъ смѣхъ милѣй для насъ позорищъ всякихъ
въ свѣтѣ!

О, время! погоди, смири свой быстрый бѣгъ,
Остановись на сей минутѣ драгоцѣнной!
Тебя уже и такъ всѣ гонятъ во вселенной;
А я бъ хотѣлъ сей мигъ продлить на цѣлый
вѣкъ.

35.

Заговѣнье

Когда Москвы въ обширномъ градѣ,
Полночи ожидая часъ,
Вся юность наша въ маскерадѣ
Въ послѣдній вальсируетъ разъ, —
Тогда я, сидя у огня,
Раидой мысль свою питаю,
Въ стихахъ ей сердце посвящаю;
И кто счастливѣе меня?

Живите люди, какъ хотите,
Играя всякъ своей мечтой,
И въ шумѣ радостей ищите;
Доволенъ я моей судьбой!
Когда я, сидя у огня,
Раидой душу восхищаю,
Всѣ балы въ свѣтѣ забываю;
И кто счастливѣе меня?

Герои! лаврами вѣнчайтесь,
Растите въ славѣ каждый часъ!
Монархи! скиптрами плѣняйтесь!
Смотрю безъ зависти на васъ.
Когда я, сидя у огня,
Рабомъ Раиды быть мечтаю,
Вселенной царства не желаю;
И кто счастливѣе меня?

Ты, Крезъ! блаженство въ златѣ видя,
О деньгахъ грезишь и во снѣ,
Считай червонцы дома сидя;
На что твои мильоны мнѣ?
Когда я дома у огня
Ранды взоръ воображаю,
Металла блескъ имъ устыжаю;
И кто счастливѣе меня?

Любовныхъ чувствъ злодѣй прилежный,
На книгахъ вѣкъ свой погубя,
Кляни, мудрецъ! полъ женскій нѣжный;
Противно слушать мнѣ тебя.
Когда я, сидя у огня,
Рандѣ пѣсни вымышляю,
Умнѣе всѣхъ себя считаю;
И кто счастливѣе меня?

Скачите, дѣти! въ маскерады;
Для васъ тамъ радостей соборъ;
Для васъ тамъ могутъ быть отрады:
А мнѣ прискучилъ этотъ вздоръ.
Сто кратъ [illegible]ятнѣй у огня,
Когда Ран[illegible]минаю,
Дней юныхъ [illegible]и забываю;
И кто счаст[illegible]е меня.

Мой уголъ мнѣ милѣй чертога
Царей, царевичей, бояръ;
Молю вселенной щедра Бога,
Да даетъ одинъ мнѣ только даръ,

Чтобъ могъ я, сидя у огня,
Любя Ранду не напрасно,
Твердить себѣ и сей всечасно:
Ахъ! кто счастливѣе меня?

36.

Вопросъ.

Умны люди! научите
Чувства сердца изъяснять?
Коль любили, такъ скажите,
Какъ любезную плѣнять?
Сколько я ни собирался,
Сколько словъ ни вымышлялъ;
Но съ Рандой какъ встрѣчался,
Я, вздыхая, лишь молчалъ.

Я люблю ее какъ душу,
Часто самъ твержу съ собой;
Что жъ молчанье не разрушу,
Не скажу ей то самой?
Всякой день приготовляюсь,
И лишь молвить захочу,
Она взглянетъ — я теряюсь,
Вздохну крѣпко, и молчу.

Вы, которые вседневно
Увѣряете драгихъ,
Что, предавшись имъ душевно,
Вы не любите другихъ;
То ли чувство къ нимъ храните,
Что къ Раидѣ я храню?
Такъ ли сердце ихъ цѣните,
Какъ Раиды я цѣню?

Нѣтъ, не вѣрю; льзя ли статься,
Чтобы въ искренней любви
Могъ со мной бы кто сравняться
На пространствѣ всей земли?
Я къ Раидѣ полонъ жара,
На всѣ жертвы ей готовъ;
Ея гнѣвъ — мнѣ люта кара,
Ея ласки — рай боговъ.

Мнѣ не надобны богатства,
Славой я не дорожу;
Жизни лучшія пріятства
Лишь въ Раидѣ нахожу.
Все вамъ, люди! уступаю;
Передъ вами вся Москва;
Ни на что не промѣняю
Ея взоры и слова!

Вотъ, какъ я любить умѣю!
Вотъ что ей сказать хочу!
Но сказать того не смѣю,
Въ изступленіи молчу.

Да на что жъ я такъ желаю
На словахъ ей то сказать?
Она можетъ (вѣрно знаю)
И молчанье отгадать.

37.

Письмецо.

Дай съ собой мнѣ повидаться,
Милый другъ души моей!
Чѣмъ мнѣ въ жизни утѣшаться,
Какъ не ласкою твоей?
Я съ тобой терпя разлуку,
Сталъ несчастливъ безъ конца:
Не съ кѣмъ грусть дѣлить и скуку,
Молвить милаго словца.

Не повѣришь, какъ страдаю,
Что не вижу я тебя!
Все тоскую, все вздыхаю
И бѣжалъ бы самъ себя.
Только въ жизни мнѣ веселья,
Занимать тебя собой;
Впрочемъ, вѣрь мнѣ, — все бездѣлье,
Дорогъ мигъ одинъ съ тобой!

Я вчера на балѣ встрѣтилъ
Весь московскій знатный свѣтъ.
И въ разсѣяньи примѣтилъ,
Что тебя тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Много видѣлъ лицъ прекрасныхъ;
Твоему всѣ не чета:
При твоихъ глазенкахъ ясныхъ
Чья восхититъ красота!

Какъ ни умничай кто въ свѣтѣ,
Не возможно не любить;
Что ни ставь въ своемъ предметѣ,
Нѣтъ, нельзя безъ милой жить.
Безъ нее жизнь бремя злое,
Она день отъ дня тошнѣй;
Съ милой — ахъ! совсѣмъ иное:
Солнце свѣтитъ веселѣй.

38

Досада.

Любви оковы тѣсны
Съ себя навѣкъ сложилъ,
Раиды видъ прелестный
Изъ сердца истребилъ.

Бѣжалъ отъ легковѣрной,
Отъ нѣжныхъ скрылся глазъ;
Не страшенъ сей невѣрной
Ужъ болѣе мнѣ гласъ.

Поутру лишь проснулся,
Задумалъ не объ ней;
Въ восторгѣ встрепенулся,
Свободѣ радъ моей.
Слуги я не отправилъ,
Здорова ли, спросить;
Меня мой умъ заставилъ
Дверь сердца затворить.

Тѣхъ книгъ ужъ не читаю,
Что мнѣ она дала;
Цвѣтовъ не сберегаю,
Которые рвала;
И платье, въ чемъ всеДневно
Я прежде къ ней ѣзжалъ,
Сегодни, скинувъ гнѣвно,
Въ лоскутья изорвалъ.

Портретъ ея, бывало,
Въ глазахъ моихъ стоитъ;
Сіе любви начало
Мой духъ ужъ не смутитъ:
Теперь же въ кладовую
Снести его велѣлъ,
Чтобъ эту мину злую
И въ краскахъ я не зрѣлъ.

Пойду ли я, поѣду,
Случалося куда,
А къ вечеру заѣду
Туда все, да туда;
Но нынче, слава Богу!
Мнѣ къ ней не по пути,
И въ домъ ея дорогу
Стараюсь обойти.

Насилу сталъ я воленъ
И вправду веселюсь,
Судьбой моей доволенъ,
Раиды не боюсь.
Ея любовникъ страстный
Плачевнѣе живетъ,
Чѣмъ узникъ тотъ несчастный,
Который смерти ждетъ.

Свобода драгоцѣнна!
Навѣкъ пребудь со мной.
Съ тобою жизнь блаженна,
Въ тебѣ души покой.
Тверди ты мнѣ стократно,
Чтобъ помнилъ я всегда:
Любить себя — пріятно,
Любить другихъ — бѣда!

39.

Восторгъ.

О, любовь! твои законы
Тверже всѣхъ ума затѣй:
Имъ подвластны царски троны
И все сонмище людей.
Ихъ безсмертные сложили,
Сердца смертныхъ утвердили;
Женской голосъ возгласилъ:
Кто противу ихъ дерзаетъ,
Тотъ блаженства не познаетъ,
Тотъ не вспомнитъ, что онъ жилъ.

Ты всѣхъ подвиговъ причина;
Ты источникъ славныхъ дѣлъ!
Будь взаимна, будь едина,
О, любовь! ты мой удѣлъ.
Я проснусь всегда съ тобою;
Встрѣчу сонъ съ твоей мечтою.
Буду вѣчно я любить!
Въ тебѣ Бога ощущаю,
Его благость обрѣтаю;
Безъ тебя не могъ Онъ быть.

Ты во всемъ, что глазъ нашъ видитъ
Свой огонь распространя,
Даже тѣхъ, кто ненавидитъ,
Своей нѣжностью плѣня,

Міръ во всѣхъ концахъ связуешь,
Человѣковъ образуешь;
Отъ тебя ихъ каждый шагъ.
Ты съ младенцами играешь,
Спѣлый возрастъ восхищаешь:
Всякій рокъ съ тобою благъ.

Если въ наши дни развратны,
Когда лесть милѣй всего,
Люди столько коловратны,
Что не любятъ ничего;
Если женщины надменны
Быть умѣютъ драгоцѣнны
И стыдятся воздыхать:
Меньше ль ты, любовь прямая,
Жизни спутница драгая,
Меньше ль насъ должна прельщать?

Нѣтъ! ничто не отвращаетъ
Отъ златыхъ любви оковъ;
Въ ней душа моя вкушаетъ
Неба дни и рай Боговъ;
Въ ней союзъ зрю совершенства,
Безконечнаго блаженства
Она истинный залогъ;
Ею тваря всѣ въ движеньи,
Вся природа въ восхищеньи,
Ею радуется Богъ.

Пока гробъ мой трупъ не скроетъ,
Предпочту тебя всему;

Равнодушный пусть изноетъ,
Не завидую ему.
Я и въ самый часъ кончины,
Исполняя долгъ судьбины,
Еще разъ тобой дохну;
И въ сей жизни покидая,
Но въ другой тебя жъ встрѣчая,
Тамъ опять любить начну.

40.

Ручей.

Бѣги, ручей, бѣги съ стремленьемъ,
И въ устье той рѣки впадай,
По коей плылъ я съ восхищеньемъ
Туда, гдѣ свой увидѣлъ рай!
Омой тотъ градъ своей водою,
Въ которомъ милый другъ живетъ;
Ударься въ берегъ тотъ волною,
Куда по мнѣ вздохнуть придетъ!

Скажи ты ей, скажи, что видѣлъ,
Какъ я вседневно тосковалъ;
Что солнца лучъ возненавидѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ розно жить съ ней сталъ;

Что дни мои — дни гроба стали.
Но сколько бѣдъ я ни терплю,
Живу еще въ моей печали
Лишь тѣмъ, что я ее люблю.

Еще ль тебя, еще ль, Глафира,
Велятъ увидѣть Боги мнѣ?
Судьбы дадутъ ли счастье мира
Вкушать съ тобою въ тишинѣ?
Не въ городъ пышный возвратиться,
Къ тебѣ я въ хижину хочу;
Твоей любовью насладиться,
Въ тебѣ всѣхъ благъ своихъ ищу.

Приди на камень тотъ любезный,
Гдѣ рядомъ я съ тобой сидѣлъ!
Пролей на немъ по мнѣ токъ слезный,
Чтобы ручей имъ закипѣлъ;
Чтобъ онъ, любви всемощной силой
Къ своимъ вершинамъ возвратясь,
Вѣщалъ бы мнѣ, какъ другъ мой милой
По мнѣ тоскуетъ, разлучась.

Тошна чувствительности мука
Для сердца склоннаго любить;
Тошна съ любезною разлука:
Блаженъ, кто съ нею можетъ жить!...
Ручей! снеси меня съ собою,
И на ея покинь брегахъ;
Иль я съ печали здѣсь изною,
И смерть найду въ твоихъ струяхъ!

41.

Оправданіе.

Если бъ люди даръ имѣли,
Такъ какъ Богъ, въ сердцахъ читать,
Если бъ также разумѣли
Тайны чувства познавать, —
Ты бъ увидѣла, Глафира,
Душу зря насквозь мою,
Что въ числѣ всѣхъ женщинъ міра
Выше всѣхъ тебя люблю.

Ты бъ узнала безъ ошибки,
Дорожу ли я тобой;
Что въ одной твоей улыбкѣ
Моя радость и покой;
Что твой гнѣвъ меня терзаетъ,
Грозный взоръ совсѣмъ губитъ,
Ласка душу восхищаетъ
И дни райскіе даритъ.

Ты престала бъ подозрѣньемъ
Огорчать меня такимъ,
Будто съ равнымъ восхищеньемъ
Обращаюсь я къ другимъ,
Съ коимъ я къ тебѣ всечасно
Шибче молніи лечу.
Нѣтъ! — ты мыслишь такъ напрасно!
Я вездѣ тебя ищу.

Чѣмъ мнѣ больше въ свѣтѣ льститься,
Жизнь едва не окончавъ?
Поздно, поздно суетиться
И пустыхъ искать забавъ!
Твои видѣть нѣжны взгляды,
Слышать разумъ милыхъ словъ, —
Вотъ однѣ мои отрады!
Съ ними рокъ мой — рокъ боговъ.

Но лишь Небу то извѣстно,
Въ жизни можетъ ли что быть
Для меня толико лестно,
Какъ тебя душой любить!
Коль словами могъ наскучить,
Ты на дѣлѣ испытай:
Если правда — полно мучить;
Если лгу — самъ Богъ карай!

42.

Примѣчаніе.

Какъ жаль, что въ свѣтѣ иногда
Обширный умъ и просвѣщенной,
Водимъ душою оскверненной,
Способенъ только для вреда! —

Или нельзя благой Природѣ
Такую доброму дать часть,
Чтобъ онъ могъ, дѣйствуя въ свободѣ,
Лукавства въ сѣти не попасть?

Лукавый мыслитъ часто такъ,
Что мужъ открытый, добродушный,
Движеньямъ чувствъ простыхъ послушный,
Ничто иное какъ дуракъ; —
Обманъ! — И добрый также знаетъ,
Какъ стиснуть можетъ онъ кого;
Но къ симъ трудамъ не прилагаетъ
Ума невинна своего.

Онъ добръ отъ совѣстныхъ началъ,
Отъ правилъ чести и закона;
Не сильна мзда, ниже гласъ трона
Велѣть, чтобъ онъ отъ нихъ отсталъ.
Но тотъ, кто хитростью гордится
И взоромъ ближняго не чтитъ,
Тотъ всуе, всуе веселится,
Когда съ улыбкой зло творитъ.

Мужъ правый ходитъ безъ заботъ,
Его врагъ хитрый не тревожитъ;
Пускай онъ разны средства множитъ,
Собравши всякой черни сбродъ,
Дать сердцу чисту язву люту
Удачи нѣтъ въ его стрѣлахъ:
Онѣ лишь колятъ на минуту,
А злого мучитъ вѣчный страхъ.

43.

Минутная тоска отъ разлуки.

Мучительно любить
И милаго лишаться,
Дни счастья пережить,
Чтобъ съ горестью спознаться!
Любовью жизнь красна,
Любовью долговѣчна;
Вселенна несносна
Безъ чувствія сердечна.

Что пользы въ домъ зазвать
Къ себѣ народа кучу?
Гостямъ ли разогнать
На сердцѣ черну тучу?
И въ полѣ томъ не въ прокъ
Гулянье повернется,
Гдѣ аленькій цвѣтокъ
Въ глаза не попадется.

Я чувствую себя
И жизнью наслаждаюсь
Тогда лишь, какъ любя
Любовью награждаюсь;
Кой часъ огонь потухъ,
Что̀ мы зовемъ любовью,
Пресѣкся жизни духъ
И ледъ смѣшался съ кровью.

44.

Дрема въ коляскѣ.

—

Соренѣ измѣня, отъ глазъ ея бѣжалъ,
И чая, что луна меня не позабудетъ,
За всѣ мои стихи сопутствовать мнѣ будетъ,
Я ночью въ Октябрѣ по почтѣ поскакалъ;
Но, видно, за друзей своихъ луна вступилась:
Лишь встрѣтила мой взоръ, какъ въ облако со-
крылась,
И я, не видя зги, въ коляскѣ трепеталъ.
Что дѣлать? думалъ я: — воздушны ставить башни
Или напоминать московски стары шашни?
Одно не оживитъ,
Другое утомитъ.
Тоска! — Но вдругъ съ толчкомъ сюрпризъ
пріятный мнѣ:
Сорену, ночь, луну — все видѣлъ я во снѣ.

—

45.

Хвала вину.

—

Вино какъ можно не любить?
Оно печальныхъ утѣшаетъ,
Оно веселыхъ восхищаетъ;
Нельзя хмѣльного не хвалить.

Давидъ на тронѣ вамъ поетъ:
«Вино веселье человѣка»;
Что пользы жить постясь два вѣка?
Бываетъ годъ милѣй ста лѣтъ.

Мы это видимъ всякой часъ;
А чтобъ словамъ придать примѣры,
Слуга! подай стаканъ мадеры!
Умножь сей опытъ до ста разъ!

Дай рюмку *тинто*, иль *барсака*;
Коль красну создалъ Богъ природу!
Ужъ ли съ Трехъ Горъ пить лучше воду?
Пусть вѣритъ этому дуракъ!

Вонъ тамъ шампанское вино!
Приблизь къ устамъ сосудъ сей влаги;
О, царь пѣнистый, другъ отваги,
Коль есть блаженство — вотъ оно!

Какая дерзкая строка!
Ее кто женщинамъ разскажетъ,
Тотъ ссору страшную завяжетъ,
Мнѣ будетъ хуже батрака.

Сказать ли тайну женщинъ вамъ,
За что противъ мужей враждуютъ,
Когда между собой ликуютъ,
Предпочитая хмѣль красамъ?

Тутъ ревность сыплетъ мелкій соръ;
Онѣ держать желаютъ сами

Торгъ исключительный сердцами,
А Бахусъ входитъ съ ними въ споръ.

По чести, можетъ нѣчто быть
Хмѣльныхъ пріятнѣе напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу *токай* я пить.

Пусть Римъ, Парижъ и Испанія
Плѣняютъ вкусомъ [illegible]
По мнѣ такъ дрянь всѣ ихъ уборы,
Коль погребъ полонъ мой, [illegible]

Воздавши честь сію Богамъ,
Не стану ихъ хвалить за розы;
Но, ахъ! за виноградны лозы
Хулы во-вѣки имъ не дамъ.

Коль сердце наше веселить
Нѣтъ средства лучше винограду,
Какой плода сего отраду
Обычай силенъ запретить?

Итакъ я въ счастьи и въ бѣдахъ
Клянусь, презрѣвши грезы славы,
Вѣнчать мірскія всѣ забавы —
Съ багряной чашею въ устахъ.

16.

Часы.

Купилъ часы я золотые;
Но видно дуренъ складъ:
То цѣлый день стоятъ,
То сутки выйдутъ вдругъ такія,
Что чуть лишь заведутъ,
Тотчасъ и побѣгутъ.

Когда я смутенъ и скучаю,
Коль оченьки слезятъ, —
Часы мои стоятъ;
Когда жъ восторги ощущаю
И страсти къ сердцу льнутъ, —
Часы мои бѣгутъ...

Безсонница ль меня замучитъ,
Вотще жду дня отрядъ, —
Часы мои стоятъ;
Но случай ли когда залучитъ
Туда, гдѣ пиръ даютъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Когда дѣлами занимаюсь,
Судьбы заботы длятъ, —
Часы мои стоятъ;
А мало-мальски разыграюсь,
Не взвижу время тутъ;
Часы мои бѣгутъ.

Съ Надиной милою въ народѣ,
Когда въ неволѣ взглядъ, —
Часы мои стоятъ;
Но съ ней безъ людства, на свободѣ,
Лишь вздохи грудь сомкнутъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Въ разлукѣ тяжкой съ ней бывая,
Для вящшихъ мнѣ досадъ —
Часы мои стоятъ;
А въ кой-то вѣкъ ее встрѣчая,
День конченъ въ пять минутъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Отнесъ часы къ Ферье обратно,
Возьми, сказалъ, назадъ,
Какъ нуженъ ходъ — стоятъ,
Хотя заводятъ аккуратно;
А какъ не надо — тутъ
Унять нельзя — бѣгутъ.

Сработай такъ, чтобъ пробѣгали
Стрѣла кругъ годовой,
И на минутѣ той
Остановясь, всю жизнь стояли,
Въ котору милою я.
Надиночка моя.

47.

Эпитафія теленку.

Не мужъ и не жена подъ камнемъ симъ лежитъ;
Закормленный телецъ подъ мраморомъ сокрытъ.
Телячьимъ счастьемъ онъ до смерти наслаждался,
И отъ избытка благъ во младости скончался.
Хозяйка изъ своихъ его питала рукъ;
Онъ въ нѣгѣ жилъ при ней какъ самый нѣжный другъ.

Другимъ не въ образецъ, его кормила мѣломъ,
И опытъ не одинъ бывалъ надъ его тѣломъ;
Душистыхъ водъ рѣка къ нему лилася въ ротъ;
Не въ стойлѣ, какъ скоты, въ диванѣ жилъ сей скотъ.

Отецъ его и мать хотя въ хлѣву живали,
То было въ старину, тотъ вѣкъ судьбы промчали, —
Тогда бъ потомокъ ихъ сѣнца клочокъ жевалъ;
А нынѣ алебастръ насущнымъ хлѣбомъ сталъ.
Недуговать ему когда-либо случалось,
Изъ всѣхъ аптекъ Москвы лекарство отпускалось.

Какъ волка ни корми, а онъ все жмется въ лѣсъ;
Телячій аппетитъ современемъ исчезъ:
Пріѣлся ему мѣлъ, ликеровъ пить не хочетъ;
Хоть по уши въ добрѣ, теленокъ все хлопочетъ,

На домъ своихъ отцовъ съ печалію глядѣлъ,
И счастья не стерпя, на дняхъ сихъ околѣлъ.
Вы, кои лишь жевать жвачку съ сѣномъ средни,
О, тучные быки, коровы многоядны!
Мычите, проходя сію плачевну весь!
Се рода вашего гніетъ потомокъ здѣсь!

48.

Привѣтствіе малолѣтняго отцу его, въ день его имянинъ.

Пускай вождямъ даютъ народы
Титулъ отечества сыновъ,
Въ мои младенческіе годы,
Хранимъ отъ стрѣлъ и отъ штыковъ,
Одну лишь славу постигаю
Тебя съ покорностію чтить,
И титламъ всѣмъ предпочитаю
Твоимъ достойнымъ сыномъ быть.

Сегодни, въ день тезоименный,
Въ который дивный твой Патронъ
Нашъ край, язычествомъ прельщенный,
Подъ благодатный ввелъ законъ, —

Прими изъ устъ моихъ нельстивыхъ
Дань мирныхъ отроческихъ лѣтъ,
Не слогъ похвалъ краснорѣчивыхъ,
Но чувствъ признательныхъ обѣтъ.

Да будетъ вѣчно надъ тобою
Отецъ и другъ дражайшій мой!
Самъ Богъ всесильною рукою
Хранить незыблемый покой!
За добродѣтели въ награду
Живи вѣкъ долгій въ тишинѣ,
Въ моемъ почтеньи зря отраду
За всю любовь твою ко мнѣ.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

НАДПИСЬ

КЪ ВЕНЗЕЛЮ ЕКАТЕРИНЫ II.

Россіи нѣжну Мать, вселенной украшенье,
Въ Тебѣ, премудрая Монархиня! мы зримъ;
Къ Тебѣ обращено все наше помышленье;
Изъ рода въ родъ хвалу Тебѣ мы воздадимъ.

2.

На имянины Кн. В. Ю. Д.

Княжна! чего бы мнѣ въ сей день вамъ пожелать?
Того же, что̀ всегда всѣмъ сердцемъ вамъ желаю:
Чтобъ счастье вы могли въ той мѣрѣ ощущать,
Въ какой я весь вашъ домъ люблю и почитаю.

3.

Люб. Иван. Безо.

Кого жъ на свѣтѣ звать Любовью, какъ не васъ?
Вы милы — какъ она, прекрасны — какъ Надежда,
Я вѣрю Божеству по дѣйству вашихъ глазъ.
Кто въ нихъ его не чтитъ, — тотъ кажется невѣжда.

4.

На село ея Патакино.

Мѣста, гдѣ прежде рай въ картинѣ мы видали,
Куда красѣ во слѣдъ бѣжалъ Владиміръ весь!
Вы тѣ жъ; — но отъ чего всю прелесть потеряли?
Любовь бѣжитъ отъ насъ и жить не хочетъ здѣсь.

5.

На Васильевское.

Мѣста, гдѣ въ первый разъ мой духъ сталъ вспламеняться,
Гдѣ юный возрастъ свой въ забавахъ проводилъ!
Теперь, къ закату дней, пришелъ вамъ поклониться,
Взглянуть на васъ, взглянуть.... и вспомнинь, что я жилъ. —

6.

Лунѣ.

Луна! ты хороша, ты мой плѣняешь взоръ
Не тѣмъ, что съ яснымъ днемъ ты ночь равняешь въ мірѣ,
Не тѣмъ, что вкругъ тебя планетъ горитъ соборъ;
Люблю тебя за то, что нравишься Глафирѣ.

7.

Экспромптъ.

Любезное любить
Природа насъ влечетъ;
Нельзя иначе жить
Ни нынче, ни впередъ.

8.

Къ портрету Кн. Е. С. Д.

Евгенія была изящность естества.
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души — зрѣлъ благость Божества.

3.

Люб. Иван. Безо.

Кого жъ на свѣтѣ звать Любовью, какъ не васъ?
Вы милы — какъ она, прекрасны — какъ На-
надежда,
Я вѣрю Божеству по дѣйству вашихъ глазъ.
Кто въ нихъ его не чтитъ, — тотъ кажется
невѣжда.

4.

На село ея Патакино.

Мѣста, гдѣ прежде рай въ картинѣ мы видали;
Куда красѣ во слѣдъ бѣжалъ Владиміръ весь!
Вы тѣ жъ; — но отъ чего всю прелесть поте-
ряли?
Любовь бѣжитъ отъ васъ и жить не хочетъ здѣсь.

5.

На Васильевское.

Мѣста, гдѣ въ первый разъ мой духъ сталъ
всиламеняться,
Гдѣ юный возрастъ свой въ забавахъ проводилъ!
Теперь, къ закату дней, пришелъ вамъ покло-
ниться,
Взглянуть на васъ, взглянуть.... и вспомнишь,
что я жилъ. —

6.

Лунѣ.

Луна! ты хороша, ты мой плѣняешь взоръ
Не тѣмъ, что съ яснымъ днемъ ты ночь рав-
няешь въ мірѣ,
Не тѣмъ, что вкругъ тебя планетъ горитъ со-
боръ;
Люблю тебя за то, что нравишься Глафирѣ.

7.

Экспромптъ.

Любезное любить
Природа насъ влечетъ;
Нельзя иначе жить
Ни нынѣче, ни впередъ.

8.

Къ портрету
Кн. Е. С. Д.

Евгенія была изящность естества,
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней
блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души — зрѣлъ благость Божества.

15.

Материалисту *).

Богъ далъ мнѣ плоть — и я искалъ
Въ ней разумъ угостить и душу;
Пилъ много, много ѣлъ и спалъ,
И въ землю возвращаю тушу.

16.

Безъименной въ альбомъ.

Княгиня! что мнѣ вамъ здѣсь новаго сказать?
Вседневно, во всю жизнь одно скажу и то же;
Что я васъ такъ люблю, что если бъ былъ моложе,
То чувства къ вамъ мои я страстью бъ могъ назвать.

17.

Е. С. О. на балѣ.

На что въ Парижъ и въ Римъ отсюда намъ кататься,
Чтобъ мраморными тамъ Венерами плѣняться?

*) Сіи стихи суть пародія прекраснѣйшихъ стиховъ г. Кар., всѣмъ извѣстныхъ: *Богъ далъ мнѣ сердце, и проч.*

Венеру самую мы видѣли сейчасъ:
Обрѣзкова была на балѣ здѣсь у насъ.

18.

На журналиста.

—

До сихъ поръ вѣрить всѣ должны бывали мы
Слѣпою вѣрою однимъ Евангелистамъ;
Явились новой вдругъ конструкціи умы,
И заповѣдь даютъ—всѣмъ вѣрить журналистамъ.

19.

Въ альбомъ.

—

Любить отъ молодости нѣжной
До самыхъ позднихъ жизни дней
Предѣлъ природы неизбѣжной
Для рубища и для царей.

20.

Шутка.

—

Dès ce moment j'arrive отъ дяди,
A sa campagne обѣдалъ я;

De me revoir, ахъ! вы не рады;
Votre froideur крушитъ меня.
Mais, si vous dites: останься съ нами;
Quel bonheur будетъ для того!
Qui veut à tout moment быть съ вами,
Pour qui vous etês милѣй всего.

ПѢСНИ
НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

ПРИНОШЕНІЕ

С. Н. Р.

Однажды я спросилъ у сердца своего:
Чей женскій голосъ всѣхъ доходнѣй до него?...
Софіинъ, мнѣ оно немедля возвѣстило,
И пѣсенъ сихъ тебѣ собранье посвятило.

I.

Все съ тобой меня прельщаетъ,
При тебѣ я все люблю,
Грусть души не возмущаетъ,
Мукъ сердечныхъ не терплю;
Безъ тебя я всѣмъ скучаю,
Не люблю я ничего, —
Славу тягостью считаю,
Въ ней нѣтъ счастья моего.

Сладки чувства въ насъ раждаетъ
Одинъ взоръ пріятный твой;
Для меня онъ все вмѣщаетъ —
Счастье, радость и покой:
Имъ хочу я наслаждаться,
И доколѣ буду жить,
Лишь тобою заниматься,
Лишь тебя одну любить.

Въ томъ свою я поставляю
Честь, богатство и законъ!
Страстью тая, не равняю
Съ твоимъ сердцемъ самый тронъ.
Пусть тщеславцы веселятся
Блескомъ суетныхъ честей;
Мнѣ дано тобой плѣняться, —
Выше всѣхъ чту жребій сей.

II.

Сколько разъ, жестокій, клялся
Лишь одну меня любить!
Сколько разумъ твой старался
Мнѣ одной любезнымъ быть!
Душу нѣжной слабость видя,
Ты заставилъ духъ дышать
Въ той, кто, все возненавидя,
Тебѣ тщилась угождать.

Но теперь ту презираешь,
Кого богомъ своимъ звалъ,
И другой все то вѣщаешь,
Чѣмъ меня къ любви склонялъ.
Иль на то тебѣ, невѣрной,
Надъ собой дала я власть,
Чтобъ холодностью безмѣрной
Наградилъ мою ты страсть?

О, любовь, царица свѣта!
Отомщай ты за меня!
Убѣгай того предмета,
Кому жертвой стала я:
Но покой напрасно льщуся
Въ его казни я найтить;
Лишь тѣмъ больше сокрушуся. —
Нѣтъ! ему не въ силахъ истить!

III.

Ахъ! напрасно мнѣ пѣняешь!
Ты въ невѣрности, мой свѣтъ!
Иль еще ты мало знаешь,
Что милѣй тебя мнѣ нѣтъ;
Что въ тебѣ единой вижу
Всей природы красоты,
И мѣста тѣ ненавижу,
Гдѣ со мною розно ты?

Тщетно духъ твой возмущаетъ
Ревность, нѣжныхъ чувствъ злодѣй,
И меня винить дерзаетъ
Предъ владычицей моей;
Нѣтъ, повѣрь, что не умѣю
Не любя люблю сказать,
Льстить искусства не имѣю;
Чту за грѣхъ тебѣ солгать.

Ты весь полъ свой превосходишь,
Ты милѣй всѣхъ создана,
Путь во всѣ сердца находишь
И съ богами ты равна.
Кинь сіе сомнѣнье ложно,
Что тебѣ я измѣнялъ;
Измѣнить тому не можно,
Кто тобою страстенъ сталъ.

IV.

Пусть славѣ въ жертву жизнь приноситъ,
Кто сей мечтою зараженъ;
Пусть свѣтъ героевъ превозноситъ,
Дѣлами ихъ ставъ изумленъ;
А я блаженъ моей судьбою,
Хочу въ ней радость находить;
Высокихъ замысловъ не строю: —
Любилъ, люблю, хочу любить!

Скупецъ, сокровища сбирая,
Весьма себя счастливымъ чтитъ,
Коль денегъ куча золотая
Въ карманахъ у него лежитъ;
А я и то все, что имѣю,
Готовъ дражайшей посвятить;
Когда бъ владѣлъ вселенной всею,
Готовъ и ту ей уступить.

Чего мы въ свѣтѣ ни желаемъ,
Все сущій вздоръ и суета!
Игрушки каждый день мѣняемъ,
А все намъ кажется не та.
Здѣсь всякой хочетъ самовластно
На свой манеръ счастливымъ быть;
Я имъ смѣюсь, твердя всечасно:
Любилъ, люблю, хочу любить!

V.

По тебѣ я воздыхаю,
Для тебя хочу лишь жить:
Ничего такъ не желаю,
Какъ тобой любиму быть!
Пусть мечта, пусть слава тлѣнна
Покоряетъ міръ себѣ;
Ты одна мнѣ драгоцѣнна,
Я подвластенъ лишь тебѣ.

Нѣтъ моей подобной долѣ,
Коль тебѣ я вправду милъ;
Я и Бога чту тѣмъ болѣ,
Что тебя Онъ сотворилъ.
Ты природу украшаешь,
Ты вселенной блескъ даешь,
Ты жестокость укрощаешь,
И сердца холодны жжешь.

VI.

О, время дорогое
И лѣтъ моихъ весна!
Какъ легкій сонъ теряю
Тебя я навсегда.
Престалъ ужъ милъ казаться
Я нѣжнымъ красотамъ;
Влюблять ужъ не умѣю,
А самъ еще влюбленъ.

Что можетъ быть тяжелѣ
Судьбы на свѣтѣ сей
Когда взаимной страсти
Уже нельзя вкушать?
Тщеславьемъ обольщаться —
Вотъ мой теперь удѣлъ!
Но сладостнымъ любовнымъ
Замѣна ль что-нибудь?

VII.

Меня рѣки разлучаютъ
Съ тою, кто милѣй всего,
Изъ объятій исторгаютъ
Душу сердца моего!

Чѣмъ рѣзвѣй волна мятется,
Чѣмъ быстрѣй струя течетъ,
Тѣмъ сильнѣе сердце бьется,
Тѣмъ милѣй любви предметъ!

Ахъ! почто моихъ стенаньевъ
Ты, рѣка, не можешь внять?
Почто чувствъ моихъ терзаньевъ
Не дано тебѣ понять?

Ты бъ столь сильно не стремилась
Меня гнать отъ береговъ,
Противъ волнъ бы покатилась,
Уставъ презря и Боговъ.

Ты бъ одной моей слезою
Водъ суровость утолилъ,
Возвратилась бы со мною
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я счастливъ!

Но, увы! на что напрасно
Возмущаю духъ мечтой?
Тщетно, тщетно сердце страстно
Себя манитъ пустотой.

Воды мрачныя! вамъ можно
Меня съ милой разлучить;
Но успѣть трудитесь ложно
Въ томъ, чтобъ я престалъ любить.

Я скорѣй съ волной сражуся,
Новый адъ пойду искать,
Чѣмъ дражайшей соглашуся
Взглядъ холодный показать.

Утекай, струя, обратно
Къ райской прелести моей,
Съ шумомъ ей вѣщай стократно,
Что мнѣ нѣтъ ея милѣй,

Что я вѣренъ ей пребуду,
Сниду въ гробъ, ее любя;
И за гробомъ жить коль буду,
Ей опять отдамъ себя!

VIII.

Люблю съ тобою говорить,
Къ тебѣ всѣ мысли устремляя;
Люблю твой каждый взоръ ловить,
Въ немъ тму пріятностей встрѣчая;
Люблю вездѣ съ тобою быть,
Твоей во всемъ подвластенъ волѣ,
Люблю тебя одну любить,
Люблю тебя любить всѣхъ болѣ.

Люблю я на тебя смотрѣть,
Когда сонъ сладкой прерываешь;
Люблю у ногъ твоихъ сидѣть,
Когда ты снова засыпаешь;
Люблю твоимъ любезнымъ слыть,
Люблю имъ быть на самомъ дѣлѣ;
Люблю съ тобою все дѣлить,
Люблю во всякомъ жить удѣлѣ.

Люблю себя тѣмъ счастьемъ льстить,
Что ты мила мнѣ вѣчно будешь;
Люблю свой духъ тѣмъ веселить,
Что ты меня не позабудешь;
Люблю ни чѣмъ не дорожить,
Какъ только лишь тобой одною;
Люблю въ твоемъ я сердцѣ жить,
Нося твой зракъ вездѣ съ собою.

Люблю и мыслить и твердить,
Что ты всѣхъ качествъ совершенство,
Люблю то вправду находить
И ставлю въ томъ свое блаженство;
Люблю во всемъ съ тобой равнить
Царей, боговъ; — но все то мало!
Тебя тебѣ жъ уподоблять,
Вотъ чѣмъ хвалить тебя пристало!

IX.

Ахъ! какъ скучно жить въ разлукѣ
Съ тою, кто души милѣй!
Нѣтъ ни доли, нѣтъ ни муки
Чтобъ могла сравниться съ ней!
И несчастіе прелестно
Для того, кто съ дорогой;
А тому ничто не лестно
Кто не зритъ ее съ собой.

Нѣтъ другого намъ блаженства
Какъ любя любиму быть;
Нѣтъ и въ счастьи совершенства,
Коль нельзя его дѣлить!
Если бъ я и надъ вселенной
Вдругъ явился господинъ, —
Отъ любезной отлученной
Буду я вездѣ одинъ.

Сколько слава ни плѣняетъ,
Хотя тму сулитъ наградъ,
Но такихъ не доставляетъ,
Какъ любовна страсть, отрадъ.
И въ порфирѣ на престолѣ
Міра грозные судьи
У красавицы въ неволѣ
Часто жертвуютъ любви.

Утѣкайте, злы минуты, —
И промчите грусть мою!
Уносите вздохи люты
И съ слезами, кои лью!
О, владыки всего свѣта!
Дайте милую обнять!
У ногъ милаго предмета
Дайте рай скорѣй вкушать!

Нину видѣть повсечасно,
Не страшась разлуки съ ней,
И ее плѣняя страстно,
День отъ дня ей быть милѣй, —
Вотъ какихъ я благъ желаю?
Нѣтъ иныхъ ужъ для меня.
Все вамъ, смертны, уступаю;
Будь лишь Нина вѣкъ моя!

X.

Переводъ съ французскаго.

Я видѣлъ дворъ, поля и грады,
Въ чертогахъ пышныхъ я живалъ;
Но, ахъ! я Нины нѣжны взгляды,
Ни милый зракъ тамъ не встрѣчалъ.

Узналъ, что льзя среди богатства
Въ желаньяхъ чувствовать раздоръ;
А съ Ниной всѣ вкусилъ пріятства:
Мнѣ съ ней златыхъ не надо горъ.

Что здѣсь ни зрю, все въ умъ мѣшаетъ
Объ Нинѣ тму пріятныхъ думъ;
Мнѣ мнится, Нину называетъ
И голосъ птицъ и рѣчекъ шумъ.

Съ зарею зракъ ея встрѣчая,
Я въ Нинѣ Бога воспою;
Къ ней вздохи страстны возсылая,
Красы въ ней новыя узрю.

XI.

Все современемъ проходитъ;
Заблужденьямъ есть конецъ.
Тотъ во тмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждый часъ;
Но, ахъ! все вздоръ! Любовь прямая
Одна сильна счастливить насъ.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустой;
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной.
Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви монархъ скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Даръ любить дала Природа
Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ;
Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
Выше царскихъ всѣхъ побѣдъ.
Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюся я къ ней,
Тогда я все за вздоръ считаю,
Кромѣ голубушки моей.

Нину я люблю, какъ Бога;
Сердце страстно къ ней мое;
Въ ней добротъ я вижу многа,
Паче всѣхъ люблю ее.
Глазамъ призраками мѣняя,
Кажуся я во всѣхъ влюбленъ;
Но, ахъ! все вздоръ, все пыль пустая!
Одною Ниной я блаженъ.

XII.

Безъ затѣй, въ простомъ обрядѣ,
Дома съ Ниной жить мнѣ — рай;
Съ нею въ полѣ, иль во градѣ,
Мнѣ любезенъ всякой край.
Съ ней убожества не знаю;
Все по-мнѣ и все на правъ.
Нина тутъ, — я не скучаю;
Нины нѣтъ, — и нѣтъ забавъ!

Мы участье принимаемъ
Съ нею равное во всемъ;
Въ черный день не унываемъ,
Въ красный пляшемъ и поемъ.
Чужой долѣ не ревнуемъ,
И природы чтя предѣлъ,
На Боговъ не негодуемъ,
Что не знатенъ нашъ удѣлъ.

При зарѣ вечерней, ясной,
Когда думъ нѣтъ въ головѣ,
Съ Ниной милой и прекрасной
Мы гуляемъ на травѣ.
Тамъ съ ней взапуски рѣзвлюся;
Она бѣгаетъ за мной,
Я за нею волочуся:
Ахъ! чѣмъ купишь часъ такой!

Деньги — бѣдная награда
За свободу, за любовь;
Пышность — слабая отрада,
Когда въ насъ пылаетъ кровь.

Пусть фортуны обольщенье
Весь морочитъ родъ людей;
Нина, ты мое прельщенье;
Ты краса судьбы моей!
Ты краса судьбы моей!

Твоя скромность и пріятство,
Рѣчь, улыбка, страстный взоръ, —
Вотъ одно мое богатство!
Все другое въ свѣтѣ — вздоръ.
Кучей денегъ кто гордится,
Тотъ пускаетъ пыль въ глаза;
И сквозь золото катится
Часто горькая слеза.

XIII.

Безъ любви на свѣтѣ можно
Дни счастливы проводить —
Думалъ я неосторожно,
И хотѣлъ ужъ не любить.
Наша жизнь — одна минута;
Надо пользоваться ей;
А любовь есть мука люта!
Ахъ! что въ ней, что въ ней, что въ ней!

Всѣ любовники вздыхаютъ
Безъ удачи, безъ пути;
Всѣ любовницы желаютъ
Тщетно радости найти.

Радость прежде обитала
Безъ любви въ душѣ моей;
Когда всѣхъ любовь сражала,
Я одинъ твердилъ: что̀ въ ней!

Гдѣ любовь, тамъ и досада,
Тамъ неволя, тягота;
Во всѣхъ случаяхъ преграда,
Она горькая мечта.
Я свободой наслаждался
Въ тишинѣ безъ страстныхъ дней,
Надъ любовью насмѣхался,
И пѣвалъ: что̀ въ ней, что̀ въ ней!

Но подслушала Глафира
И, мнѣ брося нѣжный взоръ,
Научила прелесть міра
Находить въ любви съ тѣхъ поръ.
Я, ея познавши свойство,
Нахожу, что въ жизни сей
Счастье, радость и спокойство —
Ахъ! все въ ней, все въ ней, все въ ней!

XIV.

Пусть буду я судьбою
Гонимъ всегда, вездѣ,
Пусть въ злобѣ мнѣ покою
Не дастъ мой рокъ нигдѣ;

Но ежели Глафира
Одинъ мнѣ кинетъ взглядъ,
Я всѣ напасти міра
Сносить охотно радъ.

Вельможа горделивый
Курится похвалой;
Ласкатель торопливый
Гремитъ ему трубой:
А я моей Глафирѣ,
Когда ее хвалю,
Пою, бренчу на лирѣ,
Что я ее люблю.

Люблю — о, слово нѣжно!
О, милый сердцу слогъ!
Ты смертнымъ неизбѣжно;
Тебя сложилъ самъ Богъ!
Тебя рекла Глафира,
Мой духъ вострепеталъ,
Въ краю послѣднемъ міра
Мой духъ свой рай вмѣщалъ.

Твердить его радъ вѣчно,
Коль будешь повторять;
Блаженство безконечно
Ты дашь мнѣ тѣмъ познать.
Цари своей порфирой
И славой дорожатъ;
А я моей Глафирой
И счастливъ и богатъ.

XV.

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души;
Никакія царства міра
Для меня не хороши.
Мнѣ повсюду будетъ скучно,
Не могу я быть счастливъ;
Будь со мною неразлучно,
Будь со мной, доколѣ живъ!

Ни богатства не желаю,
Ни въ большіе господа;
Все другимъ то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда —
Вотъ одно мое желанье!
У меня другого нѣтъ;
Безъ тебя — вся жизнь страданье,
Безъ тебя — пустыня свѣтъ.

Я люблю тебя всѣхъ болѣ,
Я люблю одну тебя;
Въ толь пріятной сердцу долѣ
Съ кѣмъ сравняю я себя?
Ахъ! ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ, конечно!
Только ты люби меня:
Буду счастливъ, будешь вѣчно
Ты мой другъ и жизнь моя!

Безъ Ранды жизнь — мученье,
Каждый часъ какъ-будто годъ;
Къ ней всѣхъ чувствъ моихъ стремленье,
Въ ней предметъ моихъ заботъ;
Она разумъ восхищаетъ,
Она душу веселитъ;
Сердце розно съ ней — вздыхаетъ,
А при ней — всегда болитъ.

Ея взоры всѣхъ быстрѣе
Нашли скрытый къ нему путь;
Ея голосъ всѣхъ скорѣе
Во мнѣ душу могъ тронуть.
Тяжело, я это знаю,
Въ мѣру чувствъ моихъ любить;
Но еще лютѣй считаю —
Безъ Ранды въ свѣтѣ жить.

XXI

На что желалъ съ тобой спознаться,
Коль зналъ, что будешь ты мила?
На что, коль должно разлучаться,
Искалъ тамъ быть, гдѣ ты была?
О, счастье всякаго лестнѣе
Съ друзьями сердца вмѣстѣ быть!
О, мука всякой несноснѣе
Въ разлукахъ частыхъ съ ними жить!

Когда не будешь ты со мною,
Кому скажу мою печаль?
Одинъ тогда, лишь самъ съ собою,
Скажу, что мнѣ Ранды жаль;
Что жизнь моя тошна, постыла,
Когда не вижуся я съ ней;
Коль нѣтъ въ глазахъ того, что мило,
То нѣтъ для сердца красныхъ дней.

Куда я дѣнусь безъ Ранды?
Чѣмъ мысль унылу разгоню?
Исчезнутъ всѣ веселья виды,
Которыми себѣ маню;
Исчезнетъ все на это время,
Пока не будетъ здѣсь ее,
И скуки черной люто бремя
Стѣснитъ все чувствіе мое.

Но, ахъ! когда ты возвратишься,
И вновь увижу я тебя?
Лишь ты глазамъ моимъ явишься,
Опять почувствую себя,
Опять мое воображенье,
Съ душой и сердцемъ за одно,
Вмѣститъ безсмертныхъ восхищенье
И оживетъ тобой оно.

XXI.

Чѣмъ я мысль ни занимаю,
А Зюлима всѣхъ милѣй!
Съ ней вседневно я вкушаю
Счастье самыхъ тихихъ дней.
Вспомню ль прежнее то время,
Какъ страстьми волнуемъ былъ,
Я лишь чувствовалъ золъ бремя,
Но такъ сладко не любилъ.

За мечтами я гонялся
И чего-то все искалъ;
Находя, не восхищался,
А теряя, вновь желалъ.
Но теперь въ пріятной части
Я мученья не терплю;
Безъ волненья пылкой страсти
Со всей нѣжностью люблю.

Если мнѣ когда случится
Отъ Зюлимы чѣмъ-нибудь,
Хоть бездѣлкой, огорчиться,
Стоитъ только ей взглянуть; —
Все повѣрю, все забуду,
Чѣмъ старалась досадить.
Сколько въ свѣтѣ жить ни буду,
Мнѣ другой такъ не любить.

XXII.

Пой, соловушка свободной,
Пой на вѣточкѣ своей,
Пока ястребъ, чортъ негодной,
Не склевалъ тебя на ней,
Пока вѣтры бурны съ поля
Не надули на тебя,
Или въ клѣточкѣ неволя
Не дала узнать себя.

Пой, соловушка мой милой,
Сладку пѣсенку свою;
Ты не знаешь той унылой,
Что̀ я всякой часъ пою.
Дней несчастливыхъ на свѣтѣ
Для тебя въ лѣсочкѣ нѣтъ;
Всѣ дни ясны въ цѣломъ лѣтѣ,
Пока зелень есть и цвѣтъ.

Пой, соловушка, ярчѣе,
Чтобъ дрожалъ весь лѣсъ, какъ листъ,
Звучи горлышкомъ громчѣе,
Раздавай за рощу свистъ;
Тебѣ все дала природа:
Ты уютенъ, молодъ, милъ,
Ты краса всего народа!
Затрещалъ — такъ и плѣнилъ.

А я, бѣдный, не умѣю
Такъ понравиться, какъ ты,
Голосишка не имѣю,
Ни крыла, ни красоты.—

Станемъ участью мѣняться!
Или, птичка, вѣчно, знать,
Тебѣ пѣть и наслаждаться,
Мнѣ любить и тосковать.

XXIII.

Я живалъ, живу, жить буду
Друга милаго любя,
Всю вселенную забуду,
Не забуду лишь тебя.

Ты милѣе солнца красна,
Ты дороже жизни мнѣ;
Образъ твой въ душѣ всечасно,
Имъ я брежу и во снѣ.

Ни разлука, ни препятства
Чувствъ моихъ не измѣнятъ;
Всей подсолнечной богатства
Мнѣ тебя не замѣнятъ.

Я владычества не знаю
Выше прелестей твоихъ;
Имъ разсудокъ покоряю,
Рай душевной вижу въ нихъ.

Не ревную пышной долѣ
Знаменитыхъ нашихъ баръ;
Въ нищетѣ, въ бѣдѣ, въ неволѣ,
Если милъ тебѣ, — я царь.

Ты мое смягчаешь бѣдствіе,
Сколь бы ни былъ рокъ суровъ;
Взглянешь — небо зрю отверзто,
Молвишь — внемлю гласъ Боговъ.

Восхищай меня собою,
Пока длится жизнь моя,
Пока смерть ужасной тмою
Не покрыла и меня.

Но и тамъ, гдѣ жизнью вѣчной
Долженъ духъ безсмертный жить,
Въ тебѣ буду, другъ сердечной,
Всѣхъ отрадъ вину любить.

XXIV.

Печаль, души моей подруга!
Питай ее всегда собой;
Кажи вездѣ тѣнь мила друга
Въ живыхъ чертахъ передо мной!

Кажи того, кого любила,
Какъ любятъ ясны небеса,
Въ комъ чувства всѣ животворила
Души и разума краса!

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ его, всечасно
Въ мѣстахъ, гдѣ я живу одна,
Замучилъ трепетъ сердце страстно
И язва лютая дана.

Должна за то, что я съ тобою
Готовъ дѣлить на свѣтѣ все,
Готовъ навѣкъ съ твоей судьбою
Связать все счастіе мое.

Не вѣрь лукавому внушенью
Толпы обманчивыхъ льстецовъ:
Чтобъ дать видъ правды обольщенью,
Языкъ богатъ въ наборѣ словъ.
Я самъ на свѣтѣ прожилъ много,
Страстей тревоги испыталъ,
Страстями былъ наказанъ строго —
Любви прямой не измѣнялъ.

Чета сердецъ и откровенность
Взаимныхъ чувствъ между людей
Такая въ жизни драгоцѣнность,
Какой подъ солнцемъ нѣтъ милѣй!
Любовникъ сто побѣдъ исчислитъ;
Но что въ нихъ толку? — Пустоцвѣтъ!
Уроковъ опыта не смыслитъ; —
Добыча есть — да счастья нѣтъ.

Ельфрида, другъ мой! — восхищаться
Не вѣчно можетъ человѣкъ;
Онъ любитъ жить и наслаждаться,
Его такъ кратокъ, труденъ вѣкъ,
Восторгъ минутный утолится,
Какъ легкій вѣтеръ пролетитъ;
Любовь до самой смерти длится,
Она и прахъ животворитъ.

Любовь и за предѣлы жизни
Надежды якорь утвердя,
Въ небесной ангельской отчизнѣ
Свои отрады возродя,
Зари ждетъ вѣчности прекрасной,
И милый встрѣтя тамъ предметъ,
Не призракъ дѣлитъ съ нимъ опасной,
Но чистый огнь и тихій свѣтъ.

XXVII.

Друзья! пришло дней мирныхъ время,
Нигдѣ не пахнетъ ужъ войной,
Сложилъ и я доспѣховъ бремя,
Въ Москву явился на покой.
Разбивъ толпы враговъ ужасны,
Хочу красавицъ обожать,
Въ романсахъ нѣжныхъ чувства страстны
На скромной лирѣ напѣвать.

Пора геройству утолиться,
Коню и саблѣ отдохнуть;—
Пора въ свободѣ волочиться,
И съ милой взапуски вздохнуть,
На грудь, израненну для славы,
Ея грудь нѣжную прижать,
Дѣлить съ ней цѣлый день забавы,
Всю ночь красы ея лобзать.

Я билъ врага, я грады жегъ,
Я видѣлъ смерть, и не пугался;
Лишь только перенесть не могъ
Того, что съ миленькой разстался.

Слава царю — миръ кончилъ брань,
Воинъ на родину явился,
И я медали славы въ дань
Поднесть красавицѣ гордился;
Но рука сильная Творца
За чью-нибудь, знать, жизнь мнѣ мстила
И вмѣсто брачнаго вѣнца
Путь мнѣ въ могилу проложила.

Моя подруга безъ меня
Тоски терпя недуги люты,
Чувству любви не измѣняя,
Жить не хотѣла ни минуты;
Счастье исчезло съ ней мое,
И я, прахъ милый лобызая,
Кричу въ слезахъ, забывши все:
Спѣши минута роковая!

Спѣши скорѣй сразить того,
Кто благъ не зритъ ужъ больше въ жизни,
Кому не надо ничего
Ни въ чужихъ людяхъ, ни въ отчизнѣ!
Пастушки! мнѣ васъ не видать!
Солнце взойдетъ, меня не будетъ;
Въ одну съ ней землю лягу спать;
Въ одномъ Раю насъ Богъ разбудитъ.

XXIX.

Пока Фатьма меня любила,
Чего мнѣ было пожелать?
Сама судьба меня хранила,
Мѣшая грусти духъ смущать.
Я нѣжной молодости въ цвѣтѣ
Благополученъ вправду былъ;
Ни чѣмъ не дорожилъ на свѣтѣ,
Ее единственно любилъ.

Пока Фатьма не измѣняла,
Мнѣ непонятенъ былъ обманъ,
Душа въ восторгахъ замирала,
Амуръ былъ богъ мой — не тиранъ;
Его отрады скоротечны
Возобновлялись каждый часъ
И наслажденія сердечны
Богамъ уподобляли насъ.

Пока Фатьма не научилась
Искусству всѣхъ плѣнять собой,
Въ простой невинности рѣзвилась
По цѣлымъ днямъ съ однимъ со мной,
Я самъ, блистательной неволѣ
Свободу сельску предпочтя,
Подъ яснымъ небомъ въ чистомъ полѣ
Любилъ играть съ ней какъ дитя.

I.

De l'inconstance adieu привычки!
Femme je prends полно дурить:
Jolis tendrons сердца тиранки,
Plus n'est permis мнѣ васъ любить,
Autre fois dès que полночь било,
Aux petits jeux давай, давай!
Autre fois мало ли что было,
Mais aujourdhui прости, прощай!

Всѣ говорятъ c'est un parjure,
Чтобъ любить многихъ à la fois;
Всѣ говорятъ, mais la nature
Шепчетъ мнѣ: нѣтъ — et je le crois;
Когда у насъ santé, jeunesse
A qui mieux, mieux давай, давай;
А какъ пристигнетъ la vieillesse,
Faut dire alors прости, прощай!

Des raisonneurs сыскать не диво,
Qui jour et nuit станутъ кричать:
Qu'on ne sauroit прожить счастливо,
Si nos penchants не укротить
Raison le dit, но сердце нѣжно
N'a qu'un refrein давай, давай;
On a beau dire c'est неизбѣжно,
Sans quoi bonheur прости, прощай!

Но между насъ, ma bonne amie
Qu'un autre usage soit заведенъ;
Будь ты всегда la plus jolie,
Moi, je serai всегда влюбленъ;
Tant que notre âge насъ поджигаетъ.
A qui mieux, mieux давай, давай;
Vient un moment жаръ простываетъ,
Bongré malgé прости, прощай!

II.

Фекла! семъ-ка мы съ тобою
Станемъ жить, да поживать;
Станемъ мы безъ ссоръ и бою
Себѣ хлѣбецъ наживать.
Мы свой вѣкъ и безъ Амура
Промаячемъ кое-какъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Я наукъ не понимаю,
Съ востряками не вожусь,
Въ рѣчь разумну не вступаю
И въ собраньяхъ не кажусь.
Насъ пустила въ свѣтъ натура
Ни на что, какъ только такъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Въ книгахъ я не обращаюсь,
Ариѳметики боюсь;
Съ Яшкой рыжимъ не якшаюсь *),
Часто съ азбукой бранюсь.
На зубахъ у балагура
Пусть слывемъ мы такъ и сякъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Вѣкъ охоты не имѣю
Ни въ картишки, ни на балъ;
Днемъ сижу, хожу и прѣю,
Ночью дрыхну на-поваль:
Моей Феклы мнѣ натура
Вѣчно жить велѣла такъ.
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

Деньга деньгу въ сумку манитъ,
А за деньгой гроша жди;
Умъ доходу не притянитъ,
Сколько въ книгу ни гляди.
Видно, хочетъ такъ натура,
Чтобъ умъ деньгамъ былъ батракъ;
Такъ пускай ты будешь дура,
Я радъ вѣчно быть дуракъ.

---

*) Jean Jacques Rousseau.

III.

Я живу и веселюся,
Нѣтъ печали у меня;
Изъ мірскихъ суетъ не бьюся,
И не стражду полюбя.
Если что когда блажное
Въ умъ и въ сердце мнѣ взбредетъ,
Тужить — выйдетъ лишь пустое;
Лягу спать — и все пройдетъ.
Пусть старается, кто хочетъ,
Себя вздоромъ веселить;
Кто другой пускай хлопочетъ
Шпански башни городить.
Мало ль что высокомѣрье
Въ мысли суетны несетъ;
У меня свое повѣрье:
Лягу спать — и все пройдетъ.
Всѣ мы созданы Природой,
Чтобъ чего-нибудь желать;
Кто гудкомъ, кто картъ колодой
Ищетъ время убивать.
Если разумъ меня смучитъ
И сердечушко зажметъ,
Нравъ мой скукѣ надокучитъ,
Лягу спать — и все пройдетъ. . .

IV.

Мнѣ бы жить въ Москвѣ хотѣлось,
Играть въ карты, танцовать,
Милымъ быть еще бъ умѣлось,
Сталъ бы жить, да поживать;
Но лихъ часто такъ бываетъ,
Что не въ мѣру рокъ суровъ.
Кто жилъ больше, тотъ и знаетъ:
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Иной любитъ за пирушкой
Цѣлый вечеръ просидѣть,
Вины крѣпкія пить кружкой,
А напившись, пѣсни пѣть.
Поглядишь, другой порою,
Тотъ же янчикъ, не таковъ;
Гложетъ хлѣбъ сухой съ водою
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Иной любитъ въ маскерадѣ
Щеголькомъ себя казать,
Весь въ духахъ, въ большомъ нарядѣ,
Любитъ городъ обскакать;
Тотъ же хватикъ сплошь вздыхаетъ,
Сидя дома безъ чулковъ,
Фракъ жилетомъ выкупаетъ.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Другой, къ банку прилѣпяся,
Ставитъ кучи день и ночь.
На фортуну разсердяся,
Самъ себя загнуть не прочь;
Анъ домой какъ заберется,
Ни полѣна нѣту дровъ;
Дуетъ въ ногти, въ уголъ жмется.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

Знатный баринъ цугомъ дуетъ
И дивитъ собой народъ;
А народъ, то зря, толкуетъ:
Этотъ всѣхъ знатнѣй господъ!
А другой хоть и смѣкаетъ,
Что вся штука семь скотовъ;
Но съ поклонцомъ забѣгаетъ.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

V.

Я любви ужъ не слуга,
Съ ней хочу навѣкъ проститься;
До меня была строга,
Не чѣмъ вовсе похвалиться.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Съ нею будь всегда готовъ
Горько плакать и терзаться;
А съ виномъ я безъ часовъ
Буду всякой день смѣяться.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Въ любви всякій часъ бѣда
И всего остерегайся;
А въ винѣ къ ней нѣтъ слѣда,
Только чаще напивайся.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Все мнѣ будетъ поутру,
Какъ съ бутылкой подружася,
Буду пьянъ и по-утру,
Буду пьянъ и спать ложася:
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Если грусть придетъ ко мнѣ,
Иль о чемъ вздыхать я буду,
Погрузивъ тоску въ винѣ,
Самого себя забуду.

Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Городскимъ смѣюсь молвамъ, —
Къ счастью ближнихъ всѣ ревнуютъ;
Былъ бы радъ и веселъ самъ,
Что хотятъ пускай толкуютъ.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою;
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Пускай пьяницей зовутъ
И въ бесѣды не пускаютъ;
Тѣ всѣ долгій вѣкъ живутъ,
Кои женщинъ убѣгаютъ.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

У него та жъ пара глазъ;
Но когда онъ нагрузится,
Что ты видишь въ одинъ разъ,
То въ глазахъ его троится.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

Лишь бы мнѣ судьба дала,
Чѣмъ быть пьяну повсечасно,
И вся жизнь моя такъ шла,
Чтобъ въ любви не ныть напрасно,
Женскій полъ прости, прощай;
Мнѣ съ тобой ужъ не встрѣчаться;
Всѣхъ забывъ для меня край:
Пить и въ вѣкъ не просыпаться.

VI.

Я безъ Дунюшки не слажу
Ни въ гудокъ, ни поплясать;
Что ни дѣлаю, ни лажу,
Нѣтъ ума ничто начать.
Дуня, Дуня дорогая!
Ахъ! почто тебя здѣсь нѣтъ?
Вся душа во мнѣ другая,
Когда ты со мной, мой свѣтъ!

Когда взглянешь ты пріятно,
Я совсѣмъ тогда не тотъ;
Все мнѣ мило, все понятно,
И на сердце нѣтъ заботъ.
А какъ Дуня за очами,
Не глядѣлъ бы на людей,
Бабъ скучаю я толпами;
Изъ нихъ Дуни нѣтъ милѣй!

Кинь сторонушку чужую,
Дуня, воротись домой!
Что̀ ты хочешь, я дарую,
И всю жизнь готовъ быть твой.
Безъ тебя на что̀ именье?
Безъ тебя не нуженъ кладъ;
Жить — съ тобою-утѣшенье;
Твой всего дороже взглядъ.

VII.

Шелъ, пошелъ нашъ воевода
Вдоль по Клязьмѣ погулять;
Вдругъ ненастная погода —
Пришлось дома тосковать.
Подъ окошкомъ его скачетъ
Мужикъ съ бабою самъ-другъ,
Не горюетъ онъ, не плачетъ,
Дуетъ клячу во весь духъ.

Ахъ, вы горе-воеводы!
Нѣтъ удачи вамъ въ судьбѣ;
Много чести безъ свободы,
Чортъ ли въ этакой судьбѣ.
У васъ каменны палаты
Ужъ куда какъ высоки,
Вы и знатны и богаты,
Лишь отъ счастья далеки.

Какъ медвѣдь лѣсной въ берлогѣ,
Къ вамъ и приступу, чай, нѣтъ;
И невольнику въ острогѣ
Поглядѣть даютъ на свѣтъ, —
А у васъ тоска, кручина
Изсушила сердце все.
Посмотри-ка ты, дѣтина,
На мое житье-бытье.

Какъ вспашу я десятину
И домой вернусь къ себѣ,
Браги выпью на полтину,
Подъ бочокъ прижмусь къ женѣ, —
Я съ Фетиньею ласкаюсь,
Какъ съ голубкой голубокъ,
Нацѣлуюсь, наиграюсь, —
Лягу вздрыхнуть на часокъ.

Въ праздникъ выйду въ хороводы,
Красныхъ дѣвокъ цѣлый строй;
Не боюсь я непогоды,
На дворѣ и въ дождь и въ зной.
Дѣти живы, жена бродитъ,
Вотъ и все мое добро;
Ко мнѣ скука не заходитъ;
Я не льщусь на серебро.

Такъ-то жить у насъ учися,
Воевода-господинъ!
Въ поднебесну не гнѣздися;
Тамъ, вѣдь, Богъ живетъ одинъ:

До Него не доберешься,
До Царя — куда достать;
А какъ въ полѣ обживешься,
Такъ и полно тосковать.

VIII.

Зачѣмъ мы въ жизни суетимся,
По чести, трудно отгадать;
Едва минутой насладимся,
Какъ должно цѣлый день страдать.
Въ мечтахъ все кажется безцѣнно,
На дѣлѣ — видишь все обманъ.
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ!

Природа все вознаграждаетъ, —
Она роскошна и щедра,
И въ самой старости являетъ
Лучи блистательна утра;
Страстями сердце увлечено,
Въ восторгахъ ловитъ все обманъ.
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ! —

Иному разумъ помутила
Огромной славы суета;
Другому душу истомила
Суровымъ взглядомъ красота.

Гдѣ чаемъ благо совершенно,
Тамъ видъ его беретъ обманъ;
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ.

Оставимъ сильнымъ все на свѣтѣ,
И отъ лихихъ уйдемъ людей! —
Поставимъ мы себѣ въ предметѣ,
Простое счастье, безъ затѣй;
Оно дано намъ непремѣнно,
И я пою, наливъ стаканъ:
Позвольте молвить откровенно:
Счастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ. —

IX.

Плюнь Фетинья на молву,
Выйдь со мною погулять;
Сядемъ вмѣстѣ на траву
Въ поцѣлуи поиграть.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Я тебя, мой милый другъ,
Больше всѣхъ въ селѣ люблю;
Съ тобой праздничный досугъ,
Съ тобой будни раздѣлю.

Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

За сохою ли хожу,
Бороню ли полосу,
Вездѣ въ мысляхъ и гляжу
На твою, мой свѣтъ, красу.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Мнѣ не надо за тобой
Сарафановъ дорогихъ;
Ты въ паневѣ мнѣ простой
Краше всѣхъ сестеръ своихъ.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Куча денегъ — пустота,
Сердцу тошно безъ любви;
Чуть задѣнетъ красота,
Закипитъ огонь въ крови.
Было бъ сыто, да тепло;
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Сдайся на мои слова
И не бойсь меня любить;
Все на свѣтѣ трынъ-трава!
Станемъ душа въ душу жить.
Было бъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

ДУРЫЛОМЪ,

или

ВЫБОРЪ ВЪ СТАРШИНЫ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дурыломъ, зажиточный дворянинъ задонскій.
Павлина, }
Сусанна, } его дочери.
Лестигонъ, старинный другъ дома.
Радинъ, любовникъ Сусанны.
Сусикина, пріятельница ихъ дома.
Печалкинъ, молодой человѣкъ, знакомый въ домѣ.
Диксманъ, экономъ редута.
Слуга.
Швейцаръ.
Дворянинъ, безъ рѣчей.

(Дѣйствіе на Камн., [illegible] г-на Дурылома.)

———

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ДУРЫЛОМЪ *(одинъ, онъ въ полу-сюртукѣ, по-домашнему, въ утреннемъ своемъ кабинетѣ).*

О, стѣны, въ коихъ я чрезъ разныя явленья
Всю публику держу лѣтъ тридцать въ изумленьи!
Уже ли съ вами рокъ разстаться мнѣ велитъ,
И купчую на васъ Палата совершитъ?
Уже ли городъ весь, любя мои тревоги,
Изъ вратъ своихъ мнѣ вонъ велитъ искать дороги? —
Имѣя на Дону помѣстья за собой,
На Каму привлеченъ нечаянной судьбой,
И новую найдя здѣсь родину издѣтства,
Учился лишь одной наукѣ — раболѣпства,
Здѣсь выросъ, взялъ жену и, къ счастью, какъ-то съ ней
Я прижилъ нѣсколько прекрасныхъ дочерей;

По нихъ сталъ всѣмъ знакомъ, по нихъ ко мнѣ ласкались,
И дружества со мной какъ счастья добивались;
Редутъ меня своимъ директоромъ нарекъ;
Семнадцать лѣтъ въ немъ былъ я громкой человѣкъ;
Всѣхъ членовъ имена, чины и лѣта знаю,
И каждому на вкусъ забавы снаряжаю. —
Но, ахъ! колико свѣтъ сталъ нынѣ развращенъ!
Въ невѣжествѣ умы и духъ уничиженъ!
За всѣ мои труды, какихъ никто, конечно
(Могу я самъ съ собой сказать чистосердечно),
Никто изъ равныхъ мнѣ бояръ не оказалъ,
Въ награду изъ старшинъ изверженъ нынѣ сталъ;
И подлый экономъ — бездушна тварь Нѣмчурка,
Который ѣлъ мой хлѣбъ, моя возила бурка,
Кто? — Диксманъ на носу играетъ у меня!
Нѣтъ, нѣтъ, не потерплю. О, Небо! о, земля!
Поѣду, поскачу искать другого края,
И лучше пусть меня сразитъ судьба лихая,
Чѣмъ долѣе еще такой позоръ терпѣть!
По дудочкѣ чужой не мнѣ плясать и пѣть.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДУРЫЛОМЪ и ДИКСМАНЪ.

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону*).

О чортѣ молвь, онъ тутъ; но должно скрыть досаду;
Ему везетъ у насъ.

ДИКСМАНЪ.

Прекрасную помаду
Съ стафетой получилъ сейчасъ я изъ Москвы;
Мнѣ помнится, ее выписывали вы;
И такъ я поспѣшилъ съ нижайшимъ къ вамъ почтеньемъ
Обрадовать вашъ домъ такимъ увѣдомленьемъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Помада?... помню... такъ. — Спасибо. Что цѣна?

ДИКСМАНЪ.

Червонный за горшокъ она заплачена.

ДУРЫЛОМЪ.

Червонный? — Не ужъ ли? —

ДИКСМАНЪ.

За то и ароматы!

ДУРЫЛОМЪ.

И выдохнутся вмигъ; а добрые дукаты..

ДИКСМАНЪ.

Не пахнутъ и легки, бѣгутъ какъ съ горъ вода.
Духи на головѣ бываютъ иногда
Замѣною тому, чего внутри природа
Не всякому дала.

ДУРЫЛОМЪ.

Пустое, братецъ, — мода;
По модѣ живучи, вскружился цѣлый свѣтъ.
Жесминовъ ты найдешь вездѣ и духъ и цвѣтъ:
У модницъ на груди, у франта на кафтанѣ
И, смѣшанъ съ табакомъ, у старика въ карманѣ;

Нерѣдко я видалъ, сынъ, дочь, весь домъ въ ды-
рахъ,
Отецъ какъ маковъ цвѣтъ, — а матушка въ ду-
хахъ.
Но дѣло не о томъ — снеси горшки къ Павлинѣ.

ДИКСМАНЪ.

Какъ кстати мой товаръ ко мнѣ подъѣхалъ
нынѣ!
Сегодня всѣ въ редутъ съѣзжаются чины,
Обжорный тамъ обѣдъ — и выборъ въ старшины.
Каштановъ безъ числа и устрицевъ наслали,
Не шуточный мнѣ пиръ въ собраньи заказали;
Какой съ венгерскимъ кремъ, уха — хоть бы
царю!
Жена толчетъ миндаль, я пуншъ-рояль варю;
А къ вечеру, дабы короновать забаву,
За рубль съ персоны дать взялся я балъ на славу.

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону*).

Нѣтъ мочи выносить надменности такой!
Ты развѣ членъ, чтобъ могъ дать праздникъ самъ
собой?
Мнѣ памятенъ уставъ Дворянскаго Собранья,
Который утвержденъ съ публичнаго желанья,
Подписанъ въ 809 годѣ мной,
Понеже я тогда былъ первымъ старшиной;
Правительствомъ самимъ онъ признанъ превос-
ходнымъ.

ДИКСМАНЪ (*въ сторону*).

Тогда и былъ хорошъ; а нынѣ сталъ негод-
нымъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ты дерзокъ не путемъ. — Параграфъ въ немъ одинъ,
Я помню, такъ гласитъ...

ДИКСМАНЪ.

Вы спорить, господинъ;
Но скоро послѣ васъ уставъ перемѣнился
И новый въ клобѣ здѣсь порядокъ дѣлъ явился.

ДУРЫЛОМЪ.

Прошу сказать, какой? — Не вѣрю, быть нельзя!
Меня не оплетешь. — Иль ты забылъ, какъ я
За то, что экономъ спалъ мертвымъ сномъ у печки
И въ пору не успѣлъ зажечь на балѣ свѣчки,
Велѣлъ ему въ сѣняхъ сто палокъ отсчитать,
Нѣмецкіе бока по-русски откатать.

ДИКСМАНЪ.

Да то не Диксманъ былъ. — Задоритесь напрасно;
Досады вашей я причину вижу ясно:
Привыкнувъ столько лѣтъ директоромъ всё быть,
Вамъ тошно рядовымъ и годъ одинъ прожить.
Вѣдь я не виноватъ, что велъ себя такъ худо
Вашъ прежній экономъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Кто? — *Мозель?* — Это чудо!
Онъ былъ не безъ грѣха, конечно; но за то
Редуту такъ служить не смыслитъ здѣсь никто.

ДИКСМАНЪ.

А я слыхалъ объ немъ во всѣхъ домахъ иное.

ДУРЫЛОМЪ.

А что бы, напримѣръ, слыхалъ объ немъ худое?

ДИКСМАНЪ.

Извольте; — но прошу заранѣй не пѣнять,
Коль искренность моя васъ будетъ обижать.
Я слышалъ, что за столъ платили всѣ безмѣрно,
А кушали всегда на балахъ очень скверно;
Что часто подавалъ изъ промозглыхъ онъ котлетъ,
Въ лампадномъ маслѣ всѣмъ плавучій винегретъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Неправда! — Винегретъ былъ кусъ наипріятной,
Изъ разныхъ тонкихъ мясъ, и очень деликатной.

ДИКСМАНЪ.

Я то передаю, что публика твердитъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Она всё мелетъ вздоръ, къ ней весь пропалъ кредитъ.
Что далѣе? —

ДИКСМАНЪ.

Еще я слышалъ, будто смѣты
Великой стоили негодные паштеты;
Что будто Мовель вашъ на сальцѣ ихъ каталъ,
И вмѣсто куличковъ, мышиной хвостъ торчалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ты вздоръ несешь. — Я самъ до пироговъ охотникъ;

А масло ставитъ къ вамъ и нынѣ мой же сночи-
нинъ:
Приспѣшниковъ такихъ, какіе у меня,
Со свѣчкой поискать.

ДИКСМАНЪ.

Вамъ очень вѣрю я;
Но рта всѣмъ не зажмешь. — О винахъ всѣ
толкуютъ,
И вспомня прежній клюбъ, до-сихъ-поръ него-
дуютъ,
Что въ нихъ всегда была смѣсь, порча, кислота;
Что даже по чинамъ проведена черта;
И слуги были такъ наметаны нахалы,
Когда вокругъ стола пойдутъ ходить бокалы,
Для первыхъ пяти классъ шампанское нальютъ,
А прочимъ лишь воды смородинной даютъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Трещетка, замолчи! — Всѣ вина были славны;
Выписывалъ ихъ самъ, ручаюсь, что исправны;
А если по чинамъ не всѣмъ былъ равенъ пай,
Такъ что тутъ за бѣда? — Чинъ чина почитай.
Ты, знать, равенства, братъ, нанюхался въ Парижѣ;
Тамъ всякой самъ себя не чтетъ другого ниже;
А здѣсь, у насъ, еще ведется въ людяхъ страхъ,
Поѣзди, посмотри: во всѣхъ ты городахъ
Увидишь, что не всѣмъ шампанское подносятъ,
Иные и медку съ поклонцами попросятъ.

ДИКСМАНЪ.

Прекрасный аргументъ! — Когда маперъ такой,

Такъ, стало-быть, у васъ чиновникъ небольшой
Могъ нюхать осетра, а ѣсть подъ хрѣномъ свинью?

ДУРЫЛОМЪ.

Напрасно, извини; — я самъ крошилъ ботвинью;
И этого никто не скажетъ про меня,
Чтобъ ею обнести кого дозволилъ я.

ДИКСМАНЪ.

Что хуже-то всего, — простите дерзновенье,
Вы знаете мое къ вамъ личное почтенье, —
Весь городъ говоритъ, что будто въ каждый балъ
Всѣ кремы, пироги, вашъ Мовель собиралъ,
Потомъ они къ вамъ въ домъ съ стола переѣзжали,
И тамъ на холодку въ подвалѣ ночевали.
Конечно вамъ обманъ столь гнусный не знакомъ;
Но многіе изъ тѣхъ, которы въѣзжали въ домъ,
Увѣрить и меня по совѣсти хотѣли,
Что гости ваши сплошь не безъ догадки ѣли
Тѣ жъ кушанья у васъ на завтра клобна дня,
Которыя сняты съ редутнаго огня.

ДУРЫЛОМЪ.

Не городъ, нѣтъ, не онъ, столь скаредно злословитъ;
Одинъ лишь твой языкъ повсюду пустошь ловитъ:
Но дерзости такой снести я не могу.

ДИКСМАНЪ.

Что всѣ такъ говорятъ, по чести я не лгу.

ДУРЫЛОМЪ.

Съ двора долой, Диксманъ, въ немъ вѣкъ не попадайся.

ДИКСМАНЪ.

Помаду какъ?

ДУРЫЛОМЪ.

И съ ней ты къ чорту убирайся!

ЯВЛЕНІЕ III.

ДУРЫЛОМЪ (*Одинъ.*)

Возможно ли снести такого мнѣ туза?
Столь дерзко обругать придти меня въ глаза!
Онъ счастливъ только тѣмъ, и отъ того я плачу,
Что въ клобѣ ничего уже совсѣмъ не значу.
Но кто жъ таковъ Диксманъ? — Въ толпѣ простолюдинъ,
А я родился, былъ у буду дворянинъ;
Задонскіе крестьяне, гдѣ вѣрное имѣнье,
Присягой подтвердятъ мое происхожденье:
Лишь только покажусь — по славѣ буду я!
Здѣсь кинули — а тамъ всѣ выберутъ меня.
Одно ли только здѣсь Дворянское Собранье?
Нѣтъ, нѣтъ, Диксманъ, твое отмстится поруганье!
Хоть въ городѣ и съ годъ шатаюся какъ стѣнь,
Но скоро, можетъ быть, придетъ твой черный день.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПАВЛИНА, СУСАННА и ДУРЫЛОМЪ.

ПАВЛИНА.

Bon jour papa.

ДУРЫЛОМЪ.

Я къ вамъ ужъ заходилъ; вы спали.

СУСАННА.

Проснувшися, сейчасъ сюда мы побѣжали.

ДУРЫЛОМЪ.

Поздненько! — У прыгушь зачѣмъ перенимать
Ложиться по утру, а къ вечеру вставать?

СУСАННА (*Павлинѣ.*)

Поди, просись!

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ.*)

Je crains, онъ встрѣтилъ не умильно.

СУСАННА.

Конечно, что-нибудь встревожило васъ сильно?

ДУРЫЛОМЪ.

Пустое, — ничего; мнѣ такъ не по себѣ.

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ.*)

Mauvais moment, ma soeur.

СУСАННА (*Павлинѣ.*)

Пророчила тебѣ.

ПАВЛИНА.

Я слышала, въ редутъ курьеръ привезъ помаду;
Какъ ради мы съ сестрой!

ДУРЫЛОМЪ.

И не желалъ быть не радъ.
Диксманъ мнѣ сей же часъ такъ славно нагрубилъ
Что я его съ двора по шеѣ проводилъ.

СУСАННА (*Павлинѣ*).

Прости твой балъ, ma soeur.

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ*).

Какой gaignon ужасный!

ДУРЫЛОМЪ.

Что скажете еще?

СУСАННА.

Сегодня день прекрасный!

ДУРЫЛОМЪ.

Да только не для васъ — на балѣ не бывать.
За стыдъ сочту туда дѣтей своихъ пускать,
Гдѣ Диксманъ эконома забавы учреждаетъ
И русское чрезъ то дворянство унижаетъ,
Тамъ дочери мои не будутъ никогда.
Честь — первый мой законъ, я вамъ твердилъ
всегда.

ПАВЛИНА.

Позвольте ли намъ хоть съѣздить отобѣдать
Къ Сусекиной?

ДУРЫЛОМЪ.

Зачѣмъ?

ПАВЛИНА.

Чтобъ новости развѣдать!

ДУРЫЛОМЪ.

Некстати, — пустяки. Вдова стара, бѣдна,
Какой у ней пріемъ? — Всегда живетъ одна,

А [illegible]ся всегда, какъ осмотрюсь, — [illegible]ы!
Гдѣ сплетня? — У меня. — Кто въ сплетнѣ? —
Я, да вы.

СУСАННА.

Мы слышимъ только то, что дѣвки намъ бол-
таютъ,
Когда онѣ меня съ сестрами одѣваютъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Какого жъ перенять съ холопами добра?
Подите; — мнѣ принять Печалкина пора.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДУРЫЛОМЪ и ПЕЧАЛКИНЪ.

ДУРЫЛОМЪ.

А! здравствуйте. — Что вы?

ПЕЧАЛКИНЪ.

Я матушки лишился
Сегодня поутру, — я зная васъ, рѣшился
Пріѣхать попросить, чтобъ въ горести такой
На счетъ обрядовъ намъ совѣтъ вы дали свой.
И смѣю ль все сказать, коль будетъ вамъ воз-
можно,
Взять милостивый трудъ устроить все какъ
должно?

ДУРЫЛОМЪ.

Всѣмъ сердцемъ жаль мнѣ васъ. — Съ покой-
ной я знакомъ.

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, я [illegible]
въ домъ.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Такъ, слышалъ я, сударь, отъ всѣхъ моихъ
домашнихъ,
Что были вы одни въ числѣ друзей всегдашнихъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Не думайте, чтобъ я похвастаться хотѣлъ;
Но нынѣ у меня своихъ такъ много дѣлъ,
Что, право, ни одной минуты нѣтъ свободной.
Вы знаете, что я, по склонности природной,
Не только что друзьямъ, чужимъ готовъ служить:
Мнѣ все равно, крестить, вѣнчать, иль хоронить,
Лишь только бы я могъ на что-нибудь быть го-
денъ.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Кто думаетъ какъ вы, тотъ, право, благород-
денъ; —
Мнѣ совѣстно въ глаза вамъ это говорить,
(*Въ сторону*)
Но вы у насъ фениксъ!.. пришлось болвану
льстить.

ДУРЫЛОМЪ.

(*Въ сторону*) (*Вслухъ*)
Прекрасный молодецъ! — Чѣмъ матушка скон-
чалась?
Позвольте мнѣ спросить; не такъ стара казалась.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Три доктора ее лечили цѣлый годъ:
Одинъ предполагалъ въ груди скопленье водъ,

Другой изъ нихъ утверждалъ чахотку несомнѣнно.
А третій параличъ, и всѣ попеременно
Прописывая ей рецепты безъ конца,
Отправили въ чертогъ Небеснаго Отца.

ДУРЫЛОМЪ.

Злодѣи! — Да чему быть доброму, скажите?
Взгляните вы на все; — редутъ лишь покажите,
То видно...

ПЕЧАЛКИНЪ.

Точно такъ; но слышенъ общій гласъ,
Что будете вы вновь директоромъ у насъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Я, право, не ищу.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Позвольте же мнѣ снова
Напомнить о себѣ.

ДУРЫЛОМЪ.

Не смѣю дать вамъ слова;
Пороюсь, посмотрю. Есть книга у меня,
Въ которой дачи всѣ записывалъ самъ я;
Изволите ли знать, я очень занимался,
И въ церемоніяхъ весь вѣкъ свой обращался.
Вѣдь можно иногда бездѣлкою, ничѣмъ,
Пустить такую пыль и диво сдѣлать всѣмъ,
Что всякой скажетъ: — Ахъ!

ПЕЧАЛКИНЪ.

Кто такъ, какъ вы, имѣетъ
Способность скрасить все.....

ДУРЫЛОМЪ.

И всякій разумѣетъ,
Что надо мертвеца скорѣе схоронить;
Да сила-то не въ томъ, а надо смастерить,
Чтобъ это было все великолѣпно, славно,
Все къ мѣсту, все на статъ, и пышно и исправно.
Я многихъ уже здѣсь, признаться, старожилъ
Отъ скуки лишь одной въ кладбище проводилъ.
Повѣрите ль! при мнѣ не плачутъ и не рвутся;
Лишь только покажусь — всѣ въ запуски смѣются.

ПЕЧАЛКИНЪ.

Вотъ въ томъ-то и секретъ. — Итакъ въ по-
слѣдній разъ
Позвольте убѣдить.

ДУРЫЛОМЪ.

Все сдѣлаю для васъ;
Сынъ друга моего на то имѣетъ право.
Полезнымъ въ свѣтѣ быть мой долгъ, и честь
и слава!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДУРЫЛОМЪ (*Одинъ.*)

Кто что ни говори, а правда въ свѣтѣ есть:
Безчестному — все стыдъ, а честному — все честь.
Какъ въ городѣ меня ни жмутъ и ни поносятъ,
А чуть гдѣ нуженъ блескъ — меня туда и про-
сятъ.

(*Здѣсь входитъ Лестинкинъ.*)

Французскихъ, русскихъ книгъ съ ребячества
начитанъ;
За вѣжливость одну покойный мой отецъ,
Желая, чтобы я во всемъ былъ молодецъ,
Пять тысячъ въ годъ платилъ Французу Monsieur
Пейги.
Танцмейстеръ удалой. . .

ЛЕСТИГОНЪ (*хохочетъ*.)

Ну, плакали, братъ, деньги.
По крайней мѣрѣ всѣмъ ты этого не ври.

ДУРЫЛОМЪ.

Еще тебя прошу, учтивѣй говори,
А то. . .

ЛЕСТИГОНЪ.

Не горячись. . . меня унять не трудно;
Тѣмъ меньше ль поступать ты будешь безразсудно,
Когда я замолчу? — И если бъ не любилъ,
Столь черствыхъ истинъ я тебѣ не говорилъ.
По совѣсти скажи: въ чемъ жизнь препровож-
даешь?
Дрожишь надъ сундукомъ и деньги въ немъ счи-
таешь;
Въ гостяхъ ты трусъ, — но здѣсь самодержавна
власть.
Разумный разговоръ ты сносишь какъ напасть;
А самъ заговоришь — такъ всѣхъ пройметъ зѣ-
вота.
Присмѣшная твоя любимая забота:
Наѣшься, ляжешь спать; проснешся съизнова,
Душа всегда въ потмахъ, — въ угарѣ голова,

А сердце для одной проформы только бьется,
И то какъ параксизмъ редутный навернется.

ДУРЫЛОМЪ.

Не знаю, кто изъ насъ теперь изъ двухъ умнѣй;
По крайней мѣрѣ я Сократъ тебя скромнѣй.
Не такъ ли и въ судахъ у васъ дѣла рѣшатся:
Кто шибче всѣхъ кричитъ — тому вольно по-
драться.

ЛЕСТИГОНЪ.

До драки далеко; но, право, мочи нѣтъ
Мнѣ слышать, что вездѣ ты пасквиля предметъ.
Сочти-ка, сколь давно спознались мы съ тобою,
Бранилъ ли я тебя, когда ты жилъ съ женою?
Хотя она ума не рѣдкаго была,
Однако жъ на ногѣ пристойной домъ вела.

ДУРЫЛОМЪ,

Да, каюсь и теперь, что поступалъ не строго;
За то и прожилъ я чрезвычайно много.

ЛЕСТИГОНЪ.

А съ той поры, какъ ты, несчастный, овдовѣлъ,
Въ тебя вселилась блажь — ты будто одурѣлъ:
Внутри семейства шумъ, нелѣпица, раздоры,
А въ городѣ вездѣ почти со всѣми ссоры.

ДУРЫЛОМЪ.

Я такъ хочу. — Уймись, — тебѣ ль меня учить?
Годъ цѣлый все мораль изволишь мнѣ точить.
Но знай, что ни кому собой не дамъ я править;
Итакъ, нельзя ли насъ въ покоѣ всѣхъ оставить?

Французскихъ, русскихъ книгъ съ ребячества
начитанъ;
За вѣжливость одну покойный мой отецъ,
Желая, чтобы я во всемъ былъ молодецъ,
Пять тысячъ въ годъ платилъ Французу Монсіеръ
Пенги.
Танцмейстеръ удалой, —

лестигонъ (*хохочетъ.*)

Ну, плакали, братъ, деньги.
По крайней мѣрѣ всѣмъ ты этого не ври.

дурьломъ.

Еще тебя прошу, учтивѣй говори,
А то...

лестигонъ.

Не горячись... меня унять не трудно;
Тѣмъ меньше ль поступать ты будешь безразсудно,
Когда я замолчу? — И если бъ не любилъ,
Столь черствыхъ истинъ я тебѣ не говорилъ.
По совѣсти скажи: въ чемъ жизнь препровож-
даешь?
Дрожишь надъ сундукомъ и деньги въ немъ счи-
таешь;
Въ гостяхъ ты трусъ, — но здѣсь самодержавна
власть.
Разумный разговоръ ты сносишь какъ напасть;
А самъ заговоришь — такъ всѣхъ пройметъ зѣ-
вота.
Присяжная твоя любимая забота:
Наѣшься, ляжешь спать; проснешся съ хмелева,
Душа всегда въ потмахъ, — въ угарѣ голова.

А сердце для одной проформы только бьется,
И то какъ параксизмъ редутный навернется.

ДУРЫЛОМЪ.

Не знаю, кто изъ насъ теперь изъ двухъ умнѣй;
По крайней мѣрѣ я стократъ тебя скромнѣй.
Не такъ ли и въ судахъ у насъ дѣла рѣшатся:
Кто шибче всѣхъ кричитъ — тому вольно подраться.

ЛЕСТИГОНЪ.

До драки далеко; но, право, мочи нѣтъ
Мнѣ слышать, что вездѣ ты пасквиля предметъ.
Сочти-ка, сколь давно спознались мы съ тобою,
Бранилъ ли я тебя, когда ты жилъ съ женою?
Хотя она ума не рѣдкаго была,
Однако жъ на ногѣ пристойной домъ вела.

ДУРЫЛОМЪ.

Да, каюсь и теперь, что поступалъ не строго;
За то и прожилъ я чрезвычайно много.

ЛЕСТИГОНЪ.

А съ той поры, какъ ты, несчастный, овдовѣлъ,
Въ тебя вселилась блажь — ты будто одурѣлъ;
Внутри семейства шумъ, нелѣпица, раздоры,
А въ городѣ вездѣ почти со всѣми ссоры.

ДУРЫЛОМЪ.

Я такъ хочу. — Уймись, — тебѣ ль меня учить?
Годъ цѣлый все мораль изволишь мнѣ точить.
Но знай, что ни кому собой не дамъ я править;
Итакъ, нельзя ли насъ въ покоѣ всѣхъ оставить?

ЛЕСТИГОНЪ.

Нельзя. — Я не могу дѣтей забыть твоихъ,
И мнѣ ли запретишь участіе брать въ нихъ.
Ты помнишь, какъ твоя супруга умирала,
Подъ клятвою мнѣ ихъ судьбу препоручала;
То зная, что ты, оставшися вдовцомъ,
Поплачешь день, другой, и полно; — а потомъ,
Когда [illegible]резамъ срокъ ужъ будетъ на отходѣ,
Ты пустишься опять дурачиться въ свободѣ.
Покойница тебя проникла.

ДУРЫЛОМЪ.

Знаю, братъ,
Къ чему ты клонишь рѣчь; да только не впопадъ.
Я вѣдаю давно, что сватать вы стакались
За Радина мою Сусанну.

ЛЕСТИГОНЪ.

Догадались;
Худого тутъ и нѣтъ. — Сусанна въ тѣхъ лѣтахъ,
Что можетъ безъ грѣха смышлять о женихахъ.
Вѣдь принца вамъ на ней жениться не заставить;
Кому же, какъ не ей сей выборъ предоставить?
А Радинъ хоть куда. — Дѣтина молодой,
Природный дворянинъ, пригоженькой собой,
Чинъ есть, достатокъ то жъ, — его Сусанна любитъ...

ДУРЫЛОМЪ.

Коль выйдетъ за него, она себя погубитъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

По [illegible] какъ; одинъ [illegible] напалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ни слова мнѣ о томъ.

СЛУГА (*входитъ*).

Пріѣзжій генералъ
Спроситъ у васъ велѣлъ, когда съѣзжаться кушать
Назначенъ часъ въ редутъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Меня?

ЛЕСТИГОНЪ.

Прошу прислушать.

ДУРЫЛОМЪ.

Да что я за швейцаръ? — Вотъ нынче какъ
живутъ!
Невѣжливый вопросъ учтивостью зовутъ;
Да что и говорить . . . — Поди, скажи холопу,
Что я не подряженъ часы свѣрять для клобу.

ЛЕСТИГОНЪ.

Вотъ какъ благодари ты самъ себя за то,
Ославился вездѣ, и на-смѣхъ всякой, кто
Сквозь городъ пролетя здѣсь тройку перемѣнитъ,
Узнаетъ про тебя, и чѣмъ-нибудь задѣнитъ.
Прощай!

ДУРЫЛОМЪ.

Провалъ возьми тебя и весь редутъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Съ привѣтствіемъ такимъ меня давно тамъ ждутъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДУРЫЛОМЪ (*одинъ.*)

Лукавый человѣкъ! другъ міра, двуязычный!
Злословить спросту всѣхъ твой промыселъ обычный!
Поди и веселись, — тамъ пиръ готовъ чужой;
Здѣсь каши лишь горшокъ — но мой, и я большой!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Большая гостиная въ убранствѣ.

СУСЕКИНА, СУСАННА, ПАВЛИНА.

СУСЕКИНА (*при входѣ въ двери.*)

Не правда, милый другъ, тебя я увѣряю;
Сегодня балу нѣтъ, я это точно знаю,
А только лишь обѣдъ и выборъ старшинамъ.

ПАВЛИНА.

Не будетъ ли рара?

СУСАННА.

Какая жъ прибыль намъ?

ПАВЛИНА.

А ma ma soeur что мы хоть разъ въ недѣлю будемъ
Людей видать! Ей-ей мы скоро позабудемъ,
Что есть забавы, шумъ, bon ton, отборный свѣтъ;
Такъ жить, какъ мы живемъ, — вѣдь ссылка въ
двадцать лѣтъ.
Кто съ нами поутру? — Лишь мамушки, да няни;
Отъ нихъ мы ничего не слышимъ кромѣ дряни!

Придемъ сюда торчать, — здѣсь молвить слово
съ кѣмъ?
И вся день за день жизнь вершится наша тѣмъ,
Что дѣвки насъ къ полднямъ какъ куколокъ одѣ-
нутъ,
И, спать ложась опять, тѣ жъ дѣвки насъ раздѣ-
нутъ.
Сусекина! скажи, не правду ль говорю?

СУСЕКИНА.

Согласна, точно такъ и я на все смотрю.
И ссорюсь и мирюсь, а пользы нѣтъ на грошъ.
Что жъ дѣлать? — Вашъ отецъ упрямъ и свое-
воленъ;
Всѣ люди не по немъ, всѣмъ въ свѣтѣ недово-
ленъ.
Ужъ я ли не ищу, чтобъ былъ со мной хорошъ.
Мнѣ кажется, что онъ, будь сказано межъ нами,
Такъ худо поступать примѣтно началъ съ вами
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ редутъ не выбранъ
старшиной.

СУСАННА.

Ты права! — Ахъ! какъ жаль, что можетъ онъ
мечтой
Столь низкой для него всечасно заниматься
И всячески попасть въ директоры стараться! —
О слабости такой намъ можно сожалѣть;
Но онъ все нашъ отецъ — нашъ долгъ, да всенъ
терпѣть.

СУСЕКИНА.

Преблагородная, достойная дѣвица!

ПАВЛИНА.

Я знаю, отчего, любезная сестрица,
Ты разсуждаешь такъ красиво и умно.

СУСАННА.

Нѣтъ! съ правиломъ такимъ знакома я давно.
Не будучи, мой другъ, изнѣженнаго нрава,
Помѣнее тебя пригожа и вертлява;
Съ тѣхъ поръ, какъ начала при матушкѣ расти,
Училась у нея я многое снести.

СУСЕКИНА.

Да, подлинно сказать не согрѣшивши можно:
Покойница вела себя преосторожно;
За то у васъ былъ домъ совсѣмъ тогда иной,—
Живали вы съ людьми, пріѣздъ къ вамъ былъ
большой;
А нынѣ старики лишь только, да старухи
Изъ денегъ вкругъ отца жужжатъ какъ лѣтомъ
мухи;
А батюшка рубля безъ выгоды не дастъ:
Все купитъ ни за что, и дорого продастъ

СУСАННА.

Я, право, не пойму, что пользы суетиться,
И въ кучѣ праздныхъ лицъ всю жизнь свою кру-
житься?

СУСЕКИНА.

Нѣтъ, мать моя, со мной ты милость сотвори!
Конечно, ты умна, но дѣло говори.
Съ Павлиной въ этомъ я отмѣнно какъ похожа:
Ей публика мила, и мнѣ до смерти то же.

Что радости сидѣть въ углу своемъ одной,
Или читать романъ, иль слѣпнуть за канвой?
Я знаю, что меня записываютъ въ дуры
Изъ зависти, что мнѣ мужчины строятъ куры;
Но, право, клеветы столь низкой не боюсь:
Хоть дура — да мила, дурна — да веселюсь!
И нечего при васъ грѣха таить, — покаюсь:
Когда на званый балъ я выѣхать сбираюсь,
Весь день тотъ занята уборкою своей;
Всѣхъ дѣвокъ прибраню, всѣхъ съ ногъ собью людей;
Кто бѣгаетъ искать помады мнѣ душистой,
Кто розановъ нарветъ, кто плететъ левкой пушистой.
Пускай кричатъ, что я стара, — по вечеру,
Со всѣхъ, кто знаетъ вкусъ, я дань любви беру.

СУСАННА.

Да кто же изъ людей порядочныхъ на свѣтѣ
Старухой васъ зоветъ?

СУСКВИНА.

Есть люди на примѣтѣ,
Которые, меня желая уронить,
Изволятъ язычки на мой сюжетъ острить.

ПАВЛИНА.

А сколько же вамъ лѣтъ?

СУСКВИНА (*въ сторону*).

(*Вслухъ.*) Ахъ! какъ бы не проврáться!
Объ этомъ вамъ къ чему теперь распростра-
няться?

ПАВЛИНА.

Однако жъ. . . —

СУСАННА.

Taisez-vous пожалуйста, ma soeur.

СУСЕКИНА.

Некстати ты востра, Павлинушка, mon coeur.

СУСАННА.

Что нужды намъ до лѣтъ; — въ годахъ ли наше
счастье?
Частехонько дитя ужъ чувствуетъ ненастье,
Тогда какъ и старикъ съ бѣдою незнакомъ!

СУСЕКИНА.

Таковъ-то вашъ отецъ, надменный Дурыломъ.

СУСАННА.

Блаженство всякъ изъ насъ на свой аршинъ
здѣсь мѣритъ:
Иной, въ толпѣ людей за нимъ гонялсь, вѣритъ
Что дать его одна лишь можетъ суета,
Иль временная честь, богатство, красота; —
Какъ мало, признаюсь, такое обольщенье
Способно волновать мое воображенье!
Видала я не разъ, коль опыты не лгутъ,
Сквозь золото какъ слезъ источники текутъ!
И чуть не отъ того ль весь міръ нерѣдко сто-
нетъ,
Что бабочки никто любимой не догонетъ.

ПАВЛИНА.

Насилу мы дошли до бабочки. — А! а!
Я тутъ тебя, ma soeur, давно жду.

СУСЕКИНА.

Какова? —
Секретецъ, видно, есть, любезная Сусанна?
А мнѣ и не въ догадъ; — живу я окаянна
Полвѣка...

ПАВЛИНА.

Такъ ужъ вамъ пошло за пятьдесятъ?

СУСЕКИНА (*въ сторону.*)

Ахти, какъ я глупа!

ПАВЛИНА (*Сусаннѣ*).

Ура! — Вамъ шахъ! — (*Сусекиной*) вамъ матъ!...
Прекрасно я васъ вдругъ обѣихъ подловила:
Тутъ бабочку поймавъ, — здѣсь крысу подцѣпила.

СУСЕКИНА.

Некстати ты, мой другъ, оскалила зубки;
Не стоишь моего мизинца у руки,
Повѣрь мнѣ — еслибъ я унизиться хотѣла,
Насмѣшку возвратить съ процентами бъ умѣла;
Но дѣвку-сироту безчестно обижать!
А то бы я вездѣ готова разсказать,
Что ты на всѣхъ мужчинъ глаза въ окошки пялишь,
Не смыслишь ничего,— лишь только тѣло рядишь;
Что ты проста, дерзка, нагла...

ПАВЛИНА (*смѣючись*).

Да не стара.

СУСАННА.

Павлина, перестань! Куда какъ ты скора!
(*Суслиной*) Ужъ ли ты на дитя и вправду раз-
сердилась?

СУСЛИНА.

Хорошее дитя! — Нѣтъ, матка — оперилась.
Живите, коль умны, какъ знаете, одни:
Припишете и за мной — придутъ и черные дни.
Я пропасть насказать вамъ новостей хотѣла,
Затѣмъ звала къ себѣ, сама къ вамъ прилетѣла!
Но съ нею, вижу я, и во вѣки вѣковъ
Не сладитъ ни отецъ, — ни ты, — ни философъ!
Съ обычаемъ твоимъ никто не уживется,
И всякій мужъ тотчасъ какъ цить дастъ разве-
дется.
Прощайте. — Ничего вамъ больше не скажу;
А что не крыса я, то ясно докажу.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

СУСАННА и ПАВЛИНА.

СУСАННА.

Довольна ли, ma soeur? — Надѣлала ты дѣла!

ПАВЛИНА.

Да, я радёшенька; — она мнѣ надоѣла.

СУСАННА.

Вѣдь это не резонъ! — Твердишь ты все про свѣтъ,
А жить въ немъ у тебя умѣнья вовсе нѣтъ.
Отборный свѣтъ того невѣжей почитаетъ,
Кто всякому, какъ ты, всю правду отпускаетъ.

ПАВЛИНА.

Напротивъ, никогда не должно лгать; — кто лжетъ,
Въ отборномъ свѣтѣ тотъ обманщикомъ слыветъ.

СУСАННА.

Изъ крайности зачѣмъ въ другую намъ кидаться;
Тебя не учатъ лгать, — велятъ остерегаться,
И людямъ пожилымъ съ почтеньемъ уступить.

ПАВЛИНА.

Да что жъ тутъ за бѣда, прошу мнѣ изъяснить,
Что я сказала ей.....

СУСАННА.

Чего совсѣмъ не должно;
Годами уличать старухъ неосторожно:
Ты новаго лишь тѣмъ накликала врага,
Богъ знаетъ изъ чего! — Молва всегда строга. —
Сусекина тебя начнетъ вездѣ злословить.

ПАВЛИНА.

Тѣмъ хуже для нее.

СУСАННА.

Какъ любишь преувеличивать!

Ужъ ли тебя я такъ не проняла тоска
Предметомъ сплетенъ быть?

ПАВЛИНА.

От нихъ я далека;
Что хочешь говори. — Нельзя же согласиться,
Что ей пятнадцать лѣтъ.

СУСАННА.

Хоть пять. — За что сердиться?

ПАВЛИНА.

Безъ смѣха не могу я вспомнить и теперь,
Какъ хвастала она.

СУСАННА.

Попробуй же, увѣрь,
Что хуже всѣхъ она одѣта въ клобной залѣ.

ПАВЛИНА.

А! — помнишь, какъ зимой прошедшею на балѣ
Явилась она вдругъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ.
Подъ желтымъ парижкомъ сверхъ бѣлыхъ воло-
совъ
Чего не прибрала! — Стекло, томпакъ, шумиха,
И съ ногъ до головы нарядная шутиха;
На личикѣ, чтобъ скрыть обиду многихъ лѣтъ,
Квасцы ей дали лоскъ, кирпичекъ — яркій цвѣтъ.
Сквозь всѣ ряды мужчинъ какъ пава выступала,
Головкою трясла и вѣеромъ махала;
Пострѣлъ ее взманилъ какой-то танцовать,
И польской впереди изволила начать. —
Тамъ всѣ ее на смѣхъ мужчины подымали,
До обморока стѣнь несчастную таскали; —

ДУРЫЛОМЪ.

Тебѣ какъ это знать?

СУСАННА.

Сусекина вездѣ объ этомъ разглашаетъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Такъ, видно, Диксманъ плутъ одинъ лишь вздоръ
болтаетъ.
Я той же вѣры самъ. — Какъ можетъ онъ, на-
халъ,
Нарушить тотъ уставъ, который подписалъ!
Со всѣмъ редутомъ я! — Нѣтъ, это быть не
не можетъ;
Гдѣ денегъ ему взять и кто ему поможетъ.
Не сказывала ль вамъ Сусекина чего
О выборѣ старшинъ? — Какъ мѣтятъ, на кого?

СУСАННА.

Объ этомъ намъ она ни слова не сказала.

ДУРЫЛОМЪ.

Диковинка! я чай вездѣ перебывала.
Чудесная мадамъ! — Едва ль ея доходъ
Исправить можетъ весь домашній обиходъ,
Но всякій день на ней тюрбаны, да капоты,
На всѣхъ пирахъ корпитъ, всѣ знаетъ анекдоты;
А модой до того она заражена,
Что даже собственны французитъ имена,
И съ дѣтками когда въ собранье выѣзжаетъ,
Мирошу то и знай Мондоромъ называетъ.

ПАВЛИНА.

Миронъ! — Ah! quelle horreur! — Какъ дамѣ du bon ton
Такъ подло называть un fils joli garçon.

ДУРЫЛОМЪ.

Того гляди, ей-ей, сударки наши русски
Во вкусъ введутъ давать молитву по-французски!
Пора и мнѣ съ двора; такая тма заботъ,
На цѣлый день суетъ сегодня полонъ ротъ.
Да врядъ еще ли я во всѣ мѣста успѣю:
Къ кандитеру,—въ ряды,—а тамъ къ архіерею!

СУСАННА.

Конечно, онъ васъ звалъ?

ПАВЛИНА.

Не умеръ ли кто?

ДУРЫЛОМЪ.

Да!
Вы знаете, что я готовъ помочь всегда,
И въ радостяхъ беру и въ горестяхъ участье.
Сегодня пріѣзжалъ сказать свое несчастье
Печалкинъ: у него вчера скончалась мать.

СУСАННА.

Ахъ, бѣдная! какъ жаль! — Сиротъ, я чаю, пять?

ДУРЫЛОМЪ.

Все правда; какъ же быть. Сиротъ самъ Богъ устроитъ;

Живымъ пошлетъ Онъ хлѣбъ, а мертвыхъ упо-
коитъ.
Но мнѣ не до того; онъ проситъ схоронить.
И такъ, чтобъ весь обрядъ получше сохранить,
Достаточекъ-то малъ, а взяться не умѣетъ;
Увидя, что меня просить о томъ не смѣетъ,
Самъ вызвался, сказалъ: «Изволь, любезный другъ,
Ты деньги приготовь, и жди моихъ услугъ.»

ПАВЛИНА.

На что же вамъ, papa, кандиторскія лавки?

ДУРЫЛЮКЪ.

Ты слушай, да молчи, — твоей не просятъ
справки.
Я знаю самъ, дружокъ, что гдѣ чему на стать:
Чего другого нѣтъ, — ума-то не занять.
Не все могилы рыть, захочешь посмѣяться.
Знакомый вздумалъ мой подъячій обвѣнчаться;
Богатъ онъ не богатъ, но входитъ съ кѣмъ-то
въ связь,
Не хочется себя лицомъ ударить въ грязь,
А свадьбу онъ сыграть намѣренъ попышнѣе,
И сунулся ко мнѣ, затѣмъ, что смышленѣе
На этаки дѣла не сыщется никто.
Реестръ всему готовъ. — Да не забылъ ли что?
Дай разъ еще взгляну. (*Читаетъ бумагу въ [illegible].*)

СУСАННА.

Ахъ! батюшка, скажите,
Зачѣмъ вы такъ себя напрасно тревожите?

ДУРЫЛОМЪ (*Сусаннѣ*.)

Вотъ выскочила вдругъ toujours твердить, du вздоръ!
Выкалывать иоди на пяльцахъ свой узоръ,
А мнѣ не смѣй отнюдь указывать, Сусанна;
Я знаю самъ мораль. — Некстати ты жеманна.
Долгъ всякаго изъ насъ, чѣмъ смыслитъ, услужить;
Не всѣмъ дано судьбой сорокоумнымъ быть.

ПАВЛИНА.

Изъ крайности зачѣмъ въ другую намъ кидаться;
Не лгать вѣдь намъ велятъ, — велятъ остерегаться.

ДУРЫЛОМЪ,

Я ѣду. — Если кто пожалуетъ сюда,
Сусанна, ты прими; — гостямъ я радъ всегда.
Павлина! ты со мной. — Заѣдемъ мы къ Никашкиь;
Я слышалъ, получилъ онъ свѣжія фисташки;
Накупимъ, и велимъ изъ нихъ намъ сдѣлать кремъ;
Признаться, день не въ день, коль сладко не поѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СУСАННА (*одна*.)

Ушли; — дадимъ просторъ душѣ и размышленью.
Что пользы принести все въ жертву просвѣщенью,
Безъ помощи чужой образовать себя,
Жить въ мірѣ, ничего мірского не любя,

СУСАННА.

Я въ нѣжныхъ чувствахъ сихъ сама не уступлю:
Ты знаешь, какъ тебя я искренно люблю!
Ты знаешь, что одно къ родителю почтенье
До нынѣ длитъ съ тобой мое соединенье;
И вѣрь, что чѣмъ бы свѣтъ мнѣ пышный ни
польстилъ,
Ты болѣе всего въ немъ будешь вѣчно милъ!

РАДИНЪ.

Жестокій твой отецъ всю мысль мою смущаетъ!
Хваля меня въ глаза, заочно презираетъ.
Сегодня былъ у васъ поутру Лестигонъ?

СУСАННА.

Не знаю, можетъ быть; старинный другъ намъ
онъ.

РАДИНЪ.

Я слышалъ отъ него, что-будто въ разговорѣ
О клобѣ, старшинахъ и въ самомъ жаркомъ спорѣ
Коснулась какъ-то рѣчь до моего лица;
Хотѣлъ онъ твоего усовѣстить отца,
Но тотъ вдругъ зашумѣлъ, и такъ...

СУСАННА.

Обыкновенно;
Мы къ этому давно привыкли совершенно.

РАДИНЪ.

А между тѣмъ меня къ себѣ пускаетъ въ домъ,
Цѣлуетъ и бранитъ, все вмѣстѣ Дурыломъ:
Притворства разобрать не смыслю я такова.
Добро бы говорилъ о немъ я что худова.

Или бы иногда въ пріятельскомъ кругу
На счетъ его шутилъ — нѣтъ, истинно не лгу,
Что я, простя его со мной поступки странны,
Въ немъ вѣчно буду чтить родителя Сусанны.

СУСАННА.

Пріятенъ отзывъ мнѣ такой въ устахъ твоихъ;
Старайся быть учтивъ. — Что нужды до дру-
гихъ. —
Повѣрь, что для души чувствительной и нѣжной
Спокойства тишины одинъ залогъ надежной
Есть собственное въ насъ признаніе свое,
Что милое для глазъ — достойно для нее.

РАДИНЪ.

О, вѣрный другъ! будь мой всегда путеводитель!
Ты дней моихъ краса, ты геній мой хранитель!
Давно бывъ обрѣченъ къ несчастію судьбой,
Едва я сталъ дышать, уже былъ сиротой;
И юностью своей господствовать не зная,
Наглядкою одной жить въ свѣтѣ привыкая,
Тебѣ лишь одолженъ развитіемъ ума:
Богатство безъ него бѣднѣе, чѣмъ сума.
Бесѣдою твоей полезной и пріятной
Я такъ былъ увлеченъ, что кинулъ кругъ раз-
вратной,
Гдѣ юноша, ни чьихъ упрековъ не стыдясь,
Съ пороками крѣпитъ неразрушиму связь.
Отъ скользкихъ ты путей меня остерегала;
Жизнь дали Небеса, — ты сердце воспитала:
Оно принадлежитъ единственно тебѣ!
Владыкой ставъ его, будь богъ моей судьбѣ!

Свяжи ее съ своей узломъ любви сердечнымъ;
До гроба будетъ твердъ, за гробомъ будетъ вѣч-
нымъ!

СУСАННА.

Такъ, вѣчнымъ! — Я клянусь не быть женой
ни чьей;
Иль жить и умереть супругою твоей!
Я слышу шумъ, — прости. — Любовь не пре-
ступленье;
Но въ чемъ у насъ вины не сыщетъ подозрѣнье?

РАДИНЪ.

Прости, сердечный другъ! (*Одинъ*). Чѣмъ намъ
смягчить напасть,
Которою грозитъ родительская власть?
Есть способъ... но боюсь... удастся ли — не
знаю.
Фортуна! помоги! — Авось! къ тебѣ взываю!

ЯВЛЕНІЕ VI.

РАДИНЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Ба! Радинъ! — я тебя совсѣмъ не чаялъ здѣсь.
Что дѣлаешь ты тутъ, когда нашъ городъ весь
Со всѣхъ сторонъ теперь въ свое собранье ска-
четъ,
А бѣдный Дурыломъ съ печали чуть не плачетъ.

РАДИНЪ.

Вы видѣли его.

ЛЕСТИГОНЪ.

Сейчасъ меня завезъ
Съ Павлиною сюда; и вѣришь ли, безъ слезъ
Не могъ проѣхать клобъ. — Какая, право, жа-
лость,
Что всякой день его крушитъ такая малость.

РАДИНЪ.

Я дорого бы далъ, чтобъ могъ ему помочь.

ЛЕСТИГОНЪ.

Послушай же меня! — Ты любишь его дочь?

РАДИНЪ.

Люблю ли? — Безъ ума!

ЛЕСТИГОНЪ.

Такъ сдѣлай славно дѣло.
Здѣсь должно поступать проворно, быстро, смѣло.

РАДИНЪ.

Совѣту вашъ нельзя безчестнаго подать:
Итакъ скажите, — все готовъ я предпринять.

ЛЕСТИГОНЪ.

Догадкою кривой ты совѣсти не мучай;
Безчестнаго здѣсь нѣтъ, — смѣшной, но вѣрный
случай.
Ты знаешь ходъ страстей, тебѣ извѣстенъ свѣтъ;
Удачъ и неудачъ ищи ты въ нихъ секретъ.
Несчастный Дурыломъ на клобѣ повредился;
Сегодня годъ, какъ онъ директорства лишился,
И триста-шестьдесятъ пять разъ мнѣ толковалъ,
Какъ этимъ оскорбленъ, всѣмъ уши набрюзжалъ;

Тамъ выборъ ввечеру. — Ты въ лучшіе въѣзжъ домы,
Тебѣ всѣ удальцы редутные знакомы;
Кому перебивать, — барышъ, вѣдь, не великъ;
А въ выборахъ во всѣхъ даетъ побѣду крикъ:
Попробуй какъ-нибудь, нельзя ли ухитриться,
Чтобъ снова старшиной ему въ редутъ явиться.
Не ужъ-то старшина и впрямъ персидскій шахъ!
Пускай съ своей мечтою онъ будетъ въ дуракахъ;
А ежели ему всѣ кинутъ въ пользу балы,
То къ ужину сговоръ, — и полетятъ бокалы:
Увѣренъ въ этомъ такъ, какъ въ томъ, что здѣсь стою
И мысленно уже твое здоровье пью.

РАДИНЪ.

Я самъ-было попалъ на эту мысль и прежде;
Но если обманусь въ толь сладостной надеждѣ,
Коль онъ худой успѣхъ въ вину мнѣ обратитъ,
То, можетъ быть, къ себѣ и ѣздить запретитъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Пустое, — ничего испортить тѣмъ не можешь,
Напрасно лишь себя сомнѣніемъ тревожишь;
Отважься и ступай, — на славу все пойдетъ.
Коль ѣхать, такъ пора, чу! шесть часовъ ужъ бьетъ.
Пусть выберутъ его, — ручаюсь совершенно,
Что будетъ за тобой Сусанна непремѣнно.

РАДИНЪ.

Лечу, мой другъ, лечу свой жребій рисковать.

ЛЕСТИГОНЪ.

Нерѣдко въ жизни мы должны va tout играть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЕСТИГОНЪ *(одинъ.)*

Прекрасный молодецъ! — Хоть въ полѣ и не
воинъ,
Невѣста жениха, женихъ ее достоинъ.
По счастью, что ея душевныя красы
Не соблазняютъ здѣсь гусарскіе усы!
Но гдѣ же нашъ старикъ? — куда запропастился?
А, вотъ никакъ и самъ съ покупками явился.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СУСАННА, ПАВЛИНА, ДУРЫЛОМЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ДУРЫЛОМЪ.

Велите все прибрать, и бархатъ и парчи,
Конфекты снесть въ буфетъ, — попу отдать свѣчи;
Къ портнихѣ занеси тафту и нитки съ шелкомъ,
Да молвить не забудь въ поварнѣ нашей толкомъ,
Чтобъ завтра, слышишь ты? надѣть себѣ на лбу!
На свадьбу припасли миндальную трубу;
Для похоронъ кутью.

ЛЕСТИГОНЪ.

Какая смѣсь прекрасна!
Куда такой припасъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Печалкина несчастна
Скончалась, и ее мы завтра относимъ.

Другой бы наплевалъ; — въ характерѣ моемъ,
Суровости такой Богъ не далъ отъ природы;
О ближнихъ не жалѣть способны лишь уроды.

ЛЕСТИГОНЪ.

Итакъ, чтобъ доказать намъ горести свои,
Для ближнихъ мы должны заказывать кутьи?

ДУРЫЛОМЪ.

Какъ хочешь разумѣй, а я какъ понимаю
Объ этомъ лучше васъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

О, Боже мой! — Я знаю,
Что въ васъ ошибокъ нѣтъ; напротивъ, каждый шагъ
Такъ вѣрно разочтенъ, что тотчасъ и въ оврагъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Сусанна, кто здѣсь былъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

А свадьба чья такая,
Къ которой, слышалъ я, печется дорогая
Миндальная труба?

ДУРЫЛОМЪ.

Что слово, то вопросъ!
Не кажется ли вамъ, что пишете допросъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ?

ПАВЛИНА.

Papa, вѣдь вы забыли
Для крему захватить двѣ палочки ванили.

ДУРЫЛОМЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ такъ; — но будетъ кремъ,
не бось.
Ахъ! память у меня становится хоть брось.

ЛЕСТИГОНЪ.

Павлина! свадьба гдѣ?

ПАВЛИНА.

Не мудрые фасоны;
А папеньку съ утра въ отцы звалъ посаженые
Какой-то копіистъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Никакъ онъ вырылъ кладъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Вѣдь деньги не твои. — Не бить ли ужъ въ на-
батъ?
Сусанна, кто здѣсь былъ? — Что жъ ты не от-
вѣчаешь?
По-русски говорю, — иль ты не понимаешь?

СУСАННА.

Готова я была вамъ, батюшка, сказать,
Что....

ПАВЛИНА.

Папенька, куда жъ прикажете дѣвать?

ДУРЫЛОМЪ.

Павлина, замолчи! — Вы всѣ никакъ рехнулись;
Дай ей договорить.

ЛЕСТИГОНЪ.

Хоть разъ бы улыбнулись;
Сердиться всякой часъ лишь только портитъ кровь
И гонитъ навсегда вонъ изъ дому любовь.

ДУРЫЛОМЪ.

До этого-то я весь вѣкъ свой добиваюсь;
Любовь есть сущій бредъ. Я часто даже каюсь,
Что поводъ дѣтямъ далъ о страсти разумѣть.
Романовъ накупилъ, — теперь куда ихъ дѣть?
Любовь чума въ семьѣ, въ которой дѣвокъ много!

ЛЕСТИГОНЪ.

Любви счастливый путь, и скатертью дорога!

ПАВЛИНА (*сестрѣ.*)

А намъ пришлось сказать: — аминь, и дѣлу край!

ДУРЫЛОМЪ.

Добьюсь ли, кто здѣсь былъ? — (*Павлинѣ*) Молчи и не мѣшай.

СУСАННА.

Давно на языкѣ сказать вамъ безъ обмана,
Что Радинъ заѣзжалъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Къ чему некстати рано?
А! видно, между васъ давно соглашенось;
Однако жъ вамъ меня не провести, небось!
Тебѣ за нимъ не быть, — даю честное слово.

СУСАННА.

Несчастье для меня испытывать не ново;

Но ежели мнѣ быть за нимъ не суждено,
То въ бракъ вступить со мной всѣмъ будетъ
мудрено.

ДУРЫЛОМЪ.

Такой же далъ отвѣтъ, что вижу я, въ романѣ
Какой-нибудь Этмондъ, какой-нибудь Марьянъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

И, вѣрно, тамъ же есть, что какъ отецъ ни лихъ,
А дочь была за тѣмъ, кто суженый женихъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Ты скоро дочерей со мной научишь драться.
Лѣтъ двадцать Лестигонъ какъ началъ съ нами
знаться,
И вѣчно не могу тебя я отучить,
Чтобъ за носъ ты меня не пробовалъ водить.

ЛЕСТИГОНЪ.

Дерзну ли я когда разсудкомъ вашимъ править;
И васъ въ числѣ людей обыкновенныхъ ставить?

ДУРЫЛОМЪ.

О, Небо! — Лестигонъ! — не дай всего сказать

ЛЕСТИГОНЪ.

Трагедію, никакъ, вамъ хочется сыграть.
Исполнить я готовъ боярску вашу волю;
Костюмовъ только нѣтъ, а впрочемъ, знаю ролю.

СУСАННА.

Хоть для ради меня уймися, Лестигонъ,
Для Радина.

ДУРЫЛОМЪ.

Моей рукой погибнетъ онъ!

—

ЛЕСТИГОНЪ.

Піеса началась....

ПАВЛИНА (*отцу*.)

Увы, ma soeur зачахнетъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Пошире станьте всѣ, — здѣсь смертной казнью
пахнетъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Что слышать ты меня привелъ, ужасный рокъ!
Еще ли жребій мой не до-сыта жестокъ?
Подите обѣ прочь, отъ глазъ моихъ сокройтесь!
Коль стѣнъ не стыдно вамъ, такъ Неба вы по-
бойтесь!
На то ли васъ училъ и пѣть и танцовать,
И разнымъ языкамъ, чтобъ замужъ отдавать
За жителей земли совсѣмъ непросвѣщенной,
Гдѣ клобный позабытъ уставъ мой несравненной!
Самъ Радинъ что затварь? Породы темный сынъ,
Ассессоръ безъ заслугъ, безъ знати дворянинъ.
Задонскія мои всѣ волости что̀ скажутъ,
Когда въ моихъ зятьяхъ имъ Радина покажутъ?
Нѣтъ, нѣтъ, зимой въ Москву, — тамъ графы и
князья.

ПАВЛИНА.

Графиней будешь ты... Принцессой буду я!

ЛЕСТИГОНЪ.

Теперь кинжалъ мнѣ въ бокъ за дерзкія измѣны,
И положенье лицъ прекрасное для сцены.

ДУРЫЛОМЪ.

Подите! — не могу я больше видѣть васъ.

(Онѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДУРЫЛОМЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Какъ свѣтъ стоитъ, такихъ не видывалъ проказъ.
Прекрасно съ дочерьми комедію играешь,
Морочишь ихъ съ лица, съизнанки самъ страдаешь,
И думаешь, тебя совсѣмъ здѣсь не поймутъ;
Меня не проведешь: въ умѣ твоемъ редутъ
Всѣ думы помутилъ. Вотъ, не было печали,
Какъ люди говорятъ, да черти накачали.
Спокойся; на ушко скажу пріятну вѣсть:
Сегодня старшины тебѣ воздастся честь.

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону*.)

Уже ли правда то? — О, радость! — восхищенье!
(*Вслухъ*) Пустая лишь молва, которой разглашенье
Я ставлю ни во что. — Въ моихъ уже лѣтахъ
Спокойство находить не кстати въ суетахъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Напрасно для меня схватился ты за маску;
Довольно на лицѣ твоемъ замѣтить краску,
Чтобъ видѣть, что ты весь отъ радости не свой.
Повѣрься мнѣ, съ души притворство все долой.

ДУРЫЛОМЪ.

Такъ, вижу, что нельзя скрываться мнѣ съ тобою:
Ты вѣчно вынешь все, что спрячу за душою.
Но вѣренъ ли сей слухъ? — Какъ свѣдалъ? —
Отъ кого?

ЛЕСТИГОНЪ.

Пустого не скажу, ты знаешь, ничего.
Несется эта вѣсть съ обѣденнаго часа;
Она вѣрнѣй стократъ оракула *Халхаса*.

ДУРЫЛОМЪ.

Но кто такой *Халхасъ?* — Пожалуй безъ затѣй,
Оракулы всѣ прочь, скажи мнѣ поскорѣй,
Какіе вдругъ пути къ директорству открылись?
Враги мои со мной еще не примирились;
Ихъ партія сильна, — примѣръ ужъ былъ та-
ковъ,
И въ ящикъ накладутъ мнѣ черныхъ тму ша-
ровъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Все слажено; — но ты не говори ни слова.
На выборѣ взялся просить того, другого
И мнѣніе людей важнѣйшихъ согласить
На то, чтобъ старшиной тебѣ въ редутѣ быть,
И промаха не дастъ, — слуга твой безпримѣрный
Со всѣми въ клобѣ другъ, ходатай самый вѣрный.

ДУРЫЛОМЪ.

Ну, кто же?

ЛЕСТИГОНЪ.

Отгадай.

ДУРЫЛОМЪ.

Чай Радинъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Онъ и есть.

Каковъ же?

ДУРЫЛОМЪ.

Молодецъ. — Въ немъ видны разумъ, честь;
И истинно такихъ талантовъ превосходныхъ
Ни въ комъ не нахожу у нашихъ благородныхъ.

ЛЕСТИГОНЪ (*въ сторону.*)

Вотъ такъ-то въ жизни сей, любя свои мечты,
Мы всѣ и всякой день ворочаемъ листы.
(*Вслухъ*) Теперь, противъ него смягчивъ свою досаду,
Придумать долженъ ты и дочери награду.

ДУРЫЛОМЪ.

Конечно, точно такъ, — тотчасъ увяжусь съ ней;
А ты спѣши въ редутъ, и хитростью своей
Пронюхай, какъ пойдутъ дѣла мои въ собраньи;
Чего мнѣ ждать, — мои исполнятся ль желаньи:
Пожалуйста узнай, и все мнѣ разскажи,
Что давній мнѣ ты другъ, сегодня докажи.

ЛЕСТИГОНЪ.

Ты Радину, не мнѣ, обязанъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Знаю, знаю;
Скажи, что я его люблю и почитаю;
Что дочь моя, коль я сегодня старшина,
Его.... (*закашлялся.*)

ЛЕСТИГОНЪ.

Ну, что потомъ? —

ДУРЫЛОМЪ.

Жена, сударь, жена!
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛЕСТИГОНЪ *(одинъ.)*

Поѣхать хлопотать! — Я буду радъ сердечно,
Когда свершу свой планъ; — вѣкъ жить нельзя
безпечно.
Задонскій дворянинъ хоть чванится казной,
Но смысломъ не богатъ и сущій нуль душой.
Онъ тѣшитъ дочерей тряпьемъ и всякимъ вздо-
ромъ;
Появится женихъ, — откажетъ всѣмъ соборомъ.
Сусанну подъ вѣнецъ пора, да и пора!
Павлина пригожа, но взбалмошна, скора;
Пусть опытомъ она свою познаетъ должность:
Терпѣнье нашъ урокъ, учитель — осторожность!
Но какъ не хохотать надъ странностью такой,
Что для того, чтобъ быть въ редутѣ старшиной,
Отецъ вѣнчаетъ дочь, и самъ въ своей неволѣ
Изъ бѣдъ двухъ лицъ творитъ счастливѣйшія
доли?
О, мудрость! аксіомъ ты вѣрный изрекла:
Нѣтъ худа безъ добра, и нѣтъ добра безъ зла.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

СУСАННА и ДУРЫЛОМЪ.

ДУРЫЛОМЪ.

Сусанна! я хочу поговорить съ тобою.
Давно пора твоей заняться мнѣ судьбою,
И чувствую, что ты въ такихъ уже лѣтахъ,
Въ которыя кипитъ огонь любви въ сердцахъ.
По совѣсти скажи, — я другъ тебѣ не ложный:
Съ кѣмъ здѣсь находишь ты союзъ себѣ возможный?

СУСАННА.

Сказавъ о томъ вамъ разъ, я видѣла вашъ гнѣвъ;
Что жъ пѣсню повторять на тотъ же все напѣвъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Прости, я иногда бываю очень занятъ,
И то и сё меня со всѣхъ сторонъ тиранятъ:
Тамъ ждутъ моихъ трудовъ торжественны вѣнцы,
Здѣсь просятъ моихъ рукъ печальные мертвецы;

Которыя корысть имѣютъ на примѣтѣ;
Въ нихъ такъ же, какъ моряхъ, приливъ свой и отливъ:
Волна бѣжитъ туда, гдѣ самъ хозяинъ живъ.
При матушкѣ, когда вы праздники давали,
Друзьями были всѣ; теперь, какъ перестали,
Хоть тѣ же люди здѣсь, но ѣздитъ ли къ намъ кто?
Забросятъ карту разъ, и полно, да и то,
Когда денёкъ хорошъ, дороги сухи, гладки;
Не правда ли?

ДУРЫЛОМЪ.

Все вздоръ, сударыня; — нападки!
Совсѣмъ не отъ того я въ городѣ запалъ;
Редутъ меня, редутъ проклятый доканалъ.
Когда бы кто-нибудь въ немъ форсу снова наддалъ,
Увидѣла бы ты, какую пыль я задалъ.

СУСАННА.

О Радинѣ, никакъ, у насъ вѣдь рѣчь зашла?

ДУРЫЛОМЪ.

На этомъ пунктѣ ты совсѣмъ съ ума сошла;
Подумай-ка путемъ; съ тобою въ чемъ онъ ровенъ?
А мнѣ всего тошнѣй, что онъ малочиновенъ.

СУСАННА.

Рѣшась въ деревнѣ жить, на то ль чиновъ желать,
Чтобъ въ рамахъ за стекломъ сосѣдамъ показать

Патенты на стѣнѣ, и хвастаться въ гостиной
Пустыхъ своихъ заслугъ нарядною личиной?

ДУРЫЛОМЪ.

Ты все несешь свое!—Знай, у кого малъ чинъ,
Въ избѣ ли, во дворцѣ, — тотъ жалкій господинъ.

СУСАННА.

Какъ вамъ угодно!—Здѣсь отъ сердца повторяю,
Что въ мірѣ ни чиновъ, ни знати не желаю.
Дни вѣка своего безъ Радина сгублю;
По васъ я никого столь сильно не люблю;
Онъ честенъ, добръ, уменъ, — мнѣ нравится умѣетъ.
За нимъ не много душъ,—но душу самъ имѣетъ,
Которая во всемъ съ моею такъ сходна,
Что, кажется, у насъ у двухъ она одна.

ДУРЫЛОМЪ.

Твой Радинъ мнѣ какъ колъ сталъ въ горлѣ; —
не проглотишь.
Ей! вспомнишь и мои слова, да не воротишь.

СУСАННА.

За тяжкій ставя грѣхъ себѣ прогнѣвать васъ,
Изъ воли вашей я не выступлю ни разъ;
Но долгъ велитъ сказать вамъ,—рано, или поздно,
За нимъ вездѣ мнѣ рай, и адъ — вездѣ съ
нимъ розно.

ЯВЛЕНІЕ II.

СУСАННА, ДУРЫЛОМЪ и ПАВЛИНА.

ПАВЛИНА.

Ахъ, папенька!—я къ вамъ, и съ новостью боль-
шой!
Вѣдь, знаете ли? — Вы въ редутѣ старшиной!

ДУРЫЛОМЪ.

Откуда, не слыхать, дошли такія вѣсти?

ПАВЛИНА.

Такъ точно, я могу увѣрить васъ по чести.
Сусекиной одна дѣвчонка къ намъ зашла;
Она на шемизетъ узорчики брала
У Диксманши, — а та ей какъ-то проболталась,
Что вамъ дѣйствительно въ директоры досталось.

ДУРЫЛОМЪ.

Умѣла бы держать ты это про себя.

ПАВЛИНА.

Да что жъ тутъ за секретъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Молчи, не до тебя!

ПАВЛИНА.

Я думала, papa, вамъ этимъ подслужиться.

ДУРЫЛОМЪ.

Анъ худо разочла! — Зачѣмъ такъ торопиться.
И Диксманша и ты, и дѣвочки всѣ врутъ!
Какъ могутъ онѣ знать, кому шары кладутъ?

Не всякой, вѣдь, молвѣ на свѣтѣ должно вѣрить;
Народъ вездѣ лукавъ, — умѣетъ лицемѣрить.
Нарочно иногда такую пуститъ вѣсть,
Чтобъ послѣ въ дураки ловчѣе было ввесть.

ПАВЛИНА.

Какъ рада буду я, коль это справедливо!

СУСАННА.

Ты сущее дитя!

ДУРЫЛОМЪ (*въ сторону.*)

Какъ жду нетерпѣливо!

ПАВЛИНА.

Я радости, ma soeur, семейной веселюсь.

ДУРЫЛОМЪ.

Вы кровь моя, отъ васъ ни въ чемъ не потаюсь!
Такъ, дѣти! этотъ слухъ въ восторгъ меня приводитъ,
И сердце холоденъ отъ радости все ходитъ!
Редутъ мнѣ здѣшній милъ, — онъ духъ животворитъ,
Директорскій титулъ превыше прочихъ льститъ;
Мнѣ любо, признаюсь, размашистой рукою
Подписывать себя на картахъ старшиною,
Печатать, раздавать, кому хочу, билетъ!
Какія суеты, когда даютъ банкетъ!
То тотъ меня, другой о распорядкѣ проситъ,
Всѣ кланяются, всѣ до неба превозносятъ!
И этого-то я былъ счастія лишенъ!
Хлѣбъ въ душу мнѣ не шелъ, — и день и ночь смущенъ.
Но если не сшутилъ на счетъ мой кто нарочно,
Коль вправду я опять директоромъ.....

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ЛЕСТИГОНЪ.

ЛЕСТИГОНЪ (*перебивая рѣчь.*)

Такъ точно!
Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ!

ДУРЫЛОМЪ,

О, верхъ моихъ утѣхъ!
О, радостнѣйшій день!

ЛЕСТИГОНЪ.

Съ тобою, право, смѣхъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Скажи, любезный другъ, какъ это все стеклося?

ПАВЛИНА.

Вы видите, мое пророчество сбылося.

ЛЕСТИГОНЪ.

Все такъ произошло, какъ давича сказалъ.
Не вовсе безъ хлопотъ, но ихъ я отгадалъ;
И правду, чтобъ сказать тебѣ чистосердечно,
Обязанъ одному ты Радину, конечно.

ПАВЛИНА.

Ma soeur vous entendez? — Да что жъ ты такъ
блѣдна?

СУСАННА.

Некстати пристаешь, — и шутка не смѣшна.

ДУРЫЛОМЪ.

Кто Радину помогъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Любви всемощна сила!
Такія ль чудеса она производила?

СУСАННА (*въ сторону.*)

Достойнѣйшій мой другъ!

ДУРЫЛОМЪ.

Все это общнякъ.
Пожалуй, разскажи въ подробности мнѣ, какъ
Шелъ выборъ въ старшины?

ЛЕСТИГОНЪ.

Не уже ли ты не знаешь?
Или моимъ словамъ еще не довѣряешь?
Такъ слушай же!

СУСАННА.

Едва я духъ переведу!

ДУРЫЛОМЪ.

Молчите жъ, ни гу-гу!

ЛЕСТИГОНЪ.

Всю повѣсть разскажу.
Тамъ нынѣ былъ обѣдъ, и всѣ перепилися,
По карточнымъ столамъ потомъ разобралися:
Кто въ вистъ, а кто въ бостонъ, — иной пон-
тировалъ,
И пуншемъ каждый свой убытокъ запивалъ; —
Вдругъ въ залу прилетѣлъ, какъ воронъ, ждущій
крови,
Нашъ Радинъ, — сѣлъ въ углу и понасупилъ брови;
Межъ тѣмъ, какъ хмѣль свои вывѣтривалъ пары,
Диксманъ готовилъ столъ и ящикъ и шары.

Изъ всѣхъ домовъ тотчасъ съѣзжаться стали
члены,
И разныя въ лицѣ казались перемѣны.
Зашла о старшинахъ неугомонна пря,
И всякой тутъ занесъ чуху свою на зря.
На Радинѣ лице румянцомъ заиграло,
Зардѣлся молодецъ, — и сердце воспылало!
Бросаяся ко всѣмъ, гдѣ крикнетъ, гдѣ шепнетъ,
Хвать ящикъ со стола и самъ шары несетъ:
Отвагою такой собранье изумленно,
Неволею за нимъ какъ-будто увлеченно,
Кладетъ бѣлой шаръ тому, о комъ просилъ,
И Радинъ наконецъ свой подвигъ совершилъ.
Изъ ящика при мнѣ шары тамъ вынимали,
И члены, ихъ сочтя, всѣ въ голосъ закричали:
Сто-двадцать-пять шаровъ! — директоръ Дурыломъ!
Я бросился сюда. — Тамъ толкъ идетъ о томъ,
Кому явиться здѣсь отъ имени собранья,
Вамъ рѣчью возвѣстить о почести избранья.

ДУРЫЛОМЪ.

Хотѣлъ бы знать, кого нарядятъ, напримѣръ?

ЛЕСТИГОНЪ.

О выборѣ такомъ на выборъ и курьеръ
Пришлется — и я чай, что Радинъ, главный воинъ,
Одинъ лишь чести сей быть можетъ удостоинъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и СУСЕКИНА.

СУСЕКИНА.

Узнавши сей моментъ....

ЛЕСТИГОНЪ.

Я васъ предупредилъ.

СУСЕКИНА.

Не можетъ это быть. — Мондоръ мой приходилъ
Въ поту какъ въ мылѣ весь, — меня въ испугѣ будитъ —
Легла было я спать: — ахъ, маменька! кто будетъ
Опять здѣсь старшиной!—Узнайте!—Дурыломъ!

ДУРЫЛОМЪ.

Ай малой! мнѣ его отецъ бывалъ знакомъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Надѣнь, сударь, кафтанъ: — такъ просто не годится
Принять къ себѣ посла.

ДУРЫЛОМЪ.

Да, надо нарядиться.
Прошу меня простить! — я выйду на часокъ.
Что дѣлать, — суета! — а скинуть сюртучекъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

СУСЕКИНА, СУСАННА, ПАВЛИНА и ЛЕСТИГОНЪ.

СУСЕКИНА (*въ сторону.*)

Покажемъ, что и мы науку міра знаемъ;
Кому нельзя отмстить, того всегда прощаемъ.
(*Вслухъ*) Вы видите, что я не памятую зла.
Хоть тронули меня сегодня до зѣла;
Но случай не таковъ, — и безъ него бы вѣчно
Не помирилася я съ вами всеконечно.

СУСАННА.

Сусекина! мнѣ жаль, что ты, начавши споръ,
Хотѣла съ нами вдругъ поссориться за вздоръ.

ЛЕСТИГОНЪ.

А что такое?

СУСАННА.

Такъ, не стоитъ повторенья;
Не всякую вину исправитъ извиненье.

ЛЕСТИГОНЪ.

Твои проказы, знать, Павлинушка, мой свѣтъ?

ПАВЛИНА.

Да! — дѣло началось съ того, какихъ мы лѣтъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

О! съ дамами въ годахъ избави Богъ считаться:
Вамъ двумъ не будетъ ста, не правда ль?

ПАВЛИНА.

Можетъ статься.

ЛЕСТИГОНЪ.

По сколько же кому по розницѣ смекнуть?

ПАВЛИНА.

Мнѣ минетъ....

СУСАННА.

Ты опять пожаръ готовы вздуть:

ЛЕСТИГОНЪ.

Не ссорьтесь, и въ ранжиръ! — Я вижу депутаты
Директору несутъ регаліи богаты:
Ключи отъ погребовъ и ящичекъ съ казной. —
Сусекина! — тебѣ не ѣхать ли домой?

СУСЕКИНА.

Ахъ, батька мой! за что немилость вдругъ такая?
Я также посмотрѣть хочу, какъ и другая.

ЛЕСТИГОНЪ.

Чего?

СУСЕКИНА.

Какъ будутъ рѣчь разсказывать ему;
Вѣдь я-таки, мой свѣтъ, хоть что-нибудь пойму.

ЛЕСТИГОНЪ.

Повѣрь мнѣ, что и тотъ, кто въ школахъ вѣкъ
свой трется,
Въ торжественныхъ рѣчахъ и толку не добьется!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ же и РАДИНЪ; за нимъ ДВОРЯНИНЪ безъ словъ, ДИКСМАНЪ и ШВЕЙЦАРЪ.

РАДИНЪ (*Сусаннѣ.*)

Сегодня для меня день радости большой!
Да будетъ награжденъ мой трудъ своей цѣной,
И лютая судьба, переставши быть суровой,
Въ сей часъ намъ, можетъ быть, готовитъ жребій новый.

СУСАННА.

Пріятно мнѣ себя той мыслію ласкать,
Что, можетъ быть, тебя супругомъ стану звать;
Но можетъ ли мнѣ быть въ то жъ время и не больно,
Что наглой шуткой здѣсь....

РАДИНЪ.

Виновенъ я невольно!
Понятенъ мнѣ упрекъ любезнѣйшей моей;
Но могъ ли безъ того назвать тебя своей?
Увы! къ намъ времена толико были строги,
Что къ счастію не зрѣлъ иной себѣ дороги,
Какъ ту, которой я въ одинъ рѣшился мигъ
Ударить прямо въ цѣль, и, можетъ быть, достигъ.

ЛЕСТИГОНЪ.

Достигъ, увѣренъ будь; — дано уже мнѣ слово.

СУСАННА.

Какое? — отъ кого? — Не мучь ты насъ....

ЛЕСТИГОНЪ.

Отцово!
Теперь мнѣ объяснять все это недосугъ.

СУСАННА.

О, какъ одолжены тобой, почтенный другъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Что знаете о томъ, вы виду не кажите;
Составьте взоръ, лице, наружностію лгите:
Что дѣлать? — Радинъ пусть комедію свою,
Какъ въ клобѣ затвердилъ, при насъ сыграетъ всю;
Здѣсь, въ домѣ все подчасъ зависитъ отъ ми-
нуты,
И обстоятельства бываютъ очень круты.

РАДИНЪ.

Да гдѣ же и не такъ? — и счастье и бѣда
Находятъ на людей отъ фарсы иногда,
И выше всѣхъ летитъ, кто сладку пустошь мелитъ,
Или кто жестко спать — а мягко очень стелитъ.

ДИКСМАНЪ.

Извольте по мѣстамъ, — идетъ нашъ старшина;
Просторъ ему! — просторъ!

РАДИНЪ.

Гдѣ жъ рѣчь? — А! вотъ она!

ЛЕСТИГОНЪ.

Ну, Радинъ, возглашай! — мы всѣ протянемъ уши;
Пришлось, никакъ, играть Мольеровъ Манацуши.

(Во время этой сцены между Лестигономъ, Сусанной и Радинымъ Павлина и Сусанна суетятся и занимаются приготовленіемъ покоя и параду.)

ЯВЛЕНИЕ VII И ПОСЛѢДНЕЕ.

СУСЕКИНА, СУСАННА, ПАВЛИНА, ДУРЫЛОМЪ, РАДИНЪ и ЛЕСТИГОНЪ.

(За ними поодаль дворянинъ, Диксманъ и Швейцаръ.— Дворянинъ держитъ ящикъ съ казной, Диксманъ ключи на блюдѣ и билеты, Швейцаръ съ своимъ жезломъ въ дверяхъ.)

РАДИНЪ (*важнымъ видомъ.*)

Въ собраніи дворянъ давно носился гласъ,
Что титло старшины похищено у васъ
Безъ права, безъ причинъ и въ слѣдствіе раздора,
Смутившаго чины гражданскаго собора;
Семнадцать слишкомъ лѣтъ твердили и твердятъ,
Что былъ при васъ редутъ торжественъ и богатъ,
Съ восторгомъ помнятъ всѣ дни вашего правленья;
Но зависть, не храня къ заслугамъ уваженья,
Когда, какъ бурный вѣтръ несется на кого,
Заразой все тлитъ дыханьи своего! —
Подобны времена и въ Греціи бывали,
Невинные не разъ въ подсолнечной страдали:
За правду Аристидъ извержевъ изъ Аѳинъ,
Извержены вы здѣсь такъ точно изъ старшинъ!
Преемники по васъ только важной власти
Редуту нанесли жестокія напасти:
Порядокъ весь исчезъ, — нарушенъ нашъ уставъ,

Жилищемъ сталъ крамолъ вседневный храмъ за-
бавъ;
Отвыкли на пирахъ вкушать миндальны трубы,
И членамъ за столомъ давали яствы грубы;
Казался слаще имъ монашескій укругъ;
Страдали чувства всѣ: вкусъ, зрѣніе и слухъ.—
Протекъ искусовъ годъ — и всякой восхищался,
Что выбору старшинъ срокъ новый приближался;
Сегодня собрались — и каждое чело
Чистѣйшей радостью внезапно процвѣло:
Хотѣлось всѣмъ, чтобъ вы вновь были старшиною,
И ящикъ и шары пошли въ походъ со мною; —
Шипѣли кое-гдѣ змѣи издалека,
Но слава вашихъ дѣлъ какъ быстрая рѣка,
Въ ущелины загнавъ сихъ гадовъ ядовитыхъ,
Готовила позоръ для недруговъ сокрытыхъ. —
Въ Царьградѣ не бывалъ столь шуменъ ипподромъ,
При имени твоемъ, почтенный Дурыломъ!
Летѣли въ ящикъ всѣ шары ко мнѣ направо,
И тотъ моментъ, когда я воскликнулъ величаво:
«Директоръ Дурыломъ! вотъ бѣлыхъ сто шаровъ!»
Моментъ сей, признаюсь, въ собраньи былъ та-
ковъ,
Что онъ въ лѣтописяхъ редутъ нашъ воспросла-
витъ,
Потомство нашимъ днямъ завидовать заставитъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Отвѣтствовать теперь я съ духомъ не сберусь, —
Языкъ мой онѣмѣлъ; но внутренно горжусь,
Что честью высокою днесь только превосходной

Хотя я дворянинъ законный и природный,
Хотя я на Дону имѣю семьсотъ душъ,
И множество скота, и яблонь тма и грушъ,
Но, въ знакъ усердныхъ чувствъ съ собранью
преслову́ту,
До гроба посвятить готовъ себя редуту.

РАДИНЪ.

Теперь позвольте, мнѣ отъ сердца изъяснить,
Сколь счастливъ я, что могъ вамъ титло возвѣстить,
Къ которому никакъ нельзя быть равнодушнымъ,
Признаніемъ когда дано единодушнымъ.

ДУРЫЛОНЪ.

Я чувствую вполнѣ всю цѣну тѣхъ услугъ,
За кои буду вѣкъ вамъ искреннѣйшій другъ!
Отправя этикетъ, поговоримъ сердечно.

РАДИНЪ.

По сердцу вамъ готовъ принадлежать я вѣчно!
Оно, сударь, меня единственно влекло
Искать удачи въ томъ, что здѣсь произошло.

СУСЕКИНА.

Объ этомъ городъ весь сегодня же услышитъ

ЛЕСТИГОНЪ.

И всѣхъ подъячихъ онъ, чѣмъ свѣтъ, въ редутъ
запишетъ.

ЛИКСМАНЪ (*тихо.*)

Пришлось и мнѣ его опять решпектовать.

ДУРЫЛОМЪ.

Ну, Нѣмецъ! подступай.—Ты мастеръ, вѣдь, бол-
тать.

РАДИНЪ (*подводитъ дворянина.*)

Товарища я вамъ представить честь имѣю.

ДУРЫЛОМЪ (*тихо Радину.*)

Увольте отъ рѣчей, — я ихъ не разумѣю.

РАДИНЪ.

Угодно ли теперь вамъ вещи осмотрѣть,
Что въ вѣдѣньи своемъ обязаны имѣть:
Сохранную казну, билеты, списокъ баловъ...

ДИКСМАНЪ.

Ключи отъ кладовой, застольной и подваловъ.

ДУРЫЛОМЪ (*Радину.*)

Покорнѣйше, сударь, за трудъ благодарю.
До завтраго...

СУСАННА.

Узнать судьбу свою горю!

ДИКСМАНЪ.

Прошу принять и мой поклонецъ всенижайшій!

ДУРЫЛОМЪ (*осанисто и важно.*)

Тебѣ бы сдѣлать могъ я выговоръ строжайшій;
Для радости пардонъ. — Но просимъ не забыть:
Въ колодецъ не плевать; — случится въ немъ
испить.

ДИКСМАНЪ. (*иронически.*)

Я преданъ былъ всегда и буду всей душою!

При васъ пойдетъ редутъ манерою другою,
И славно будетъ все....

ДУРЫЛОМЪ.

Не старая пора!
Прощай, monsieur Диксманъ. (*Экономъ уходитъ.*)

ЛЕСТИГОНЪ (*въ сторону.*)

Вездѣ, какъ у двора,
Есть свѣчка дураку, кадило жгутъ уроду,
И чванамъ и льстецамъ нигдѣ нѣтъ переводу.

ДУРЫЛОМЪ.

Теперь чины всѣ прочь. — Шампанскаго! бокалъ!
Поздравьте всѣ меня, — опять я паномъ сталъ.

СУСЕКИНА.

Бывало, я въ редутъ ни разу не сберуся;
Теперь не пропущу, — и на годъ запишуся.

ДУРЫЛОМЪ.

Вотъ такъ-то, нашихъ знай! — Такъ, барыня, люблю!
Ранехонько съ утра къ вамъ съ Диксманомъ пришлю
За подписомъ своимъ билетецъ на починѣ.

СУСЕКИНА.

Завистниковъ моихъ число прибудетъ нынѣ.

СУСАННА (*въ сторону.*)

И больно, и смѣшно, и весело — все вдругъ.

ДУРЫЛОМЪ.

Да что жъ ты, Лестигонъ, задумался, мой другъ?

ЛЕСТИГОНЪ.

Я жду, чтобы твои бокалы показались.
Однако жъ, братъ, вѣдь мы еще не расквитались;
Я римскую люблю пословицу твердить:
Давъ слово дворянинъ, въ немъ стоекъ долженъ
быть.

ДУРЫЛОМЪ.

Павлина, прикажи ты старому Ефрему,
Чтобъ подалъ намъ ужо хорошенькаго крему.

ЛЕСТИГОНЪ.

Да кстати слова два примолвьте о кутьѣ.

ДУРЫЛОМЪ.

Спасибо, что объ ней напомнили вы мнѣ.
Хотя не до того, признаться въ этомъ можно,
Но все-таки свой долгъ позабывать не должно;
Я радость и печаль въ одно совокуплю,
На свадьбу попаду, — и вынось не просплю.

СУСЛИКИНА.

Великій мужъ вездѣ занятіе находитъ.

ЛЕСТИГОНЪ (*въ сторону.*)

Какой тому досугъ, кто вѣчно колобродитъ.

РАДИНЪ.

Прекрасная вездѣ видна души черта!
Полезнымъ быть для всѣхъ — похвальна суета!

ЛЕСТИГОНЪ.

Но что ни говори, а подарить-то надо
За добру вѣсть посла!

РАДИНЪ.

Быть ниъ — моя награда!

ЛЕСТИГОНЪ.

Прекрасныя слова, — вездѣ слыхалъ ихъ я;
Но баснями у насъ не кормятъ соловья:
По-русски, Дурыломъ, ты съ нами обходися,
И слова не давай, а давши — такъ держися.

ДУРЫЛОМЪ.

И кстати вотъ бокалъ. — Да, сколько ни толкуй,
Пришлося, видно, пѣть: — Ісаіе ликуй!

ЛЕСТИГОНЪ.

Рѣшись и объявляй, — на что такъ долго вздорить!
Гдѣ сердца данъ приказъ, уму не переспорить.

ДУРЫЛОМЪ.

Итакъ, поздравьте всѣ невѣсту съ женихомъ;
Во мзду за то, что ты обрадовалъ мой домъ,
Сусаннѣ быть твоей женою позволяю,
Досаду позабывъ, причину ихъ прощаю.

ЛЕСТИГОНЪ (*пьетъ здоровье.*)

Прекрасно подарилъ! — Виватъ, нашъ старшина!
Налей мнѣ пополнѣй, я выпью весь до дна.

СУСАННА.

Ахъ, батюшка! могла ль я ждать такого счастья?

ЛЕСТИГОНЪ.

Пріятнѣй солнца намъ по многихъ дняхъ ненастья.

РАДИНЪ.

Чѣмъ можемъ мы воздать, дражайшій нашъ отецъ,
За нѣжный сей союзъ влюбленныхъ двухъ сердецъ?

ДУРЫЛОМЪ.

Ну, пейте, пейте, знай! — вино, сударь, прекрасно;
Смотрите, какъ кипитъ!

РАДИНЪ.

Любить такъ буду страстно!

СУСАННА.

Меня, меня одну, — и будетъ каждый часъ
Казаться рай отверзтъ, мой милый другъ, для насъ!

ЛЕСТИГОНЪ.

Онъ счастливѣй теперь владыки Испагана.

ПАВЛИНА.

Рара, я молода, рѣзва, мнѣ замужъ рано;
Однако жъ и меня вамъ должно подарить.

ДУРЫЛОМЪ.

На радости такой Павлину какъ забыть?
Чего жъ тебѣ? Тюрбанъ? —

ПАВЛИНА.

Нѣтъ, бѣленьку бумажку;
Я шпенсеръ закажу, куплю себѣ фуражку,
И выѣду верхомъ, чтобъ весь кричалъ базаръ:
Смотри, какой летитъ пригоженькой гусаръ!

ДУРЫЛОМЪ.

Ребенокъ! — какъ молоть ты дряни не соскучишь,
Фуражки не бывать, — а денежки получишь.

СУСАННА (*съ бокаломъ.*)

Дай Богъ вамъ жить да быть, да дѣтокъ наживать,
А вамъ здѣсь старшиной безсмѣнно вѣковать.

ДУРЫЛОМЪ.

Такіе старшины, за келью здѣсь признаться,
Вѣками на Руси, сударыня, родятся.

ЛЕСТИГОНЪ.

Дошелъ и моего привѣтствія чередъ.
Желаю, чтобы вы и нынче и впередъ
Свершили весь вашъ вѣкъ вполнѣ благополучно,
Сердцами за одно, другъ съ другомъ неразлучно,
Дѣтей своихъ, внучатъ успѣли воспитать,
И чувства имъ свои прекрасны передать!

РАДИНЪ.

Я слова не найду мое благодаренье
Столь живо изъяснить...

СУСАННА.

Какое восхищенье!

ДУРЫЛОМЪ.

Восторга своего вмѣстить я не могу!

РАДИНЪ (*Сусаннѣ.*)

А я лишь для тебя всѣ чувства берегу.

СУСАННА.

Гдѣ общая любовь, начало тамъ блаженства.

ЛЕСТИГОНЪ.

Такъ точно, безъ любви ни въ чемъ нѣтъ со-
вершенства,

И слабостямъ своимъ, хоть видима бѣда,
Кто дани не платилъ на свѣтѣ иногда?
У всякаго конекъ. — Но тотъ, кто безъ искусства,
Подобно какъ и ты, въ избыткѣ сладка чувства
Умѣетъ дни другимъ пріятные дарить,
Сноснѣе для меня, коль правду говорить,
Чѣмъ геній естества, котораго всѣ страсти
Колеблютъ цѣлый міръ и строютъ лишь напасти.

ДУРЫЛОМЪ.

Разсказчикъ хоть куда, — за то его и взять.
Добро, пойдемъ за столъ. — Ну, будущій мой зять,
Посмотришь, какъ свой чинъ за ужиномъ про-
славлю:
Миндальную трубу съ узорами поставлю.
Наѣмся, и въ постель. — Ужъ то-то отдохну;
Годъ цѣлый такъ не спалъ, какъ эту ночь засну.
Поплакали, — пора приняться и за шутки.

ЛЕСТИГОНЪ.

Сумятицей такой начавъ и кончивъ сутки,
Останется желать хорошаго всѣмъ сна.

ДУРЫЛОМЪ.

Есть правда на землѣ, — когда я старшина!!!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ОТЧАЯНІЕ БЕЗЪ ПЕЧАЛИ,

или

ТАКЪ ВОДИТСЯ.

КОМЕДІЯ

въ одномъ дѣйствіи.

Эту комнатную піесу написалъ я въ угодность одному пріятельскому обществу, котораго имѣлъ нѣкогда удовольствіе быть членомъ. Картина людскихъ обычаевъ того времени дала мнѣ матеріялы; но работа была безуспѣшна, потому что ее нѣсколько разъ читали, а ни одного не играли, изъ уваженія къ благопристойности. Не успѣлъ я ее сочинить, какъ дѣйствительно умеръ одинъ родственникъ того семейства, куда собирался кругъ нашъ. Тогда располагались давать на театрѣ того общества благородный спектакль; я самъ былъ въ числѣ актеровъ. Въ назначенный для зрѣлища день пріѣзжаю я въ театръ; со мною вся моя гардероба. Уже предвкушалъ я то удовольствіе, которое производятъ рукоплесканіе зрителей и восторгъ сотоварищей, какъ вдругъ усастый швейцаръ объявляетъ мнѣ, что театръ отказанъ. Какъ?—отъ чего?—На милльонъ вопросовъ слышу одинъ отвѣтъ: «такой-то скончался.» Между тѣмъ я уже въ гостиной, сопровождаемъ сомнѣніемъ;—тамъ увѣрился я наконецъ, что и подлинно наша комедія не состоится, и что покойникъ слишкомъ близкій дому родня, чтобъ можно было забавляться тогда, какъ око-

ло изсохшаго туловища его приготовляется зрѣлище совсѣмъ другого рода. Quel guignon! сказалъ я; однако гардеробу отослалъ домой, глаза потупилъ внизъ и сѣлъ у печки. О, какую бы написалъ я тогда, по мнѣнію моему, славную диссертацію на счетъ предразсудковъ, если бъ имѣлъ я перо и досугъ заниматься вмѣсто живыхъ, меня окружавшихъ, мертвымъ! — Подлинно! — Онъ никогда не ѣзжалъ въ этотъ домъ, не извѣстенъ былъ лѣтъ трндцать уже никому, и вспомнили въ московской публикѣ о существованіи его нѣкогда въ ней потому только, что объявленіе о смерти его было какъ бы афишей, затворившей входъ въ театръ всѣмъ тѣмъ, кои къ оному съ билетами подъѣзжали, — а прекращать удовольствіе общее для смерти частнаго человѣка, котораго едва ли жаль кому-нибудь, казалось мнѣ тогда самымъ безразсуднымъ дѣломъ. Но въ свѣтѣ водится поступать иначе, и свѣтъ передѣлать трудно; а потому станемъ соображаться съ его обычаями, доколѣ они еще не болѣе тягостны, какъ отмѣна комедіи. И такъ, скоропостижная смерть дяди сдѣлала невозможнымъ представленіе моей комедіи, потому что, хотя она написана была гораздо прежде его кончины, и конечно, я не одаренъ былъ, писавши ее, волшебнымъ вдохновеніемъ, однако многіе могли бы подумать, что она сложена послѣ,

и что дадюшкино преставленіе подало причину комедіи. Мое самолюбіе не доходило до той степени, чтобъ потребовать пожертвованія себѣ сего подозрѣнія; и если оно обратилось только въ предлогъ къ отказу разыграть такую піесу, которая, кромѣ того, не достойна была никакого вниманія, то я долженъ пріятелямъ моимъ остаться обязаннымъ навсегда и за то, что они такъ нѣжно пощадили авторскую щекотливость. — Вотъ исторія сей комедіи! Если почитать справедливымъ то, что мы наслаждаемся жизнью гораздо болѣе въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, нежели ощущеніемъ настоящаго, относя мысль сію къ однѣмъ забавамъ, то, можетъ быть, старые мои друзья прочтутъ комедію эту въ печати съ нѣкоторымъ чувствомъ удовольствія, въ лестномъ ожиданіи чего я умножилъ сію послѣднюю часть моихъ сочиненій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Госпожа Индолантова.

Мавра Евтроповна Самопрядова.

Амура Аполлоновна Искоркина, дочь ея.

Г. Бостонкинъ, игрокъ.

Г. Мазуркинъ, франтъ.

Викулъ Меркулычъ Засыпаевъ, bel esprit.

Господинъ Комифо.

Швейцаръ.

Параша, служанка.

Парикмахеръ Филька.

(Дѣйствіе въ домѣ г-жи Индолантовой.)

ЯВЛЕНIЕ I.

Театръ представляетъ будуаръ г-жи Индолантовой, въ которомъ всякое щегольство комнатнаго убранства придумано. Она лежитъ на дюшесѣ и почиваетъ; проснувшись, звонитъ и начинаетъ сцену.

Индолантова. Ахъ, какъ я долго проспала! Параша! что жъ ты меня не разбудила?

Параша. Я, сударыня, и не знала, что вы започивали; я васъ оставила за книгой.

Индолантова. Который часъ?

Параша. Еще рано; только семь часовъ било сiю минуту.

Индолантова. Не былъ ли кто здѣсь?

Параша. Тотчасъ, сударыня, спрошу Швейцара.

Индолантова. Позови его самого.

ЯВЛЕНIЕ II.

ИНДОЛАНТОВА, сперва одна, потомъ входитъ ПАРАША и ШВЕЙЦАРЪ.

Индолантова. Нѣтъ, всѣ эти книги мнѣ не нравятся. Г-жа Радклифъ пугала привидѣнiями, а нынѣшнiя сочинительницы на метафизикѣ съ

и я потеряю случай провальсировать пріятно цѣлую ночь. — Долго ли тебѣ драть волосы?

Парикмахеръ. Да вѣдь я, сударыня, не философъ, кругъ пальца не обернешь.

Индолантова. Онъ же и умничаетъ! Какъ ты глупъ; прошу молчать и дѣлать свое дѣло.

Засыпаевъ. Что, сударыня, ежели бы я и впрямъ застрѣлился: вамъ бы жаль меня было только изъ приличія.

Индолантова. Конечно! Въ какомъ же свѣтѣ ты живешь? Пишешь des vers всякую минуту, и до-сихъ-поръ не знаешь, что первое правило общежитія состоитъ въ томъ, чтобы сердце похоже было на вѣтреную мѣльницу, и управлялось однимъ зефиромъ. А, кстати! господинъ ученый! какъ сказать Zephyr по-русски?

Засыпаевъ. Неужели вы думаете, что для меня всякому французскому слову нужно истолкованіе? Вы забыли, конечно, пѣсенку, которую я вамъ поднесъ на вашемъ любимомъ нарѣчіи?

Индолантова. По ней-то я и сужу, что ты меня безъ переводу не поймешь.

Засыпаевъ. Смѣйтесь, сударыня, смѣйтесь надъ моимъ невѣжествомъ; но кто при васъ не подверженъ затмѣнію.

Индолантова. Ахъ! слышалъ ли ты о сегодняшнемъ балѣ?

Засыпаевъ. Не только слышалъ, но и званъ;

Тамъ будутъ, говорятъ, и танцы и огни;
Сюрпризы безъ числа и радости одни.

Индолантова. Ты не можешь вообразить, какъ все это будетъ interessant..

Засыпаевъ. А съ кѣмъ вы ѣдете? Нельзя ли мнѣ пожаловать мѣстечко въ вашей каретѣ?

Индолантова. Нѣтъ, право; вѣришь ли, что насъ и такъ шестеро въ каретѣ: я, ma cousine, ея cousin, дядюшка. . . .

Засыпаевъ. А все четверо; — потомъ?

Индолантова. Можетъ быть, еще кто-нибудь набѣжитъ.

Засыпаевъ. Да я, кажется, и очень набѣжалъ.

Индолантова. Полно, mon cher, пустяки говорить. Посмотри, тамъ на столикѣ новые стихи лежатъ; сегодня только ихъ ко мнѣ прислали, самые свѣженькіе.

Засыпаевъ. Чьего сочиненія?

Индолантова. Прочти напередъ, а тамъ я и скажу. (*Парикмахеру*) Какъ ты меня тиранишь! Будетъ ли конецъ?

Засыпаевъ. Извольте слушать:

> Видалъ ли дамъ на нашъ маноръ,
> Когда онѣ между собою
> Кричатъ, сцѣпясь одна съ другою:
> Ахъ! я въ отчаяньи, ma chere!

Я пари держу, что ихъ написалъ г. Конифо: вездѣ желчь и насмѣшка.

Индолантова. Анъ не отгадалъ; мнѣ ихъ прислала Бездѣлушкина; она ихъ вырѣзала изъ книжки, которую ей поднесъ Любушкинъ, а издатель ей Дружбининъ.

Засыпаевъ. Ахъ, какая исторія! Скажите-ка

мнѣ лучше, какова вамъ кажется выпущенная мною на свѣтъ пѣсня? *(Сказываетъ куплетъ.)*

Все прекрасно я сказалъ,
И къ селу мой путь направилъ;
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и КОМИФО.

Комифо. Какъ это, по сю пору вы дома и еще не убраны? Я удивился, найдя у васъ карету; скоро восемь часовъ, и вы еще не на балѣ?

Индолантова. Кто же такъ рано на балъ ѣздитъ? Сверхъ того, я жду кузины; а между тѣмъ прекрасные слышу стихи.

Комифо. На какой сюжетъ?

Индолантова. Какъ можно спрашивать! На любовь, сударь, на любовь! Разскажи, пожалуй, еще!

Засыпаевъ *(перечитываетъ.)*

Комифо. Не ваши ли они, сударь?

Засыпаевъ. Отгадали. — — —

Комифо. Прекрасные! Авторъ ихъ, конечно, похвалы достоинъ.

Засыпаевъ. Я весьма вамъ благодаренъ.

Комифо. Конечно, за автора?

Засыпаевъ. Однако же становится поздно; мнѣ еще надо въ одно мѣсто завернуть до балу. Скоро опять увидимся, сударыня. Бога ради пріѣзжайте на балъ порáнѣе!

Тамъ безъ васъ, какъ безъ души,
Мы скучать лишь только станемъ;
Ахъ! пожалуй не круши!
А не то, мы всѣ завянемъ.

Индолантова. Я и такъ всегда другихъ жду.

ЯВЛЕНІЕ V.

ИНДОЛАНТОВА и КОМИФО.

Индолантова. Понялъ ли онъ твою насмѣшку на его счетъ?

Комифо. Я, право, этого не примѣтилъ.

Индолантова. Ну, сударь, безпрестанный нравоучитель, куда ты дѣнешься: на балъ, или на валъ?

Комифо. То есть, кто ни туда, ни сюда не попадетъ, тому ужъ и дѣваться некуда? Ошиблись, сударыня; я поѣду отъ васъ домой, погуляю по саду, отужинаю и лягу спать!

Индолантова. Ахъ, какой несносный! Жалость, жалость! Ты по чести на себя блажь напустилъ; — какъ это можно на балъ не ѣздить и отъ публики бѣгать?

Комифо. Я, сударыня, ни отъ кого не бѣгаю; а не ѣзжу въ ваши бальныя собранія для того,

что ни я отборному свѣту, ни онъ мнѣ ни на что не надобенъ. Въ карты я не играю, танцовать отвыкъ, что жъ я тамъ буду дѣлать?

Индолантова. Какъ что? Тамъ такъ много оккюпацій для всякаго пола и возраста; но у тебя какой-то amour propre находитъ все ридикюльнымъ, что̀ другимъ нравится.

Комифо. Повѣрьте, что подобное дурачество мнѣ и въ голову не входитъ. Только скажите же мнѣ и вы, много ли между такъ называемыми умными людьми найдете вы людей благоразумныхъ?

Индолантова. Развѣ это не la même chose?

Комифо. Думаю, что нѣтъ; потому что умными часто слывутъ и злодѣи, а благоразумными они, конечно, не бываютъ.

Индолантова. Параша, подай сюда письмецо моей кузины; прочти пожалуйста!—Завтра маскерадъ, и ты, что хочешь пой, только надѣвай маску и будь мой кавалеръ.

Комифо. Охотно, съ тѣмъ только, чтобы не ѣхать домой ночью, — я боюсь потемокъ.

Индолантова. Какая abomination!—Да этого опасаться, впрочемъ, нечего; мы, конечно, тамъ дождемся утра.

Комифо. А на этомъ договорѣ еще меньше согласенъ. Хотя я и увѣренъ, что вы всякой безпорядокъ умѣете сдѣлать пріятнымъ, однако...

Индолантова. Однако я никакой не люблю контрадикціи; прочти и ни слова больше.

Комифо. (*Читая, говоритъ*) Скажите, за что

такія прекрасныя дѣвушки, какъ ваши сестрицы, думаютъ, что коли онѣ письмо напишутъ по-русски, такъ онѣ провинятся; или вы ставите себѣ простительнымъ недостаткомъ, и даже превосходнымъ дарованіемъ не умѣть ни читать, ни писать, потому что вы любезны?

Индолантова. Все мораль! — Какъ ты мнѣ надоѣлъ! Тѣмъ-то, сударь, мы и головы вамъ кружимъ.

Комифо. А безъ того вы бы насъ привязывали.

Индолантова. Не о томъ рѣчь; что жъ ты въ маскерадъ ѣдешь ли?

Комифо. На этотъ? Нѣтъ; потому что я къ нимъ въ домъ не ѣзжу.

Индолантова. Какъ! Да давно ли ты отъ нихъ былъ безъ ума; бывало, что слово, то объ нихъ. Или я ошибаюсь. Мнѣ кажется, этотъ балъ собираетъ Богачёвской.

Комифо. Точно такъ; но развѣ я не человѣкъ, и не могу заблуждаться? — Они мнѣ неосторожно дали почувствовать своимъ обращеніемъ, что я имъ не на иное что былъ надобенъ, какъ для ихъ забавы; а такъ какъ я не ремесленникъ, котораго отпускаютъ, когда онъ свою работу кончилъ, то я пересталъ къ нимъ ѣздить прежде, нежели онѣ успѣли мнѣ показать, что я у нихъ лишній.

Индолантова. Ужъ ли ты на нихъ сердишься?

Комифо. О, нѣтъ, сударыня, право нѣтъ; я никогда не требую невозможнаго; — всякой об-

ходится там, как он смыслит, и что их на другое обращеніе не стало, в том не они; а натура их виновата.

Индолантова. Как ты мил, что ужасть! Видѣл ли новые стишки на женщин?

Комифо. Какіе?

Индолантова. Вот они.

Комифо *(прочтя про себя.)* Не г-нъ ли Заемпаев их сложил?

Индолантова. Конечно, нѣт; у него есть замашка выдавать себя сочинителем чужих произведеній, так как и давешняя пѣсня, вѣрно, не его пера.

Комифо. Что не он ее сочинил, в том я вас могу увѣрить, — я знаю их автора; он имѣет прекрасный талант. Да хотите ли об заклад, что он и эти стихи за свои выдаст?

Индолантова. Не спорю, je connois mon homme.

Комифо. Странный обычай всегда в чужія лица наряжаться.

Индолантова. Вѣчный маскерад; уж ему-то par exemple никогда не скучно.

Комифо. Однако я у вас засидѣлся; прощайте, — девятый час.

Индолантова. Нѣт, я до тѣх пор тебя не отпущу, пока сама со двора не поѣду.—*(Парикмахеру)* Уже ли совсѣм?

Парикмахер. Готово. — —

Индолантова. Параша, я иду одѣваться. Пожалуйста подожди меня, и ежели пріѣдет кузи-

на, или кто-нибудь, такъ faites les honneurs за меня. *(Швейцаръ подаетъ записку)* Отъ кого!

Швейцаръ. Отъ Амуры Аполлоновны.

Индолантова *(читая.)* «Я въ отчаяніи, ma cousine; ma mère prie, чтобы вы къ ней заѣхали, — у ней какъ-то старинная amie и ей некогда меня завезти chez vous; ma charmante, mon adorable, сдѣлай эту amitie. Ахъ! какъ я грифонирую. Adieu au revoir.»

Комифо. Записочка въ самомъ послѣднемъ вкусѣ. *(Смѣется.)*

Индолантова. Я отъ балу два шага, а поѣзжай къ нимъ, Богъ знаетъ куда, на край свѣта! Ей-Богу, моя тетушка престранный человѣкъ! Нѣтъ, я къ нимъ напишу, чтобы она прислала ко мнѣ кузину съ няней, если одну отпустить не смѣетъ; нѣтъ ничего несноснѣе этихъ старыхъ прюдовъ. Еще посолъ, еще записка!

Комифо. Сегодня у васъ никакъ дождикъ письменной.

Индолантова. Я ужъ ничего не разберу; — lisez пожалуйста, что тамъ еще такое.

Комифо. La visite est finie; какъ я рада, maman, тотчасъ sera chez vous.

Индолантова. Не уже ли обѣ записки вдругъ пришли?

Швейцаръ. Минутъ черезъ пять одна послѣ другой.

Комифо. Видно, вашей кузинѣ очень скучно.

Индолантова. Ахъ! если бы ты зналъ, какъ

мнѣ недосугъ! Ну, Параша, одѣваться, одѣваться. — Ты не уѣдешь однако, я надѣюсь.

Комифо. Не опасайтесь, у меня нѣтъ такихъ страшныхъ недосуговъ, чтобы я не могъ еще у васъ посидѣть. Странный обычай! Днемъ спать, а ночь всю пропрыгать; — и что они пріятнаго находятъ въ такомъ безпорядкѣ, не понимаю. Всѣ люди съ умомъ толкуютъ имъ, что это предосудительно, медики увѣряютъ, что вредно для здоровья, ни одна путная книга нынѣшнихъ обрядовъ не хвалитъ, злорѣчіе кидаетъ въ нихъ поминутно язвительныя стрѣлы, и при всемъ томъ жёны наши и дочери успѣли выворотить все на изнанку; вотъ и удальцы бонъ тону зачали сюда слетаться! Посмотримъ вздали на ихъ любезность.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОМИФО, БОСТОНКИНЪ и МАЗУРКИНЪ.

Мазуркинъ. По чести, братецъ, моей мочи нѣтъ, а еще надобно скакать на балъ и всю ночь котильонить. Слуга вашъ, сударь; а гдѣ г-жа Индолантова?

Комифо. Она тотчасъ выйдетъ, пошла одѣваться.

Бостонкинъ. Представьте же себѣ, что мнѣ надобно еще сыграть нѣсколько туровъ въ бостонъ у одной именинницы, да на балъ поспѣть.

Компфо. Когда жъ это будетъ? около утра, я думаю?

Бостонкинъ. Что жъ прикажете дѣлать? — Не поспѣть — вездѣ сѣтуютъ, поспѣть — способу нѣтъ; живучи съ людьми большого свѣта, надобно подлаживать ихъ обычаю.

Мазуркинъ. Вообразить нельзя, что я сегодня обскакалъ; это удивительно!

Бостонкинъ. А я-то гдѣ былъ, — это невѣроятно!

Мазуркинъ. Сперва дернулъ въ строй, изъ строя къ разводу, обѣдалъ у шефа, послѣ обѣда былъ на скачкѣ, оттуда въ театръ, и чуть засталъ комедію. Ахъ, какъ мерзко играли, этого разсказать нельзя! Какъ сравнить съ Парижемъ! Вы, вѣрно, видали Talma и du Chenois parlez moi de cela; а здѣсь гадко, мерзко Изъ театра съѣхались мы съ нимъ па валу. Жаль, что и ѣздили: тамъ никого нѣтъ, опричь этого сочинителя, какъ бишь, Викулъ — — — ахъ! да, — вотъ, Засыпаевъ, который стихи какіе-то намъ свои читалъ; да лишь только прочелъ, я ударился скакать сюда. Спасибо, что коротки, — отсюда на балъ; лошадей совсѣмъ измучилъ. Да что объ нихъ говорить, это скотъ, онѣ же англійскія.

Компфо. О! такъ стало-быть онѣ совсѣмъ другой натуры; вѣдь англійскія лошади никогда не устаютъ, не такъ какъ свои.

Бостонкинъ. Нѣтъ, сударь, мое-то вообразите положеніе; я вездѣ тамъ же былъ, гдѣ онъ,

да сверхъ того въ одномъ домѣ сыгралъ 24 тура въ бостонъ, — индо въ глазахъ зарябѣло.

Мазуркинъ. Зато вѣдь ты, братецъ, слывешь хватикомъ; à propos, видѣлъ ли ты новомодную кадриль?

Бостонкинъ. Вотъ хорошо; а вчерась-то мы вмѣстѣ ее репетировали.

Мазуркинъ. Ахъ! да бишь, comme je suis bete!

Комифо *(беретъ книгу.)*

Бостонкинъ. Что жъ мы здѣсь будемъ делать? Поѣдемъ!

Мазуркинъ. Она тотчасъ выйдетъ, и la cousine скоро сюда будетъ; — ахъ! какая она распремилая!

Бостонкинъ. Божество. — — —

Мазуркинъ. Который ты съ ней танцуешь контрдансъ?

Бостонкинъ. Второй.

Мазуркинъ. А я мазурку.

Бостонкинъ. Что это какъ несносно танцуетъ Мигалова! Я бы ей заказалъ вовсе на балы ѣздить; совсѣмъ вальсировать не умѣетъ.

Мазуркинъ. Нѣтъ ужъ, братецъ, какую я вчера подцѣпилъ танцовщицу, вотъ оказія! Вообрази: ухватится за шею и вертится кругомъ такъ вотъ точно, какъ на винту.

Бостонкинъ. Помнишь ли ту кадриль, которую мы танцовали на масляницѣ — Сыграй ее пожалуйста.

Мазуркинъ. Ахъ! какъ забыть это благопо-

лучшое время! Помнишь ли je gave? Надо признаться, что тогда весело было (*играет*.) Ахъ! какъ декорде, играть способу нѣтъ!

Бостонкинъ. Не правда ли, что весело было и во время святокъ?

Мазуркинъ. Охъ, братецъ, не говори мнѣ объ этомъ времени; гусарскіе усы такъ-было насъ доѣхали, что помилуй Господи. Пожаловали сюда съ разноцвѣтными песиками наши парижскіе побѣдоносцы, дамы чуть не слегли всѣ въ бѣлую горячку.

Бостонкинъ. Слава Богу, что скоро ихъ изъ Москвы вызвали къ полкамъ; а то бы они намъ, вольнопрактикующимъ даноёрамъ, задали работы.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и МАННА ЕВТРОПОВНА съ падчерицей.

Самопрядова. Здравствуй, мать моя! — Да гдѣ же наша хозяйка?

Комифо. Она, сударыня, тотчасъ выйдетъ; проситъ васъ ее подождать.

Самопрядова. Оправься, Амура, ты дорогою-то волосы поизмяла.

Амура. Нѣтъ, maman, я хорошо-съ.

Самопрядова. Вотъ, бывало въ старину, такъ ужъ мы спать ложимся въ эту пору, а теперь такъ молодые-то люди только лишь жить начинаютъ. Я право насилу дотащилась: да что жъ

будешь дѣлать, молодыхъ людей надо потѣшить, вѣкъ на вѣкъ не приходитъ.

Комвфо Вѣдь вы, сударыня, на балъ не поѣдете?

Самопрядова. И, батюшка, ужъ до балу ли? Мнѣ бы вотъ ее руками сдать сестрицѣ, да и домой. Однако ты, Амура, не очень засиживайся; пріѣзжай домой поскорѣе.

Амура. Это, maman, не въ моей волѣ, какъ ma cousine захочетъ.

Бостонкинъ. А сестрица ваша, конечно, постарается уѣхать послѣдняя.

Мазуркинъ. Съ такимъ сокровищемъ, съ какимъ она ѣдетъ, она не можетъ опасаться слишкомъ долго пробыть на балѣ. — Боже мой, какъ она мила!

Амура. Вы вѣчно мнѣ комплименты дѣлаете, — это удивительно.

Бостонкинъ. Не забыли ли вы, сударыня, о второмъ контрдансѣ.

Амура. Да-съ, я съ вами ангажирована.

Мазуркинъ. А со мной мазурку.

Амура. Ахъ, какъ вы insupportable, — конечно съ вами.

Самопрядова. Амура, не забыла ли ты чего; осмотрись заранѣе, мать моя, чтобы послѣ не турить понапрасну Фомку домой съ балу: я вѣдь не знаю, гдѣ у тебя твои наряды лежатъ.

Амура. Нѣтъ, maman; какъ вы милы! — все со мной.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ИНДОЛАНТОВА.

Индолантова. Ахъ, здравствуйте тетушка! Не прогнѣвайтесь, что я васъ заставила подождать! Здравствуй Амура. Боже мой! какъ ты авантажна: сюпербъ, могу сказать. Здравствуйте господа! Что это, тетушка, такъ давно васъ не видать было?

Самопрядова. Ахъ, мать моя, я такъ на дняхъ распереростудилась, что не могла съ постели встать, и къ тебѣ первой выѣхала.

Индолантова. А ты, Амура, что же вчера не заѣхала; мы бы вмѣстѣ на прудахъ побывали. Ты нынче совсѣмъ избаловалась, mon coeur, мочи нѣтъ!

Самопрядова. Нѣтъ, матка моя, въ этомъ она не виновата; правду тебѣ сказать, я ее вчера не пустила: танцмейстеръ пріѣзжалъ ей лекцію давать.

Комифо. (*Въ сторону*). Вѣдь не бось, я думаю, старуха-то считаетъ, что она по модѣ нарядилась.

Индолантова. Какъ вы милы, что пріѣхали; мы вмѣстѣ поѣдемъ на *балъ*. — Скажите пожалуйста, былъ ли кто изъ васъ на [illegible] этими днями? Я цѣлые два дня не удосужилась туда заѣхать.

Бостонкинъ. Мы сейчасъ оттуда, сударыня, и никого не встрѣтили кромѣ г. Засыпкина.

Индолантова. Ахъ, не читалъ ли онъ вамъ стиховъ своихъ, которые у меня тамъ, на столикѣ; тутъ есть отчаяніе, ma chere!

Мазуркинъ. Точно ихъ-то онъ намъ и натачивалъ, говоря, что самъ ихъ сочинилъ.

Комифо. Ну, вотъ, сударыня, не правду ли я вамъ сказалъ?

Индолантова. Могу сказать, что онъ забавенъ.

Бостонкинъ. Онъ настоящій Викулъ.

Самопрядова. Ну, мать моя, прощай; сдаю тебѣ мою Амуру съ рукъ на руки.

Индолантова. Будьте увѣрены, что я ее въ цѣлости вамъ отдамъ.

Амура. Dittes lui donc ma chere объ маскерадѣ.

Индолантова. Ахъ, тетушка! позвольте сестрѣ со мной завтра ѣхать на балъ къ Богачевскимъ.

Самопрядова. Да я, мать моя, съ роду у нихъ въ домѣ не бывала.

Индолантова. Въ знакомствѣ нужды нѣтъ; они люди очень хорошіе; на балѣ у нихъ всегда и людно и весело. Впрочемъ, я постараюсь васъ рапрошировать; она зашлетъ къ вамъ карточку, — и дѣлу край.

Самопрядова. Помилуй, мать моя, что мнѣ въ ея карточкѣ; я и безъ нее знаю имя ея и отечество. Въ нашъ вѣкъ не важивалось ѣхать туда, куда не просятъ; это называлось нахальствомъ.

Комифо. Напрасно вы такъ, сударыня, это-

го боитесь; что было безчинно въ наше время, то нынѣ позволено, и даже въ достоинство вмѣняется.

Индолантова. Какъ ты радъ, что можешь дать просторъ своей мизантропіи.

Комяфо. Да развѣ я не правъ, сударыня! Вѣдь нынче на балъ никого не зовутъ, а кличъ кличутъ. Ѣздитъ ли кто къ кому, или нѣтъ, какое до того дѣло; слуга развезетъ карточки — вотъ и знакомство. Хозяинъ зажжетъ пропасть свѣчъ, музыка гремитъ во всѣхъ углахъ дома, народъ валитъ со всѣхъ концевъ города; всякой дѣлаетъ, что хочетъ, и вотъ что называется нынче дать балъ, вотъ въ чемъ состоитъ пріятная свобода.

Мазуркинъ. Какъ этотъ философъ мнѣ надоѣлъ!

Бостонкинъ. Настоящій проповѣдникъ.

Самопрядова. Вѣкъ на вѣкъ не придетъ конечно; да мнѣ ужъ не подстать плясать по чужой дудкѣ. Прости, мой свѣтъ! *(Цѣлуетъ Амуру)* Смотри, ты не очень рѣзвись у меня на балѣ.

Амура. Нѣтъ, maman! я буду очень смирна.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ САМОПРЯДОВОЙ.

Амура. Ну, ma bonne amie, она, вѣрно, меня не отпуститъ!

Индолантова. И, милая, полно врать; если

насъ сегодня позовутъ на балѣ, какъ я и увѣрена, то я тутъ же за тебя слово дамъ, и bon-gré, malgré, она тебя отпуститъ, а къ старухѣ нѣмъ свѣтъ отправимъ карточки.

Амура. Bien imaginé! ахъ! какъ ты мила!

Индолантова. Да скажи пожалуй, что вы такъ дома сегодня мѣшкали, что у васъ была за нерѣшимость?

Амура. У maman, моя жизнь, были des visites, я вѣдь тебѣ писала. Ахъ, ma cousine, что я тебѣ ужо разскажу про одного кавалера и даму,—это невѣроятно; — это удивительно.

Индолантова. Я тебя давно знаю; ты всегда себѣ надѣлаешь такія фикціи.

Мазуркинъ. Ахъ, сударыня! что можетъ быть лучше пріятной иллюзіи? Прямое счастіе такъ рѣдко, что весьма простительно иногда на обманы его польститься.

Индолантова. Ахъ, какъ ты любезнишься!

Комифо. Однако, чтобы и балъ вашъ не превратился въ фикцію, — десять часовъ уже.

Индолантова. Какъ ты mauvais genre! какъ это неучтиво выгонять дамъ изъ своей компаніи, Я увѣрена, что ежели бы мы были одинакихъ лѣтъ съ Амурой, ты бы, вѣрно, не торопился отъ меня уѣхать.

Комифо. Ошибаетесь, сударыня, вы любезны, а любезнымъ людямъ, особливо женщинамъ, вѣку нѣтъ; въ разговорѣ съ ними всякой лѣта забываетъ.

Индолантова. Благодари жъ меня, что я те-

бѣ дала случай такъ хорошо повеселиться. Я бы право сейчасъ уѣхала, да на зло тебѣ еще промѣшкаю съ полчаса. Параша, вели провѣдать, съѣзжаются ли на балъ; вѣдь это отъ меня два шага.

Мазуркинъ. А вы, сударыня, ежели бъ до тѣхъ поръ сыграли намъ что-нибудь и пропѣли!

Амура. Я право безъ нотъ ничего не играю.

Индолантова. Ну, полно дѣлать la petite bouche, моя милая; терпѣть этого не могу; сыграй что-нибудь, что знаешь.

Амура. *(Играя; поетъ арію.)*

Индолантова. Браво, Амура, мастерски!

Комифо. Какъ нѣжно и прекрасно!

Бостонкинъ. Чрезвычайно! — Съ какой экспрессіей! нельзя лучше!

Мазуркинъ. Короче сказать, распребезподобно!

Параша. На балѣ, сударыня, каретъ съ двадцать.

Индолантова. Видите ли, что мы не такъ-то еще опоздали. Параша! ridicule, перчатки; à propos! Мнѣ вздумалось собрать у себя концертъ изъ короткихъ пріятелей, и самой маленькой: арфа, гитара и фортепіано; это будетъ совсѣмъ въ новомъ вкусѣ, не правда ли?

Мазуркинъ. Я думаю, что это подлинно пріятный сдѣлаетъ эффектъ.

Бостонкинъ. Какія вы мастерицы на всякія затѣи; другой этакой выдумщицы на забавы право нѣтъ, какъ вы.

Индолантова. Вы естетъ невѣжество: я съ тобою буду сегодня въ бостонъ играть.

Амура. Ахъ, ma soeur, онъ со мною engagé la seconde contredance.

Бостонкинъ. Я, сударыня, въ это время другаго за себя попрошу сѣсть, если вы позволите.

Индолантова. Дайте лишь доѣхать, мы все это аранжируемъ въ каретѣ. Вели, Параша, карету подвезть. Итакъ готовтесь завтра на балъ.

Мазуркинъ. Безъ сомнѣнія, сударыня.

Бостонкинъ. Счастливо бы было для насъ, если бъ также, какъ сегодня, могли ѣхать туда съ вами.

Индолантова. Для чего жъ нѣтъ? — Я вездѣ и всегда вамъ рада; — я думаю, Амура одного со мною мнѣнія; не такъ ли?

Амура. Ты знаешь, ma chere, что я все то люблю, что тебѣ нравится.

Индолантова. Surtout пикникъ лѣтомъ, а зимой маскерадъ, для меня всѣхъ забавъ лучше.

Мазуркинъ. А! хороши и воксалы.

Бостонкинъ. А клобъ! Какое райское удовольствіе!

Амура. А для меня гдѣ есть балъ и вальсъ, тамъ и счастіе жизни.

Комилфо. Воля ваша, я не могу утерпѣть, чтобы не укорить васъ въ непостоянствѣ. Еще сегодня для васъ не прошло, а ужъ вы о завтрешнемъ думаете, и скучать начинаете баломъ, отъ того только, что пора уже туда ѣхать.

Индолантова. Не хотите ли вы, чтобы я въ постоянствѣ поравнялась съ вашимъ сосѣдомъ Дурыкинымъ, который, вообрази ma chere, такъ constant. что кромѣ Энциклопедіи ничего не читаетъ. Прочтетъ, да съизнова, и говоритъ, что очень volage перемѣнять книги, а надо все одну читать. Каковъ мальчикъ!

(Всѣ смѣются.) Ха, ха, ха, ха! — —

Швейцаръ. Карета готова, сударыня!

Индолантова. Ну, поѣдемъ-те, пора; прощайте, сударь, суровый любитель женщинъ, желаю вамъ une bonne nuit и хорошій сонъ. *(Идетъ и ворочается)* Ахъ, постойте, постойте на минуту! Боже мой! какъ я affèerai, что ужасть. Цѣлый вечеръ одѣвалась, и что ни лучшее забыла, а вы господа не примѣчаете.

Мазуркинъ. Мнѣ кажется, все при васъ.

Бостонкинъ. Вы все взяли съ собою.

Амура. Il ne vous manque rien, ma chere.

Индолантова. И! какіе вы несносные! Вѣкъ около дамъ вертитесь, у пяти туалетовъ въ день перебываете, а не умѣете догадаться, что-было я дома забыла.

Бостонкинъ. Не марки ли бостонныя?

Индолантова. Такъ, кто чѣмъ занятъ, у того то и въ головѣ.

Комифо. Позвольте мнѣ отгадать!

Индолантова. Извольте! — — —

Комифо. Съ вами нѣтъ сантиману.

Амура, Бостонкинъ. Ахъ! и подлинно, il a raison.

Индолантова. Отгадали, сударь. Я его забыла дома для того, что вы въ немъ оставались.

Комифо. О, женщины! какъ вы милы, когда вы хотите нравиться!

Индолантова. Параша! ты такъ засовалась, что забыла мнѣ сантиманъ подать; принеси поди.

Параша. Который прикажете?

Комифо. *(Смѣется)* О, безподобный вопросъ!

Индолантова Вчерашній! — — —

Мазуркинъ. Какъ, два дни сряду все одинъ.

Бостонкинъ. Это слишкомъ постоянно.

Комифо. Позвольте же теперь спросить, который сантиманъ вы для меня оставляли дома?

Индолантова. Вы слишкомъ mechant, чтобъ я вамъ отвѣчала, — оставляю на догадку. Adieu! поѣхали! поѣхали!

Амура. Я думаю, что мы пріѣдемъ послѣднія.

Индолантова. Я по чести этого бы желала. Вообрази! въ полночь на балъ, два кавалера съ нами, а мы только-что изъ-за туалета: какъ это будетъ interessant.

Амура. Безподобно! —

Мазуркинъ. Прекрасно! —

Бостонкинъ. Чрезвычайно! —

(Бостонкинъ ведетъ Индолантову, а Мазуркинъ Амуру, и всѣ выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Коммфо. *(Одинъ)* Прошу искать въ этихъ сердцахъ привязанности; прошу ожидать отъ нихъ чувствительности въ замѣну любви страстной; прошу выискивать способы тронуть ихъ душу и возбудить въ нихъ хотя малѣйшее къ себѣ вниманіе. О! какъ умно ты сказалъ, милый и справедливый писатель:

O femmes, comme on s'abuse,
En esperant vous enflammer;
Tout vous distrait, tout vous amuse,
Vous n'avez pas le tems d'aimer.

(Уходитъ; а, на театръ выходятъ Швейцаръ, Параша и Филька и прибираютъ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПАРАША, ШВЕЙЦАРЪ и ФИЛЬКА.

(Во [illegible] эту сцену [illegible] вносятъ и оставляютъ одну или дев, и [illegible] образомъ прибираютъ покои.)

Параша. Слава Богу, насилу [illegible]! Вели же прибрать кому-нибудь.

Индолантова. Отгадали, сударь. Я его забыла дома для того, что вы въ немъ оставались.

Комифо. О, женщины! какъ вы милы, когда вы хотите нравиться!

Индолантова. Параша! ты такъ засовалась, что забыла мнѣ сантиманъ подать; принеси поди.

Параша. Который прикажете?

Комифо. *(Смѣется)* О, безподобный вопросъ!

Индолантова Вчерашній! — — —

Мазуркинъ. Какъ, два дни сряду все одинъ.

Бостонкинъ. Это слишкомъ постоянно.

Комифо. Позвольте же теперь спросить, который сантиманъ вы для меня оставляли дома?

Индолантова. Вы слишкомъ mechant, чтобъ я вамъ отвѣчала, — оставляю на догадку. Adieu! поѣхали! поѣхали!

Амура. Я думаю, что мы пріѣдемъ послѣднія.

Индолантова. Я по чести этого бы желала. Вообрази! въ полночь на балъ, два кавалера съ нами, а мы только-что изъ-за туалета: какъ это будетъ interessant.

Амура. Безподобно! —

Мазуркинъ. Прекрасно! —

Бостонкинъ. Чрезвычайно! —

(Бостонкинъ ведетъ Индолантову, а Мазуркинъ Амуру, и всѣ выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Коммфо. *(Одинъ)* Прошу искать въ этихъ сердцахъ привязанности; прошу ожидать отъ нихъ чувствительности въ замѣну любви страстной; прошу выискивать способы тронуть ихъ душу и возбудить въ нихъ хотя малѣйшее къ себѣ вниманіе. О! какъ умно ты сказалъ, милый и справедливый писатель:

> O femmes, comme on s'abuse,
> En esperant vous enflammer;
> Tout vous distrait, tout vous amuse,
> Vous n'avez pas le tems d'aimer.

(Уходитъ; а, на театръ выходятъ, Швейцаръ, Параша и Филька и прибираютъ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПАРАША, ШВЕЙЦАРЪ и ФИЛЬКА.

(Во всю эту сцену, стулья, вс... и оставляютъ одну, или двѣ, и дикимъ образомъ прибираютъ покои.)

Параша. Слава Богу, — насилу поѣхали! Вели же прибрать кому-нибудь.

Швейцаръ. Эка жизнь какая проклятая! Цѣлый день торчи въ сѣняхъ, дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай, нидя ногъ не услышишь; легко ли сегодня какъ меня турили!

Парикмахеръ. Нѣтъ, а мнѣ такъ ужъ больше всѣхъ досталось. Давеча барыня не даетъ гребнемъ тронуть, вертится то туда, то сюда, да еще требуетъ скорой чески; нѣтъ, тутъ развѣ какого Француза дай, такъ и тотъ ротъ разинетъ.

Параша. Ужъ мнѣ эти подбѣгатели, да волокиты тошнѣй всего; отъ нихъ и я насилу могу уйти, — то и дѣло что пристаютъ, и у меня у самой цѣна у рту. Вѣдь вотъ теперь часовъ до пяти тамъ просидятъ, я должна раздѣть ее, а завтра готовить новое платье въ маскерадъ.

Швейцаръ. Вамъ обоимъ все хоть утромъ можно отдохнуть, вѣдь госпожа проспитъ до вечеренъ.

Парикмахеръ. А ты что, небось, также не проспишь.

Швейцаръ. Нѣтъ, посмотрѣлъ бы ты, какъ съ утренней зари молокососы-то давешніе зачнутъ турить, то тотъ, то другой; иной письмо шлетъ, иной на словахъ приказываетъ; ну какъ же ты отойдешь? Способу нѣтъ!

Параша. И что у нихъ за разговоры и за пересылки, понять не могу; всякой день вмѣстѣ и все не наговорятся. — Чу что-то пріѣхалъ!

Швейцаръ. Кому пріѣхать теперь, я чаю

всё пляшутъ до кроваваго поту; а этотъ здѣсь, кареты отпустили сюда стоять по близости.

Парикмахеръ. Ну, у Мизуркиной какая хватская четвертка; всё бѣгуны!

Швейцаръ. Слуга сказывалъ, что по двѣсти платитъ на мѣсяцъ.

Параша. Лошади щегольскія, а ѣздить — экова труса и не сыщешь.

Швейцаръ. А ты почемъ знаешь?

Параша. А вотъ недавно барыня моя куда-то съ нимъ ѣздила за городъ и меня брала съ собой, — такъ чуть не плачетъ, назадъ ѣхавши; знаешь, темно стало на дворѣ, а мѣсяца-то нѣтъ, такъ не радъ ни чему.

Парикмахеръ. Охъ, какъ-то онъ одинъ разъ съ слугой своимъ схватился, такъ я животики надорвалъ смѣючись. Поѣхали, видишь ты, они въ гости къ кому-то въ деревню, да далеко что-то ему показалось, а ночь-то ихъ захватила; кучеръ на лошадей кричитъ, а лошади пристали; онъ кучера въ спину, а слуга прижался на запяткахъ, да и причитаетъ ему: знавши, сударь, свой обычай, вы бы лучше не ѣздили къ Кудыкину въ деревню. Мало вамъ мѣста въ Москвѣ, — слава Богу! есть куда ѣздить-то; понеси васъ Господь за городъ, да ночью; ужъ бы вы лучше не затѣвали. — Ну, ну, слышишь ты, какъ онъ разсказывалъ; помираю со смѣху.

Швейцаръ. Нѣтъ, съ нашей барыней врядъ кому угоняться; то и дѣло кричитъ: пошелъ, и

нужды ей нѣтъ, оврагъ, канава, что ли, скачи, да и полно.

Параша. Что жъ мы здѣсь заговорились: кажется, все на мѣстѣ, пора я отдохнуть, вѣдь теперь ихъ не жди до утра.

Парикмахеръ. Что это имъ за радость этакъ поздно сидѣть; кабы я былъ баринъ, я бы все ложился съ курами вмѣстѣ.

Параша. Ну, ужъ захотѣлъ ты чего; — твоей ли рожѣ быть бариномъ!

Парикмахеръ. А что жъ такое? Небось, развѣ я хуже Мазурина? Что въ немъ толку? Только ногой дрягаетъ, да мизинцемъ шевелитъ и улыбается, такой истощенной, кости, да шкура, какъ-будто усопшій.

Параша. И — — дуракъ, дуракъ! Да что въ дородномъ-то? Какъ къ намъ ѣздитъ низовой-атъ, тотъ, какъ бишь его зовутъ?

Швейцаръ. А! Раздувайко.

Параша. Да! Пудъ во сто, да ни краснаго словца отъ него, ни смѣшной шутки; сидитъ, ѣстъ, да прѣетъ: куда какая забава!

Парикмахеръ. Что жъ дѣлать-то, матушка Прасковья Парамоновна, вѣдь не всѣмъ-то намъ умнымъ быть, какъ вы, сударыня.

Швейцаръ. Охъ! этотъ чудакъ Раздувайко анамеднись въ жаркой день насилу вылѣзъ изъ кареты; ужъ онъ шелъ, шелъ, никакъ въ часъ добрелъ до гостиной, и отдувается, какъ изъ воды буйволъ.

Параша. Ну, куда этакой уродъ годится? А

вѣдь давешняя-то молодежь; что ни говори, а любо слушать, какъ соловьи поютъ, одинъ другого вострѣе.

Парикмахеръ. Что съ ними дѣлать-то; хлѣбомъ не корми, да по-французски лепечи.

Параша. Пошелъ бы ты, добро, провѣдалъ про собаку; госпожа пріѣдетъ, ужъ, вѣрно, про нее хватится, а ее что-то давно не видать: она безъ нея не ляжетъ.

Швейцаръ. Посмотришь на господъ — затѣй-то, затѣй, конца нѣтъ! Выдумали собакъ въ постель себѣ класть, эка невидаль! Пойти жъ и мнѣ въ самомъ дѣлѣ схрапнуть.

Параша. Да пожалуйста вели тамъ ночникъ въ сѣняхъ поставить.

Швейцаръ. Да гдѣ его теперь взять? Нѣмцато-управителя и съ собаками не сыщешь! Господа въ карету, а онъ на дрожки; а безъ него не отпустятъ.

Параша. За что же ему даютъ по 500 рублей въ годъ?

Парикмахеръ. За что! Спроси у барыни.

Швейцаръ. Чего спрашивать? Извѣстно дѣло, Нѣмецъ; небось Русскому не дадутъ. Нашимъ барамъ хоть осла дай, да иноземца, такъ и ладно. — Э! да не онъ ли ѣдетъ: что-то зашумѣло.

Параша. Нѣтъ, это никакъ карета, а не дрожки.

Парикмахеръ *(глядитъ въ окно.)* Господа, господа пріѣхали!

Швейцаръ. Вотъ тѣ на! А меня такъ нѣтъ; ну, управитель-атъ меня отдѣлаетъ же.

Параша. Еще разговорился; бѣги скорѣе внизъ. Ахти, ужъ не занемогла ли барыня!

Парикмахеръ. Пойдетъ потѣха! Гадали до утра просидѣть, а пріѣхали прежде полночи; ужъ будетъ пыли, только лишь святыхъ неси вонъ.

Параша. Отворяй двери, да зажигай свѣчи поскорѣй, голубчикъ!

Парикмахеръ. А! теперь голубчикъ, какъ пришла бѣда; а давеча, такъ и мѣры нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВИДОЛАНТОВА, АМУРА, ПАРАША, ПАРИКМАХЕРЪ и ШВЕЙЦАРЪ.

Видолантова. *(Парикмахеру)* Вели намъ дать чего-нибудь ужинать: ко мнѣ тотчасъ будутъ Мазуркинъ и Бостонкинъ; *(Швейцару)* пошли къ г-ну Комифо сказать, что я воротилась и что мнѣ до него крайняя нужда.—Это такъ несносно, что я въ себя придти не могу.....

Параша. Не сдѣлалось ли вамъ, сударыня, чего-нибудь? Здоровы ли вы?

Видолантова. Ахъ, Параша, не говори: я въ такую приведена конфузію по милости ея матушки, что ни съ чѣмъ не соображу!

Амура. Maman, право, могли бы не давать намъ такую дурную nouvelle, и такъ не кстати прислать...

Параша. А что такое-съ?

Индолантова. Мы только-что пріѣхали, и почти не успѣли гостямъ откланяться, какъ вдругъ къ намъ отъ нея гонецъ, что какой-то у Амуры дядя умеръ, и чтобъ я тотчасъ ее съ балу къ ней завезла; я принуждена все бросить и уѣхать. Ей-Богу, такъ досадно, что я бы этого дядю за это не велѣла хоронить, что онъ такъ mal à propos умеръ.

Амура. Что бы ему стоило, ma cousine, дотянуть до завтра? Il est insupportable.

Индолантова. Какъ до завтра? ужъ лучше бы до послѣзавтра, а то бы всему помѣшалъ, все равно. Не вели, Параша, карету откладывать: она съ тобой доѣдетъ домой.

Амура. Ахъ, ma chère! я хоть отужинаю съ тобой! не такъ ли моя милая, incomparable?

Индолантова. Ужъ ли же я тебя до ужина отпущу? Нѣтъ, то ужъ извините; пускай маменька твоя кричитъ до заутрень, а я съ тобой прежде бѣла свѣта не разстанусь.

Мазуркинъ (*входитъ.*) Помилуйте, что съ вами подѣлалось?

Индолантова. Спроси у Амуры.

Амура. Какой-то дядюшка у меня скончался.

Мазуркинъ. Какъ же вамъ не стыдно для такой пустой причины уѣхать съ балу и ее съ собой увезти! Вѣрно, его смерть ни кого такъ не

огорчила, какъ вашъ отъѣздъ меня деволировалъ. Я только-что повернулся, велѣлъ играть контрдансъ, и пошелъ васъ искать, анъ васъ — и слѣдъ простылъ.

Анура. А я какъ рада, что вы вообразить себѣ не можете.

Мазуркинъ. Да скажи пожалуйста, развѣ дядюшка вашъ воскреснетъ отъ этого, что вы домой уѣхали?

Индолантова. Что жъ дѣлать съ старинными людьми. Мать ея прислала записку, хоть тресни, да вези ее домой! Она такъ несносна съ своими капризами!

Бостонкинъ (*входитъ.*) Могу сказать, очень мило вы со мной поступили! Я за вами съ часъ бѣгалъ по залѣ съ винновой двойкой, а васъ не тутъ-то было!

Индолантова. Я въ отчаяніи.

Анура. А я еще больше.

Бостонкинъ. Да отчего же? Можно сказать.

Индолантова. У нее вдругъ дядя умеръ.

Бостонкинъ. Потомъ?

Индолантова. И ей велѣла мать домой ѣхать.

Бостонкинъ. Только! Смѣшны вы, воля ваша, что послушались. Развѣ мы бы не умѣли всякій своимъ манеромъ ему поминки отправить, — вы за бостономъ, она въ кадрили; а матушка ея тамъ, какъ бы знала, такъ бы на просторѣ и рюмила.

Индолантова. Вамъ все шутки, а мнѣ право досадно.

Бостонкинъ. Отчего? Что дядюшка-то ея, умеръ?

Индолантова. Ахъ! какой ты несносный! Нѣтъ, сударь, нѣтъ; мнѣ досадно, — ахъ! что и говорить! — Я чаю, тамъ очень весело!

Бостонкинъ. Тамъ скачутъ и балъ такъ animé, что я рѣдко этакой видалъ.

Амура. Ахъ! ma cousine, какъ я malheureuse!

Мазуркинъ. И я не меньше вашего. У меня приготовлена была для контрадансу съ вами такая прекрасная фигура, совсѣмъ въ новомъ genre.

Бостонкинъ. А я было собрался лабетовъ десять у васъ сорвать.

Амура. Поэтому, ma cousine, мы и завтра не поѣдемъ?

Индолантова. Я право ничего не знаю; меня тамъ твоя maman демонтировала, что я ничего не придумаю.

Засыпаевъ (*входитъ.*) Разобидѣть и растерзать человѣка нельзя больше, какъ вы меня! Какъ это можно, — лишь только въ двери, да и вонъ! Вы какъ тигръ съ нами поступили.

Индоландова. Право и намъ не легче вашего.

Амура. Я въ отчаяніи.

Засыпаевъ. Я слышалъ, какой-то дядюшка у васъ умеръ? Если я ему не сдѣлаю такой эпитафіи, отъ которой онъ...

Индолантова. Съизнова умретъ, — не правда ли? Quelle tète!

Амура. Ахъ! сдѣлайте такую, чтобы онъ воскресъ: мы бы опять поѣхали на балъ.

Мазуркинъ. Charmant, какъ вы милы!

Бостонкинъ. Удивительно! — —

Индолантова. Какъ мнѣ ни грустно, а съ тобой нельзя не разсмѣяться: ты такъ забавенъ, что мочи нѣтъ!

Комиѳо. Посланный вашъ, сударыня, такъ меня испугалъ, что я безъ души бросился сюда узнать, что съ вами случилось.

Индолантова. Я въ жизнь мою не была такъ разстроена! я въ такомъ отчаяніи.

Амура. И я.

Мазуркинъ. И я.

Бостонкинъ. И я.

Засыпкинъ. И я отъ общей ихъ напасти растерзанъ весь на мелки части!

Комиѳо. Надобно думать, что отчаяніе самое важное, когда и стихи на него поспѣли. Да что такое, пожалуйте скажите?

Индолантова. У ней дядя умеръ.

Бостонкинъ. Сейчасъ. — —

Мазуркинъ. Скоропостижно.

Амура. Какъ на смѣхъ.

Засыпкинъ. Онъ такъ умѣлъ свой вѣкъ пригнать, что имъ не удалось нисколько помѣшать.

Комиѳо. Конечно, вамъ жаль его, сударыня, и смерть такая неожиданная васъ огорчила? Чувствительное сердце такимъ случаямъ часто подвержено бываетъ.

Индолантова. Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ иного, вы насъ не понимаете.

Комиѳо. Что жъ такое?

Амура. Намъ дядюшки pas du tout не жаль.

Комифо. Отчего же вы всѣ погружены въ такое отчаяніе?

Индолантова. Какъ же, mon cher, я принуждена съ балу уѣхать, на которомъ до смерти хотѣлось остаться!

Комифо. Зачѣмъ же не остались?

Амура. Maman пишетъ, чтобы меня увезти съ балу, и ma cousine такъ была complaisante, что и сама уѣхала.

Бостонкинъ. А я, сударь, только за бостонъ садился, анъ не тутъ-то было; принужденъ разорвать партію и сюда уѣхать: это до смерти досадно.

Мазуркинъ. А я ни вальса, ни мазурки не имѣлъ удовольствія протанцовать съ Амурой Аполлоновной; я отъ этого съ досады внѣ себя.

Засыпаевъ.

А было хотѣлъ настроить свою лиру
Чтобъ дамъ сихъ расхвалить на балѣ всему міру;
Но лишь хватился ихъ, — о, страшная бѣда!
Уѣхали они — уѣхали сюда.

Комифо. Какъ! такъ все ваше отчаяніе происходитъ отъ того только, что вы не на балѣ?

Индолантова. Что жъ, развѣ для васъ мало этого кажется?

Амура. Я никогда не была такъ malheureuse!

Мазуркинъ. Это перестаетъ быть потѣхой.

Бостонкинъ. Я не знаю, что можетъ случиться de plus noir.

Засыпаевъ. А я-то, сударь, я и потѣлъ, трудился, сочинялъ свою оду, хотѣлъ ею похвастать, — и все къ чорту.

Бостонкинъ. Ни одного тура не сыграть, — это слишкомъ несчастливо.

Мазуркинъ. Слышать котильонъ, и самому не кружиться; отъ этого, чортъ меня возьми, можно въ воду броситься.

Амуръ. Будто шутка наряжаться цѣлый день для того, чтобъ безъ успѣха домой возвратиться!

Индолантова. Я бы твоего папашу удавила!

Амуръ. Я бы моего опекуна Богъ знаетъ какъ за это.

Комифо. Онъ и такъ ужъ умеръ, сударыня.

Бостонкинъ. Умираютъ же умные люди; да вовремя; а этого дядюшку догадало не въ пору такъ скончаться.

Засыпаевъ. Да и скоропостижно, какъ-будто гонятъ!

Комифо. Онъ, я думаю, очень бы желалъ вамъ не дѣлать этой тревоги.

Засыпаевъ. И все, небось, скупость; я чаю, толковалъ съ управителемъ, какъ прихватило, послать ли за докторомъ, дать ли за визитъ два рубля, — вѣдь онъ скряга былъ.

Индолантова. Какъ же, я его знала; такой кащей, что свѣтъ этакого не производилъ.

Бостонкинъ. То правду сказать, самый былъ ледащій человѣкъ, — въ карты, бывало, никогда не садится.

Комифо. Пошли дядюшкѣ поминки.

Засыпаевъ. Такъ и должно, чтобъ покойнику дядюшкѣ отъ безпокойной племянницы доставалось.

Мазуркинъ. Съ-роду не видывалъ, чтобъ онъ протанцовалъ что-нибудь, — такой былъ странный!

Комифо. Короче сказать, онъ былъ самый худой человѣкъ, потому что разстроилъ балъ, хотя, впрочемъ, въ этомъ его вины и нѣтъ ни малой.

Индолантова. Сколько ты ни умничай, я отнюдь не стыжусь говорить, что я въ отчаяніи.

Амура. Ахъ, ma chere! и я то же.

Бостонкинъ. Да какъ не быть въ отчаяніи!

Мазуркинъ. Особливо мнѣ.

Засыпаевъ. Что лежитъ до меня, то я въ самыхъ терзательныхъ обстоятельствахъ отъ того же, отъ чего и вы.

Параша. Кушать, сударыня, готово. Я столъ накрыла въ вашемъ диванѣ.

Индолантова. Хорошо. Ну, господа! пойдемте за столъ, и по крайней мѣрѣ вымѣстимъ хоть тѣмъ, что дадимъ полную волю языкамъ нашимъ на счетъ мертваго ея дядюшки и живой матушки.

Бостонкинъ. Я не прочь.

Мазуркинъ. И я то же.

Засыпаевъ. Куда вы, туда и я, безъ сомнѣнія.

Амура. Какъ бы я теперь je m'en serois donnée на балѣ!

Мазуркинъ. Я нахожу, что вы отъ этого сакрифису вдвое помилѣли.

Комифо (*въ сторону.*) Надо это словцо записать.

Тобой, жена и другъ, любви познавши путь,
Тебѣ твоихъ чудесъ картину посвящаю!
Въ любви твоей ко мнѣ блаженство обрѣтаю;
Моею ты къ себѣ равно счастлива будь!

ДВА СЛОВА ДО КОМЕДІИ.

Время страстей молодого человѣка есть то же для сердца, что бѣлая горячка для головы. Никто не избѣжалъ этого припадка; одни лѣта и опытъ вылечиваютъ насъ отъ онаго. Но, къ несчастію, въ этомъ случаѣ здоровье часто [illegible] болѣзни.

Въ самыхъ жестокихъ пароксизмахъ вздумалъ я написать оперу, и вышлось, — Любовное Волшебство. Какова причина, таково и слѣдствіе: въ бреду сочиненъ бредъ. Я пропѣлъ ее Евгеніи, — она улыбнулась: это было для меня вѣнецъ славы. Я, не размышляя, тотчасъ отдалъ оперу въ печать и посвятилъ Евгеніи, очаровательницѣ моего сердца, — этому двадцать лѣтъ; я былъ тогда въ самыхъ пылкихъ годахъ сердечнаго чувства.

Но сіе уродливое порожденіе любовнаго жара не получило желаемаго успѣха. Оперу никто не

покупалъ; она попала въ кучу тѣхъ произведеній, кои лежатъ въ лавкѣ до тѣхъ поръ, какъ смякнетъ бумага и пригодится хоть на обертки, спасая часть убытковъ книгопродавца. Скажу объ ней, какъ сказалъ о многихъ одинъ счастливый стихъ:

Ужъ въ оперѣ моей и ваксу продаютъ.

Но какъ не всѣ люди въ мірѣ постигли таинственныя красоты Эврипида и Озерова, какъ не всѣ плѣняются кистью Рафаэля, и многіе любуются на каррикатуры, украшающія прилавки Спасскаго Моста, то и мое Любовное Волшебство нашло своихъ охотниковъ: его стали играть на одномъ провинціальномъ театрѣ. Зрѣлище удалось, понравилось. Вотъ болѣе десяти лѣтъ, какъ опера моя не сходитъ съ репертуара; дирекція тамошняя даетъ ее разъ три въ годъ: театръ всегда полонъ, сборъ удовлетворителенъ. Я самъ видѣлъ свое дитятко во всемъ его блескѣ; это меня восхитило, и въ благодарности къ снисходительной публикѣ, при новомъ изданіи моихъ сочиненій перепечатать и ее.

Притомъ покорнѣйше прошу всякаго читателя вспомнить нѣсколько строкъ моего предисловія и замѣтить, что я печатаю свое собственно для себя и для того, чтобъ сохранить подъ старость въ свѣжей памяти восхитительныя минуты бы-

тія моего; а та эпоха, во время которой чертилъ я это драматическое чудовище, была одна изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни.

Разборчивая публика можетъ покупать и не покупать книги, цѣнить и осмѣивать мои труды, какъ ей угодно; я прежде всѣхъ охотно смѣюсь самъ надъ собою, и привыкъ глядѣть съ одинакимъ равнодушіемъ на хвалу и на сатиру, зная изъ опытовъ очень твердо, что въ поэзіи, какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, часто зовутъ многое и худое изящнымъ, когда автору везетъ, и хорошее дерется на завиточки, если сочинитель, какъ говорятъ Французы, до простой.

Впрочемъ, позвольте и мнѣ нѣсколько прiосаниться. Когда играютъ Русалки, Чортовы мельницы и проч. и проч., то для чего же и моей сумбурной оперѣ не рекомендоваться въ люди?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гипполитъ, дворянинъ достаточный, уединившійся въ свои вотчины.
Глафира, бѣдная дворянка, сирота, сосѣдка Гипполиту по землямъ.
Весельчакъ, слуга Гипполитовъ.
Амуръ, граціи, игры и смѣхи.
Распотѣевъ, староста господскаго села.
Смѣяна, дѣвка Глафирина.
Мечтолюбъ, знатный господинъ.
Поддакинъ, секретарь его.
Нина, его пѣвица.
Изотъ, мужикъ Гипполитова села.
Арина, жена его.
Даша, дочь ихъ.
Толпа крестьянъ и крестьянокъ.

Дѣйствіе въ помѣстьи Гипполита близъ Камы рѣки, на берегу которой расположены нѣкоторые Гипполитовы потѣшные домики.

—⁂—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны Гипполитовы поля, жнитво и сѣнокосъ, съ другой стороны видны селенія и часть земель, принадлежащихъ Глафирѣ. На Гипполитовыхъ лугахъ косцы поютъ хоръ, староста надсматриваетъ, а въ концѣ хора выходитъ и Гипполитъ съ слугою.

ГИППОЛИТЪ, ВЕСЕЛЬЧАКЪ, РАСПОПѢЕВЪ и МУЖИКИ.

ХОРЪ.

МУЖИКИ.

Нутка, други, за-одно
Станемъ барщину работать;
А чтобъ время укоротать,
Станемъ мы тянуть вино.
Намъ трудиться не наскучитъ,
Пока баринъ добрый живъ:
Онъ насъ любитъ и не мучитъ;
О, да будетъ онъ счастливъ!

РАСПОТѢЕВЪ.

Ну, ребята, поживѣй;
Богъ далъ красную погоду.

ДѢВКА.

Кончимъ поле поскорѣй;
Послѣ баринъ дастъ свободу.

МУЖИКЪ.

А тамъ къ вечеру домой
За любовь и за покой.

РАСПОТѢЕВЪ.

Вотъ и баринъ нашъ идетъ:
Всѣ челомъ ему, крестьяне!
Наша братья съ нимъ живетъ
Словно такъ, какъ бы дворяне.

ХОРЪ.

Нутка, други, за-одно и проч.

Гипполитъ. Спасибо, друзья мои, спасибо; я столько же дорого цѣню ваше усердіе ко мнѣ, сколько живо вы его чувствуете.

Распотѣевъ. Да продлитъ Богъ вашего вѣку! Всѣ ваши мужички и я старшой о томъ Его вседневно молимъ. Хорошій баринъ такое на свѣтѣ для насъ сокровище, такой, слышь ты, кладъ, что....

Гипполитъ. Въ другой разъ спасибо. Сегодня жарко, солнце подходитъ къ полдню, распусти съ работы; я довольно богатъ, чтобъ отъ лишняго ихъ праздника не потерпѣть убытка.

Всѣ мужики. Помилуй те самъ Богъ, какъ милуешь ты насъ! (*Расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Гипполитъ. Сколько людей меня любятъ.... а я однако несчастливъ.

Весельчакъ. Баринъ мой скучаетъ и что-то про себя бормочетъ. Скука, сударь, худое ремесло, и вы дурно дѣлаете, что съ нею познакомились.

Гипполитъ (*въ задумчивости.*) Что ты говоришь?

Весельчакъ. Я, сударь, люблю говорить, когда меня слушаютъ; а на вѣтеръ слова бросать не охотникъ. Разгладьте свое пасмурное личико и удостойте меня благосклоннымъ взглядомъ, такъ я продолжать стану.

Гипполитъ. Шутки хороши, да не во всякое время.

Весельчакъ. Нѣтъ, сударь, съ тѣхъ поръ, какъ вы сами прозвали меня Весельчакомъ, я времени не разбираю, готовъ всегда врать быль и небылицу, правду наряжать сказкой, а сказку правдой, говорить, болтать, шумѣть, словомъ, дѣлать все то, что можно, чтобы васъ разсмѣшить.

Гипполитъ. Въ чемъ рѣдко успѣваешь.

Весельчакъ. Да скажите пожалуйте, сударь, когда вы перестанете нахмуриваться? когда увѣритесь вы, что, право, вы счастливы?

РАСПОТѢЕВЪ.

Ну, ребята, поживѣй;
Богъ далъ красную погоду.

ДѢВКА.

Кончимъ поле поскорѣй;
Послѣ баринъ дастъ свободу.

МУЖИКЪ.

А тамъ къ вечеру домой
За любовь и за покой.

РАСПОТѢЕВЪ.

Вонъ и баринъ нашъ идетъ:
Всѣ челомъ ему, крестьяне!
Наша братья съ нимъ живетъ
Словно такъ, какъ бы дворяне.

ХОРЪ.

Нутка, други, за-одно и проч.

Гипполитъ. Спасибо, друзья мои, спасибо; я столько же дорого цѣню ваше усердіе ко мнѣ, сколько живо вы его чувствуете.

Распотѣевъ. Да продлитъ Богъ вашего вѣку! Всѣ ваши мужички и я старшой о томъ Его вседневно молимъ. Хорошій баринъ такое на свѣтѣ для насъ сокровище, такой, слышь ты, кладъ, что....

Гипполитъ. Въ другой разъ спасибо. Сегодня жарко, солнце подходитъ къ полдню, распусти съ работы; я довольно богатъ, чтобъ отъ лишняго ихъ праздника не потерпѣть убытка.

Всѣ мужики. Помилуй те самъ Богъ, какъ милуешь ты насъ! (*Расходятся.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Гипполитъ. Сколько людей меня любятъ.... а я однако несчастливъ.

Весельчакъ. Баринъ мой скучаетъ и что-то про себя бормочетъ. Скука, сударь, худое ремесло, и вы дурно дѣлаете, что съ нею познакомились.

Гипполитъ (*съ задумчивостію.*) Что ты говоришь?

Весельчакъ. Я, сударь, люблю говорить, когда меня слушаютъ; а на вѣтеръ слова бросать не охотникъ. Разгладьте свое пасмурное личико и удостойте меня благосклоннымъ взглядомъ, такъ я продолжать стану.

Гипполитъ. Шутки хороши, да не во всякое время.

Весельчакъ. Нѣтъ, сударь, съ тѣхъ поръ, какъ вы сами прозвали меня Весельчакомъ, я времени не разбираю, готовъ всегда врать быль и небылицу, правду наряжать сказкой, а сказку правдой, говорить, болтать, шумѣть, словомъ, дѣлать все то, что можно, чтобы васъ разсмѣшить.

Гипполитъ. Въ чемъ рѣдко успѣваешь.

Весельчакъ. Да скажите пожалуйте, сударь, когда вы перестанете нахмуриваться? когда увѣритесь вы, что, право, вы счастливы?

Гипполитъ. Я счастливъ, я? Развѣ есть на свѣтѣ счастливые люди? Укажи мнѣ ихъ, пожалуй; по крайней мѣрѣ я ихъ не видывалъ.

АРІЯ.

Напрасно, счастіе, тебя
Я гдѣ-нибудь сыскать желаю;
Труды и время лишь теряю
И тщетно мучаю себя.
Нѣтъ, нѣтъ! найти его не можно;
Оно нигдѣ намъ не дано,
И все плѣняетъ сердце ложно,
Такъ Небомъ, знать, учреждено.
Но если, — ахъ! то быть не можетъ, —
Судьба сыскать его поможетъ,
Тогда бѣднѣйшій самый край
Въ эдемскій превратится рай!

Весельчакъ. Перейміте-ка, сударь, у меня. Я пью и ѣмъ вдоволь; волочусь, сколько охоты есть; люблю дѣвушекъ и нахожу какъ-то ненарочно на моей улицѣ всегда по двѣ, по три ко мнѣ склонныхъ; сплю такъ крѣпко, что никакихъ батарей трескъ—бывало въ Финляндіи, въ память ли вамъ—меня разбудить не можетъ; смѣюсь, хохочу, не тужу потерявши, и, благодаря моей судьбѣ, счастливъ, да, сударь, счастливъ.— Что вы на меня такъ смотрѣть изволите? Ужъ ли же вы думаете, что коли нѣтъ кучи денегъ, такъ и счастливу быть не можно?

Гипполитъ. Твои грубыя чувства, другъ мой, не могутъ вмѣщать того счастія, котор

ищетъ человѣкъ съ просвѣщеніемъ, человѣкъ, испытавшій сладости міра.

Весельчакъ. Поэтому я моими чувствами грубыми не мѣняюсь отнюдь на ваши нѣжныя. Однако я васъ люблю и желалъ бы васъ видѣть веселѣе; вы всегда пасмурны, уѣхали сюда невѣдомо зачѣмъ; имѣя тысячъ пятьдесятъ доходу, прискакали жить въ деревню. Вы къ уединенію не сродны; поѣзжайте въ Москву, сударь.

Гипполитъ. Развѣ я тамъ не жилъ? развѣ не соскучилъ наконецъ я и тамъ? Ахъ! вездѣ исчезли мечты пріятной другъ другу довѣренности. слово я и мнѣ всѣ забавы помрачило; или будь въ толпѣ людей, гдѣ наша кашей, или въ четырехъ своихъ стѣнахъ одинъ сидя, съ досады тресни: нѣтъ иного образа жизни.

Весельчакъ. Итъ съѣздите въ чужіе край.

Гипполитъ. Я ихъ видѣлъ, года три прошатался и не въ Россіи: все то же: либо глупость, либо надменность; здѣсь принужденіе, тамъ своевольство; и побывавъ въ разныхъ государствахъ, не видалъ ни одного человѣка, который бы спать ложась, сказалъ самъ себѣ: я сегодня былъ доволенъ.

Весельчакъ. Ну, такъ примитесь за хозяйство: стройте, ломайте. Напримѣръ, сударь, гдѣ у васъ поставленъ храмъ Вѣрности, поставьте шалашъ; гдѣ убѣжище Терпѣнія, туда перенесите Вѣрность, а на мѣсто Вѣрности... словомъ: сдѣлайте, сударь, въ строеніяхъ вашихъ производство.

Гипполитъ. Какая радость будетъ мнѣ въ томъ, коль нельзя имѣть удовольствія поселдѣть въ нихъ не одному.

Весельчакъ. О, такъ женитесь на хорошенькой, пригожей, а особливо молодой дѣвушкѣ.

Гипполитъ. Не хочу; женитьба зависимость, изъ всѣхъ неволь самая безпокойная неволя; въ этомъ состояніи не только найти счастіе, и послѣдній слѣдъ къ нему потеряешь.

Весельчакъ. Сталъ въ пѣнь! По-моему, такъ каждое изъ этихъ средство сдѣлало бы меня счастливымъ, если бъ я уже имъ не былъ; а вамъ все не то, да не въ такую силу. Неужели же-таки мать натура не проложила вамъ нигдѣ никакой будто тропинки ко счастію? Взгляните, сударь, на всѣхъ! Кто до фортуны не доходитъ большой столбовой дорогой, тотъ навѣрно, какъ червякъ, кривыми дорожками доползетъ, какъ доползетъ.

Гипполитъ. Пойду въ этотъ лѣсокъ. Какъ скучно чего-то хотѣть и не знать самому чего!

Весельчакъ. А сказать ли, сударь, наконецъ, чего вамъ хочется?

Гипполитъ. Скажи чего?

Весельчакъ. Вы признаетесь, ежели я отгадаю?

Гипполитъ. Ты знаешь, что я притворствовать не умѣю.

Весельчакъ. Вамъ хочется влюбиться.

Гипполитъ. Влюбиться! влюбиться! Какое, право, смѣшное состояніе: бѣгай или за кокет-

кой, которая измучитъ, или за разумницей, которая безъ вѣсу и мѣры не поцѣлуетъ. Нѣтъ, влюбиться не мое дѣло. Влюбиться! Любовь въ нѣкоторыя лѣта ни что иное, какъ сумасбродство, а влюбленные—посмѣшище. Я силѣ этого пламеннаго божка, коего зовутъ Амуромъ и которому вселенная кланяется, никакъ не вѣрю; Амуръ есть изчадіе нашего воображенія, и сердце наше едва ли горѣло когда вправду его пламенемъ.

Весельчакъ. Въ самой вещи, сударь, подите-ка прогуляться, вы что-то помудреному говорите; и и половины словъ вашихъ въ толкъ не возьму. Мое дѣло любить весь свѣтъ: и мужчинъ и женщинъ, любить солнышко днемъ, ночью мѣсяцъ, лѣтомъ птичку, зимой сани; словомъ, нѣтъ дня, часа, мѣсяца, года и погоды, въ которыя бы я чего-нибудь не любилъ. Безъ любви жить на свѣтѣ! Да какъ это можно? Она наша сударушка, голубушка, жизнь, богатство, она все; безъ нее, по-моему, такъ и огромныя-то барскія палаты ни лучше, ни краше пустого амбара.

(Во время этого монолога Гипполитъ выходитъ, а между тѣмъ Весельчакъ поетъ слѣдующую арію. На дворѣ располагается погода къ ненастью и ходятъ громовыя тучи.)

АРІЯ.

Я скукѣ врагъ навѣки!
Люблю хорошую дѣвченку,
Люблю пригожую бабенку,
И все, что женщина, люблю.

Со мной въ ладу всѣ человѣки,
Я всяку ночь покойно сплю.
Со старукой не вожуся,
Съ молодкой волочуся,
Съ ребятами шучу,
Влюбляться ихъ учу.

Я скукѣ врагъ навѣки!

(*По окончаніи аріи Гипполитъ подходитъ на сцену съ веселымъ видомъ, и слышенъ громъ вдали.*)

Гипполитъ (*про себя.*) Какая странная мысль!

Весельчакъ. Баринъ идетъ назадъ веселъ; видно, задумался о чемъ-нибудь пріятномъ, или не такъ ли, какъ всѣ богатые люди, которые отъ привычки къ перекорамъ и съ самимъ временемъ живутъ въ разладѣ: давеча было ясно, господинъ мой былъ пасмуренъ; а теперь, чу, громъ гремитъ, такъ онъ распотѣшился.

Гипполитъ. Если бъ это подлинно случилось...

Весельчакъ. Что, сударь, такое, не можно ли мнѣ знать?

Гипполитъ. Я гулялъ задумавшись въ этой липовой рощѣ, гдѣ разбросаны у меня статуи нѣсколькихъ лжебоговъ, и глядя на нихъ, мнѣ вдругъ захотѣлось, чтобы, по древнему обычаю, кто изъ нихъ сошелъ къ намъ сюда; эта мысль меня очень забавляетъ.

Весельчакъ. Вотъ на, сударь; да я думаю въ старину это бредили.

Гипполитъ. Что нужды, что то былъ бредъ; имъ такъ казалось, и они были счастливы. Ча-

сто сонъ привидится такой хорошій, что вѣкъ бы не проснулся.

Весельчакъ. Положимъ, сударь, чтобы эти боги и сошли къ намъ — вотъ-таки сюда прямо въ поле по новому, или старому манеру, какъ имъ угодно; ну, что же въ томъ прибыли было бы, пожалуйте скажите?

Гипполитъ. Я бы спросилъ у нихъ, гдѣ счастье, гдѣ его сыскать, какъ сохранить, какъ во всю жизнь имъ пользоваться?

Весельчакъ. Опять-таки за счастье! Нѣтъ, а я бы у нихъ ничего не спросилъ, а ушелъ бы очень далеко. Видалъ я, какъ земные полубоги нашу братью-мелочь ломаютъ и коверкаютъ; а цѣлая-то полновѣсная какъ слетитъ по вашему съ неба туша, такъ-то ли пить дѣло будетъ?

Гипполитъ. Однако гроза усиливается, пойдемъ домой, пока дождь не пошелъ.

Весельчакъ. Нѣтъ, уже поздно никакъ; экъ-на, какой пошелъ! Вотъ, сударь, каково богами-то шутить; вы лишь молвили про нихъ, анъ и гроза. Съ часъ тому не было и тонкаго облачка, а теперь посмотрите какое черное небо!

Гипполитъ. Поспѣшимъ, поспѣшимъ; градъ и дождь престрашный.

Весельчакъ. Нѣкогда бѣжать, сударь; войдемте лучше въ этотъ шалашъ, и тутъ дождемся, чтобъ туча прошла.

(Оба входятъ въ шалашъ; громъ и гроза страшная, дождь и градъ, а къ концу ду-

жна небо прочищается и время становится прекрасное.)

ГИППОЛИТЪ.

Ахъ, если бы могло то статься,
Чтобы сходили боги къ намъ,
Тогда бы было льзя ласкаться
Сыскать конецъ всѣмъ злымъ бѣдамъ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Какая страшная погода,
Пресильный въ небѣ шумъ и трескъ!
Одѣлась въ тучу вся природа,
Глаза слѣпитъ ужасный блескъ!

ГИППОЛИТЪ.

Иль дождикъ перестать не хочетъ?

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Нѣтъ! онъ насъ любо какъ промочитъ.

ГИППОЛИТЪ.

Намъ, видно, здѣсь весь день сидѣть.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

На тучи съ молніей глядѣть.

ГИППОЛИТЪ.

Но нѣтъ, опять ужъ стало ясно.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Вотъ небо время дастъ прекрасно.

ГИППОЛИТЪ.

И тучи, кажется, прошли.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Опять за рощу всѣ ушли.

ГИППОЛИТЪ.

Вмѣстѣ. Но нѣтъ! опять ужъ стало ясно;
И тучи, кажется, прошли.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Вотъ время небо дастъ прекрасно;
Опять за рощу всѣ ушли.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ жѣ и АМУРЪ.

(Амуръ спускается при ясномъ видѣ неба, гроза перестаетъ; въ различныхъ облакахъ со всѣхъ сторонъ слетаютъ Игры, Смѣхи и Забавы. Лишь только Амуръ съ облака ступитъ на землю, то птицы всѣ запоютъ и начнется въ воздухѣ волшебной хоръ; пока Амуръ вьется со свитою своею въ облакахъ, Гипполитъ и Весельчакъ, его не примѣчая еще, выходятъ изъ шалаша.)

Весельчакъ. То-то, сударь, была нарядная трескотня! Никакъ на Олимпѣ отъ отца Юпитера прочимъ богамъ приходило жарко.

Гипполитъ. Это такъ не рѣдко бываетъ; на верху бранятся, а внизу трещатъ.

(Амуръ входитъ и начинается хоръ, подъ которой Игры, Смѣхи и Забавы танцуютъ балетъ; во время хора Гипполитъ и Весельчакъ стоятъ въ изумленіи.)

ХОРЪ.

Амуръ! тебѣ вселенна служитъ,
Природа вся уставъ твой чтитъ,

Твой гласъ сердца всѣхъ смертныхъ движетъ,
Огнемъ безсмертнымъ ихъ палитъ.

Ты скиптромъ всѣхъ краевъ владѣешь
Превыше свѣтскихъ всѣхъ царей;
Во всѣхъ народахъ ты имѣешь,
Сколь тамъ сердецъ, столь алтарей!

(Пока поютъ хоръ и балетъ танцуютъ, Амуръ подходитъ къ деревьямъ, къ лавочкамъ, и гдѣ палочкой ни тронетъ, вездѣ видно превращеніе, а шалашъ украшается розами, и сверху являются два сердца пылающія, съ надписью: Вотъ счастье.)

Весельчакъ *(тихо Гипполиту.)* Вотъ, сударь, накликали вы и боговъ; смотрите, какая ихъ стая слетѣла. Я уйду.

Гипполитъ *(удерживая его.)* Такъ что жъ? Тѣмъ лучше; какое благополучіе! Подойдемъ къ этому юному божку; это никакъ Амуръ; я его никогда не видывалъ.

Амуръ *(важно.)*

Желаніямъ твоимъ Олимпъ сей день внимая,
И на судьбу твою сокрытый ропотъ зная,
Послалъ меня сюда надменный духъ смирить,
И выучить тебя любя любимымъ быть.

(Въ воздухѣ слышно эхо: любить.)

Чего желаешь ты, скажи мнѣ откровенно?
Мнѣ все покорено: адъ, небо и вселенна.

Гипполитъ. Желаю счастія.

Амуръ.

Коль хочешь быть счастливъ, ты долженъ полюбить.

(Въ воздухѣ повторяется слово: полюбить!)

Гипполитъ. Любить!

АМУРЪ.

Найдя предметъ любви, старайся милымъ быть.

Гипполитъ. Нельзя ли отъ любви меня избавить? Я владычество твое знаю, могущества твоего страшусь; но думаю. . . .

Весельчакъ. А! а! трусу праздновать. . . .

АМУРЪ.

На свѣтѣ безъ моихъ нѣтъ счастія оковъ.
Взгляни на сей шалашъ и судъ прочти боговъ!

Гипполитъ (*читаетъ.*) Вотъ счастье!

(Игры и Смѣхи, окружа Амура, указывая на нею, кричатъ то же: вотъ счастіе.)
(Игривая толпа Геніевъ во время аріи танцуетъ, а по окончаніи каждаго куплета первые четыре стиха поются хоромъ.)

АМУРЪ (*поетъ.*)

На свѣтѣ блаженство
Одно, чтобъ любить,
Всѣхъ благъ совершенство
Любя милымъ быть.
Богатствъ обольщенье
И славы прельщенье
Моихъ стрѣлъ, колчана
Не стоютъ отнюдь.

Въ любви тая страстной,
Хорошъ всякой край,
Съ подругой прекрасной
Вездѣ сыщешь рай.
Безъ женщинъ мужчина,
Жена безъ мужчины

Блаженной судьбины
Нигдѣ не найдутъ.

Гипполитъ. О, сынъ всесильной красоты, повсюду чтимый Купидонъ! или во множествѣ различныхъ человѣческихъ состояній нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы я могъ, почитая могущество твое издалека, быть счастливъ, покоенъ, веселъ, не сгарая твоимъ страстнымъ пламенемъ?

Амуръ *(смѣючись.)* Ахъ! какъ же ты смѣшонъ съ своими высокопарными разсужденіями! Однако я тебя потѣшу; ты наконецъ признаешься и самъ, что безъ меня земной шаръ плачевное жилище. Смотри, тотъ ли видъ при мнѣ имѣетъ твое селеніе, какъ прежде? Птички повсюду поютъ и рѣзвятся, деревья одно къ другому приклоняютъ свои вѣтви и листочки ихъ вьются вмѣстѣ; но когда все это для тебя не убѣдительно, когда гордость и тщета влекутъ тебя за собою, то я дамъ тебѣ случай самому познать свое заблужденіе.

Гипполитъ. Такой даръ для меня стократъ будетъ любезнѣе стрѣлъ твоихъ; на нихъ и безъ меня такъ много охотниковъ, что господину Амуру не малой ихъ запасъ ежедневно потребенъ: на что терять ихъ напрасно?

Амуръ (*принимая отъ двухъ Грацій кружку.*) Вотъ тебѣ кружка изъ самаго чистаго хризолита; въ ней вода рѣки забвенія. Изъ этой кружки Юпитеръ пьетъ всякой разъ, когда онъ отъ одной любовницы бросается въ объятія другой;

но такъ какъ онъ сегодня подарилъ себя Юнонѣ, то до завтра это ему не понадобится. Вотъ тебѣ еще изумрудное колечко, которое я употребляю только на небѣ, когда между богами какая баламутка. Употреби эти двѣ вещи въ свою пользу. Надѣвъ кольцо на правую руку, ты сдѣлаешься всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаешь; надѣвъ на лѣвую, очутишься тамъ, гдѣ вздумаешь, и будешь невидимкой; а когда надоѣдятъ тебѣ превращенія, и ты, найдя судьбу по сердцу своему, захочешь, чтобъ волшебство совсѣмъ исчезло, выпей тогда изъ кружки, да смотри, поберегай ее и истощи напередъ всѣ твои затѣи.

Гипполитъ. Ахъ, какимъ восхищеніемъ, крылатый божокъ, ты меня наполняешь!

Амуръ. Скоро, скоро всѣ эти подарки тебѣ наскучатъ, и я надъ сердцемъ твоимъ восторжествую.

(*Во все это время Весельчакъ заигрываетъ съ прислужницами Амура и Геніями.*)

А ты, бѣднякъ, также, я чаю, чего-нибудь хочешь?

Весельчакъ. Благо можно попросить, семъ попытаюсь и я (*Подходитъ робко и тихо*) Великой, большой, ужасной, преузорочной, отецъ.... дитя . . . .

Амуръ (*расхохотавшись.*) Ха, ха, ха! Оставь пожалуй эти вычуры: я до нихъ не охотникъ. Я беру на себя иногда видъ важный, когда бесѣдую съ людьми знатными, степенными и неприступными; а съ такими добрыми простяками,

каковъ ты, я всегда обхожусь безъ чиновъ. И для нихъ у меня особыя водятся стрѣлы.

Весельчакъ. Такъ изволь же знать, господинъ Амуръ, что мнѣ двухъ вещей, помилуй Богъ, какъ хочется; а впрочемъ, я всѣмъ, милости твоей ли, или другого какого вашего брата, верхняго жителя, доволенъ.

Амуръ. Ну скажи, чего?

Весельчакъ. Во-первыхъ, кабы у меня была женушка, которая бы меня любила ни больше ни меньше, какъ я ее любить буду.

Амуръ. Изволь. Потомъ?

Весельчакъ. Кабы имѣлъ я въ карманѣ такую бутылку вина, въ которую бы, сколько изъ нея выпью, столько бы опять наливалось, то есть даромъ, безъ платежа.

Амуръ. Изволь, я тебя этимъ подарю за твое добросердечіе. Я не замѣшкаюсь привести тебѣ такую дѣвочку, съ которой ты будешь жить, какъ рыба съ водой, а вина, когда ни пожелаешь, всегда получишь. Господинъ твой пускай до вечера помается, ха, ха, ха, и пусть узнаетъ, что сколько ни есть на свѣтѣ людей, и сколько ни различны ихъ состоянія, все въ мірѣ любитъ, все мнѣ кланяется и изъ этого колчана летаютъ стрѣлы такъ же давно, какъ и люди водятся.

(Амуръ, проговоря сіе, даетъ сигналъ: облака во множествѣ спускаются. Игры, Смѣхи и Забавы группами садятся и подымаются вверхъ; Амуръ на легкое облако восходитъ, и пока этотъ отлетитъ на

театръ дѣлается, поется тотъ же волшебный хоръ, который и прежде. По окончаніи же онаго, и когда Амуръ изъ виду и съ свитою своею пропадаетъ, то театръ приходитъ въ первобытное состояніе, превращенія исчезаютъ и залъ прежній видъ получаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Весельчакъ. Никакъ, сударь, тысяча и одна ночь въ очью совершается?

Гипполитъ. Ахъ, какая нужда изслѣдывать сонъ ли то, или истина! Сегодняшній день вѣчно изъ памяти моей не выйдетъ. Если все на свѣтѣ обманъ, то можетъ ли мечта быть прелестнѣе моей! Пойду, полечу, обтеку мысленно всѣ предѣлы свѣта, употреблю въ пользу свою сіи очарованные подарки и посмотрю, есть ли на свѣтѣ счастіе.

Весельчакъ. Однако, сударь, пока вы еще кольца своего съ пальчика на пальчикъ не перебрасываете и изъ угла въ уголъ по свѣту не мычитесь. . . .

Гипполитъ (*съ нетерпѣніемъ желая уйти, пока тотъ его держитъ.*)

Ну! . . .

Весельчакъ. Пока изъ кружки не зачали еще цѣдить воду забвенія, которую, по частой перемѣнѣ вашихъ склонностей, скоро, я думаю почнете. . . .

Гипполитъ. Ну! . . .

Весельчакъ. Такъ же пока я не пожелалъ, не получилъ и не началъ своего съ неба спадшаго ренскаго. . . .

Гипполитъ. Договоришь ли ты безчисленныя свои *пока?*

Весельчакъ. Не можно ли, сударь, намъ отобѣдать? Громъ, тучи и слѣпое дитятко Амуръ такъ насъ засовали, мы такъ засуетились, что давно полдень прошелъ, а мы еще не ѣли.

Гипполитъ. Вотъ еще какая диковинка! Сколько людей отъ Амура, и не видавъ его совсѣмъ, по нѣскольку дней вовсе не ѣдятъ, а мы по крайней мѣрѣ его видѣли.

Весельчакъ. Правда, сударь, что это велико дѣло; да только брюхо ничего этого не разумѣетъ.

Гипполитъ. Добро! пойдемъ обѣдать, и выпьемъ за здоровье Амура.

ЯВЛЕНІЕ V.

(Театръ представляетъ селеніе Глафиры; вдали театра англійскій садикъ, а направо, ближе къ оркестру, бесѣдка съ площадкой, на которую Глафира изъ бесѣдки выходитъ.)

ГЛАФИРА (*одна.*)

АРІЯ.

Стократъ счастливое уединенье,
Гдѣ я живу безъ скуки, безъ досадъ!
Въ тебѣ мой духъ находитъ утѣшенье,
Какого дать не силенъ знатный градъ.
Тамъ шумъ, тамъ все противится природѣ;
Все ею здѣсь и дышетъ и живетъ!
Здѣсь птички рѣзвятся въ свободѣ
И соловей играючи поетъ.

Стократъ счастливое уединенье, и проч.

Смѣяна (*вбѣгаетъ съ крикомъ.*) Ахъ! ахъ! ахъ! сударыня.

Глафира. Что ты?

Смѣяна. Вонъ тамъ какое-то дитя за мною гонится.

Глафира. Что жъ тутъ страшнаго?

Смѣяна. Ничего; да лишь я его взвидѣла, такъ вся стала не своя и сердце такъ бьется. . .

Глафира. Какъ же она испугалась! . . . (*Амуръ вбѣгаетъ съ завязанными глазами и съ лукомъ*) Что за хорошее дитя! — Откуда ты взялся, мальчикъ?

Амуръ. Я не мальчикъ.

Глафира. Дѣвочка что ли?

Амуръ. Нѣтъ.

Смѣяна. Не ужъ ли ты родился отъ грому и молніи давешней?

Амуръ. Нѣтъ, я шуму не люблю.

Глафира. Для чего ты зажмурившись ходишь; вѣдь ушибешься.

Амуръ. Не бойтесь, я не ушибусь; а зрячіе, на меня заглядываясь, часто спотыкаются.

Смѣяна. Да скажи намъ, милое дитя, что ты такое?

Амуръ (*развязывая очи.*) Я божокъ; меня зовутъ Амуръ.

Глафира. Такого гостя я право давно къ себѣ не ожидала.

Смѣяна. А зачѣмъ пожаловалъ? Развѣ тебѣ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ насъ, мѣста нѣтъ? Иль отъ тебя и въ глуши не уйдешь?

Амуръ. Отъ меня! отъ Амура уйти! ха, ха, ха!

АРІЯ.

Нѣтъ въ свѣтѣ участи такой,
Нигдѣ нѣтъ края, ни пути,
Гдѣ бъ отъ стрѣлы моей любой
Умѣлъ бы человѣкъ уйти;
Я жгу огнемъ, бью тетивой:
Со мной пожалуй не шути.
И старой и малой
И трусъ и удалой,
Кто холостъ, или кто женатъ,
Кто бѣденъ, или кто богатъ,
Отличной разумъ кто имѣетъ
И трехъ кто счесть не разумѣетъ, —

Все мнѣ, все покорено,
Все любить осуждено.

Итакъ я сошелъ съ неба тронуть твое сердце, Глафира, и дать тебѣ силу мою почувствовать.

Глафира. Я готова тебѣ повиноваться.

Амуръ. Подлѣ васъ живетъ важный и знатный господинъ; онъ богатъ, а потому и гордъ, ни въ чью бьетъ, и власти моей противиться смѣетъ. Сегодни я умножу имъ число моихъ подданныхъ, сегодни Глафира будетъ его женою.

Глафира. Чья? Гипполита? — Я его очень мало, а онъ меня, я чаю, вовсе не знаетъ; и какъ мнѣ такой высокой степени льститься: онъ знатенъ, а я темной породы.

Амуръ. Эту темную породу красота ангельская дѣлаетъ свѣтлѣе солнечныхъ лучей.

Глафира. Онъ богатъ, а я ничего не имѣю.

Амуръ. Скромность и разумъ замѣняютъ всѣ сокровища вселенной.

Глафира. Онъ любитъ пышность, почесть, славу, а я уединеніе.

Амуръ. Въ уединеніи съ тобой онъ все забудетъ. Слава его будетъ — тебѣ нравиться, почесть—владѣть твоимъ сердцемъ, а пышность— вымышлять тебѣ забавы.

Смѣяна. Правду говоритъ Амуръ. Наше дѣло, пригожихъ и молоденькихъ дѣвушекъ, прихотничать и нѣжиться, а ихъ—за нами ходить, да лисой около насъ увиваться.

Глафира. Я больше ничего сказать не смѣю.

Когда Амуръ судьбой моей хочетъ править, то мнѣ остается. . . .

Амуръ. Хохотать? . . . ха, ха, ха! О! я люблю веселить и веселиться. . . . Вашъ околотокъ весь я превращу сегодни въ райское селеніе: всѣхъ женю, всѣхъ выдамъ за-мужъ: Гименею дамъ работы дни на три; нагоню сюда Граціевъ, забавъ и смѣху пропасть, важность за порогъ вышлю; спѣсь и чванство только трону, такъ они у меня, какъ стекло, въ дребезги разобьются; а самъ поспѣшу на каждой свадьбѣ минутъ пять, — да и поминай какъ звали.

Смѣяна. Какъ же весело и смѣшно будетъ; а я великая хохотунья. Да, господинъ Амуръ, мнѣ-то что?

Амуръ Тебѣ я приготовилъ жениха кровь съ молокомъ; ты тотчасъ его увидишь. . . . Твой преважный, престепенный Гипполитъ мыкается теперь, по моей волшебной милости, за тридевять земель, невѣдомо гдѣ; пускай онъ устанетъ хорошенько, а къ вечеру, и прежде нежели солнышко кончитъ бѣгъ свой, прежде чѣмъ Юпитеръ надѣнетъ свой ночной колпакъ и мать моя, Венера, поясъ свой положитъ на яшмовую полку, Глафира будетъ въ объятіяхъ нѣжнаго любовника.

(Уходитъ, и Смѣяна съ Глафирой за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Театръ первую декорацію представляетъ.)

Весельчакъ (*одинъ.*) Имѣть 50 тысячъ годоваго доходу и мыкаться по бѣлу свѣту съ волшебной кружкой, да съ перстнемъ,—такая диковинка въ башку мою не лѣзетъ. Заѣхать на Каму! Худо однако я сдѣлалъ, что не просился у Амура въ Москву; баринъ мой теперь, можетъ, стрѣляетъ и гораздо за Москвой, а мнѣ-такъ и Сухаревой башни не видать. Ну, да не ужъ ли похожденіе наше кончилось? Нѣтъ, еще дюжины двѣ-три красавушекъ сверху къ намъ, конечно, налетятъ; вѣдь имъ, я чаю, такъ же тамъ скучно, какъ намъ здѣсь. Что за причина, какъ подумаешь: кто внизу, тому все вверхъ хочется, а кто вверху, тотъ нарохтится какъ бы на низъ спрыгнуть, и выходитъ это русская побаска: Тамъ-де и хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Амуръ обѣщалъ мнѣ дѣвчонку, да все это буки. Семъ-ка покамѣстъ попробую я съ небеснаго погреба винца. Явись мнѣ бутылочка бѣлаго, нѣтъ, краснаго, нѣтъ, смоленаго. (*Является вдругъ бутылка шампанскаго*) То-то кладъ, то-то рай, то-то небесная сладость! Стану тянуть и пѣть, и пѣть и тянуть. (*На колѣна ставъ*) О, великіе того свѣта боги, цари, князья, графы, бояры, знатные и простые господа, боярченки и наша братья, челядь! всю эту бутылочку выпью за здоровье ваше; а

вы между тѣмъ готовьте другую: такъ Амуръ приказалъ.

(*Садится въ шалашъ и пьетъ припѣвая.*)

АРІЯ.

Пусть всякъ живетъ и мычется, какъ знаетъ,
Одинъ, съ женой, иль съ множествомъ подругъ;
Меня ни то, ни сё не раздражаетъ:
Всѣ люди мнѣ друзья и я всѣмъ другъ.

Мало ли, что кого изъ насъ забавитъ,
Я про себя всегда и сытъ и пьянъ;
Кто какъ гораздъ, тотъ счастьемъ такъ и правитъ,
А я, за кружкой сидя, знатный панъ.

Всѣ на судьбу, посмотришь, губу дуютъ,
Для чего свѣтъ идетъ всегда вверхъ дномъ;
Все трынь-трава, напрасно лишь толкуютъ:
Мнѣ то и рай, коли въ избѣ содомъ.

(*Допиваючи, онъ становится очень пьянъ.*)

Ну, бутылочка, мой другъ, спасибо. . . . распотѣшила ты меня. . . . утро-то такъ меня смутило Э! да что красавушка моя не катитъ. . . . Видно, Амуръ подъ нее голубей подпрягаетъ. . . . То-то, я чай, преузорочное дѣло будетъ. . . . Ну, Весельчакъ. . . . въ сорочкѣ родился. . . . Эка невидаль. . . . и въ Москвѣ. . . . Да. . . . ну-таки слышь. . . . Вся недолга.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФИНАЛЪ.

АМУРЪ, СМѢЯНА и ВЕСЕЛЬЧАКЪ *(Спитъ.)*

АМУРЪ.

Подь сюды, подь сюды,
Подь сюды, моя красотка!
Тебя ждетъ твоя находка;
Не бось со мною ты бѣды.

СМѢЯНА.

Амуръ находку обѣщаетъ;
Знать, жениха мнѣ припасаетъ:
Бояться съ нимъ нельзя бѣды.

АМУРЪ.

Анъ вотъ молодчикъ мой сонливой,
Любовникъ прямо нестыдливой,
Какъ разнѣжившись лежитъ,
Какъ убитый съ хмѣлю спитъ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Заспался некстати я,
Не взбудилъ никто меня;
Ай житье, ай да раздолье!
Харча, вина, всего приволье.
Амуръ, спасибо, братъ, тебѣ!
Но вотъ и самъ онъ здѣсь явился;
Съ какой красоткой очутился!
Супруга, знать, моя никакъ?
А я стою тутъ какъ дуракъ!

Вмѣстѣ.

АМУРЪ.

Насилу другъ нашъ встрепенулся.
Вотъ твой женихъ, смотри, проснулся;
Его тебѣ я подарю,
Но не сейчасъ, а ввечеру.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Но вотъ и самъ онъ здѣсь явился;
Съ какой красоткой очутился!
Моя жена при немъ, никакъ?
А я стою тутъ какъ дуракъ!

АМУРЪ.

(Видя, что Весельчакъ порывается обнять Смѣяну, удерживаетъ его.)

Потише, молодецъ, такъ близко къ ней не суйся;
Бутылка тебя ждетъ, — поди съ ней поцѣлуйся.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Не только что вина, ты женку мнѣ сулилъ.

АМУРЪ.

Чего ты напередъ, припомни-ка, просилъ?

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Не помню, хоть убей. . . .

АМУРЪ.

Жены тебѣ хотѣлось;
А къ дѣлу какъ пришло, пилось бы лишь, да ѣлось.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Пустое, братъ, Амуръ; голодной у кумѣ,
Слыхалъ я, что не ты, а хлѣбъ лишь на умѣ.

АМУРЪ.

За то ты даромъ сей красотки не получишь;
Трудомъ ее купи, и если не соскучишь,

Такъ къ вечеру ее ты будешь цѣловать;
А безъ того ее вовѣки не видать.

СМѢЯНА.

Почто ты мнѣ узнать велѣла
Любви желаемый предметъ;
Иль въ злобѣ ты своей хотѣла,
Чтобъ мнѣ омерзилъ цѣлый свѣтъ?

АМУРЪ.

Дай мнѣ взбѣсить его свободу.

СМѢЯНА.

А ты мнѣ дай мою свободу.

АМУРЪ.

Пускай, въ замѣнъ вина, пьетъ воду.

СМѢЯНА.

Напрасно такъ тѣснить природу?

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Я пилъ какъ-будто бы во снѣ,
А на яву похмѣлье мнѣ;
Нельзя ли, батюшка Амуръ,
Мнѣ безъ хлопотъ ей строить куръ?

АМУРЪ.

Богамъ угодно, чтобъ, въ отмщенье
За сдѣланное предпочтенье
Вину предъ женской красотой,
Ты искусился бы водой.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Какой мнѣ рокъ готовятъ слезной!
Спасибо, баринъ мой любезной!
Амура съ неба ты сманилъ,
А самъ отъ нихъ тотчасъ уплылъ.

СМѢЯНА.

Что мучить насъ тебѣ охоты?
Жени скорѣй, иль разлюби.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Свои ты инде найдешь счеты,
А насъ, пожалуй, не губи.

АМУРЪ.

Нельзя того перемѣнить,
Богамъ нельзя мнѣ измѣнить.

СМѢЯНА И ВЕСЕЛЬЧАКЪ (*на колѣнахъ.*)

Амуръ! отъ ногъ твоихъ не встанемъ,
Молить тебя не перестанемъ;
Нѣтъ, нѣтъ, конечно не отстанемъ,
Пока ты счастья намъ не дашь.

АМУРЪ.

На что у ногъ моихъ стоите?
Того, чего теперь хотите,
Сыскать отнюдь себя не льстите.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Какая это ярололшь!

Всѣ трое.

АМУРЪ.

Водою ты, а ты терпѣньемъ
Готовьтесь выучены быть.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ И СМѢЯНА.

Взаимнымъ сердца привлеченьемъ
Успѣлъ довольно научить.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Итакъ, сударь Амуръ, шалыливое владыко,
Которому всегда плати ремень за лыко.

АМУРЪ.

Не хочешь ли меня ты бранью испужать?

(*Смѣется*)

Ворчи, дружокъ, ворчи. . . .

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Тебя коль не чѣмъ взять,
Скажи же, какъ достать ее повелѣваешь?

АМУРЪ (*важно.*)

Коль подлинно владѣть дѣвицей сей желаешь,
Ты долженъ здѣсь въ рѣкѣ всю воду возмутить,
И сряду девять разъ девяту волну пить.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Девяту волну пить и девять разъ и къ ряду!
И впрямъ, Амуръ, въ тебѣ ни складу нѣтъ, ни ладу.

(*Амуръ уходитъ и Смѣяну съ собой уводитъ.*)

ВОЛШЕБНЫЙ ХОРЪ.

(*Во время онаго Весельчакъ стоитъ изумленъ, надумывается и уходитъ.*)

Амуръ, Венеринъ сынъ прекрасный!
Лети ты къ небесамъ опять,
И съ нихъ смѣлѣй стрѣлою страстной
Спѣши вселенну поражать.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ГИППОЛИТЪ *(одинъ.)*

АРІЯ.

Амуръ, тиранъ сердечный,
Спокойныхъ душъ врагъ вѣчный!
Увы! почто я зрѣлъ тебя!
Всѣ мысли наши возмущаешь,
Страдать всечасно заставляешь
И жить, разсудокъ погубя.
Отъ стрѣлъ твоихъ что ни родится,
Что только въ голову вселится —
Химера выйдетъ и мочта.
Нѣтъ, я тебѣ не покорюся,
Всей силою вооружуся,
И для меня ты суета.

Два раза я надѣвалъ кольцо на правую руку, и два раза превращался: нѣтъ, или волшебство мнѣ не благопріятствуетъ, или подлинно нѣтъ участи счастливой.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Весельчакъ. Ну, сударь, благодарю покорно; изрядную вы мнѣ милость оказали!

Гипполитъ Что жъ такое? Или вина тебѣ не стало?

Весельчакъ. Какъ бы не вина, сударь; за мои грѣхи пришлось и воду пить.

Гипполитъ. Какъ это?

Весельчакъ. Препроказливый этотъ божокъ, или сатана, давешній Амуръ, нашелъ меня какъ-то здѣсь въ расплохъ на-веселѣ, показалъ мнѣ красавицу, которую я такъ полюбилъ, какъ.... какъ мужчины любятъ дѣвокъ, и собрался-было ее поцѣловать такъ .... какъ мужчины цѣлуютъ дѣвокъ; но мой Амуръ разсердился не вѣдь за что и изволилъ мнѣ приказать эту незнаемую красотку выслуживать, какъ-будто чинъ какой, и какъ бы вы думали, чѣмъ?

Гипполитъ. Чѣмъ бы то ни было, ты такъ влюбчивъ, что для тебя все будетъ бездѣлица.

Весельчакъ. Нарядилъ меня этотъ воздушный сорванецъ идти къ рѣкѣ, возмутить воду, ловить девятую волну и выпить ее девять разъ къ ряду. (*Гипполитъ смѣется*) Вамъ, сударь, смѣшно, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Гипполитъ. Не веселѣй и мнѣ, повѣрь. Я два раза превращался и все по пустякамъ.

Весельчакъ. Ништо вамъ; сами блинъ спекли, сами и кушайте. Однако, сударь, на маломъ нашемъ роздыхѣ нельзя ли узнать, гдѣ и чѣмъ изволили побывать?

Гипполитъ. Сперва вздумалось мнѣ пожить въ кожѣ стихотворца.

Весельчакъ. Я чаю, слова ваши, сударь, полились какъ сыта.

Гипполитъ. Я въ этомъ состояніи испыталъ страсть доселѣ для меня новую и въ мукахъ ея и заботахъ: я сталъ самолюбивъ, возмечталъ, что лучше меня никто не пишетъ, потѣлъ долго, писалъ много, сказалъ мало, завалили меня ругательствомъ и насмѣшками, и я съ досады выскочилъ вонъ изъ стихотворнаго туловища.

Весельчакъ. И попали куда?

Гипполитъ. Въ густую судейскую тушу; сдѣлался судьею, разсердился на плутовъ и лихоимцовъ, погналъ ихъ грудью и перомъ, зачиналъ уже одолѣвать, какъ вдругъ одинъ, и больше меня, судья на меня разсердился и далъ мнѣ такого туза, что почувствовалъ я себя и къ судейству человѣкомъ негоднымъ; разлилась во мнѣ желчь, я взбѣсился и скинулъ посредствомъ волшебнаго кольца судейскую съ себя маску.

Весельчакъ. Потомъ, сударь?

Гипполитъ. Потомъ пришелъ сюда.

Весельчакъ. Воля ваша, сударь, вы не знаете, чего хотите. 50 тысячъ у васъ доходу, — одно это, кажется, звонкое слово: 50 тысячъ рублей счастливѣе всѣхъ вашихъ превращеній,

отъ которыхъ вы къ концу дня ни на волосъ выше не подыметесь.

Гипполитъ. Я не знаю, право, что мудренаго въ моихъ желаніяхъ. Я счастье полагаю въ самыхъ легкихъ пріобрѣтеніяхъ. Что въ богатствѣ, когда дѣлить его не съ кѣмъ! Я хотѣлъ бы имѣть товарища, который бы встрѣчалъ великолѣпную зарю утра сидя рядомъ со мною, который ввечеру, смотря вмѣстѣ жъ со мной на закатъ солнца, благодарилъ бы Небо одними со мной устами за то, что къ протекшимъ счастливымъ днямъ еще день счастливый приложился, который бы задумывался вмѣстѣ со мною, вздыхалъ въ одно время и о томъ же, любилъ бы меня паче всего на свѣтѣ.

Весельчакъ. Ха, ха, ха! и вышло на моемъ, сударь: вамъ влюбиться хочется; вы любовницу ищете, да не найдете, вотъ и запятая.

Гипполитъ. Все влюбиться, да влюбиться; развѣ другъ не превосходилъ бы стократъ любовницы? Прошло то благополучное для смертныхъ время, въ которое человѣкъ, всегда юный въ страстяхъ своихъ, равняющійся въ непорочности ангелу, любилъ пламенно и нѣжно, душа его горѣла огнемъ чистымъ и незазорнымъ; а нынѣ любви нѣтъ; нынѣ все дѣвки, да дѣвки, вчера такая, завтра иная — вотъ любовь нашего вѣка; я въ ней счастія своего никогда не найду.

Весельчакъ. Вишь вотъ на всѣхъ какъ угодить! А мнѣ то-то и любо, что все перемѣнки: вчера Арина, сегодни Марина. Поѣдемъ-те, су-

дарь, въ Москву: тамъ красавицъ, какъ лѣтомъ мухъ, любую выбирайте; а здѣсь пей пожалуй девятую волну.

Гипполитъ. Нѣтъ, воспользуюсь теперь другимъ подаркомъ Амура: надѣну кольцо на лѣвую руку и предстану невидимкой, куда вздумается; посмотрю на вельможу, найду въ избѣ грубаго поселянина, и если не сыщу счастія нигдѣ, по крайней мѣрѣ не упрекну себя, что я его не искалъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ *(одинъ.)*

Ну, Весельчакъ, пить такъ пить девятую волну. Сбылась со мной побаска: хоть не радъ, да будь готовъ; что дѣлать, иногда трафится, что и радъ, да не готовъ: свѣтъ штука большая, что о томъ и говорить; э, да мало ли что въ немъ мудренаго. Станемъ-ка жить и курныкать сегодни, а завтра что Богъ дастъ.

АРІЯ.

Всякъ, чего желаетъ,
Самъ того не знаетъ;
Свѣтъ таковъ
Ужъ не новъ.
Много въ свѣтѣ
На примѣтѣ
Дураковъ.

Нынче все хохочетъ,
Завтра плакать хочетъ
Человѣкъ
Весь свой вѣкъ;
Такъ живется,
Такъ ведется
Цѣлый вѣкъ.

Милую находку
Нѣжную красотку
Кто сыскалъ,
Кто досталъ,
Тотъ удачливъ,
Тотъ и счастливъ
На вѣкъ сталъ.

Много и умнѣе
Меня и знатнѣе
Про себя,
Не шутя,
Тотъ же клятой
Пьютъ девятой
Валъ, какъ я.

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Театръ перемѣняется и представляетъ кабинетъ вельможи, въ которомъ Гипполитъ невидимкой.)

ГИППОЛИТЪ и МЕЧТОЛЮБЪ.

Гипполитъ (*сперва одинъ.*) Итакъ я очутился въ Москвѣ; въ этомъ домѣ, говорятъ, безпрестанныя собранья. Хозяинъ богатъ, знатенъ, мо-

лодъ, уменъ, пріятенъ, слѣдовательно и счастливъ; увижу, даютъ ли благополучіе чины, слава и почесть, когда всякой день испытываю, что роскошь дать его не можетъ.

Мечтолюбъ. Какой скучной обѣдъ! какое несносное принужденье! Малой! (*слуга входитъ*) дай сюртукъ. Насилу въ цѣлый годъ нашелся такой вечеръ, который я могу провести по-своему. (*Надѣвъ сюртукъ*) Дома ли жена?

Слуга. Изволила съѣхать и карету отпустила; вотъ отъ нея письмо.

Мечтолюбъ (*читаетъ.*) Гей! Скажи, чтобы музыку приготовили; сегодни жена не будетъ дома во весь вечеръ, и я на свободѣ повеселюсь.

Гипполитъ. Изрядное супружество.

Мечтолюбъ. Позовите сюда секретаря моего; завтра еще прибавятся наружные знаки моихъ почестей, и женинъ визитъ, балъ и всѣ его послѣдствія обѣщаютъ мнѣ впередъ много лестныхъ преимуществъ.

Гипполитъ. А самое вѣрное — рога.

Мечтолюбъ. Пусть голодные писатели и изсохлые моралисты поютъ, что хотятъ; кто выситься желаетъ, тому всѣ средства хороши, лишь бы достигалъ удачи.

Гипполитъ. Самая добрая философія!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и ПОДДАКИНЪ съ бумагами.

Мечтолюбъ. Здравствуй, господинъ Поддакинъ! Что это ты съ бумагами пришелъ?

Поддакинъ. Вашему Сіятельству недосугъ было давеча.....

Мечтолюбъ. Да, я ѣздилъ на званый пиръ.

Поддакинъ. Не угодно ли что приказать по этимъ бумагамъ? Тутъ есть довольно важные приговоры.....

Мечтолюбъ. Нѣтъ, мой другъ, все это завтра; мнѣ сегодня недосугъ. Я остался дома слушать музыку, а не дѣла дѣлать; завтра.

Поддакинъ. Не угодно ли на нѣкоторыя, времени нетерпящія, письма хотя краткіе отвѣты начертать?

Мечтолюбъ. Еще разъ, мой другъ, нѣтъ. Или я не могу иногда забавы мои почесть недосугами для отправленія дѣлъ? Я тебя позвалъ, чтобы спросить тебя, нашелъ ли ты мнѣ денегъ занять?

Поддакинъ. Ваше Сіятельство, денегъ достать нынѣ и трудно и дорого. Если бы онѣ и были, то бы я осмѣлился доложить Вашему Сіятельству изъ отлично глубокаго моего почтенія.....

Мечтолюбъ. О чемъ?

Поддакинъ. Объ удовлетвореніи многихъ должниковъ, кои неотступно платежа просятъ, и

сколько я сего утра ни хлопоталъ съ ними изъ отсрочекъ, но всѣ ссылаются на вашу роскошь и ждать не хотятъ ни дня; простите мнѣ.

Мечтолюбъ. Такъ, мой другъ, я знаю, что мои столы, мои пиры, а особливо музыка, всѣмъ въ глаза кидаются, всякой меня почитаетъ ежеминутно въ деньгахъ; но ты знаешь, что нынѣ весьма вошло въ обыкновеніе не имѣть гроша въ карманѣ и кормить сто человѣкъ гостей. Вотъ таки напримѣръ и: у меня нѣтъ теперь 25 рублей въ кошелькѣ, а ежели завтра получу я извѣстіе, что произведенъ, то не далѣе, какъ черезъ два дни у меня маскерадъ, и вся Москва будетъ угощена. Итакъ, мой другъ, о дѣлахъ и долгахъ станемъ говорить завтра, а о деньгахъ сегодня, сей же часъ.

Поддакинъ. Если бы смѣлъ я предложить вамъ способъ получить ихъ?

Мечтолюбъ. Какой, скажи?

Поддакинъ. Посѣщающій васъ купецъ.....

Мечтолюбъ. Понимаю; съ охотою, завтра дѣло его будетъ сдѣлано, а ты постарайся о томъ, чтобъ.....

Поддакинъ. Это не забудется и не пропадетъ, Ваше Сіятельство; онъ бы кромѣ и случайной сей своей послуги готовъ съ вами въ общія коммерческія дѣла войти, какъ-то въ откупъ, въ подряды: подъ именемъ вашимъ всякая монополія меньше была бы страшна; но онъ опасается и въ разговоры даже о семъ войти съ столь знаменитою особою, какъ ваша.

Мечтолюбъ. Пустое, другъ мой, чего онъ боится. Многіе изъ насъ лишь публику стращаютъ надутымъ своимъ видомъ, а въ самомъ дѣлѣ въ кабинетахъ своихъ они право не такъ-то казисты.

Гипполитъ. Спасибо, хоть чистосердеченъ.

Мечтолюбъ. Много дѣлаетъ въ свѣтѣ личина.

Поддакинъ. Подлинно, Ваше Сіятельство, мало ли что кому кажется золотомъ, гдѣ вправду только мѣдь

Мечтолюбъ. Такъ, господинъ Поддакинъ, насъ возводятъ и губятъ не дѣла, а молва. Прослыветъ дуракъ умнымъ, всѣ его премудрости дивятся; умный ли попадетъ въ дураки, всѣ закричатъ: такого скота и не бывало. Хитра наука въ свѣтѣ жить, мой другъ!

Поддакинъ. Кто одаренъ такими достоинствами, какъ вы, Сіятельнѣйшій, тотъ владѣетъ во всякое время ниткою этого лабиринта.

Мечтолюбъ. На что достоинства? Чтобъ счастливу быть не надо быть добру, а осторожно быть дурну.

Гипполитъ. Какая тонкая чернота, какой уродъ въ порокахъ!

Поддакинъ. Мѣтко разсуждать изволите, Ваше Сіятельство!

Гиппол итъ. Кури свой идолъ, о, пребезчестный ласкатель!

Мечтолюбъ. Возьмемъ въ примѣръ кого-нибудь; я о себѣ не стану говорить. Мало ли ты знаешь людей въ свѣтѣ, которые чѣмъ больше

сдѣлали хулы достойныхъ дѣлъ, тѣмъ легче получили всякія степени преимуществъ.

Поддакинъ. Не говоря о Вашемъ Сіятельствѣ, и я скажу, что ихъ довольно.

Мечтолюбъ. Сколько же, напротивъ, мнѣ извѣстныхъ людей, кои отъ неумышленности, отъ неосторожнаго подвига молодого разсудка, можетъ быть, и хорошаго, по крайней мѣрѣ не пакостнаго, платили дорого за самыя извинительныя шалости; молва объ нихъ доходила до какой-нибудь мелкой твари; эта гадина внушала и вѣсточку и свои толки тутъ же въ уши какого ни на-есть скареда; тотъ скажетъ двумъ, или тремъ другимъ, и пошло въ славу; наконецъ молодой человѣкъ безъ всякой вины часто претерпѣваетъ самыя лютыя поношенія, теряетъ хорошее имя и какъ ключъ ко дну канетъ.

Поддакинъ. Все, что ни изволите сказать, все очень справедливо; слова изъ устъ вашихъ какъ рѣка льется.

Гипполитъ. А на сердцѣ сажа; что не договариваешь?

Мечтолюбъ. Однако я заговорился; пора бы за музыку. А ты-таки все за бумаги.

Поддакинъ. Въ нихъ есть одна такая, которая меня собственно корыствуетъ, и ежели бы смѣлъ.....

Гипполитъ. Подай, подай; что такое?

Поддакинъ. Письмо къ одному губернатору о представленіи къ мѣсту небогатаго человѣка, коего жена.....

Мечтолюбъ. Родственница тебѣ, или ....

Поддакинъ. Она, Ваше Сіятельство, отпущена мужемъ погостить ко мнѣ; за такое его одолженіе былъ бы я неблагодаренъ.....

Мечтолюбъ. Конечно..... еслибъ не оказалъ чрезъ благодѣтеля своего ему услуги. А хороша ли эта госпожа? Виноватъ; я много спрашиваю; мое дѣло подписать письмо, прочее для меня секретъ. *(Подписываетъ.)* Вели послать ко мнѣ мою пѣвицу. *(Приносятъ ему карточки.)* Вотъ еще одна изъ тѣхъ забавъ, кои меня крайне веселятъ. Около большого праздника прославятъ кого-нибудь въ новое достоинство, или въ новый случай у двора, то и бросятся всѣ наперерывъ съ визитами, кто поутру, кто наканунѣ, кто ввечеру. Завтра я жду эстафеты, а сегодня вся Москва валитъ въ гости.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и НИНА, пѣвица.

Мечтолюбъ. Здравствуй, Нина! Какъ же ты авантажна сегодня! Ты не догадаешься, зачѣмъ я тебя позвалъ?

Нина. Для клавикордъ, конечно, Ваше Сіятельство?

Мечтолюбъ. А ежели бы не для нихъ..... Сыграй мнѣ что-нибудь, только прошу не арію, а простую русскую хорошую пѣсенку; я тер-

пѣть не могу вашихъ итальянскихъ взвизговъ. Всякій имѣетъ свой вкусъ.

АРІЯ.

НИНА.

Все со временемъ проходитъ,
Заблужденьямъ есть конецъ;
Тотъ во тмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.

МЕЧТОЛЮБЪ.

Себѣ и сердцу измѣняя,
Мечту лобзаемъ каждый часъ;
Но, ахъ! все вздоръ; любовь прямая
Одна сильна счастливить васъ.

Мечтолюбъ. Вотъ настоящая правда!
Гипполитъ. Да ты ее не чувствуешь.

НИНА.

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустой,
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной!

МЕЧТОЛЮБЪ.

Любовь и скиптры украшаетъ,
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви вся тварь скучаетъ,
Ничто въ подсолнечной не льститъ.

Мечтолюбъ. Продолжай, продолжай; я хочу ее всю прослушать.

НИНА.

Даръ любить дала природа
Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ;

Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
Выше царскихъ всѣхъ побѣдъ.

МЕЧТОЛЮБЪ.

Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюся я къ ней,
Тогда я все позабываю,
Кромѣ голубушки моей.

(Въ это время входитъ слуга съ запиской. Мечтолюбъ, который хотѣлъ поцѣловать Нину, отскакиваетъ и беретъ записку; пока онъ ее читаетъ, Гипполитъ про себя.)

Вотъ прекрасно! Забываетъ все, кромѣ голубушки, а вмѣсто того бросается изъ объятій ея къ запискѣ, которой еще и содержанія не знаетъ! Что жъ будетъ съ этакой голубушкой, когда онъ прочтетъ ее?

Мечтолюбъ (*прочтя и въ смущеніи.*) Гей! карету! Боже мой! распустить музыкантовъ! Не было никакой перемѣны, и я чаемаго повышенія не получилъ. Я знаю, кто это спроворилъ; я вѣдаю, чьимъ провеказъ я обязанъ за теперешнее мое внутреннее страданіе. О, люди, вы, кои завистливыми на насъ смотря очами, желаете быть на нашемъ мѣстѣ! благословите вашу участь! Вы никогда не покупаете вашихъ забавъ такою дорогою цѣною, какъ мы; и этотъ мигъ пріятный, который я себѣ доставилъ между тягостнымъ обѣдомъ и стократъ несноснѣйшимъ вечеромъ, не стоитъ всѣхъ очарованныхъ счастіемъ дней, кои вы проводите съ своими подру-

гами, насмѣхаясь намъ и нашимъ замысламъ. Ну, теперь женѣ у князя дѣлать нечего; поѣду за ней.

Гипполитъ. И спѣши, чтобъ не опоздать. Вотъ счастье знатнаго господина!

(*Снимаетъ кольцо и театръ представляетъ селенiе Глафиры.*)

ЯВЛЕНIЕ VII.

(*Театръ представляетъ Глафирины дачи.*)

ГЛАФИРА и СМѢЯНА.

Глафира. Какая въ чувствахъ моихъ перемѣна! Ни одинъ день еще не казался мнѣ такъ дологъ, какъ сегодняшнiй.

Смѣяна. Что со мной подѣялось! Бывало, все хохочу съ утра до вечера, а сегодня вовсе не могу смѣяться.

Глафира. За что ни примусь, ни что на умъ нейдетъ.

Смѣяна. Что ни возьму въ руки, все изъ нихъ валится.

Глафира. Давешнее дитя изъ мыслей не выходитъ.

Смѣяна. Этотъ пастушокъ, котораго я видѣла, овладѣлъ мною совершенно.

Глафира. Ахъ! это ты, Смѣяна?

Смѣяна. Я не видала васъ, сударыня.

Глафира. Какой прекрасный день! какой вечеръ!

Смѣяна. Кабы поскорѣй онъ прошелъ.

Глафира. Что жъ онъ тебѣ такъ наскучилъ?

Смѣяна. Мнѣ Амуръ обѣщалъ къ закату солнца такого прекраснаго, такого пригожаго молодчика, что я жду не дождусь его назвать мужемъ.

Глафира. Развѣ ты его видѣла и говорила съ нимъ?

Смѣяна. Видѣть видѣла, говорить не говорила, а ужъ влюблена въ него по уши.

Глафира. Итакъ ты меня рѣшилась оставить?

Смѣяна. Я васъ очень, очень люблю, моя милая барыня; а этого молодца, не потаю вамъ, что люблю побольше.

Глафира. Какъ же ты скоропостижно влюбляешься!

Смѣяна. Такъ-то и надобно, сударыня; я дѣвка не свѣтская, выросла въ деревнѣ. По нашему обычаю: взглянула, полюбила, по рукамъ, да и за-мужъ; мы вашихъ благородныхъ вычуръ не знаемъ. Признайтесь, что много есть между вами въ городахъ такихъ, которыя до тѣхъ поръ засватаются и задлятъ сговорами, помолвками и прочими дурачествами, что при отпускѣ приданаго едва любятъ уже того жениха, на котораго глядя за мѣсяцъ передъ тѣмъ, съ радости умирали.

Глафира. Мой другъ! всякая жизнь имѣетъ свои правила. Ты сама знаешь пословицу: что городъ, то норовъ; что село, то обычай.

Смѣяна. Стало, мое село, или родина, всѣхъ вашихъ столичныхъ городовъ милѣе У насъ обычай — природа, правило — любовь. Я по рядной несу за собою красоту, женихъ мнѣ вмѣсто знати даетъ сердце. Мы по вашему, по-городскому, другъ за другомъ не волочимся, да любимъ всѣмъ сердцемъ.

Глафира (*про себя.*) Какъ близко ея разсужденіе къ моимъ чувствамъ! (*Вслухъ.*) Ты очень чистосердечна, мой другъ.

Смѣяна. А на что жъ мнѣ притворяться? Я влюбилась—въ этомъ стыда еще нѣтъ; я хочу замужъ—это и подавно не стыдно. Спросите и вы у своего сердца, чуть не на моей ли оно также сторонѣ.

Глафира Ахъ, правда! Я отъ тебя не скрою, что съ тѣхъ поръ, какъ Амуръ произнесъ имя Гипполита, языкъ его поминутно сложить хочетъ, и кажется мнѣ, что я такъ же его люблю, едва издали раза два видѣвши.

Смѣяна. Итакъ, сударыня, оставимъ принужденіе, послѣдуемъ въ полной свободѣ нашимъ чувствамъ и. . . .

Глафира. Что ты, Смѣяна? развѣ Гипполитъ меня любитъ? Я и думать объ этомъ не отваживаюсь; да и жилище мое еще не такъ мнѣ прискучило.

Смѣяна. Полноте, сударыня, какъ можетъ не прискучить что-нибудь безъ мужчинъ? Полгода мы здѣсь живемъ однѣ одинехоньки; сады и птички, лѣса, бесѣдки, все это хорошо и прелестно,

да только тогда, когда хорошій любовникъ вмѣстѣ съ нами въ кусты прячется.

(*Слышенъ голосъ.*)

Глафира! Небеса твой жребій премѣнили,
Оставь на время ты убѣжище свое;
Поди туда, гдѣ мы съ Смѣяной нынѣ были:
Тамъ ждетъ тебя Амуръ и счастіе твое.

Глафира. Какое чувство поселилось въ душѣ моей! какой трепетъ всѣ члены мои въ движеніе приводитъ! Любовь! я силу твою ощутила! Царствуй надъ моимъ сердцемъ, награди меня предметомъ, страсти моей достойнымъ, и вложи въ него ко мнѣ постоянное чувство! А вы, мѣста моихъ увеселеній, страна моихъ забавъ! простите. Когда я люблю, то уже вы для меня пусты стали.

АРІЯ.

Прости навѣкъ моя свобода,
Прощай мой садъ, прощай лѣсокъ,
И ты, прозрачный милый токъ,
Гдѣ царствуетъ одна природа,
Гдѣ всяка мнѣ погода
И всякій былъ пріятенъ рокъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(*Театръ представляетъ избу. Даша сидитъ за станкомъ, и Ипполитъ невидимкой.*)

Даша. Что это батюшка такъ долго домой нейдетъ?

Гипполитъ. Вотъ еще родъ людей, коихъ участь мнѣ не извѣстна; ужъ ли и здѣсь нѣтъ счастья безъ любви? Посмотримъ.

ДАША (*поетъ.*)

Гдѣ нийду, гдѣ ни гуляю,
Скучно, скучно мнѣ вездѣ;
Все грущу и все вздыхаю:
Знать, мнѣ счастья нѣтъ нигдѣ.

Выйду ль къ берегу крутому
Прогуляться на часокъ,
Вдругъ явлюся противъ дому,
Гдѣ живетъ мой милъ дружокъ.

Я кричу ему въ окошко:
Ваня, Ваня, выдь на дворъ,
Или дай взглянуть немножко
На себя черезъ заборъ.

Гипполитъ. Ой ужъ эта мнѣ любовь! все она, да она.

(*Входятъ Изотъ и Домна.*)

Изотъ. Здорово, здорово, Даша. Я чаю, ты всѣ глаза просмотрѣла, насъ ждавши?

Даша. И вѣдомо, батюшка; а матушка гдѣ?

Изотъ. Вонъ она за мной идетъ.

Даша. А! здравствуй, матушка.

Домна. Здорово, мой свѣтъ. Отгадай, дѣвка, гдѣ мы по се мѣсто прогуторили съ отцомъ твоимъ?

Даша. Гдѣ мнѣ это знать.

Изотъ. А вонъ были за рѣкой у Авдея, Ива нова отца.

Даша. Что бы вы тамъ дѣлали, батюшка?

Изотъ. Мы съ старикомъ тянули брагу, а мать твоя все прокалякала съ Иваномъ; вотъ-де скоро Петровки на дворѣ, пора-де молодцу жениться.

Даша. Я чаю, онъ, батюшка, не хочетъ?

Домна. Врешь дурочка; кто жениться не хочетъ? У насъ, спасибо, у крестьянъ, не завелось еще таскаться по вашимъ сестрамъ-дѣвкамъ, да ихъ позорить, а себя срамить; Богу благодаренье! у насъ за-частую женятся, да и ладно.

Изотъ. Нешто, вотъ какъ мы съ матерью-то твоей обвѣнчались, тому будетъ гораздо за два десятка, а еще мы и теперь другъ друга любимъ; не такъ ли, Домна?

Домна. Да кого же мнѣ и любить, что не Изота своего; да мнѣ хоть цѣлый хороводъ приведи молокососовъ-те городскихъ, да я ни на одного не промѣняю своего друга Изота Савельича.

Изотъ. Тьфу врагъ! да и хорошъ я былъ съ молоду.

Гипполитъ. И въ такой простотѣ любовь обитаетъ?

АРІЯ.

ИЗОТЪ.

Помнишь ли, какъ я влюбился;
Это было на святкахъ.
Ты каталась на горахъ,
Я къ тебѣ тутъ мигъ подбился;

Гипполитъ. Вотъ еще родъ людей, коихъ участь мнѣ не извѣстна; ужъ ли и здѣсь нѣтъ счастья безъ любви? Посмотримъ.

ДАША (*поетъ.*)

Гдѣ нийду, гдѣ ни гуляю,
Скучно, скучно мнѣ вездѣ;
Все грущу и все вздыхаю:
Знать, мнѣ счастья нѣтъ нигдѣ.

Выйду ль къ берегу крутому
Прогуляться на часокъ,
Вдругъ явлюся противъ дому,
Гдѣ живетъ мой милъ дружокъ.

Я кричу ему въ окошко:
Ваня, Ваня, выдь на дворъ,
Или дай взглянуть немножко
На себя черезъ заборъ.

Гипполитъ. Ой ужъ эта мнѣ любовь! все она, да она.

(*Входятъ Изотъ и Домна.*)

Изотъ. Здорово, здорово, Даша. Я чаю, ты всѣ глаза просмотрѣла, насъ ждавши?

Даша. И вѣдомо, батюшка; а матушка гдѣ?

Изотъ. Вонъ она за мной идетъ.

Даша. А! здравствуй, матушка.

Домна. Здорово, мой свѣтъ. Отгадай, дѣвка, гдѣ мы по се мѣсто прогуторили съ отцомъ твоимъ?

Даша. Гдѣ мнѣ это знать.

Изотъ. А вонъ были за рѣкой у Авдея, Иванова отца.

Даша. Что бы вы тамъ дѣлали, батюшка?

Изотъ. Мы съ старикомъ тянули брагу, а мать твоя все прокалякала съ Иваномъ; вотъ-де скоро Петровки на дворѣ, пора-де молодцу жениться.

Даша. Я чаю, онъ, батюшка, не хочетъ?

Домна. Врешь дурочка; кто жениться не хочетъ? У насъ, спасибо, у крестьянъ, не завелось еще таскаться по вашимъ сестрамъ-дѣвкамъ, да ихъ позорить, а себя срамить; Богу благодаренье! у насъ за-частую женятся, да и ладно.

Изотъ. Нешто, вотъ какъ мы съ матерью-то твоей обвѣнчались, тому будетъ гораздо за два десятка, а еще мы и теперь другъ друга любимъ; не такъ ли, Домна?

Домна. Да кого же мнѣ и любить, что не Изота своего; да мнѣ хоть цѣлый хороводъ приведи молокососовъ-те городскихъ, да я ни на одного не промѣняю своего друга Изота Савельича.

Изотъ. Тьфу врагъ! да и хорошъ я былъ съ молоду.

Гипполитъ. И въ такой простотѣ любовь обитаетъ?

АРІЯ.

ИЗОТЪ.

Помнишь ли, какъ я влюбился;
Это было на святкахъ.
Ты каталась на горахъ,
Я къ тебѣ тутъ мигъ подбился:

То взгляну я на тебя,
То ты взглянешь на меня,
То мы оба взглянемъ вдругъ;
Изъ-подтиха и съ оглядкой
Проберусь къ тебѣ украдкой;
Парни всѣ сберутся вкругъ:
Съ тѣхъ поръ, въ добрый молвить часъ,
Нѣтъ въ селѣ счастливѣй насъ.
Поемъ, куримъ и веселимся;
Мы барь покойнѣе сто разъ,
На мигъ не загрустимся.

Даша. Что жъ, батюшка, Ивана-тъ хочетъ, или нѣтъ, жениться?

Изотъ. Что-то ты объ Иванѣ-то поговариваешь больно часто.

Домна. Эхъ, эхъ, Изотъ, ну что дѣвку попустякамъ мучить? Не горюй, Даша, отецъ тебя просватадъ за Ивана.

Даша Ахъ, батюшка! ахъ, матушка! какъ я рада! Пойду низанье низать, рубахи шить; Ваня мой, я Ванюшина — все тутъ.

Гипполитъ. Какая привлекательная непорочность!

Домна. Экъ она стрѣльнула! Ну, ладно, что мы это дѣло смахляли; малой-то хорошъ, дѣвка-то наша будетъ за нимъ счастлива.

Изотъ. Хорошій мужъ, да добрая жена—кладъ на землѣ; что кто ни бай, а лучше того нѣтъ на свѣтѣ, какъ жениться, да замужъ идти. Вонъ, я посмотрю, господинъ нашъ Гипполитъ....

Гипполитъ. Я въ своемъ селѣ; тѣмъ пріят-

нѣе будетъ мнѣ узнать истинное обо мнѣ мнѣніе моихъ крестьянъ.

Изотъ. Человѣкъ онъ добрый, честный; мы всѣ его любимъ отъ мала до велика, всѣ имъ довольны. . . .

Домна. То ужъ нече говорить, старикъ, развѣ некошной какой въ селѣ-то его не хвалитъ; а то Богъ намъ его послалъ.

Гипполитъ. Ахъ! какая сладкая для меня минута!

Изотъ. Ну, а вотъ онъ вишь холость, жены нѣтъ, дѣтей то же, скучаетъ; помыкается по свѣту, да и умретъ, какъ свѣча погаснетъ; что родясь принесъ, то и въ могилу унесетъ, ну, что въ этомъ проку! Не люблю я холостыхъ; кабы моя была воля, всѣхъ бы женилъ.

Гипполитъ. Какія правды я сегодня слышу, и отъ кого? Отъ мужика! Всякое его слово остается въ умѣ моемъ.

Домна. Что ты, батюшка! Онъ еще не старъ; бываетъ, и женится; можетъ, богатой ищетъ.

Изотъ. Богатой! богатой! что у нихъ это у бояръ за богатство въ головѣ? Самъ онъ бѣднякъ что ли? Слава Богу, есть чѣмъ жить. Не вѣдаютъ они развѣ, что сквозь золото слезы текутъ. Вонъ какъ сосѣдъ Парамонъ богату взялъ, да теперь и животу не радъ; а мы съ тобою какъ женились, такъ изъ обоихъ кармановъ елееле сколотили, чтобъ попу заплатить, да слава Богу живемъ двадцать лѣтъ, не чужой хлѣбъ ѣдимъ, свой. Знаешь ты, баба, что бѣднякъ-то

всегда богатова сытѣе; богатому-то надо много, да и самъ доставай, а бѣдному-то Богъ посылаетъ.

Гипполитъ. Вотъ сущая правда!

Домна. Почемъ знать, можетъ, и знатной невѣсты хочется.

Изотъ. Вотъ еще новая причина, новый обморокъ не лучше прежняго! Ну, пусть деньги что-нибудь – кинь рубль, такъ зазвенитъ; а знатность-та ихъ, по моему—пыль. Пожалуй наряди и меня, да назови, какъ по ихъ, принцомъ што ли, или кавалеромъ; что, я отъ того буду умнѣй, дороднѣй, краше, здоровѣй ли? Все, баба, пустое! Тотъ же буду я Изотъ, да въ цвѣтномъ кафтанѣ; а какъ еще по какимъ грѣхамъ да платье-то придетъ не къ лицу, да сошьютъ не по костямъ, такъ еще изъ порядочной рожи выйдетъ смѣшная харя. Провались оно совсѣмъ; не съ машной жить, али не съ нарядной куклой: женѣ нада мужъ, а мужу жена, а тамъ все фу.

Гипполитъ. Заблужденія мои мнѣ открываются.

Домна. И ты, Савельичъ, то же любишь меня, такъ и думаешь, что всѣмъ Домна нада.

Изотъ. Хоть Домна, хоть Фитинья, да надобна жена; слышь ты, безъ бабы жить нельзя. Хоть какъ не изволь, нѣтъ ужъ намъ Неба-та не перемудрить.

Домна. Какой ты, право, шутникъ мужъ!

Изотъ. Нѣтъ, тутъ не до шутки. Я своего господина люблю; мнѣ, право, скучно, что онъ

холостъ. Изведется у насъ такъ не за денежку, а мы тамъ доставайся чортъ знаетъ кому. Кабы онъ моего совѣту послушалъ, я бы ему сыскалъ невѣсту.

Домна. Кого же бы, скажи?

Изотъ. А чѣмъ не по немъ сосѣдка наша Глафира?

Гипполитъ. Глафира? О, нѣжное имя!

Домна. И вѣдомо.

Изотъ. Чѣмъ она и впрямъ ему не жена? Дѣвица благородная, скромная, добрая, живетъ въ своей дачѣ, водой не замутитъ.

Домна. Во всѣмъ околоткѣ и малой и большой всѣ ее хвалятъ.

Изотъ. И она тоже изсохнетъ какъ лучинка. Смѣшны, право, бояра, а подчасъ и жалки. Холостой дѣтина и дѣвка живутъ другъ отъ друга въ верстѣ, а не видаются; привыкли къ городскому — безъ свахъ и свадьбы нѣтъ. А у меня какой обычай: взялъ въ руку лучину, а въ другую огонь, раздулъ, да сложилъ—такъ и вспыхло.

Гипполитъ. Нѣтъ! противъ такой истины никакое умствованіе не сильно.

Даша (*обнимаетъ*.) Батюшка! у меня ужъ низанье готово; когда же къ вѣнцу?

Изотъ. Вотъ жена, ты дѣвку-то взбудоражила, она теперь и станетъ на ушахъ у насъ лежать; а вѣдь Иванъ-атъ чужой помѣщицы Глафиры, вѣдь надо еще у барина спроситься, какъ онъ изволитъ. Ой бабы, бабы! Коли что взду-

мано, такъ вотъ давай, давай. Пойдемъ, добро, всѣ къ старостѣ.

Гипполитъ (*снимаетъ кольцо.*) Вотъ мое последнее превращеніе!

ЯВЛЕНІЕ IX.

(Театръ представляетъ дачу Гипполитову по прежнему.)

ВЕСЕЛЬЧАКЪ *(одинъ.)*

Ухъ! какъ же я усталъ! Бѣгалъ ко всѣмъ рѣчкамъ, протокамъ, прудамъ, озерамъ, мутилъ вездѣ воду, ловилъ девятую волну; да нѣтъ не поймаешь: утечетъ, какъ утечетъ. Дуракъ я, право, что попросилъ у Амура женщину, какъ-будто диво какое; да полно, что говорить: кто на свѣтѣ безъ ошибки; на всякаго мудреца довольно простоты.

ПѢСНЯ.

Всѣмъ на свѣтѣ ошибаться
И въ желаньяхъ заблуждаться
Ужъ не новое, я чай;
Всякой строитъ здѣсь свой рай.
Иной любитъ жениться,
Другой любитъ волочиться;
Кому хочется чего,
Тотъ и бьется изъ того.

Въ городахъ я натаскался
И отъ многихъ наслыхался,

Будто, что на свѣтѣ кладъ.
Коль съ женой у мужа ладъ.
Всѣ хоть эту пѣсню пѣли,
Анъ посмотришь такъ въ недѣли
И у женъ и у мужей
Не пройдетъ дня безъ затѣй.

Если бъ въ свѣтѣ хоть для шутки
Всякъ плясалъ по своей дудки,
То-то вышелъ бы раздоръ,
Ни чему не равный вздоръ?
Чортъ ли въ этакой намъ воли;
Лучше нѣту нашей доли!
Всякой такъ въ струну брянчитъ,
Какъ гуслистъ ему велитъ.

Что мнѣ нужды знать учиться,
Какъ на свѣтѣ все кружится,
Какъ богачъ кого давнулъ,
Какъ бѣднякъ когда вздохнулъ;
Мое дѣло жить смирненько,
Съ милой женкою дружненько;
Какъ придетъ веселый часъ,
Цѣловаться по сту разъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ГИППОЛИТЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Гипполитъ. Глафира, Глафира! это имя съ мыслью моею не разстается.

Весельчакъ. Что, сударь, нагулялись ли до сыта?

Гипполитъ. По многимъ превращеніямъ познавъ ошибку человѣческихъ о счастіи заключеній, готовъ былъ почти рѣшить, что его нѣтъ, бросить кольцо, разбить кружку, какъ вдругъ нашелъ его, и гдѣ жъ? о боги! въ избѣ моего мужика.

Весельчакъ. Который-то это? Вы бы, сударь, около его потерлись.

Гипполитъ. Тамъ я услышалъ имя Глафиры. Она меня плѣнила; я хочу ее видѣть, хочу ее любить, хочу ей все отдать, что я имѣю.

Весельчакъ. Вотъ, сударь, какъ Амуръ-атъ тѣшиться изволитъ надъ вами: давеча вы не хотѣли вовсе женщинъ любить, а къ вечеру влюбились въ одно женское имя.

Гипполитъ. Это имя мнѣ предвѣщаетъ собранье качествъ и добротъ, это имя счастье мнѣ обѣщаетъ.

Весельчакъ. Итакъ, сударь, изъ Амурнаго фейерверка выпала одна ракета и на вашъ счетъ. Поздравляю васъ; только берегитесь, чтобы не купить вамъ своей добычи такъ же, какъ и я ее достаю девятою волною.

Гипполитъ. Хотя бы моремъ и всѣмъ его волненіемъ.

Весельчакъ. О, такъ васъ, сударь, повидимому, порядочно задѣло! Часъ вамъ добрый! А я пойду въ послѣдній разъ попытаться удачи; и либо всю здѣсь воду выпью, либо она меня проглотитъ.

(*Слышенъ голосъ.*)

Я дерзости твои охотно забываю,
Съ Глафирою тебя навѣки съединяю,

Любовь ея къ тебѣ съ твоею къ ней сравню.
Довольно, что тебя стрѣлой своей сражаю;
Познай и помни вѣкъ, мой ядъ разливши въ кровь,
Что всей вселенной связь, душа и жизнь — любовь.

Гипполитъ. Я въ такомъ смущеніи, въ робости, въ непостигаемомъ состояніи!... А! это мои пастухи идутъ съ поля. Оставлю ихъ строить свои хороводы, а самъ пойду искать Глафиру.

ФИНАЛЪ.

(*Распотѣевъ со всѣми мужиками поютъ.*)

ХОРЪ.

Давайте пѣть, играть, рѣзвиться,
Заботы всѣ, досады прочь;
Пускай всякъ парень веселится;
Скачите дѣвки во всю ночь.

ДАША.

Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
Въ тебѣ моя отрада,
Съ тобой играть я рада.
Ванюша! мнѣ одинъ милѣй ты всѣхъ!
Нигдѣ не вижу безъ тебя потѣхъ.
Давайте, пѣть, играть, рѣзвиться, и проч.

МУЖИКЪ.

Вотъ я тебя, постой,
Въ горѣлки изловлю.

ДАША.

Поди-ка ты къ другой;
Другого я люблю.

2-й МУЖИКЪ.

Семъ въ жмурки платъ давай.

3-й мужикъ.

Ну, что ни затѣвай,
Хороводу не мѣшай;
Не тронь насъ, не замай.

ваня.

По мнѣ во что бы ни играли,
Съ тобою быть лишь не мѣшали.

дѣвка.

Вѣдь вотъ нельзя собраться,
Ни къ парнямъ показаться.
Что это за игра;
Пора домой, пора.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Театръ представляетъ первую декорацію.)

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЛАФИРА, СМѢЯНА и послѣ АМУРЪ.

Глафира. Куда же мы идемъ?

Смѣяна. Куда велѣлъ Амуръ. Вотъ, сударыня, то самое мѣсто, гдѣ я съ нимъ давеча была — тотъ шалашъ, тотъ кустъ, роща, рѣчка.

Глафира. Одну только была минуту, а все такъ хорошо примѣтила.

Смѣяна. А, сударыня, гдѣ Амура въ первый разъ увидишь, тамъ всѣ урочища сдѣлаются знакомы.

Глафира. Я далѣе не пойду. Здѣсь дачи Гипполита; онъ можетъ насъ встрѣтить, и что подумаетъ?

Смѣяна. Подумаетъ, что мы гуляемъ, и за честь поставитъ, я чай, что двѣ дѣвушки пришли въ его помѣстье.

Глафира. Нѣтъ, это непристойно; воротимся:

Сміяна. Что же мы все ходить будемъ съ мѣста на мѣсто?

Глафира. Да откуда мы пришли? Я и слѣду не найду.

Амуръ. Да его и не бывало. Не я ли вашъ вожатый? А кто за мной ходитъ, тотъ слѣду не разбираетъ; идетъ зря, куда глаза глядятъ.

Глафира. Что тебѣ за удовольствіе насъ мучить?

АМУРЪ.

Что вы стали? Не страшитесь;
Съ вами я, пойдемъ смѣлѣй:
Путь любви другихъ милѣй,
На меня въ томъ положитесь.
Кто по немъ зажмурясь ходитъ,
Тотъ хохочетъ и поетъ,
Ко мнѣ на голосъ идетъ,
И блаженство тутъ находитъ.

Приходитъ дѣло къ развязкѣ. Глафира! поди ты по этой дорожкѣ; тамъ въ бесѣдкѣ ты найдешь гитару, и по нѣкоторомъ времени приди назадъ сюда, сядь въ этотъ шалашъ и зачни на ней играть, что̀ тебѣ на умъ придетъ.

Глафира. Да я играть не умѣю.

Амуръ. Любовь тебя научитъ.

Глафира. Ну, ежели онъ спроситъ, зачѣмъ я въ его бесѣдкѣ сижу?

Амуръ. Онъ этого не спроситъ; онъ давно уже знаетъ, зачѣмъ женщины однѣ въ бесѣдки садятся.

Смѣяна. Да со мной-то скоро ли конецъ будетъ?

Амуръ. А ты поди со мной къ этому источнику; тамъ ждетъ тебя твоя побѣда: Весельчакъ въ него придетъ пить девятую волну.

Смѣяна. А я что буду дѣлать?

Амуръ. Дожидаться.

Смѣяна. Чего? Чтобъ онъ при мнѣ захлебнулся, или утопился?

Амуръ. Какіе странные вопросы! Ну, вѣдь ты его полюбила? Такъ ежели онъ въ воду, и ты за нимъ.

Смѣяна. О, нѣтъ, я благодарна! Любить его люблю, только на сухомъ пути, а плавать не горазда.

Амуръ. Чу! Гипполитъ идетъ; уйдемъ скорѣй.

(Амуръ машетъ стрѣлой, деревья растунаются и видна къ рѣкѣ дорога.)

ЯВЛЕНІЕ II.

РАСПОТѢЕВЪ и ГИППОЛИТЪ.

Гипполитъ. Два раза я встрѣтилъ ее, и она какъ молнія изъ глазъ моихъ сверкнула. Ахъ, какъ она прекрасна! Я всю ея дачу обошелъ кругомъ, и сыскать ее не могъ. Я видѣлъ то убѣжище, гдѣ она въ свободѣ дни свои ведетъ;

мнѣ все въ немъ показалось прелестно. Но гдѣ ее теперь искать?

Распотѣевъ. Милостивый государь! какой нарядъ работѣ къ завтрему будетъ? Сегодня додѣлали храмъ Славы на крутой горѣ, по плану вашего архитектора.

Гипполитъ. Завтра его срыть.

Распотѣевъ. Срыть? Что же на мѣсто его поставить?

Амуръ (*изъ-за куста.*) Храмъ Любви.

Гипполитъ (*въ сторону.*) Чей это голосъ?

Распотѣевъ. Не вслушался, сударь.

Гипполитъ. Амуръ повелѣваетъ въ моемъ владѣньи; да будетъ здѣсь воля его во всемъ соблюдена.

(Во весь этотъ разговоръ ходитъ задумавшись и слушаетъ лишь то, что говоритъ Амуръ.)

Распотѣевъ. На берегу, сударь, пруда галерея зачата и стѣны уже выведены; остановилась работа за тѣмъ, что не знаютъ, что̀ наверху поставить?

Амуръ. Купидона.

Распотѣевъ. По галереѣ приказывали вы статуевъ наставить, такъ какихъ изволите вы именно назначить?

Амуръ. Глафиру.

Распотѣевъ. Глафиру? Да у насъ, сударь, никакъ ее нѣтъ. А въ оранжереѣ надъ фонтаномъ?

Амуръ. Глафира.

Распотѣевъ. Еще Глафира! На китайской башенкѣ также, милостивый государь, архитекторъ говоритъ, весьма бы кстати поставить что-нибудь пригожее, казистое.

Амуръ. Поставь Глафиру.

Распотѣевъ. Опять Глафиру! Да гдѣ ихъ набрать такую кучу? Не прикажете ли подновить убѣжище размышленія?

Амуръ. Срыть.

Распотѣевъ. А на мѣсто его?

Амуръ. Храмъ Любви.

Распотѣевъ. Еще другой, милостивый государь?

Гипполитъ (*съ гнѣвомъ.*) Что еще?

Распотѣевъ. Изотъ проситъ дочь отдать въ чужое село за-мужъ; велишь ли?

Гипполитъ. Хорошо, пусть отдаетъ. Я его семью люблю; дайте ему на свадьбу сто рублей, да вели ко мнѣ придти.

Распотѣевъ. То-то онъ благодарить будетъ!

Гипполитъ. Ну, ты слышалъ мои приказанія? Вотъ тебѣ мой нарядъ къ завтрему. (*Уходитъ.*)

РАСПОТѢЕВЪ.

Сколько ни соображаю,
Власть его не понимаю.
И тамъ и сямъ
Глафиру ставь;
Срой Славы храмъ,
Любви поставь.

Изъяну будетъ тутъ не мало;
Жаль денегъ мнѣ господскихъ стало.
Нѣтъ, я за это не примусь,
А завтра съизнова спрошусь.

То-то, правду говорятъ, всяко-то время переходчиво. Цѣлая кладовая навалена старинныхъ этихъ богатырей въ латахъ, да колдуновъ; то было до насъ, а теперь ненадо ихъ; за все про все будь Глафира: что день, то затѣя, что годъ, то новая кукла.

ЯВЛЕНІЕ III.

РАСПОТѢЕВЪ и ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Весельчакъ. Голубушка моя, какъ кладъ, мнѣ не дается, а солнце уже на закатѣ; коли Амуръ не лжетъ, пора бы быть и концу этой суматохѣ.

Распотѣевъ. Скажи, дружокъ, что барину сдѣлалось?

Весельчакъ. Пить девятую волну.

Распотѣевъ. Послушай-ка! онъ велѣлъ все срыть.

Весельчакъ. Девять разъ къ ряду.

Распотѣевъ. Да что ты мелешь за сумбуръ? Говорятъ тебѣ: срыть велѣлъ храмъ Славы.

Весельчакъ. Пей девятую волну.

Распотѣевъ. Али у васъ сегодня какая вѣдьма была, что вы всѣ на людей не похожи.

Весельчакъ. Пойду пить девятую волну.

(Уходитъ къ ръкъ.)

Распотѣевъ. Баринъ все ломать велитъ, а слуга только и мелетъ: пей девятую волну, да девять разъ къ ряду; никакъ они угорѣли? Однако побѣжать мнѣ порадовать старика Изота. Говорятъ Русскіе люди: утро мудренѣе вечера; посмотримъ, что-то завтра будетъ, а сегодня на барскомъ дворѣ сумерки очень глупехоньки.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЛАФИРА *(съ гитарою.)*

АРІЯ.

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждый шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и твой.

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ,
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

(Отпѣвши уходитъ; а Ипполитъ на тотъ же голосъ поетъ, выходя на театръ.)

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ, вся мысль, я самъ.

Я самъ, прервавъ унылой
Моихъ вздыханьемъ стонъ,
Лечу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

(Отпѣвши, онъ уходитъ искать Глафиру.)

ГЛАФИРА *(приходя на театръ.)*

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За счастіе не чтишь,
Ты вздоховъ изъясненья
Понять не дорожишь.

(Подходитъ къ шалашу, садится и засыпаетъ.)

Глафира. Какъ я устала; какой вдругъ сонъ на меня нашелъ! Гдѣ найти пристойное убѣжище? А, вотъ шалашъ!

(Театръ представляетъ мѣсячный блескъ и вечеръ.)

Гипполитъ. Гдѣ она? Голосъ ея повсюду мнѣ слышенъ, а найти ее не могу. Нѣтъ, прекрасная Глафира, упрековъ твоихъ я не заслуживаю; нѣтъ, я люблю, и тебя одну вѣчно любить стану! Но гдѣ она? Хотя я бѣгу, но мнѣ все кажется, что я на одномъ мѣстѣ. О, любовь! еще ли ты мало отмщаешь мнѣ за мою холодность? еще ли долженъ я, и почувствовавъ тебя, страдать? (*Увидя Глафиру.*) Боже! что я вижу? это она! Ахъ, какъ она прекрасна! какъ сонъ ея сладокъ! Каждая черта божественной ея красоты въ душѣ моей изображается! вся природа купно съ нею покоится! Подойду къ ней; но что сказать? какъ осмѣлиться прервать такой

сладкой сонъ? Она теперь въ мечтахъ своихъ съ геніями играетъ; подобіе смертнаго отъ нея далеко. Нѣтъ, я глядѣть на нее стану, я въ безмолвственномъ восторгѣ ангелу такому дивиться буду!

Глафира (*проснулась.*) Гдѣ я? что за голосъ слышится вкругъ меня? Ахъ, милостивый государь! простите моему неосторожному поступку! Я гулявши зашла далеко въ ваши дачи, сонъ.... усталость.... (*Про себя.*) Что мнѣ сказать ему?

Амуръ (*изъ-за куста.*) Люблю.

Гипполитъ (*въ сторону.*) Какое пріятное смятеніе! (*Вслухъ.*) Не страшитесь, сударыня; вы почти въ своемъ помѣстьѣ. Мнѣ жаль, что шалашъ этотъ не сдѣлался къ услугамъ вашимъ великолѣпнѣйшимъ храмомъ; мнѣ жаль, что простота его не соотвѣтствуетъ величеству вашей красоты; мнѣ жаль.... Что я ей скажу?

Амуръ (*изъ-за куста.*) Люблю.

Глафира. Чѣмъ простѣе наши жилища, тѣмъ они ближе къ природѣ, которая никакой пышности не любитъ; самый этотъ шалашъ для многихъ чувствительныхъ людей богатѣе покажется всѣхъ великолѣпнѣйшихъ зданій.

Гипполитъ. Ахъ! почто, кромѣ теперешней минуты, не могу я въ немъ найти такихъ достоинствъ? Или отъ того, что я въ немъ не бываю....

Амуръ (*изъ-за куста.*) Самъ-другъ.

Глафира. Кто же, сударь, помѣшалъ бы вамъ сидѣть въ немъ....

Амуръ (*изъ-за куста.*) Со мною?

Глафира. Что за отголоски такіе? Въ этомъ мѣстѣ мнѣ все что-то слышится иное, нежели что̀ мы говоримъ между собою.

Гипполитъ. Если бы чувства сердца и произношенія языка вашего согласовались со звуками воздуха, какъ бы я счастливъ былъ, какъ бы я былъ благодаренъ обворожающему селенія мои...

Амуръ. Амуру.

Глафира. Слышите ли?

Гипполитъ. Слышу, сударыня; а вы что слышите?

Амуръ. Люблю.

Глафира. Люблю.

Гипполитъ. Я то же люблю.

Глафира. Не струны ли этой гитары отъ ударенія воздуха поражаютъ слухъ мой?

Гипполитъ. Но какъ бы онѣ могли произносить вмѣстѣ съ звукомъ и слова? (*Берется за гитару.*) Боже мой! что за ядъ по жиламъ моимъ мгновенно разлился! я внѣ себя! я забываю всѣ благопристойности, я падаю къ ногамъ твоимъ, Глафира!

Амуръ. Давно бы такъ, прегордый мой ослушникъ! Гдѣ я замѣшался, тамъ всѣ жеманства ваши свѣтскія должны исчезнуть. Какъ вы смѣшны, когда вы важнымъ видомъ сбираетесь другъ другу сказать: люблю! Что простѣе этого быть можетъ, что естественнѣе? Но вамъ бы все не уронить чести, все бы съ краснорѣчіемъ, котораго я часто, какъ рѣзвое дитя, испугавшись,

отъ васъ бѣгаю и оставляю васъ въ тоскѣ и скукѣ. Ну, что стали? Не всю форму сохранили! Ха, ха, ха! не въ полномъ обрядѣ познакомились? Ха, ха, ха!

Гипполитъ. Я всѣ притворства оставляю, и когда судьба даетъ мнѣ сердце Глафиры. . . .

Глафира. Оно тебѣ давно принадлежитъ; Амуръ тебѣ его отдалъ.

ДУЭТЪ.

ГИППОЛИТЪ.

Боги! что я ощущаю?
Что за ядъ въ моей крови?
Я свой рокъ теперь свершаю
И подвластенъ сталъ любви.

ГЛАФИРА.

О, любовь! коль ты умѣла
Слабый духъ мой возмутить,
Довершай свое ты дѣло,
Научи любимой быть.

Вмѣстѣ.

ГИППОЛИТЪ.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ и безцѣнныхъ
Той, которой взоръ плѣнилъ,
Дай, чтобъ всѣхъ сердецъ влюбленныхъ
Я весь жаръ въ себѣ вмѣстилъ.

ГЛАФИРА.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ и безцѣнныхъ,
Въ коихъ ты меня плѣнилъ,
Дай, чтобъ всѣхъ сердецъ влюбленныхъ
Въ насъ огонь бы не простылъ.

(Сіи слова они поютъ, относя ихъ къ Амуру, который стоитъ между ними по срединѣ театра.)

Амуръ. Я свое дѣло сдѣлалъ: гордаго и неприступнаго врага смирилъ, а уединенную мизантропку также ввелъ въ мою дорогу. Кланяйтесь вы Гименею, въ чемъ вы хотите; онъ любитъ, чтобъ ему божились. Я его къ вамъ сведу тогда, какъ все мое волшебство исполнится; а теперь мнѣ недосугъ; не вы одни въ мое подданство попали.

Глафира. Пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ взглянуть на мое прежнее убѣжище; теперь я въ немъ новыя прелести увижу.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ, потомъ АМУРЪ и СМѢЯНА.

Весельчакъ. Ну, господинъ колобродъ всесвѣтный, гдѣ ты? Дай мнѣ мою красавицу! Насилу я девятую волну досталъ и выпилъ. Явись мнѣ лебедушка, явись передо мной, какъ листъ передъ травой!

Амуръ. Вотъ она. Я охотно награждаю тебя ею за то, что ты готовъ былъ на жертву жизни; а ее тобой за то, что, за-мужъ захотѣвши по утру, до вечера перетерпѣла; рѣдкое въ дѣвочкѣ воздержаніе.

Весельчакъ. Ну, моя павочка, королева, или какъ тебя назвать, не знаю, будешь ты мнѣ жена, а я тебѣ мужъ.

Смѣяна. Какъ посмотрѣть на все это, такъ, право, мы будто безъ ума: не знаемъ другъ друга вовсе, а ужъ влюбились по уши.

Весельчакъ. Это, моя душа, нерѣдко бываетъ. Я часто въ сумерки, не разглядя лица, влюблялся, а до разсвѣта и разлюблялся, также не видавши милой рожицы; да что мудренаго? Его божеское превосходительство что изволитъ, то и творитъ.

Смѣяна. То ужъ задалъ онъ намъ сегодня хлопотъ; сумятицы такой я и не видывала.

Весельчакъ. Еще то ли будетъ, моя перловая раковинна, когда мы повѣнчаемся; тутъ-то ты увидишь и не такія диковинки.

Амуръ. Прежде времени не хвались; добро, не забудь довешняго.

Весельчакъ. О! нѣтъ, не забуду; всегда напередъ стану жену цѣловать, а тамъ и за вино.

Смѣяна. Что это значитъ?

Весельчакъ. Такъ, моя птака; завтра все узнаешь.

ДУЭТЪ.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Кто съ нѣжностью любить умѣетъ,
Тотъ, вѣрно, добрый человѣкъ.

СМѢЯНА.

Кто вздохи страстны разумѣетъ,
Блаженъ тотъ будетъ весь свой вѣкъ!

ОБА.

Что можетъ лучше въ свѣтѣ быть,
Какъ { милу женушку / мужа милаго } любить!

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Жены любезное названье
Тебѣ хочу навѣкъ я дать.

СМѢЯНА.

Равно мое съ твоимъ желанье
Хочу тебя я мужемъ звать.

ОБА.

Уйдемъ отъ скуки, отъ суетъ,
Въ своемъ углу найдемъ весь свѣтъ:
Я и ты, ты и я,
Вотъ для насъ вселенна вся.

Весельчакъ. Преотмѣнная моя Смѣяна!

Смѣяна. Преузорочный мой Весельчакъ!

Весельчакъ. Пойдемъ же теперь по всему селу разсказывать о нашемъ счастьи; я не люблю никакой радости одинъ; дай все раздѣлить съ друзьями — такова моя натура.

Смѣяна. Все раздѣлить?

Весельчакъ. Кромѣ жены однако жъ, слышишь ли, Смѣяна?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГЛАФИРА и ГИППОЛИТЪ.

МЕЛОПЕЯ.

ГИППОЛИТЪ.

Итакъ, отнынѣ впредь я буду при тебѣ,
Благодаря боговъ, въ счастливѣйшей судьбѣ;
Восторгомъ равнымъ ихъ я наслаждаться стану!
Доколѣ живъ, тебя любить не перестану!

ГЛАФИРА.

И ты, всѣхъ чувствъ моихъ любезнѣйшій предметъ,
О, райская душа, о, милой другъ, мой свѣтъ!
Уставы вѣрности я сохраню не ложно:
Узря тебя, любить другого не возможно!

ГИППОЛИТЪ.

Съ тобою Гипполитъ вездѣ увидитъ рай.

ГЛАФИРА.

И ты представишь мнѣ прекраснымъ всякой край.

ГИППОЛИТЪ.

Небесны красоты въ земномъ познавши мірѣ,
Я образъ божества зрѣть буду во Глафирѣ.

ГЛАФИРА.

Твой взглядъ, сей страстный взглядъ, что̀ кровь мою палитъ,
Съ безсмертными меня во счастіи сравнитъ!

ГИППОЛИТЪ.

И нѣжныя твои стократныя лобзаньи,
Біенье двухъ сердецъ, прерывныя вздыханьи
Да будутъ жертвою достойной алтаря
Амура нѣжнаго, вселенной всей Царя!

ДУЭТЪ.

ГЛАФИРА.

Небо здѣсь свидѣтель вѣрный
Тому будетъ навсегда,
Что мой жаръ къ тебѣ чрезмѣрный
Не погаснетъ никогда.

ГИППОЛИТЪ.

И я равно здѣсь обѣщаю
Любви не чувствовать иной;

Я ново сердце посвящаю
Тебѣ, Глафира, лишь одной.

ГЛАФИРА.

Съ тобой судьбы насланьи люты
Меня не смогутъ испужать.

ГИППОЛИТЪ.

И дня и ночи всѣ минуты
Мы будемъ радостьми считать.

ОБА.

Союзомъ вѣчнымъ съединимся,
Отдавъ другъ другу мы сердца,
Душами вѣкъ не разлучимся,
Счастливы будемъ безъ конца.

ГИППОЛИТЪ.

Познай надъ нами ты Любви опредѣленье!
Донынѣ я страстей различныхъ искушенье,
Кромѣ любви прямой, подробно испыталъ.
Чего хотѣлось мнѣ вседнсвно, самъ не зналъ;
Купидо наконецъ съ Олимпа мнѣ явился,
Я прелестью его тотчасъ обворожился.
Волшебно отъ него кольцо принявши въ даръ,
Искалъ счастливымъ быть, гася любовный жаръ;
Изъ возраста въ другой, изъ страсти въ страсть бросался,—
Или несчастливъ былъ, иль въ счастьи сомнѣвался.
Узналъ я, что любить есть должность естества,
Что міра связь любовь, въ ней воля Божества;
Но счастливымъ совсѣмъ, сказалъ Амуръ, не буду,
Доколѣ всѣхъ моихъ премѣнъ я не забуду.
Тебя лишь въ сердцѣ я хранить хочу всегда
И въ мысляхъ не сотру, Глафира, никогда;
А впрочемъ, все теперь навѣкъ забыть желаю
Забвенья воду пью и нову жизнь вкушаю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Онъ пьетъ воду забвенія и отдаетъ, положа въ кружку кольцо, Генію, который относитъ Амуру. Театръ перемѣняется и кажетъ Амура въ торжествѣ на изумрудномъ тронѣ; вокругъ его Гименей, Дружба и Конкордія, а далѣе Игры, Радости и Смѣхи.)

АМУРЪ.

Олимпа приговоръ свершился,
Любви возставленъ здѣсь законъ,
Въ пріятну правду обратился
Волшебный нынѣшня дня сонъ.
Фортуны колесо хотя давно вертѣлось,
Но все, Глафира, твой билетъ не выпадалъ;
Сегодни Гипполитъ и твой и свой досталъ,
Найдя, мнѣ покорясь, чего и вамъ хотѣлось.
Чету сію я вамъ вручаю,
Согласье, Дружба, Гименей!
Свое вамъ дѣло поручаю
Надъ нѣжною четою сей.
Одинъ вѣнцомъ пусть ихъ вѣнчаетъ,
Другой да свяжетъ ихъ узломъ,
А третій подъ своимъ щитомъ
Да вѣкъ ихъ въ мирѣ сохраняетъ!

(Амуръ летитъ наверхъ, а свита остается на театрѣ и танцуютъ балетъ.)

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, Амуръ, природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки;
И правишь ими ты одинъ.

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Почто любви страшиться!
Ея законъ легокъ:
Любить и веселиться —
Какой счастливой рокъ!

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Отъ скучна принужденья
Мы чувства свободимъ,
Любовна обольщенья,
Вкушать всѣ услажденья
Мы волю имъ дадимъ.

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки, и проч.

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Удалясь отъ досады,
Ненавидя обманъ,
Въ любви лишь отрады
Найти безъ преграды
Тобой способъ данъ.

ХОРЪ.

Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, природы сынъ!
Тебѣ всѣ служатъ человѣки,
И правишь ими ты одинъ.
Восторжествуй на долги вѣки,
Амуръ, природы сынъ! 2.

(Свита вся пропадаетъ и театръ приходитъ въ прежній видъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГИППОЛИТЪ, ГЛАФИРА, ВЕСЕЛЬЧАКЪ, СМѢЯНА и РАСПОТѢЕВЪ.

Весельчакъ. Ба! и господинъ мой самъ-другъ! Ныньче, видно, въ воздухѣ женятся! Сегодняшній день намъ доказалъ, что счастье не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.

Гипполитъ. Правда, больше всего его ищемъ, а часто оно ближе къ намъ, нежели мы чаемъ. Сегодни по утру я никакъ не воображалъ найти его въ двухъ шагахъ отъ себя.

Глафира. Также, какъ и я.

Распотѣевъ. Такое дѣло, милостивые государи! Вотъ и въ нашемъ быту ино занадобится какая вещь, безъ коей обойтись не можно; ищешь ее вездѣ и въ своемъ-то и въ чужомъ-то селѣ, посуешься, посуешься гораздо, и найдешь то же самое либо у себя, либо у шабра.

Глафира. Примѣръ этотъ весьма кстати. Кто счастья своего или самъ себѣ, или около себя не сыщетъ, тотъ тщетно гдѣ-либо искать его будетъ. Да гдѣ тебѣ, Смѣяна, попался этотъ молодецъ?

Гипполитъ. Это мой слуга, мой потѣшникъ, словомъ, мой въ скукѣ до васъ товарищъ; я вамъ его осмѣливаюсь представить.

Весельчакъ. Пока вы изволили съ богами, сударыня, вести компанію — ваше дѣло знатное, я простой холопишка—подхватя свою, тѣми же

Гиппол**итъ**. Здравствуйте, друзья мои. Я принялъ намѣреніе жениться; вотъ будущая ваша госпожа!

Изотъ. Ну, слава Богу, сударь! давно бы такъ. Я давеча о томъ баялъ съ женой: вотъ кабы баринъ-атъ нашъ женился на своей сосѣдкѣ; анъ такъ и вылилось во святой часъ.

Глафира. Какая хорошенькая дѣвочка! Я тебѣ лентъ на голову подарю. Какъ тебя зовутъ?

Даша. Дашей, сударыня.

Глафира. Ты очень жениха своего любишь?

Даша. И вѣдомо; какъ же не любить?

Гипполитъ. Подите, мои друзья, играйте и веселитесь — ночь такъ свѣтла и хороша; а завтра. . . .

Весельчакъ. Завтра, сударь, станемъ отдыхать, кто отъ женъ, кто отъ волшебства.

Гипполитъ. Едва и вся жизнь наша не походитъ ли на сегодняшнія сутки! Все грезы и мечты, одинъ сонъ слѣдуетъ другому, и часто человѣкъ просыпается не прежде, какъ къ ночи.

Весельчакъ. Что, сударь, объ этомъ толковать много; быть бы лишь счастливу; а какъ, что за нужда. Вы этого хотѣли и нашли; стало-быть дѣло вершено; а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

(Актеры поютъ водевиль, а крестьяне отходятъ вдаль театра и приготовляются къ балету.)

ВОДЕВИЛЬ.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ-другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.
Всѣ вокругъ
Насъ здѣсь вдругъ
Веселѣе стали:
Все цвѣтетъ,
Все поетъ;
Чему же лучше быть?

ГИППОЛИТЪ И ГЛАФИРА.

Почто любви стрѣламъ
Противиться стремился,
За что пѣнялъ богамъ,
Не зналъ и самъ.
Тобой когда плѣнился,
То вѣрить научился,
Что въ свѣтѣ не любя
Прожить нельзя.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ И СМѢЯНА.

Случилось съ нами то,
Что многи чтутъ за диво;
Кромѣ боговъ никто
Не зрѣлъ здѣсь ничего;
То было только лживо,
А вотъ что справедливо:
Любовь на свѣтѣ всѣхъ
Милѣй утѣхъ.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали, и проч.

РАСПОТѢЕВЪ *(одинъ.)*

А я вамъ пропою
Погудку стару снова;
Послушайте мою
Вы пѣсню всю:
Женитьба вамъ обнова,
Лишь помните два слова:
Хвалите сонъ тогда,
Какъ сбудется когда.

ВСѢ.

Забудемъ всѣ печали,
Пріятны дни настали!
Самъ-другъ мы станемъ жить,
Другъ друга вѣкъ любить.

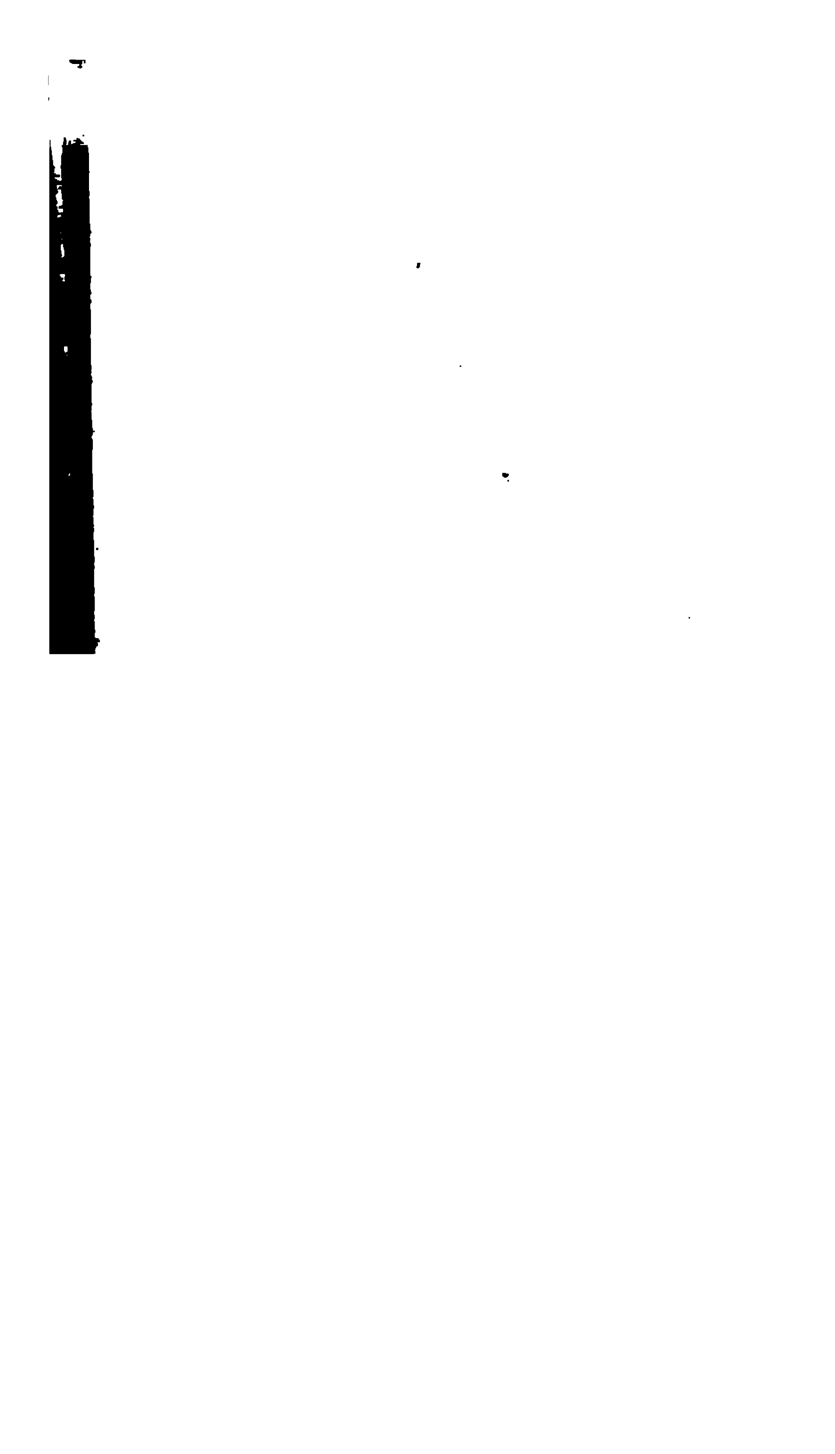
КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ.

1810 года.



I.

ОПИСАНІЕ БОГОЯВЛЕНСКАГО.

—

Поживи Потемкинъ, — и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, — а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга. Подобно петергофской, на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его удовольствія Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ — и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ — прелесть! Я туда ѣздилъ, и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искуственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, — все сюда привезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ — все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8-ми столбахъ. Нѣсколько сту-

пеней сводитъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ васъ солнце не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и никто, кромѣ Нимфъ, приблизиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколь возможно, сей памятникъ роскоши отъ суровости погоды, а паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, нестоющая ничего, изъ хворосту и тростника. — Одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вкругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичокъ-сторожъ плететъ лапти и куритъ табакъ, — взгляните: около его разраслись не рябина или черемуха, нѣтъ! тутъ вѣтви, отягченныя абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столпы его ограды. Высокій кустъ грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сблизила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся, — столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы найдете такъ тѣсно вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? — О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ то: грушѣ и яблонѣ говорить ужъ нечего: — пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ суконную фабрику, и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, ма-

ло думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой П.... сматривалъ рано поутру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ; душа сихъ мѣстъ удалилась въ другія селенія; — все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовской. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, г-жа Витъ кружила ему голову. — О! я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума!...

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже въ густой травѣ, одинъ современникъ П..а, и тѣхъ самыхъ дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло. Одинъ морской офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнія мѣста въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я никакъ не повѣрилъ бы, что были когда-либо токи свѣжей воды, если бъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы, и столько наполнены водою, что князь плавалъ на нихъ въ

раззолоченныхъ лодкахъ. — Гребцы пѣли, кричали; весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы. а князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ илъ, камышъ, и на каждомъ шагу увязнешь. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ! что печальнѣй сей картины!

Домъ княжескій сломанъ; но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріяловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ; — онъ тутъ же расположенъ. Ничто не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ маркизъ де-Траверсе, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный госпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ. Самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только опытъ человѣколюбія! — Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. — Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной, не выше полуаршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между нею и стѣнами чрезъ всю галерею. Кровать больного поставлена головою къ стѣнѣ, и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больного отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зе-

ленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ; больному покойно, прохладно и просторно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ, а между тѣмъ двоякая польза; ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больного служить отрадой. При насъ было ихъ здѣсь до 100 челов., а иногда накопляется до 400. При больницѣ 6 лекарей, докторъ одинъ и, сверхъ того, инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

Итакъ, кромѣ сада, есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ; скажу нѣчто о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой испанской шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, пріѣхавши домой, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я здѣсь купилъ на фракъ по 6 руб. аршинъ сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ испанской, но снятой съ породы отъ смѣси крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е. отъ métis происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то, какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! — Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ

раззолоченныхъ лодкахъ. — Гребцы пѣли, кричали; весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ илъ, камышъ, и на каждомъ шагу увязнешь. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ! что печальнѣй сей картины!

Домъ княжескій сломанъ; но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріяловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ; — онъ тутъ же расположенъ. Ничто не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ маркизъ де-Траверсе, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный госпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ. Самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только опытъ человѣколюбія! — Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. — Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной, не выше полуаршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между нею и стѣнами чрезъ всю галерею. Кровать больного поставлена головою къ стѣнѣ, и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больного отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зе-

лепью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ; больному покойно, прохладно и просторно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ, а между тѣмъ двоякая польза; ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больного служитъ отрадой. При насъ было ихъ здѣсь до 100 челов., а иногда накопляется до 400. При больницѣ 6 лекарей, докторъ одинъ и, сверхъ того, инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

Итакъ, кромѣ сада, есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ; скажу нѣчто о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой испанской шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, пріѣхавши домой, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я здѣсь купилъ на фракъ по 6 руб. аршинъ сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ испанской, но снятой съ породы отъ смѣси крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е. отъ métis происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то, какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! — Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ

фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ; становъ много; заведеніе обширное; строеніе казенное; работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины; но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ. — Этотъ просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростью чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотрѣть, какъ заведеніе, достойное примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ этой промышлености, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько разъ пилъ тутъ воду, подставлялъ голову подъ фонтанъ, — и въ тѣни пожилого орѣшника оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоцѣнныхъ прелестей! — Изъ сада пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, которыми мѣстоположеніе и исторія его наполняли мое воображеніе, какъ наступилъ на что-то мягкое. — Ай! закричала жена. — Что такое? — Убитая змѣя. Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ;
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
Червь точитъ алый цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

Правда, правда! закричали мои товарищи, сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отъѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполъ великолѣпной ванны. Витовка! мѣсто безподобныхъ очарованій! — если ты и нынѣ дивишь любопытныхъ, что жъ была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища? — конечно, рай земной!

II.

ХЕРСОНЪ.

Отъ Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ; дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали и ранѣе вечера прибыли. На пути нѣтъ никакого жилья, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ на половинѣ дороги мѣняютъ лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ и отвели намъ ее въ лѣсной конторѣ г. Пер.*** у одного Жида. Вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ; но вездѣ такіе у него хозяева, какъ

въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отужинали и легли спать; но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производятъ, не дали намъ заснуть хорошенько.

На другой день пріѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажа нельзя было выйти изъ дома. Окошки наши на дворъ; итакъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ, въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ клѣтку, и неимѣющіе передъ глазами никакого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку пріятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ. Я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ и готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ при случаѣ удобномъ. Около полудня улыбнулось небо; стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній г. губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но исполненъ усердія къ своей должности; супруга его барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано, — цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ устали. Съ ними жили тогда, по случаю родинъ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ; — онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ военнаго губернатора верстахъ въ двухъ отъ города въ крѣпости. Это удаляетъ отъ нихъ общество городское,

особливо въ осенніе длинные вечера, въ которые такъ нуженъ всякому кто-нибуль: они по большей части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами,—обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей. Боже мой! какая куча пакетовъ! — и когда это все читать! — Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно пріятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, никто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ и самъ охотно возилъ меня по всѣмъ занимательнѣйшимъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Днѣпрѣ, но очень непріятенъ: улицы нечисты, строеніе скверное. Ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, Обжорнаго-Ряда, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Мнѣ сказывали, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее четырехлѣтіе откупный доходъ. Онъ населенъ людьми, сборными со всѣхъ сторонъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ, и только-что поддерживается отъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ то: домъ военнаго губернатора, комендантскій, и Ордансъ-гаузъ: тутъ же и соборъ. Я объ немъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ; а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣпномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ника-

кой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубого цвѣта; ризница не важная; — показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной; впрочемъ, отличнаго богатства нѣтъ; и если бъ не снабдила здѣшній соборъ многими драгоцѣнными вещами Г-жа Мр. * * *, коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился подлѣ его мавзолея. Шишакъ надъ нимъ столько жъ чистъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастіе для воина! Тамъ, подалѣе, лежитъ его сынъ, достойный такого отца. Тутъ князь Волконскій: кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? кто не оплакалъ отважности его геройской? Я впервые тогда почувствовалъ восторги славы. Кончина его и Горича восхитили мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; силы мои развернулись, и я осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть послѣдняго. Здѣсь предана землѣ нѣжная отрасль царскаго дома. Въ молодости красной принцъ виртембергскій переселился въ вѣчность. — Камень надгробный его только-что огроменъ, но мало красоты.

Корабельная верфь любопытна. При насъ отстраивали тутъ одинъ корабль 74 пушечный; — такого же размѣра дѣлались еще два, и одинъ

100 пушечный былъ заложенъ. Капитанъ надъ портомъ Г. Т... всѣ работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью. Это предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ Морѣ очень скоро проѣдаютъ корабли. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ лукошко! Подъ него готовятся уже и камели для спуска къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Днѣпръ 8 Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами. Они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи. Въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили множества дубовъ и сосенъ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ кораблѣ.

Гавань купеческая очень хороша. Въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многіе изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ бѣлорусскихъ. По сей рѣкѣ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! — Днѣпръ по берегу убитъ сваями, и отъ пристани саженъ на сто убавили его широты.

Чего не дѣлаютъ искусство и труды!
Каналъ, Азовъ и Понтъ вѣнчаютъ, какъ пруды,
И древній Бористенъ, теряя здѣсь свободу,
Сто саженъ отступилъ для пристани народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженяхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху, подъ крышкой на чердакѣ, съ просторомъ прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лице взглянуть нельзя равнодушно: у всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое состраданіе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галереѣ и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, если бъ по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фронта экоссезъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. — Вольтеръ гдѣ-то сказалъ: les volontes font libres; кажется, онъ ошибся! а тому, кто скажетъ: les pensées font libres, нечѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вымыслила Екатерина. Скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна! Цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда Она ужинать изволила. Говорятъ, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искусственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что, какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ

поднялись флаги. Скажемъ тысячу разъ: вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія! — Здѣсь я опять настигъ нитку политическихъ происшествій. Нѣсколько номеровъ прочелъ Сѣверной Почты, и узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь столь далеко отъ центра новостей, всякой листочекъ свѣженькой печати читаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Я часто испытывалъ это дорогой. Здѣшнему губернатору некогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ. Видно, флотъ турецкій хоть не страшенъ, да и не забавенъ.

Вездѣ есть диковинки. Почтетъ ли читатель мой ею то, что̀ я готовлюсь ему сказать — не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ городской голова Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. — Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія господина губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ. У него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная, вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской губерніи Нерль, а не Днѣпръ; но какая разница для этого наслажденія! — Мы позавтракали у губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ; и поѣхали, какъ-будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ. Лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикія лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ

эту строчку объяснить, иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе: «Сія степь, «сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, «которыя имѣютъ странный инстинктъ — осво«бождать лошадей, если увидятъ запряженными; «онѣ нападаютъ иногда толпами на запряжен«ныхъ лошадей, разбиваютъ повозки, перерыва«ютъ сбрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми то«варищами, если удастся имъ освободить ихъ.»

Я херсонскую степь, т. е. разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и поутру и ввечеру; ни отъ кого я этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатыя лошадки! — Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. — Благодаря Бога, или, лучше сказать, херсонскую Ѳею — ибо это также должны быть ея превращенія! — наши кони очень смирно довезли насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней остатокъ дня весьма пріятно проводили.

III.

ИЛЬИНСКОЕ.

—

Въ бытность мою въ Полтавѣ, Гр. Б. изъявилъ мнѣ желаніе, чтобъ я заѣхалъ въ его имѣніе, недалеко отъ Николаева, и, дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское въ 30 верстахъ отсюда. Я поѣхалъ, отобѣдавши въ Николаевѣ и нагулявшись въ Спасскомъ. На Бугѣ ожидала насъ адмиральская шлюпка. Пристань отмѣнно хорошо сдѣлана; мостъ наведенъ широкій до глубины рѣки; по обѣ стороны разставлены фонари—знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣтерокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ попутный: подняли паруса и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя, въ первый разъ бывъ на водѣ, этого боялась, тѣмъ болѣе, что мы колыхались какъ въ люлькѣ. — Г. Е., стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, доколѣ мы у него изъ виду пропали. Гр. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами простились, и мы поскакали.

Отъ Николаева та же простирается степь, пустая и пространная. Бугъ то пропадаетъ, то опять показывается въ отдаленности: видъ его представляетъ море. Уже поздно было, какъ мы

выѣхали изъ города; сумерки застали насъ на пути. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. Мѣсяцъ вошелъ, и изъ-за красныхъ облаковъ, исполненныхъ огня и грома, ударялъ въ синія волны Буга: опять новый предметъ ужаса! Жена скрывала свой страхъ, чтобъ не дать пищи моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ то же въ отношеніи къ ней. Помѣстье Гр. имѣетъ свое тутошное новое имя и, сверхъ того, старинное историческое, вновь ему присвоенное; итакъ мы съ ямщиками не могли другъ друга понять: я спрашивалъ ихъ про Ольбіо; — они твердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удвоивало страхи; мы боялись, что насъ не туда привезутъ, куда мы хотѣли ѣхать. То же недоразумѣніе и въ разстояніяхъ. И такъ все насъ безпокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно — почти ночью; однако передовые насъ возвѣстили — прикащикъ ждалъ: я ему отдалъ письмо. Онъ отвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ турецкимъ диваномъ. Б. недавно зачалъ здѣсь строиться, и предпріятіе его — поставить для своихъ наѣздовъ домъ, идетъ весьма медленно, да и нельзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное. Когда мы вообразимъ, что здѣсь, 25 лѣтъ назадъ, обитали вездѣ Турки, и что война старое все истребила, а миръ непродолжительный ничего новаго устроить не допустилъ: то мы и тому подивиться должны, что нашли уже селеніе русское, христіанскій храмъ, хаты, обитателей и господскій флигель.

Екатерина, отнявъ у Турокъ Крымъ, поспѣшила многимъ завоеваннымъ мѣстамъ дать древнія имена, и одинъ городокъ отъ Нея получилъ наименованіе Ольвіополя; но естественныя открытія заставляютъ думать, что римскій городокъ Ольбіо не тамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, — въ дачахъ, поступившихъ по времени во владѣніе Гр. Б. Сіе доказывается рытвинами, изъ которыхъ безпрестанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осматривать; онѣ раскиданы по берегамъ Буга; но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя остановили сіи упражненія, и я ничего не видалъ, кромѣ двухъ небольшихъ отверзтій въ землю. Въ нихъ опускается человѣкъ сажени на двѣ и на три глубины и выноситъ оттуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Еслибъ я былъ антикварій, то бы на счетъ ихъ распространился; но я углублялся въ однѣ нравственныя измѣненія, не разсматривая вещей неодушевленныхъ.

По большой части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобные нашей каменной посудѣ, цвѣта краснаго и содержащіе въ себѣ пепелъ. Ольбіо, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ ссыльный. Если вѣрить, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколькихъ злодѣевъ мы доискиваемся остатковъ, и обрадовавшись, когда попадается намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ее почитаемъ! Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависитъ! Графу не-

давно послали до 2,000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полпуда. Я купилъ себѣ у мужиковъ его четыре, и заплатилъ 10 руб. — Онѣ въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольбіо. Поселяне, для построенія себѣ домовъ, ходятъ рыть дикій камень и добываютъ монеты вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ-будто городокъ. Тутъ же отрыты разной величины бѣлаго мрамора доски, кои хранятся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣщика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ греческія; иныя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя Аполлона. Другой занялся бы этимъ на-долго, но я взглянулъ, и — виноватъ — прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? кажите мнѣ людей. Камень наипревосходнѣйшій тешется въ одинъ часъ, да и самой грубой рукой, а человѣкъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями.

Около рытвинъ и вышесказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ, или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименованіе Сто-могилъ, самый высокій холмъ открываетъ наилучшіе воды по Бугу и за онымъ. Отсель чуть-чуть показывается таврическій берегъ. Лиманъ отъ сего холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на пятнадцать верстъ. Въ одну сторону видѣнъ Николаевъ, въ другую Очаковъ. — Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго

тутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки ловятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мелочь, изъ которой намъ сварили уху: но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и стерляди и осетры; онъ уже утверждалъ, что недавно тутъ изловили бѣлугу въ 8 пудъ и 19 ф. Въ селѣ выстроена каменная церковь во имя Александра Пресвитера и въ честь патрону Кн. Б. — Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ничего нѣтъ, впрочемъ, отличнаго. Утварь церковная не богата, священникъ молодъ и не изъ ученыхъ. Итакъ, все въ Ильинскомъ осмотрѣвъ въ одно утро, мы тутъ отобѣдали и поѣхали въ Очаковъ.

IV.

ОЧАКОВЪ.

На пути къ Очакову, который не въ дальнемъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ промойны выманили меня изъ коляски; между ними холмъ на водахъ лиманскихъ: вотъ прекрасная точка земли! Тутъ бы поставить храмъ и славить въ немъ Трисвятаго! Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей исторіи! Бралъ его Минихъ, бралъ и Потемкинъ. Городъ разоренный! — и нынѣ видны еще грозные слѣды россійской рати. Хуже деревни: вездѣ обломки

бывшихъ строеній; камня груды; часто попадаются подъ ноги сухія кости человѣческія; я думаю, нѣкогда было глубоко прятать побитыхъ. Ни одного не найдете сучка отъ тѣхъ прекрасныхъ садовъ, которые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько верстъ, — сабли все порубили. Что̀ устоитъ противъ острія меча?

Сохранился небольшой остатокъ турецкой крѣпости. У самаго моря стѣна ея свидѣтельствуетъ храбрость полковъ и полководца. Она, какъ вылита изъ одной штуки: нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неописаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что̀ представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣтеръ дулъ съ моря; я стоялъ неподвиженъ на каменьяхъ, коими усыпанъ берегъ, и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще есть на отмеляхъ куски турецкихъ каменныхъ ядръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія и подчивали нашихъ: все тщетно было — Орлу судило Небо смирить гордую Луну

Цѣлъ и Гассанъ, пашинской замокъ. Башня круглая, высокая, старинной архитектуры. Не удержался въ ней паша, и мы осилили чугунные затворы. Я ходилъ внутри его: тамъ настроено много зданій для артеллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша. Здѣсь весьма много сего камня. Меня пустили прогуляться на баттарею. На ней и во всемъ Очаковѣ орудій до 100, 18-ти и 24-хъ фунтовыхъ пушекъ.

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, обнявъ однимъ взоромъ безподобное здѣшнее мѣсто? Не напрасно Турки называли Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или Стамбуломъ. Величественная картина! налѣво Лиманъ, направо Черное Море; противъ глазъ Кинбурнская Коса, какъ языкъ земли, разсѣкающій мрачную волну; подалѣе, въ томъ же морѣ, обложенъ пушками островъ Березань. Какая кисть сниметъ такой рисунокъ съ изящной природы? Ходя по развалинамъ турецкихъ укрѣпленій, я обнималъ вдругъ и небо и воды; уставши, сѣлъ на пушку и далъ волю всѣмъ своимъ мечтамъ.

Здѣсь тѣни Волконскаго и Горнча носились передо мною и напоминали гибельное событіе очаковскаго штурма. Я воображалъ, что вижу тотъ путь, тѣ самыя ворота, гдѣ ихъ послѣдній рокъ постигъ отъ руки врага, неумѣющаго щадить жертвъ своихъ. Здѣсь супруги героевъ нашихъ, усугубляя торжество побѣдоносца — цвѣтущія прелестями, летали на быстрыхъ саняхъ по снѣгамъ и кострамъ мертвыхъ тѣлъ, и въ богатыхъ землянкахъ, средь роскоши и нѣги, забывали съ нимъ всѣ ужасы военнаго ополченія; межъ тѣмъ какъ утомленные воины, алкая рѣшительной брани и побѣды, не щадили себя, не щадили ничего, что имъ ни встрѣчалось.

Вѣрьте или нѣтъ, какъ угодно, но помѣщу здѣсь странность. Кто не знаетъ, кто не примѣтилъ, что очень часто облака берутъ разные образы и представляютъ намъ виды земные въ

небесахъ? Средь глубокихъ моихъ размышленій объ очаковскомъ штурмѣ, о войнѣ и ея послѣдствіяхъ, взглянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ среди самаго чистаго воздуха одно только облако. Что жъ оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными. Стройное согласіе идей съ воздушными явленіями? Подлинно, подумалъ я, была здѣсь въ то время наковальня. Сколько пролито крови! — а за что? — за скалу надъ мутною водою.

Теперь нѣтъ ничего въ Очаковѣ, кромѣ самой печальной картины опустошенія. Городомъ правитъ городничій, а военной командой — плацъ-маіоръ, изъ Нѣмцовъ, человѣкъ добрый, привыкшій къ русскимъ обычаямъ; онъ отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него ночевали. Всѣ крѣпости черноморскія въ завѣдываніи Д. де Р. Очаковъ населенъ всякимъ народомъ. Греки и Жиды, въ маломъ числѣ и самые бѣдные, таскаются по городу, какъ бродяги, и ищутъ случая сплутовать для пропитанія. Одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Жидъ стянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сырого мяса, бросился съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ пристани гнались и не поймали; видно было, что это не первый опытъ его проворства.

Противъ дома, гдѣ мы остановились, стояла на якоряхъ маленькая флотилія, изъ девяти канонерскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумѣется, нашей службы; мы его не

видали, — онъ боленъ глазами и въ городѣ не бываетъ.

Что сказать о самой квартирѣ? Опальный домишко, хуже стократно тѣхъ, кои, по приговору судебныхъ мѣстъ, описываются отъ конкурсовъ за долги и, за неявкой желающихъ, стоятъ лѣтъ по десяти безъ крышъ и починки. — И тутъ окна выбиты, рамы трясутся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ приступа; съ тѣхъ поръ, конечно, никто его не чинилъ. Не забавный ночлегъ! подъ окошкомъ море; вѣтеръ реветъ какъ осенью; въ добавокъ, весь скарбъ г-на хозяина съ нами помѣщался въ одной комнатѣ, и движимый и недвижимый. Всѣ животные, безъ коихъ добрый хозяинъ въ степи обойтиться не можетъ, какъ то: куры, овцы, индѣяты почивали съ нами вмѣстѣ. Г-нъ плацъ-маіоръ любилъ голубей, и они тутъ же по закоптѣлымъ стѣнамъ летали. Сожительница его охотница до котятъ; тутъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгала поминутно. О, сладкія награды любопытства! — Хозяйки не было дома: она отлучилась на то время въ свое помѣстье, чтобъ умножить, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ постояльцевъ. Всякой можетъ разсудить, что мы тутъ ночь провели не самымъ благопріятнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, если можно такъ назвать старую мечеть, на-скоро передѣланную. Это та самая, которую назавтра взятія Очакова П-ъ велѣлъ освятить, и въ которой воспѣтъ

Христіанскому Богу первый на мѣстѣ семъ благодарный молебенъ устами тысячи тысячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня; такія же колонны внутри церкви, какъ и со входа. Иконостасъ писанъ на полотнѣ. Храмъ весьма не богатый, хотя и съ хорами! онъ болѣе похожъ на магометанское разоренное капище, нежели на восточную церковь. На самой той башенкѣ, съ которой турецкій глашатай кричалъ Алла, нынѣ колокольня, и пономарь, ударяя въ маленькій колокольчикъ, сзываетъ на молитвꙋ православныхъ. Башенка эта почти не передѣлана.

Хотѣлось съѣздить въ Кинбурнъ; онъ очень видѣнъ изъ Очакова; но не смѣлъ пуститься: я трусъ на большой водѣ. Переѣзду верстъ 9, а погода воздымала очень волны. Съ пристани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому витязю нашего края, который прославилъ себя на этой косѣ и своею побѣдой отворилъ, можно сказать, путь къ Очакову и ко всѣмъ счастливымъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ свою славу въ Европѣ. Вмѣсто Кинбурна, я дождался восхода луны, и сколько ни напуганъ былъ ею, однако, по нѣкоторымъ слабымъ остаткамъ въ себѣ романическаго духа, не усидѣлъ дома и пошелъ на берегъ моря, глядѣть на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ. Колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и пришедши, тотчасъ уснулъ.

ЗАПИСКИ
КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА
ДОЛГОРУКАГО.

1764 годъ.

..... Годъ сей ознаменовался въ домѣ нашемъ печалью. Въ Январѣ скончался отецъ моей матери *баронъ Николай Григорьевичъ*. О немъ безъ лести можно сказать, что онъ былъ истинный сиротамъ отецъ и бѣднымъ покровъ. Въ Апрѣлѣ Богъ опредѣлилъ мнѣ родиться, и природа произвела меня на свѣтъ 7-го числа въ Великую Среду, передъ полуднемъ. Случилось сіе радостное въ домѣ нашемъ происшествіе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, во дни царствованія Великія Екатерины. Домъ, въ которомъ я увидѣлъ первый лучъ солнца, испустилъ первый стонъ существа дышущаго, стоялъ близъ Страстнаго монастыря, на Тверской. Роскошь окружила колыбель мою; слезы радости потекли изъ глазъ родителей моихъ при видѣ нетерпѣливо ожидаемаго младенца. Да и какая мать можетъ безъ восторга смотрѣть на сына своего въ колыбели? — Благодать Божія призвала меня къ христіанскому таинству крещенія. Воспріемниками отъ купели были: дядя мой родной баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ и сестра

моя княжна Прасковья Михайловна, пятилѣтній ребенокъ. Имя дано мнѣ Іоаннъ, въ честь и память переселившемуся отъ насъ въ вѣчность дѣду моему. Въ томъ же году родители мои собрались въ Кіевъ. Строгимъ правиломъ поставили они себѣ каждые три года навѣщать тамъ схимонахиню Нектарію. Едва минуло мнѣ три мѣсяца, какъ повезли они и меня туда съ собою: горячность къ дѣтямъ не допустила ихъ разстаться съ нами. Въ концѣ года возвратились мы въ Москву благополучно, и стократныя благословенія бабки моей обогатили мое младенчество.

1765.

Марта 26, сестра моя занемогла оспой; отъ нея пристала оспа и ко мнѣ съ такой силою, что я оглохъ, ослѣпъ и онѣмѣлъ. Тогда еще не умѣли прививать сей заразы и смягчать ея жестокость. Все лице мое покрылось корою, и въ такомъ положеніи оставалось только ожидать смерти. Богъ сохранилъ животъ мой,—да повѣмъ здѣсь дѣла Господня. Его великимъ промысломъ натура открыла вспомогательныя свои средства—и болѣзнь уступила ея силамъ. Тутъ явно совершилось надо мною чудотвореніе отъ иконы Смоленскія Божія Матери, что̀ въ Донскомъ монастырѣ, надъ царскими вратами; когда родители мои, болѣзнію моею огорченные, съ теплою вѣрою прибѣгнувъ къ Богу, подняли икону къ себѣ въ домъ и меня къ оной приложили — то вдругъ получилъ употребленіе всѣхъ моихъ

умершихъ чувствъ: сталъ видѣть и слышать; струпъ свалился съ лица моего, — оспа миновалась. Сіе я всей мыслію утверждаю, ибо вѣрю родителямъ моимъ, меня о томъ извѣстившимъ; вѣрю паче Создателю моему, вся сверхъестественная могущему! и такъ оба мы съ сестрой выздоровѣли въ одно время. Въ Ноябрѣ Богъ благословилъ домъ нашъ новымъ залогомъ щедротъ своихъ: 23 числа родилась вторая сестра моя, княжна Анна; крестные отецъ и мать тѣ же были у нея, что̀ и у меня.

1766.

Ничего достопамятнаго годъ сей не представляетъ, кромѣ рожденія меньшой и послѣдней сестры моей княжны Елисаветы, отъ которой мать моя разрѣшилась Декабря 12 числа. Крестили ее я и сестра моя большая.

1767.

Возрастъ сестринъ требовалъ уже воспитанія. Слѣдуя общему обычаю у Русскихъ, и батюшка принялъ къ себѣ въ домъ Француженку, по имени madame Constantin. Были и до нея у насъ иностранки, но мало держались. Эта послѣдняя жила съ нами долго, и послѣ нея уже не принимали другой. Она была женщина не молодая, очень хорошихъ свойствъ, усердно привязана къ нашему дому, а паче ко мнѣ, и вмѣстѣ съ сестрою пріучила меня лепетать по-своему съ самаго ребячества. Болѣе замѣтить ничего я не

нашелъ въ теченіе сего года; а о вступленіи госпожи Constantin упоминаю потому, что вижу въ ней перваго человѣка сторонняго, котораго попеченіямъ и ласкѣ обязанъ я первоначальнымъ моимъ образованіемъ. Чувство благодарности требовало отъ меня, чтобы я остановилъ на семъ вниманіе дѣтей моихъ, дабы и они, глядя на меня, помнили своихъ наставниковъ. Благодарность есть изящнѣйшая добродѣтель. Человѣкъ, безъ нея возмужавшій, уподобляется хищному звѣрю, который равно пожираетъ того, кто гладитъ, и того, кто его кусаетъ.

1768.

Родители мои, видѣвшіе на мнѣ и сестрѣ моей опытъ жестокости природной оспы, разсудили въ нынѣшнемъ году привить ее меньшимъ моимъ сестрамъ; къ чему представился весьма благопріятный случай. Императрица Екатерина, великая жена во всемъ, желая показать примѣръ своимъ подданнымъ, рѣшилась привить оспу Наслѣднику Престола и единственному своему сыну, юному Павлу; но какъ и на ней самой не было оспы, то, преодолѣвъ всякій страхъ, расположилась она вмѣстѣ съ нимъ подвергнуть себя той же операціи. Какой необыкновенный примѣръ всѣмъ отцамъ и матерямъ! всѣ стали ему подражать наперерывъ, и младенцы въ Россіи почувствовали скоро надъ собою спасительное дѣйствіе сего изобрѣтенія. Выписанъ былъ для царскаго дома славный врачъ, по имени

Димздаль. Онъ привилъ оспу Императрицѣ и Великому Князю; оспа принялась, продолжалась и сошла съ вожделѣнныйъ успѣхомъ; все миновалось благополучно. Въ память столь счастливаго событія, учрежденъ тогда же праздникъ, и повелѣно было 21 Ноября, въ день выздоровленія царскаго дома, отправлять ежегодно благодарныя Господу Богу молитвы. Тотъ же самый докторъ, прибывъ въ Москву, прививалъ оспу сестрамъ моимъ. Какое вниманіе нашихъ родителей! ничего не жалѣли они на пользу нашу. 25 Декабря сестрамъ сдѣлана операція, и оспа во всѣхъ ея измѣненіяхъ была наиблагополучнѣйшая, даже не оставила необходимаго своего признака, когда природа въ этомъ случаѣ врача предупреждаетъ, ибо ни сколько не обезобразила лицъ у сестеръ моихъ, хотя на меньшей довольно была сильна. Годъ сей ознаменованъ однимъ этимъ происшествіемъ въ домѣ нашемъ.

1769.

Кончина дяди моего, князя Димитрія Ивановича, нанесла дому нашему чувствительную печаль. Его не стало 26 числа Мая; онъ жилъ въ Кіевѣ, состоялъ послушникомъ въ Никольскомъ монастырѣ; прожилъ, или, лучше сказать, продышалъ 31 годъ. Тѣло его погребено въ преддверіи Кіево-Печерской Лавры. Войдемъ въ краткую біографію сей плачевной отрасли несчастныхъ супруговъ.

Князь Димитрій Ивановичъ родился въ зато-

ченіи и вывезенъ оттуда $1^1/_2$ году. На пути занемогъ оспой и оставленъ во Владимірѣ; оттуда, по излеченіи, привезенъ въ Москву уже двухъ лѣтъ. Тутъ воспитывался онъ вмѣстѣ съ отцемъ моимъ. Войдя въ возрастъ, почувствовалъ страсти и, къ несчастію, предметомъ склонности его сдѣлалась одна бѣдная и незнатная барышня. Родственники вооружились противъ союза съ ней. Князь Димитрій долго боролся съ чувствомъ сильной любви, но сердце превозмогло разсудокъ и онъ лишился ума. Ему было уже 20 лѣтъ, и въ такомъ жалкомъ положеніи не оставалось иного средства помочь ему, какъ удалить отъ свѣта. Подъ присмотромъ матери своей, началъ онъ жить въ Кіевѣ, и въ Никольскомъ монастырѣ проходилъ монашескій искусъ. Жизнь пустынная успокоила, но не исправила разстроеннаго воображенія. Бабушка, ни о чемъ уже не помышлявшая, какъ о душѣ и спасеніи ея, возжелала постричь его и открыть ему тѣмъ надежнѣйшій путь къ Небу. Она прибѣгнула къ Престолу съ прошеніемъ о дозволеніи сыну ея принять монашескій санъ. Екатерина, столь же премудрая, какъ и сострадательная, не согласилась на то, и рескриптъ, писанный ею къ Нектарію, котораго за симъ помѣстится точная копія, свидѣтельствуетъ, сколь вѣдомо было ей сердце человѣческое, и сколь уважала она душевныя свойства постригшейся княгини Долгорукой. Итакъ князь Димитрій остался послушникомъ, ходилъ въ церковь, постился, и прове-

дя остатокъ дней своихъ во власяницѣ, переселился въ общую отчизну — небо. Наружность его была прекрасна, ростъ сановитый, умъ имѣлъ пылкій, сердцемъ одаренъ былъ нѣжнымъ; съ отцемъ моимъ жилъ въ неразрывномъ союзѣ, и даже, находясь въ поврежденіи ума, когда узнавалъ его, бросался со слезами въ его объятія и не скрывалъ отъ него ни одной своей мысли.

Кто изъ чувствительныхъ людей не раздѣлитъ здѣсь прискорбія бабушки моей и не удивится мужеству, съ какимъ переносила она житейскія напасти, кои даже и подъ схимою не щадили ея сердца и вкрадывались въ сокрушенную ея душу? Мало было — потерять драгоцѣннѣйшаго друга, оплакать его мучительную кончину, оставить свѣтъ, — надлежало еще оплакивать безуміе любимаго сына, видѣть его мученія, да еще наконецъ и схоронить его въ сущей молодости, въ самомъ красномъ цвѣтѣ лѣтъ!!! —

Праведная жена! если, предстоя у престола Царя славы, ты на дѣянія чадъ своихъ долу взирать можешь, то не возгнушайся принять здѣсь отъ меня, недостойнаго твоего потомка, жертву того безпредѣльнаго уваженія, какое душа моя, умъ и всѣ чувства къ тебѣ сохранили, и зри, съ какимъ благоговѣніемъ я внутренно чествую память твою, воспоминая о каждой минутѣ безподобной твоей жизни!

Скоро, по полученіи сей печальной вѣсти, родители мои собрались въ Кіевъ навѣстить страдалицу Нектарію, и всѣхъ насъ взяли туда съ

собою. Такъ-то въ старину дѣти чтили отцевъ своихъ! Ни отдаленность, ни убытки, ни что не удержало ихъ отъ намѣренія летѣть въ Кіевъ, дабы хоть мало уврачевать рану дражайшей матери, видѣть ее, обнять и благословеніемъ ея усладить собственную свою горесть. Мнѣ было только еще пять лѣтъ, и хотя мы прожили тамъ полгода, но я ничего видѣннаго въ тѣхъ мѣстахъ на память себѣ нынѣ привесть не могу, кромѣ кельи моей бабушки и неоцѣненныхъ ея милостей ко мнѣ. Она безмѣрно жаловать меня изволила, и, признаться велитъ наслышка, даже и баловала.

Копія съ Рескрипта:

Честная мать Монахиня!

Письмо ваше Мною получено, на которое, по прошенію вашему, иной резолюціи дать не можно, какъ только ту, что Я позволяю сыну вашему князь Димитрію жить, по желанію его, въ монастырѣ, а постричься въ разсужденіи молодыхъ его лѣтъ дозволить нельзя, дабы время, какъ его въ раскаяніе, такъ и насъ объ немъ въ сожалѣніе не̂ привело.

Доброжелательная

Екатерина.

Въ С. Петербургѣ,
Октября 27 дня 1769 г.

1770.

Въ Февралѣ мы возвратились въ Москву, а въ Іюнѣ новое постигло насъ огорченіе: 16 числа, мать моя родила мертваго младенца мужескаго пола, коему назначалось имя Димитрія. Сіи худые роды матери моей можно почитать несчастіемъ, потому-что отсюда начались всѣ ея болѣзненные припадки, коими она во всю свою жизнь страдала, и съ тѣхъ поръ уже перестала матушка носить дѣтей.

1771.

Сей годъ особеннаго замѣчанія требуетъ не только въ моей лѣтописи, по частнымъ приключеніямъ, въ домѣ нашемъ послѣдовавшимъ, но знаменитую составитъ эпоху и въ дѣеписаніяхъ Россійскаго Государства; а потому изложу сперва вкратцѣ бѣдствія столицы; затѣмъ распространюсь на счетъ собственныхъ нашихъ огорченій.

Въ Москвѣ стала показываться чума — турецкій подарокъ. Сперва носился о томъ глухой гулъ въ народѣ, но молвѣ не вѣрили. Приверженный къ нашему дому лекарь, человѣкъ вообще добрый, по имени Граве, самымъ скромнымъ образомъ извѣстилъ отца моего, что на Суконномъ Дворѣ уже оказались знаки моровой язвы, и совѣтовалъ до вскрытія рѣкъ выѣхать изъ города. Батюшка рѣшился дать ему вѣру, и Марта 24 переѣхали мы всѣмъ домомъ въ подмосковное наше село Волынское. Оно стояло

въ 7 верстахъ отъ Москвы. Домъ большой, старинный, помѣстительный; изъ каждаго окна видна столица какъ на ландшафтѣ.....

Скоро вспыхнулъ огонь въ Москвѣ, и язва зачала косить ея жителей. Зараза, большую получивъ силу, опустошала всѣ домы. На улицахъ поднимали сотни труповъ, ею пораженныхъ; въ Августѣ уже не было отъ нея никакого убѣжища, ежедневно кладбища въ глазахъ нашихъ принимали въ себя кучи мертвыхъ тѣлъ. Въ домѣ нашемъ всякія приняты были предосторожности. Нельзя было прекратить вовсе сообщенія съ городомъ: оттуда доставлялись съѣстные припасы и необходимыя потребности. На половинѣ пути отъ насъ учрежденъ былъ крестьянскій пикетъ. Все привозимое изъ Москвы тутъ складывали, и, окуривъ уксусомъ съ прочими, годными къ тому лекарственными вещами, и вывѣтривъ порядочно, привозили наконецъ къ намъ. Сами мы ни на шагъ отъ деревни не отлучались, и такъ прожили все опаснѣйшее время.

Одно бѣдствіе всегда сопрождается другимъ. Есть и пословица народная: придетъ бѣда, — отворяй ворота; такъ и нынѣ. Чума породила другое пагубное зло. Народъ, видя ежеминутно смерть предъ собою, не имѣлъ другого прибѣжища, кромѣ молитвы предъ иконами Святыхъ; въ это время всѣхъ болѣе прославилась икона Боголюбскія Божіей Матери, на Варварскихъ Воротахъ. Туда кидался народъ толпами. Но чѣмъ болѣе собиралось черни къ одному пункту,

тѣмъ естественнѣе сообщалась между ними зараза и умножались ея успѣхи. Правительство сочло необходимымъ пресѣчь такой притокъ народа къ одному мѣсту,—и въ слѣдствіе сего образъ тихо ночью вывезенъ. Чернь, узнавъ о семъ, взволновалась. Открылся обще-народный бунтъ, и 14 Сентября московскій архіерей, совершавшій въ Донскомъ монастырѣ литургію, убитъ разъяренною сволочью. Шайка бродягъ вломилась въ храмъ. Святитель скрылся за иконостасомъ; ребенокъ это видѣлъ и объявилъ мятежникамъ. Тѣло страдальца погребено въ томъ же Донскомъ монастырѣ.

Милость Божія между тѣмъ явилась снова надъ Москвою. Чума стала терять свою силу. Волненіе народное утихло. Съ зимою вмѣстѣ исчезла гнилость въ воздухѣ, и къ концу года зараза миновалась.

Во все время этой напасти мы прожили въ Волынскомъ. Телескопъ, не снимаясь съ окошекъ, наведенъ былъ поминутно то на Москву, то на кладбище. Все видѣли, все слышали и отъ всякаго слуха содрогались; но Господь помиловалъ насъ, и зло физическое къ намъ не прикоснулось. Всѣ поселяне наши, смирные, какъ овцы, ниже пошевелились и не приняли никакого участія въ возмущеніи. Похвально для нихъ, славно и для помѣщиковъ! Это означало кротость родителей моихъ въ управленіи домовнемъ. Никто подъ крышей нашей и во дворѣ не заразился; всѣ въ деревнѣ были живы, здоровы.

Благополучно, преблагополучно протекла для насъ въ семъ отношеніи ужасная для многихъ и прискорбная година. Въ память сего благоволенія Божія и въ возблагодареніе Творцу отъ недостойной твари, учредилъ отецъ мой крестный ходъ въ деревнѣ, который совершается донынѣ, и на источникѣ, близъ села, въ деревнѣ *Давыдково* отправляется водосвященіе 26 числа Августа въ день Владимірскія Божія Матери. На мѣстѣ томъ поставлена тогда же и часовня.

Но увы! Избавившись отъ язвы тѣлесной, не освободились мы отъ язвы сердечной.

Мать моя лишилась брата своего родного, *барона Сергѣя Николаевича*. Потеря сія тѣмъ для нея была чувствительнѣе, что онъ скончался очень молодъ, оставя послѣ себя жену съ малолѣтнымъ сыномъ. Хотя со стороны достатка ребенокъ былъ весьма обезпеченъ, даже богатъ, но что замѣнитъ отца или мать? Дѣти безъ нихъ при всякомъ избыткѣ всегда сироты.

Приспѣлъ рокъ и бабушки моей, старицы Нектаріи. Она не пережила сего лютаго для Россіи года, и Іюля 3 числа скончалась. Скоро дошло до насъ сіе извѣстіе. Оно всѣхъ поразило. Отецъ мой, привыкшій чтить ее, любить и повиноваться, такъ тронутъ былъ симъ несчастіемъ, что у него отнялась рука. Всѣ плакали объ усопшей. И какъ иначе? Кого изъ насъ она не жаловала, не тѣшила? Меня ласки ея отъ всѣхъ прочихъ отличали. Часто, держа меня на колѣнахъ, она сквозь слезъ восклицала: Ванюша, другъ мой

чье ты имя носишь? Несчастный супругъ ея безпрестанно жилъ въ ея мысляхъ. Но я, при извѣстіи о кончинѣ ея, въ томъ еще былъ возрастѣ, въ которомъ чего-нибудь другого жаль, кромѣ игрушекъ. За то нынѣ, вспоминая объ ней, я каждую строку сей тетради орошаю слезами. Конецъ ея былъ подобенъ смиренной ея и надежной жизни. Приготовясь вѣрою къ вѣчному животу, она переселилась въ небесныя обители безъ трепета и унынія. Въ послѣднее время у нея часто шла кровь горломъ, и тѣмъ прекратились дни сей необыкновенной женщины.

Она какъ-будто предузнала приближеніе своей смерти и заочно всѣхъ насъ благословила разными иконами. Мнѣ присланъ послѣ нея крестъ съ мощами, а дому нашему вообще пожалованъ ею большой образъ нерукотворенный Спасителя, съ слѣдующей достопамятной для насъ на дскѣ его надписью:

«1771 года Мая 28-го дня образъ сей нерукотворенный Спаса Нашего Іисуса Христа, чудотворный, истинный, неложный, сыну моему князю Михаилу Иванову Долгорукову даю съ тѣмъ благословеніемъ, что 1770 года въ Кіевѣ и во Фроловскомъ монастырѣ въ бывшую моровую язву благодатію того же Спаса Нашего Іисуса Христа отъ сего образа, въ моей кельи въ то время бывшаго, какъ я сама и мои келейныя отъ оной моровой язвы спасены, такъ и съ нимъ, княземъ Михайломъ Ивановичемъ, того же Спаса Христа Сына Божія на семъ образѣ изо-

браженнаго, благодать да будетъ, и его жену и чадъ отъ всякія скорби и болѣзни и весь домъ его всегда да спасетъ; а имѣть сей образъ, яко чудотворный, истинный, дознанный и неложный, въ домѣ его князя Михайлы Ивановича Долгорукаго въ роды родовъ на благословеніе.»

По кончинѣ ея доставлены къ отцу моему разныя ея бумаги, между коими занимательны для каждаго записки ея руки о томъ, какъ она помолвлена, вѣнчана и потомъ отправилась въ Сибирь. Сокращенный журналъ сей, спустя много лѣтъ, былъ напечатанъ. Всѣ читали его въ Москвѣ со слезами, и жалѣть по справедливости можно, что она изволила его кончить на самомъ томъ мѣстѣ, какъ началось пребываніе ея въ ссылкѣ. Думаю, что чувства ея не сильны были выдержать новаго испытанія, и она не разсудила волновать своего сердца такимъ горестнымъ повѣствованіемъ. Изъ переписки ея съ отцемъ моимъ впишу я здѣсь послѣднее ея письмо, которое покажетъ, въ какомъ твердомъ духѣ и съ какимъ благоволеніемъ искреннимъ къ намъ она оставляла свѣтъ и готовилась разорвать земныя узы.

«Князь Михайла Ивановичъ, Княгиня Анна Николаевна!

«Не хотѣла пропустить почты, не давъ вамъ знать о себѣ, что я еще жива. Благодарю Бога, хотя въ слабости нахожусь,—однако все съ радостію пріемлю, и васъ Богомъ прошу не тужить обо мнѣ. Богъ властенъ изъ мертвыхъ вос-

скресить, — вѣдь когда-нибудь умирать! Надо во всемъ повиноваться власти Божiей, только бы Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ: все сыропы сладкiе, — и тѣ опротивѣли; когда бы можно достать хотя лимоновъ пять, — прислать; тоже моя бѣда, что кашлю не чѣмъ помочь, теплаго нельзя пить.

Препоручаю васъ Богу, оставляю миръ и благословенiе.»

С. N.

Тутъ нѣтъ витiйства; но кто прочтетъ первыя строки и не умилится? Кто не заплачетъ? Такая участь смертныхъ: доколѣ мы дышемъ и бѣдствуемъ, насъ уничижаютъ; умремъ, — и тѣ же бѣдствiя наши влекутъ общiя слезы.

Вмѣстѣ съ рескриптомъ Императрицы Екатерины II на счетъ меньшаго сына ея, князя Димитрiя, о которомъ я уже упомянулъ, доставленъ къ намъ и другой, съ котораго не неприличнымъ считаю приложить здѣсь также точную копiю; изъ оной видно, сколько уважала сiю женщину сама Государыня:

«Честная мать! письмо ваше отъ 12 Iюня я получила, за которое и за присланную притомъ икону Пресвятыя Богоматери, также усердныя желанiя ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ, будьте увѣрены, что по справедливости милостiю и покровительствомъ моимъ ос-

тавлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонная

Екатерина.

Въ Петергофѣ 26 Іюня 1763 г.

Я бы желалъ, не смотря на слабость моихъ къ тому способностей, приняться написать исторію сей героини нашего времени: ибо великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ; но недостатокъ рукописей принуждаетъ меня оставить сіе намѣреніе: не чѣмъ руководствоваться, кромѣ слуховъ. Они разсыпаны повсюду, но, можетъ быть, не всѣ достовѣрны. Впрочемъ, весьма довольно и того, что въ разныя позднѣйшія времена было о ней писано и печатано; довольно и самыхъ историческихъ событій, дабы о княгинѣ Наталіи Борисовнѣ Долгорукой сдѣлать заключеніе не ложное, что она одарена была характеромъ превосходнымъ и приготовлена отъ юности къ душевному героизму. Вотъ какъ воспитывали женщинъ въ старинной Россіи!...

Если я и здѣсь повторилъ, можетъ быть, сказанное выше о ней же, то прости, читатель, моему восторгу и чувству сильнѣйшаго къ ней благоговѣнія.

1772.

Мнѣ минуло 8 лѣтъ, и пора приходила уже ввѣрить мое воспитаніе мужескому полу. Мадамъ Constantin, добрая старушка, присмотрѣвъ за мной въ первыхъ годахъ моего ребячества, ста-

новилась для наукъ моихъ безполезною. Много одолженъ былъ я искреннимъ ея попеченіямъ. Она меня отъ души любила: жаль было съ ней разстаться; но вдвое грустнѣе было перестать ночевать въ одной комнатѣ съ мамушкой *Марьей Карповной*, которая часто прикармливала меня пряниками съ золотомъ, и, по сродной женщинамъ слабости, иногда давала волю блажить. Впрочемъ, съ ней я могъ видѣться въ свободное время отъ уроковъ; она оставалась жить въ нашемъ домѣ, а мадамъ, сдѣлавшись ненужною для насъ, пожелала сойти, — и навсегда насъ покинула. Съ признательностью общей родители мои ее отпустили. Какъ не возблагодарить стократно того добраго человѣка, въ какой бы странѣ онъ ни родился, который оберегаетъ нашу юность отъ всякаго зла рачительнымъ присмотромъ, и къ наставленіямъ въ благонравіи присоединяетъ примѣры добродѣтельной жизни! Имя madame Constantin будетъ всегда въ устахъ моихъ отзываться съ благодареніемъ, любовью и похвалою. Въ сѣдыхъ волосахъ вспомню, что сиживалъ у нея на колѣнахъ, пивалъ изъ рукъ ея чай, и.... поплачу. что ребячество мое, сіе счастливѣйшее время жизни, пролетѣло, какъ мигъ. Всякій возрастъ имѣетъ свои печали; это — первая, которую я испыталъ, умѣя уже чувствовать различіе между словами: *весело* и *грустно*. Я платилъ дань природѣ, какъ младенецъ; а родители мои дѣлали свое дѣло и руководствовались въ образѣ моего воспитанія благоразумными опытами.

Отецъ мой, образовавшись, можно сказать, самъ собою, безъ пособій стороннихъ, чувствовалъ болѣе многихъ, сколь полезно было имѣть въ юношествѣ образователя надежнаго, и сколь трудно изъ собственныхъ опытовъ своихъ извлекать правила для жизни. Ему угодно было предназначить меня къ иностраннымъ дѣламъ. Цѣль сія требовала познаній обширныхъ и уважительныхъ. Необходимы были чужеземные языки. Все это требовало наставника просвѣщеннаго. Ни слова не скажу о тѣхъ двухъ иностранцахъ, кои на первыхъ порахъ вступили въ домъ нашъ, и года два у насъ пожили. Они не могли заслужить довѣренности моихъ родителей; притомъ же разныя обстоятельства препятствовали основательнымъ образомъ предпринять мое воспитаніе. Итакъ я только привыкалъ около г. Руле лепетать по-латини и по-французски и запасался первыми матеріялами къ методическому ученію.

Планъ, предначертанный моимъ отцемъ, обнималъ слѣдующіе предметы: латинскій, нѣмецкій и французскій языки, Исторію, Географію, Поэзію и Математику. По мѣрѣ возраста, предполагалось обучать и другимъ разнымъ то полезнымъ, то пріятнымъ художествамъ. Все это постепенно возьметъ свое мѣсто въ моей исторіи — тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Теперь я замѣтилъ только тотъ годъ, въ которомъ сталъ помаленьку отвыкать отъ женскихъ поблажекъ и споравливать присмотру надзирателя одного со мною пола.

Въ религіи наставникомъ моимъ былъ кроткій

и добрый, пожилой іерей Ал. Ст. — Онъ руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ меня исподоволь къ тѣмъ истинамъ, кои по времени должны были озарить мою душу. Изъ его краткихъ христіанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распознавать что̀ грѣхъ и что̀ добро предъ Богомъ.

1773.

Въ этомъ году не случилось ничего замѣчательнаго съ нами, и потому займусь, какъ бы на досугѣ, сокращеннымъ изъясненіемъ моихъ свойствъ физическихъ и нравственныхъ — отрочества. По наружности я былъ чистъ, румянъ, но дуренъ лицемъ и обезображенъ отъ природы челюстью нижней непомѣрно широкой и толстой губой, по которой, когда я ее распускалъ, называли меня часто *разиней*. Сложенія я былъ мокротнаго и очень подверженъ золотушнымъ болѣзнямъ: отъ нихъ я терпѣлъ много скорбей различныхъ. Темпераментъ мой съ малолѣтства казался быть по сей причинѣ флегматическимъ; но, напротивъ, я былъ холерикъ. Умственныя мои способности раскрывались медленно; я былъ тупъ, понималъ уроки съ трудомъ; лучшее сокровище мое была память, — твердить наизустъ былъ мастеръ. Съ языка лилось какъ у попуга́я; но все забывалъ назавтра. Душевно былъ открытъ, сердоболенъ, но горячъ и страстенъ, а болѣе всего упрямъ. Отъ этого меня жестоко унимали.

Вмѣстѣ со мной обучались всему, разумѣется, кромѣ латини, и сестры мои, приходя въ возрастъ. Мы воспитывались одинаково, тѣмъ же иждивеніемъ, съ такимъ же попеченіемъ. Чадолюбіе нашихъ родителей простиралось на всѣхъ четверыхъ въ одной и той же мѣрѣ. Знайте сіе разъ на-всегда, безъ повторенія; ибо пишу свою собственную біографію; я пространно говорить буду о себѣ только одномъ и о томъ, что̀ собственно до меня коснется и составитъ необходимый эпизодъ въ моей жизни.

1774.

Соскучивъ отставкой и праздной жизнью, отецъ мой разсудилъ искать упражненія въ службѣ. Иванъ Ивановичъ Бецкій открылъ ему дорогу. Ходатайствомъ его батюшка 20 Января опредѣленъ опекуномъ въ Московскій Воспитательный Домъ въ томъ же чинѣ, т. е. гвардіи капитаномъ, гдѣ и вступилъ въ новое поприще, состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ ходатая своего, Бецкаго. Иванъ Ивановичъ былъ тогда однимъ изъ первѣйшихъ сановниковъ въ нашемъ государствѣ. Онъ былъ человѣкъ кроткій, просвѣщенный и благонамѣренный. Вотъ главное! Екатерина II имѣла къ нему отличное уваженіе и, сверхъ многихъ другихъ порученій, особенно ввѣрены ему были столичные сиропитательные домы и достославный Смольный Монастырь, въ которомъ жили и воспитывались бѣднѣйшія благородныя дѣвушки законнаго рожде-

нія на всемъ казенномъ коштѣ. Сіи заведенія вполнѣ процвѣтали при Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ. Общая молва признательна была къ его способностямъ, и онъ къ счастію сиротъ сохраняемъ былъ самимъ Небомъ до престарѣлости, почти необыкновенной уже въ наши дни. Служа подъ начальствомъ его, батюшка находилъ истинное удовольствіе въ трудахъ своего званія.

Отъ дня моего рожденія, которое, какъ сказано, послѣдовало на Тверской, мы до сего времени жили въ разныхъ домахъ и перемѣняли ихъ часто. Батюшка, по приращеніи своего семейства и по другимъ, собственнымъ видамъ своимъ, то покупалъ готовые дома и послѣ продавалъ ихъ, то временно живалъ въ квартирахъ наемныхъ; нынѣ расположился онъ по мыслямъ своимъ выстроить себѣ домъ каменный съ подошвы, — и заложилъ оный 18 Мая на Тверской же. Сіе составило въ семействѣ нашемъ значительное происшествіе, и потому о немъ здѣсь помѣщаю, хотя, нѣсколько лѣтъ спустя, и оно попадетъ въ число мимоходящихъ случаевъ въ жизни человѣческой. Но что въ юдоли нашей вѣчно?...

Въ теченіе того же года мать моя занемогла горячкой. Сила болѣзни долго боролась со всякимъ врачевствомъ. Даже жизнь ея была въ отчаяніи. Но кто какъ Богъ! — Милостію Его сыскалось и вспомоществованіе. Опытный докторъ, нѣкто г. *Скіаданъ*, Грекъ породою, призванъ былъ на медицинскія совѣщанія, взялъ больную на свои руки, лечилъ и вылечилъ. Весной наступаю-

шаго года мать моя совсѣмъ исцѣлилась отъ болѣзни; но съ того же времени открылись въ ней разныя хроническія немощи, отъ коихъ она уже не освобождалась.

Принявъ намѣреніе писать сію большую книгу болѣе для дѣтей моихъ, нежели для всякаго, я за правило поставилъ себѣ откровенно бесѣдовать съ ними о шалостяхъ моихъ, дабы они, когда современемъ будутъ воспитывать дѣтей своихъ, умѣли въ поступкахъ ихъ различать порочное съ умыслу отъ шалости, свойственной каждому ребенку; и для того не промолчу здѣсь о первой моей уважительной шалости. Monsieur Roulé столько уже научилъ меня по-латини, что я могъ перенять выраженіе латинскаго слова и даже написать его при нуждѣ безъ ошибки. Во время лекарскихъ съѣздовъ, по случаю матушкиной болѣзни, къ намъ въ домъ, наслушался я разныхъ латинскихъ ботаническихъ названій и наглядѣлся на форму, какой писались рецепты. Вздумалось мнѣ и самому похвастать своимъ мастерствомъ: я написалъ рецептъ, составилъ его изъ разныхъ знакомыхъ мнѣ словъ и, подписавшись подъ руку домового нашего лекаря, отправилъ съ мальчишкой въ аптеку. Составъ былъ, видно, необыкновенно крѣпокъ и, можетъ быть, смертоносенъ. Аптекарь оставилъ рецептъ, а лекарства не отпустилъ. Лекарь нашъ о семъ увѣдомленъ, и въ страшномъ испугѣ кинулся къ къ батюшкѣ. Начался домашній розыскъ; дошло дѣло до меня. Пришлось повиниться и пасть на

колѣна, — но это не спасло моей плоти: меня порядочно наказали, — и по-дѣломъ!...

1775.

Съ новымъ годомъ судьба кинула на нашу кровлю и новыя печали и новыя радости. Дѣло обыкновенное! Дядя мой родной, онъ же и крестный отецъ, *баронъ Ал. Ник. Стр.*, стоялъ съ полкомъ Кирасирскимъ, которымъ онъ командовалъ, въ Польшѣ; при выходѣ оттуда вздумалось ему потѣшить мать мою. Для сего онъ выпросилъ у тогдашняго короля Станислава патентъ мнѣ на чинъ полковничій (который и донынѣ въ бумагахъ моихъ хранится), а съ нимъ вмѣстѣ маіорскій чинъ для моего учителя г. Рулé. Съ сими бумагами присланъ къ намъ отъ него 14 Января полковой адъютантъ. Съ какимъ восторгомъ встрѣченъ гонецъ въ нашемъ домѣ! «*Ивашинька полковникъ*» какая радость! какое торжество! Сколько благодарныхъ писемъ написано къ дядѣ-благодѣтелю! сколько подарковъ накуплено для вѣстника! — и вся эта радость по времени обратилась въ дымъ. Патентъ, преогромный, только умножилъ собою число дѣтскихъ моихъ игрушекъ.

На первыхъ порахъ отецъ мой составилъ на счетъ меня слѣдующій планъ: ему угодно было, чтобы я съѣздилъ въ чужіе краи и, конча тамъ науки, явился бы въ Польшу для вступленія въ службу по чину, мнѣ королемъ пожалованному. Но, по зрѣломъ размышленіи, планъ этотъ былъ

оставленъ отцемъ моимъ; патентъ спрятали въ чаяніи, что, можетъ быть, какъ подросту, онъ будетъ мнѣ на что-нибудь полезенъ; умолкли потомъ рукоплесканія семейныя, и столь радостный случай въ первую минуту превратился потомъ въ самый ничтожный, о которомъ намъ послѣ не было даже удовольствія разговаривать между собою. Минутное обольщеніе фортуны уступило мѣсто кореннымъ попеченіямъ моихъ родителей и они прилагали труды къ трудамъ, чтобы какъ можно лучше образовать мои юношескіе годы и сдѣлать меня человѣкомъ достойнымъ.

Весною мать моя освободилась отъ своей опасной болѣзни, и среди лѣта батюшка рѣшился вмѣстѣ съ ней отправиться въ Петербургъ. Нужнымъ казалось отцу моему ознакомиться съ начальникомъ своимъ, Бецкимъ. Поѣхала съ ними и сестра моя большая, а мы, меньшія дѣти, остались въ Москвѣ, подъ присмотромъ: я у Рулé, а сестры обѣ у взрослыхъ нашихъ родственницъ, дѣвицъ Я . . ., находившихся подъ покровительствомъ моего отца. Кстати здѣсь я долженъ сказать, что, по добродѣтельнымъ свойствамъ родителей моихъ, домъ нашъ наполненъ былъ бѣдными дѣвушками. Сверхъ упомянутыхъ двухъ, кои жили подъ кровлей нашей не отъ нужды, но потому, что, лишась родителей своихъ и имѣя братьевъ, воспитывавшихся въ кадетскомъ корпусѣ, онѣ нашли болѣе приличнымъ для себя укрыться у насъ, нежели жить однимъ въ сво-

емъ домѣ, содержались у насъ еще двѣ, неимущія дѣвушки Гр....вы и барышня Г....а. Вотъ изъ сколькихъ и какихъ лицъ составлялась наша община по отъѣздѣ батюшки съ матушкой; я же съ утра до вечера обучался иностраннымъ языкамъ.

Между тѣмъ поднялась въ низовыхъ предѣлахъ Россіи черная и ужасная туча: она разразилась надъ Казанью и сопредѣльными ей губерніями; чуть-чуть не достигла и до столицы. Простой казакъ, по имени *Емелька Пугачевъ*, собравъ шайку бродягъ, началъ грабить веси и селенія, подбирать къ себѣ народъ, обольщая его свободой. Чернь ему вѣрила и шла за нимъ всюду; толпы его по мѣстамъ стали рѣзать и мучительски истреблять дворянъ. Страхъ овладѣлъ всѣми; у всякаго помѣщика смерть висѣла надъ головою ежеминутно. Всѣ бѣжали изъ вотчинъ и вотчины опустошались. Противъ злодѣя двинулись полки; посланъ графъ Панинъ, мужъ стойкій въ добродѣтели, вельможа прямо русскій, герой на полѣ брани, мечъ булатный въ сенатѣ на неправду. Онъ-то наконецъ поймалъ изверга и положилъ конецъ мятежамъ междоусобнымъ. Исторія должна современемъ безпристрастно сказать потомству, сколько тяжелъ былъ сей случай для Россіи. Мое дѣло говорить лишь о себѣ. И мы понесли большую утрату въ своемъ достояніи. Вотчина батюшкина въ Пензенской губерніи — село Царевщино съ деревнями, изобильная пажитями и хлѣбородная, населявшая до 1200 душъ

крестьянъ, увлечена была вся въ этотъ бунтъ. Мужики отложились отъ помѣщика, убили прикащика, разграбили фабрики и заведенія, пропили и свое и господское имущество. Убытокъ нашъ, по вѣрнѣйшимъ справкамъ учрежденнаго потомъ комитета для вспомоществованія разоренному дворянству, простирался до 70 тысячъ...

Непомѣрные убытки и разореніе лучшаго нашего имѣнія въ Пензѣ принудили батюшку поспѣшить возвращеніемъ своимъ въ Москву и оставить Петербургъ прежде, нежели онъ предполагалъ до сего обстоятельства.

1776.

По соединеніи всего нашего дома опять въ кучку, жили мы лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ Волынскомъ, и тамъ батюшка имѣлъ несчастіе вышибить себѣ руку. Вотъ какъ это случилось. Онъ жаловалъ кататься по вечерамъ въ линѣйкахъ. Проѣзжая чрезъ лощину, онъ забоялся и думалъ, что лучше будетъ пройти пѣшкомъ: не останавливая лошадей, спрыгнулъ съ линѣйки, споткнулся, упалъ и кость плечная вонъ въ ту же минуту. Насилу его привезли домой; нестерпимая боль его тирански мучила. Матушка была внѣ себя и болѣзнь ея новую получила силу. Всѣ мы были въ тревогѣ чрезвычайной; но терять время въ отдны́хъ суетахъ около больного безполезно; послали за Алексѣевскимъ костоправомъ: мужикъ простой изъ-подъ Москвы славился тогда своимъ искусствомъ. Какъ странно,

что въ такомъ обширномъ столичномъ городѣ одинъ только крестьянинъ способенъ былъ помогать страждущимъ въ подобныхъ случаяхъ!— да и тотъ дѣлалъ свое дѣло почти самоучкой, безъ малѣйшей легкости, что̀ онъ доказалъ и надъ моимъ отцемъ. Но дѣлать было нечего: другой помощи искать было негдѣ. Измучивши отца моего, вправилъ онъ ему руку. Послѣ сей, можно сказать, не операціи, а пытки, отецъ мой сутки двои былъ очень опасенъ. Медикъ угрожалъ ему антоновымъ огнемъ; но, благодареніе Богу! крѣпкая старинная натура все перенесла, и батюшка, пострадавши съ полгода, наконецъ выздоровѣлъ; никогда однако же не могъ онъ уже поврежденною рукою дѣйствовать такъ свободно, какъ прежде, и при каждой перемѣнѣ погоды она у него до-сихъ-поръ страждетъ. Это обстоятельство принудило его взять снова отставку и простудило въ немъ на нѣкоторое время желаніе поворотить службою то, что онъ прежней отставкой потерялъ. Замѣтимъ, сколько отецъ мой имѣлъ на пути ко счастію преградъ! сколько сопротивленій встрѣчалъ онъ своимъ предпріятіямъ! неудача за неудачей, убытокъ за убыткомъ; но, твердый въ религіи, онъ не унывалъ, бодрствовалъ и только отъ Бога чаялъ всѣхъ своихъ подпоръ и уврачеваній. Учитесь, дѣти, такимъ правиламъ: они тверже суетныхъ покровителей міра, краше злата и топазія!

Здѣсь упомяну я о вступленіи въ нашъ домъ иностранца Совере, которому обязанъ я много

своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ наукахъ. Онъ родомъ былъ Французъ и принадлежалъ къ сословію іезуитовъ, служилъ нѣкогда въ Испаніи и носилъ тамошній мундиръ; человѣкъ былъ умный, свѣдущій и крайне осторожный; сердце имѣлъ доброе и благородное. О! я никогда не постыжусь сказать, что изъ всѣхъ моихъ сторонвихъ наставниковъ, никому я не долженъ такою благодарностью, какъ ему. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ до самаго вступленія моего въ свѣтъ и кончилъ образованіе моей юности. Батюшка принялъ его тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Петербурга, не доволенъ будучи предмѣстникомъ его, который отошелъ отъ насъ, сообщивши мнѣ нѣкоторыя первоначальныя свѣдѣнія и приготовивши только къ тому, чтобы я могъ начать съ пользою основательное ученіе.

1777.

Г. Совере, войдя въ виды моего отца, палегъ со мною на латинь и довелъ меня до того, что я могъ уже заниматься Гораціемъ, Вергиліемъ и прочими писателями. Корнелій Непотъ былъ такъ мнѣ знакомъ, какъ русская книга.

Батюшкѣ хотѣлось теперь проложить мнѣ дипломатическую дорогу, и на сей конецъ онъ располагалъ отправить меня въ чужіе краи на нѣсколько лѣтъ въ хорошій университетъ; но совѣты Ивана Ивановича Шувалова поколебали его въ этомъ намѣреніи болѣе, нежели самая разстройка имѣнія. Шуваловъ былъ изъ числа бли-

жайшихъ бояръ, оберъ-камергеръ и Универси-тета Московскаго главный попечитель; — имъ учреждено было сіе училище въ царствованіе Елисаветы, при которой родъ Шуваловыхъ отличною украшался довѣренностію престола. Шуваловъ долго жилъ въ Парижѣ и наглядѣлся на образъ воспитанія молодыхъ Россіянъ, пріѣзжавшихъ туда обучаться. Лѣта его и опытность давали ему право о предметѣ семъ разсуждать рѣшительно. Онъ, наклоненъ будучи къ пользамъ своего отечества, любя истинное просвѣщеніе и питая почти пристрастное чувство къ россійскому университету, убѣдилъ отца моего записать меня въ оный. Батюшка съ довѣренностью внималъ его совѣтамъ, и скоро согласился съ нимъ. Итакъ проектъ моего путешествія остался безъ исполненія. Я записанъ въ Университетъ Московскій и принятъ по предварительномъ экзаменѣ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ.

Около четырехъ лѣтъ обучаясь дома, я могъ уже слушать профессорскія лекціи. Съ одобренія двухъ профессоровъ, Чеботарева и Аничкова, назначено мнѣ ходить въ слѣдующіе классы, а именно: къ профессору Барсову слушать Поэзію, къ Аничкову Логику и Метафизику, къ Рейхелю Всеобщую Исторію, къ Чеботареву Россійскую высшую Словесность, къ Росту — Физику; а у протоіерея Петра Алексѣевича слушалъ я Законъ Божій. Университетъ имѣлъ при себѣ въ одномъ и томъ же составѣ гимназію, гдѣ обучались ученики низшаго разряда разнымъ пріуго-

товительнымъ предметамъ. Изъ нея поступали въ вышесказанные классы къ профессорамъ тѣ только ученики, кои заслуживали повышенія въ студенты; и хотя я не былъ еще студентомъ, но удачный мой опытъ на экзаменѣ отворилъ мнѣ входъ на профессорскія лекціи; я началъ ихъ слушать ежедневно отъ 8 часовъ до 12 утра и отъ двухъ до 6 по полудни. Между студентами одинъ только я былъ ученикъ. Г. Совере позволено было являться вмѣстѣ со мной на лекціи; слѣдовательно присмотръ за мной былъ повсюду неослабный. Изъ такого ко мнѣ снисхожденія университетскихъ властей извлекалъ я ту существенную пользу, что по вечерамъ, возвращаясь домой, могъ слышать отъ Совере вновь объясненіе всѣхъ профессорскихъ лекцій того дня, и поелику онѣ преподавались на латинскомъ языкѣ, то мнѣ и нужно было тѣмъ прилежнѣе повторять ихъ дома подъ руководствомъ своего учителя. Слушая профессора при многихъ, не такъ удобно можешь все понять и удержать въ разумѣніи. Такимъ образомъ началъ я учиться съ Сентября мѣсяца. Директоръ университета г. *Приклонскій* оказывалъ мнѣ полное покровительство; кураторъ, престарѣлый и добрый *Мелиссино* являлъ мнѣ часто знаки своего благоволенія; гг. профессоры принимали во мнѣ участіе непритворное; студенты, сотоварищи мои, были ко мнѣ ласковы: оставалось самому не быть лѣниву и пользоваться временемъ. О, сколь много обязанъ я былъ стараніямъ моихъ родителей и

попеченію моего Совере. Не дерзну приписать успѣхъ моего экзамена и всѣ счастливыя его послѣдствія моимъ отличнымъ талантамъ и трудамъ; сохрани меня Богъ отъ такой гордой мысли. Во всемъ способствовали мнѣ: покровительство Шувалова, вниманіе родителей моихъ къ учителямъ, ихъ услуги и ходатайства неотступныя!

Не отважусь также сказать здѣсь ни слова о томъ, полезнѣе ли былъ для меня такой ходъ воспитанія передъ тѣмъ, какой данъ бы былъ мнѣ въ чужихъ краяхъ. Вопросъ сей рѣшить можетъ одна опытность: моя слишкомъ недостаточна еще, чтобъ произнести рѣшительный приговоръ; думаю только, по неограниченной любви моей къ родителямъ моимъ, что всякое ихъ о мнѣ предположеніе долженствовало быть и лучшимъ и правильнѣйшимъ Все, что имъ угодно было на мой счетъ придумать и основать, привыкъ я почитать для себя совершеннымъ. Вотъ въ чемъ и донынѣ состоитъ все мое любомудріе.

Между тѣмъ настоящій годъ долженъ особенно быть мною замѣченъ потому, что въ ономъ я первый шагъ сдѣлалъ изъ родительскаго дома въ общее семейство Московскаго Университета, слѣдовательно вступилъ въ міръ и началъ жить съ людьми.

Въ то же время и батюшка опять вступилъ въ службу. Праздная жизнь ему не нравилась. Дѣятельный разумъ его искалъ трудовъ, полезныхъ для общества. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій извѣстенъ былъ у двора и въ дѣлѣ своемъ

искусенъ, полюбилъ моего отца, сдѣлался его благодѣтелемъ; по его ходатайству, батюшка опредѣленъ былъ Императрицею Екатериной прокуроромъ въ Коллегію, на которую было возложено хозяйственное управленіе имѣній, собранныхъ въ одну массу, подъ названіемъ экономическихъ волостей. При семъ назначеніи пожалованъ ему чинъ Коллежскаго Совѣтника.

1778.

Школьная жизнь доставила мнѣ разныя пріятности и развернула суетныя побужденія самолюбія. По случаю рожденія Великаго Князя Александра Павловича, 12-го Декабря протекшаго года, Московскій Университетъ праздновалъ торжественнымъ академическимъ актомъ въ Январѣ мѣсяцѣ сіе вожделѣнное событіе. Съѣздъ былъ огромный. Вся столица была приглашена слушать стихи и рѣчи, кои на разныхъ языкахъ были произнесены профессорами и студентами. И я удостоенъ былъ чести на сей разъ причислиться къ ихъ сословію. Г. Чеботаревъ сочинилъ краткую на русскомъ языкѣ рѣчь, согласную съ моимъ возрастомъ, которую я проговорилъ наизусть съ каѳедры. Надобно замѣтить, что ученики, произносившіе разные стишки, на каѳедру не становились: это преимущество принадлежало только студентамъ. Пусть вообразятъ, сколь важно было для меня имъ воспользоваться! Сколько же я и трусилъ, приготовляясь къ такой новой почести! — Въ юныхъ лѣтахъ на-

шихъ и малость дѣлается важнымъ происшествіемъ. Со мною вмѣстѣ робѣли за меня и всѣ домашніе. — Наконецъ наступилъ знаменитый день! Пришелъ срокъ и я взмостился на каѳедру, съ которой чуть видна была моя головенка, — принялъ видъ важный и заговорилъ. Голосъ мой сначала задребезжалъ; меня всего приняла дрожь болѣзни; но отступать было уже поздно; дѣло начато, — надлежало кончить, — и рѣчь свою я выговорилъ довольно удачно. Разумѣется, она была не велика. Рукоплесканія раздались во всей залѣ. Сколько въ ней было тогда отцовъ и матерей, и могли ли они равнодушно смотрѣть на ребенка, поставленнаго на такомъ мѣстѣ? Какъ услаждался во мнѣ червь самолюбія! Сердце билось, какъ маятникъ. Сошедши съ каѳедры, я бросился въ объятія моихъ родителей. Первые восторги моей радости принадлежали имъ безспорно. Слезы ихъ съ избыткомъ вознаграждали меня за всѣ мои безпокойства. Всѣ были мной и я всѣми доволенъ; и тотъ меня подзоветъ, и другой и третій; кто поцѣлуетъ, кто похвалитъ, кто скажетъ съ улыбкой благоволенія: «bravo, mon prince!» — а мое Я растетъ выше Ивана Великаго.... О, сладкія обновы сердечныхъ радостей! — износитесь вы скоро, — минуты ваши летятъ какъ вихрь, ничто ихъ возвратить не можетъ....

Въ Іюнѣ бываютъ ежегодные экзамены. Университетъ цѣлый мѣсяцъ ими занимается, а 30 числа они оканчиваются публичнымъ торжествен-

нымъ актомъ, на которомъ даютъ награжденія учащимся. Испытанія въ низшихъ классахъ были для меня весьма счастливы: я получилъ награжденіе изъ Русскаго класса г. Чеботарева,— оно состояло въ книгѣ съ надписью золотыми буквами: *за прилежаніе.* Книга эта донынѣ у меня хранится, какъ памятникъ юношескихъ моихъ успѣховъ. Мнѣ даны были нѣкоторыя сочиненія Ломоносова in quarto. Дорогà не книга, но цѣль сего подарка. По экзаменамъ высшихъ классовъ я удостоенъ производства въ студенты; публично провозглашенъ имъ, при многочисленномъ собраніи зрителей, въ аудиторіи и изъ рукъ г. директора Приклонскаго получилъ шпагу, какъ отличительный знакъ студента, получающаго, по установленіямъ университета, вмѣстѣ съ академическимъ симъ названіемъ, право на офицерскій чинъ при выпускѣ. Кто бы на моемъ мѣстѣ не обрадовался такому быстрому полету?

Подъ конецъ года университетъ лишился одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ: г. Рейхель скончался. Онъ былъ мастеръ своего дѣла, и по-латинѣ говорилъ безъ запинки; сладкогласоливъ былъ въ классѣ и вниманіе наше безъ принужденія за нимъ слѣдовало. Со всею почестью, должной его заслугамъ, погребенъ сей ученый мужъ въ лютеранской киркѣ. Всѣ студенты сопровождали гробъ его и меня съ ними туда же возили. Всѣ о немъ единодушно жалѣли. Вотъ какъ въ наше время умѣли цѣнить достоинства, умѣли оказывать признательность добро-

дѣтельнымъ наставникамъ! Я не могу умолчать о семъ, дабы дѣти мои, которыя, можетъ быть, въ иныхъ временахъ застанутъ иные нравы, видѣли изъ моей исторіи, что благодарность составляла лучшую добродѣтель нашего вѣка, и въ воспитаніи юношества она ставилась существенною обязанностью Дай Богъ, чтобы это правило сохранилось; но сомнѣваюсь. — Мѣсто Рейхеля въ университетѣ заступилъ г. Чеботаревъ, который переведенъ изъ гимназіи, и началъ преподавать намъ Исторію уже не на латинскомъ, а на русскомъ языкѣ; что я нахожу весьма правильнымъ; ибо свой природный языкъ всегда знакомѣе чужого, слѣдовательно и наука вразумительнѣе. Скоро послѣдовали сему во всѣхъ классахъ и Русскій Языкъ сдѣлался наконецъ общимъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ,

Говоря о полезныхъ моихъ трудахъ, не скрою и шалостей. Кто безъ нихъ выросъ на свѣтѣ? Правда, я мало имѣлъ для нихъ досуга; празднаго времени оставалось у меня немного, потому что, кромѣ университетскихъ лекцій, я многимъ предметамъ обучался еще и дома, какъ на прим. Нѣмецкому Языку. Впрочемъ, мнѣ всегда было жаль батюшкиныхъ издержекъ на этотъ предметъ: нарѣчіе германское мнѣ вовсе не давалось, учился года два, и слова не затвердилъ. Славный Malecin училъ меня фехтовать и я принялся за ремесло рубаки прекрасно. Missoly и Grangé выправляли мнѣ ноги, — и я плясалъ изрядно. Старый артиллерійскій сержантъ занималъ меня

математическими упражненіями, но — грѣшный человѣкъ, — дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей! — въ манежѣ славный Деккеръ гонялъ меня на хордѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, въ угожденіе батюшкѣ, далъ мнѣ стремена и шпоры. — Всю школу выѣздилъ, а верхомъ сидѣть не выучился: что сяду на лошадь, то и долой на полъ, ногами вверхъ. Ходилъ даже ко мнѣ и солдатъ изъ-подъ Новинскаго пріучать меня къ барабанному бою. Я всѣ военные бои вытвердилъ и тревогу задавалъ въ лукошко, ходя по нашему палисаднику, мастерски. Одному рисованію и музыкѣ я не научился, потому что не имѣлъ терпѣнія обводить карандашемъ глаза и носы, также и пальцами не умѣлъ перебирать струнъ. Принимался за то и за другое: тщетно!— чего не дала природа, того не развернешь. Всякое существо имѣетъ свои способности; ихъ однихъ и воздѣлать могутъ труды и воспитаніе.

Казалось бы, что при такихъ неусыпныхъ трудахъ и безпрестанныхъ урокахъ нѣкогда проказъ творить; но ребенокъ на все найдетъ время. Я успѣвалъ между классами во время звонка, сойдя на дворъ будто бы для нужды, столкнуться съ разнощикомъ и нахватать въ-долгъ коврижекъ. У меня завелись потаенные пріятели: *Прошка* кондиторъ и В..... пряничникъ; и когда долги мои обнаруживались, батюшка ихъ оплачивалъ наличными деньгами, а меня сѣкали свѣжими прутьями. Но все это только шалости. Исповѣдую здѣсь откровенно проступки моей

юности, кои нынѣ, приходя мнѣ на память, обращаютъ все мое негодованіе на самого себя, потому что они были порочны,-и,-слава Богу! вѣчная благодарность родителю моему и наставнику Совере! — безъ ихъ строгаго надзора я могъ бы сдѣлаться самымъ развратнымъ человѣкомъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ назидать ребенка. Первыя движенія нашего сердца, первые наши помыслы требуютъ бдѣнія за нами неотступнаго. Вотъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ служить доказательствомъ сему замѣчанію.

Служба моего отца и мѣсто его въ Коллегіи Экономіи привлекали къ нему разныя лица и чины. Одинъ изъ знакомыхъ батюшки * * *, ѣздилъ къ намъ часто обѣдать и посидѣть. Изъ какихъ-то видовъ желая подслужиться батюшкѣ, онъ сталъ особенно ласкать насъ, дѣтей, въ надеждѣ уловить родителей моихъ слабостью чадолюбія. Меня выучилъ онъ играть въ карты и, не смѣя подвергнуться съ подарками, проигрывалъ мнѣ въ дураки и въ марьяжъ по 5 и по 10 рублей. Появились у меня деньжонки; я хвасталъ своимъ счастіемъ въ игрѣ и такъ мало видѣлъ въ ней худого, что даже однажды не потаилъ удачи моей надъ игрокомъ самому Совере. Тотъ смѣтилъ, въ чемъ дѣло, снесся съ отцемъ моимъ и совокупно стали дѣйствовать. Батюшка отказалъ своему знакомому отъ дома, а у меня Совере отобралъ все до копѣйки и строго наказалъ за мою шалость. На то время она была только ребячествомъ, но могла укорениться и сдѣлаться

страстью подлой, низкой. Подобныя покушенія тушить должно съ первой искры. А съ какимъ злодѣемъ можно сравнить человѣка въ лѣтахъ и съ чиномъ, который подобными путями запутываетъ въ свои сѣти и самую невинность? Какая чума для дѣтей люди такого рода!

Долги, въ которые вводили меня пряники и дѣтскія лакомства, хотя не могли быть огромны (всякому это понятно), однако все превышали тотъ рубль, который мнѣ иногда подарятъ, бывало, батюшка и матушка, какъ ребенку, или за хорошій урокъ, или за смирную вечеринку. Задолжавши больше, я боялся сказать и вывертывался обманами. Никогда, никогда не прощу себѣ, что я не стыдился прибавлять счетъ билетовъ часовыхъ учителей и, дѣлавши это въ такое время, когда Совере на нѣсколько мѣсяцовъ отлучался, употреблялъ во зло довѣренность отца моего, который, платя черезъ меня учителямъ деньги, всегда выдавалъ мнѣ по числу билетовъ лишнее противъ того, что̀ должно было, а я сими излишками оплачивалъ мои прихоти и всегда сводилъ прекрасно концы съ концами. Тѣмъ тягостнѣе для меня нынѣ воспоминаніе такой лжи и, скажу безъ прикрасъ, такого мошенничества, что никто о томъ не зналъ, никто меня не усчитывалъ и я за этотъ поступокъ остался не наказанъ. Чѣмъ полнѣе была ко мнѣ довѣренность моего отца, который лучше обо мнѣ думалъ, нежели сколько я сто̀илъ, тѣмъ чувствительнѣе я въ поступкѣ моемъ раскаявался, пришедши въ

возрастъ. И для чего все это дѣлалось? Для какихъ-нибудь бисквитовъ или вяземской коврижки, которыя, бывало, тороплюсь тихонько въ углу гдѣ-нибудь съѣсть, чтобъ не видали! — И самое лакомство теряло свою сладость въ волненіяхъ боязни. О, сколько нужно трудовъ около ребенка!

Какъ камень свалилъ съ души, сказавъ здѣсь о тайныхъ моихъ грѣхопаденіяхъ въ юности! Взявъ намѣреніе писать сію книгу для своего потомства, я тѣмъ откровеннѣе говорю о себѣ, что хочу привлечь къ словамъ моимъ полную вѣру дѣтей моихъ, ежели оными благословитъ меня Богъ; — хочу, чтобы они видѣли меня со всѣми моими недостатками и пороками, и учились бы моими опытами исправлять подобныя слабости въ себѣ. Можетъ быть, и они не избѣгнутъ въ теченіе своей молодости тѣхъ или другихъ проступковъ: желаю только того, чтобъ они въ нихъ раскаявались такъ же чистосердечно, какъ и я, и чтобъ всегда на памяти было у нихъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ, признаніе царя Давида, изрекшаго нѣкогда: «Господи, грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни!» —

1779.

По какимъ-то маловажнымъ несогласіямъ добрый Совере оставилъ домъ нашъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять переѣхалъ къ намъ. Тѣмъ временемъ, дабы я не терялъ порядка въ занятіяхъ своихъ, ходили ко мнѣ давать уроки въ свободные часы отъ университетскихъ клас-

правы господъ врачей. Тяжело было и мнѣ и родителямъ моимъ. Все около меня плакало. Смерть была, такъ сказать, у теня на носу; но что̀ мы знаемъ, бѣдные человѣки, объ участи нашей? Все отъ насъ сокрыто въ будущемъ. Какъ часто природа, по манію Вседержителя тварей, затягиваетъ въ жизни нашей такіе узлы, отъ которыхъ, кажется, въ минуту вся нить ея перервется, когда, напротивъ, клубокъ дней нашихъ еще великъ и весьма еще далеко до послѣдней — глухой петли. — Благодареніе Богу; спасибо Феттеру! — Я выздоровѣлъ, сталъ опять на ноги, началъ расти и сдѣлался парнемъ. Услышалъ Отецъ Небесный молитвы родителей моихъ и, къ великому дню праздника Христова, я уже могъ съ сестрами свободно катать яица.

Потомъ опять за ученье, опять въ университетъ. Весь Іюнь, по обыкновенію, прошелъ въ экзаменахъ. Къ торжественному акту заданъ былъ въ классѣ высшей словесности латинской и русской отъ г. профессора Барсова предметъ для диссертаціи *laus Ciceronis* Всѣ студенты того класса, въ томъ числѣ и я, обязаны были представить на латинскомъ языкѣ похвальное слово сему великому римскому оратору. Въ университетѣ былъ такой законъ: когда ученики нижнихъ классовъ получали въ награду за прилежаніе книги, рисунки и прочія вещи, тогда студенты высшихъ наукъ награждались за превосходную диссертацію золотой, а за лучшія изъ прочихъ серебряною медалью. Первая готовилась только

одна, а послѣднихъ чеканили три съ особенными на нихъ учеными изображеніями, приличными случаю. Принялся и я за диссертацію и написалъ ее всю самъ. Но надобно было ее отработать и дать ей печать посильной изящности. Въ этомъ обязанъ я былъ попеченію сотоварища моего въ классахъ и учителя въ домѣ, помянутаго Курики. Онъ со мною вмѣстѣ прочелъ ее всю и погрѣшности исправилъ, недостатки пополнилъ, слабыя мѣста усилилъ. Диссертація вышла добра и я за нее получилъ серебряную медаль, которую долго хранилъ, но потомъ потерялъ, какъ-будто бы въ обличеніе, что не единственно самому себѣ былъ ею обязанъ.

При большомъ съѣздѣ въ публичной аудиторіи самъ г. кураторъ вручилъ мнѣ медаль; и потомъ я въ благодарность взмостился опять на каѳедру и произнесъ французскіе стихи подъ названіемъ: le triomphe d'Apollon, которые на сей случай нарочно сочинилъ для меня добрый мой Совере. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣломъ расла и слава моя въ ученомъ вертоградѣ.

Осенью того же года удостоенъ я новой чести въ ученомъ свѣтѣ: принятъ въ *авскультанты* въ Вольное Россійское Собраніе при университетѣ, учрежденное съ цѣлію способствовать усовершенію отечественной словесности. Авскультантъ есть званіе академическое. По-русски можно объяснить его словомъ: протоколистъ; потому что должность моя была, засѣдая въ означенномъ собраніи за секретарскимъ сто-

ломъ, записывать голоса членовъ и пренія ихъ въ особый журналъ. Въ этомъ собраніи присутствовали первостатейные профессоры и другія ученыя московскія знаменитости. Оно составлялось по вечерамъ каждую субботу. Въ мое время происходилъ славный и громкій споръ, о которомъ твердятъ многіе и доныне, чтобы литеру *ъ*, яко букву, неимѣющую своего отдѣльнаго звука, и тѣмъ самымъ ненужную въ письменахъ россійскихъ, исключить изъ азбуки, подобно тому, какъ перестали употреблять *кси, пси*, и проч. Преніе сіе произвело множество насмѣшекъ, а пользы никакой.

Зимою матушка опять занемогла горячкой и новый докторъ г. *Пегелау*, принявъ ее на свои руки, очень ей помогъ. Болѣзнь ея, по стеченію разнородныхъ причинъ, была тяжела и продолжительна и, хотя она освободилась теперь отъ горячки, такъ же какъ и отъ прежней, но большую часть жизни своей, томясь въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, она стала наконецъ самою хворою женщиной.

1780.

По пословицѣ русской: чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, живетъ и человѣкъ. Чѣмъ больше лѣтъ, тѣмъ больше опытовъ и случаевъ, къ нимъ ведущихъ.

Меня дома занималъ Совере переводомъ прекрасной книги г. Mercier: les songes philosophiques; но книга, ежели смѣю сказать, не соотвѣтство-

вала моему возрасту. Я не могъ понять ее совершенно; слѣдовательно переводъ мой вышелъ болѣе наборъ словъ, нежели смысленное сочиненіе. Домашніе мои учители, подъ руководствомъ коихъ я трудился, сколько ни старались исправить мой переводъ, но желаніе сохранить въ немъ нѣкорыя черты моей собственной работы сдѣлало то, что переводъ мой остался все не хорошъ, и только тогдашнія мои лѣта могли извинить его недостатки. Книга въ томъ же году напечатана. Переводчикъ ея наименованъ *авскультантомъ*. Вотъ первый шагъ къ знакомству моему съ ученой публикой. Я посвятилъ свой трудъ Ивану Ивановичу Шувалову, какъ жертву благодарности за покровительство его и попеченіе о моемъ образованіи. Почтенный вельможа удостоилъ меня привѣтливымъ письмомъ, котораго приложу я здѣсь копію. Это письмо составляло для меня важный трофей: оно обратило на меня вниманіе моихъ сверстниковъ.

Домъ нашъ въ это время вовлеченъ былъ въ необыкновенную разсѣянность. Слѣдующее обстоятельство подало тому поводъ: Императоръ римскій Іосифъ XI, подъ именемъ графа Фалькенштейна, путешествуя по Европѣ, былъ въ Петербургѣ и посѣтилъ Москву. Онъ изъявилъ особенное любопытство видѣть университетъ. Къ посѣщенію сему огромныя были сдѣланы приготовленія. Мы должны были въ присутствіи высокаго посѣтителя слушать наши лекціи и, такъ сказать, выдержать экстраординарный экзаменъ

въ разныхъ предметахъ. Занимательнѣе всѣхъ прочихъ классовъ былъ для путешественника — физическій. Профессоръ Ростъ приготовилъ нѣсколько опытовъ, въ числѣ коихъ назначено было и мнѣ по части воздуха показать и изъяснить одинъ. Мой опытъ состоялъ въ томъ, чтобы силою воздуха наружнаго разбить въ мелкія части гладкую поверхность стекла на металлическомъ стаканѣ, когда изъ-подъ колокола вытянется воздушнымъ насосомъ весь внутренній воздухъ. Насосъ сей называется на ученомъ языкѣ *antlia pneumatica.* Даны мнѣ нужныя орудія. Зала была наполнена множествомъ зрителей. Мой взоръ устремлялся на одно лице императора. Онъ со вниманіемъ смотрѣлъ на дѣйствіе, мною произведенное. Опытъ удался совершенно: стекло треснуло, и путешественникъ, подозвавъ меня къ себѣ, потребовалъ изъясненія причинъ, отъ чего сіе такъ случилось. Я удовлетворилъ его вопросу на латинскомъ языкѣ. Ему угодно было спросить, кто я таковъ, и потомъ онъ, съ благосклонною улыбкой изволилъ меня отпустить. Въ прочихъ классахъ уже дѣло до меня не доходило. Мнимый графъ выѣхалъ изъ университета совершенно имъ довольный и, какъ мнѣ казалось, замѣтилъ мое лице. Въ публичныхъ мѣстахъ, и куда начинали уже вывозить и меньшихъ моихъ сестеръ, императоръ любовался невинностью княжны Анны, ея танцами и часто съ нею говаривалъ, лаская ее, какъ ребенка. Подобные успѣхи въ большомъ свѣтѣ имѣла и другая сестра

моя, княжна Прасковья, какъ въ Петербургѣ во время нашей поѣздки туда, такъ и въ Москвѣ на праздникахъ графа Шереметева, которые давались для прусскаго принца Генриха. И такъ со стороны дѣтей своихъ родители мои были всегда судьбою довольны, а удовольствіе ихъ, отражаясь на насъ, дѣлало и насъ счастливыми и дома, и внѣ нашего семейства.

Отецъ мой видя, что мнѣ уже исполняется 18 лѣтъ, почувствовалъ необходимость записать меня въ службу. Всѣ молодые люди моего состоянія обыкновенно въ малолѣтствѣ записывались въ гвардію и дожидались офицерскихъ чиновъ по домамъ. Средство, общее съ ними, для меня уже было опущено. Тогда, какъ многіе въ мои годы дѣлались офицерами, непріятно было бы батюшкѣ заставить меня служить въ низшемъ чинѣ и нѣсколько лѣтъ ждать одинакихъ преимуществъ съ людьми, мнѣ по всѣмъ отношеніямъ равными. Остался одинъ способъ быть тотчасъ офицеромъ, хотя и не въ гвардіи; — и симъ способомъ обязанъ я университету. При учрежденіи его во времена Императрицы Елисаветы, Шуваловъ, сильный того вѣка вельможа, установилъ съ высочайшей конфирмаціи, чтобы всякій студентъ, изучившій латинскій языкъ, выпускаемъ былъ, по окончаніи наукъ изъ университета, оберъ-офицеромъ, и на основаніи сего узаконенія, я выпущенъ 3 Іюля въ прапорщики. Военная Коллегія выдала мнѣ патентъ и записала меня въ списокъ перваго Московскаго Пѣхотна-

го полка. Итакъ я, вопреки общему обычаю того времени, вступилъ въ службу полевымъ офицеромъ и сталъ между своей братьей, дворянами, нѣчто необыкновенное; потому что, какъ выше сказано, всѣ почти безъ изъятія благородные люди и съ малымъ достаткомъ наполняли гвардейскіе полки. Во всякомъ изъ нихъ считалось по нѣскольку сотенъ унтеръ-офицеровъ, а въ Преображенскомъ даже за нѣсколько тысячъ. Изъ этой толпы юношей, богатые и отличенные породой поступали въ офицеры, а прочіе выходили въ армейскіе полки уже капитанами, или, по крайней мѣрѣ, поручиками. Мнѣ одному суждено было показаться въ свѣтъ прапорщикомъ армейскимъ. Третье число Іюля сугубо сдѣлалось для меня замѣчательнымъ на всю мою жизнь. Въ этотъ день скончалась бабка моя схимонахиня Нектарія, — и въ тотъ же самый день, нѣсколькими годами позже, я вступилъ на службу царю и отечеству!

Здѣсь оканчивается эпоха моего юношества, и, по прямому моему плану, первая часть моей исторіи. О службѣ моей стану говорить въ слѣдующей. Теперь же еще изложу нѣкоторыя подробности о протекшихъ годахъ домашняго моего воспитанія. Не смотря на то, что я уже выпущенъ былъ изъ университета и пересталъ въ немъ слушать лекціи, добрый Совере оставался еще при мнѣ, и я много упражнялся дома съ нимъ и сторонними учителями, обучаясь нѣмецкому языку и Математикѣ, ѣздилъ въ манежъ,

фехтовалъ, танцовалъ и продолжалъ бить въ барабанъ. Батюшка перестал обращаться ко мнѣ съ одними угрозами и управлять мною орудіями страха: онъ допускалъ уже меня до разсудительной бесѣды съ собою, давалъ мнѣ наставленія и укорялъ съ любовію, безъ вспыльчивости гнѣвной. Матушка жаловала меня съ нѣжностью, но безъ поблажекъ. Мамы не прикармливали пряниками тихонько, а дядьки не драли за уши за все-про-все. Совере увѣщевалъ меня, но уже не стращалъ: все перемѣнилось во мнѣ и вкругъ меня!

Странное нѣчто о физикѣ моей передамъ здѣсь моему потомству. Я боялся посреди большой комнаты пройти одинъ, и приходилъ въ робость отъ всякаго насѣкомаго; я блѣднѣлъ и пугался ночныхъ тѣней въ саду, а паче на кладбищахъ. Станется, что мамы съ ребячества моего пугали меня привидѣніями, лѣшими, ворожеями, какъ то часто водится; но, кажется, должно въ подобныхъ случаяхъ при воспитаніи младенца отдѣлять тѣ страхи, кои вселяютъ въ насъ дурной навыкъ отъ естественныхъ отвращеній, кои всякому тѣлу сродны и сопутствуютъ ему до гроба. Эту истину дознаъ я на себѣ опытомъ. Батюшка хотѣлъ, чтобы я ничего не боялся, и строгія предпринималъ средства; не знаю, удалось ли бы ему исподоволь и съ мягкостью истребить во мнѣ пустые мои страхи: думаю однако, что нѣтъ,— полагая съ своей стороны, что физическое отвращеніе отъ чего-либо, которое мы, по привычкѣ, страхомъ называемъ, не можетъ быть ни чѣмъ

искоренно: по крайней мѣрѣ рѣшительно могу сказать то, что строгость не помогла моему отцу, ибо я до сихъ поръ, будучи уже женатъ и отецъ, все-таки боюсь большого пространства и широкимъ полемъ или залою одинъ никакъ не пройду. Врачи, съ коими я о семъ толковалъ, увѣряли меня, и я на ихъ мнѣнія соглашаюсь, что это происходитъ отъ особеннаго устройства моего зрѣнія. Иные боятся сверху смотрѣть внизъ: — мнѣ нѣтъ нужды; я съ Ивана Великаго глядѣлъ и не робѣлъ; напротивъ же посреди поля, или залы, у меня задрожатъ колѣна и я — ни съ мѣста. Мой взоръ ищетъ около себя границъ: безпредѣльность его смущаетъ. Сколько однако, и все напрасно, наказывали меня за это, приписывая шалости натуральный недостатокъ въ организаціи! Помню я: однажды батюшка приказалъ мнѣ взять жука въ руки, я не послушался отъ страха; батюшка принудилъ,—я взялъ, но затрясся и поблѣднѣлъ. И теперь не могу я видѣть этого насѣкомаго; не боюсь, но чувствую отвращеніе, и непремѣнно измѣнюсь въ лицѣ, когда жукъ попадется мнѣ на глаза. Мало ли людей, которые боятся даже неодушевленныхъ вещей? Подобныхъ примѣровъ множество. Батюшка, живя въ Волынскомъ, посылалъ меня часто одного послѣ ужина, при сіяніи полнаго мѣсяца, на ближнее кладбище, и самъ, стоя на крыльцѣ, смотрѣлъ въ слѣдъ за мною. Никогда не возвращался я оттуда домой безъ трепета и нервической судороги. Я не боюсь мертвецовъ, но, воз-

вращаясь съ похоронъ, бываю и нынѣ смущенъ и задумчивъ, теряю сонъ и все мое воображеніе разстроивается. Довольно сихъ примѣровъ, чтобъ показать, какъ нужно худой навыкъ отличать отъ естественнаго недостатка.

Прощай юность драгоцѣнная! ты летишь отъ меня какъ сонъ, и одна память представляетъ еще тебя моему воображенію. Скоро и та износится, — изгладятся въ ней черты твои! — Буду еще говорить, что и я былъ ребенокъ, но уже не вспомню, не наслаждусь твоимъ ощущеніемъ, твоими забавами!

Вѣчная благодарность вамъ, наставники мои и учители! Хвала достопочтенному ментору Совере! Хвала и признательность университетскимъ властямъ за ихъ попеченіе! — До гробовой доски сохраню память о вашихъ трудахъ и благоволеніи ко мнѣ. До послѣдняго издыханія стану благоговѣть предъ ликомъ добродѣтельныхъ мужей: Шувалова, Мелиссино и Хераскова, кои съ участіемъ сердечнымъ покровительствовали мнѣ въ храмѣ Аполлона и не пренебрегали моими малыми способностями! Да усовершитъ же Богъ толь благія начинанія и да ниспошлетъ родителямъ моимъ отраду увидѣть во мнѣ нѣкогда достойную отрасль своего знаменитаго корня. Забывая чистосердечно всѣ преграды, встрѣчавшіяся отцу моему въ его намѣреніяхъ о мнѣ, и покоряясь Промыслу, все устрояющему во благое, стократно возопію:

Благословенъ Богъ, благословивый тако: Слава Тебѣ!

Къ сему отдѣленію принадлежатъ два письма, кои особенную принесли честь моему дѣтскому возрасту; объ одномъ я уже упомянулъ: оно отъ Шувалова; другое получено мною при подаркѣ отъ преосвященнаго Самуила, который былъ очень друженъ съ отцемъ моимъ. — Вотъ съ нихъ обоихъ точныя копіи! Первое писано по-русски, послѣднее по-латинѣ. Я ихъ храню, какъ памятникъ не столько слабыхъ моихъ успѣховъ, сколько благосклоннаго вниманія ко мнѣ мужей, прославившихъ вѣкъ свой своими душевными достоинствами.

ПИСЬМО ШУВАЛОВА.

Государь мой!

Съ великимъ удовольствіемъ получилъ переводъ вашъ, мнѣ приписанный, за который приношу вамъ, государь мой, мое благодареніе. Желательно, чтобы благородные люди слѣдовали похвальному вашему примѣру въ ученіи. Ничто не можетъ быть полезнѣе отечеству, какъ знаніе въ людяхъ вашего рожденія, безъ которыхъ чины, знатность и всѣ наружныя преимущества тщетны. Вы, государь мой, именемъ и успѣхами дѣлаете честь нашему училищу.

Примите повтореніе въ моей признательности и почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть покорный и послушный слуга

Ив. Шуваловъ.

ПИСЬМО ОТЪ САМУИЛА.

Domine princeps Iohannes Michaëlicles!

Librum *), olim a me tibi promissum, tandem nunc mitto tuis usibus. Lege, relege, imo omnia quae in eo tuis commodis inservitura advertes, in succum et sanguinem, ut ajunt latini, converte.

Adjungo hic etiam dissertationem, latinam a Principe Paulo de Daschroff concinnatam, Edimburgi typis evulgatam, nuper ad me e Scotbandia transmissam. Evolve illam diligenter. Ejus stylus magnopere mihi arrisit. Ex animo vellem, ut ei palmam praeriperes. Cetera vale cum tuis carissimis parentibus omnibusque tibi sanguine junctis.

Ita vult et precatur tibi ex animo faventissimus Samuël Archiepiscopus Rostoviensis et Jaroslaviensis.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

---

*) Лучшій латинскій лексиконъ in guarto.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ДОЛГОРУКАГО.

ТОМЪ II.

СУМЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ФМОИ СУББОТЫ.

СМѢСЬ.

стр.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

ПѢСНИ НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

ГУДОКЪ ИВАНА ГОРЮНА.